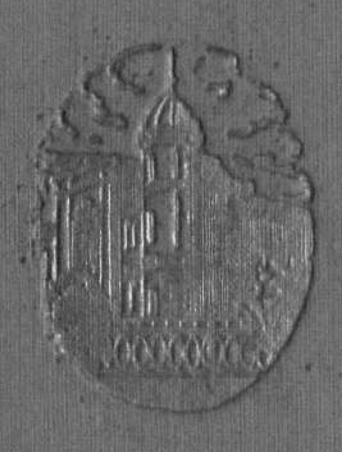
УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМЕНИ И. А. ГОНЧАРОВА

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК II

УЛЬЯНОВСК
[illegible]

91(06)
К78

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМЕНИ И. А. ГОНЧАРОВА

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК II

110595

Ульяновская областная
научная библиотека
им. В.И. Ленина

УЛЬЯНОВСК — 1958

Редколлегия:
М. Х. Валкин (редактор)
П. С. Бейсов
Н. Н. Смирнов
К. А. Кабанов

РАЗДЕЛ I

ИЗ ИСТОРИИ КРАЯ

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

(Документы)

Настоящая подборка документов отражает отдельные моменты из истории борьбы за установление и упрочение Советской власти в бывшей Симбирской губернии и является дополнением к изданному Партийным и Государственным архивами Ульяновской области сборнику документов*.

В публикацию вошли документы, не публиковавшиеся ранее или публиковавшиеся в газетах и журналах, ставших ныне библиографической редкостью.

Среди них имеются документы большевистской организации, местных советских органов, решения рабочих и документы, исходящие из вражеского лагеря. В последних, вполне естественно, революционные действия масс квалифицируются как «анархия», «нарушение порядка», «прискорбные события». Однако даже эти документы скажут читателю о недовольстве солдат войной, нежелании их подчиняться властям чуждого народу Временного правительства, о поддержке массами большевиков (№№ 1—2), о действиях крестьян, не желающих ждать разрешения земельного вопроса Учредительным собранием и самостоятельно решающих вопрос о помещичьей собственности (№ 7).

Документ № 10 показывает попытку буржуазных органов местной власти оклеветать большевиков, ввести в заблуждение массы призывая не верить «слухам» о свержении Временного правительства.

Группа писем партийных работников Симбирской большевистской организации раскрывает борьбу большевиков с меньшевиками, свидетельствует о создании самостоятельной большевистской организации, которая, только что оформившись, выступает на выборах в Учредительное собрание со своим списком кандидатов и занимает второе место, после эсеров по числу собранных голосов (№№ 3, 4, 5, 6, 8).

О сложности политической обстановки в г. Симбирске в октябре 1917 года говорит документ № 9. Силы реакции при поддержке соглашательских партий провоцируют погромы, пытаясь взвалить вину за погромы на большевиков и ликвидировать Советы. Считая, что для взятия власти момент еще не наступил, большевики поддерживают созданный в связи с погромами коалиционный Временный военно-революционный комитет, доказывая этим, что они противники стихийных, неорганизованных выступлений, сторонники революционного порядка.

* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.), Ульяновск, 1957.

Три небольшие телеграммы фиксируют ход установления Советской власти в Симбирске (№№ 12, 13, 14).

Забота Советской власти о нуждах трудящихся иллюстрируется документом № 15.

Решения рабочих свидетельствуют, что они стоят только за Советскую власть, за власть рабочих и крестьян, и сознают, что строительство социализма есть дело самих рабочих (№№ 11, 19).

Протоколы Симбирской большевистской организации, как части правящей в стране партии, показывают заботу организации о создании вооруженных сил Советского государства, о путях приступа к социалистическому строительству (№№ 17—18).

В публикации использованы документы Центрального партийного архива института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в легендах сокращенно обозначены Архив ИМЛ), Центрального Государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), партийного архива Ульяновского обкома КПСС (партархив УО) и печатные источники (даны полные названия).

Приемы археографической обработки определяются общими правилами публикации исторических документов. Слова, взятые в квадратные скобки, внесены составителем. Все отступления от текста документа, кроме исправления явно грамматических ошибок и дописок неполностью написанных слов, оговорены. Документы датированы до 1 февраля 1918 года старым стилем, после 1 февраля 1918 г. — новым стилем.

Публикация подготовлена **Г. А. Сазонтовым.**

№ 1

Из телеграммы* начальника Штаба Казанского военного округа военному министру о состоянии округа, о необходимости удаления прапорщика Вишнякова[1] из Карсуна.**

1 августа 1917 г.

Только для Петрограда. 3 адреса. Военная.

Состояние округа на 30 июля.

...[В] Карсуне Симбирской губернии в 158-й полк возвратился из Казани бывший председатель Карсунского Совдепа и освобожденный из-под ареста распоряжением Казанского Совдепа прапорщик Вишняков. С прибытием Вишнякова [в] Карсун налаженный порядок сразу нарушился. Вишняков незаконно вступил [в] исполнение обязанностей председателя Карсунского Совдепа, вносит полную дезорганизацию [в] жизнь полка, предназначенного [к] отправлению [на] фронт. Приказам [по] округу не подчиняется, третирует командира полка, самовольно без согласия командира полка и начальника гарнизона решил освободить от отправления [на] фронт три роты нестроевых, из коих формирует легион свободы. Симбирский губернский комиссар, основываясь на ходатайстве уездного комиссара[2], начальника милиции и начальника гарнизона, просит командвойсками немедленно отозвать Вишнякова, так как дальнейшее пребывание его [в] Карсуне грозит тяжелыми последствиями. Командующим войсками приказано Вишнякову немед-

* Опущена характеристика состояния гарнизонов Царицына, Бузулука, Уральска, Николаевской слободы и Челябинска.

** Телеграмма адресована также начальнику кабинета Военного министра и начальникам штабов в Киеве, Москве, Смоленске.

ленно прибыть [в] Казань. [В] случае неповиновения Вишняков будет доставлен [в] Казань арестованным под конвоем для предания суду.

Начальнику 44-й запасной бригады предложено немедленно выехать [в] Карсун и лично выяснить все обстоятельства и принять меры к полному восстановлению порядка.

[О] результатах будет донесено.

Начштаба полковник Караулов.

ЦГВИА, ф. 366/с, оп. 1, д. 237, лл. 137—140. Телеграфная лента.

№ 2

Телеграмма Симбирского губернского комиссара Временного правительства Государственному управлению по делам милиции* о революционных событиях в г. Карсуне

21 августа 1917 г.

31 июля я телеграфировал командующему войсками Казанского округа [о] необходимости немедленно арестовать прапорщика, расположенного [в] г. Карсуне полка, Вишнякова, вносящего анархию в жизнь полка и города, слагая [в] противном случае [с] себя ответственность за последствия оставления Вишнякова [в] Карсуне. Вишняков арестован не был. Требование командира бригады явиться по приказанию командующего войсками [в] Казань [в] штаб округа не исполнил, продолжая возбуждать население против уездного комиссара и милиции. 17 августа под давлением Вишнякова солдаты разоружили милицию, арестовали начальника милиции и участковых начальников. Город всецело в руках Вишнякова. Телеграфно я обратился [к] военному министру [с] просьбой [о] принятии срочных мер [к] аресту Вишнякова. Арестованные чины милиции освобождены.

Проведение хлебной монополии встречает неудовольствие населения. Требование продовольственных органов не исполняется. Были случаи насилия над председателем райпродкома, дело передано прокурору. На обсуждение Исполнительного комитета[3] поставлен вопрос о содействии продовольственным органам воинской силой.

Иных выдающихся событий [за] истекшую неделю [в] губернии не было.

Губернский комиссар Головинский.

ЦГВИА, ф. 366 с, оп. 1, д. 237, лл. 236—237. Телеграфный бланк.

№ 3

Письмо М. Д. Крымова[4] секретарю ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасовой[5] об образовании Симбирского комитета большевиков

17 сентября 1917 г.

Многоуважаемая Елена Дмитриевна!

Прошу сообщить ЦК следующее: По приезде моем в Симбирск я вошел в союз металлистов, который вскоре провел меня в Совет рабочих и солдатских депутатов. Здесь секция рабочих представляла из себя форменное болото, которое плелось за плехановцами, последних в Совете большинство. Благодаря такому положению мною были на-

* Телеграмма адресована также министру-председателю и министру юстиции.

правлены все стремления на места, где я делал целый ряд докладов, пользовался исключительным вниманием со стороны рабочих.

В Симбирске есть объединенный комитет РСДРП[6], но нет партии в действительности. Я вступил в эту партию и мне удалось увести почти всех рабочих во главе с Федоровым. Теперь эта группа официально вышла из объединенки. Я же сорганизовал Симбирский комитет РСДРП, в который вошли все рабочие: Гимов[7], Никитин[8], Преснов[9], Сухов[10], Кудряшев[11] и я.

Запись в члены партии идет довольно бойко. На местах сочувственно встретили рабочие весть о создании партии большевиков. Нужно признать, что, несмотря на ту травлю большевизма со стороны так называемых объединенных социал-демократов, популярность нашей партии огромна.

Объединенцы не только не обслуживали рабочих докладами и лекциями, но не было принято мер к удовлетворению рабочих и литературой и социалистическими газетами. Здесь, в Симбирске, среди рабочих самая распространенная газета «Русское слово»[12].

В Совете я образовал фракцию большевиков, но секция рабочих очень слаба. Есть более сильный элемент на местах. И как удастся утвердить на местах партийную работу, то сразу будут приняты меры к переизбранию рабочей секции.

В данный момент необходимо снабжать рабочих усиленнейшим образом нашей литературой и газетой. Но средств пока нет (за исключением вступительных взносов). И я хотел бы просить Вас выслать незамедлительно литературы и несколько номеров нашего Центрального органа «Рабочий путь»[13] для широкого распространения среди рабочих. Жажда среди рабочих в особенности в нашей газете большая. Газеты высылать ежедневно, пока можно номеров 10—15. За литературу и газеты деньги вышлю, как только соберу на это необходимую сумму.

Жизнь здесь еще дороже, чем в Питере. Рабочие в большинстве крайне нуждаются. Заработки 5 рублей максимум. Лично я думаю уехать (через месяц) из Симбирска, так как, получая в заводе 5 руб., я не могу на них дальше существовать. Привез с собой 400 рублей и их уже все израсходовал. Поэтому как только сорганизую партийный комитет при количестве 500 членов, то немедленно уеду.

Прошу совета: как быть с кандидатскими списками нашей партии в Учредительное собрание[14] по Симбирской губернии. Свой выставлять список или же это дело ЦК? Думаю, что более стотысячное фабрично-заводское рабочее население Симбирского района будет голосовать за наш список.

Кроме того, важно было бы посылать делегатов нашей партии по деревням, где наша тактика, несомненно будет пользоваться популярным сочувствием, что очень выгодно во время голосования в Учредительное собрание.

Литературу и газеты высылать можно по следующему адресу: Симбирск, Дом свободы, Михаилу Дмитриевичу Крымову.

С товарищеским приветом М. Крымов.

17 сентября 1917 г.

P. S. Заказал печать нашей партии, но говорят, что не дадут без удостоверения на то ЦК. **М. К.**

В конце письма резолюция Я. М. Свердлова: «Выслать удостоверение и литературу, высылать 20 экз. «Рабочего пути». Написать о гу-

бернской конференции, о составлении списков и их присылке на просмотр в ЦК» и пометка Е. Д. Стасовой: «Симбирск, Исполнено».

Архив ИМЛ, ф. 17. оп. 1, д. 308, л. 3. Подлинник.

№ 4

Письмо М. Д. Крымова секретарю ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасовой по вопросам выборов в Учредительное собрание, об итогах выборов в местное самоуправление и внутрипартийным делам

19 сентября 1917 года

Дорогая Елена Дмитриевна!

Сегодня, 19 сентября, Федоров передал мне письмо ЦК*, присланное ему с вопросами по выборам в Учредительное собрание. Должен уведомить Вас, что сообщение мое в письме от 17 сентября о выходе Федорова из объединенного комитета несколько неверно, так как Федоров заявил о своем выходе на заседании комитета, а на собрании членов партии мне заявил, что он пока «раздумал уходить из объединенной организации». Поэтому Федоров, оставаясь в объединенке, тем самым дал понять, что в большевистской организации работать не будет, предпочитая отстаивать линию поведения меньшевизма.

По вопросам письма ЦК могу сообщить дополнительно следующее:

О выставлении кандидата в Учредительное собрание (нашей) мною только что организуемой партии в Симбирске я пока думать не могу. Но со своей стороны ЦК, думается, может назначить сам такого кандидата. Лично я не могу Вам доставить кандидатов более или менее известных по Симбирской губернии. Но во всяком случае, если бы ЦК все ж таки пожелал иметь кандидатов из Симбирской партии, то таковыми могут быть следующие рабочие-большевики: Гимов Михаил Андреевич, Никитин Александр Васильевич, Преснов Андрей Махайлович** рабочие косвенным образом работали во времена царизма в пользу нашей партии.

По Симбирскому округу должно быть 8 кандидатов. От Симбирских рабочих заводов и фабрик и крестьянского населения даже этой местности, думаю, можно провести одного депутата в Учредительное собрание. (Но нам нужно будет войти в контакт с Сызранским комитетом[15] нашей партии по данному вопросу, и я сегодня же отправляю туда письма).

По вопросу о том, сколько голосов получила наша партия в земские и городские самоуправления, то таковых сведений я пока, к сожалению, не имею. Но в Симбирскую городскую думу «объединенный» список социал-демократов получил 13 мест (3 большевика рабочих), эсеры и народные социалисты (блок) 33 места, кадеты 10 мест и 4 человека от обывателей, всего 60 человек.

По вопросу об избирательном фонде мною будут приняты безотлагательные меры к усиленным сборам (но рассчитывать на большие суммы не приходится, ввиду того, что рабочие заводов и фабрик Сим-

---

* Письма не обнаружено.

** Против фамилий поперек строк приписано: «1) по 34 лет, слесаря, 2) членами партии не были, 3) преследованию не подвергались». Данные не точны. Имена и отчества Никитина и Преснова перепутаны. См. прим. 6, 7 и 8, а также док. 5.

бирска и его районов только что начинают разбираться и уяснять полезность тактики большевиков) и 40 процентов отчисления заблаговременно мною будут посланы ЦК. 10 процентов суммы отчисления также будут высланы.

В посланном Вам письме я просил, между прочим, найти возможность выслать (на комиссию) литературы издательства «Прибой»[16] и газеты Центрального органа для распродажи. Я не указал там количества номеров этой газеты; таковых можно пока высылать ежедневно 15 номеров.

Затем, если возможно, поспешить выслать удостоверение на право получения печати и штемпелей, которые мною заказаны и которые не хотят выдать без удостоверения ЦК (хотя все это носит характер застопорить работу нашей партии).

Объединенцы, среди коих осталось $1^1/_2$—2 десятка милых, добрых приятелей интеллигентов мартовских и плехановских эсдеков, начинают вводить травлю на «большевизм», сея ее среди рабочих. Хотя надо отдать справедливость последним, они разбираясь в этом, подвергают насмешкам бывших своих «руководителей».

С товарищеским приветом *М. Крымов*.

Адресуйте так: Симбирск, Дом свободы, ком. 23, Михаилу Дмитриевичу Крымову.

Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 308, л. 2. Подлинник.

№ 5

Предварительный список кандидатов в Учредительное собрание по Симбирскому избирательному округу от большевиков

Конец сентября 1917 г.*

КАНДИДАТЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПО СИМБИРСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ

От Симбирского комитета

1. Крымов Михаил Дмитриевич, 35 лет, слесарь чугунолитейного завода, Симбирского военно-промышленного комитета. С 1904 г. состоял в партии. В 1906 г. был осужден Симбирским окружным судом по 103 ст. В 1913 г. был арестован и выслан с пунктами.

2. Гимов Михаил Андреевич**, 32 лет, слесарь Симбирского патронного завода.

3. Никитин Андриан Яковлевич, 34 лет, слесарь Симбирского автомобильного завода.

От Сызранского комитета

1. Емельянов Иван Петрович.
2. Горновитов.
3. Маньков.

На списке имеются пометы, сделанные в ЦК. На 1-й странице: «Надеются на 3 района по губернии. Крымов. В городскую думу из 60 прошло 13 объединенных социал-демократов, Е. Д. Ничего не делается по выборам».

---

* Список не датирован, составлен М. Д. Крымовым для ЦК РСДРП.

** В подлиннике ошибочно «Андриянович».

На обороте:
«Утвержденный список по Симбирскому избирательному округу[17].

1. Покровский М. Н.
2. Глебов.
3. Свердлов.
4. Крымов.
5. Емельянов.
6. Гимов.
7. Горновитов.
8. Никитин.
9. Маньков».

Против фамилий Глебова и Свердлова «подписка отослана. Симбирск, лично Крымову». «Дослать подписку Покровского».

Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 308, л. 15. Подлинник.

№ 6

Письмо Сызранского комитета РСДРП(б) в ЦК о кандидатах в Учредительное собрание от большевиков

Конец сентября 1917 г.*

Уважаемые товарищи!

Посылаем Вам список кандидатов в Учредительное собрание от Сызранского уезда и от г. Сызрани с характеристикой их в дополнение списка от Симбирской губернии, представленного тов. Крымовым, остальные места просим дополнить Центральным Комитетом.

Горновитов Иван Ефимович, имеет 41 год, род занятий — столяр, членом партии состоит с 1902 г., был в ссылке, сидел в крепости за принадлежность к РСДРП.

Емельянов Иван Петрович, 30 лет, слесарь, состоит в партии с 1913 г., сидел в тюрьме г. Петрограда за принадлежность к военной организации Петербургского комитета.

Красильников Иван Степанович, 34 года, студент, состоит [в партии] с 1904 г., сидел в тюрьме, был в ссылке в Вологодской губ. за принадлежность к РСДРП. Все вышеозначенные кандидаты жители Симбирской губернии.

Секретарь А. Новикова.

Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 309, л. 10. Подлинник.

№ 7

Прошение помещика Сызранского уезда Ржевского губернскому комиссару об отмене постановлений Больше-Сайманского** волостного и земельного комитетов***, ограничивающих права собственности

5 октября 1917 г.

Я получил из различных местных комитетов разные постановления, которые считаю не только незаконными, но и нецелесообразными, а именно:

---

* Письмо не датировано.

** Больше-Сайманскую волость составляли селения ныне Татарско-Сайманского сельсовета, Николаевского района.

*** См. прим. 3.

1) Зимой в моем сосновом лесу было много поломано снегом дерев и макушек, и весной я весь этот снеголом срубил и оскоблил, на что израсходовано до 500 руб., и хотел вывезти часть этого леса на мой лесопильный завод, часть для ремонта построек, но вывозка леса мне была запрещена. Я обратился с просьбой о разрешении вывозки в бывший Сызранский лесной комитет и только 27 сентября, наконец, получил из Сайманского волостного комитета копию постановления от 21 сентября за № 52, что означенный срубленный лес я должен купить у себя по удельной таксе, внеся деньги в распоряжение Сызранского уездного земельного комитета, а председатель Волостного комитета Кошечкин заявил мне на словах, что я могу взять этот бурелом в свою пользу, внеся по соглашению в комитет тысячу рублей.

2) В прошлом году 28 сентября я продал в правление Сызрано-Вяземской железной дороги 500 кубов дров и в настоящее время мне не хватает для исполнения сей поставки до 60 кубов и хотел их дорубить в собственной дровяной даче, но также получил на это запрещение, и на мои просьбы о разрешении вырубки этих дров в том постановлении Волостного комитета мне разрешается рубить недостающее количество дров при условии уплаты в комитет по 6 руб. 61 коп. за куб.

3) Для отопления своего дома и квартир служащих я заготовил для зимы 85 кубов дров в собственном лесу и хотел их перевозить, но тот же Комитет не разрешает без уплаты в Комитет по 6 руб. 61 коп. с куба. Все эти распоряжения представляются мне каким-то недоразумением, ибо весь принадлежащий мне до сих пор лес составляет пока еще мою собственность и ни к государству, и ни в какие-нибудь другие организации он еще законным порядком не перешел, а потому не могу признать законным распоряжение платить за собственный лес и дрова в какой-либо комитет; к тому же должен обратить внимание на то, что все крестьяне, получающие дрова и лес из удельных дач никакому обложению в пользу Комитета не подвергаются, а следовательно, это не есть общий сбор, установленный для всех, а, по-видимому, только для меня.

4) 27 сентября я получил другую копию постановления земельного комитета за № 51 относительно посева ярового хлеба в 1918 г., по коему мне разрешается посеять своими средствами только 15 десятин, а остальная земля должна поступить в распоряжение земельного комитета. В моем яровом поле имеется вместе с бывшим картофельным полем...* десятин, намеревался засеять овсом, просом и картофелем около 90 дес., предоставив остальную землю в распоряжение земельного комитета, и вспахал уже около 50 дес. Помимо того, что 15 дес. мне не хватит на прокормление самого минимального количества служащих и скотины, я должен обратить внимание на то, что качество моей земли таково (тяжелый чернозем), что если ее не вспахать с осени, то урожая не будет, а так как крестьянами до сей поры не вспахано еще ни одной борозды, и за поздним уже временем вспахана, конечно, не будет, то на будущий год на моем поле ярового урожая ожидать нельзя и, таким образом, никто и ничего не выиграет, а пострадает несомненно государство, вследствие недостатка хлеба, и, кроме того, насколько мне известно, распоряжением Временного правительства запрещены всякие захваты земли, а в Комитет поступают только те земли, которые не могут быть засеяны самим владельцем, и такое распоряжение поведет к тому, что останется много незасеянной земли, что было замечено в этом году с яровым посевом.

5) На днях ко мне приезжали два солдата с членом Продовольст-

* Цифра совершенно выцвела, предположительно 320 дес.

венного комитета для проверки хлеба в амбаре, который, кстати сказать, проверялся уже неоднократно разными комитетами. И после проверки эти солдаты заявили моему управляющему, что мне будет оставлено 2 коровы, 5 лошадей, 2 свиньи и 2 рабочих, в том числе пастух, и потребовали от меня лично, чтобы я уволил всех остальных служащих и рабочих, а также военнопленных, работающих на моем лесопильном заводе для нужд обороны. Невероятно, чтоб такое распоряжение было законно и приведено в исполнение, а если оно незаконно, то такие заявления ведут только к возбуждению населения и к смуте, которых конечно, всеми силами надо избегать.

6) Затем я получил из Сайманской волостной управы окладные листы на волостные и сельские повинности в таком же размере, как земское обложение, в том числе даже на винокуренный завод в сумме 519 руб., несмотря на то, что завод уже третий год не работает. Насколько мне известно, волостные сборы могут быть введены только волостным земством, которым еще не введены, а потому полагаю такой сбор, как незаконный, не может быть взыскан и должен быть отменен.

Если Вы признаете, милостивый государь, что все указанные мною распоряжения различных комитетов незаконны и не подлежат с моей стороны исполнению, то прошу Вас сделать безотлагательное распоряжение об их отмене, пока они еще не приведены в исполнение. Всякое промедление может породить только нежелательную смуту, причем должен констатировать, что пока отношения мои с крестьянами самые благожелательные и они могут быть испорчены только извне и разноречивыми распоряжениями. Во всяком случае прошу Вас поставить о последующем Вашем распоряжении меня в известность.

Александр Федорович Ржевский.

При сем прилагаю две копии Б. Сайманского волостного комитета*.

5 октября 1917 г.

Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 63, л. 31. Подлинник.

№ 8

Письмо И. Г. Новикова[18] в ЦК РСДРП(б) об инциденте в Доме свободы

19 октября 1917 г.

г. Симбирск, 19 X-17 г.

Товарищи!

В ночь на 19 октября в Симбирске, в Доме свободы, сильно ранен солдатами представитель ЦК студент Данелиа[19]. Будучи свидетелем происшедшего, сообщаю следующее:

Я, поручик Новиков, сын слесаря из г. Рязани, будучи еще до войны учеником реального училища, был сторонником социал-демократических идей. И на фронте в течение трех лет вел определенную агитацию в этом направлении. После революции я был эвакуирован в Симбирск. Перед этим городом я лечился в Москве, где выступал на митингах и писал в «Социал-демократе».

В Симбирске я оказался один из социал-демократов большевиков и работал поэтому в объединенной организации РСДРП, где одно время

* Копий не обнаружено.

брало верх интернационалистическое течение. Однако, на выборах в местную Городскую думу от объединенцев прошли в большинстве «единовцы»[20].

В конце сентября* в Симбирск от ЦК приехал тов. Крымов, который сумел организовать ячейку, сначала из 30 человек. Я в числе других был избран в Городской комитет членом.

Будучи представителем от партии на рабочем съезде губернии[21], я провел нашу новую программу по рабочему вопросу. На этом съезде я позволил себе встать на непримиримую точку по отношению меньшевика Чебоксарова, местного богача-мукомола, который, по моим данным, сам первый гнетет своих рабочих. Я сказал ему: «мукомол, идите на мельницу», меньшевики ответили «хулиганы». Наша фракция ушла со съезда, однако мне поставили в упрек мое поведение.

Далее на митинге у железнодорожников я стал развивать вопрос о братании. Аудитория выразила негодование и кричала «довольно, изменники». Тов. Крымов по этому случаю внес в нашу организацию предложение о каких-то неправильностях моей речи. Причем я сам из его речи по земельному вопросу услышал совершенно неправильную точку зрения для большевика. Он отстаивал раздел земли на едока. Составляя кандидатский список, тов. Крымов все время держался какой-то конспирации и проявил много личного усмотрения при его составлении. Члены организации, и я в том числе, долго не знали имен наших кандидатов. Список составлялся небрежно, и тов. Крымов, взявшись за это дело, проявил достаточно небрежности, что иногда влекло к тому, что наш список мог провалиться. Он еще до сих пор не занумерован.

Это я все излагаю для того, чтобы было ясно последующее, всецело вытекающее из этих наших недоразумений.

18 октября в 96-м пехотном запасном полку, после моей агитации в пользу мира, роты вечером, без моего, однако, ведома, вышли на улицу и присоединили к себе соседние два полка. С криками «долой войну» солдаты ворвались на гауптвахту, освободили арестованных, затем разгромили Управление воинского начальника и подошли к Дому свободы. Я случайно увидел эту толпу и пришел в Дом свободы. Перед солдатами говорил речь тов. Крымов, убеждая их предъявлять свое требование мира организованно и разойтись.

Когда тов. Крымов кончил, стал говорить я. Но тов. Крымов начал протестовать, заявляя, что, вероятно, буду говорить так же, как у железнодорожников и только взбудоражу толпу. Но солдаты, очевидно, по-иному воспринимали мои слова и покрывали их одобрениями и рукоплесканием. Я говорил, что война, будучи генеральским делом, попала и с этой стороны в сытые руки. Солдат утомлен, он плохо одет и обут, он не обучен, наконец. Продовольствие в стране с легкой руки горе-социалистов, как «пошехонцы» и пр., дошло до положения полного разгрома. Симбирская дума, составленная из обывательских социалистов-революционеров, держится не общественной линии, а личной. Их прельщают оклады, а вот солдаткам так они не хотят прибавить, и те сидят без хлеба. У богачей же грандиозные запасы. Меньшевистский совет слюнтяйничает и чванится с капиталистами. Товарищи! Совет надо переизбрать!

В это время сзади меня стали ругать: «Это демагогия, довольно». Я тогда, обратясь к солдатам, сказал: «Мне не дают говорить». Масса заволновалась. Вооруженные солдаты ворвались в Дом свободы, причем по ошибке ранили штыком и ударили по голове прикладом тов. Дане-

* Крымов приехал 3 сентября.

лиа. Меня также чуть не помяли, однако я под конвоем узнавших меня солдат ушел домой. Дом свободы солдаты разгромили совершенно. Меня товарищи обвиняют в провокации. Поскольку это так, прошу уведомить.

Поручик Новиков

Симбирск, Шатальная, 12

Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 308, лл. 11—12. Подлинник.

№ 9

Извещение Симбирского временного военно-революционного комитета о переходе к нему всей полноты власти в связи с контрреволюционными выступлениями в городе

27 октября 1917 г.

В экстренном собрании полковых и ротных комитетов и представителей общественных революционных организаций, состоявшемся вчера, 26 октября, в 3 часа дня, в городском театре, ввиду происходивших вчера в городе погромов, организован Временный военно-революционный комитет при Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в который входят президиумы Советов, по 3 представителя от каждого полкового комитета, от социалистических партий, от городского самоуправления, заводских комитетов и рабочих профессиональных организаций. К этому комитету перешла вся военная и гражданская власть по восстановлению порядка в городе и, в случае надобности, в губернии. Руководство военными силами передано избранному собранием начальнику гарнизона, подпоручику Морозу.

Временный военно-революционный комитет беспрерывно заседает в Доме свободы, принимая все меры к прекращению погромного движения и к сохранению безопасности граждан.

О возникающих беспорядках необходимо срочно сообщать по телефону № 50, где установлено постоянное дежурство членов Военно-революционного комитета.

Временный военно-революционный комитет.

«Симбирское слово», № 180, 27 октября 1917 г.

№ 10

Антисоветское обращение Губернского исполнительного комитета спасения родины и революции к населению губернии с призывом подчиняться только властям Временного правительства

31 октября 1917 г.

К НАСЕЛЕНИЮ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Петрограде, в Москве и других городах в последние дни произошли прискорбные события. Под влиянием агитации партии большевиков были сделаны попытки захватить власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов путем насилия и применения вооруженной силы. В Петрограде такая попытка и ставила своей целью свергнуть Временное

правительство и поставить во главе Российской республики случайных лиц, не облеченных доверием широких слоев населения.

Попытка эта, к счастью, не удалась.

Близятся выборы в Учредительное собрание, которое одно только имеет право разрешать вопросы и об окончательной передаче земли трудовому народу и о создании в стране постоянной государственной власти.

Губернский исполнительный комитет спасения родины и революции, совместно с губернским комиссаром, предупреждает население, что все внимание его должно быть направлено на то, чтобы выборы в Учредительное собрание по Симбирской губернии прошли правильно, а для этого необходимо сохранять полный порядок.

Население должно подчиняться всем распоряжениям комиссаров Временного правительства и прочих органов власти, не веря слухам о свержении этого правительства.

Всякого рода призывы к беспорядкам, насилиям и погромам должны пресекаться самим населением, причем в случае возникновения беспорядки будут подавляться вооруженной силой.

Симбирский губернский исполнительный комитет
спасения родины и революции.

Губернский комиссар Головинский.

31 октября 1917 г.

г. Симбирск.

Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 110, л. 14. Типографский экз.

№ 11

Постановление общего собрания рабочих и служащих заволжского завода о поддержке власти Советов

3 ноября 1917 г.

Общее собрание, обсудив текущие события в центре и принимая во внимание, что Временное правительство, созданное усилиями соглашательских партий — эсеров и меньшевиков — не только не было по своей структуре способно проводить в жизнь великие задания, диктуемые трагическим положением революции, в условиях беспримерной войны, полного развала народного хозяйства и массового озлобления широких слоев населения против инертности власти, но, напротив того, всячески стараясь ставить препятствия нормальному ходу революции, предательски затемняло цели войны и, поддерживая империалистические стремления союзного и отечественного капитала, сознательно затягивало войну и не предпринимало действительно реальных мер к ликвидации войны и к предложению демократического мира. Это правительство создавало внутри страны невыносимые условия жизни, поддерживало анархию в области промышленности и торговли и тем самым увеличивало всевозможного рода кризисы и неорганизованные движения в деревне, в виде аграрных беспорядков, и закрытия фабрик и заводов, и печальные последствия для пролетариата.

Временное правительство не могло не дать прав на гражданскую войну, поскольку интересы масс абсолютно умалены, и во главу угла своей деятельности оно ставило интересы цензовых элементов. Трудящиеся массы, изверившись во всевозможных обещаниях, не могут встре-

тить поддержки ни со стороны буржуазии, ни со стороны мелкобуржуазных партий, идущих путем соглашения с капиталистами. Революционные рабочие, солдаты и крестьяне имеют для осуществления своих прав одну только дорогу. Эта дорога вне буржуазии. Временное правительство, защищая интересы банкиров, капиталистов под лживым предлогом спасения родины и революции, отнимало у пролетариата завоевания, полученные путем упорной борьбы. Оно заставило массы выйти на улицы Петрограда и других городов. Осуществить интересы революционной демократии может только пролетариат через Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Мы, рабочие и служащие завода, на общем собрании 3 ноября с. г. твердо заявляем, что занимаем позицию, принятую вторым Всероссийским съездом Советов, и не отходя от пролетарских требований, признаем власть, могущую осуществить вопросы хлеба и мира, скорейший созыв Учредительного собрания исключительно за Советами [рабочих], солдатских и крестьянских депутатов и, подчиняясь новому правительству Советов, даем клятву умереть или победить с этим новым революционным правительством.

«Пролетарский путь» (Ульяновск), № 256, 7 ноября 1927 г.

№ 12

Телеграмма Военно-революционного комитета Симбирского Совдепа Карсунскому Совдепу об установлении Советской власти в г. Симбирске[22]

12 декабря 1917 г.

Военно-революционный комитет Симбирского Совдепа доводит [до] сведения: [в] Симбирске власть Советов.

Председатель С. Петров.
Секретарь Швер.

Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 15. Телеграфный бланк.

1101595

№ 13

Телеграмма Симбирского Совдепа Карсунскому Совдепу о назначении губернским комиссаром Советского правительства М. Д. Крымова

2 января 1917 г.

Постановлением пленарного заседания Исполнительного комитета Симбирского Совдепа губернским комиссаром назначен Крымов. Головинский губернским комиссаром считаться не должен. Сообщите всем учреждениям уезда.

Симбирский Совдеп.

Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 16. Телеграфный бланк.

№ 14

Телеграмма Симбирского Совдепа Карсунскому Совдепу о признании 5-м губернским съездом крестьян[23] власти Советов

26 января 1918 г.

Крестьянский съезд признал власть Советов.

Симбирский Совдеп.

Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 23. Телеграфный бланк.

№ 15

Обязательное постановление Симбирского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о порядке пользования жилищами в г. Симбирске

15 марта 1918 г.*

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЖИЛИЩАХ

С объявлением настоящего постановления все расчеты с домохозяевами прекращаются. На участковых начальников милиции в городах возлагается обязанность немедленно приступить к организации домовых комитетов и в двухнедельный срок представить комиссару жилищ Новикову (г. Симбирск, Губернское правление, 3-й этаж) списки домовых комитетов.

1. Частная собственность на дома и городские земли отменяется. Захват и самостоятельное замещение жилищ воспрещается.

2. Вся обстановка в квартирах и на рынке берется на учет и предоставляется нуждающимся по расценке, которая будет выработана жилищной комиссией.

3. Каждый гражданин имеет право на жилище не более чем в три куб. саж. воздуха, считая проходы на общий размер квартиры, и двух куб. саж. воздуха, если проходов не имеется. Жители подвалов, чердаков, сырых, холодных и вообще негигиенических и переполненных квартир удовлетворяются жилищем в первую очередь за счет уплотнения по вышеуказанному расчету особняков, барских, казенных и промышленных квартир, а лица, не имеющие никакого помещения, размещаются в свободных обывательских квартирах.

4. Квартирная плата устанавливается по кубатуре воздуха: по 1 руб. за куб. на окраинах города и по 3 руб. в центре города.

Центром Симбирска считается район к востоку до обрыва (Венца), граничащий на западе по улицам: Мингалевский спуск, Анненковский пер., Ярмарочная площадь, Миллионная ул. и Смоленский спуск.

Удобства: отопление, электричество, вода, канализация и прочее оплачиваются по действительной стоимости всеми квартирантами дома через домовой комитет, включая и бывших домовладельцев.

5. От оплаты освобождаются: а) безработные (по карточкам Биржи труда), б) инвалиды, в) бедные (бедными считаются лица, которые имеют заработок менее 50 руб. на каждого члена семьи), г) солдатки и семьи красноармейцев, д) нуждающаяся учащаяся молодежь.

6. Плата вносится в домовые комитеты с отчислением 75 проц. на нужды местного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, а остальные идут на ремонт и расходы домовых комитетов.

7. В домах температура должна поддерживаться не ниже 14 градусов по Реомюру. Кухни, ванные, уборные, умывальники, ледники, сараи, конюшни, прачечные и прочее передаются в общее пользование квартирантов. Запасы топлива при доме реквизируются домовыми комитетами.

ДОМОВЫЕ КОМИТЕТЫ

8. В домах с жителями не менее 50 человек избираются домовые комитеты из расчета на 10 квартирантов один представитель. В домах с населением менее этого домовой комитет составляют все квартиранты. Домовой комитет выделяет из своей среды правление в составе председателя, секретаря и казначея. Дома могут соединяться для избрания

---

* Дата опубликования.

общего домового комитета. В гостиницах также организуются домовые комитеты.

9. На обязанности домовых комитетов лежит: а) охрана общего порядка, б) правильное определение квартирной платы, ее взнос и учет жильцов, в) санитарное состояние квартир, дворов, улиц и тротуаров, г) принятие противопожарных мер, д) ремонт квартир и домовых оборудований, е) распределение продуктов, получающихся от продовольственных органов, ж) отопление, освещение, канализация (очистка), устройство водопровода. Топливо приобретается домовым комитетом и распределяется по числу печей всего дома, з) вести денежную отчетность по дому и ежемесячно представлять отчет советской жилищной комиссии.

ЖИЛИЩНАЯ КОМИССИЯ

10. Местные Советы выделяют из своей среды жилищную комиссию в составе не менее как 3 человека.

11. На обязанности жилищной комиссии лежит: а) регистрация неудовлетворительных помещений, переселение из них в более лучшие квартиры, б) вести учет квартирной платы, в) налагать взыскания на домовые комитеты и предавать их суду революционного трибунала, г) передавать споры о жилищах в жилищный суд, д) разрабатывать проекты по жилищному вопросу и, по утверждении Советом, проводить в жизнь, е) посылать жильцов в свободные помещения, ж) выдавать удостоверения на право проживания в квартире бесплатно, з) распределять обстановку.

СПРАВОЧНОЕ ЖИЛИЩНОЕ БЮРО

12. При жилищных комиссиях учреждается справочное бюро и функции его передаются в особый отдел адресного стола.

13. В бюро происходит: а) запись желающих иметь улучшенные квартиры; б) регистрация свободных помещений; в) посылка по постановлениям жилищной комиссии жильца на новую квартиру; г) поверка — поселится ли таковой (т. е. жилец) в указанное ему помещение (по домовым книгам или посылкой специальных агентов).

ЖИЛИЩНЫЙ СУД

14. Жилищный суд избирается собранием делегатов от домовых комитетов из расчета 1 делегат на 100 комитетов в числе: председателя, секретаря и двух судей.

15. Жилищный суд функционирует ежедневно, кроме праздников.

16. Суд руководится в своих решениях декретами и постановлениями Советской власти.

17. Решения жилищного суда приводятся в исполнение жилищной комиссией и домовыми комитетами.

Председатель губернского Совета крестьянских и рабочих депутатов Танаев*.
Губернский народный комиссар по внутренним делам Крымов.
Члены коллегии Комиссариата внутренних дел Шеленшкевич.
Помощник губернского комиссара Корчагин.
Комиссар жилищ Новиков.

«Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», № 44, 15 марта 1918 г.

---

* Член исполкома, по-видимому, подписал за председателя, председателем не был.

№ 16

Протокол совещания представителей профорганизаций при Симбирском комитете РКП(б) об организации коммунистических ячеек

13 апреля 1918 г.

Присутствовали:

Тов. Соснин — от профессиональных союзов.
Тов. Курочкин — от Казанской ж. д.
Тов. Тумский, тов. Панин — от текстильщиков Поволжского района.
Тов. Сотосов, тов. Маракаев — представители от почты.
Тов. Остроглазов — сочувствующий.

Из членов партии:

Тов. Гимов, тов. Фрейман, тов. Прытков, тов. Каучуковский.

Собрание открывается тов. Каучуковским.

Слово предоставляется представителю Казанской ж. д.

Тов. Курочкин докладывает, что организовать ячейку среди рабочих дороги очень трудно. Очень сильно меньшевистское настроение, дело организации большевиков очень тормозят. Агитаторов от большевиков не бывает, и тов. Курочкин просит присылать агитаторов на собрания служащих, которые бывают по понедельникам в 6 часов вечера в народном доме.

Слово предоставляется представителю суконных фабрик. Он указывает, что у них сильно распространен меньшевизм, и есть даже один анархист. Скоро будет делегатский съезд, и к съезду нужно подготавливать массы. Товарищ просит прислать агитаторов большевиков. Съезд будет 1 мая ст. стиля. Правление может дать средства на проезд агитаторов.

Слово предоставляется представителю почт тов. Сотосову.

Тов. Сотосов докладывает, что недавно состоявшееся собрание служащих постановило всеми мерами поддерживать Советы и партию коммунистов (большевиков). В коллегии почт высшие чиновники ведут политику антисоветскую, доверием они от низших служащих не пользуются. Идет борьба. Для организации ячейки есть надежные люди, пользующиеся большой популярностью. Тов. Сотосов указал тов. Константина Грошева, который в партии хотя не состоит, но сочувствует и пропагандирует коммунистические идеи.

Слово предоставляется тов. Остроглазову относительно положения профессиональных союзов. Тов. Остроглазов докладывает, что в Исполнительном комитете союзов товарищи работают только над экономическими вопросами и совершенно не хотят касаться политики. Организовать ячейку и вести политическую пропаганду было некому, членов партии коммунистов нет, сочувствующих мало.

Слово предоставляется тов. Соснину, который говорит о положении в союзах столяров, портных, маляров; там настроение противоположное только что указанному, почти все товарищи сочувствующие, хотя в партии не состоят.

Предоставляется слово о профессиональных союзах тов. Фрейману. Профессиональные союзы склонны к большевикам, но они чересчур проникнуты меньшевистско-обывательским настроением. Сейчас в союзах

господствует точка зрения игнорирования политики, интересы их преимущественно грошевые, но, безусловно, большевикам нужно работать среди них и там, безусловно, можно найти материал.

Тов. Соснин заявляет, что он может взять на себя организацию ячеек среди столяров, портных, маляров и пр.

По выяснении этих вопросов заседание закрывается...*

Партархив УО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 2. Подлинник.

№ 17

Резолюция общего собрания Симбирской организации РКП(б) по текущему моменту**

13 апреля 1918 г.

Заслушав доклад о текущем моменте и принимая во внимание, что социалистическое Отечество — Советская Федеративная республика — находится в величайшей опасности, получая удар за ударом от империалистов всех стран, и что восточный хищник—Япония—напал на нее, собрание постановило: что другого спасения, кроме организации Красной социалистической армии, нет. Поэтому обязанность всех наших товарищей, как передовых борцов за Советскую власть и социальную революцию, вести самую широкую агитацию и организацию под флагом нашей партии. Из Красной социалистической армии все трусы, изменники, люди, идущие только за деньги, должны быть изгнаны. Стойкость революционной дисциплины, самоотвержение — и мы победим.

Партархив УО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 1. Подлинник.

№ 18

Протокол заседания Симбирского комитета РКП(б)

15 апреля 1918 г.

Присутствуют:
Тов. Фрейман.
Тов. Швер.
Тов. Прытков.

Назначенный порядок дня обсуждается и из него принимается 1-й вопрос «ПЕРВОЕ МАЯ». Другие вопросы: Субсидии, просьба комиссара внутренних дел, машинистка, телефон остаются открытыми, к повестке дня присоединяется, предложенный тов. Швером, его доклад о поездке в Москву.

Швер докладывает, что в Москве был в ЦК, просил выслать в Симбирск инструкторов для организационной работы, но людей, видимо, в ЦК нет. Настроение в Москве было очень тревожное в связи с неудачной внешней политикой и перевыборами Советов.

Выборная борьба была очень сильной, часто выступали и много говорили Луначарский и др. Сильную агитацию развивали меньшевики. Победа осталась за БОЛЬШЕВИКАМИ. В ЦК, относительно политики Советов, держатся усиленной творческой работы; руководящая роль в созидательной работе должна принадлежать партии.

---

* Опущены адреса присутствующих представителей. Протокол не подписан.
** Из протокола.

Необходимо отметить стремление устранить разруху, много принимается мер по организации работ и другие, экономические меры.

Относительно конструкции власти в ЦК заявляют, что провинциальные Советы должны быть очищены от лишних людей.

Губернский исполнительный комитет, он же и Совет Народных Комиссаров, должен иметь не более 25 человек, относительно Красной гвардии высказывается, что она должна быть бесплатной, и рабочие должны оставаться при работах.

Собрание переходит к обсуждению вопроса о «ПЕРВОМ МАЕ». Тов. Швер предлагает соединить празднества 1 Мая и 5 Мая — памяти Карла Маркса. Предложение принимается.

Затем собрание решает: закупку материи, знамен поручить секретарю. К «Первому мая» издать летучки, национальные брошюры, обставить клуб.

Сумму в размере 3-х тысяч рублей взять взаимообразно от Исполнительного комитета.

По выяснении этих вопросов собрание закрывается.*

Партархив УО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 4. Подлинник.

№ 19

Резолюция рабочих суконной фабрики Шатрова** о сплочении вокруг Советов

20 мая 1918 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

20 мая 1918 г. мы, рабочие суконной фабрики Шатрова, собравшись на общем собрании в числе до 800 чел. и выслушав доклады разных ораторов, решили вынести следующую резолюцию:

«Сплотиться в тесный союз всей рабочей массы всех стран, в истинный союз бедняков и трудового народа. Сплотиться*** вокруг Советов, зная, что только в сплоченном объединении есть сила, которая может смести хищников всемирного империализма. Настало время, когда нужно строить новый аппарат жизни только своими трудовыми руками, когда можно создать братство трудового народа, ни на кого не надеясь.

Все за работу в тесном союзе с Советом Народных Комиссаров, веря, что только мозолистыми руками и пролетарской дисциплиной можно создать новую пролетарскую жизнь.

Да здравствует переход фабрик и заводов в руки трудового народа под руководством Советской власти!

Долой соглашателей и предателей революции!

Пусть поднимется знамя всемирного трудового народа!

Да здравствует III Интернационал! Смерть капиталу!

Да здравствует социализм!»

Журнал «Ткач» (г. Симбирск) № 11, 15 июня 1918 г., стр. 14.

---

* Протокол не подписан.

** с. Старая Измайловка, Сенгилеевского у.

*** В документе «сплоченные».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вишняков Владимир Леонтьевич, прапорщик 158-го пехотного запасного полка, председатель Карсунского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, делегат II Всероссийского съезда Советов, 5 января 1918 г. был убит контрреволюционными заговорщиками в Карсуне в момент его выезда на III Всероссийский съезд Советов — 1.

[2] Должности губернских и уездных комиссаров установлены были Временным правительством вместо губернаторов и полицейских исправников. Комиссарами назначались, как правило, председатели земских управ. — 1.

[3] Губернские исполнительные комитеты — представительные органы, работавшие под контролем губернских комиссаров, создавались по указанию Временного правительства. В уездах, волостях, городах, селах и других поселениях создавались уездные, волостные, поселенные комитеты. Соответственно подобранные из буржуазных и кулацких элементов, они должны были проводить политику буржуазного Временного правительства, охранять частную собственность от посягательств народа, служить органами диктатуры буржуазии. С этой же целью создавались земельные и продовольственные комитеты. Но часто попавшие в комитеты крестьяне, понимали свою роль представителей народа буквально и выносили решения, направленные против земельной собственности помещиков, несмотря на заклинания Временного правительства, меньшевиков и эсеров не посягать на частную собственность помещиков до учредительного собрания (см. документ 7). — 2.

[4] Крымов Михаил Дмитриевич (1891—1955 гг.), большевик, рабочий. Был прислан ЦК РСДРП(б) и провел большую работу по созданию Симбирской большевистской организации. В январе 1918 г. был назначен губернским комиссаром. В 1919—1922 гг. работал в Курмышском уезде председателем (секретарем) укома РКП(б) и на других ответственных постах. В 1922 г. выбыл из пределов губернии. — 3.

[5] Стасова Елена Дмитриевна (р. 1873 г.), видный деятель КПСС, член партии с 1898 г. На Пражской конференции избрана кандидатом в члены ЦК, затем работала секретарем Русского бюро ЦК. В июле 1912 г. была арестована и сослана в Сибирь. После Великой Октябрьской социалистической революции — на партийной работе, в настоящее время персональный пенсионер. — 3.

[6] Симбирский объединенный комитет РСДРП был создан в апреле 1917 г., где вначале преобладало интернационалистическое течение. В эту организацию, наряду с меньшевиками, входили и большевики, не имевшие своей самостоятельной организации. Только с приездом Крымова, 15 сентября 1917 г., был создан самостоятельный большевистский комитет и фракция большевиков при Совете рабочих и солдатских депутатов. — 3.

[7] Гимов Михаил Андреевич (1885—1922 гг.), рабочий, большевик с 1905 г. В 1917 г. председатель Симбирского Совета рабочих депутатов, с февраля 1918 г. по февраль 1921 г. председатель исполкома Симбирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. — 3.

[8] Никитин Андриан Яковлевич (1883—1920 гг.), слесарь, большевик с 1902 г., член исполкома Симбирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, член коллегии Губсовнархоза. — 3.

[9] Преснов Александр Павлович (1887—?) рабочий-кожевник, большевик с 1906 г., член Симбирского Совета рабочих депутатов, секретарь профсоюза кожевников. Выбыл из губернии в 1920-х гг. — 3.

[10] Сухов — был секретарем Симбирского комитета в 1917 г. Других сведений установить не удалось. — 3.

[11] Кудряшов Егор Петрович, большевик с 1911 г. В 1917—1918 гг. работал механиком в депо станции Ульяновск 1-й, вел партийную работу среди железнодорожников. В июле 1918 г. был расстрелян белогвардейцами. — 3.

[12] «Русское слово» — ежедневная либерально-буржуазная газета; выходила в Москве с 1885 г., закрыта президиумом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов 27 ноября 1917 г. — 3.

[13] «Рабочий путь» — Центральный орган большевистской партии, ежедневная газета, выходившая с 3 сентября 1917 г. по 26 октября 1917 г. вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда». — 3.

[14] О созыве Учредительного собрания Временное правительство заявило в декларации 2 марта 1917 г.; выборы были назначены на 17 сентября 1917 г. Однако Временное правительство отложило созыв, объявив об отсрочке выборов до 12 ноября 1917 г., Учредительное собрание было открыто Советским правительством 5 января 1918 г. в Петрограде. Ввиду того, что Учредительное собрание отказалось обсудить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и подтвердить декреты II съезда Советов о мире, о земле, о переходе власти к Советам, по решению ВЦИК оно было распущено 6 января 1918 г. (Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 483). — 3.

[15] Сызранская большевистская организация легально существует с марта 1917 г. К концу марта в ней состояло 200 членов, к апрельской конференции — 400, к VI съезду партии — 517 и к концу ноября — 365 («Исторический архив», № 6, 1956 г., стр. 65). — 4.

[16] «Прибой» — большевистское легальное издательство, основанное в Петербурге в начале 1913 г.; просуществовало до лета 1914 г. и вновь возобновило свою деятельность с февраля 1917 г. — 4.

[17] Список кандидатов в Учредительное собрание 9 октября 1917 г. был обсужден на окружной (Симбирского избирательного округа) конференции большевиков и представлен в ЦК в следующем виде:

1. Покровский Михаил Николаевич.
2. Глебов Николай Павлович.
3. Свердлов Яков Михайлович.
4. Крымов Михаил Дмитриевич.
5. Емельянов Иван Петрович.
6. Жуков Иван Павлович.
7. Гимов Михаил Андреевич.
8. Горновитов Иван Ефимович (в списке ошибочно Петрович).
9. Никитин Андриан Яковлевич.
10. Красильников Иван Степанович.
11. Панин Федор Михайлович.
12. Соловьев Николай Григорьевич.

Кандидатура Глебова Окружной комиссией была снята, и список был зарегистрирован под № 10 в количестве 11 человек в том же порядке. Номера соответственно были изменены (3-й стал 2-м и т. д.).

На выборах от большевиков в Учредительное собрание прошел один депутат. Покровский свою кандидатуру снял и избранным оказался Я. М. Свердлов. — 5.

[18] Новиков Иван Григорьевич, большевик, в июле 1918 г. был расстрелян белогвардейцами. — 8.

[19] Шалва Данелиа, большевик, приехал в Симбирск самостоятельно, а не по командировке ЦК, работал секретарем Правления профсоюза текстильщиков Поволжского района и был одним из редакторов журнала «Ткач». Вместе с Гладышевым П. Х. в 1918 г. проводил работу по организации добровольческих отрядов Красной Армии из рабочих текстильщиков. Других сведений не установлено. — 8.

[20] «Единовцы» — сторонники группы «Единство». Группа «Единство» организационно оформилась в марте 1917 г., объединяла крайне правых меньшевиков-оборонцев, безоговорочно поддерживала буржуазное Временное правительство, требовала продолжения империалистической войны до «полной победы» и вместе с черносотенцами травила большевиков. Руководящую роль в ней играли Г. В. Плеханов, Г. А. Алексинский и др. (Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 555). — 8.

[21] Съезд рабочих организаций Симбирской губернии проходил 10—11 октября 1917 г. Покинувшие съезд большевики были вновь приглашены на заседание, и съезд принял большевистское решение о борьбе за власть Советов и наказ депутатам Учредительного собрания. — 8.

[22] Решение о передаче власти Симбирскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было принято на заседании Совета совместно с представителями профсоюзов, полковых комитетов и политических партий в ночь с 10 на 11 декабря 1917 г. 11 декабря при Совете был создан Военно-революционный комитет в составе С. А. Петрова (левый эсер), К. М. Яматина (максималист), Першина, М. А. Гимова, А. В. Швера (большевики), к которому и перешла вся полнота власти в городе. —12.

[23] 5-й Симбирский губернский съезд крестьян проходил 20—25 января 1918 г. На съезде присутствовали представители крестьян всех 8 уездов губернии. Съезд избрал в Исполнительный комитет губернского Совета своих представителей по 6 человек от каждого уезда, и, таким образом, произошло слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов и образовался единый орган —Губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 14.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

М. А. Гнутов

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАРСУНСКОМ УЕЗДЕ

Восемь месяцев от февраля до октября 1917 г. занимают важное место в истории народов СССР. В этот период Коммунистическая партия выполнила труднейшую задачу: она завоевала на свою сторону рабочий класс и большинство в Советах, привлекла на сторону социалистической революции трудящееся крестьянство, подготовила массы к завоеванию диктатуры пролетариата.

Одной из особенностей Великой Октябрьской социалистической революции явилось небывало быстрое распространение ее могучих волн по всей стране. Вслед за Петроградом и Москвой власть Советов была установлена во всех решающих промышленных центрах страны, а к концу февраля 1918 г. Советская власть победила в самых отдаленных уголках нашей Родины. «По всей России вздымалась волна гражданской войны, — отмечал В. И. Ленин, — и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года»[1].

Опорными пунктами и проводниками распространения социалистической революции в провинции, как правило, являлись губернские и уездные города с их большевистскими организациями, пролетариатом и солдатскими массами. Однако не везде процесс утверждения Советской власти проходил одинаково. Свержение буржуазной власти и установление власти Советов на местах зависели от конкретных экономических и политических условий, от соотношения классовых сил, зрелости и степени подготовленности местных большевистских организаций. В наиболее развитых в промышленном отношении центрах страны власть к Советам переходила одновременно с победой вооруженного восстания в Петрограде или вскоре за ним, как только на места прибывали делегаты II Всероссийского съезда Советов или уполномоченные ЦК партии и Советского правительства. В ряде губерний, особенно аграрно-крестьянских, борьба за власть Советов приняла сложный и затяжной характер. Были и такие случаи, когда в силу ряда обстоятельств Советам удавалось в первые же дни революции сравнительно легко овладеть властью, но затем начиналась полоса упорной вооруженной борьбы, иногда затягивавшаяся на длительное время. Так, в частности, сложилась обстановка в г. Карсуне и его уезде. Карсунский уездный Совет сравнительно легко овладел

[1] В. И. Ленин, Со 27, стр. 67.

властью, но затем силам контрреволюции не раз удавалось ставить Совет в исключительно тяжелое положение. Однако контрреволюционные силы, не опиравшиеся на народные массы, неизбежно понесли поражение, а власть полностью перешла в руки Совета, руководимого большевиками.

* * *

Карсунский уезд, как и в целом Симбирская губерния, не стоял в стороне от тех глубоких процессов, которые происходили в нашей стране. Как и во всей стране, в уезде развивалась капиталистическая промышленность, строились железные дороги, происходил процесс концентрации производства и рабочей силы, развивался финансовый капитал, расширялась торговля, разлагались патриархальные устои деревни.

В 1899 г. было завершено строительство и открыто движение на железнодорожной линии Рузаевка—Сызрань, с ветвью Инза—Симбирск, прошедшей по территории Карсунского, Симбирского и Сызранского уездов, на протяжении 390 км. Анненковская, Базарно-Сызганская, Водорацкая, Жадовская, Мало-Карсунская, Троицкая и Юрловская волости Карсунского уезда пересекались железнодорожными линиями (общей протяженностью в 200 км) в двух направлениях—от Инзы на Симбирск и от Инзы на Сызрань. Эти линии имели важнейшее экономическое значение для всего Среднего Поволжья, в том числе и для Симбирской губернии и ее уездов, в частности для Карсунского уезда. Через железную дорогу Карсунский уезд прочно втягивался во всероссийский внутренний рынок, что способствовало росту обмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные товары, разрушало старую патриархальную замкнутость деревни, усиливало подвижность населения. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину, вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся коечему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»[1].

Строительство и эксплуатация железных дорог привлекли массу рабочего населения из местных разорившихся крестьян, многие из которых полностью порывали связь с сельским хозяйством и превращались в кадровых железнодорожных рабочих. В 1911 г. рабочие и служащие железнодорожного транспорта в Карсунском уезде составляли около 500 чел[2].

Капиталистическая промышленность в Карсунском уезде базировалась преимущественно на переработке местного сельскохозяйственного сырья и лесных материалов. Производства средств производства в уезде не было, если не считать одного чугунолитейного заведения с количеством рабочих 18 чел. В 1914 году в уезде насчитывалось 856 промышленных предприятий с общим количеством 7249 рабочих. В большинстве своем эти предприятия были мелкими, полукустарными, с небольшим количеством рабочих (3—4 чел.). Во многих волостях широко была развита кустарная промышленность (деревообрабатывающая, кузнечная, валяльная, маслобойная и пр.). Ведущей отраслью промышленности в уезде была суконная. Из 16 суконных фабрик, расположенных в Симбирской губернии, на долю Карсунского уезда приходилось 5 фабрик с количеством рабочих около 5000 чел. Все эти фабрики были расположены вдоль железной дороги Инза—Сызрань, в радиусе 10—20 км, и составляли во главе с Гурьевской суконной фабрикой важнейший промышленно-текстильный район всей Симбирской губернии. Высокая концентрация рабочих в суконном производстве (около 1000 рабочих на фабрику) спо-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

[2] Земская подворная перепись Симбирской губ. 1910—1911 г. Выпуск 5. — Карсунский уезд, стр. 119.

собствовала их организованности и сплоченности. Это обстоятельство делало Гурьевский фабричный район, несмотря на ухудшение состава рабочих в годы империалистической войны, важным центром, откуда революционное влияние распространялось на весь уезд, в том числе и на г. Карсун, в котором промышленных предприятий не имелось, если не считать трех мелких заведений (сероваренное, мыловаренное и кожевенное), с числом рабочих 17 чел. Кроме суконных фабрик, в уезде имелось 20 лесопильных (390 рабочих), 26 кожевенных (531 рабочий), 28 винокуренных заводов (384 рабочих) и 3 писчебумажные фабрики (584 рабочих)[1].

Таким образом, если иметь в виду все категории рабочих, включая рабочих железнодорожного и водного транспорта, то местный пролетариат составлял в Карсунском уезде примерно 8500—9000 чел.

Жизнь и условия труда рабочих на местных фабриках и заводах были исключительно тяжелыми.

По официальным данным губернской фабричной инспекции, преобладающая продолжительность рабочего времени, без сверхурочных работ, на суконных фабриках и лесопильных заводах была 11,5 часа, а на винокуренных заводах—12 часов. Ночные и двухсменные работы имели место на суконных фабриках, винокуренных заводах и мельницах. Праздничные работы с особой интенсивностью применялись на суконных фабриках и на мельницах.

В отчете за 1912 год губернский фабричный инспектор сообщал: «В связи с оживлением в суконной промышленности у владельцев явилось желание увеличить количество рабочего времени за счет праздничных дней. Стремление было встречено рабочими враждебно, вызвало ряд недоразумений и волнений, но в конце концов рабочие уступили».[2]

С 1913 г. резко усиливается эксплуатация на местных предприятиях труда женщин и малолетних рабочих. При уменьшении числа подростков на 5 проц. и общего числа взрослых мужчин на 2 проц., количество малолетних увеличилось в общем на 35 проц. Это увеличение произошло, главным образом, за счет суконных фабрик, где число малолетних увеличилось на 44 проц., а число женщин — на 9 проц. «Эти изменения, — сообщал фабричный инспектор, — можно объяснить не чем иным, как стремлением пользоваться более дешевым трудом, раз это представляется возможным»[3]. Дети и женщины работали, как правило, наряду со взрослыми мужчинами и в ночное время. «Работа производится не 11,5 часа для денных и 10 часов для ночных, — писали в своих жалобах рабочие, — а без перерыва, полные 24 часа в сутки, двумя сменами, в которых наравне со взрослыми во все время заняты работою и малолетние. Для них 8-часового времени для труда не существует. Женщины, подростки и дети работают и по ночам. И это каждый день»[4]

За изнурительный рабочий день рабочие получали нищенскую заработную плату. Среднегодовая заработная плата рабочих по уезду в 1913 г. составляла 147 руб., в том числе рабочих суконных фабрик — 139 руб., лесопильных заводов — 342, винокуренных заводов, мельниц и других предприятий по переработке пищевых продуктов — 207 руб.[5] Так, например, заработок ткача составлял обычно 10—15 руб. в месяц, а заработок рабочих других профессий — 5—7 руб. Женщины за ту же работу получали не более 4—5 рублей в месяц, а дети и подростки —

---

[1] Статистический ежегодник по Симбирской губ. за 1914 г., стр. 170—171.

[2] М. Н. Василевский. Профессиональное движение в Симбирской (Ульяновской) губ. до 1917 г., ч. 1, Изд. «Ульян. губпрофсовета», 1925 г., стр. 42.

[3] Там же, стр. 39.

[4] Там же, стр. 42—43.

[5] Статистический сборник за 1913—17 гг. Труды ЦСУ, т. VII, 1921 г., стр. 119.

2—3 руб. Такая низкая заработная плата обеспечивала лишь полуголодное существование рабочих, но и из нее производились многочисленные удержания в пользу хозяев. На местных предприятиях широко практиковалась система штрафов и обсчетов. Штрафы составляли в среднем 10—12 проц. от суммы выплачиваемой заработной платы, а на некоторых предприятиях, особенно на суконных фабриках, штрафы доходили до 15 проц. заработка рабочих. На предприятиях широкое распространение получили фабричные лавки. В них рабочие вынуждены были брать продукты питания низкого качества, даже недоброкачественные по ценам на 10—15 проц. выше рыночных. Другого выхода у рабочих не было, так как хозяева умышленно задерживали выдачу заработной платы на 4—6 месяцев. «Не выдача в срок заработной платы, — сообщал губернский фабричный инспектор, — ложится по-прежнему большой тяжестью на рабочих, ухудшая их общее положение... До настоящего времени встречаются фабрики, где принято за правило, как можно больше задерживать заработную плату рабочим в целях получения большей торговли фабричной лавки, или какой-либо другой лавки, имеющей соглашение с фабрикантом».[1]

Об этом же писали и рабочие в своих жалобах. «Выдача денег производится 3 раза в год, а не каждый месяц, рабочим так жить невозможно, месячного жалования не хватает только кормиться и приходится по необходимости забирать у них и много переплачивать на провизию».[2] Фабриканты на рабочей нужде наживали большие барыши.

Тяжелое материальное положение рабочих и изнурительный труд дополнялись политическим бесправием, отсутствием охраны труда и медицинской помощи, кошмарными жилищными условиями в фабричной казарме.

Характерной особенностью для Карсунского уезда было то, что здесь рабочие большинства предприятий, в том числе и суконных фабрик, являлись выходцами из местных крестьян, имели земельные наделы, были тесно связаны с деревней. Это обстоятельство отразилось на состоянии революционного движения в уезде. Полупролетарская, полукрестьянская масса рабочих даже крупных предприятий оказалась менее податливой к организации и не всегда была достаточно стойкой в борьбе по сравнению с рабочими крупных промышленных центров России. Эта постоянная двойственность, с одной стороны, стремление сохранить независимость земледельца, а с другой — необходимость иметь деньги, вынуждала работать на фабрике на любых условиях, служила тормозом в развитии классового сознания рабочих, делала их беспомощными, готовыми гнуть спину перед фабрикантом за ничтожную плату. Эти обстоятельства очень умело использовались хозяевами фабрик. В страдную пору фабриканты отпускали крестьян-рабочих домой, а когда кончались сельскохозяйственные работы, то масса крестьян предлагала свой труд фабрикантам, а они покупали этот труд за бесценок, бесчеловечно эксплуатируя нанявшихся.

Однако такое положение не могло продолжаться без конца. Тяжелая жизнь все больше убеждала рабочих (особенно суконных фабрик), что иного выхода, кроме организованной борьбы против царизма и капиталистического гнета, у них нет. Росту классовой сознательности рабочих способствовала вся деятельность Коммунистической партии и ее местных организаций. В марте 1912 г. попытку организованной борьбы предприняли рабочие Гурьевской суконной фабрики. В ответ на сниже-

---

[1] М. Н. Василевский. Цитированная выше работа, стр. 51.
[2] Там же, стр. 52.

ние расценок на ткачество и на принуждение работать со среды пасхальной недели, которая по традиции праздновалась вся, рабочие объявили десятидневную забастовку. Но забастовка кончилась поражением рабочих. 19 ткачей, руководителей забастовки, были уволены с фабрики, а остальные рабочие согласились приступить к работе. В июле 1915 г. на Усть-Уренской суконной фабрике была попытка со стороны слесарей и других рабочих механического цеха объединить всех рабочих для предъявления требований фабриканту о повышении зарплаты, но ткачи отказались поддержать. Выступление одних слесарей успеха не имело. Они согласились работать на старых условиях. В апреле 1916 г. забастовали ткачи Измайловской суконной фабрики, но и здесь выступление кончилось поражением.

Несмотря на неудачи, рабочее движение суконных фабрик оказывало революционизирующее влияние на другие категории рабочих. В революционную борьбу включилось и трудящееся крестьянство. Это особенно необходимо подчеркнуть в связи с тем, что Карсунский уезд по своему социально-экономическому укладу был аграрно-крестьянским. В 1914 г. из 276186 жителей уезда 268571 чел. (97 проц.) проживали в сельской местности, в том числе крестьянское население составляло 245490 чел. (88 проц.)[1].

Основная масса крестьянства разорялась, находилась в условиях безысходной нужды и придавленности, подвергалась тяжелому помещичье-кулацкому гнету.

В прошлом в Карсунском уезде, как и во всей Симбирской губернии, «всего сильнее было развито крепостное право»[2]. Во владении помещиков-крепостников до отмены крепостного права находилось около 46 тыс. крепостных крестьян только мужского пола. Реформа 1861 г. явилась для крестьян бессовестнейшим грабежом, «рядом насилий и сплошным надругательством над ними»[3]. Конкретным выражением ограбления крестьян помещиками были так называемые отрезки и непомерно высокие выкупные платежи, превышавшие в несколько раз рыночную цену на землю. Как отмечал В. И. Ленин, в губерниях нечерноземной полосы отрезки составляли в среднем 6,5 проц., тогда как в районах черноземной полосы, к числу которых следует отнести и Симбирскую губернию, они составляли свыше 25 проц. В частности по Карсунскому уезду у крестьян отрезали в пользу помещиков около 30 проц. наиболее плодородных земель. Крестьянам оставили «голодные» наделы, песочки и суглинки, совершенно недостаточные для обеспечения прожиточного минимума. Крестьянские хозяйства были лишены лесных и сенокосных угодий, выгонов и водопоев для скота. Все это делалось для того, чтобы затруднить самостоятельное ведение крестьянского хозяйства и облегчить помещикам кабалить крестьян.

Столыпинская аграрная реформа, проведенная царизмом под натиском революции 1905—1907 гг. и имевшая целью не допустить новой революции, еще больше усилила нужду и разорение основной массы трудового крестьянства. Если в результате реформы 1861 г. лучшие крестьянские земли были захвачены помещиками, то в результате столыпинской реформы кулаки стали грабить общину, получая лучшие общинные участки земли, скупая по дешевой цене наделы у бедноты.

Насаждая отрубное и хуторское кулацкое хозяйство, экспроприируя деревенскую бедноту, т. е. насильственно отделяя крестьянство от основного средства производства в сельском хозяйстве — от земли, столы-

---

1 Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 г., стр. 155.

2 В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 201.

3 В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

пинская аграрная реформа отнюдь не поколебала средневековое помещичье землевладение, которое являлось главным тормозом в развитии производительных сил страны и основной причиной деградации крестьянского хозяйства. И после столыпинской реформы в сельском хозяйстве крупное производство было представлено помещичьими латифундиями, медленно перестраивавшимися на капиталистический лад. В поместьях сохранились остатки барщины: отработки, испольщина и т. д. Как указывал В. И. Ленин, и в XX в. десять с половиной миллионов крестьянских дворов (около 50 миллионов душ) пользовались 75 миллионами десятин земли, а 30 тысяч крупных помещиков имели 77 миллионов десятин, причем 700 наиболее крупных помещиков владели 21 миллионом десятин земли.

В Карсунском уезде общая земельная площадь на 1 января 1915 года составляла 700010 десятин, в том числе 420856 десятин (60,1 проц.) земель сельскохозяйственного значения. Эта земельная площадь распределялась следующим образом: крестьянам принадлежало 320332 дес., а помещикам, торговой и промышленной буржуазии, церквам и монастырям, казне и удельному ведомству 362803 дес., или значительно более половины всей земельной площади. Кроме того, 16875 десятин земли принадлежали крестьянскому поземельному банку и различным общественным учреждениям, обществам и союзам. Наряду с сохранением общинного землевладения значительно возросло число крестьянских хозяйств, закрепивших землю на правах частной собственности. Надельной земли в распоряжении крестьян имелось 241865 дес., у крестьян — частных собственников — 14193 дес., в руках различных частнособственнических крестьянских обществ и товариществ — 64274 дес.[1]

Земель частного владения в уезде было 283146 дес. Из них дворянам принадлежало 120864 десятины, или 17,4 проц. общего земельного фонда уезда. Это значит, что помещичье землевладение в Карсунском уезде сохранило крупные размеры. В этом не трудно убедиться, если сравнить размеры помещичьего землевладения с размерами земли у других категорий частных владельцев.

№ п/п	Категории владений	Колич. земли в дес.	%%
1.	Дворянские земли	120.864,0	42,9
2.	Крестьянские купчие земли	78.467,0	27,8
3.	Проч. частных владельцев	82.815,0	29,3
	Всего	282.146,0	100[2]

Из таблицы видно, что и после столыпинской аграрной реформы помещичье землевладение в Карсунском уезде было преобладающим. Оно составляло свыше 2/5 всего частновладельческого земельного фонда. Вместе с удельным, казенным и монастырским землевладением, представлявшим из себя также крупные латифундии, оно составляло главную причину крестьянского малоземелья и земельной «тесноты» в дореволюционной деревне. Выясняя причины земельной «тесноты», В. И. Ленин указывал, что крестьянам «тесно» именно потому, что «слишком уже вольготно, слишком уже просторно расположились господа помещики... «Крестьянское малоземелье», это значит помещичье многоземелье».[3] И

[1] К. Воробьев. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917, стр. 30—31.
[2] Статистич. ежегодник по Симбир. губ. за 1914 г., стр. 166—167.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 241.

действительно на каждое помещичье имение в Карсунском уезде накануне революции 1917 года приходилось в среднем 1500 десятин самых лучших земель, в том числе почти все леса и сенокосы[1]. В то же время на каждый крестьянский двор, включая и кулацкие (всего 40915 дворов), приходилось в среднем 6,3 десятины надельной и купчей земли. Таков тот социально-экономический фон, который объясняет нам причины массового аграрного движения, развернувшегося в уезде как в период буржуазно-демократической, так и в период социалистической революции.

Однако этот социально-экономический фон будет неполным, если мы не учтем хотя бы в самых общих чертах распределение земли между крестьянами. Как надельная, так и купчая и арендованная земля распределялась между крестьянами неравномерно. После крестьянской реформы 1861 г. в русской деревне шел непрерывный процесс дифференциации, классового расслоения крестьянства, постепенного распадения его на буржуазию и пролетариат. Столыпинская аграрная реформа способствовала усилению имущественного неравенства крестьян. Многие крестьяне, вышедшие из общины, не приступая к ведению собственного хозяйства, продавали земельные участки кулакам, окончательно разорялись, «раскрестьянивались» и превращались в «чистых» пролетариев.

По данным подворной переписи 1910—1911 гг., у крестьян Карсунского уезда было зарегистрировано 90300,5 душевых надела[2], из них было «укреплено» в частную собственность по закону 9 ноября 1906 г. 13144 земельных надела, т. е. 14,5 проц. общего числа земельных наделов уезда. За 5-летний срок действия столыпинского закона 1238,4 надела (3318 дес.) было продано за бесценок по различным причинам[3].

Что же побуждало крестьян продавать «укрепленные» участки? На этот вопрос дают убедительный ответ добровольные земские корреспонденты и сельские старосты. Так, например, корреспондент Кузнецов из Каргинской волости сообщал: «Некоторых заставляет нужда: продают землю, надеясь произвести расчет с нуждой, но, конечно, ошибаются: нужда еще крепче садится на шею».[4] Об этом же сообщает корреспондент из Урено-Карлинской волости Тарасов: «Продают землю ввиду того, что прокормить свою семью на такой безделице невозможно»[5].

Многие продавали «укрепленные» в частную собственность участки, надеясь на вырученные деньги переселиться на свободные земли. Только до 1911 г. из Карсунского уезда переселилось в Сибирь 610 семей и в другие места 753 семьи. Но и там крестьяне не находили «счастья». Очень многие из них, не устроившись в Сибири, вынуждены были возвращаться на родину без средств, пополняя ряды пролетариата. Переселение крестьян на свободные земли, как убедительно показал В. И. Ленин, явилось важнейшим фактором, ускорившим процесс разорения, пролетаризации крестьянства.

Процесс дифференциации крестьянского населения и пролетаризации основной массы крестьянства по Карсунскому уезду, нараставший с 1861 г. и усилившийся в результате столыпинской аграрной реформы, по данным подворной переписи 1910—1911 гг., дал следующие результаты:

---

[1] В уезде имелось 88 помещичьих семей; из них 30 семей имели свыше 400 дес. земли каждая, 26 — свыше 1000 дес., 13 — свыше 2000 дес., 7 — свыше 3000 дес., 4 — свыше 4000 дес. А в собственности, например, Протопопова имелось 5019 дес., Радионовой А. П. — 5653 дес., Бутурлиных — 10373 дес., графини Толстой — 16831 дес.

[2] В среднем душевой надел равнялся 2,76 дес.

[3] Подворная перепись 1910—1911 гг. по Карсунскому уезду, стр. 18.

[4] Статистический ежегодник по Симбирской губ. за 1914 г., стр. 91.

[5] Там же, стр. 142—143.

Несеющих дворов в уезде было	5437 или	13,3 %
Засевающих до 1 десятины	2014	4,9 %
Засевающих от 1 до 2 десятин	5744	13,9 %
Засевающих от 2 до 4 десятин	11335	28,0 %
Засевающих от 4 до 6 десят.	7191	17,5 %
Засевающих от 6 до 8 десят.	4067	9,9 %
Засевающих от 8 до 10 дес.	2080	5,1 %
Засевающих от 10 до 15 дес.	2089	5,1 %
Засевающих от 15 и более дес.	958	2,3 %
Всего	40915	100[1]

Эти данные свидетельствуют о том, что 5437 крестьянских хозяйств (13,3 проц.) были «раскрестьянившиеся» крестьяне, «чистые» пролетарии, жившие за счет продажи рабочей силы помещикам и кулакам. Вместе с малоземельными крестьянами, владевшими до 4 десятин земли, они составляли свыше 60 проц. (24530 дворов) всех крестьянских хозяйств. 27 проц. крестьянских хозяйств, имевших земли не более 8 десятин, — это также недостаточно обеспеченные землей крестьяне, стоявшие накануне разорения. И только 7,4 проц. (3047 дворов) засевали более 10 дес. на двор.

О пролетаризации деревни свидетельствуют и данные о наличности скота. Земская статистика сообщает следующие данные о наличности крестьянского скота (лошадей и коров):

Безлошадных хозяйств	14308	или 35%;	бескоровных	9428	или 23,0%
с 1 лошадью	19450	47,6%;	1 коровой	26684	или 65,3%
с 2 лошадьми	6067	14,8%;	2 коровами	4371	или 10,7%
с 3 лошадьми	910	2,2%;	с 3 коровами	378	или 0,9%
с 4 и более	180	0,4%;	с 4 и более	54	или 0,1%
Всего	40915	100		40915	или 100[2]

Безлошадные крестьяне (35 проц. от общего числа хозяйств) были лишены возможности заниматься обработкой земли. Они либо сдавали в аренду, либо продавали свою землю. В чрезвычайно тяжелом положении находились и однолошадные крестьянские хозяйства, которых насчитывалось в Карсунском уезде около 20000 дворов (47,6 проц.). «Однолошадный крестьянин, — указывал В. И. Ленин, — как и безлошадный, тоже только «заработками» и перебивается... Это значит, что однолошадный крестьянин наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием»[3].

Наряду с увеличением численности бедноты и сельских пролетариев, на другом полюсе деревни росло количество сельской буржуазии, кулаков. Составляя сравнительно небольшую часть (12—15 проц.) крестьянского населения, кулаки сосредоточили в своих руках свыше 40 проц. всех крестьянских посевов и основную часть сенокосов. В уезде имелось много кулаков, в собственности которых находилось от 30 до 100 и более десятин земли, а отдельные кулаки по количеству земли не уступали крупным помещикам. Так, например, крестьянин села Ляховки Алеев имел 452 десятины земли, а крестьянин села Нечаевки Архипов — 3905 десятин.

Испытывая острую нужду в земле, крестьяне вынуждены были

[1] Подворная перепись 1910—1911 гг. по Карсунскому уезду, стр. 4.
[2] Там же, стр. 31.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 351.

арендовать ее на кабальных условиях у помещиков. Преобладающей формой помещичьей кабалы в Карсунском уезде была отработочная система, представлявшая не что иное, как прямое продолжение и пережиток барщины. Наряду с другими формами кабальной зависимости крестьян от помещиков (издольщина, ссуда денег под работу, зимняя наемка на весенне-летние работы и прочее) отработочная система задерживала развитие производительных сил в сельском хозяйстве и являлась источником разорения и нищеты крестьянства. Помещичья кабала лишала крестьян возможности улучшать свое хозяйство. Обработка земли в крестьянских хозяйствах велась старыми, дедовскими способами в виде трехпольной системы, в большинстве случаев примитивным сельскохозяйственным инвентарем, включая деревянные сохи и бороны. В 1911 г. в Карсунском уезде было 125006 сох и 138995 борон. Только часть помещиков и кулаков применяли улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины. В 1911 г. эти хозяйства имели 32171 плуг и всего лишь 217 сеялок[1]. Научные, агротехнические приемы земледелия не получали распространения. Редко применялось удобрение почвы. В результате всего этого в основной массе крестьянских хозяйств были низкие урожаи хлебов, а периодически повторявшиеся неурожаи вели к голодовкам и эпидемиям. Росла смертность населения. Только за 25 предвоенных лет Поволжье, в том числе и Карсунский уезд, четыре раза голодало. Последствия голода были ужасными. Голод 1911 г. — прямой результат столыпинской аграрной реформы — стал подлинно народным бедствием для трудящихся всей царской России.

Основную причину опустошительных голодовок В. И. Ленин видел в том, что в деревне новые капиталистические приемы хозяйствования тесно переплетались с прочно сохранившимися старыми крепостническими методами эксплуатации. Не удивительно поэтому, что даже в так называемые урожайные годы у 75 проц. крестьянских хозяйств Карсунского уезда не хватало своего хлеба для пропитания семьи и корма для скота.

Большой недостаток земли, кабальные условия аренды ее у помещиков и кулаков, многочисленные налоги, подати и повинности, во много раз превышавшие доходность крестьянского хозяйства, гнет растовщического и купеческого капитала, частые неурожаи и голодовки окончательно разоряли бедноту и середняков. Разорившиеся крестьяне становились в ряды сельскохозяйственных пролетариев или шли от нужды в города, пополняя армию промышленного пролетариата. В 1911 г. в Карсунском уезде числилось 29442 крестьянских хозяйства (72 проц.), члены которых прибегали к побочным заработкам. Различными промыслами было занято 37951 (31,6 проц.) мужчин и 4245 (3,4 проц.) женщин. При этом следует иметь в виду, что для небольшой части крестьянских хозяйств (кулацких) промыслы и побочные заработки являлись дополнительной статьей обогащения, в то время как для большинства разорившихся крестьянских хозяйств они были единственным источником нищенского существования. Ежегодно 27—30 тысяч человек крестьянского населения вынуждено было в поисках работы уходить за пределы своего уезда и губернии в промышленные районы, на Нижнюю Волгу, на астраханские и бакинские промыслы, на сезонную работу в Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии. Об этом, в частности, свидетельствует выдача паспортов. В 1914 г. по Карсунскому уезду было выдано 27284 паспорта, в том числе мужчинам 23529, женщинам — 2827 и семейных — 928. Паспорта выдавались на разные сроки: бессрочных — 1287, пятилетних — 122, годичных — 24984, полугодичных — 611 и трехмесячных — 280[2].

---

[1] Местный бюджет и хозяйство Ульяновской губернии 1925—1926 гг., стр. XV.
[2] Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 г., стр. 161.

Убегая от деревенской нужды, крестьяне-отходники попадали во власть капиталистической кабалы. Многие из них, не найдя работы, возвращались обратно в деревню и вынуждены были, чтобы не умереть с голоду, заниматься нищенством. В 1911 г. по Карсунскому уезду было зарегистрировано свыше 1500 нищих (в большинстве женщины).[1]

Нищее и забитое крестьянство пребывало в условиях ужасающей темноты и невежества. Характеризуя состояние народного образования в царской России, В. И. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были **ограблены** в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[2]. Карсунский уезд может служить яркой иллюстрацией к ленинскому выводу. По данным официальной статистики в 1911 г., грамотность населения уезда составляла среди мужчин 28,6 проц., а среди женщин — 3,8 проц. На весь уезд с населением в 276186 чел. приходилось всего лишь около 90 небольших двухклассных церковноприходских школ с количеством учащихся 8 тыс. человек. На одну наличную душу населения расходы на народное образование составляли нищенскую сумму — 30—40 копеек. Зато царское правительство и местные власти усиленно поощряли очаги народного затемнения. В 1913 г. в уезде имелось 3 монастыря, 128 церквей, большое количество мечетей, часовен, молитвенных домов, кабаков и питейных заведений.[3]

Итак, малоземелье и безземелье, помещичье-кулацкая кабала, частые неурожаи и голодовки, налоговой гнет, бескультурье и забитость, политическое бесправие — все это делало невыносимо тяжелой жизнь бедняцко-середняцкой массы крестьянства Карсунского уезда. В деревне росли разорение и нищета.

В чем же было спасение для трудящегося крестьянства? Отвечая на этот вопрос, В. И. Ленин писал: «Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель — **без революции**»[4]. Было ясно, что без ликвидации помещичьего землевладения выхода для крестьянства нет. В этом—основа аграрного движения, которое широкой волной развернулось в Карсунском уезде в первые два десятилетия XX века.

Господство полукрепостнического помещичьего землевладения создавало объективную основу для резкого классового антагонизма между помещиками и крестьянами. В то же время рост капиталистических отношений вызывал обострение классовой борьбы внутри крестьянства между полупролетарскими, бедняцкими слоями деревни и кулачеством. Исходя из наличия этих двоякого рода социальных противоречий, В. И. Ленин установил наличие в стране могучих союзников рабочего класса, как для решительной победы над самодержавием, в лице всего крестьянства, так и для победы в социалистической революции, в лице сельских батраков и деревенской бедноты, составлявших большинство сельского населения. Союз рабочего класса с трудящимся крестьянством под руководством пролетариата явился той решающей общественной силой, которая ликвидировала в нашей стране самодержавно-помещичий, а затем и капиталистический строй.

---

[1] Подворная перепись 1910—1911 гг. по Карсунскому уезду, стр. 176 и 177 и 186—187.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 115.

[3] Сведения взяты из подворной переписи 1910—1911 гг. по Карсунскому уезду, стр. 7, Статистического ежегодника по Симбирской губ. за 1914 г., стр. 155, Списка *населенных мест Симбирской губ. за 1913 г., стр. 119—160.*

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 402.

Величайшим ускорителем революции явилась империалистическая война, которая поставила страну перед экономической катастрофой и еще больше усилила нужду и страдания трудящихся масс. Только за полтора года войны количество предприятий в уезде сократилось более чем на 25 проц. Промышленность приняла однобокий характер: лихорадочно работали, главным образом, предприятия, обслуживающие нужды войны. Так, например, суконные фабрики, будучи завалены заказами интендантства, уже к концу 1914 г. увеличили производство на 25—30 проц.

Однако это увеличение шло не за счет расширения и технического оснащения производства, а, главным образом, за счет всемерного усиления эксплуатации рабочих. Следующие данные, относящиеся к трем суконным фабрикам, наглядно иллюстрируют сказанное:[1]

Название суконных фабрик	Число раб-к нач. войны	Число раб. к концу войны	Число раб. дней в неделю		Число раб. часов		% увелич. произв. по дан. фаб.
			до войны	во время войны	до войны	во время войны	
Гурьевская	1495	1597	6	6	21,5	24	30
Измайловская	1009	1322	6	6—7	21,5	24	25
Румянцевская	1494	1544	6	6—7	21,0	21	20

В то же время такие предприятия, как лесопильные и винокуренные, мельницы и проч. были почти полностью свернуты. Сокращение предприятий вело к увеличению числа безработных, к увеличению рабочего дня для тех рабочих, которые продолжали работать на предприятиях.

Война привела к упадку производительных сил в сельском хозяйстве, усилила разорение крестьянства. По переписи 1917 г. количество мужчин рабочего возраста, взятых в армию, составило по Карсунскому уезду 49,4 проц. Одновременно наблюдался большой отход рабочей силы из деревни в промышленность. В селах и деревнях остались только женщины, дети и старики. Постоянные реквизиции сократили количество рабочего и продуктивного скота. Количество лошадей в 1917 г. в уезде составило 68 проц. от 1914 г. Потери крупного рогатого скота за годы войны составили 24 проц., овец и коз — 13 проц., свиней — 41,5 проц. Война отрицательно сказалась на снабжении сельского хозяйства необходимым инвентарем.

Империалистическая война усилила дифференциацию крестьянства. Это нашло свое выражение в росте безземельных, беспосевных, безинвентарных хозяйств, а также хозяйств, лишенных рабочего скота и коров. К 1917 г. в Карсунском уезде группа беспосевных хозяйств увеличилась до 19 проц., безлошадных — до 40 проц. и бескоровных — до 36 проц. Земли этого крестьянства переходили в руки деревенской капиталистической верхушки, которая экономически усилилась во время войны.

Факт, что свыше трети крестьянских хозяйств к концу войны не имело рабочего скота, свидетельствовал о высокой степени разрушения производительных сил в сельском хозяйстве. В стране резко сократились посевные площади, особенно по зерновым хлебам, упала урожайность культур. В Карсунском уезде посевные площади за время войны сократились на 25 проц., а урожайность упала на 15—20 проц. Резко ухуд-

[1] М. Н. Василевский. Профессиональное движение в Симбирской (Ульяновской) губ. до 1917 г., ч. 1, стр. 30. Изд. Ульяновского губ. профсовета. 1925 г.

шилось продовольственное положение страны. Внутренняя торговля хлебом и другими продуктами была дезорганизована вследствие катастрофического состояния железных дорог, сильно сократились и водные перевозки продовольственных продуктов и других товаров. Цены на продукты и предметы первой необходимости из года в год росли. Реальная заработная плата рабочих и служащих резко снизилась. Если зарплата с декабря 1913 г. по декабрь 1915 г. в уезде увеличилась на 50 проц., то цены на продукты питания возросли в 2—3 раза. Рост цен на продукты и товары первой необходимости и усилившаяся спекуляция увеличили число голодающего населения не только среди городских жителей и рабочих, но и среди крестьянства.

Война и вызванная ею хозяйственная разруха еще больше обострили классовые противоречия. В стране нарастал общенациональный кризис. Рабочие, крестьяне и солдаты как на фронте, так и в тылу все чаще поднимали свой голос против войны, против самодержавия. Большевистская программа-минимум, призывавшая к свержению самодержавия и установлению демократической республики, к установлению 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, находила все большее сочувствие среди рабочих, крестьян и солдат. Народные массы все больше убеждались, что спасти страну от катастрофы может только новая революция, объективные условия для победы которой уже созрели. Налицо была и реальная общественная сила, способная разрешить противоречия империализма революционным путем, — руководимый Коммунистической партией самый передовой в мире рабочий класс России и его надежный союзник — революционное крестьянство.

* * *

Империалистическая война собрала все противоречия империализма в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционный взрыв в стране. Недовольство трудящихся масс России царским правительством и империалистической войной привело в феврале 1917 г. к свержению царизма, к победе буржуазно-демократической революции, застрельщиком которой был рабочий класс, стоявший во главе миллионных масс крестьянства, переодетых в солдатские шинели и боровшихся «за мир, за хлеб, за свободу».

Свергнув царизм, рабочие и революционные солдаты, используя опыт первой русской революции, немедленно приступили к созданию своих органов власти — Советов рабочих и солдатских депутатов. Но получилось так, что Советы, в руках которых была армия, вооруженный народ, оказались в своем большинстве меньшевистско-эсеровскими. Вместо царского правительства буржуазия с помощью меньшевиков и эсеров сформировала Временное правительство. В стране создалось двоевластие, своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур: диктатуры буржуазии, в лице Временного правительства, и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

Коммунистическая партия, выйдя после февральской революции из подполья, развернула организационную и политическую работу среди широких масс. Терпеливо, настойчиво партия разоблачала буржуазный характер Временного правительства, контрреволюционную сущность его внутренней и внешней политики, предательство соглашателей и призывала рабочих, крестьян и солдат к продолжению революции. С первых же дней победы над царизмом Коммунистическая партия выдвинула ясные и понятные массам лозунги: немедленная конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день, немедленное прекращение империалистической войны, передача всей власти Советам.

Первые вести о совершившейся в Петрограде революции были полу-

чены в Карсуне 2 марта[1]. Карсунские власти решили умолчать о происшедшей в Петрограде революции. На телеграф была выслана усиленная охрана, работникам телеграфа категорически запрещалось разглашать поступавшие из Петрограда и других городов телеграммы. Вечером 3 марта под руководством председателя уездной земской управы Филимоновича состоялось секретное совещание, на котором присутствовали: городской голова, уездный воинский начальник, член окружного суда, городской судья, судебный следователь, начальник тюрьмы, уездный исправник, управляющий карсунским удельным имением, земский начальник, протоиерей собора и др. Убедившись, что с царем покончено всерьез, участники совещания решили признать буржуазное Временное правительство и выразили ему полное доверие. Чтобы избежать «возбуждения» со стороны народных масс, было решено не опубликовывать в местной печати документов о событиях, происшедших в столице и стране. На совещании был избран особый комитет из 14 человек, которому поручалось обеспечить «спокойствие» и «порядок» в городе и уезде.[2] На 5 марта было назначено более расширенное по составу совещание с участием представителей от волостей и духовенства. Совещание должно было определить конкретную структуру и характер местной власти в соответствии с требованиями Временного правительства. Однако быстро развернувшиеся события сорвали первоначальные планы контрреволюции, рассчитанные на то, чтобы парализовать местные революционные силы.

Вопреки преградам вести о совершившейся в стране революции быстро распространялись среди населения. В городе и волостях появились воззвания, сообщавшие правду о революции и разоблачавшие планы местной контрреволюции. Воззвания призывали массы к активным действиям.

6 марта в Карсуне было получено извещение о назначении председателя уездной земской управы (он же уездный предводитель дворянства) С. А. Филимоновича на пост уездного комиссара Временного правительства. Городская беднота вышла на улицы, состоялась демонстрация. Демонстранты горячо приветствовали победившую революцию и свержение царизма, решительно протестуя против назначения Филимоновича уездным комиссаром. Революционное возбуждение было острым, вылилась веками копившаяся ненависть к царизму и его слугам. Демонстранты арестовали и сильно избили Филимоновича, изгнали из города исправника Ипатова, разоружили и арестовали полицейских и разгромили помещение стражников.

Оставшиеся на свободе представители старой власти и реакционное офицерство местного гарнизона[3] пытались спровоцировать народные массы на погромные действия. Из толпы раздавались провокационные крики: «бей», «жги», «разбивай магазины» и проч. С этой же целью на площадь был выведен в полном составе 158-й пехотный запасный полк. Провокация не удалась. Сознательные солдаты разгадали замыслы провокаторов, присоединились к демонстрантам и предотвратили погром. Командир полка был арестован и подвергнут самочинной расправе солдат. Остальная часть солдат гарнизона, несмотря на все усилия реакционного офицерства, бездействовала.

Местная буржуазия, пользуясь предательством меньшевиков и

[1] Все даты до 14(1) февраля 1918 г. даются по старому стилю, а с 14 (1) февраля — по новому стилю.

[2] Ульяновский Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, лл. 1—6. (Облпартархив).

[3] Общая численность Карсунского гарнизона в годы войны достигла 14 тыс. чел. Здесь были дислоцированы 158-й запасный пехотный полк и три команды: учебная, саперная, противогазовая и рота георгиевских кавалеров.

эсеров, пыталась сосредоточить всю полноту власти в городе и уезде в своих руках. С этой целью вечером 6 марта в Карсуне было созвано многолюдное собрание, руководство которым оказалось в руках местных эсеров, возглавляемых преподавателем реального училища В. Ф. Дружицким. Пуская в ход угрозы и демагогию, эсерам удалось на время увлечь на свою сторону неискушенных в политике людей. Собрание избрало из 43 членов временный «революционный» комитет, который и был объявлен законной властью в городе и уезде. Вместо разоруженной полиции была создана «народная» милиция, принявшая на себя обязанности по охране порядка в городе. Городская беднота и революционные солдаты надеялись, что временный «революционный» комитет будет защищать их интересы. Но соглашатели не собирались удовлетворять требований народных масс. Временный «революционный» комитет целиком поддерживал все мероприятия Временного правительства. В первом же своем решении по земельному вопросу он заявил о необходимости быть осторожным в беседах с крестьянами при разъяснении аграрного вопроса, дабы не вызвать с их стороны «ложного» понимания и волнений на этой почве, а направляемым в волости представителям комитета рекомендовалось вообще не поднимать аграрного вопроса, ибо таковой будет решаться Учредительным собранием.

На состоявшемся 18—20 марта всесословном уездном земском собрании был избран новый состав земской управы, а глава местных эсеров Дружицкий избран уездным комиссаром Временного правительства. При уездном комиссаре был создан так называемый «Совет», преобразованный позднее (5 апреля) в Уездный исполнительный комитет при уездном комиссаре Временного правительства. Главную свою задачу уездный комиссар и исполнительный комитет при нем, состоявший из кадетов и эсеров, видели в том, чтобы задержать дальнейшее развитие революции, повернуть массы на путь буржуазного парламентаризма. В первой же своей декларации Уездный исполнительный комитет заявил: «Вся собственность, какая бы то ни была, считается неприкосновенной. Волостным комитетам представляется право входить в полюбовные сделки об аренде земли с ее собственниками (впредь до решения этого вопроса Учредительным собранием) в рамках закона и распоряжений Временного правительства, причем арендные расчеты производятся через волостные комитеты. Отруба, купленные душевые наделы и вообще мелкие частновладельческие земли остаются в полном распоряжении их нынешних собственников впредь до разрешения этого вопроса в Учредительном собрании».[1]

Такая политика местных властей вызвала законное возмущение народных масс. В Карсуне, фабричных поселках, в селах и деревнях трудящиеся не подчинялись распоряжениям уездного комиссара и исполнительного комитета при нем. На предприятиях рабочие создавали фабрично-заводские комитеты и явочным порядком устанавливали 8-часовой рабочий день, устраняли ненавистных мастеров. Солдаты создавали ротные, командные комитеты. Крестьяне устраняли сельских старост, изгоняли земских начальников и урядников, создавали свои комитеты, которые, не дожидаясь Учредительного собрания, отбирали у помещиков землю и делили ее между крестьянами.

В середине апреля по инициативе рабочих Гурьевской суконной фабрики был создан районный Совет рабочих депутатов Гурьевского фабричного района.[2] В конце апреля по инициативе революционных солдат 158-го запасного полка был создан Совет солдатских депутатов в Карсу-

---

[1] ГАУО, ф. 2132, оп. 1, д. 6, л. 95.
[2] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 9.

не. На первом заседании Совета присутствовали представители всех команд и рот в числе 70 чел. В состав исполнительного комитета Совета было избрано 20 членов (по одному от каждой роты и команды), а в президиум — 7 членов. На этом же заседании Совет постановил: 1) известить весь уезд об организации Совета солдатских депутатов; 2) уведомить об этом же начальника гарнизона; 3) обратиться к населению и войскам с воззванием о текущем моменте; 4) изыскать денежные средства на проведение работы Совета.

В начале мая по предложению большевиков Гурьевский районный Совет рабочих депутатов делегировал своих представителей в Карсунский Совет солдатских депутатов и, таким образом, 5 мая был образован объединенный Карсунский Совет рабочих и солдатских депутатов. Свои ближайшие задачи Совет определил в правилах членам Исполнительного комитета, утвержденных на заседании 5 мая и напечатанных в билетах, вручавшихся каждому члену Исполнительного комитета Совета. «Исполнительный комитет Карсунского Совета рабочих и солдатских депутатов, — говорилось в этих правилах, — считает себя органом правомочным, призванным служить опорой порядка и власти в городе и уезде. На обязанности каждого члена лежит следить за порядком и воздействовать на всех нарушителей его самым сильным образом вплоть до ареста. Каждому члену Исполнительного комитета носить красную повязку на рукаве с инициалами Исп. Ком. Карс. С. С. и Р. Д.»[1].

С середины мая, после первого уездного съезда крестьян, избравшего в Совет представителей от волостей, Карсунский Совет стал именоваться уездным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[2]. В Карсунском уезде, как и во многих других местах страны, создалось двоевластие. Рядом с уездным исполнительным комитетом — органом диктатуры буржуазии, существовала другая власть в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — органа диктатуры пролетариата и крестьянства. Однако большинство депутатских мест в Совете и Исполнительном комитете захватили меньшевики и эсеры.

Соглашательские тенденции были характерны не только для Карсунского Совета, но и для других Советов страны. Одна из причин такого явления, как указывал Ленин, заключалась в том, что проснулись и потянулись к политике миллионы людей, не искушенных в политике. В большинстве своем это были мелкобуржуазные массы. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[3].

Немаловажное значение имела и другая причина — изменение состава рабочих местных предприятий во время войны и «недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян»[4].

Преобладанию соглашателей в Совете способствовало и то обстоятельство, что в Карсуне в начале 1917 г. не было большевистской организации. Правда, среди рабочих Гурьевского фабричного района и среди солдат карсунского гарнизона были большевики-одиночки и сочувствующие им, но они не были организационно оформлены.

В силу разобщенности и недостаточной политической зрелости они не сумели быстро определить правильные пути своей деятельности.

---

[1] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 9.
[2] «Правда», № 66 от 8 июня (26 мая) 1917 г. и ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 28, л. 20.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 41.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 20.

Разобраться в сложной обстановке и определить пути дальнейшей борьбы большевикам Карсунского уезда, как и всей страны, помогли Апрельские тезисы В. И. Ленина, а также решения Апрельской Всероссийской партийной конференции. Эти исторические документы партии изучались с величайшим вниманием местными большевиками и получали единодушное одобрение.

Борясь за реализацию Апрельских тезисов Ленина и решений Апрельской конференции, местные большевики путем терпеливой систематической разъяснительной работы в массах разоблачали империалистический характер Временного правительства и его органов на местах, убеждали массы, что пока власть находится в руках буржуазии, а в Советах хозяйничают соглашатели, народ не добьется ни мира, ни земли, ни хлеба, ни свободы. Под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики энергично боролись за массы в Советах, на предприятиях среди рабочих, в казармах среди солдат, в волостях среди крестьян.

Большую помощь большевикам Карсуна и Гурьевского фабричного района оказывали большевистские организации Самары, Сызрани и Симбирска, направлявшие сюда своих представителей и большевистские газеты.

Большевистское влияние сильно сказалось прежде всего в среде рабочих Гурьевского фабричного района, а через них оно передавалось и на крестьянскую бедноту соседних сел. Ярким свидетельством этому может служить первомайская демонстрация. Рабочие трех суконных фабрик (Гурьевской, Измайловской, Базарно-Сызганской) и крестьяне соседних сел, пройдя отдельными колоннами по своим поселкам и селам, собрались в заранее условленном месте. Состоялся многолюдный митинг. Выступавшие на митинге большевики и беспартийные, — представители от рабочих и крестьян, — выражали открытое недовольство политикой Временного правительства, требовали прекращения войны, законодательного введения 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьей земли и передачи власти Советам. Собравшиеся на митинг единодушно приняли декларацию о нерушимом союзе рабочих и крестьян и торжественно поклялись хранить этот союз.

Усиливая работу среди трудящихся масс, разоблачая предательство соглашателей, местные большевики настойчиво добивались упрочения своих позиций в уездном Совете и в гарнизоне.

Работу по усилению влияния в Совете большевики начали с руководства плитическими выступлениями трудящихся в связи с обсуждением вопроса об отношении к коалиционному правительству, сплачивая массы вокруг лозунга «Вся власть Советам!» Выступая на митингах и собраниях рабочих, солдат и крестьян, большевики разъясняли, что члены Карсунского Совета, избранные в апреле, не выражают мнения трудящихся масс и предлагали заменить соглашательских депутатов такими депутатами, которые были бы действительными выразителями интересов рабочих, солдат и крестьян. Трудящиеся массы поддерживали большевиков и открыто высказывались против Временного правительства, требовали прекращения империалистической войны, опубликования тайных договоров и перехода власти в руки Советов. Авторитет большевиков возрастал, усиливалось их влияние в Совете. Фракция большевиков в Совете крепла, росла численно. К концу мая 1917 г. в составе Совета из 116 членов было уже 10 большевиков и значительное количество им сочувствующих[1].

О растущей активности большевиков в Карсунском Совете свидетельствует докладная записка, поданная в июне местными офицерами

[1] «Правда», № 66 от 8 июня (26 мая) 1917 г. и ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 28, л. 20.

начальнику гарнизона. В ней реакционное офицерство выражало тревогу, указывая, что Совет встал в оппозицию к начальнику гарнизона, чему способствовало образовавшееся в Совете крайнее левое течение. «Оно, судя по объявленным лозунгам, может быть названо большевистским. Постепенно это течение в Совете становится преобладающим». К числу руководителей большевизма офицеры относили солдат местного гарнизона Липкина, Шермана, Болотова, Солнцева и Бутырова—активных пропагандистов большевистских идей, широко использовавших в своих агитационных целях материал из выписываемой ими газеты «Социал-демократ».

Особенно злило и беспокоило офицерство то, что с мнением Совета все больше считались широкие трудящиеся массы, видя в его лице защитников своих интересов. Против большевистского влияния объединились все буржуазные и мелкобуржуазные партии. Они распространяли гнусную клевету, организовывали травлю большевиков. Соглашатели из Карсунского Совета, пользуясь своим численным превосходством, добивались запрещения митингов и собраний рабочих и солдат. Реакционное офицерство, опираясь на приказ Керенского об изъятии из воинских частей всех «вредных элементов», потребовало удаления из гарнизона и ареста солдата-большевика Солнцева. Офицеры особенно возмущались тем, что Солнцев агитирует против войны, за демократический мир, конфискацию помещичьих земель и всех капиталов, не дожидаясь Учредительного собрания. Офицерство настаивало также на изъятии из гарнизона и других солдат-большевиков, активных работников Карсунского Совета.

20 мая на Румянцевской суконной фабрике карсунский уездный комиссар Дружицкий арестовал трех большевиков-агитаторов, прибывших сюда из Симбирска и Сызрани для проведения дня большевистской печати и распространения газеты «Правда». Несколько позднее были арестованы пять большевиков — членов Карсунского Совета, в том числе и председатель уездного Совета К. А. Бутыров[1]. Арестованным было предъявлено обвинение в том, что они выписывали газету «Социал-демократ», рекомендовали читать ее рабочим, солдатам и крестьянам, распространяли большевистские идеи и заявляли на митингах и собраниях трудящихся о том, что «министры Керенский, Церетели и Чернов ведут страну к гибели, что друзьями рабочих и бедного люда являются большевики, что нужно скорее мириться с немцами и делить землю, не дожидаясь Учредительного собрания»[2]. Карсунских большевиков и идущих вместе с ними беспартийных поддержали большевики Симбирска и Сызрани. Они заявили решительный протест в губернском Исполнительном комитете против контрреволюционных мер карсунских властей, настаивая на немедленном освобождении арестованных. Одновременно большевики развернули широкую кампанию в защиту арестованных среди трудящихся губернии. Контрреволюционные действия карсунского уездного комиссара вызвали у рабочих и солдат бурю негодования. Солдаты сызранского гарнизона в принятой на митинге резолюции единодушно заявили: «Мы, солдаты 119-го и части 239-го полков, собравшись на митинг в числе 2000 человек и заслушав дело об аресте наших товарищей, требуем их освобождения и напоминаем, что мы, солдаты, обещаем

---

[1] Константин Андреевич Бутыров — солдат, происходил из крестьян, с. Енгалычева, Карсунского уезда, сельский портной, один из инициаторов создания Совета и большевистской организации в Карсуне. В 1917—1918 гг. занимал посты пред. уездного Совета, пред. чрезвычайно-следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. В 1919 г. был мобилизован партией на Восточный фронт. Умер от тифа в 1919 г. в г. Уфе.

[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 9, л. 20.

защищать дорогую нам свободу слова и убеждений силой своих штыков»[1].

Решительные действия большевиков, поддержанные трудящимися, сломили упорство местных властей Временного правительства. По рекомендации эсеро-меньшевистского руководства Симбирского Совета, боявшегося роста влияния большевиков среди масс, арестованные были освобождены, а Карсунский Совет под давлением солдат гарнизона вынужден был отменить свое решение о запрещении митингов и собраний[2].

После ареста Бутырова, председателем Карсунского Совета с 13 июня был избран В. Н. Вишняков[3], который, как сообщают документы, в своих выступлениях вел «зажигательную агитацию о переходе власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов», призывал «не верить Временному правительству и нисколько не считаться с его распоряжениями». «Местная буржуазия в его лице видела смертельного врага для себя»[4]. Совет под руководством Вишнякова установил выборы должностных лиц в местном гарнизоне и осуществил на этой основе выборы адъютанта и начальника хозяйственной части в 158-м полку, а командира полка постановил считать «отказавшимся от должности»[5], назначив на этот пост члена Совета М. Я. Кудрявцева[6].

В связи с начавшимся 18 июня наступлением на фронте большевики усилили работу среди солдат и добились их отказа от выполнения приказов Временного правительства об отправке на фронт.

Меры, осуществленные Карсунским Советом, вызвали тревогу не только у деятелей буржуазных властей, но и у соглашательских лидеров Симбирска. Для обсуждения карсунских событий было специально созвано экстренное пленарное заседание Симбирского Совета, на которое пригласили бывшего командира 158-го запасного пехотного полка полковника Решетникова и председателя Карсунского Совета Вишнякова. После бурных прений была создана комиссия, которой поручили всесторонне расследовать «положение всех дел в карсунском гарнизоне, в хозяйственной и строевой частях, о командире полка, о совместной деятельности полкового комитета с Советом солдатских депутатов, о манифестации, устроенной по случаю наступления. Собрать сведения о всех лицах, причастных к этим событиям»[7].

Однако это постановление было не выполнено, т. к. комиссия Карсунским Советом не была допущена к расследованию положения в Карсуне и его гарнизоне.

Борьбу внутри Совета за расширение и упрочение своих позиций большевики сочетали с работой в профсоюзах и фабрично-заводских комитетах. Партия большевиков никогда не отстранялась от профсоюзов, решительно разоблачая гнилую меньшевистскую теорию «нейтральности» и «независимости» их от политических партий.

Февральская революция впервые открыла широкую возможность для массового профсоюзного движения в России. Уже в марте—апреле 1917 г. в Карсунском уезде на всех пяти суконных фабриках и на некоторых других предприятиях возникли фабрично-заводские комитеты. В

---

[1] «Социал-демократ» — орган Московского комитета РСДРП(б), № 92 от 27/VI-1917 г.

[2] «Товарищ» — орган Сызранского комитета РСДРП(б), № 6 от 3/VI.

[3] Владимир Никифорович Вишняков — прапорщик. В 1917 г. — председатель Карсунского Совета. Зверски убит кулацко-эсеровской бандой в январе 1918 г.

[4] ЦГАОР, ф. 393, оп. 1, д. 9, л. 34.

[5] Там же, л. 46.

[6] Митрофан Яковлевич Кудрявцев — штабс-капитан. В 1917—18 гг. в Карсуне занимал ряд постов: пред. уездного Совета, военного комиссара и члена уездного комитета партии. Погиб на фронте в период гражданской войны.

[7] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 46, л. 11.

начале апреля по инициативе большевистской ячейки Гурьевской суконной фабрики был создан профсоюз текстильщиков, объединивший рабочих трех фабрик: Гурьевской, Румянцевской и Измайловской. По предложению большевиков Симбирска правление этого союза обратилось с письмом к рабочим суконных фабрик всего Симбирского текстильного района, призывая их к организации союза текстильщиков в масштабе всей губернии. Эта инициатива нашла широкий отклик не только среди текстильщиков, но и среди рабочих других профессий. 16 апреля на Гурьевской фабрике собрался делегатский съезд рабочих текстильщиков всех 16 суконных фабрик губернии. Большевики Симбирска, Сызрани, Карсуна и Самары в качестве делегатов прислали на съезд своих представителей. По предложению большевистских делегатов съезд принял ряд важнейших постановлений, касающихся улучшения условий труда рабочих. В избранном на съезде Правлении союза соглашатели оказались в большинстве, но и большевикам удалось создать в Правлении сильную фракцию. При выборах от Союза текстильщиков депутата в Симбирский Совет, съезд избрал большевика Степанова. 21 июня на Гурьевской фабрике состоялся I съезд текстильщиков, в работе которого приняли участие делегаты 26 суконных фабрик Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губернии (68 чел.). По решению съезда Союз текстильщиков Симбирского района был преобразован в Союз текстильщиков Поволжского района. Местопребыванием вновь избранного Правления союза стал Симбирск[1].

В центре внимания возникших фабзавместкомов и профсоюзов была борьба за улучшение материального положения и условий труда рабочих. В Карсунском уезде эту борьбу возглавили рабочие суконных фабрик, прежде всего рабочие Гурьевской суконной фабрики. В начале марта они явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день и установили на фабрике такой порядок, при котором администрация не имела права увольнять рабочих без согласия фабричного комитета[2]. Большевистская ячейка этой фабрики обратилась к рабочим всех суконных фабрик Симбирской губернии с призывом поддержать инициативу гурьевцев. 20 марта коллектив рабочих Измайловской суконной фабрики, прекратив работу, потребовал введения 8-часового рабочего дня. Фабрикант пытался оказать сопротивление, угрожая локаутом. Но рабочие сломили упорство фабриканта и с 21 марта явочным порядком стали осуществлять 8-часовой рабочий день. 27 апреля 8-часовой рабочий день явочным порядком осуществили рабочие Румянцевской, а затем рабочие Базарно-Сызганской и Усть-Уренской суконных фабрик[3].

Круг деятельности ФЗК все больше расширялся. От отдельных экономических требований они постепенно переходили к более высоким требованиям, в ряде случаев устанавливали рабочий контроль над производством и распределением продуктов, втягивались в общеполитическую борьбу.

В борьбе за массы перед большевиками Карсунского уезда стояли большие трудности: нужно было вырвать из-под влияния эсеров и привлечь на сторону пролетариата крестьянские массы. Крестьянский вопрос в марксистско-ленинском учении является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата. С учетом этого и строилась тактика большевиков по отношению к крестьянству в различные периоды истории.

На первом, буржуазно-демократическом, этапе революции партия

---

[1] «Очерк истории профессионального союза текстильщиков Симбирской губернии», стр. 11—12. Изд. Симб. губотд. текстильщиков, 1924.

[2] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 166, л. 37.

[3] «Профдвижение в Симбирской губернии за 10 лет», стр. 31.

большевиков отстаивала лозунг: союз пролетариата со всем крестьянством против царизма и помещиков. После февральской революции, исходя из новой расстановки классовых сил в стране, В. И. Ленин выдвинул новый лозунг: союз пролетариата с беднейшим крестьянством, против капитализма в городе и деревне при поддержке среднего крестьянства, за власть пролетариата.

После свержения царизма крестьянство надеялось, что оно получит, наконец-то, долгожданную землю. Но Временное правительство и не думало решать аграрный вопрос в интересах крестьян. Оно встало на путь защиты интересов помещиков. Когда же крестьяне сами своими выступлениями против помещиков стали напоминать о земле, Временное правительство приказало губкомиссарам привлекать «виновников» к уголовной ответственности и подавлять крестьянское движение всеми мерами «вплоть до вызова вооруженных команд».

Наряду с репрессивными мерами по отношению к крестьянам, Временное правительство боролось с революционными настроениями крестьян и «мирными», успокоительными мерами, пытаясь договориться с ними в специально созданных примирительных камерах, в которых решающую роль играли те же помещики.

Однако все эти меры не давали желаемых результатов. Крестьянское движение, развернувшееся после февральской революции по всей стране, невозможно было остановить.

В Карсунском уезде крестьянское движение началось с первых же дней февральской революции. Стихийно создавались крестьянские организации: волостные и сельские земельные комитеты и крестьянские союзы. Они самочинно снизу стремились решать и нередко решали земельный вопрос. Уже в марте в губернские и центральные учреждения Временного правительства стали поступать от помещиков Карсунского уезда жалобы на крестьян и их земельные комитеты, вмешивавшиеся в «права землевладельцев».

16 марта помещик Троицкой волости Гельшерт просил губкомиссара «оградить его от недовольства крестьян»[1]. Графиня Толстая в своей жалобе на имя министра Временного правительства писала: «Несмотря на все ваши — министров циркуляры — бумаги, волостной комитет постановляет реквизировать шестой раз последний хлеб»[2].

Наиболее крупные выступления крестьян против помещиков в марте—апреле имели место в селах Вешкайме, Анненкове, Урене, Чуфарове, Базарном-Сызгане, Орловке, Папузах, Шуватове, Белозерье, Старо-Зиновьевке и др. В ряде мест эти выступления сопровождались захватом помещичьей земли и инвентаря. 10 марта крестьяне с. Папуз в течение 24 часов изгнали из села попа Знаменского за то, что он отказался прочитать манифест об отречении Николая II, а дом его был объявлен собственностью общества, где потом была организована библиотека-читальня. На станции Инза крестьяне убили ненавистного им помещика и земского начальника Гельшерта, бежавшего из своего имения[3].

Во второй половине марта крестьяне с. Чуфарова взяли под свой контроль имение помещицы Гулак-Артемовской, проживавшей в Петрограде, изгнали из имения управляющего И. И. Люро, запретив ему являться в село, и назначили на его место своего управляющего.

Волостной сход Шуватово-Пятинской волости 4 апреля принял решение изгнать из пределов волости помещика, бывшего земского начальника В. П. Рютчи. Он был арестован и отправлен в Симбирск на-

---

[1] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 14, лл. 3 и 138.
[2] ГАУО, ф. 677, оп. 1, д. 21, л. 14.
[3] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 57, л. 94.

столько сильно избитым, что потребовалась срочная медицинская помощь. Губкомиссар освободил Рютчи из-под ареста, но возвратить его в свое имение не решился[1].

Трудовое крестьянство требовало справедливого решения земельного вопроса и, не дожидаясь Учредительного собрания, решало его посвоему. В деревне под влиянием работы, проводимой большевиками и прибывшими с фронта революционно-настроенными солдатами и матросами, аграрное движение все более усиливалось. Среди крестьян распространялись центральные и местные большевистские газеты, листовки и прокламации. Неоценимую помощь крестьянам в борьбе с помещиками оказывали рабочие местных суконных фабрик и рабочие-земляки, приезжавшие на родину из промышленных центров страны. Они сплачивали крестьян вокруг большевистских лозунгов, поднимали их на организованную борьбу за землю.

Крестьяне Шуватово-Пятинской волости в присутствии солдат, прибывших с фронта, 7 апреля на волостном сходе приняли решение, в котором заявлялось: «...ввиду полного отсутствия собственных пастбищ... разрешить Пятинскому, Тияпинскому, Чагловскому и Васильевскому обществам с открытием весны, наступающего 1917 года, производить пастьбу скота бесплатно в лесах, выгонах, свободных полях, принадлежащих помещикам и Крестьянскому поземельному банку, распределение пастбищ между обществами поручить волостному комитету»[2]. В с. Криуши солдаты выступили инициаторами отобрания в распоряжение крестьян церковных земель.[3]

Крестьянское движение, в авангарде которого шла деревенская беднота, изо дня в день нарастало. Оно приобретало массовый и упорный характер. 9 апреля симбирский губкомиссар Головинский сообщал Министерству внутренних дел Временного правительства, что в деревнях губернии, и особенно в Карсунском уезде, постановлениями волостных и сельских комитетов землевладельцы и их управляющие отстраняются, арестовываются и высылаются из имений, производится захват земли, старые арендные договоры нарушаются и устанавливаются новые аренды, начинается движение против отрубщиков.[4]

Хотя изгнание помещиков и захват их земель изо дня в день учащались, однако в марте—апреле и даже в мае крестьянские выступления большей частью не вели еще к полной ликвидации помещичьего землевладения. Земельные захваты часто оформлялись в виде аренды. Правда, при этом крестьяне диктовали помещикам свои условия. В Карсунском уезде арендные цены на пахотную землю и луговые угодия устанавливались, как правило, в размере одной четверти цен 1916 г. Арендные цены объявлялись имеющими силу и на прошлые годы и в таком случае крестьяне требовали от помещиков возврата переплаченных денег. Так, например, крестьянский сход с. Белозерья 20 апреля решил отобрать у местных помещиков землю, оставив им по 100 десятин с условием, чтобы они сдавали ее в аренду желающим крестьянам по 6 рублей за десятину[5].

Вслед за такими «арендами» земли, крестьяне отбирали у помещиков хлеб и сельскохозяйственный инвентарь. Хлеб распределялся между бедняками, а инвентарь использовался волостными комитетами путем проката.

В мае крестьянское движение охватило большую часть волостей Кар-

---

[1] ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 21, л. 17.
[2] Там же, л. 41.
[3] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 8, л. 35 и ф. 677, оп. 1, д. 14, л. 5.
[4] Центральный Государственный архив Окт. револ. (ЦГАОР), ф. 5, д. 5, л. 172.
[5] ГАУО, ф. 677, оп. 1, д. 21, л. 17.

сунского уезда. Среди крестьян стал популярным лозунг: «Брать землю, не дожидаясь Учредительного собрания, как рабочие взяли 8-часовой рабочий день».

Крепя союз пролетариата с деревенской беднотой, партия большевиков разоблачала предательство эсеров, сплачивала вокруг пролетариата и среднее крестьянство, преодолевая его колебания. В деревне нарастал разрыв между партией эсеров и крестьянством, переходившим на практике к большевистскому решению земельного вопроса. Об этом свидетельствует, в частности, решение Карсунского уездного съезда крестьян, состоявшегося в 20 числах мая. Отвергнув предложение эсеров, съезд дал своему делегату на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов наказ: отстаивать демократически-республиканский строй, всеобщее обязательное школьное образование, конфискацию казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и частновладельческих земель, независимо от размера земельного участка, способа и времени его приобретения, с предоставлением их трудящимся крестьянам[1].

Знаменитая речь В. И. Ленина, произнесенная 22 мая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, звавшая крестьян к немедленному организованному захвату помещичьих земель, не дожидаясь законов Временного правительства и созыва Учредительного собрания, а также решения Уездного съезда, нашли широкий отклик среди крестьян Карсунского уезда. Количество крестьянских выступлений в уезде значительно возросло.

С ростом крестьянского движения росла и организованность крестьян, изменялись формы и характер аграрного движения. Если в марте и апреле крестьяне добивались устранения ненавистных помещиков и их управляющих, производили порубку лесов, косили и травили помещичьи луга, вели борьбу за снижение арендных цен на помещичьи земли, то в мае и июне на первый план выдвигается борьба за захват помещичьих земель и распределение их между крестьянами.

«Захваты приняли решительный характер после Всероссийского крестьянского съезда, — доносил губкомиссар министру внутренних дел Временного правительства. — Не говоря уже о захватах, в некоторых уездах крестьяне стали вмешиваться в хозяйственные распоряжения владельцев, снимать служащих, рабочих, военнопленных, пользоваться скотом и инвентарем»[2].

Пятинский волостной комитет объявил имение Рютчи народным достоянием. Вешкаймский волостной комитет, описав 5 июня все имущество помещицы Родионовой, запретил его продавать. Водорацкий волостной комитет описал имение помещика Поливанова, а деньги за ранее взятую у него рожь крестьяне внесли в волостной комитет. Крестьяне Троицкой волости произвели захват и передел земли и лугов у помещиковОзнобишина и Карпова[3].

Наряду с помещичьими, крестьяне захватывали и кулацкие земли. В деревне усиливался раскол между беднотой и кулачеством. Особое место в крестьянском движении занимала борьба деревенской бедноты против кулаков-хуторян. Если в апреле—мае было отмечено всего лишь около 15 выступлений против кулаков, то в июне их было по уезду уже около 30. Особенно сильное движение против кулаков имело место в селах Кудашлейке, Сабаеве, Дуракине, Судосееве, Голодяевке, Б. Кандарати, М. Карсунском, Кочкине, Воскресенском и др. Крестьяне с. Б. Кандарати взяли у кулака Аристова отрубные земли, запретив ему произво-

---

[1] «Правда», № 6, от 8 июня (26 мая) 1917 г.
[2] ЦГАОР, ф. 398, д. 28, л. 75.
[3] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 14, л. 18.

дить посев. Сход крестьян с. Вознесенского решил засеять кулацкую землю всем обществом[1].

Подхватывая большевистские лозунги, крестьянская беднота увлекала за собой и среднее крестьянство. В ходе борьбы за землю все более отчетливо оформлялись два противоположных лагеря: беднота и кулаки, причем последние шли на сближение с помещиками, а первые все более усиливали борьбу не только с помещиками, но и с кулаками. Среднее крестьянство, преодолевая колебания, все более решительно становилось на сторону бедноты. Классовая борьба в деревне принимала острые формы. Выступая против помещиков и кулаков, деревенская беднота под руководством городского пролетариата поднималась на борьбу против Временного правительства и его местных органов, за власть Советов.

Волна крестьянских выступлений в Карсунском уезде весной и летом 1917 г. настолько усилилась, что помещики и местные буржуазно-эсеровские власти потеряли надежду справиться с ним мирными средствами и все чаще прибегали к вооруженной силе. Но чем больше свирепствовала контрреволюция, особенно после июльских событий, тем больше трудящиеся массы проникались сознанием необходимости свержения Временного правительства и перехода всей власти в руки Советов.

* * *

После расстрела июльской демонстрации в Петрограде политическая обстановка в стране резко изменилась. Двоевластие кончилось. Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, превратились в послушный придаток Временного правительства. Вся власть перешла в руки контрреволюционной буржуазии, которая с помощью меньшевиков и эсеров принялась громить большевистские организации. В стране установилась мрачная полоса реакции. Мирный путь развития революции стал невозможным.

В изменившихся условиях В. И. Ленин со всей ясностью поставил задачу свержения власти империалистической буржуазии вооруженным путем и замену ее властью пролетариата при поддержке его беднейшим крестьянством. Но лозунг «Вся власть Советам!» не мог служить в этот период делу революции. Партия решила временно его снять.

Волна травли и преследований большевиков и революционно-настроенных рабочих, солдат и крестьян охватила и провинцию. Эсеры и меньшевики Карсунского Совета оказались достойными своих петроградских руководителей, запятнавших руки кровью рабочих и солдат. Они возглавили начатую контрреволюцией кампанию репрессий, направленную против большевиков и рабочих, против солдат и крестьян.

С помощью представителя командования Казанского военного округа руководство 158-м полком после июльских событий вновь захватили в свои руки реакционные офицеры. В гарнизоне переизбрали ротные и командные комитеты; большевики и революционно-настроенные солдаты были выведены из комитетов. Было запрещено, под страхом сурового наказания, распространять среди солдат большевистские газеты. Реакционное офицерство потребовало удаления из Карсунского Совета солдат большевиков и им сочувствующих и возвращения их в роты и команды для отправки на фронт. По приказу командующего Казанским военным округом был арестован председатель Карсунского Совета В. Н. Вишняков. Правда, вскоре он был освобожден, но дело о нем было передано судебному следователю. Казанское военно-окружное управление через своих представителей, командируемых в Карсун, усилило нажим на уездный Совет.

---

[1] Сведения взяты из материалов Поземельного Крестьянского банка, хранящихся в ГА[illegible] и из местных газет за 1917 г.

В наступление против революционных масс перешли помещики и фабриканты. Они мстили рабочим и крестьянам за революционные выступления. Фабриканты объявляли локауты, пачками увольняли рабочих, обрекая их на безработицу, прекратили подвоз хлеба, отказались платить заработную плату членам фабричных комитетов и депутатам Совета. Помещики добивались отмены постановлений сельских сходов и крестьянских комитетов о земле, разрывали невыгодные для них арендные договоры, отказались от каких бы то ни было организованных соглашений с крестьянами. Начались массовые аресты членов земельных комитетов.

Одновременно кадетско-эсеровские власти усилили посылку вооруженных отрядов в те деревни, где крестьяне производили земельные захваты. В июле и первой половине августа вооруженные отряды были направлены в Троицкую, Сосновскую, Коржевскую, Старо-Зиновьевскую, Б. Сызганскую, Потьминскую, Анненковскую и Вешкаймскую волости и в села Никитино, Лаву, Спасское, Куроедово, Березники, Репьевку, Карлинское и др.[1]

Выступление контрреволюции не сломило революционной активности масс. Наоборот, оно ускорило переход народа на сторону большевиков, усилило назревание революционного кризиса в стране.

В условиях нарастания революционного движения, лучшие представители рабочих и солдат, несмотря на преследования, вступали в партию большевиков. Они уверенно становились в ряды борцов за социалистическую революцию.

В августе большевистское ядро в Карсунском Совете еще более окрепло и увеличилось, а среди местной эсеровской группы начался развал и разброд. Окрепла большевистская ячейка на Гурьевской суконной фабрике. Возникли большевистские ячейки на Измайловской, Базарно-Сызганской, Усть-Уренской и Румянцевской суконных фабриках. Установилась постоянная связь большевиков Карсунского уезда с большевистскими организациями Симбирска и Сызрани.

Итоги работы местных большевистских организаций и партии в целом по революционной мобилизации масс в послеиюльский период были подведены на VI съезде партии, который собрался в конце июля в Петрограде. Съезд обсудил важнейшие вопросы революции. Все его решения были направлены на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию, к завоеванию диктатуры пролетариата. Съезд со всей силой подчеркнул особую значимость ленинского положения о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства, как решающего условия победы социалистической революции.

Руководствуясь решениями VI съезда партии, большевики Карсунского уезда усилили свою работу в массах, ставя перед ними задачу подготовки к вооруженному восстанию против Временного правительства. В августе они провели ряд митингов и собраний на суконных фабриках, в казармах местного гарнизона и в некоторых волостях, на которых принимались большевистские резолюции с протестом против Московского государственного совещания, с требованием созыва II Всероссийского съезда Советов и перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. К концу августа большевики уезда вели за собой большинство местного пролетариата, пользовались большим авторитетом среди солдат гарнизона. В Совете им не раз удавалось проводить свои резолюции. Так, в ответ на контрреволюционный приказ Казанского военного округа, запрещавшего солдатам возражать против распоряжений Временного правительства, Карсунский Совет по предложению большевиков принял

---

[1] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 49, лл. 4 и 10.

решение — подчиняться только Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Возросшее влияние большевиков среди масс особенно ярко проявилось в дни разгрома корниловщины, когда революционные массы решительно поддержали требования большевиков о немедленном вооружении рабочих и солдат, об аресте контрреволюционных элементов и закрытии черносотенных газет. В Карсуне, в фабричных поселках, в селах и деревнях уезда проходили массовые собрания. На суконных фабриках и других предприятиях создавались вооруженные рабочие дружины. Общее собрание рабочих Гурьевской суконной фабрики заклеймило позором авантюру Корнилова, пытавшегося развязать братоубийственную войну, приняло решение о создании «Комитета охраны революции» и организации Красной Гвардии из рабочих и демобилизованных солдат. Собрание решило по первому зову выступить на подавление контрреволюции и призвало рабочих к вооружению[1]. Железнодорожники ст. Инза приняли меры, чтобы не допустить переброску контрреволюционных частей по железной дороге к центрам страны. Солдаты 158-го полка 29 августа отказались выполнить приказ командира 44-й бригады об отправке их на фронт. Крестьяне на своих собраниях выносили решения о запрещении помещикам выезжать из своих имений куда бы то ни было.

В связи с быстрым ростом влияния большевиков на массы, губернские буржуазно-соглашательские газеты в конце августа подняли крик о большевистской опасности в Карсуне. Губкомиссар вместе с командованием 44-й бригады направили в Карсун видного члена губернской организации эсеров с заданием арестовать Вишнякова. Узнав об этом, солдаты 158-го полка и часть членов Совета стали на защиту Вишнякова и подвергли аресту вместо него уездного комиссара Дружицкого и начальника милиции Сипайлова. Первый вскоре был освобожден, а последнего отправили в Симбирск, откуда он больше в Карсун не возвращался.

Корниловская авантюра знаменовала собой резкое обострение классовой борьбы в стране. Контрреволюция спешила покончить с революцией и установить в стране военную диктатуру. Однако армия революции оказалась сильнее. Партия большевиков, руководимая Лениным, мобилизовала все революционные силы против контрреволюционного заговора генералов, и корниловщина была разгромлена. После разгрома корниловщины влияние большевиков резко возросло. Среди эсеров усилился развал и разброд. Массы освобождались от соглашательских иллюзий, сплачивались вокруг лозунгов большевиков. В стране началась большевизация Советов.

Осенью 1917 г. в развитии русской революции произошел величайший перелом. В стране назрел общенациональный революционный кризис. Классовая борьба приобрела характер гражданской войны. Начался период организации штурма буржуазной власти.

В условиях нарастающего революционного подъема и большевизации Советов партия вновь выдвинула на очередь лозунг «Вся власть Советам!» Но теперь этот лозунг имел уже другое содержание: речь теперь шла о прямом переходе власти в руки Советов, руководимых большевиками, путем вооруженного восстания.

В Карсунском уезде, как и во всей стране, осенью 1917 г. сложилась напряженная обстановка. Хозяйственная разруха и продовольственный кризис приняли катастрофический характер. Увеличилась безработица. Народ голодал.

На почве продовольственных затруднений и безработицы в конце сентября и начале октября в рабочих поселках начались забастовки. В

---

[1] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 7, л. 202.

Гурьевском фабричном районе рабочие фактически становятся хозяевами положения. Сюда приехала группа демобилизовавшихся солдат с русско-турецкого фронта, среди которых были большевики и им сочувствующие. С западного фронта был снят целый батальон, распропагандированный большевиками. Часть его с батареей, пулеметами и винтовками осела в Гурьевском фабричном районе. Основная масса батальона — волжане, рабоче-крестьянская молодежь. Опираясь на эти силы, фабричный комитет осенью 1917 г. установил на фабрике рабочий контроль, а созданный под руководством большевиков кружок рабочей молодежи осуществил 6-часовой рабочий день для подростков.

Продовольственные затруднения обострили обстановку и в Карсуне. Среди городской бедноты и солдат начались волнения. Солдаты стали открыто призывать к выступлению против Временного правительства.

Революционный кризис нарастал не только в городах и рабочих поселках, но и в деревне. Широкие крестьянские массы все больше убеждались, что эсеры не будут бороться за их интересы, что только партия большевиков может избавить их от войны, только она способна отдать землю крестьянам. Борьба крестьян с помещиками и кулаками, несмотря на аресты и высылку карательных отрядов, разгоралась с новой силой. На первый план выдвигаются такие формы крестьянской борьбы, как «выкуривание» помещиков из насиженных гнезд, погромы и поджоги имений, захват и раздел помещичьих земель.

В сентябре крестьянским движением были охвачены не только отдельные села, а целые волости Карсунского уезда: Аскульская, Старо-Зиновьевская, Анненковская, Сосновская, Троицкая и частично Вешкаймская, Коржевская и Потьминская. Так, крестьяне Старо-Зиновьевской волости отобрали у графини Толстой всю пахотную землю, 100 десятин лугов, изгнали из имения стражу и вывезли из амбаров 9000 пудов хлеба[1]. Подобные случаи имели место и в имениях помещиков Анненковых, Бутурлиных, Родионовых, Поливановых и др.

Сентябрьская сессия Губернского земельного комитета вынуждена была признать, что крестьянство повсюду возбуждено и что, в связи с этим, в губернии создалось весьма напряженное положение. Карсунский представитель сообщал на этой сессии, что «захваты помещичьей земли в уезде — это совершившийся факт»[2].

Захваты помещичьих земель в сентябре, осуществлявшиеся революционными комитетами, носили характер ярко выраженной борьбы с Временным правительством и соглашателями. Это была сознательная борьба крестьян за землю.

О размахе аграрного движения в Карсунском уезде к ноябрю 1917 года можно судить по следующим, далеко не полным данным: с марта по июль в уезде было зарегистрировано 9 случаев захвата помещичьих земель, а с августа по октябрь включительно — около 40. Всего за этот период было зарегистрировано свыше 80 выступлений, т. е. почти в два раза больше, чем за предыдущий период 1917 г.[3]. При этом наибольший размах аграрное движение получило в тех волостях, где сильнее всего было развито помещичье землевладение и где бедняцкие хозяйства составляли больший процент.

Длительная и упорная борьба крестьян за землю выдвинула в авангард революционной борьбы в деревне бедноту, составлявшую вместе с рабочим классом и под его руководством ту общественную силу, которая совершила социалистическую революцию.

---

1 ЦГАОР, ф. 406, д. 93, лл. 93 и 164.

2 ГАУО, ф. 818, д. 110. Протокол Губ. зем. комитета.

3 Сведения составлены на основе материалов, хранящихся в ЦГАОР, фф. 398 и 406 и в ГАУО, фф. 677 и 2132, а также материалов из местных газет за 1917 г.

Крестьянскую борьбу в октябре 1917 г. В. И. Ленин рассматривал как самый крупный фактор в жизни России, свидетельствующий о переходе народа на сторону большевиков и о своевременности практической постановки вопроса о вооруженном восстании против Временного правительства.

* * *

Решающий удар по силам контрреволюции партия большевиков готовила в центре страны — в Петрограде и Москве. В то же время в ленинском плане вооруженного восстания предусматривалась и важная роль провинции, конкретные задачи отдельных городов и областей. На большевиков провинции возлагалась задача подготовки и проведения вспомогательных ударов против буржуазной власти.

Руководствуясь указаниями и директивами ЦК, большевики Симбирской губернии в целях непосредственной подготовки трудящихся масс к решительной борьбе против Временного правительства и его органов на местах провели 9 октября под руководством представителя ЦК тов. Жукова И. П. окружную партийную конференцию. Конференция обсудила вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание и текущий момент. На конференции были определены конкретные задачи большевиков губернии в общем плане подготовки и проведения вооруженного восстания, утвержден большевистский список кандидатов в Учредительное собрание. Особым обращением конференция призвала рабочих, солдат и крестьян губернии голосовать за большевиков[1].

Окружная конференция РСДРП(б), фактически явившаяся первой губернской конференцией, имела большое значение. Она не только определила конкретные задачи местных большевиков в общем плане подготовки вооруженного восстания, но и связала большевистские организации губернии, установила между ними тесный контакт и определила дальнейшие задачи их организационно-политического укрепления.

Важную роль в мобилизации масс для решительной борьбы против Временного правительства и его органов на местах сыграл I Губернский рабочий съезд, состоявшийся в Симбирске 10—11 октября. На съезде присутствовали представители рабочих от всех уездов губернии. Большевистская фракция съезда, опираясь на передовую часть делегатов (металлисты, железнодорожники и текстильщики), нанесла решительный удар по меньшевикам, пытавшимся захватить в свои руки руководство съездом и ограничить его работу только обсуждением списков кандидатов в Учредительное собрание. Большевики поставили на обсуждение вопрос о текущем моменте и внесли резолюцию, требующую перехода всей власти в руки Советов, резолюция была принята большинством голосов. «Мы требуем, — заявлялось в этой резолюции, — немедленного перехода всей полноты государственной власти в руки народа, т. е. Советов РС и Кр. Д., памятуя, что только эта власть будет в состоянии созвать Учредительное собрание в назначенный срок и способна не на словах, а на деле бороться с контрреволюционным выступлением буржуазии»[2].

Руководствуясь указаниями ЦК и опираясь на решения Окружной партийной конференции и Губернского рабочего съезда, большевики Карсунского уезда всю свою практическую деятельность подчинили одной решающей задаче — подготовке трудящихся к непосредственной борьбе за власть Советов.

К концу октября большевики сплотили вокруг себя активную часть местных рабочих, особенно на суконных фабриках, и обеспечили им необходимую поддержку со стороны революционных солдат и деревенской

---

[1] «Симбирская правда», — орган Симб. к-та РСДРП(б), № 1, от 21.X.17 г.

[2] Там же.

бедноты. Об этом свидетельствуют, в частности, итоги выборов в Учредительное собрание, которые хотя и проходили уже после победы вооруженного восстания в Петрограде, но отражали соотношение классовых сил в стране, сложившееся накануне победы социалистической революции.

Анализируя итоги выборов в Учредительное собрание по стране, В. И. Ленин сделал вывод о том, что большевики имели за собой гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними партия меньшевиков была разбита к этому времени наголову. Этот ленинский вывод в полной мере относится и к Карсунскому уезду, хотя он не являлся промышленным. В целом по уезду большевики получили в 10 раз больше голосов, чем меньшевики. А в Гурьевском фабричном районе, где были сосредоточены основные кадры местного пролетариата, большевики при выборах в Учредительное собрание получили в 18 раз больше голосов, чем меньшевики. Подавляющая часть солдат карсунского гарнизона, голосовавшая отдельно от гражданского населения, также отдала свои голоса за большевистских кандидатов. Среди солдат большевики получили в два с половиной раза больше голосов, чем эсеры[1].

Большевистская партия становилась единственным политическим руководителем революционных масс. Она вела их за собой в последний решительный бой. По всей стране под руководством уполномоченных ЦК шла кипучая революционная работа. Приближались решающие дни штурма буржуазной власти.

В этот период ЦК уделял основное внимание организации и укреплению боевых сил восстания — Красной Гвардии. Вооруженные рабочие отряды в Карсунском уезде, в частности на суконных фабриках, возникли еще в период борьбы с корниловщиной. В октябре большевики провели энергичную работу по организации и укреплению отрядов Красной Гвардии во всем Гурьевском фабричном районе. Этой работой непосредственно занимались Рябчинский, Абдулла Усманов, Волков, Шерстянов и молодой рабочий Фадин.

Большевики усилили работу в Карсунском гарнизоне. 22 октября Карсунский Совет распространил среди солдат специальную анкету. Отвечая на поставленные вопросы анкеты о власти, большинство солдат 158-го запасного пехотного полка высказалось за передачу всей власти и в центре и на местах в руки Советов.

К концу октября большевики значительно укрепили свои позиции. На суконных фабриках создавались и укреплялись отряды Красной Гвардии, приобреталось оружие. Большевики Карсуна установили регулярную связь с большевистскими организациями Сызрани и Симбирска, аккуратно получали центральные большевистские газеты и газету Симбирского комитета РСДРП «Симбирскую правду».

Благодаря всему этому они были в курсе всех политических событий страны и в курсе задач, которые ставил ЦК партии перед местными большевистскими организациями. Опираясь на передовую часть беспартийных депутатов, они все более и более усиливали влияние в Совете и не раз добивались принятия революционных решений. Но все же большевики не имели еще в Совете решающего перевеса сил над силами соглашателей. Именно этим и объясняется тот факт, что на заседании Исполкома Совета 23 октября (присутствовало 33 члена), при обсуждении вопросов о войне и мире и об организации государственной власти была принята после упорной борьбы незначительным большинством туманная резолюция. В ней заявлялось: «Потребовать от Временного правительства: 1) временно заключить перемирие с противником на своем фронте и до-

---

[1] ГАУО, ф. 2153, оп. 1, д. 1, лл. 377—379.

биваться этого же на остальных фронтах. Совместно с союзными нам народами начать мирные переговоры, добиваясь скорейшего окончания войны, честного, справедливого, демократического мира всему миру по формуле воззвания русской революционной демократии, выпущенного в марте сего года к народам всего мира. Заключить мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов..., 2) передать власть в Российской республике в руки революционной демократии в лице Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которые должны выделить из себя Временное правительство, ответственное перед народом, не входя в коалицию с кадетами и буржуазными классами»[1].

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, провозглашение Советской власти и декреты, принятые II Всероссийским съездом Советов, вызвали величайший революционный подъем в массах.

Первыми в Карсунском уезде установили власть Советов рабочие Гурьевской суконной фабрики. 27 октября они получили сведения от начальника почтового отделения о свержении власти Временного правительства. Вслед за этим на фабрику пришли газеты Сызранского Совета, в которых подробно сообщалось о победе вооруженного восстания в Петрограде, о декретах и постановлениях II Всероссийского съезда Советов. 1 ноября в Гурьевке состоялся многолюдный митинг, на котором рабочие и крестьяне приветствовали победу Советской власти и выразили желание всеми средствами защищать ее. Созданный еще в дни корниловщины «Фабричный революционный комитет», выполнявший теперь функции ревкома, 2 октября передал власть в поселке Совету, установил рабочий контроль на фабрике и, опираясь на отряды Красной Гвардии, возглавил борьбу за власть Советов во всем Гурьевском фабричном районе.

Первые известия о событиях в Петрограде дошли до Карсуна 28 октября. Но они были настолько противоречивы, что разобраться в истинном положении было чрезвычайно трудно. С одной стороны, по городу распространялись ложные телеграммы губкомиссара о жизненности Временного правительства, а с другой стороны, прибывшие в город солдаты и рабочие с Гурьевской фабрики доказывали, что в столице победила социалистическая революция, власть перешла в руки Советов.

Конец лживым слухам положил возвратившийся в Карсун из Петрограда делегат II Всероссийского съезда Советов В. Н. Вишняков. 31 октября в одной из казарм 158-го запасного полка большевики провели собрание, на котором присутствовали наиболее революционно настроенные солдаты. На собрании по предложению большевиков выступил Вишняков, подробно ознакомивший собравшихся с историческими событиями, происшедшими в Петрограде. Собрание решило созвать Пленум Карсунского Совета, на котором и объявить о переходе власти к Совету. Расширенный Пленум Совета состоялся 3 ноября. В. Н. Вишняков подробно рассказал на нем о победе вооруженного восстания в Петрограде, о свержении Временного правительства и создании Советского правительства (СНК) во главе с В. И. Лениным. Пленум постановил: передать всю полноту местной власти в руки Совета и назначил комиссаров в старые органы самоуправления, на почту и телеграф, в казначейство и банк. Специальным обращением Пленум призвал трудящихся уезда поддержать все мероприятия Совета.

Местная контрреволюция ответила на установление Советской власти в Карсуне яростным сопротивлением. В тот же день, когда пленум Сове-

---

[1] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 57, л. 28.

та решил вопрос о власти, враги революции расклеивали по городу черносотенные листовки и воззвания с призывом «долой большевиков», спровоцированная контрреволюцией, группа отсталых солдат подвергла разгрому винные склады и погреба, начался разгром магазинов. Реакционное офицерство пыталось вовлечь в погромы всех солдат гарнизона, и тем самым дезорганизовать революционные силы 158-го полка, шедшего за большевиками. Но эта попытка не удалась. Солдаты не поддались на провокацию.

Эсеры решили нанести удар Совету и большевикам иными путями. 4 ноября они созвали в Карсуне так называемый «крестьянский съезд», специально подтасованный из кулаков соседних с Карсуном сел и деревень. Большевики решили разоблачить комедию эсеров со съездом. Совет внес на этот «съезд» вопрос о признании Советской власти. Как и следовало ожидать, кулацко-эсеровское большинство «съезда» злобно отвергло это предложение.

Контрреволюция торжествовала: в городе продолжались погромы, «крестьянский съезд» отверг предложение о признании Совета. Но торжество оказалось преждевременным.

Благодаря решительности и энергии большевиков, вставших во главе революционных солдат, погром в городе был быстро ликвидирован, а кулацко-эсеровский «съезд» решением Совета был распущен. Под руководством Бутырова, Вишнякова, Кудрявцева и Ф. Н. Панова революционные солдаты восстановили порядок в городе.

Но силы контрреволюции в Карсуне не были до конца разгромлены. В городе образовалось два стоящих друг против друга лагеря: лагерь революционных сил во главе с большевиками и Советом, опиравшийся на солдат 158-го полка и лагерь контрреволюционных сил во главе с кадетами, эсерами, думцами и земцами, в распоряжении которых была рота георгиевских кавалеров (700 чел.) и около 450 офицеров. Для борьбы с большевиками и Советом кадеты и эсеры создали особый орган. Чтобы ввести местное население в заблуждение, они присвоили ему наименование «Ревком».

6 ноября погромы в городе возобновились. Контрреволюционеры незамедлили перенести свои действия и в деревню. Волна погромов разлилась широкой волной по всему уезду. Веками накопившаяся в крестьянстве ненависть к помещикам была направлена эсерами на разгром помещичьих имений, винокуренных заводов, винных складов.

Небольшая группа большевиков—работников Совета—оказалась со всех сторон окруженной смертельными врагами, угрожавшими ей расправой. Но Совет, опираясь на революционных солдат 158-го полка, с честью отражал все выпады контрреволюции, бережно охранял ростки новой революционной власти, сплачивал вокруг себя все честные силы, зорко следил за политическим положением в городе и в уезде, посылая на места своих делегатов, снабженных широкими полномочиями. Одновременно большевики обратились за помощью к рабочим Гурьевского фабричного района и к Сызранскому Совету. Для руководства борьбой с контрреволюцией при Совете был создан Ревком во главе с Вишняковым, в руки которого перешла вся полнота гражданской и военной власти.

Сильным ударом по контрреволюции было установление Советской власти в фабричных поселках. Вслед за Гурьевкой признали власть Советов рабочие Измайловской суконной фабрики. «Мы, — заявили рабочие этой фабрики на собрании 9 ноября, — призываем всю демократию сплотиться в единую могучую революционную армию, и, объединившись вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, двинуться вперед, если понадобится с оружием в руках, на защиту революции и свободы против буржуазии и предателей демократии — бывшего Керен-

ского, генералов Корнилова и Каледина»[1]. На фабрике был создан Ревком, который вместе с фабричным комитетом приступил к осуществлению рабочего контроля над производством.

Подобные же решения были приняты рабочими и на остальных трех суконных фабриках. Рабочие лишали меньшевиков и эсеров депутатских мандатов и посылали в Симбирский и Карсунский Советы большевиков и им сочувствующих.

12 ноября рабочие Гурьевского фабричного района направили в Карсун 75 вооруженных красногвардейцев. Одновременно в Карсун прибыл эскадрон революционных кавалеристов, направленный сюда Сызранским Советом. Перевес вооруженных сил теперь оказался на стороне Совета. Опираясь на эти силы, Ревком Совета разогнал кадетско-эсеровский «Ревком», ликвидировал погромы в городе и 15 ноября принял решение о роспуске Городской думы и Земской управы, подверг аресту уездного комиссара Временного правительства.

На помощь карсунской контрреволюции поспешил, еще не устраненный от власти, симбирский губкомиссар Временного правительства. В своих телеграммах в Карсун он безапелляционно заявлял, что «местные земские и городские самоуправления являются единственными носителями государственной власти». Для замещения должности уездного комиссара он направил офицера Будакова. Но последний, не успев вступить на этот пост, получил от Ревкома распоряжение — немедленно вернуться в Симбирск, что он и поспешил сделать. Уездным комиссаром Ревком назначил В. Н. Вишнякова[2]. Власть в Карсуне полностью перешла в руки Советов.

Установление Советской власти в деревне и проведение в жизнь декрета о земле осуществлялись в условиях острой классовой борьбы. Против деревенской бедноты, шедшей вместе с городским пролетариатом на борьбу за землю и власть Советов, ополчились все враги: помещики, кулаки и эсеры. Часть среднего крестьянства все еще колебалась, поддаваясь эсеровскому обману. Нужно было организовать бедноту, сплотить вокруг нее середняков. Деревня нуждалась в помощи пролетариата.

Оказывая помощь крестьянству, карсунская большевистская группа и гурьевская партийная ячейка направили в первой половине ноября в села группу агитаторов и организаторов из рабочих и солдат. Агитаторы разъясняли крестьянам декреты о мире и земле, принятые II Всероссийским съездом Советов, природу и задачи Советской власти, помогали бедноте организоваться.

11 ноября Карсунский Совет принял решение о посылке в волости членов Исполнительного комитета для оказания помощи деревенской бедноте в установлении и закреплении Советской власти, проведении в жизнь декрета о земле. Для них был разработан и утвержден специальный наказ. Наказ возлагал на членов Исполнительного комитета обязанность разъяснять крестьянам значение декрета о земле и порядок проведения его в жизнь. Вместе с тем, наказ предупреждал крестьян уезда, что никто не имеет права самочинно совершать захвата казенного, церковного и частновладельческого имущества и земли, производить порубку лесов, а также совершать расхищение живого и мертвого инвентаря; волостные земельные комитеты должны строго руководствоваться законом о земле, принятым вторым Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября и обязаны принять на учет все помещичьи земли, леса, мертвый и живой инвентарь.

---

[1] Журнал «Ткач», № 3 за 1917 г.

[2] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 94, л. 123. Из доклада о деятельности Карсунского Совета, а также «Известия Карсунского Совета» № 38 за 1918 г.

Членам Исполнительного комитета Совета вменялось в обязанность следить за действиями волостных земельных комитетов и не допускать нарушений и каких бы то ни было отклонений от декрета о земле. Наказ рекомендовал членам Исполнительного комитета вместе с агитаторами и организаторами собирать волостные и сельские сходы, на которых разъяснять крестьянам текущие события, убеждать их в необходимости быстрейшего установления в деревне власти Советов. Одновременно рекомендовалось крестьянам тех волостей, от которых не было в уездном Совете представителей, избирать таковых и направлять их в Карсун для инструктирования. В некоторые волости, где сопротивление контрреволюции было особенно сильным, уездный Совет направил в распоряжение членов Исполнительного комитета вооруженные отряды из рабочих и революционных солдат[1].

Работа агитаторов и членов Исполнительного комитета Совета помогла большевикам подготовить и созвать 8 декабря в Карсуне пленарное городское и общеземское собрание с представителями от волостных и сельских комитетов. Участники собрания единодушно выразили доверие Советской власти, одобрили все мероприятия Карсунского Совета, решительно осудили раскольническую деятельность эсеров, считая Городскую думу и Уездную земскую управу распущенными.

Во второй половине декабря 1917 г. и в январе 1918 г. произошел крутой поворот крестьянства уезда в сторону Советской власти. Этому способствовали переход власти 10 декабря в руки Совета в губернском центре—Симбирске—и роспуск Учредительного собрания, отказавшегося признать декреты Советской власти. Крестьянство убедилось на собственном опыте в контрреволюционности Учредительного собрания и необходимости повсеместного установления власти Советов. Большую помощь оказали крестьянам в установлении Советской власти прибывшие в деревню большевистски настроенные демобилизованные солдаты, в лице которых местные большевики получили хороших агитаторов и организаторов.

По мере роста сил пролетарской революции в деревне, трудящееся крестьянство резко меняет характер и формы революционной борьбы. Теперь оно направляет свою энергию не на разгром и расхищение имений, а на организованную конфискацию помещичьей земли и на полную ликвидацию деревенских властей Временного правительства, на создание своих подлинно революционных органов власти — волостных и уездных Советов. Таким образом борьба крестьянства за землю, за ликвидацию помещичьего землевладения органически сливалась с борьбой за установление Советской власти.

Советская власть раньше всего устанавливалась в тех волостях, где помещичье землевладение было наиболее значительным. В волостях же со слаборазвитым помещичьим землевладением (исключая фабричные волости) власть Советов устанавливалась позже. В волостях крупного помещичьего землевладения, революционный подъем крестьян был сильнее, а влияние эсеров меньше, чем в волостях со слаборазвитым помещичьим землевладением.

К концу января 1918 г. Советская власть установилась в большинстве сел и деревень 13 волостей уезда из 23, в том числе в Карсунской, Жадовской, Б Сызганской, Гурьевской, Водорацкой, Усть-Уренской, Вешкаймской, Троицкой, Коржевской, Анненковской, Потьминской, Бело-Ключевской и Сосновской[2].

---

[1] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 14.
[2] ГАУО, ф. 2132, оп. 1, д. 30, л. 23.

Потерпев поражение в открытом выступлении против Советской власти, контрреволюция ухватилась за идею Учредительного собрания, стремясь использовать его для свержения Советской власти, для ликвидации завоеваний Октябрьской революции.

Под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» активизирует свою деятельность и местная контрреволюция. Воспользовавшись демобилизацией 158-го пехотного полка, в лице значительной части солдат которого Совет всегда имел поддержку, контрреволюция готовила новый заговор в Карсуне. В распоряжении контрреволюции имелись внушительные силы: оставшееся не удел после демобилизации солдат и занимавшееся пьянкой офицерство, рота георгиевских кавалеров и караульная охрана, поголовно состоявшая из кулацких сынков. Центром организующейся контрреволюции стала ранее распущенная, но вновь собравшаяся нелегально 3 января, реакционная Городская дума. На тайном совещании 4 января Городская дума решила подготовить и провести в Карсуне антисоветскую демонстрацию в защиту Учредительного собрания и вынесла смертный приговор ответственным работникам Совета.

Выполняя свой бандитский план черного террора, заговорщики 6 января, по дороге из Карсуна на станцию Вешкайма, зверски убили председателя уездного Совета В. Н. Вишнякова, направлявшегося на III Всероссийский съезд Советов.

Злодейское убийство Вишнякова послужило сигналом для антисоветского мятежа в Карсуне. Мятежники ударили в набат, осадили Совет. В разных местах города начались пожары и погромы.

Большевики, опираясь на поддержку городской бедноты, с помощью отряда Красной Гвардии оказали обнаглевшей контрреволюции упорное сопротивление. На помощь Совету в Карсун прибыли вооруженные силы из Симбирска и Сызрани и рабочие суконных фабрик. С 9 часов утра 9 января решением Совета город и уезд были объявлены на военном положении. Мятежникам предлагалось немедленно сдать оружие в Совет[1].

Убийство Вишнякова и выступление мятежников вызвали всеобщее возмущение и осуждение трудящихся всего уезда. Не только рабочие, но и все трудящееся крестьянство уезда изъявило готовность немедленно стать на защиту Советской власти. К вечеру 9 января мятеж в Карсуне был ликвидирован. Состоявшееся под председательством М. Я. Кудрявцева экстренное заседание Карсунского уездного земского собрания с участием представителей от волостей и уездного Совета вновь обсудило вопрос об отношении к Советской власти. М. Я. Кудрявцев в своем заявлении подробно рассказал о значении и задачах Советской власти, об антисоветских происках контрреволюции и объяснил, почему Совет вынужден был объявить город Карсун и уезд на военном положении. Большинство выступавших на собрании одобрило разгон Учредительного собрания и требовало всемерного укрепления Советской власти. В принятой резолюции собрание заявило: «Подтвердить свое постановление от 15 ноября 1917 года[2] с добавлением — выразить Совету доверие в его совместной с демократическими учреждениями и организациями работе и просить Совет о всемерной поддержке земского дела»[3].

Большевики понимали, что такое постановление не может служить

---

[1] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 94, л. 123 и УОПА, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 20.

[2] В пленарном заседании 15 ноября Карсунское земское собрание совместно со всеми общественными организациями и учреждениями признало власть Временного народного правительства и постановило до образования постоянной власти предстоявшим Учредительным собранием в Карсуне образовать военно-революционный комитет из представителей земства и города, Совета РС и Кр. Д., эсеров и нач. гарнизона.

[3] ГАУО, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 19.

прочной основой в дальнейшей деятельности Совета и что конфликт со старыми органами самоуправления неизбежен. Тем не менее это постановление давало большевикам выигрыш во времени, чтобы лучше подготовиться и нанести окончательный удар по силам старого режима.

Определяя свое отношение к старым учреждениям земского и городского самоуправления, местные большевики исходили из указаний Советского правительства. Как известно, Советская власть на первых порах допускала использование органов местного городского и земского самоуправления в своих целях. При этом указывалось, что Советы являются единственной властью, а земские и городские учреждения должны ведать лишь местным хозяйством под контролем Советов.

Такая тактика в отношении земского и городского самоуправления диктовалась тем, что Советы, не имея необходимого аппарата и подготовленных кадров, не могли сразу взять в свои руки руководство местным хозяйством. Только по мере своего укрепления, Советы могли взять в свои руки непосредственное руководство местным хозяйством и ликвидировать земства и городские думы. Для этого нужно было время.

Вместе с тем необходимо было разоблачить эсеров, убедить трудящиеся массы на их собственном опыте в превосходстве Советов, как органов социалистической демократии, над земским и городским самоуправлением — органами буржуазной демократии — и тем самым привести массы к сознанию необходимости ликвидировать эти буржуазные организации. Для этого также необходимо было время.

Эта тактика полностью себя оправдала. По мере разоблачения эсеров, по мере укрепления Советов и перехода к ним местного хозяйства, постепенно происходила и ликвидация органов земского и городского самоуправления. Так было и в Карсуне.

Используя выигранное время, большевики развернули энергичную работу по подготовке очередного Уездного съезда Советов. В села были направлены члены Исполнительного комитета Совета и новые группы агитаторов, которые усилили организаторскую и политическую работу среди крестьян. Всюду на собраниях и митингах крестьяне осуждали действия контрреволюции и одобряли разгон Учредительного собрания, приветствовали Советскую власть и первые ее мероприятия.

На состоявшемся 25 января митинге в с. Енгалычеве (присутствовало 1230 чел.) крестьяне, солдаты и солдатки решили: «Мы, солдаты и крестьяне еще лишний раз убедились в контрреволюционности правых социалистов-революционеров и меньшевиков-оборонцев. Их действия в Учредительном собрании лишний раз показали народу, что ему не по пути ни с правыми с.-р., ни с меньшевиками.

Считая, что Учредительное собрание... не может точно олицетворить волю народа и считая, что только Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов есть выявители воли трудящихся масс, мы категорически заявляем, что только Всероссийский съезд Советов РС и КД есть хозяин земли Русской, и только ему принадлежит вся полнота власти.

Мы ваши, товарищи большевики, мы боремся за всеобщий демократический мир»[1]. Участники митинга просили уездный Совет снабдить их оружием, чтобы в случае необходимости можно было защищать Советскую власть и свободу с оружием в руках.

Подобные решения крестьяне принимали во многих селах Карсунского уезда. На волостных и сельских сходах избирались из бедноты и большевистски настроенных демобилизованных солдат делегаты на уездный

---

[1] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 2.

съезд Советов. Им давались наказы — поддерживать Советскую власть и ее декреты.

Состоявшийся 28—30 января 1918 г. V Карсунский уездный съезд Советов заклеймил позором действия контрреволюции и единодушно одобрил отчет о деятельности Исполнительного комитета Совета. Обсудив вопрос о текущем моменте и сообщения с мест, съезд в принятой резолюции заявил: «Вся власть на местах и в центре принадлежит народу в лице Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов; Учредительное собрание в подавляющем большинстве было контрреволюционным, постановление 3 съезда Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов о роспуске его является необходимым, ради закрепления Советской власти»[1]. Съезд обсудил также вопрос об организации Советской власти в городе и уезде, для чего избрал специальную комиссию из 6 членов и утвердил инструкцию об организации и укреплении Советов. На съезде были приняты решения по земельному и продовольственному вопросам, избран новый состав Исполнительного комитета уездного Совета под председательством К. А. Бутырова. Уездным народным комиссаром был избран М. Я. Кудрявцев. Съезд утвердил также ревтрибунал из 5 членов, комиссара юстиции, начальника уездной милиции и подтвердил решение о роспуске городской думы и об упразднении уездного земства[2].

В посланной телеграмме на имя ВЦИК и СНК делегаты съезда единогласно заявили, что V съезд Советов Карсунского уезда, Симбирской губернии, «приветствует Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров. Съездом вынесено постановление о признании необходимым роспуск Учредительного собрания. Съезд признал власть на местах за Советами, а в центре за съездом Советов — Центральным Исполнительным Комитетом. Земские и городские самоуправления упразднены, а в уезде организуется Советская власть»[3].

V Карсунский уездный съезд Советов знаменовал окончательное присоединение крестьян уезда к рабочим и революционным солдатам в деле строительства и упрочения Советской власти. Эсеры, считавшие себя крестьянской партией, потерпели полное поражение. После V уездного съезда Советов во всех волостях и селах уезда старые органы управления были ликвидированы и вместо них повсюду создавались волостные и сельские Советы.

Сообщая об успехах упрочения Советской власти в Карсунском уезде, газета «Известия Симбирского Губернского Совета» писала: «Советская власть все далее и далее крепнет, все более убеждаются крестьяне, что властью, отражающей их интересы, могут быть только Советы и организация их проходит всюду с большим успехом»[4].

К концу марта 1918 г. в Карсунском уезде было организовано 23 волостных и около 250 сельских Советов. К этому же времени в селах было создано до 15 большевистских ячеек[5].

Большую помощь большевикам и трудящимся Карсунского уезда оказали ЦК партии и Советское правительство. В январе 1918 г. ЦК большевиков и Советское правительство направили в Симбирскую губернию агитгруппу в количестве 10 человек во главе с эмиссаром ВЦИК Се-

---

1 Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 26.
2 Там же, лл. 25—27.
3 ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 48, л. 365.
4 «Известия Симбирского Губ. Совета» № 80, 28(15) апреля 1918 г.
5 ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 132, лл. 92 и 94 и УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 7. лл.7—8.

меном Репинским[1]. Почти в полном составе эта группа в начале февраля прибыла по распоряжению Симбирского губернского Совета и комитета РСДРП(б) для работы в Карсунский уезд. Непримиримый к врагам, горячий агитатор и неутомимый организатор, руководитель агитгруппы Семен Репинский со всей большевистской настойчивостью взялся за многогранную работу в уезде и вскоре стал признанным и любимым вожаком большевиков Карсунского уезда. При его участии были окончательно ликвидированы 23 февраля старые органы местного самоуправления и образован Уездный Совет народного хозяйства (УСНХ), который принял все дела от бывшей земской управы. При Исполнительном комитете Уездного Совета были созданы отделы: земледелия, продовольствия, торговли и промышленности, городского хозяйства, труда, почт и телеграфа, внутренних дел, милиции, юстиции и др.[2]

По инициативе С. Репинского был создан и работал под его руководством Ревтрибунал, выполнявший функции Уездной чрезвычайной комиссии (УЧК). Для охраны порядка в городе и уезде из прибывших солдат-фронтовиков была организована особая вооруженная команда. Красная Гвардия была реорганизована в отряд Красной Армии, в котором к июню 1918 г. насчитывалось 205 красноармейцев. Был создан также отряд Красной Армии в Гурьевском фабричном районе из рабочих-текстильщиков[3].

При непосредственном участии Репинского была проведена большая работа по организационному и политическому укреплению местной большевистской организации. В феврале 1918 г. в Карсуне был создан городской комитет РСДРП(б), а в апреле проведена 1-я уездная большевистская конференция, оформившая уездный комитет РКП(б), во главе с Бутыровым, Репинским и Кудрявцевым.

Партийным организациям и Советам пришлось решать в трудных условиях, при активном сопротивлении врагов, ряд важных задач по борьбе с хозяйственной разрухой и голодом, по введению рабочего контроля, распределению конфискованной помещичьей земли, по заготовке продовольствия и т. п.

За время буржуазно-эсеровского господства хозяйству Карсунского уезда был нанесен большой ущерб. После победы Советской власти буржуазия еще больше дезорганизовала производство, стремясь путем саботажа и другими способами довести промышленность до полного развала. Фабриканты разбазаривали шерсть, топливо, финансы и продовольствие, закрывали предприятия или резко сокращали производство. Только по двум суконным фабрикам (Измайловской и Румянцевской) производство сукна сократилось с октября 1917 г. по февраль 1918 г. с 313356 до 188038 аршин. Сокращение производства и закрытие фабрик увеличивало безработицу. Число безработных рабочих на суконных фабриках достигло более 700 чел., а по всем предприятиям уезда — свыше 1100 чел.[4].

---

[1] Семен Львович Репинский — рабочий фабрики «Скороход» (Петроград), коммунист, член Всероссийского Совета РС и Кр. Д. В Карсунском уезде работал с 10 февраля 1918 г. Выполнив поручения ВЦИК, Репинский по ходатайству уездного комитета РКП(б) и Совета был оставлен ВЦИКом в Карсуне на постоянной партийно-советской работе. Во время т. н. «чапанки» (кулацкого восстания) в марте 1918 г. был зверски убит врагами.

[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 48, лл. 12—13 и УОПА, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 28.

[3] Там же и «Известия Карсунского Совета» от 11 апреля 1918 г.

[4] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 357, л. 232 и ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 25, л. 12, д. 29, л. 9, а также «Список фабрик и заводов Симбирской губернии по данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Изд. Губ. СНХ, 1922 г., стр. 48—50.

Рабочие под руководством большевиков решительно ломали саботаж буржуазии и обеспечивали нормальную работу на фабриках. Они устанавливали рабочий контроль над производством, вводили двухсменную работу и таким путем уменьшали число безработных. В своих решениях рабочие требовали от местных Советов применения строгих мер по отношению к тем фабрикантам, которые не подчинялись рабочему контролю. Так, например, рабочий комитет Гурьевской суконной фабрики обратился с специальным письмом в Симбирский Совет, требуя, чтобы он понудил фабриканта Акчурина привести в порядок упавшее производство, обеспечил фабрику материалами, сырьем, топливом, а рабочих продовольствием. Своему делегату, избранному на съезд текстильщиков, рабочие дали наказ: если будет обсуждаться на съезде вопрос о желании рабочих взять фабрику в свои руки, дать согласие и добиваться помощи от Губернского Совета для удовлетворения фабрики необходимыми материалами и ассигнованиями денег[1].

Делегатский съезд текстильщиков, заседавший в Симбирске 28—31 декабря 1917 г., особо обсудил вопрос о положении на Гурьевской суконной фабрике. Съезд счел нужным обратиться к Симбирскому Ревкому с требованием, чтобы он принял строгие меры «к понуждению фабриканта Акчурина о доставке на фабрику материалов и припасов, необходимых для правильного хода фабрики. Возвратить на фабрику все неправильно вывезенное с фабрики, при открытии в данном деле умышленной вины — принять решительные меры»[2].

Симбирский Ревком немедленно встал на защиту интересов рабочих. Всем владельцам фабрик и заводов было строжайше предписано обеспечить бесперебойную работу на предприятиях, снабдить их сырьем и топливом, а рабочим предлагалось усилить рабочий контроль. Отдельные фабриканты подчинились предписанию Ревкома, прекратили саботаж. Однако часть фабрикантов, в том числе владельцы Гурьевской и Базарно-Сызганской суконных фабрик, отказались подчиниться Ревкому. Разбазарив остатки шерсти, топлива и материалов, они скрылись, рассчитывая, что без их руководства и средств рабочие не смогут наладить производство, откажутся от своих прав, завоеванных в результате победы социалистической революции. Но они жестоко просчитались. Рабочие через фабричные комитеты и контрольные комиссии наложили арест на текущие счета и на склады скрывшихся фабрикантов, взяли фабрики в свое управление и, получив финансовую помощь от Губисполкома, наладили бесперебойную работу предприятий[3]. На саботаж капиталистов рабочие отвечали решительными мерами: введением рабочего контроля над производством, который в ряде мест перерастал в рабочее управление.

К апрелю 1918 г. рабочий контроль был введен на большинстве предприятий Карсунского уезда. Контрольные комиссии строго следили за доставкой и расходованием сырья, топлива, осуществляли постоянный надзор за исправностью оборудования, своевременным его ремонтом, за выполнением государственных заказов и финансовой деятельностью предприятий. От всех рабочих контрольные комиссии требовали повышения производительности труда, соблюдения трудовой дисциплины, усиления бдительности и решительности в пресечении попыток злоупотреблений, расхищений и проч. Развивая творческую инициативу и активность, рабочие овладевали искусством управления. Рабочее управление к маю 1918 г. было введено на всех суконных фабриках Карсунского уезда. Раньше всего оно было введено на Гурьевской суконной

---

[1] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, лл. 27 и 29.
[2] Журнал «Ткач» № 4, 1918 г., стр. 2.
[3] Журнал «Ткач», № 6—7, 1918 г., стр. 11—12.

фабрике. Избранная здесь рабочими «Рабочая коллегия» сосредоточила в своих руках все управление фабрикой. Ее распоряжения выполнялись безоговорочно не только рабочими и служащими, но и инженерно-техническим составом.

Рабочий контроль, национализация частных банков и рабочее управление создали необходимые условия для национализации предприятий, для превращения их в общенародное достояние. До середины 1918 г. в Карсунском уезде были национализированы лишь отдельные, наиболее крупные предприятия. Согласно декрету Советского правительства от 20 и 28 июня 1918 г. подверглись национализации все средние и мелкие предприятия. Так вслед за помещиками началась экспроприация и капиталистов.

Важнейшим вопросом в деятельности Советов была передача помещичьей земли в пользование крестьян. Решение этого вопроса усложнялось тем, что эсеры всячески стремились сорвать проведение в жизнь ленинского декрета о земле и закон о социализации. Они умышленно затягивали работу по учету конфискованных земель и распределение их между крестьянами, провоцировали конфликты между сельскими обществами и тем самым вызывали недовольство среди крестьян. В некоторых волостях кулаки и эсеры подбивали крестьян на злостный разгром и расхищение помещичьих имений, винокуренных заводов и мельниц, ставших народным достоянием. В феврале—марте в Карсунском уезде подверглись разгрому и расхищению 8 помещичьих имений, в том числе имения графини Толстой в Старо-Зиновьевской волости, Карпова при с. Лава, Белоключевской волости и др.[1]. При этом эсеры пытались обвинить Советы в неумении хозяйничать и установить порядок.

Но маневры эсеров были сорваны решительными мерами большевиков. Основная масса крестьянства не пошла на провокации эсеров, настойчиво проводила в жизнь советские законы о земле и тем самым способствовала укреплению экономической базы Советского государства.

18 апреля 1918 г. Карсунский уездный Совет, руководствуясь законом о социализации земли и решением V уездного съезда, утвердил специальную инструкцию о ликвидации частновладельческих имений в уезде. В этой инструкции указывалось, что живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь частновладельческих имений переходит в распоряжение земельного отдела Карсунского Совета; деньги, вырученные от ликвидации частновладельческих имений, переводятся в Карсунское уездное казначейство в запасный фонд Совета. Волостные исполнительные комитеты Советов с разрешения Исполкома уездного Совета могли продавать беднейшему населению деревянные постройки в помещичьих имениях. Для руководства всей работой по ликвидации частновладельческих имений в волости были направлены члены земельного отдела Уездного Совета[2].

Меры, принятые Советом и Комитетом партии, оздоровили обстановку в уезде. Разгром и расхищение помещичьих имений были приостановлены. Большинство волостных Советов приступило к сбору имущества расхищенных имений. Все имения помещиков были взяты на учет. Для охраны их были назначены уездным Советом комиссары.

К маю 1918 г. в уезде был проведен в жизнь ленинский декрет о земле: земли помещиков были переданы крестьянам, рабочий скот и инвентарь помещичьих хозяйств, за исключением хозяйств, признанных культурными, были распределены среди беднейших крестьян. В резуль-

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 84, л. 13.
[2] Облпартархив, ф. 57, оп. 1, д. 200, лл. 33 и 36.

тате крестьянское землевладение увеличилось по сравнению с дореволюционным периодом почти в два раза. Кроме того, 16784 десятины земли было зачислено в запасный уездный земельный фонд и свыше 3000 десятин оставлено для сельскохозяйственных учреждений[1].

Важнейшим для молодой Советской власти в 1918 г. был продовольственный вопрос. В решении и этого вопроса Советам пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Эсеры, засевшие в продовольственных управах, всячески саботировали сдачу хлеба государству по твердым ценам, помогали кулакам прятать хлеб, организовывали кулацкие налеты на продовольственные грузы, направляемые по железным дорогам в центры страны, поощряли самогоноварение и проч.

Нужно было сломить саботаж эсеров и кулаков и обеспечить хлебозаготовки. Большевики взяли в свои руки руководство Уездной продовольственной управой, создали отряды для борьбы с мешочниками и самогонщиками и для принудительного изъятия хлеба у кулаков. Уездный Совет запретил вывоз хлеба и других продовольственных продуктов из уезда.

Совет повел решительную борьбу с саботажниками и нарушителями указаний Советской власти путем чрезвычайных мер, вплоть до высылки в отдельные села вооруженных отрядов. Так, например, в с. Старое Погорелое, Мало-Карсунской волости, кулаки отказались сдавать хлеб по реквизиции, избили членов Исполнительного комитета Совета и изгнали бедняков из села. Исполком Карсунского Совета в ультимативной форме предъявил сельскому обществу этого села следующие требования: немедленно выдать оружие и зачинщиков саботажа — кулаков Мельникова Митрофана, Моисеева Кузьму, Лямина Михаила, Стожарова Ивана и священника Троицкого, оградить подпиской безопасность бедных жителей и членов Исполкома сельского Совета, произвести реквизицию хлеба у кулаков, все расходы по ликвидации беспорядков произвести за счет виновников.

Для проведения в жизнь этих требований в Старое Погорелое 23 февраля 1918 г. был направлен вооруженный отряд из 125 чел. под командой С. Репинского[2].

Решительные меры Совета отрезвили саботажников. Кулаки приняли безоговорочно все требования Совета. 25 февраля кулацкий саботаж был ликвидирован.

Вооруженную силу Совет был вынужден применить и на железнодорожной станции Вешкайма. 18 марта на этой станции кулаки с. Кротовки разграбили вагон с хлебом и мясом, предназначенный для голодающего населения. Они похитили 500 пудов хлеба и 42 пуда мяса. Уездный Совет направил на станцию Вешкайма вооруженный отряд под командой С. Репинского. Произвол кулаков был пресечен, с виновников взыскано за похищенное продовольствие свыше 7000 рублей. На железнодорожной станции Глотовка кулаки с. Шарлово организовали вооруженное нападение на проходившие поезда с хлебом и разграбили 12 вагонов. Сюда также были направлены вооруженные силы Совета. Хлеб у грабителей был изъят, виновные арестованы и сурово наказаны[3].

Благодаря принятым мерам уездному Совету удалось не только улучшить продовольственное положение в уезде, но заготовить и направить свыше 6000 пудов хлеба и около 500 пудов мяса и других продуктов в Москву и Петроград.

В это исключительно тяжелое время Советам уезда приходилось

---

[1] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 94, л. 45.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 84, л. 13 и УОПА, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 125.
[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 84, л. 13.

решать не только земельные, продовольственные, но и другие не менее сложные задачи. К маю 1918 г. Советам уезда удалось наладить работу значительного числа школ и больниц, библиотек и других культурно-просветительных учреждений, свернутых во время господства буржуазии и соглашателей.

Постепенно налаживалась и расширялась работа нового Советского государственного аппарата, конструировались и укреплялись его органы на местах. В составе членов Исполкома Уездного Совета, избранного на VI уездном съезде Советов 11 июня 1918 г., было 5 коммунистов, 6 беспартийных—рабочих и крестьян-бедняков и 3 «левых» эсера[1]. Особенно важную роль сыграли решения V Всероссийского съезда Советов и утвержденная им Конституция РСФСР — первая в мире подлинно демократическая конституция, давшая широким трудящимся массам право и возможность участвовать в управлении огромным государством, строить новую жизнь без помещиков и капиталистов. Советская Конституция явилась знаменем борьбы за победу социализма в нашей стране, знаменем трудящихся всего мира в борьбе за свое освобождение.

Обсуждая итоги V Всероссийского съезда Советов, Карсунский уездный Совет 19 июля целиком и полностью одобрил все его решения и постановления, положив их в основу своей практической деятельности[2].

Итак, руководствуясь указаниями В. И. Ленина и ЦК партии, большевики Карсунского уезда вместе с большевиками всей Симбирской губернии сумели в период подготовки социалистической революции изолировать соглашателей от масс, внести в ряды рабочих, солдат и трудящихся крестьян дух дисциплины и организованности, вселить в них веру в свои силы, в торжество своей борьбы за счастье человечества и обеспечить победу социалистической революции, упрочить Советскую власть.

* * *

За 40 лет Советской власти трудящиеся Карсунского района вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии прошли славный, героический путь. Плечом к плечу со всем советским народом они отстояли честь и независимость нашей Родины в годы гражданской войны и иностранной интервенции, преодолели разруху и голод, претворили в жизнь политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, осуществили культурную революцию, добились победы социализма.

Трудящиеся Карсунского района вместе со всем советским народом принимали активное участие в героической борьбе с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, на фронте и в тылу ковали победу над врагом, а в послевоенный период своим созидательным трудом содействовали восстановлению и дальнейшему развитию социалистического народного хозяйства и культуры.

За годы Советской власти в Карсунском уезде были восстановлены и реконструированы на новой технической основе все промышленные предприятия, построены новые, создан колхозный строй, освободивший крестьян от кулацко-помещичьей кабалы и создавший условия для зажиточной и культурной жизни. Карсунский район превратился в район сплошной грамотности населения. Все дети, юноши и девушки обучаются в начальных, семилетних и десятилетних школах, многие обучаются в средних и высших специальных учебных заведениях. В районе выросла и

---

[1] Облпартархив ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 58.
[2] Там же, л. 91.

окрепла трудовая советская интеллигенция. На территории района работает широкая сеть больниц, дошкольных детских учреждений, районный Дом культуры, сельские клубы и другие очаги культуры, выходит своя районная газета.

Ныне трудящиеся Карсунского района, как и весь советский народ, вооруженные историческими решениями XX съезда КПСС, под руководством славной Коммунистической партии успешно прокладывают светлый путь к коммунизму.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

В. В. Казюхин

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕМ КОНТРОЛЕ В СУКОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1917—18 гг.

Рабочий контроль над производством и распределением представляет собой закономерное явление, которое возникло в 1917 году в виде стихийного движения рабочих, направленного непосредственно против хозяйственной разрухи и саботажа капиталистов. Заслуга большевистской партии состояла в том, что она, возглавив это движение, связала его с революционной борьбой всего народа против капитализма за победу социализма.

В 1917 году В. И. Ленин всесторонне разработал план борьбы за переход к социалистической революции. В «Апрельских тезисах» лозунг «Рабочий контроль над производством и распределением» был выдвинут наряду с лозунгами: «Вся власть Советам», «Конфискация помещичьей земли», «Мир народам».

VI съезд партии установил формы организации и пути проведения рабочего контроля. Рабочий контроль должен был осуществляться самими рабочими и служащими через своих представителей, выбранных в органы рабочего контроля, и развиться в полное регулирование производства и распределения. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин указал на основные меры осуществления рабочего контроля: национализация банков и синдикатов, отмена коммерческой тайны, принудительное синдицирование, объединение населения в потребительские общества. Прочность Советской власти зависела от умения рабочего класса и трудового крестьянства осуществить социалистические преобразования промышленности и сельского хозяйства. Рабочий контроль из чисто общественного явления в руках большевистской партии превратился в важное средство, с помощью которого можно было разрешать государственные задачи в промышленности. С его помощью Советское государство через систему хозяйственных органов и руководство профсоюзами использовало капиталистические предприятия в интересах всего народа. Рабочий контроль, не оставаясь от начала до конца чисто общественным явлением, не превратился тем не менее в некую форму госкапитализма. Рабочий контроль по своему месту в экономическом развитии представляет собой одну из многих переходных форм производственных отношений, развитие которой обеспечило созревание условий для преобразования всей промышленности на социалистических началах. С точки зрения построения социализма основным в этом процессе была подготовка в ходе борьбы против хозяйственной разрухи и саботажа капиталистов самого рабочего класса в хозяйственно-организационном и морально-политическом отношении к национализации промышленности и управлению народным хозяйством. Рабочий контроль—это школа, в которой впервые в истории рабочий

класс России стал обучаться искусству управления промышленностью. Критерием полноценности рабочего контроля являлось достижение состояния полного регулирования производства, находящегося формально в частной капиталистической собственности.

После этого стал возможным в экономическом развитии новый, высший этап: переход предприятий в руки не коллективов рабочих, а в собственность Советского государства и под управление его органа—ВСНХ. «Вводя рабочий контроль, — указывал В. И. Ленин, — мы знали, что пройдет не мало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется не мало времени.

От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства» (В. И. Ленин, т. 26, стр. 425).

Содержание периода рабочего контроля многогранно. В его рамках развернулись новые формы классовой борьбы пролетариата против буржуазии. В порядке осуществления контроля рабочий класс овладевал искусством регулирования производства и распределения, выделяя из своей среды передовые кадры руководителей, способных управлять национализированными предприятиями, и используя для своих нужд старых буржуазных специалистов. В ходе борьбы за рабочий контроль происходит быстрый рост классового самосознания рабочего класса, который стал на практике чувствовать себя подлинным хозяином фабрик и заводов. Ленин подчеркивал: «Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности, потому что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание». (В. И. Ленин, т. 28 стр. 119).

Задачи рабочего учета и контроля в обстановке разрушения производительных сил и обостренной гражданской войны были многочисленны. Функции органов рабочего контроля распространялись первоначально на отдельные стороны деятельности предприятий: прием и увольнение рабочих, установление длительности рабочего дня, вопросы заработной платы, охрана имущества предприятий от расхищения. Затем, втягиваясь в разрешение посильных государственных задач, органы рабочего контроля значительно расширили свои функции: с их помощью стало обеспечиваться снабжение предприятий рабочей силой, добываться денежные и натуральные средства для оплаты труда рабочих, они принимали заказы и меры по их исполнению, распоряжались сырьем и топливом, готовой продукцией. Наконец, рабочий контроль поднялся на такую высоту, что распространился на всю финансовую и производственную деятельность предприятий, перерастая тем самым в полное регулирование производства. Следует отметить особые заслуги органов рабочего контроля, которые в специфических условиях голода и разрухи 1917—18 гг., сделали многое для спасения от голодной смерти и уничтожения главной производительной силы — самого рабочего класса.

Рабочий контроль связан с процессом социалистического преобразования промышленности. Исследованию этого процесса посвящен целый ряд трудов, в которых значительное место уделено и рабочему контролю. Это прежде всего труды Гладкова[1], Сидорова[2], Воронецкой[3], Василько-

---

[1] И. А. Гладков. Очерки советской экономики 1917—20 гг. М., 1956. Его же, Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—18 гг. М., 1950.

[2] А. Л. Сидоров. Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей Родины. «Исторические записки», 1948, выпуск 25.

[3] А. А. Воронецкая. Организация ВСНХ и его роль в национализации промышленности, «Исторические записки», 1953, № 43.

вой[1], Арутиняна, Маркуса[2]. Несколько меньшее число историков интересуется непосредственно рабочим контролем. К ним относятся Верховень[3], Силантьев[4], Василькова[5]. Большое значение имеет выход первого документального сборника «Национализация промышленности в СССР»[6], который содержит богатый материал по истории социалистического строительства в 1917—20 гг. Выход сборника вызвал отклики[7]. Некоторые вопросы социалистического преобразования промышленности: проявление творческой инициативы народа, связь постановлений партии и правительства с развитием этой инициативы и другие все еще остаются не раскрытыми в достаточной степени. В 1956 г. статьей Насырина в журнале «Вопросы истории»[8] была открыта дискуссия на тему о социалистической национализации промышленности. Автор статьи выдвинул ряд спорных положений, с которыми многие историки[9] не согласились.

В нашей краеведческой литературе рабочий контроль в целом как следует еще не разбирался, хотя историки Гриценко[10], Путилов[11], Головчинер[12], Василевский[13], Наумов[14], Гнутов[15] в своих работах по истории Ульяновской области затрагивают вопросы, связанные с рабочим контролем на местных предприятиях.

В настоящей работе, написанной на основе архивных материалов государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Партийного архива Ульяновского обкома КПСС (облпартархив), рассматривается деятельность органов рабочего контроля в суконной промышленности

---

1 Л. И. Василькова. Экономическая платформа большевистской партии накануне Великой Октябрьской социалистической революции, «Вопросы истории», 1953, № 12.

2 А. А. Арутинян и Б. Л. Маркус. Развитие советской экономики, М., 1940.

3 Б. Г. Верховень. Советский закон о рабочем контроле, «Вопросы истории», 1948, № 10. Его же, Из истории рабочего контроля в промышленности после победы Великой Октябрьской социалистической революции, «Исторический архив», 1949, т. 4.

4 Н. П. Силантьев. Рабочий контроль — проявление творчества народных масс в борьбе за власть Советов (1917—1918 гг.). Изд. «Знание», серия 1, №№ 34, 35. М., 1954.

5 Л. И. Василькова. Рабочий контроль над производством (февраль—октябрь 1917 г.), «Вопросы истории», 1947, № 10.

6 «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов 1917—1920 гг. М., 1954.

7 В. Виноградов. Важные документы по истории социалистического строительства в СССР, «Коммунист», 1954 г. № 18. Б. Г. Верховень, В. М. Готлобер, С. М. Бабушкин, В. В. Адамов, «Национализация промышленности в СССР», сборник документов и материалов 1917—20 гг., «Вопросы истории», 1955 г., № 4, Д. А. Баевский. Ценная публикация о первых шагах социалистического преобразования промышленности в СССР, «Исторический архив», 1955 г., № 3.

8 В. П. Насырин. О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР, «Вопросы истории», 1956 г., № 5.

9 В. М. Готлобер, С. М. Бабушкин, О социалистическом преобразовании промышленности в Советской России, «Вопросы истории», 1957, № 1.

В. Виноградов и И. Маевский, Против извращения истории образования социалистического способа производства в СССР, «Коммунист», 1956, № 16

10 Н. П. Гриценко, Очерки по истории города Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области, Ульяновск, 1948, Его же, Из исторического прошлого города Симбирска—Ульяновска 1648—1917 гг., Ульяновск, 1953.

11 А. Путилов. Очерк истории профессионального движения Симбирской губернии (до 1919 г.), Симбирск, 1920.

12 Я. М. Головчинер, Установление Советской власти в Симбирске, 1957.

13 М. Н. Василевский, Профессиональное движение в Симбирской (Ульяновской) губернии до 1917 г., ч. I, Ульяновск, 1925.

14 А. С. Наумов, Ишеевская суконная фабрика имени Гимова (1802—1952 гг.). Ульяновск, 1952.

15 М. А. Гнутов, Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917—1918 гг.), «Краеведческие записки», 1953, выпуск 1.

Симбирской губернии в 1917—18 гг., которая нашла свое отражение в переписке рабочих с Правлением профсоюза текстильщиков Поволжского района и с другими организациями. Эти документы хорошо освещают борьбу рабочих с саботажем фабрикантов и их прислужников. Финансовый и производственный контроль отражен меньше.

В народном хозяйстве России Симбирская губерния была поставщиком, главным образом, продуктов сельского хозяйства, изделий легкой, лесной и пищевой промышленности. По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., в Симбирской губернии из общего числа 352 промышленных предприятий было 127 мукомольных, 71 винокуренное, 58 лесопильных, 18 суконных, 12 полиграфических, 7 чугунолитейных. Для Симбирской губернии характерна неравномерность экономического развития отдельных ее частей. В Симбирском, Сызранском, Сенгилеевском, Карсунском уездах было сосредоточено 297 промышленных предприятий (84,4 проц.), из которых 201 насчитывало 16020 рабочих. В остальных четырех уездах всего 55 промышленных предприятий (15,6 проц.), из которых 35 имели только 842 рабочих. Все производство сукон было сосредоточено в первом районе на отдельных фабриках, обычно далеко стоящих друг от друга. Это обстоятельство затрудняло сплочение пролетариата и осуществление им руководящей роли по отношению к крестьянству. По числу предприятий резко выделяются мукомольные предприятия, винокуренные и лесопильные, но рабочие на них исчислялись единицами или десятками, редко достигая сотни и более. Эти предприятия разбросаны по всем восьми уездам губернии. К тому же в связи с приостановкой в 1914 году винокурения действовало всего два заводика. Из лесопильных работали 14, из мукомольных — 111. Таким образом, много рабочих в Симбирской губернии было связано с мелким производством. Немало семей рабочих не порвало с земледелием, что, между прочим, относится и к пролетариату даже суконных фабрик.

Наибольшей концентрацией рабочих отличались суконные фабрики, которые охватывали около половины рабочего класса губернии.

На 17 фабриках насчитывалось 10368 рабочих, в среднем по 609,9 человек и по 38 человек служащих на одну фабрику. На отдельных фабриках имелось значительно больше рабочих. Так, на Старо-Тимошкинской — 933, Ишеевской — 1075, Румянцевской — 1061, Гурьевской — 1743 человека. Рабочие Гурьевки шли в передовых рядах революционной борьбы. На суконных фабриках были крупные кадры потомственных и квалифицированных рабочих в лице ткачей, токарей, слесарей и т. д. Развитие суконной промышленности в Симбирской губернии связано с наличием большого количества местной и транзитной шерсти, дешевой рабочей силы, поставляемой малоземельным крестьянством, устойчивым рынком сбыта — военным ведомством. Ассортимент сукон ограничивался, как правило, солдатским серошинельным и крестьянским грубым сукном. Военная конъюнктура первой мировой войны усилила работу суконных фабрик, но затем хозяйственная разруха приводит к падению производительности труда, к ухудшению положения рабочих. В связи с неурожаем 1917 г. положение рабочих еще более ухудшилось. Запасы хлеба в губернии были, но они сосредоточивались, главным образом, в руках кулачества, которое превращало его в валюту. Кроме того, весной 1918 года, с открытием навигации по Волге, в губернию хлынули тысячи мешочников. Эти обстоятельства обостряли классовую борьбу в Симбирской губернии. Соотношение классовых сил ставило пролетариат и беднейшее крестьянство в трудные условия борьбы.

Советская власть установилась раньше не в Симбирске, а в пролетарских центрах суконной промышленности. В Симбирске в руки Советов власть перешла 10(23) декабря 1917 года. В ряде местных Советов и Губисполкоме «левые» эсеры и меньшевики-интернационалисты имели свои фракции. Симбирская губерния отличалась большим количеством помещичьих имений. Помещики, кулачество, чиновничество, офицерство, поддержанные меньшевиками и эсерами, в условиях близости южной и восточной контрреволюции проявляли большую активность. Сопротивление контрреволюции с конца января 1918 г. усилилось, выливаясь местами в вооруженную борьбу. Лишь в январе—феврале 1918 г., были разогнаны Городская дума и Земство в Симбирске и затем ликвидированы очаги вооруженной контрреволюции в уездах. В Симбирской губернии, так же как и в других частях страны, в военной борьбе была завоевана передышка. Задача организационного закрепления побед, перехода «от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче управления» (Ленин, т. 27, стр. 214) впервые встала во весь рост перед партией и народом. Симбирские большевики усилили борьбу за массы с целью поднять их на хозяйственное строительство. Мелкобуржуазная стихия, паразитирующая на отсталости сельского населения губернии, была значительна. Симбирский губернский съезд Советов в мае 1918 г. привел к усилению «левых» эсеров в губисполкоме. В Центральном совете профсоюзов оказалось засилье профсоюзов бухгалтеров, врачей, инженеров, руководимых анархистами и меньшевиками, которые кричали о нейтральности профсоюзов в политической борьбе. На совещании симбирских большевиков, совместно с представителями с мест, по вопросу об организации народных ячеек 13 апреля представитель суконных фабрик рассказывал о том, «что у них сильно распространен меньшевизм» и просил «прислать агитаторов большевиков», чтобы усилить подготовку масс к новому, IV делегатскому съезду текстильщиков. (Облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 2). Однако сказанное относилось лишь к политически малограмотной части населения. Основную массу рабочих большевики уверенно вели за собой. 27 апреля на общем собрании симбирских большевиков было заслушано сообщение товарища, вернувшегося из командировки по фабрикам: «...Я должен отметить, что рабочие почти все стоят за Советы, но не то среди крестьян, там ведется контрреволюционная агитация против Советов, которая опирается на интриги и провокацию»... (Облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 9). То же самое отметил председатель Губисполкома М. А. Гимов в своей оценке работы Сызранского Совдепа.

Симбирский комитет большевиков развернул энергичную и широкую деятельность в самой гуще народа. В Коммунистическую партию вступали лучшие сыны и дочери рабочего класса. На заводах и фабриках создавались партийные и молодежные организации. Хорошее подкрепление симбирские большевики получили в лице петербургских рабочих, направленных в Симбирск вместе с металлообрабатывающим заводом. Петроградцы помогали изживать допущенные ошибки. 20 апреля на общем собрании большевиков представитель петроградцев подверг товарищеской критике недостатки в организации рабочего контроля над производством и в частности упущения в распределении обложения капиталистов, отчего возникли перебои с выплатой жалованья рабочим. (Облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 1, подлинник). В связи с курсом Коммунистической партии на организацию народного хозяйства симбирские большевики усилили руководство рабочими массами в борьбе за превращение учета и контроля в полное регулирование производства. Одним из

животрепещущих вопросов того времени был вопрос об использовании буржуазных специалистов. Симбирские большевики, полностью поддерживая это мероприятие партии и правительства, призывали создать строгий контроль за деятельностью буржуазных спецов и одновременно указывали на важность борьбы за повышение производительности труда в целях усиления «промышленной и технической силы Советской Республики». (Облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 25).

В июле—августе—сентябре 1918 г. пламя мятежа, поднятого белочехами и учредилкой, охватило и Симбирскую губернию. Передышка кончилась. В начале июля разразилась муравьевская авантюра, а 22 июля Симбирск был оставлен красными частями. Симбирские большевики всю свою энергию направляют в основном на организацию вооруженных сил, способных создать перелом на фронте. С помощью всей республики мятеж белочехов и учредилки в Поволжье был ликвидирован, и 12 сентября Симбирск освобожден. Военный разгром белых в корне подорвал политическое влияние эсеров и меньшевиков в массах. 4 октября на 1 городской рабочей конференции большевики окончательно разгромили фракции анархистов и меньшевиков-интернационалистов и полностью восстановили руководящую роль профсоюзов рабочих в Центральном совете профсоюзов. (ГАУО, ф. 696, оп. 2, д. 2, л. 8). Таким образом, борьба рабочих Симбирской губернии за проведение в жизнь рабочего контроля над производством протекала в условиях, когда много сил, средств и внимания партии и рабочего класса отвлекала вооруженная борьба с контрреволюцией и народное хозяйство было подчинено нуждам войны. Особенности экономического развития Симбирской губернии и ее стратегического положения в гражданской войне обусловили значительное своеобразие форм и методов борьбы за рабочий контроль в суконной промышленности.

В течение всего периода рабочего контроля борьба рабочих за рабочий контроль, с одной стороны, и сопротивление фабрикантов, с другой стороны, не оставались неизменными по своим формам и методам и существенно менялись в зависимости от условий развития народного хозяйства и соотношения классовых сил. В связи с этим в развитии рабочего контроля можно проследить определенные этапы, начиная с его возникновения до Октябрьской революции, организационного оформления в конце 1917 г., упрочения и развертывания в полное регулирование производства в течение зимы, весны и лета 1918 года и кончая кануном национализации осенью 1918 года.

В условиях, когда власть и средства производства находились в руках капиталистов, стихийно возникающий рабочий контроль не мог сразу стать глубоким и всесторонним регулированием производства и распределения. До создания Советского государства рабочий контроль распространялся лишь на отдельные стороны деятельности суконных фабрик.

Две организованные силы действуют друг против друга: рабочие и капиталисты. Рабочие, сплачиваясь через общие собрания, рабочие комитеты, делегатские съезды, начинают устанавливать расценки, борются за контроль над наймом и увольнением рабочих, требуют распределительного контроля над производством. Цель борьбы — заставить фабрикантов признать на деле рабочий контроль. Фабриканты, опираясь на силу Временного правительства, на съезды союза фабрикантов и заводчиков, на всю сеть своих привычных организаций, открыто и непримиримо выступают против рабочего контроля. Широко используя законодательство Временного правительства и помощь местных государственных властей, фабрикантам в ряде мест удалось отбить атаки рабочих, но не везде и не всегда.

Под нажимом пролетарских масс Временное правительство узаконило фабрично-заводские комитеты, издав 23 апреля (6 мая) 1917 года положение «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях», согласно которому эти комитеты могли вести только культурно-просветительную работу, представлять рабочих перед администрацией и разрешать вопросы взаимоотношений между рабочими. В производстве эти комитеты не могли участвовать и самая организация их была необязательной. Эсеры-меньшевики толковали о контроле лишь со стороны буржуазного государства, проводимом чиновниками, но и этот контроль остался на словах. После июльских событий эсеро-меньшевистские лидеры, вошедшие в правительство, усилили антирабочую политику. 28 и 29 августа министр труда меньшевик Скобелев запретил заседания фабрично-заводских комитетов в рабочее время и вмешательство их в вопросы найма и увольнения, а главный комитет объединенной промышленности решил не оплачивать время заседаний членам комитетов. Это вызвало сильное недовольство рабочих. В сентябре по суконным фабрикам Симбирской губернии прокатилась волна возмущения. Вопрос о праве найма и увольнения уже стал в то время яблоком раздора между хозяевами и рабочими. 9 сентября 1917 года рабочий комитет Самайкинской фабрики потребовал от Правления профсоюза текстильщиков Поволжского района послать решительный протест Временному правительству и требовать, «чтобы прием и увольнение делались бы совместно с комитетом предприятий» (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 3). О посланном протесте были уведомлены рабочие всех суконных фабрик, которые входили в союз.

Это было время, когда рабочие, неограничиваясь протестами, делали серьезные попытки осуществить свою власть явочным порядком. Характерные события развернулись в сентябре 1917 года на фабрике Кузнецова в селе Лесное Матюнино, Сенгилеевского уезда. Отношения между фабрикантом и рабочей массой накалились по вопросам зарплаты, найма и увольнения до такой степени, что Кузнецов начал искать повода для локаута. Рабочий комитет пытается ввести распределительный контроль. Он требовал от фабриканта повысить жалование настилальщицам с 30 до 45 рублей в месяц. Искрой для конфликта послужило, увольнение хозяином заведующего Гурьянова. Рабочий комитет восстановил его и уволенного рабочего Шадрина на работе. Тогда Кузнецов стал действовать напролом: 17 сентября утром он объявил о закрытии фабрики. Однако рабочие по призыву рабочего комитета вышли на работу и проработали до вечера. Между тем Кузнецов наотрез отказался принять хотя бы одно требование рабочих. В его глазах эти требования и решения не имели законного обоснования, так как вся деятельность рабочих комитетов была ограничена постановлениями Временного правительства: они не имели права нанимать и увольнять рабочую силу. С целью дискредитации членов рабочего комитета в глазах рабочих фабрикант ловко обвинил рабочий комитет в преследовании узко групповых интересов. Что касается вопроса зарплаты, то хозяин ссылался на третейский суд, который контролировал эти вопросы, а окончательное решение целиком и полностью возлагал на владельца предприятия. Вечером 17 сентября Кузнецову удалось прервать работу и закрыть фабрику. В довершение всего фабрикант вызвал комиссию от губернских властей из Симбирска, которая навела «порядок» на фабрике.

Сопротивление фабрикантов на данном этапе выражалось в форме грубых отказов рабочим. Владелец Мулловской фабрики Бахтеев распоряжается как полновластный хозяин. Заставить его принять на работу нуждающихся рабочих, особенно революционных рабочих, при содей-

ствии рабочего комитета дело бесполезное. Так, 16-го октября комитет принял на работу ткачей Коблова и Зотова, но контора фабрики отказывает им по причине якобы отсутствия мест, причем не просто отказывает, но и протестует против вмешательства рабочих в дела конторы. Бахтеев приказывает управляющему отказать ткачу Еболдову в приеме на работу, потому что он, как пишет комитет, «действительно фабричный и народник, а раз он народник, то ясно, конечно, что фабриканту он не по шерсти». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 4, л. 2.). Бахтеев возмущается просьбой своих рабочих прибыть на рабочее собрание, считая это унижением для персоны капиталиста. В гневе он рвет записку, присланную с одним из членов комитета и милиционером и злорадно кричит: «Вот Вам комитет! Вот Вам записка». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 4, л. 6). И затем, как повествует протокол общего собрания от 22 октября, «... выгнал обоих с руганием: не признаю комитета, пошли вон, сволочи». (Там же). Таким образом, мулловские рабочие, несмотря на наличие фабричного комитета и общих собраний, еще не могли в октябре 1917 г. сломить упорство фабриканта.

Очень распространенным приемом капиталистов было противопоставление съездов союза фабрикантов и заводчиков делегатским съездам рабочих. Так, Виноградов, владелец Игнатовской фабрики, отказывается принять расценки рабочих, выработанные на II делегатском съезде текстильщиков в сентябре 1917 г., под предлогом того, что он как член союза фабрикантов и заводчиков без согласия съезда фабрикантов никакие важные вопросы решить не может.

На Литвинской фабрике Петровых рабочие были вынуждены временно отказаться от расценок делегатского съезда, так как директор фабрики не стал даже разговаривать на эту тему. 16 октября он предложил рабочим дожидаться решений съезда симбирского общества фабрикантов, который должен был состояться 20 октября. Перед лицом напора своего противника хозяева попробовали направить энергию рабочих на достижение лишь мелких уступок. Директор фабрики согласился выплачивать пенсию в размере 10 рублей вдове сторожа Соничевой, согласился оплатить рабочим родственной Пильненской фабрики дни простоя из-за отсутствия нефти, но наотрез отказался увеличить заработную плату всей массе рабочих. Съезд общества фабрикантов, конечно, не утвердил расценки рабочих, и директор фабрики теперь уж на «законном» основании снова отверг требования рабочих. Тогда рабочие, отчаявшись прийти к полюбовному соглашению со своими эксплуататорами, твердо решили ввести расценки делегатского съезда явочным порядком. Самый ход жизни толкал рабочих на все более решительную борьбу. Материальное положение было тяжелым. Рабочие писали в Правление профсоюза: «...хлеба нет. Приходится идти с мешком по деревням, искать хлеба, платя за пуд 30 рублей, пока ищем хлеба — теряем еще свой заработок». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 8, л. 8). 31 октября состоялось заседание Литвинского фабричного исполкома Совета рабочих депутатов. Рабочие решили ввести новые расценки с 1 сентября, а расчет произвести 8 ноября. Заодно рассчитали и поденных рабочих и выдали расчетные книжки. 16 ноября 1917 года Литвинский фабричный исполком сообщал Правлению профсоюза о том, что фабрика «получила жалование по новому расценку, постановленному съездом от 3 сентября, явочным порядком, так как соглашения с фабрикантом не достигли, пришлось немного переменить тактику... и мы заставили фабриканта уплатить по новому расценку». (Там же). Воодушевленные победой рабочие послали наказ своему Правлению профсоюза, чтобы оно «не отступало от постановления съезда, бывшего 3 сентября, организуя что угодно: примирительные камеры, третейские суды, но чтобы никаких

урезок в расценках не было, довольно вести соглашательскую политику, иначе за последствие не ручаемся». (Там же). События на Литвинской фабрике имели важное значение для морально-политического воспитания рабочих, так как показали им на собственном опыте, что в условиях развивающейся революции можно вырвать у хозяев не только мелкие подачки, но добиться удовлетворения коренных интересов рабочих. Для этого необходимо выступать дружно и вести борьбу решительно до победного конца.

Таким образом, к моменту установления Советской власти в Симбирской губернии рабочий контроль прочно утвердился лишь на тех суконных фабриках, где его вводили явочным порядком. В других случаях это не удавалось. Сторонами производства, на которые впервые распространился рабочий контроль, были вопросы заработной платы, найма и увольнения рабочий силы. Остальное пока остается вне сферы контроля. До Октябрьской революции главной задачей рабочего контроля в процессе борьбы с хозяйственной разрухой было развязывание революционного почина масс в прямой связи с курсом партии большевиков на социалистическую революцию. Ленин указывал, что, когда мы говорим о рабочем контроле, мы ставим «этот лозунг всегда **рядом** с диктатурой пролетариата, всегда **вслед** за ней». (Т. 26, стр. 81).

Победа Октябрьской революции изменила соотношение сил между рабочим классом и буржуазией в пользу рабочего класса во всех областях жизни, в том числе и в области борьбы за рабочий контроль. Разрушение буржуазной государственной машины уничтожило основное препятствие на пути к успеху борьбы рабочих. Новое Советское государство стало их главной опорой и руководителем. С помощью декрета о рабочем контроле, опубликованного 16 (30) ноября 1917 года за подписью В. И. Ленина, Советское государство взяло под свою эгиду пролетарское движение за рабочий контроль и нацелило его на самые важные звенья в организации производства. Все органы рабочего контроля от фабзавкомов до Всероссийского совета рабочего контроля были увязаны с общегосударственной системой советского хозяйства. В. И. Ленин говорил: «Наша задача состоит в том, чтобы идти к социализму. На-днях рабочие получили закон о контроле над производством. Согласно этому закону, фабрично-заводские комитеты составляют государственное учреждение». (Т. 26, стр. 261). В первом пункте «Положения о рабочем контроле» указывалось, что народное хозяйство будет развиваться на новых плановых началах. Восьмой пункт подчеркивал обязательность всех решений органов рабочего контроля для владельцев предприятий. Превращение фабрично-заводских комитетов в органы господствующего класса пролетариев, в составную часть советского государственного аппарата с целью осуществить полное регулирование производства по пути к социализму, представляет собой коренное отличие положения фабрично-заводских комитетов в условиях Советской власти от положения их при Временном правительстве. Политическая победа вливала в сердца рабочих новое чувство хозяина жизни. Наступил второй этап в развитии рабочего контроля. На суконных фабриках Симбирской губернии рабочие успешно осуществляют свои права явочным порядком. Рабочий контроль проводился в жизнь фабричными комитетами, которые, как правило, согласовывали свои действия с профсоюзными и хозяйственными органами. На фабриках возникают контрольные комиссии в целях технического и финансового контроля над производством. 22 ноября 1917 года на фабрике Шатрова (Измайловка) открытым голосованием была избрана контрольная комиссия в составе рабочих Мясникова, Сметанкина, Коровина. 24 ноября в соответствии с указанием Правления профсоюза выбрана контрольная комиссия на Игнатовской фабрике в составе Ларина,

Аникина, Калачкова, Милкова. 28 ноября на общем собрании рабочих создана контрольная комиссия из трех человек на фабрике Агишева в Тепловке. То же самое происходило и на других суконных фабриках.

В условиях борьбы рабочих за распределительный контроль на всех суконных фабриках капиталисты ведут борьбу под прикрытием законных решений и постановлений многочисленных согласительных организаций и в то же время начинают широко противопоставлять нужды производства нуждам самих рабочих. Под этим прикрытием капиталисты стремятся использовать в целях саботажа свое положение фактического руководителя промышленности.

Созданные волей рабочих контрольные комиссии незамедлительно приступили к исполнению своих обязанностей. Так, контрольная комиссия фабрики Агишева (Тепловка), приступившая к работе с 1 декабря, просит Правление профсоюза содействия в получении двух цистерн нефти и шерсти, которой на фабрике хватит лишь на один месяц, в то время как в Москве у товарищества «Центрошерсть» имеется 50 вагонов шерсти, но нет нарядов от железной дороги. (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 5, л. 2). К сожалению, контрольной комиссии удалось проработать лишь десять дней, так как 10 декабря фабрика сгорела. В борьбе с последствием стихийного бедствия большую роль сыграли организации рабочих. 31 декабря 1917 года III делегатский съезд фабрик Поволжского района постановил выдать из средств союза в помощь безработным 10 тысяч рублей. Фабричный комитет, кроме этой суммы, требует ускорить высылку денег за сукно, отправленное в интендантство в декабре. Кроме того, был организован сбор пожертвований на других фабриках. Ввиду малых поступлений в фонд безработных с фабрик и отсутствия денег в банке, помощь погорельцам сильно задерживалась. В апреле 1918 г. фабричный комитет все же добился получения всей обещанной денежной помощи тепловским рабочим.

Интересно проследить, как конкретно меняется соотношение сил между рабочими и хозяевами на примере фабрики Асеева (Трескино). В телеграмме фабричного комитета Правлению профсоюза говорится о трудностях введения расценок, принятых на II делегатском съезде. «Расценки от 7 сентября на фабрике Асеева общим собранием 6 ноября постановили немедленно провести в жизнь. Асеев подписался. Кузнецкий Совет[1] рабочих депутатов утвердил. Теперь Асеев без подтверждения союза фабрикантов выдавать отказывается. Просим телеграфного подтверждения на выдачу по новому расценку. Ткачам просим расценок из расчета сентябрь, октябрь, ноябрь. Отвечать срочно». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 2, л. 3). Но уже в декабре рабочий контроль становится активным и действенным. 3 декабря в заявлении в союз фабрикантов и заводчиков Асеев прямо признается в своем бессилии. Важные атрибуты управления производством: установление заработной платы, прием и увольнение персонала фабрики находятся в руках рабочего комитета. Самого фабриканта рабочие хотят превратить в орудие для достижения своих целей. Асеев пишет: «...теперь ко мне местный рабочий комитет каждый день предъявляет все новые и новые требования, некоторые из них ни на чем не основаны, другие явно не законны, но отказать в удовлетворении этих требований я совершенно бессилен». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 1, л. 5). Далее он жалуется, что его заставили уплатить женщинам-секретчицам наравне с мужчинами-секретчиками, заставили платить всем присучалкам равную зарплату по 45 руб. в месяц, невзирая на возраст, что рабочий комитет перестал спра-

---

[1] В этом месте документа часть текста вырвана. За словом Совет, видимо, следовало «солдатских».

шивать его согласия на прием на работу приказчиков, конторщиков, мастеров, рабочих и даже медицинского персонала.

Как объясняет фабрикант весь «вред» такого оборота событий? Асеев молчит о правах частного собственника даже в письме своим коллегам по эксплуатации. Асеев сетует на то, что удовлетворение таких требований «не вносит мира в среду самих рабочих», оказывает «губительное влияние на предприятие», «страшно усложняет бухгалтерию». (Там же). Фабрикант клевещет на членов рабочего комитета, приписывая им узко групповые интересы, у него рабочий комитет «...увеличивает оклады всем служащим, кто найдет нужным к нему обратиться, совершенно не входя в обсуждение достоинства просителей...». (Там же). Фабрикант пытается доказать, что «произвол» установления зарплаты на его фабрике подрывает «принцип установления общих цен на всех фабриках». (Там же). Он ссылается на постановление третейского суда и примирительных камер, хотя было известно, что эти решения выработаны в начале августа 1917 года, а за четыре месяца дороговизна жизни резко усилилась. Асеев, налегая изо всех сил на «законность и порядок», исходил из выгодных для него, но старых, опрокинутых ходом самой жизни, постановлений и решений и по меньшей мере нагло лицемерил. Союз фабрикантов и заводчиков, придя на помощь Асееву, 11 декабря доказывает Правлению профсоюза, что нужно «принять решительные меры против сепаратных выступлений рабочих Трескинской фабрики в деле самовольного установления расценок, вмешательство их вносит хаос и гибельно отражается на самом производстве». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д 1, л. 4).

Рабочие, не смущаясь клеветой и интригами хозяев, твердо держат в своих руках контроль над оплатой труда и над наймом и увольнением рабочих. На общем собрании 24 декабря 1917 года рабочие самостоятельно решили злободневные вопросы повышения зарплаты. Увеличены были расценки прессовщикам со 132-х рублей до 160-ти рублей, смесчикам шерсти с 75-ти рублей до 110-ти рублей, моталкам с 85-ти рублей до 100 рублей и др. рабочим. Рабочие постановили послать делегатов на III делегатский съезд в Симбирск со своим наказом: «Делегаты должны на съезде точно оговорить, сколько рабочих должно быть в каждом цехе в зависимости от его производительности и труда, а также должно точно установлено, сколько рабочих на каждой отдельной машине в каждом цехе. Распределение работ должно зависеть исключительно от Рабочего комитета». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 1, л. 9). Передовые рабочие, избранные в члены фабричного комитета и контрольной комиссии, горячо взялись за восстановление производства, за повышение производительности труда. Член контрольной комиссии Королев сообщает Правлению профсоюза о предотвращении кражи одной кипы сукна в ночь с 30 на 31 декабря и о том, что члены фабричного комитета и особенно председатель фабричного комитета Маслов борются за сознательную трудовую дисциплину, неустанно разъясняя рабочим необходимость добросовестного отношения к работе и удерживая отдельных рабочих от бесчинств и хулиганства. Королев просит Правление профсоюза вместо специалистов-военнопленных прислать безработных рабочих со сгоревшей 10 декабря фабрики Агишева.

Таким образом, к концу 1917 г. трескинские рабочие силой овладевают важными рычагами регулирования производства: установлением заработной платы, приемом рабочих и служащих, их перемещением и увольнением, но управление ходом самого производства, распоряжение сырьем и топливом по-прежнему остаются в руках владельца фабрики.

В условиях Советской власти, когда стала невозможной открытая борьба с рабочим контролем, фабрикантам ничего не остается делать,

как взывать к законности и порядку под предлогом спасения «гибнущей промышленности». Этот прием находит широкое применение в дальнейшем. Дело доходит до того, что всю вину за рост хозяйственной разрухи фабриканты стали сваливать на хозяйничание рабочих. В ноябре 1917 г. рабочие Гурьевской фабрики предъявили владельцу требование: уплатить за простой фабрики по вине фабриканта за 4 месяца по пять дней в каждом месяце. Требования были чисто экономические, но капиталисты умышленно заостряют вопрос. 25 ноября общее собрание фабрикантов отказывает гурьевским рабочим ввиду того, что «рабочий комитет полностью осуществляет техническое управление фабрикой» (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 21), следовательно, вина за неправильный ход производства ложится целиком и полностью на самих рабочих. Кроме того, капиталисты указали, что распоряжение Губернского присутствия говорит лишь о порядке и способе записи зарплаты, а не об условиях расплаты с рабочими, и к тому же простои и причины их по вине фабрикантов в книжках не отмечены. Хитрые приемы капиталистов достойны внимания. В самом деле, трудно поверить, чтобы рабочие, начиная уже с августа 1917 года, целиком и полностью управляли фабрикой технически. Здесь явная передержка с целью оклеветать рабочий комитет в глазах рабочих и вызвать у них сомнение в способности управлять производством. Протокол общего собрания фабрикантов заканчивается категорическим требованием: «... прекратить вмешательство в ход производства под угрозой привлечения к уголовной ответственности». (Там же).

По мере роста силы рабочих, капиталисты все чаще прибегают к различным хитроумным маневрам, приманкам, уловкам. В ноябре 1917 года союз фабрикантов и заводчиков предлагает рабочим Линевской фабрики 4 проц. надбавки жалованья, но в обмен на отказ рабочих от введения расценок, выработанных на делегатском съезде рабочих суконных фабрик Симбирской губернии 7 сентября 1917 года. Рабочие дали отпор проискам фабрикантов. 20 ноября общее собрание рабочих постановило отклонить предложение союза фабрикантов и заводчиков, а в случае отказа признать расценки делегатского съезда, объявить 27 ноября стачку.

Еще более откровенно действовали капиталисты против самайкинских рабочих, но и здесь получили решительный отпор. Дело в том, что рабочие ввели расценки II делегатского съезда, но на фабрике не было денег на выдачу заработной платы рабочим к рождеству. 21 декабря союз фабрикантов и заводчиков через администрацию фабрики предлагает рабочим свои расценки и обещает сейчас же отыскать и выслать на фабрику деньги для расплаты с рабочими, но в обмен на полный отказ рабочих от введения своих расценок. Интересно, что здесь хозяева не требуют, не возражают, а просто предлагают рабочим, как равные равным, сделку. К декабрю 1917 года рабочие были уже достаточно просвещены революцией и купить их за кусок хлеба не удалось. Подлый маневр капиталистов вызвал взрыв подлинно классовой ненависти. Рабочие поняли, что здесь подрывается не только авторитет съездов рабочих, но и всей системы рабоче-крестьянской власти. Самайкинские рабочие потребовали, чтобы III делегатский съезд, который должен состояться 28 декабря, заставил союз фабрикантов и заводчиков пойти на уступки и признать расценки рабочих. В случае отказа рабочие постановили: взять фабрику в свои руки. Это предложение говорит о высокой активности самайкинских рабочих. Именно на таких событиях происходил быстрый рост классового самосознания широких слоев рабочих, их подготовка к национализации промышленности. О высокой сознательности передовых рабочих говорят события на

Самайкинской фабрике Агишева и Тепловской фабрике Кильдеева. К 28 ноября рабочая масса была настроена объявить стачку «ввиду задержки введения расценка». Но «рабочие комитеты предложили довести до конца обработку того материала, который может понадобиться для производства и который достать трудно». (ГАУО, оп. 1, д. 10, л. 14).

Таким образом, к концу 1917 года рабочий контроль вводится на всех суконных фабриках Симбирской губернии и начинает приобретать распорядительный характер.

III делегатский съезд, руководимый большевиками, подвел итоги борьбы рабочих и поставил перед рабочим движением вопросы о производительности труда, укрепления трудовой дисциплины, борьбы с голодом и безработицей. Съезд призвал рабочих-текстильщиков «приложить все свои организационные силы к поднятию рабочего труда на должную высоту в смысле увеличения производительности работы на фабриках и заводах и установления плодотворного контроля за производством, а равно строгой дисциплины самих рабочих, нарушающих часто те необходимые правила, без которых невозможна планомерная работа». (Журнал «Ткач» № 4, 1918 г., стр. 3). Для борьбы с безработицей решено создать в двухмесячный срок фонд безработных из отчислений четырехдневного праздничного заработка и провести чистку на фабриках от людей, укрывшихся на фабрике от фронта, от рабочих, не состоящих в профсоюзе, от малолетних, от рабочих, связанных с сельским хозяйством. Особо подчеркивалось, что «чистый пролетариат, не владеющий недвижимой собственностью, удалению с фабрик ни в коем случае не подлежит». (Журнал «Ткач» № 4, 1918 г., стр. 9). В резолюции, предложенной председателем Правления профсоюза Гладышевым, предлагалось на всех фабриках организовать особые комиссии из рабочих для закупки хлеба в контакте с продовольственными управами. 4 января 1918 г. Союз фабрикантов и заводчиков принял расценки, навязанные ему рабочими, и определил сроки расплаты с рабочими. В частности о ткачах говорилось, что они рассчитываются по 18 рублей за кусок сукна. Решения съезда наметили главные линии борьбы и послужили практическим руководством в дальнейшей работе органов рабочего контроля.

В обстановке укрепления Советской власти в Симбирской губернии борьба за рабочий контроль вступает в третий, наиболее богатый успехами, этап своего развития. Господство рабочих над капиталистами и их ставленниками завоевывается в ожесточенной борьбе. Главная цель рабочих — добиться прочного контроля над всеми звеньями производства, без овладения которыми невозможно было регулировать деятельность предприятия. Органы рабочего контроля постепенно овладевают технической и финансовой сторонами производства и разрешают многие другие задачи, связанные так или иначе с обеспечением нормальной работы суконных фабрик. В частности, органы рабочего контроля в контакте с продовольственными органами много сделали по продовольственному вопросу, выросшему в голодную зиму 1918 года в серьезную проблему, успешное разрешение которой сохраняло главную силу производства — рабочий класс.

В условиях высокой активности рабочих и в то же время их малоопытности в вопросах управления производством ведущим лозунгом борьбы капиталистов все более становится демагогический лозунг «защиты промышленности от гибели» наряду со ссылками на законы, постановления, резолюции и т. д. Хозяева считают, что больше шансов на выигрыш сулит игра на трудностях регулирования производства, которые встречали рабочие, а при хозяйственной разрухе таких трудностей

было немало. Фабриканты начинают выдвигать на передний край борьбы преданную им высшую администрацию: директоров, управляющих, доверенных и т. д., а сами прячутся за ними как слишком одиозные фигуры. В начале 1918 года ставленники хозяев пока еще ведут себя довольно развязно, чувствуя, что рабочие не могут обойтись без них, без их долголетнего опыта по управлению производством.

Решения III делегатского съезда проводились в жизнь с большими трудностями. С фабрик в редакцию журнала «Ткач» поступали сведения о *недостатках денежных средств, шерсти, топлива, о голоде и безработице.* Одним из важных средств борьбы фабрикантов становится скрытый саботаж, который был весьма опасен: владелец уезжал с фабрики, бросая на произвол судьбы снабжение топливом, сырьем, деньгами, отказываясь от проведения ремонта. Так, 28 декабря рабочие Гурьевской фабрики послали делегатов в Симбирск к хозяину фабрики и решили в случае неудачи просить Симбирский совдеп повлиять на него, чтобы он не уклонялся снабжать фабрику различными материалами, а также хлебом. III делегатский съезд помог гурьевцам, обратившись с просьбой к Военно-Революционному комитету, «принять меры к понуждению фабриканта Акчурина о доставке на фабрику материалов и припасов, необходимых для правильного хода фабрики, частью уже закупленных в Симбирске». (Журнал «Ткач» № 4, 1918 г., стр. 2). Выработка сукна на Гурьевской фабрике сильно страдала из-за частых отлучек рабочих за хлебом в деревни. Из Базарного Сызгана сообщали: «Фабрика остановилась из-за недостатка средств. Владелец скрылся. Наложен арест на текущий счет и средства». (Журнал «Ткач» № 6, 1918 г., стр. 11). Подобное явление наблюдалось в Старо-Тимошкине, где Фазлеев, снявший фабрику у товарищества Акчурина, забросил всякий ремонт и, наконец, сбежал с фабрики вместе с управляющим. Производству мешали безработица и голод. Контрреволюционные элементы пытались играть на трудностях борьбы за рабочий контроль, расколоть рабочий класс, вызвав вражду сельских рабочих к коренным пролетариям, отсталой части рабочих к активистам. Но, судя по сообщениям с фабрик Шатрова, Кузнецова и особенно Акчурина, где кулакам удалось даже разогнать местный Совет и убить большевика, все эти попытки врагов кончились провалом. (Журнал «Ткач» № 7, 1918 г., стр. 11).

На крупнейшей суконной фабрике губернии Гурьевской завязалась ожесточенная борьба между рабочими и администрацией. В январе рабочие решили уволить ненавистного управляющего Мангушева. Это событие взволновало хозяев. Они немедленно прекратили финансирование фабрики. На требование Правления профсоюза выдать зарплату рабочим дельцы из торгово-промышленного товарищества «Акчурин» разводили руками: некому переводить деньги. 12 января союз фабрикантов и заводчиков посылает протест Правлению профсоюзов и предлагает восстановить Мангушева «во имя сохранения порядка и защиты промышленности и ввиду незаконности действия рабочего комитета, который присвоил непринадлежащие ему права». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 21). Действия рабочих отличались решительностью. Рабочие накопили определенный опыт хозяйствования, чтобы относиться к старой администрации как к силе, которую можно и должно подчинить силе рабочих и их органа рабочего комитета. Директор Гурьевской фабрики Бретвейто не раз заявлял членам рабочего комитета, чтобы рабочий комитет не вмешивался в его дела, иначе он сложит с себя обязанности директора и тогда пусть рабочий комитет сам рассчитывается с возчиками дров и с рабочими и служащими фабрики. 4 января рабочий комитет решил снять с работы Бретвейто. На помощь снова пришел союз фабрикантов и заводчиков, который потребовал от Правления проф-

союза восстановить Бретвейто, по-прежнему мотивируя, необходимостью *«защиты промышленности от гибели».* (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 40).

В апреле 1918 года Бретвейто вновь появляется на Гурьевской фабрике в должности доверенного акционерного общества «Акчурин». Чувствуя свою слабость перед лицом организованных рабочих и в то же время органически не переваривая новую власть, Бретвейто спекулирует на финансовых трудностях фабрики в зиму—весну 1918 года. Он оскорбляет членов рабочего комитета, высокомерно называя одного из них, Моисеева, «хамом», и нагло требует удаления его из состава рабочего комитета. Получив отказ, он саботирует совместную работу с членами рабочего комитета. Так, 3 апреля он отказался явиться на заседание для обсуждения вопроса о посылке вояжеров в кооперативы с предложением сукна, пытаясь поставить под угрозу срыва получение денег на зарплату рабочим. Бретвейто раздает своим друзьям шевиот без ведома рабочего комитета и контрольной комиссии. Он без всяких причин отказывает в выдаче жалования и праздничных денег телефонистке Старостиной. Члены рабочего комитета сумели за личными мотивами ссоры вскрыть политические корни борьбы. Рабочий комитет писал Правлению профсоюза: «Бретвейто, выпячивая свою личность, наносит ущерб всему рабочему классу в финансовом отношении, вызывая смуту среди рабочих, которые надеются на успешную работу рабочего комитета». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 131). Рабочий комитет напоминает, что Моисеев выбран общим собранием рабочих и не может быть отозван по произволу администрации. Рабочий комитет предлагает убрать Бретвейто с фабрики как «вредного элемента для общей работы фабричного комитета». (Там же).

На защиту Бретвейто вновь поднялись организации капиталистов. торгово-промышленное товарищество «Акчурин» было особенно огорчено донесением Бретвейто о том, что рабочие фактически отнимают у него право распределения готовой продукции. В письме Правлению профсоюза предлагается указать рабочему комитету Гурьевской фабрики на то, что отпуск сукна покупателям составляет неотъемлемое право администрации, согласно прежним распоряжениям Правления профсоюза и постановлениям конфликтной комиссии. По мнению хозяев, это является условием «для того, чтобы совместная работа в целях сохранения гибнувшей промышленности стала возможной». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 132). Таким образом, капиталисты снова и снова кричат о гибели промышленности, назойливо отождествляя собственную гибель с гибелью производства вообще.

Недостаток денежных средств вырастал в серьезную проблему, поскольку традиционный товарооборот был в значительной степени нарушен, а новый товарооборот создать сразу было нельзя. Трудно было закупать шерсть, сбывать готовое сукно, найти хлеб рабочим. Вопрос о снабжении деньгами суконных фабрик не раз поднимался на заседаниях губернских съездов. 16 мая 1918 г. финансовая комиссия VI губернского съезда Советов указала на большие запасы — до 2,5 млн. аршин армейского сукна, скопившегося по фабрикам в результате трудностей сбыта, и предложила съезду просить центр или разрешить реквизировать сукно в пределах губернии или снабдить деньгами фабрики в обмен на это сукно. В течение зимы и весны 1918 г. рабочим организациям пришлось много поработать над разрешением денежных кризисов, которые следовали один за другим на разных фабриках. По словам председателя Правления профсоюза Леднева «Центроткань» не удовлетворяла и 30 проц. нужды фабрик в ссудах. Правление профсоюза превратилось в подобие коммерческого учреждения: пришлось просить финансовые органы о ссудах денег под залог шерсти и других материа-

лов, хлопотать о продаже сукна и т. д. Много сил большевиков отвлекала острая политическая и военная борьба, для которой выделяли лучших членов партии. По причине частого обновления людского состава Правления профсоюза текущие дела оказались в значительной мере запущенными. На местах было мало организованных сил, и рабочие с каждой мелочью обращались в Правление профсоюза. Особенно настойчивыми были требования рабочих о повышении зарплаты, сильно отстававшей от роста дороговизны. Рабочие организации искали новые пути в регулировании уровня заработной платы и находили их в усилении учета и контроля над производством и распределением.

К весне 1918 года рабочие, несмотря на противодействие капиталистов, прочно удерживают в своих руках важную сторону производства: распределение готовой продукции. Это облегчало систематическое пополнение фондов заработной платы. В условиях голода, хозяйственной разрухи и расстройства денежного обращения организация оплаты труда претерпела существенные изменения. Во-первых, инфляция снизила значение номинальной зарплаты в жизни рабочих. Во-вторых, связь суконных фабрик с традиционным рынком сбыта — военным ведомством, испытывала большие трудности. В-третьих, зарплата в некоторой своей части стала фактически превращаться в натуральную в виде выдачи—продажи сукна рабочим для обмена на хлеб. Неурожай 1917 г. в Симбирской губернии тяжело отразился на положении рабочих. Буржуазная губпродуправа не хотела вступать на путь насильственного изъятия хлебных излишков у кулачества и помещиков, а в октябре 1917 г., признав продовольственный кризис неразрешимым, ввела продажу хлеба по вольным ценам. Права заготовок хлеба были переданы местным органам, которые действовали по своему усмотрению.

На некоторых фабриках продовольственный вопрос обострился довольно рано. Так, уже 28 сентября 1917 года Игнатовский фабричный исполком просит Правление профсоюза усилить борьбу с голодом, так как хлеба на фабрике хватит лишь до половины октября, а Губернская продовольственная управа в хлебе отказала. Рабочие были вынуждены все более переходить к получению продовольствия через натуральный обмен сукна на хлеб в окружающих деревнях. 12 сентября рабочие сообщили Правлению профсоюза о том, что «хлеб нам везут на сукно и на деньги 12 рублей пуд». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 3, л. 4, л. 6). Рабочий комитет Самайкинской фабрики в январе 1918 г. просит Правление профсоюза организовать прием серошинельного сукна, которого на фабрике скопилось «около одной тысячи половинок, а скоро нужны будут деньги для уплаты жалования рабочим». «Продовольствия нет и размен сукна на хлеб, в прилегающих селах и деревнях затруднен». Кроме того, «рабочий комитет просит принять энергичные меры для доставки материалов предпринимателями, иначе остановка фабрики». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 32). 18 февраля Правление профсоюза обратилось с просьбой в Исполком Симбирского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «разрешить рабочему комитету фабрики Акчурина в Самайкино на вольную продажу выпуск 30000 аршин сукна». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 31). Весной 1918 года цена сукна, отпускаемого рабочим Самайкинской фабрики, колебалась от 5 руб. 50 коп. до 6 руб. 50 коп. аршин.

В результате успешной борьбы пролетариата номинальная зарплата рабочих непрерывно возрастает в течение 1917 года, особенно после Октябрьской революции, и в течение всего 1918 года. В качестве примера можно взять суконную фабрику «ПП Петровых с сыновьями» в Литвино. Если за 1916 год было выдано заработной платы 157412 рублей 67 коп., при выработке отделанного товара за год 796402, 12 погон-

ных аршина, а за 1917 год было выплачено за год заработной платы 646465 рублей 31 коп., при выработке отделанного товара за год 635652,06 погонных аршина, то за восемь месяцев 1918 года с января по август выдано 934239 руб. 42 коп. заработной платы, хотя выработка составляла всего лишь 73658,9 погонных аршина. Литвинский фабричный исполком совместно с контрольной комиссией в соответствии с решением IV делегатского съезда постановил перевести рабочих с 15 июня 1918 года на сдельщину. В результате ткачи стали получать за 12 кусков в месяц на два ткача по 43 рубля за кусок, т. е. зарабатывать в среднем 258 рублей в месяц. Отсюда видно, что зарплата текстильщиков в абсолютных рублях за полгода выросла более чем в 2 раза, имея в виду январские расценки ткача по 18 руб. за кусок сукна. Но темпы роста номинальной зарплаты все-таки не поспевали за быстрым подъемом цен на продовольствие.

После победы Советской власти декретом СНК РСФСР в стране была введена хлебная монополия и твердые цены на хлеб. В Симбирской губернии 21 февраля 1918 г. был организован Губпродкомиссариат. К его руководству пробрались «левые» эсеры, которые игнорировали хлебозаготовки внутри губернии, стремясь получить хлеб из других губерний. Только после разгрома мятежа белочехов и учредилки в губернии стала твердо проводиться продовольственная политика Советской власти. Основным каналом обеспечения рабочих продовольствием был обмен сукна на хлеб, который осуществлялся с разрешения Губернского Продовольственного Комиссариата через местные кооперативы и сельские органы власти. 27 марта Правление профсоюза просило Губернский Продовольственный Комиссариат: «Ввиду большого скопления сукна на фабрике товарищества Акчурина, находящейся при селе Самайкине Сызранского уезда, и ввиду большого количества запросов на покупку сукна населением, Правление просит разрешить продать с вышеуказанной фабрики 40 тысяч аршин через сельские кооперативы и волостные советы под контролем фабрично-заводского комитета». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 48). Зимой 1918 года обмен проводился в значительной мере самими рабочими, которые получали определенное количество сукна на руки. Деятельность фабричных комитетов по борьбе с голодом осуществлялась с большими трудностями. Фабриканты и их прислужники, прикрываясь старыми договорами и постановлениями, провоцировали развитие голода, стремясь обескровить лучшие силы пролетариата. Заведующий фабрикой Шатрова в Измайловке Куликов доносит Правлению союза фабрикантов и заводчиков о том, что, «несмотря на постановление на пленарном заседании рабочих и союза фабрикантов выдавать сукно рабочим только по одному аршину на едока в месяц на хлеб через закупочную комиссию в Симбирске, комитет фабрики постановил выдавать сукно прямо рабочим по два аршина на человека и 31-го января было приступлено к выдаче сукна». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 11, л. 24). Рабочие, исходя из объективной обстановки, разрешение продовольственного вопроса взяли в свои руки, не считаясь с домогательствами хозяев. В мае рабочие увеличили выдачу сукна, доведя ее до 4-х аршин на едока, кроме 12 тысяч аршин, отпущенных для закупочной комиссии при Правлении профсоюза, т. е. еще по три аршина на едока. Всего, начиная с нового года, было отпущено в 4-х выдачах 12 аршин на едока. (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 11, л. 99). Требование заведующего фабрикой Куликова к Правлению профсоюза «все зависящие от Вас меры принять для немедленной приостановки выдачи сукна» было отвергнуто. 23 (10) мая общее собрание рабочих фабрики Шатрова постановило «продолжать уже начатую выдачу сукна на хлеб по 4 аршина на едока за два месяца: апрель, май; выдавать то сукно, которое требуют

в обмен на хлеб крестьяне, т. е. из ходких цветов. Выданное сукно выше нормы Правление профсоюзов может разверстать на будущие месяцы. Делегировать тов. Панкратова в Правление профсоюза текстильщиков с требованием повышения нормы сукна на хлеб в предотвращение недоразумений на будущее время» (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 11, л. 101). Развитие хозяйственной разрухи принимало такой характер, что рабочие суконных фабрик были вынуждены, во-первых, ввиду саботажа капиталистов, брать в свои руки продовольственное дело и, во-вторых, выделять все бо́льшую часть готовой продукции фабрик в фонд обмена на хлеб. Если в январе на Измайловской фабрике было достаточно выдачи одного аршина сукна на каждого едока, то в период с февраля по июнь, в результате спекуляции хлебом кулаков и «мешочников», цены на хлеб резко пошли вверх. Например, цены на рожь поднялись до 140 рублей пуд, и рабочие могли менять один аршин сукна только на 4—5 фунтов хлеба. Измайловские рабочие подробно описывают причины, побуждавшие их непрерывно увеличивать выдачу сукна. «Заработок рабочих и служащих в сравнении с бешеными ценами на хлеб слишком мал и в среднем его хватает лишь на два пуда муки, и в среднем каждый рабочий и служащий, имея семью в четыре человека, обречен на голодовку, что и стало замечаться за последние месяцы. В настоящее время рабочие и служащие испытывают весьма сильную нужду в продовольственном отношении. Хлеб крестьяне на фабрику стали подвозить, но покупать его не за что. До нового урожая еще времени порядочно. Рабочие и служащие требуют ходатайства перед Вами о разрешении выдачи сукна по льготным ценам от 3-х до 4-х аршин включительно на руки, дабы приобрести посредством обмена хлеба для своих семей». (ГАУО, ф. 249. оп. 1, д. 113).

Таким образом, борьба за продовольствие усиливала борьбу за рабочий контроль, расширяла сферу его действия на суконных фабриках. Борьба за хлеб была одним из факторов, толкавших рабочих на овладение важными звеньями производства: выпуском и сбытом сукна, установлением заработной платы, контролем за финансовыми операциями и т. д. Эта борьба, с одной стороны, сохраняла живую силу пролетариев и, с другой стороны, вела их к необходимости регулировать самый ход производства. Победа над таким грозным врагом как голод могла быть завоевана на путях улучшения работы всех рабочих организаций, укрепления советского государственного аппарата.

С завоеванием передышки весной 1918 года, партия устами В. И. Ленина призвала народ к хозяйственному строительству. Симбирские большевики на созванных в мае VI губернском съезде Советов и IV делегатском съезде текстильщиков упорно проводили в жизнь план, разработанный партией. Решения IV делегатского съезда имели крупное значение для развития борьбы за рабочий контроль. Съезд подвел итоги борьбы за зиму и весну, зафиксировал новые требования рабочих и наметил пути дальнейшей борьбы. Его основными вопросами были выработка новых расценок взамен устаревших и принятие циркуляра № 16 «Обязанности и права контрольных комиссий», положенного в основу деятельности органов рабочего контроля на суконных фабриках. Симбирские большевики творчески использовали декрет Советского правительства о рабочем контроле, который давал основу для свободного проявления инициативы народа. В этом проявились достоинства молодой советской демократии в области хозяйственного строительства.

Расценки, принятые съездом и навязанные затем фабрикантам, значительно подняли уровень номинальной зарплаты. Так, прессовщики стали получать 230 рублей вместо 132 руб. в декабре 1917 года, мс-

талки прежде зарабатывали 85 рублей, теперь моталки и сновалки на механических самосновалках — 170 рублей, а на ручных сновалках — 180 рублей; секретчики и мужчины и женщины одинаково по 235 руб.; учитывалась квалификация работника, например, электротехники с техническим образованием стали зарабатывать до 400 руб. Таким образом, симбирские рабочие организованно и успешно проводили в жизнь свои важнейшие требования. (Журнал «Ткач», № 10, 1918 г., стр. 13).

Циркуляр № 16 точно определил функции органов рабочего контроля, обратив основное внимание на контроль за ходом самого производства. Контрольные комиссии должны были следить за количеством и качеством необходимых для производства материалов и рабочей силы, выяснять стоимость производства, наблюдать за сбытом и закупкой товаров, не допускать самовольной вывозки товаров и остановки предприятия, содействовать переводу фабрик с военного на мирное производство. Особенно крупное значение имели решения о поднятии производительности труда, которые были более конкретны, чем решения III делегатского съезда в декабре 1917 года. В пункте «7а» предлагалось содействовать выяснению причин падения производительности и мер для ее повышения. Отсюда великое значение придавалось укреплению трудовой дисциплины в среде самих рабочих. Пункт 5-й, предлагавший «установить меры для поддержания среди рабочих и служащих трудовой дисциплины» был усилен специальным добавлением, по которому «во имя поддержания железной дисциплины» устанавливались жесткие правила: три дня прогула приводили к увольнению с фабрики; пьянка, азартные игры, неподчинение мастеру влекли за собой вначале выговор, а затем увольнение на срок или навсегда с данной фабрики с доведением до сведения Правления профсоюза; за воровство и за порчу машин виновные предавались революционному суду. (Журнал «Ткач» № 10, 1918 г., стр. 11).

Таким образом, содержание циркуляра № 16 говорит о высоком уровне сознательности передовых рабочих. Применение мер наказания: выговор, увольнение, предание суду в защиту производства показывает, что рабочие смотрели на имущество фабрик как на общенародное достояние, которое неизбежно будет национализировано и должно управляться в централизованном порядке. Интересно, что циркуляр предостерегал контрольные комиссии против самовольных захватов фабрик для передачи их в собственность коллективов рабочих, а не советского государства. Владельцам фабрик пока что отводится известная роль в управлении ходом производства. Очень важно отметить то, что все эти задачи органов рабочего контроля на разных фабриках в большей или меньшей степени начали проводиться в жизнь по инициативе масс еще зимой 1918 года.

Кроме того, дельное решение было вынесено по докладу Леднева об укреплении технической базы текстильной промышленности Поволжья. Решено было создать завод по ремонту и строительству текстильных машин.

Руководствуясь решениями IV делегатского съезда, органы рабочего контроля на местах резко усилили борьбу за подъем производительности труда, за решительное укрепление трудовой дисциплины. Страницы журнала «Ткач» за июнь месяц пестрят сообщениями о разоблачении расхитителей народной собственности, нарушителей дисциплины. С фабрики Кузнецова сообщали, «что вальщик Александр Лушников увольняется с нашей фабрики за порыв сукна и небрежное отношение к работе». На фабрике Агишева «уволены за кражу пряжи Андрей и Иван Колесовы». На фабрике Суворова (Ширингуж) «уволен за кражу ваты Николай Кузьмицкий». Подобные сообщения поступали и с других

фабрик Поволжского района. Сравнивая с первыми этапами рабочего контроля, можно заметить, что, если вначале рабочих занимала борьба непосредственно с самими владельцами фабрик из-за вопросов распределения, то теперь центр тяжести переносится на борьбу за улучшение производства, хотя борьба с хозяевами и особенно с их администрацией не сошла со сцены. Борьба авангардных слоев рабочих под руководством большевиков за перевоспитание отсталой части пролетариата выступила как одна из форм классовой борьбы, направленной на сплочение рабочего класса, на усиление его роли в организации производства.

В условиях острой нехватки денег, шерсти, топлива и других материалов, когда хозяева стремились сорвать нормальную работу фабрик, когда под угрозой голодной смерти находились тысячи рабочих и их семей, трудно было сохранить выпуск продукции на прежнем уровне. Но и в такой чрезвычайной обстановке органы рабочего контроля обеспечивали функционирование суконного производства, энергично добывая все необходимые материалы. Заготовка сырья и сбыт готовой продукции прочно находились под контролем рабочих, что облегчало организацию производства. Так, в апреле 1918 года при задержке в Сызрани 6-ти вагонов шерсти для фабрики Протопопова (Румянцево), которая с большим трудом была получена из «Центрошерсти», комиссия контроля над производством потребовала от Губернского комиссара труда «в срочном порядке дать распоряжение о снятии ареста с шерстей, идущих на фабрику Протопопова ст. Барыш». (ГАУО, ф. 696, оп. 2, д. 3, л. 40). 14 марта 1918 года Правление профсоюза просило Губернский продовольственный комиссариат: «К нам поступило постановление Рабочего комитета Измайловской фабрики Шатрова о разрешении продажи с фабрики 10 тысяч аршин разного сукна на местный рынок за отсутствием денежных знаков на неотлагательные нужды фабрики как-то: на покупку разных материалов и на уплату за работу по заготовке и вывозке дров для фабрики. Считая это необходимым, Правление просит Вас разрешить эту продажу». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 11, л. 40). При заказе на сукно для паровозных бригад всей Московско-Казанской железной дороги Правление профсоюза потребовало от заказчиков полностью снабдить фабрики краской, необходимой для выработки сукна. (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 1, л. 76).

Особенно труден был финансовый контроль, так как сложная отчетность могла служить прикрытием злостного саботажа. Организации рабочих следили за финансовым состоянием суконных фабрик, без их разрешения хозяева не могли получать деньги из банка и их расходовать. С целью учета всех элементов производства контрольные комиссии заводили специальные ведомости. Так, в январе 1918 года с Литвинской фабрики запрашивали Правление профсоюза о высылке книг: «1) входящую, 2) исходящую, 3) денежную приходо-расходную, 4) квитанционную, 5) книгу отчислений на 1918 год» и др. книги. (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 8, л. 14). Распределение денег между фабриками находилось под контролем Правления профсоюза. 13 марта оно сообщало рабочему комитету Самайкинской фабрики о том, что фабрики товарищества «Акчурин» в Гурьевке и Старо-Тимошкине получили от Центротекстиля за сукно 150000 рублей и «уделяет Вам взаимообразно 15000 рублей, пока за Ваше сукно не получите из Центротекстиля». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 40). С фабрики Белоусова (ст. Базарная) в январе был отправлен в Самарскую губернию для покупки хлеба рабочим Усков с 20 тыс. рублей, и рабочий комитет хлопочет перед Правлением профсоюза о содействии «перед банком к выдаче ему кредитными билетами, так как расплата краткосрочными обязательствами или Займом свободы сопряжена с большими трудностями в особенно-

сти при расчетах за хлеб». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 9, л. 23). С углублением практической работы по регулированию производства важные финансовые операции поручаются наиболее активным передовым рабочим. 17 октября 1918 года Литвинский фабричный исполком рабочих депутатов просит Правление профсоюза «не отказать взаимообразно представителю нашему тов. Алексею Герасимовичу Кареву денежную сумму, необходимую для выкупа шерсти, и всячески содействия ему к отправке ее до станции Сюзюм. Деньги будут возвращены нами, как только наши делегаты привезут их из Москвы». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 8, л. 75). Правление Профсоюза отпустило литвинцам 3.000 рублей ссуды. Гурьевская фабрика отправляет делегата Денисова в Симбирский отдел народного хозяйства со специальными заданиями получить и привезти для производства сукон «5 пудов мумии, по одной бочке каустической соды, гартоуса, глицериновой соды, два пуда баббита, три пуда столярного клея». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 244). Несмотря на трудные условия, факт успешного руководства самими рабочими производством вызывал в их среде невиданный ранее массовый трудовой энтузиазм. Так, гурьевские рабочие решили ремонтировать свою фабрику даже в период пасхального праздника, который, как известно, особенно отмечался населением. Они сообщали Правлению профсоюза: «Комитет сим доводит до сведения, что работа на фабрике остановлена по случаю празднования пасхи, согласно протоколу пленарного заседания на пять дней, но ввиду требуемого ремонта фабрики собрание рабочих постановило ремонтировать фабрику, окончательным сроком которого определено 12 мая н/ст. с. г., 13 же мая, т. е. в понедельник, фабрика должна начать работу. Председатель комитета Коробов». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 178). 20 мая общее собрание 800 рабочих фабрики Шатрова (Измайловка) дружно постановило: «Все за работу в тесном союзе с Советом Народных Комиссаров, веря, что только мозолистыми руками и пролетарской дисциплиной можно создать новую пролетарскую жизнь. Да здравствует переход фабрик и заводов в руки трудового народа под руководством Советской власти». (Журнал «Ткач» № 11, 1918 г., стр. 14).

К лету 1918 года рабочий контроль на суконных фабриках Симбирской губернии сильно окреп. В связи с этим в сферу регулирующей деятельности фабричных комитетов, контрольных комиссий и других организаций рабочих включаются все стороны производства и распределения, все стороны трудовой жизни рабочего класса. Работа по разрешению вопросов найма и увольнения переросла в широкую деятельность по обеспечению рабочей силой суконных фабрик. Зимой 1918 года рабочие комитеты провели большую работу по разгрузке фабрик от военнопленных, согласно распоряжению Исполкома Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов от января 1918 года, и замене их местными рабочими и бывшими фронтовиками. Фабричные комитеты особую заботу проявляли по отношению к кадровым рабочим. Зимой 1918 года на основе решений III делегатского съезда часть работников из семей, связанных с сельским хозяйством, постепенно увольнялась. Эта работа прошла успешно. Например, на Языковской фабрике к осени выяснилось, «что разгрузка прошла довольно гладко и затруднения возникли только в вопросе расчета». Никакого вознаграждения уволенным не выдавалось, так как они не лишались прожиточного минимума, «имея средства к существованию, с одной стороны, от своего хозяйства и земли, с другой стороны, от того, что у них остались члены семьи, работающие на фабрике... Раньше до снятия работали 5—6 человек из семьи, теперь же 2—3». (ГАУО, ф. 696, оп. 2, д. 3, л. 11). Рабочие комитеты разбирали вопросы, связанные с материальным обеспечением се-

мей рабочих, которые отдали своих кормильцев на службу в армию. Таким семьям было решено выдавать пол-оклада жалованья. Интересное сравнение: в октябре 1917 года администрация Самайкинской фабрики наотрез отказалась удовлетворить подобные требования рабочих, ссылаясь на отсутствие решения союза фабрикантов и заводчиков. Одной из многих форм саботажа капиталистов являлось также оттягивание принятия важных для трудящихся решений на неопределенный срок. 4 апреля 1918 года общее собрание союза фабрикантов и заводчиков никак не могло решить вопросы о фонде безработных и об обеспечении инвалидов. Симбирские фабриканты постановили: «запросить Правление Союза объединенной промышленности было ли аналогичное требование предъявлено Московским фабрикантам и как реагировал Союз». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 1, л. 100). Конечно, Правление профсоюза не стало дожидаться, когда соблаговолят ответить московские фабриканты и когда раскачаются их симбирские собратья, и провело эти мероприятия через Комиссариаты Труда и Призрения помимо организаций капиталистов.

Рабочие комитеты заботились об охране здоровья рабочих. Так, 9 февраля 1918 года рабочим комитетом фабрики Акчурина (Гурьевка) сообщалось Правлению профсоюза о том, что необходимо «иметь в больнице нашей фабрики врача и акушерку, для чего понудить владельца фабрики высылке просимых лиц на фабрику за его счет». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 157). Интересно, что после национализации фабрики, рабочий комитет по-прежнему сохранил за собой подобные функции. Так, в декабре 1918 г. при мобилизации единственного на Гурьевской фабрике врача Самохвалова рабочий комитет хлопочет об оставлении его на фабрике.

Роль рабочих комитетов в сохранении живой силы рабочего класса велика. Летом 1918 года снабжение хлебом рабочих приняло более организованные формы. К тому же виды на урожай 1918 года были хорошие. Сбыт сукна в основном осуществлялся совместно с Губернским Продовольственным Комиссариатом и кооперативами. Правление профсоюза разъяснило рабочим комитетам, что выдача сукна на руки самим рабочим для обмена на хлеб полагается «только до нового урожая, т. е. по август включительно». (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 10, л. 77).

К осени 1918 г. внушительные победы на фронтах гражданской войны укрепили Советскую власть в стране. Частичная национализация крупных предприятий, протекавшая в течение 1918 г., превратилась в сплошную после издания 28 июня 1918 года декрета о национализации крупной промышленности. Мятеж белочехов и учредилки, задержавший в Поволжье претворение в жизнь декрета, был ликвидирован. На V съезде делегатов суконных фабрик в г. Симбирске было решено национализировать текстильную промышленность. Канун национализации — это последний этап в развитии рабочего контроля. Рабочий учет и контроль охватил все стороны деятельности предприятий, превратившись в полное регулирование производства. Фабрично-заводские комитеты руководили текущими делами суконных фабрик: распоряжались сырьем и топливом, готовой продукцией, ведали рабочей силой, принимали вместе с администрацией заказы и меры по их исполнению, контролировали финансовые операции фабрик и т. д. Следовательно, рабочие прочно закрепили к началу национализации все те успехи и победы, которых они достигали на каждом этапе периода рабочего контроля и особенно на его третьем этапе.

Но по-прежнему все суконные фабрики оставались в частной собственности. Правда, фигуры хозяев почти исчезают со сцены, но сохранилась преданная им старая администрация, под управлением которой

находился ход самого производства. Накануне национализации враги рабочего класса мало вспоминают столь любезный им лозунг «поддержки гибнувшей промышленности» и переходят к прямому вредительству в этой самой промышленности. Возможность новых форм саботажа вытекала из различия уровней опыта управления производством между старой администрацией и рабочими — членами рабочего комитета. Старые администраторы в силу высокой квалификации занимали руководящие посты, что открывало им доступ к важнейшим узлам производства.

Владельцы суконных фабрик в ходе разгрома белых частью бежали, а оставшиеся сильно присмирели. Теперь они уже не набрасываются с руганью на членов рабочего комитета, как осенью 1917 года, уже не грозят прямым отказом, а покорно, хотя бы внешне, исполняют указания Правления профсоюза и рабочих комитетов на местах. Владелец Линевской фабрики Бахметьев 19/6 июля 1918 года соглашается ввиду пожара фабрики отказаться от всяких взысканий с рабочих, расплатиться с ними по день пожара и выдать рабочему комитету единовременно 2 тысячи рублей для помощи на выезд далеко живущим рабочим. Он также согласился уплатить за полтора месяца вперед всем отъезжающим рабочим. 30/17 сентября Бахметьев дал подписку Правлению профсоюза в том, что он произведет ремонт фабрики и будет платить рабочим жалованье полностью. Подписывая соглашение, он решил пустить дело ремонта на самотек, бесконечно оттягивая сроки ремонта. Однако 22/9 сентября общее собрание рабочих постановило: ввиду оттягивания хозяином ремонта, фабрику не ремонтировать, а взять расчет всем рабочим за три месяца вперед и поденным рабочим за две недели. Бахметьев 2 октября пытался протестовать перед Правлением профсоюза с целью задержать выдачу денег, но бесполезно. Рабочему комитету Линевской фабрики удалось получить необходимые 73546 рублей 50 копеек для расплаты с рабочими. Таким образом, рабочие организации пресекли вредительские действия фабриканта.

Особенно активно борьба с вредительством развернулась в Барышско-Гурьевском промышленном районе. 11 сентября 1918 года рабочий комитет Гурьевской фабрики на своем заседании разбирал дело о самовольном отпуске сукна отделочным мастером Фоммом управляющему фабрикой Мангушеву. Постановили лишить пайка и Фомма и Мангушева и предупредили их, что при повторении они будут сняты с работы. 26 сентября рабочий комитет рассмотрел новое дело о загнившем сукне в отделах травки и промойки в количестве 29 половинок, т. е. примерно 1350 аршин. Это причинило большой ущерб фабрике. Вина падала на управляющего фабрикой и отделочного мастера, ведавшего травкой и промойкой сукна. Вредители сумели так организовать производство, что контрольная комиссия ничего неладного не заметила. 28 сентября был заслушан доклад члена контрольной комиссии Епифанова о состоянии производства. Решили поставить на вид всем отделочным мастерам, чтобы впредь подобных случаев не допускали и своевременно давали сведения членам контрольной комиссии о ходе производства. Пришлось вынести порицание за недосмотр всему составу контрольной комиссии. Постановили довести об этом деле до сведения Правления профсоюза и главное для окончательного решения передать на обсуждение общего собрания рабочих. (ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 233). Рабочие еще более основательно разобрались в этом громком деле. Общее собрание постановило немедленно уволить с фабрики управляющего фабрикой Мангушева и отделочного мастера Фомма. Уже 4 октября 1918 года было сообщено Правлению профсоюза о найме нового управляющего Гурьянова. Хотя удаление

старой администрации и не является главным показателем роста рабочего контроля, тем не менее здесь важно отметить тесный контакт органов рабочего контроля и всей массы рабочих в целях правильного регулирования производства. Накануне национализации Гурьевской фабрикой фактически стал руководить коллектив рабочих через свой орган — рабочий комитет. В границах фабрики высшей инстанцией было общее собрание, выносившее окончательное решение по важнейшим вопросам. В канун национализации Гурьевская фабрика не перешла в собственность коллектива рабочих, находясь формально в частных руках, но фактически стала общенародным достоянием. Этот важнейший результат всего периода рабочего контроля был достигнут благодаря полному регулированию производства и наблюдался на многих других фабриках.

Целый год борьбы за рабочий контроль на суконных фабриках Симбирской губернии не прошел даром для морально-политического воспитания рабочих. Ломая сопротивление капиталистов и их ставленников, осваивая один за другим все звенья управления производством, рабочий класс на собственном опыте проникался сознанием необходимости национализации промышленности. Мысль о национализации зреет в умах рабочих вначале, как крайняя мера борьбы со злостными формами саботажа фабрикантов: отказ от помощи производству, вредительство и т. д., затем самый ход борьбы и накопление собственного опыта регулирования производства приводят к признанию всей массой рабочих необходимости национализации суконных фабрик с целью построения новой, социалистической системы хозяйства. В. И. Ленин указывал, что «одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически **сместить** помещиков и капиталистов, фактически **заменить** их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями». (Том 28, стр. 232). Национализация суконных фабрик была произведена в форме конфискации, так как у русской буржуазии не оказалось иных заслуг перед отечеством, кроме «заслуг» контрреволюционной борьбы против народа и распродажи родины иноземному капиталу. В Симбирской губернии большинство суконных фабрик было национализировано в середине ноября 1918 года, частью в октябре и даже в сентябре. Так, фабрика Акчурина (Самайкино) национализирована 1 ноября, фабрика Бахметьева (Линевка) — 1 октября, фабрика Акчурина (Гурьевка) — 14 ноября, фабрика Виноградова (Игнатовка). — в октябре, фабрика Арацкого (Ишеевка) — 14 ноября, фабрика Кузнецова (Екатериновка) — 15 сентября, фабрика Степанова (Языково) — 14 ноября, фабрика Акчурина (Старо-Тимошкино) — 15 ноября и т. д.

Весь период рабочего контроля в суконной промышленности Симбирской губернии в 1917—18 годах можно разбить на четыре этапа в зависимости от условий развития народного хозяйства и соотношения сил между капиталистами и рабочим классом. Первый этап начинается при господствующем положении капиталистов в канун Октябрьского переворота в сентябре—октябре 1917 года. Борьба ведется вокруг признания фабрикантами рабочего контроля, вокруг уровня зарплаты, права найма и увольнения. Борьба капиталистов против начинающегося рабочего контроля ведется в общем под флагом «непримиримости» в формах прямого отказа, путем обвинения рабочих комитетов в преследовании узкогрупповых интересов, при широком использовании силы Временного правительства. Цель — не допустить введения рабочего контроля. Борьба рабочих против капиталистов ведется при опоре на свои организации посредством протестов, выработки расценок на делегатских съездах и местами явочным порядком, что выступает наиболее

действенным средством. Цель — заставить фабрикантов признать рабочий контроль.

Второй этап выступает в ноябре—декабре 1917 года как время перелома в соотношении сил между рабочими и фабрикантами, когда с созданием Советского государства вступает в силу новое советское законодательство и рабочий контроль оформляется организационно. Борьба ведется вокруг вопросов зарплаты, права приема и увольнения, оплаты за простой по вине фабриканта и попыток технического контроля. Борьба капиталистов ведется под лозунгами «законности» и формального равенства организаций фабрикантов с организациями рабочих, а также «защиты от гибели промышленности». В качестве способов борьбы фабриканты применяют массу различных уловок, приманок, маневров и, главное, непрерывно ссылаются на принятые ранее договоры, решения, резолюции. Их цель — классовое сотрудничество в пользу капиталистов, если не удалось сорвать рабочий контроль. Борьба рабочих против капиталистов отличается большой организованностью и широким осуществлением своих требований явочным порядком с применением местами угрозы национализации. Цель рабочих — организационно оформить рабочий контроль, придав ему распределительный характер.

Третий этап (зима—весна—лето 1918 года), вытекая непосредственно из предыдущего, характеризуется господством рабочих организаций над фабрикантами и их администрацией, осуществляемым в ожесточенной борьбе. Борьба ведется не только по вопросам зарплаты, права найма и увольнения, но и по вопросам распределения готовой продукции, снабжения фабрик сырьем, топливом, хлебом, вокруг создания фонда безработных и помощи инвалидам. Борьба капиталистов ведется под демагогическим лозунгом «спасение гибнувшей промышленности» при широком использовании своей администрации. Их цель — остаться в сфере производства, чтобы сохранить возможности для саботажа. Сила рабочих настолько возросла, что стали применяться меры административного порядка: увольнение неугодных рабочим ставленников хозяев, осуществление своих нужд помимо фабрикантов. Цель рабочих — всесторонне овладеть сферой производства и добиться полного регулирования производства и распределения.

Четвертый этап охватывает канун национализации и характеризуется сосредоточением всех звеньев производства в руках рабочих при использовании буржуазных специалистов. Борьба ведется по вопросам производства против вредительства квалифицированных старых специалистов мерами административного порядка через рабочие организации. Цель — непосредственная подготовка национализации суконных фабрик.

Характеризуя в общем сопротивление капиталистов, необходимо отметить, с одной стороны, гибкость их тактики, с другой стороны, ее консерватизм. Если первое обусловливало живучесть саботажа фабрикантов, то наличие второго объясняет их последовательные поражения. В соответствии с изменением соотношения классовых сил меняются способы саботажа, но в то же время все разнообразие способов направлено на достижение реакционных задач. Это обстоятельство приводит к краху всю борьбу фабрикантов. Если в начале периода рабочего контроля фабриканты стремятся не допустить введения рабочего контроля, то после неудачи они, формально признав рабочий контроль, хотят открыть эру сотрудничества классов. Рост могущества рабочего класса приводит к крушению и эту затею. Тогда фабриканты, модифицируя эту идею, захотели врасти в систему рабочего контроля, чтобы иметь широкое поле для продолжения саботажа. Накануне национализации прямое

вредительство особенно расцветает наряду с другими формами саботажа.

Все разнообразие форм борьбы капиталистов направлено на то, чтобы, если не повернуть ход событий вспять, то, во всяком случае, задержать прогрессивное развитие рабочего контроля на текущем этапе, не дав перейти к следующему этапу. Сущность такой тактики заключается в том, чтобы сохранить максимум позиций, уцелеть и накопить силы, выждать момент для перехода в контрнаступление. Принцип всюду один и тот же: всестороннее использование всех трудностей рабочих, возникавших в процессе овладения ими производством и распределением. Целью борьбы капиталистов было: привести к крушению движение общества через систему рабочего контроля к национализации промышленности, доказав на практике беспочвенность этого движения в глазах прежде всего, самого рабочего класса. При успехе это создало бы условия для укрепления частной собственности и свержения Советской власти.

Положительный опыт, приобретенный рабочим классом в процессе борьбы за рабочий контроль, заключался, главным образом, в завоевании пролетариатом на практике руководящей роли в общественной организации труда, в подготовке промышленности к национализации. Рабочий контроль как часть экономической платформы большевиков был связан с борьбой за диктатуру пролетариата, так как настоящее регулирование возможно лишь при наличии политической власти в руках рабочих. Рабочий класс, сумевший за короткий период рабочего контроля достичь полного регулирования производства, показал всему обществу свою зрелость как носителя новых, социалистических производственных отношений, способного создать новую, социалистическую систему хозяйства. С самого начала периода рабочего контроля, борьба за учет и контроль служила средством развязывания широкой революционной инициативы масс. Рабочий класс на практике проник в тайну получения прибылей, накопил большой опыт борьбы не только на отдельных предприятиях, но и с целым классом капиталистов, применившим в новых условиях новый способ сопротивления — саботаж. В процессе развертывания учета и контроля в полное регулирование выявлены насущные задачи экономики, нужды отдельных предприятий в сырье, топливе, рабочей силе, ресурсы материалов и возможности увеличения выпуска продукции. Важнейшим приобретением рабочего класса было умение направлять работу предприятий в интересах всего народа, понимать хозяйственную взаимозависимость отдельных отраслей экономики и на основе этого внедрять плановое начало в развитие народного хозяйства. Борьба за полное регулирование показала рабочему классу первостепенную важность борьбы за производительность труда в целях перехода к новой социалистической экономике. Прелюдией и составной частью этой борьбы была кампания за укрепление трудовой дисциплины против анархических поступков отсталой части рабочих, против прогулов, пьянки и пр. Трудящиеся наглядно убеждались, что в управлении и организации производства вполне возможно обойтись без капиталистов. Накопленный положительный опыт запечатлелся в умах всего рабочего класса и особенно его активных, передовых слоев, из которых Коммунистическая партия и Советское правительство могли вербовать кадры командного состава для национализированной промышленности. В успешном функционировании рабочего контроля проявились первые черты хозяйственно-организаторской деятельности молодого Советского государства, проявились преимущества новой советской демократии в области управления производством, когда десятки тысяч рядовых рабочих, прежде отстраненных от руководства промыш-

ленностью, ощутили в своих сердцах неведомое доселе чувство хозяина жизни и принялись хозяйствовать на фабриках и заводах.

Положительного опыта рабочего контроля, несмотря на неравномерность его приобретения на отдельных предприятиях, было достаточно для вступления промышленности в переходный период от капитализма к социализму, важной чертой которого в России была борьба пяти экономических укладов, закончившаяся победой социалистической формы хозяйства. Экономическая политика переходного периода строилась на установлении смычки государственной промышленности с крестьянским сельским хозяйством с использованием в интересах народа рыночных связей, торговли, денег, кредита. Строительство социалистической системы хозяйства потребовало технически культурных руководителей. Одного революционного порыва и технического кругозора рядового рабочего стало недостаточно. В период НЭПа со всей остротой встал вопрос о выращивании своей советской интеллигенции. Эта задача была решена в ходе культурной революции.

Все победы периода НЭПа и социалистической индустриализации имели в качестве одной из важных предпосылок успехи периода рабочего контроля. Национализация крупной промышленности, подготовленная пролетарским движением за рабочий учет и контроль, совершилась, выступив как подведение экономической базы под советскую надстройку, как замена в промышленности старых, капиталистических производственных отношений новыми, социалистическими производственными отношениями.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

Б. Н. Чистов и Б. Н. Афанасьев

СИМБИРСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РАЗГРОМЕ СИЛ КОЛЧАКА В 1919 ГОДУ

(Очерк)

1. Мобилизация сил для укрепления восточного фронта

Весной 1919 г. империалисты США, Англии, Франции, Японии и др., усиливая военную интервенцию против Советской Республики, предприняли свой «первый поход Антанты».

Этот поход империалисты во главе с США планировали провести силами, продавшихся им, белогвардейских генералов: Колчака — с востока, Деникина — с юга, Юденича — с северо-запада страны.

Главный удар при этом должен был нанести Колчак. Вначале Колчак планировал свой главный удар через север страны, через Вятку—Вологду, чтоб идти на Москву вместе с американо-английскими интервентами, занимавшими Архангельск. Но в порядке вспомогательного удара Колчак нанес сперва (в начале марта 1919 г.) — удар по Советскому фронту в направлении Вирск—Уфа—Симбирск. Ввиду достигнутых при этом успехов, Колчак на ходу переместил свой главный удар с севера на юг, чтобы соединившись с Деникиным через Самару, предпринять совместно с ним наступление на Москву с этой стороны. Для выполнения своих планов адмирал Колчак — кровавый диктатор Сибири — ставленник империалистов, — получил от них огромную помощь вооружением, обмундированием, финансами, инструкторами и т. п.

Оказывая эту «помощь» российским капиталистам и царским генералам, империалисты США и др. преследовали цели не только ликвидации ненавистного им очага международной социалистической революции, но и колониального расчленения и грабежа России.

Ко времени колчаковского наступления восточный фронт проходил от Чердыни (на севере) — западнее Перми, далее восточнее Уфы — на Орск—Актюбинск—Уральск—Александров Гай. Общая протяженность фронта составляла около 1800 км.

Командующим советскими армиями востфронта был С. С. Каменев, бывший полковник старой армии, честно служивший Советской власти.

Реввоенсовет и штаб советского восточного фронта с декабря 1918 года имели свою ставку в г. Симбирске, размещаясь в здании б. Троицкой гостиницы на углу Спасской ул. и Соборной площади.

В Симбирске же находился штаб V Советской армии, которой выпало первой принять тяжелые удары колчаковских войск. Командующим ее был Ж. К. Блюмберг. Реввоенсовет и Штаб V армии занимали

в Симбирске особняк б. Левитана на Покровской (ныне Л. Толстого) улице.

Против 105 тысяч бойцов Красной Армии по фронту белогвардейцы имели 137 тыс. штыков и сабель[1]. На направлении же своего удара — на Уфу — Западная армия белогвардейского генерала Ханжина имела еще большее превосходство: около 50 тыс. против 11 тыс. бойцов V Советской армии[2].

14 марта 1919 года полчища Колчака взяли г. Уфу. Сильные революционным духом петроградские, московские рабочие полки V армии проявляли исключительную стойкость. Но плохо управляемые своим армейским командованием, изнуренные, без смены, — они вынуждены были отходить.

Достигнув 7—10 апреля Белебея и Бугульмы, враг прошел половину своего пути к Волге. С этого момента Колчак и переносит свой главный удар на Среднюю Волгу, а центр своего наступления с Симбирского направления повертывает на Самару. Он ставит авантюристическую задачу: «отбросить красных от Волги на юг, в степи», собираясь этим раскрыть себе широкие ворота к центру страны[3]. При этом крупная группировка противника продолжала рваться через Бугульму на Мелекесс—Симбирск.

К середине апреля армия Колчака находилась в 80 км от Казани, в 100 км от Симбирска и 80 км от Самары.

Продвижение Колчака к Волге создало смертельную опасность для Советской Республики.

Восточный фронт вновь стал главным фронтом, на котором решалась судьба Советской Республики.

В эти грозные дни ЦК Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным призвал народ к новому революционному подвигу в защите Советского социалистического Отечества.

«Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны», — писал В. И. Ленин 11 апреля 1919 г. в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта»[4].

«Гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед»,—обращался в те дни Ленин к петроградским рабочим, зная, что сознание всей глубины опасности поднимет новые силы героического русского рабочего класса. Великий стратег пролетарской революции Ленин зовет партию, рабочий класс, всех трудящихся: «к крайнему напряжению сил» и бросает клич **«мобилизовать все силы** на помощь Восточному фронту»[5].

Первостепенное мобилизующее значение для организации отпора Колчаку и разгрома его имела развернувшаяся на местах реализация решений VIII съезда РКП(б), заседавшего 18—23 марта 1919 г. Важнейшие решения партийного съезда о переходе к политике прочного союза со средним крестьянством, по национальному вопросу, о политике в строительстве Красной Армии — ответили на животрепещущие вопросы укрепления фронта и тыла Советской Республики.

К весне 1919 г. в Советской Республике, в результате приступа к социалистическому строительству, сложилось новое соотношение классовых сил.

Промышленность, не только крупная, но и средняя, в зачительной мере также и мелкая — была сосредоточена в руках Советского госу-

---

1 Ф. Огородников. «Удар по Колчаку». М., 1938, стр. 93—94.
2 Ж. «Исторические записки», 1950 г., № 31, стр. 17.
3 ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. № 110, лист 1-а.
4 В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 254.
5 В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 250.

дарства. У пролетариата накопился уже некоторый опыт рабочего управления предприятиями.

Правда, разруха — наследие империалистической войны — не только не была преодолена, но усилилась в условиях иностранной интервенции. Однако преимущества планового управления национализированной промышленностью давали возможность, хотя и с невероятными трудностями, решать задачу организации обороны страны.

Национализация промышленности укрепила экономические и политические силы рабочего класса, его руководящую роль в отношении крестьянства.

Глубокие изменения произошли и в деревне. В результате передачи крестьянам национализированной земли, отнятой у помещиков и частично у кулаков, значительная часть бедняцких дворов поднялась до уровня средних хозяйств. Среднее крестьянство стало большинством в деревне, центральной фигурой и экономически (в смысле производства хлеба) и политически. Дальнейшее укрепление обороноспособности Советской Республики могло достигаться только привлечением среднего крестьянства к прочному союзу с пролетариатом и деревенской беднотой, к активной борьбе за Советскую власть под руководством рабочего класса.

Учитывая новое соотношение классовых сил, VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г. принял историческое решение о переходе к политике прочного союза со средним крестьянством. Партия исходила при этом из наличия в самом среднем крестьянстве поворота к Советской власти. Середняк убедился на собственном опыте, что только рабочий класс, Красная Армия способны защитить крестьянство от возвращения помещиков, избавить крестьян от кулацкой кабалы.

В ответ на эту помощь трудящееся крестьянство принимало продовольственную разверстку, сдавая все излишки сельхозпродуктов Советскому государству для снабжения городов и фронта, давая бойцов для Красной Армии, большинство которой естественно составлялось из трудящегося крестьянства.

Политическому и экономическому усилению Советского государства и его Вооруженных Сил служили и программные решения VIII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Они указывали путь дальнейшего укрепления доверия ранее угнетенных народов страны (в большинстве крестьянских) к русскому народу, к его рабочему классу — инициатору социалистической революции, покончившей со всяким национальным гнетом и неравноправием.

Установление прочного военнополитического союза рабочих и крестьян всех народов страны было условием проведения, выработанного VIII съездом партии плана дальнейшего строительства массовой (в несколько миллионов бойцов) Рабоче-Крестьянской Красной Армии, сильной своим советским патриотизмом, сознательной революционной дисциплиной.

Решения VIII съезда РКП(б), принятые в борьбе с троцкистско-бухаринскими врагами ленинизма, определили общие пути победы Советской Республики в трудной борьбе с объединенными силами международного империализма и внутренней контрреволюции. Вытекавшей из установок VIII съезда РКП(б), более конкретной директивой в целях организации разгрома наступавшей интервенционистской армии Колчака стали, упомянутые уже «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта». Центральной идеей этой директивы было то, что победы над колчаковцами не достигнуть, если не поднять новые слои пролетариата и массы трудящегося крестьянства на защиту Социалистического Отечества. ЦК РКП(б) указывал, что спасение Совет-

ской Республики — в новом и чрезвычайном напряжении всех сил партии и пролетариата. Решающее значение при этом отводилось новому подъему революционно-патриотической активности рабочего класса, как гегемона всего трудового народа в отстаивании завоеваний Октябрьской революции. Ответственные задачи возлагались на пролетариат прифронтовой полосы, где ЦК партии считал необходимым поголовное вооружение всех членов профсоюзов. Тезисы ЦК РКП(б) имели решающее значение для перестройки работы партии в целях мобилизации всех сил народа и всех ресурсов страны для победы на восточном фронте.

Реализуя эту ленинскую директиву ЦК партии, Советское правительство, ВЦСПС и ЦК комсомола развернули огромную мобилизационную работу по укреплению Советских сил восточного фронта.

В целях ликвидации численного перевеса, имевшегося у колчаковцев, Советским правительством был проведен ряд общих мобилизаций рабочих и трудящихся крестьян. В апреле был проведен призыв пяти возрастов (с 1886 по 1890 гг. рождения) трудящихся Москвы, Петрограда и девяти губерний промышленного центра страны. Тогда же по всей Советской Республике были призваны родившиеся в 1889, 1890 и 1900 годах, в мае 1919 г. были призваны два года солдат старой армии, возвратившихся из германо-австрийского плена. Кроме общих мобилизаций, в соответствии с указаниями ЦК РКП(б), проводились специальные мобилизации: членов партии, членов комсомола, членов профсоюзов и бедняцко-середняцкого актива деревни.

Одновременно с посылкой на восточный фронт подкреплений и пополнений началась соответствующая перегруппировка сил Красной Армии на восточном фронте в целях нанесения контрудара по Колчаку.

Выполняя указания ЦК РКП(б), Реввоенсовет республики 10 апреля, провел объединенное заседание с Реввоенсоветом восточного фронта для выработки конкретных военных мероприятий по отпору Колчаку. Заседание происходило в г. Симбирске, в здании б. Троицкой гостиницы, где размещался штаб восточного фронта. На этом заседании Троцкий, вопреки директивам ЦК РКП(б), предлагал отвести армии востфронта на правый берег Волги. Это был пораженческий план. Он был отвергнут. Во исполнение указаний ЦК партии Совещание решило организовать контрнаступление. Для этого армии восточного фронта для удобства управления ими были объединены в две группы: Южную и Северную группы войск востфронта. Во главе Южной группы войск, состоявшей из 1-й, Туркестанской, IV и V армий встал М. В. Фрунзе, членами РВС Южной группы были назначены В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий (генерал старой армии). Во главе Северной группы, в составе II и III армий, был поставлен В. И. Шорин. Нанесение главного контрудара по Колчаку возлагалось на Южную группу войск во главе с М. В. Фрунзе.

На случай дальнейшего продвижения Колчака, впереди важнейших переправ через Волгу у Казани, Симбирска, Самары, Саратова создавалась цепь укрепленных районов. Эти укрепленные районы должны были обеспечить выделение наибольших сил для ударной Южной группы войск и содействовать выполнению ее наступательных задач.

Подобная крепость создавалась и вокруг г. Симбирска. Для этой цели был учрежден Военный Совет Симбирского Укрепленного района. Обязанности штаба крепости возлагались на Симбирский Губвоенкомат.

Вместе со всей страной, советский Симбирск вступил в великое патриотическое движение по укреплению восточного фронта, ставшего главной ареной борьбы за социалистическое Отечество. При этом от

Симбирска, расположенного в районе главного удара Колчака, требовались особые усилия. Подготовка контрнаступления и создание крепости должны были быть поддержаны всемерным подъемом революционной энергии местных коммунистов, рабочих и крестьян для отпора грозному врагу и для разгрома его.

Главная задача тыла заключалась в быстром создании новых пополнений и формирований воинских частей для укрепления фронта.

В этом состояла и задача Симбирской губернской организации РКП(б). Коммунистическая организация губернии понесла большие потери в своем составе в 1918 г. в период борьбы с самарской учредилкой и белочехами. Вместе с тем она приобрела опыт военно-политической работы в условиях фронта. Главное же — она своей самоотверженной работой завоевала себе доверие широких масс и к весне 1919 г. успела уже пополнить и даже расширить свои ряды. Председателем Симбирского Губкома РКП(б) был тов. Варейкис Иосиф Михайлович, член партии с 1913 г., возглавивший симбирских коммунистов с весны 1918 года. Дружно работали с симбирскими организациями коммунисты Реввоенсовета, генштаба, политотдела, Военревтрибунала востфронта. Энергично помогали Симбирскому горкому РКП(б) старые большевики, работники востфронта: Бирюков С. М., Соколов, Мариинковский. Т. Соколов был избран председателем Горкома РКП(б).

Симбирский Губком РКП(б) еще в марте 1919 г. провел ряд частичных мобилизаций коммунистов, отправлявшихся с очередным пополнением для «затыкания дыр» на фронте отступавшей V армии. 2 апреля Губком и Горком партии приступили к военному обучению всех коммунистов, причем женщины должны были обучаться санитарному делу. Губисполкому поручено было организовать военное обучение всех служащих и рабочих советских учреждений[1].

Но этих мер было недостаточно.

Центральный Комитет партии в специальном письме ко всем местным парторганизациям от 29 апреля 1919 г. указал, что организационная работа партии отстает от громадного революционно-патриотического подъема среди трудящихся масс. Ввиду этого ЦК партии, в дополнение к своим тезисам от 11 апреля 1919 г., предписал местным организациям «довести всю работу по обслуживанию армии до высшей степени напряжения»[2]. ЦК потребовал от местных парторганизаций сосредоточить в ближайшее время «три четверти наличных сил организаций на отправке пополнений, на спешных формированиях, снабжении их обмундированием и проч.»[3].

31 марта Губисполком под председательством М. А. Гимова принял ряд мер по улучшению быта красноармейцев, по оборудованию казарм, первоочередному обеспечению их электроосвещением и т. п.[4]

2 апреля общее собрание симбирских коммунистов обсудило доклад Агитационно-просветительного отдела Губвоенкомата и указало на необходимость активизировать работу Агитпросветотдела Губвоенкомата[5].

Ленинские «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта» и письмо ЦК партии от 29 апреля 1919 г. придали военной работе местных парторганизаций еще более боевой характер. Газета Сим-

[1] Газ. «Пролетарий», Симбирск, 1919 г. № 108.
[2] Газ. «Правда», 29 апреля 1919 г.
[3] Там же.
[4] Газ. «Пролетарий», орг. Симбирского Губкома РКП(б), № 103, от 6 апреля 1919 г.
[5] Газ. «Пролетарий», орган Симбирского Губкома, № 106, 11 апреля 1919 г.

бирского Губкома РКП(б) призвала симбиряков «последовать самоотверженному примеру красных самарцев», выступивших первыми в Поволжье инициаторами массовой мобилизации коммунистов[1].

В Симбирске состоялось экстренное собрание городской организации РКП(б), на котором выступали делегаты VIII съезда РКП(б): член Реввоенсовета востфронта С. Н. Гусев, председатель Симбирского Губкома РКП(б) И. М. Варейкис. При огромном энтузиазме присутствующих собрание заявило: «Восточный фронт в настоящий момент является важнейшим... Симбирск, в силу территориального положения и наступления колчаковских банд, оказывается крепостной базой при защите Поволжья. Поэтому мобилизовать всех членов партии для непосредственной защиты. Привлечь женщин-коммунисток, а также жен и сестер советских работников для санитарной работы»[2]. Губкомом партии был запрещен отъезд коммунистов из организаций без разрешения комитетов партии. Нарушителей привлекали к ответственности, как дезертиров. Проведено было свертывание лишних аппаратов и высвобождение работников для фронта. Закрыты были газеты «Пролетарий», «Экономический путь». Симбирский Уисполком мобилизовал половину своих членов, возложив по два отдела на каждого оставшегося[3].

Губпрофсовет и общее собрание профсоюзов Симбирска 15 апреля решили мобилизовать в армию 50 проц. своих членов и призвать остальных к всесторонней помощи фронту, максимальному повышению производительности труда[4].

Губпрофсовет и Губотдел Труда при одобрении профессиональных союзов отменили до особого распоряжения отпуска рабочим и служащим, положенные им по Кодексу о труде.

Мысли и чувства симбирских рабочих хорошо выразило собрание металлистов. «...На нас, приволжский пролетариат, — говорили металлисты, — падает особенно ответственная задача... Если мы в дни февральской и Октябрьской революции воспользовались плодами побед петроградского и московского пролетариата, то теперь наш святой долг отстоять от врага советскую кормилицу Волгу... Пусть же в часы испытаний все, как один, поднимутся на защиту Советской власти. Оправдаем присущее металлистам звание пролетарского авангарда! Долой апатию и пассивность!

Все против Колчака!

Остающиеся у станков должны усилить дисциплину, удесятерить производительность труда, работать не взирая ни на голод, истощение, не считаясь с силами, с временем. Кто не работает в эти грозные дни, тот предатель и враг рабочего класса...

Идущие же в поход пусть понесут в своих сердцах пламенную веру в недалекую победу»[5].

Практическое проведение партийной и профсоюзной мобилизации было возложено на начальника обороны г. Симбирска члена президиума Симбирского Губисполкома В. Г. Пеньевского, видного военного деятеля симбирской организации РКП(б).

Губкомом РКП(б) была утверждена Губернская Мобилизационная Комиссия. Ее возглавил В. Г. Пеньевский (в качестве председателя) и Г. Д. Каучуковский — член Президиума Губкома РКП(б), заведовавший Организационно-агитационным отделом Губкома.

16 апреля Губкомом РКП(б) была разослана следующая теле-

---

[1] Газ. «Пролетарий», орган Симбирского Губкома, № 107.
[2] Газ. «Пролетарий», Симбирск, 1919 г., № 109, 15 апреля.
[3] Газ. «Известия», Симбирского ГИКа, 1919 г., № 100.
[4] Газ. «Пролетарий», Симбирск, № 111, 17 апреля 1919 г.
[5] Газ. «Известия Симбирской губернии», 1919 г., № 97.

грамма: «Алатырь, Ардатов, Буинск, Курмыш, Сенгилей, Карсун, Комитету Партии Коммунистов.

Постановлению губкома мобилизовать половину членов партии уездах городах отправить немедленно распоряжение Губкомитета Симбирск»[1].

Мобилизационная комиссия развернула кипучую деятельность. Уполномоченные Комиссии были посланы во все города и на все предприятия губернии, ведя интенсивную агитационную и вербовочную работу.

С особым успехом прошла мобилизация в Барышско-Гурьевском фабричном районе, где сосредоточивалось до половины всего текстильного пролетариата Средней Волги. Расположенные здесь Старо-Тимошкинская, Румянцевская, Измайловская, Самайкинская, Игнатьевская и другие фабрики Карсунского и Сенгилеевского уездов отличались хорошей постановкой всеобщего военного обучения и в короткий срок дали несколько сот подготовленных бойцов. Многие работницы пошли санитарками. Всюду призыв партии к защите советской Волги встречался с большим удовлетворением, с сознанием необходимости новых усилий и жертв.

«Да здравствуют полки рабочих и деревенской бедноты!» — провозгласили суконщики Ишеевской фабрики, посылая своих товарищей на мобилизационный пункт» — «Иди на Волгу, разбойник Колчак, здесь ты найдешь свой конец!» — заявили металлисты Симбирска[2]. Ячейки коммунистов с. Семеновки Шумовской волости Симбирского уезда решили: «Мобилизовать 50 проц. своих товарищей; оставшимся усилить работу, а если, понадобится, встать всем на защиту социалистической революции»[3]. Сельдинская волостная ячейка РКП(б) того же уезда, «сознавая всю важность момента, решила доказать преданность революции с оружием в руках» и целиком пришла для зачисления в часть[4].

Мобилизация коммунистов и рабочих выливалась по сути в массовое добровольчество. Мобилизационные наряды перевыполнялись.

Под лозунгом «Все для фронта» перестроил свою работу и комсомол. Молодежь горела желанием сразиться с врагом. Студенты Симбирского Пролетарского Университета дали 250 бойцов и политработников. Девушки проходили курсы сестер милосердия. Два старших класса Чувашской учительской школы, числом до 80 человек, объявили себя мобилизованными. В полном составе, военным строем, с оркестром они прибыли в распоряжение Управления комплектования фронта. «Защищая вместе с русскими братьями Советскую власть, мы, чуваши, отстоим свою национальную свободу», — написано было на их плакате. Все они или политработниками или бойцами были приняты в части. Чувашская школа отдала Востфронту свою оркестровую команду и драматическую труппу, с успехом выступавшую перед красноармейцами.

В апреле 1919 г. помещение «Оргагита» (Организационно-агитационного отдела) Губкома РКП(б) в «Доме свободы» стало подлинным штабом. Из Укомов и отдельных организаций партии сюда стекались сообщения о ходе партийной и профсоюзной мобилизаций. Отсюда принимались оперативные меры к быстрейшей доставке мобилизованных в Симбирск.

17 апреля «Из Буинска Губкому» телеграфировалось: «Мобилизо-

---

1 Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1 оп, 1, д. № 11, л. 13.
2 Газета «Известия» Симбирского ГИКа, 1919 г., № 92.
3 Там же, № 91.
4 Там же, № 94.

вано 90 человек. Задерживает прибытие Симбирск разлив рек. Ждем распоряжений».

18 апреля «Из Карсуна Губкому» было сообщено: «Распорядитесь двадцать первого ст. Вешкайма подаче трех вагонов для погрузки мобилизованных коммунистов».

В тот же день Алатырский Уком телеграфировал: «Ваше распоряжение отправлено 140 мобилизованных коммунистов. Отправка остальных задерживается разливом рек».

21 апреля Губкомом была получена телеграмма из Ардатова, в которой говорилось: «Сегодня в Ваше распоряжение отправляется 30 мобилизованных коммунистов». А через неделю Ардатовский комитет дополнительно доложил Губкому: «Ваше распоряжение отправлено 59 коммунистов, 60 сочувствующих». Всего по Ардатову в апреле было мобилизовано 140 человек.

Из Курмыша было сообщено о мобилизации 30 коммунистов. От парторганизации Языковской суконной фабрики Симбирского уезда было мобилизовано 124 партийных и беспартийных рабочих. Больше всех, до 500 человек, дала Симбирская городская организация РКП(б). Симбирская уездная организация дала 134 коммуниста, т. е. 60 проц. своих членов.

Всего по губернии в порядке партийно-профсоюзной мобилизации и добровольчества было собрано более 6 тысяч высокосознательных бойцов. Из них две тысячи коммунистов, в том числе до 100 женщин, пошедших в армию сестрами, санитарками, политработниками[1].

В 20-х числах апреля к «Дому свободы», где помещался Губком партии, ежедневно подходили прибывавшие из уездов и с предприятий отряды мобилизованных, уже принявших воинский вид. Они торжественно клялись отдать все силы, а если понадобится и жизнь, для защиты социалистического Отечества.

Губком РКП(б) 4 мая, подводя первые итоги мобилизации коммунистов, отметил, что за апрель было мобилизовано 700 человек.

Губкомом были даны указания о дальнейшей мобилизации. На том же заседании Губкома стало известно, каким образом использовались мобилизованные коммунисты. Более 100 из них были отправлены в качестве политруков с маршевыми ротами на фронт. Свыше 20 человек назначены политическими комиссарами частей и соединений. Около 50 человек было направлено для проведения дальнейшей мобилизации. Около 100 использовано для налаживания санитарной службы в частях. Большое число мобилизованных коммунистов зачислялось в части рядовыми бойцами.

Использование мобилизованных коммунистов в прифронтовой Симбирской губ. отличалось от положения в центральных губерниях. На этот счет Губком РКП(б) имел специальное указание ЦК партии, в котором говорилось: «Ввиду особого положения востфронта директива Цека об отрядах особого назначения не распространяется на Вашу губернию. Все мобилизованные коммунисты должны отправляться в соответствующие воинские части по указанию Губвоенкомата Цека»[2].

Коммунисты и беспартийные трудящиеся Симбирской губернии с самого начала гражданской войны проявили высокий советский патриотизм в защите Социалистической Родины. В 1918 г., в период борьбы за родной город В. И. Ленина, симбирскими коммунистами был

---

[1] О мобилизации коммунистов в 1919 г., см. материалы партархива Ульяновского обкома КПСС, фонд 1, оп. 1, д. 67, л. 35; д. 72, л. 172, ф. 1, д. 51; л. 67; д. 11; л. 85; д. 86, 88, 89, 91, 92, 99, 104, фонд 57, д. № 144, л. 1—15.

[2] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. № 11, л. 15.

создан из рабочих и бедноты губернии ряд отрядов и полков. Эти полки вместе с частями, прибывшими из центра страны, образовали в 1918 г. две дивизии: 24-ю Симбирскую Железную и 15-ю Инзенскую дивизию. Эти дивизии сыграли крупнейшую роль в разгроме в 1918 г. войск самарского белогвардейско-эсеровского правительства. В декабре 1918 г. в Симбирске был сформирован Волжский полк, храбро сражавшийся в составе 3-й бригады 27 дивизии V армии восточного фронта.

Теперь, весной 1919 г., когда восточный фронт опять стал главным в обороне Республики и враг приближался к Волге, в Симбирске с еще большим размахом развернулась работа по формированию новых рабоче-крестьянских полков.

Из мобилизованных по губернии весной 1919 г. коммунистов и рабочих была создана Симбирская рабочая бригада в составе трех полков, образовавших гарнизон Укрепленного района. Командиром бригады был назначен член Симбирского Губисполкома В. Г. Пеньевский. По настоянию комсомола при 1-м полку было создано особое молодежное подразделение, храбро сражавшееся потом против уральских белоказаков. Третий полк развертывался на базе караульного батальона[1]. Мобилизованные по Симбирскому уезду образовали отдельную «уездную роту», командиром которой стал Увоенком тов. Заворотнов.

В Симбирске формировались и другие части. Еще в феврале 1919 г. за счет мобилизованных по губернии укомплектовывались 3-й Петроградский и 4-й Петроградский полки, Карельский, Невьянский, Оршанский, Минский полки, 2-й кавалерийский полк, Симбирская конная батарея, мортирный дивизион, бронепоезд № 4[2]. Большинство этих частей шло на пополнение и укрепление 26-й и 27-й стрелковых дивизий V армии Востфронта. В уездном городе Сенгилее был создан 2-й запасной полк V армии, посылавший свои маршевые роты также в 26-ю и 27-ю дивизии. В марте—апреле 1919 г. в Симбирске комплектовались: 310-й пехотный полк деревенской бедноты, 6-й запасный, 4 Приволжский, 35 стрелковый, Орский стрелковый полки, 1 кавалерийский эскадрон интернационалистов, инженерный батальон, саперная рота, батальон ЧК, тяжелый дивизион, пулеметная команда, рота связи, конный запас[3].

В Симбирске и в уездном городе Алатыре формировались части 3-й бригады вновь создаваемой 35-й стрелковой дивизии.

Численность гарнизона в г. Симбирске в апреле 1919 г. превысила 30 тысяч человек[4].

Образцово прошла партийно-профсоюзная мобилизация в Мелекессе. До 1000 добровольцев — из грузчиков, текстильщиков и железнодорожников вступило в созданный здесь Рабочий полк.

С большой инициативой работал в деле формирования Красной Армии Сызранский Комитет РКП(б).

М. В. Фрунзе, сосредоточивая все возможные силы для Южной ударной группы войск, телеграфировал Сызранскому Укому РКП(б): «Положение на фронте требует немедленной помощи. Все средства Самары исчерпаны, остается надежда на Вас. Не позже 5—7 дней необходимо выслать хотя бы тысячу человек»[5]. Немедленно же в Сызрани был образован «Комитет содействия» обороне, во главе которого

---

[1] ЦГАКА, ф. 106, д. 1429, лист 149.
[2] ЦГАКА, ф. 106, № 1182, л. 11.
[3] ЦГАКА, ф. 106, № 12, л. 3.
[4] «Симбирск в годы гражданской войны», стр. 151, Изд-во «Ульяновская правда», 1951 г.
[5] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. 88, л. 180.

с огромной энергией работал старый большевик М. Д. Горчаев. Через пять дней в Сызрани уже был создан «Ударный коммунистический полк» в 2000 штыков, состоявший на треть из коммунистов. В полку было 14 членов Укома РКП(б) и Исполкома.

Командиром полка был назначен коммунист т. Лазда, а комиссаром — коммунист т. Уваровский.

Привлеченные «Комитетом содействия», кустарные артели и одиночки-сапожники, портные города в несколько дней обмундировали бойцов. По личному распоряжению М. В. Фрунзе в Сызрань были посланы японские винтовки для вооружения полка[1]. Кроме этого полка, в Сызрани формировались другие части.

Для предпринятого в губернии широкого формирования новых частей, а также пополнения для уже существующих частей недостаточно было одних партийных и профсоюзных мобилизаций. Необходимы были массовые контингенты бойцов. Получение их зависело от успеха массовых призывов в Красную Армию трудящегося крестьянства.

Крестьянство губернии, ознакомляясь с решениями VIII съезда партии, отвечало на них усилением своей поддержки Советской власти.

Огромное значение в доведении решений VIII съезда партии до волостей, сел и деревень, для проведения их на деле, имело посещение губернии агитационно-инструкторским поездом ВЦИК «имени Октябрьской Революции» во главе с председателем ВЦИК М. И. Калининым.

Выдвинутый незадолго до этого на пост председателя ВЦИК М. И. Калинин, крестьянин-середняк, прошедший затем большую школу пролетарского труда и революционной борьбы, — замечательно олицетворял собою союз рабочих и крестьян. Его поездки с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская Революция» в районы восточного фронта преследовали цели укрепления связей центральных органов Советской власти с рабочими, крестьянскими, красноармейскими массами, еще большего сплочения их для защиты Социалистической Родины, — организации всемерной помощи действующей Армии. Поезд «Октябрьская Революция» совершал свой первый рейс по ближайшему тылу восточного фронта с 27 апреля по 18 мая 1919 г. М. И. Калинин посетил в пределах Симбирской губ. прежде всего г. Алатырь, а затем ряд станций и сел на пути в Симбирск.

В г. Симбирск поезд «Октябрьская Революция» прибыл 9 мая и находился здесь около недели. Десятки тысяч горожан и крестьян побывали в поезде, имея возможность побеседовать с всероссийским старостой, побывать в киновагоне, послушать радио, получить литературу, узнать о делах на фронте и в стране, получить различные справки.

Работники поезда посетили многие села Симбирского уезда, помогая на месте в удовлетворении различных нужд и запросов крестьянства.

Исключительное политическое значение имели выступления М. И. Калинина на собрании рабочих организаций г. Симбирска, на собрании рабочих Заволжья, его поездки в с. Тетюшское Симбирского уезда, в г. Мелекесс и в с. Новая-Майна в районе Мелекесса, его посещение целого ряда госпиталей для раненых красноармейцев. Всюду М. И. Калинин проводил беседы, разъясняя, что дело спасения завоеваний революции зависит от укрепления союза рабочих и крестьян, от их дружных усилий в деле помощи фронту.

Кроме большой разъяснительной работы, М. И. Калинин всюду заботился о практическом выполнении Советами принятых Правительст-

---

1 ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. 88, л. 161.

вом в развитие директив VIII съезда партии постановлений, облегчавших трудящемуся крестьянству осуществить его трудовой долг перед рабочим классом, перед фронтом, перед государством. М. И. Калинин тщательно знакомился с тем, как реализуются на местах последние постановления Правительства о новых льготах для середняков по натуральному налогу, по чрезвычайному революционному налогу, по пользованию лесами, о помощи семьям красноармейцев, об амнистировании середняков, несознательно вовлеченных в кулацкие мятежи. Особенно требовательно М. И. Калинин подходил к делу борьбы с различными извращениями и нарушениями советской революционной законности, вызывавшими недовольство трудящихся крестьян.

Пребывание М. И. Калинина в Симбирской губ. оказало неоценимую помощь местным партийным и советским органам в деле выправления линии их работы в деревне, укрепления союза рабочих и крестьян в прифронтовой полосе. Работа поезда «Октябрьская Революция» сопровождалась огромным революционно-патриотическим подъемом населения прифронтовой полосы, что немедленно передавалось на фронт, поднимая морально-боевой дух частей Красной Армии.

На заботу партии и правительства симбирские крестьяне ответили дружным севом, а затем усиленным выполнением продразверстки. Количество сданного хлеба по губернии достигло летом 1919 года 6 миллионов пудов[1].

Другим ответом крестьянства на заботу о нем Советского правительства было успешное проведение так называемой волостной мобилизации, то есть мобилизации в армию деревенского советского актива от каждой волости по декрету ВЦИК от 24 апреля 1919 года. Губернская мобилизационная комиссия перенесла свою работу из рабочих районов в села. Пример симбирского пролетариата, пославшего большое количество рабочих на борьбу с врагом, поднимал крестьян на патриотический подвиг. Первыми дали своих мобилизованных Жадовская, Водорацкая, Бестужевская, Базарно-Сызганская и Девайкинская волости Карсунского уезда. Шли, главным образом, бывалые фронтовики.

Часто назначение в армию производилось «миром», на сходах. Кандидаты обсуждались с точки зрения их революционной надежности, годности для боя и голосовались, как при выборах в Советы. При этом сельские общества брали на себя снаряжение и обеспечение бойцов на дорогу и заботу об их семьях. Шумовская, Тагаевская, Н. Никулинская и другие волости Симбирского уезда дали по 20—25 человек стойких защитников Советской власти. С особенным успехом волостная мобилизация прошла там, где работал агитпоезд ВЦИК.

Патриотический пример рабочих и деревенского актива способствовал, в свою очередь, успеху общей мобилизации, родившихся в 1886, 1890 и 1900 годах.

Решимости крестьян сражаться за Советскую власть содействовали рассказы пленных колчаковских солдат о захватах земли помещиками и о белом терроре, широко публикуемые в советских газетах и подтверждаемые письмами бойцов с фронта. Эти сообщения становились предметом самого горячего обсуждения в деревнях. Крестьянство Симбирской губернии, испытав в 1918 году возврат власти помещиков, не хотело повторения этого.

Революционно-патриотический подъем среди трудящихся крестьян свидетельствовал об укреплении союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, расширении социальной базы пролетарской революции.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, д. 47, л. 20.

К этому времени с еще бо́льшей, чем в 1918 году, силой определилось также объединительное движение вокруг русского народа трудящихся ранее угнетенных национальностей, осознавших, что лишь сплочением вокруг русского народа они отстоят свои национальные интересы и независимость от посягательств русских белогвардейцев и иностранных захватчиков.

Мобилизованные, из угнетенных при царизме народностей, татары и чуваши на одном из своих митингов заявили: «Мы, красноармейцы — татары и чуваши, будем вместе с русскими до последней капли крови биться против колчаковских банд и не допустим возвращения помещиков»[1].

В Симбирске началось формирование особой национальной татарской бригады. Симбирский Губком выделил ряд крупных работников на командно-политические посты в бригаде. Политическим комиссаром бригады был назначен член Симбирского Губисполкома Белоусов Бекир, рабочий Гурьевской суконной фабрики. Начальником политотдела татбригады был утвержден симбирский коммунист Абдурахманов К. А. Кроме того, Татарская секция Симбирского Губкома РКП(б) подобрала политработников для 3-го Мусульманского полка, входившего в состав Татбригады[2]. В конце апреля дальнейшее формирование Татарской бригады было перенесено из Симбирска в Казань.

Для политического воспитания красноармейцев нацмен Симбирский Губком распространял, издававшиеся им на татарском языке газету «Кень» и на чувашском языке — «Сене Пуранас».

Развернутое в Симбирске формирование частей Красной Армии шло также и за счет мобилизованных в Центральных губерниях. Каждая губерния центра страны отправляла своих мобилизованных в определенные прифронтовые пункты; в Симбирск прибывали мобилизованные коммунисты, рабочие и активисты—крестьяне из губерний: Московской, Иваново-Вознесенской, Ярославской, Смоленской и Калужской.

Всего страной за период с 1 апреля по 15 мая 1919 г. в помощь восточному фронту было направлено более 50 тыс. человек, из них 16 тысяч коммунистов, 3 тысячи комсомольцев и 25 тысяч членов профсоюзов[3].

Прошедшая в стране с огромным подъемом и быстротой мобилизация для отпора колчаковцам ликвидировала численное превосходство противника на восточном фронте.

Реввоенсовет востфронта в обращении к войскам во второй половине апреля указывал:

«Удар Колчака под Уфой всколыхнул все силы Советской России. Все Советы, Партийные Комитеты спешат на помощь Восточному фронту. «На Урал, на Восточный фронт, чтобы разбить белогвардейскую армию Колчака, чтобы не допустить его банды к Волге!» — вот общий клич, который пронесся теперь по всей Советской России. Тысячи мобилизованных коммунистов, десятки и сотни тысяч мобилизованных рабочих и крестьян, сотни орудий, тысячи пулеметов и десятки тысяч винтовок — все это широким, быстрым потоком, сотнями поездов хлынуло на Волгу. Голова этого потока уже перешла Волгу, и хотя хвост его еще далеко позади, но наша Армия на восточном фронте стала сильнее белогвардейской армии Колчака, настолько сильнее, что мы мо-

---

[1] «Заря», № 21, Симбирск, 1919.

[2] «Известия Симбирского ГИКа», 1919 г., № 96.

[3] ЦГАКА, ф. 11, оп. 5, № 79, п. 6.

жем не только дать им отпор и остановить их дальнейшее продвижение, но нанести колчаковцам громовой, сокрушительный удар»[1].

Движение помощи фронту выразилось и в трудовом подъеме рабочих в тылу.

Коллектив коммунистов Симбирского металлообрабатывающего завода, председателем которого был петроградский большевик т. Скурлов А. сплотил вокруг себя подавляющее большинство рабочих. Общее собрание рабочих заявило о решимости «усилить нашу производительность и тем поднять боевую мощь нашей Красной Армии. Долой разгильдяйство, да здравствует трудовая дисциплина и диктатура пролетариата»[2].

Давая решительный отпор эсеро-меньшевистским пораженцам, металлисты Заволжского завода вдвое увеличили производительность труда.

В марте 1919 г. на заводе производилось 3 млн., в апреле — 3,8 млн., в мае — 4,5 млн., в июне — 9 млн., в августе — 13,3 млн. единиц продукции для фронта[3]. Этот рост производительности Симбирского завода имел особенно большое значение, ибо он непосредственно питал своей продукцией армии восточного фронта. РВС фронта специальным приказом отметил, что «рабочие симбирского завода, сознавая свой долг, в переживаемый тяжелый момент, напрягали все усилия к тому, чтобы как можно больше повысить производительность своего завода». РВС выразил благодарность «товарищам рабочим за работу на оборону»[4].

Высокий патриотизм и кипучую инициативу проявили коммунисты железнодорожники линий, проходящих через губернию.

Алатырские железнодорожные мастерские стали выпускать из ремонта по 10 паровозов в сутки[5]. Коммунисты и беспартийные рабочие Бугульминской железной дороги, по призыву политического комиссара — старого большевика тов. М. Г. Назарова, дали клятву не щадить сил и жизней для разгрома Колчака. Скоро они претворили свою клятву в героические дела.

При взятии Уфы колчаковцы захватили огромные запасы хлеба, много вагонов, горючего. Это обостряло переживаемые страной трудности. Своевременная эвакуация подвижного состава и грузов из района боев приобрела первостепенное значение. Обсудив этот вопрос, находившиеся в Симбирске управление и комитет РКП(б) железной дороги Волга—Бугульма по инициативе политкомиссара дороги Назарова М. Г., решили создать особый вооруженный эвакуационно-ремонтный поезд. «Ни одного вагона Колчаку!» — говорили рабочие, обсуждая задачу. Поезд должен был действовать непосредственно у фронта, обеспечивая ремонт путей и вывоз всего ценного, а если придется, — давать отпор врагу. Предложение железнодорожников получило одобрение со стороны Симбирского Горкома РКП(б).

В связи со вспыхнувшим на линии саботажем скрытых белогвардейцев, задача эвакуационного поезда была расширена. Его команде, усиленной чекистами, поручено было беспощадно подавлять проявления саботажа.

17 марта поезд с несколькими десятками политически стойких

---

[1] ЦГАКА, ф. 106, оп. 1, № 3, д. 71.
[2] Известия Симбирского ГИКа, 1919 г., № 99(326).
[3] ЦГАКА, ф. 43, с. (106, оп. 1), № 15, с., л. 16.
[4] ЦГАКА, ф. 106, № 1650, ф. 1, л. 296.
[5] ЦГАКА, ф. 106, № 156, л. 1.

бойцов двинулся в путь. Он состоял из блиндированного вагона и ремонтных площадок.

К фронту поезд прибыл в конце марта, в дни, когда Красная Армия на путях от Уфы вела ожесточенные бои.

В такой обстановке прибывший вооруженный ремонтный поезд с блиндированным вагоном немедленно был превращен комбригом Блажевичем в боевую единицу. С помощью этого импровизированного бронепоезда Петроградский и Волжский полки 27-й дивизии отбросили полки 3 бригады противника за реку Ик, заняв станцию Ютаза и Туймаза. А затем бронепоезд содействовал прорыву полков из окружения. В этой борьбе бронепоезд погиб. Команда его во главе с тов. Назаровым приняла затем участие в обороне и эвакуации Бугульмы.

Самоотверженный пример симбирских железнодорожников в борьбе с Колчаком всколыхнул рабочих всей дороги и помог им освободиться от возникшей растерянности. Всюду создавались группы и летучки по проведению эвакуации. Шла борьба с саботажем. Врагу в дальнейшем, при отходе советских войск, не доставалось больше ни вагонов, ни хлеба, ни горючего. Вывозились даже дрова.

Железнодорожники симбирского узла проявили в дни гражданской войны высокий революционный патриотизм. Они быстро откликнулись на великий почин своих московских товарищей в проведении коммунистических субботников.

7 июня 1919 г. по постановлению железнодорожной организации РКП(б) в Симбирске был отработан первый коммунистический субботник. Работало 22 коммуниста и сочувствующих. Субботник продолжался шесть часов. Добровольный труд ради победы над врагами социалистического Отечества прошел дружно, превысив обычную производительность труда на 250 проц. Подъем, например, паровоза на рельсы был произведен в два раза быстрее, чем обыкновенно[1].

Симбирский Городской Комитет РКП(б), поддержав инициативу железнодорожников, призвал все коллективы к устройству субботников. Беспартийные железнодорожники, узнав о почине коммунистов и проявляя патриотическую заботу о фронте, приняли решение о регулярной бесплатной работе каждую субботу.

Но коммунистические субботники, как массовое движение, развернулись в период, когда колчаковцы уже были разгромлены и отступали от Волги, а главной опасностью стали деникинские орды. В дни же организации отпора наступлению колчаковцев революционно-патриотический подъем железнодорожников и других трудящихся слоев Симбирска направлялся на решение задач, носивших характер непосредственной помощи фронту.

Железнодорожники симбирского узла, выслушав сообщение тов. Назарова о гибели своего блиндированного вагона, в апреле 1919 г. решили ответить белогвардейцам немедленным созданием нового бронепоезда. На этот раз поезд сразу создавался, как боевая единица. Для этой цели были оборудованы четыре американских четырехосных вагона. В них были устроены вторые стенки, бойницы для пулеметов и винтовок. Были подготовлены две платформы для орудий. Нашлись бронеящики для боеприпасов, бронещиты и пр.

В штабе фронта к новой инициативе железнодорожников отнеслись с предубеждением. Однако настойчивость организаторов бронепоезда и прежде всего тов. Назарова преодолела все препятствия. Новая инициатива т. Назарова получила поддержку со стороны РВС востфронта

---

[1] Газ. «Заря», Симбирск, 13 июня 1919 г., № 20.

и лично командующего фронтом Каменева С. С. Последний оценил Назарова как военного организатора-«самородка». «Назаровцы» — это наименование стало на восточном фронте нарицательным для обозначения самодеятельных организаторов обороны, которые во множестве выделялись тогда из среды рабочих и крестьян[1].

Для поезда нашлось и необходимое вооружение. К железнодорожной команде, в 60 бойцов с 4-мя пулеметами, были присоединены 30 артиллеристов с двумя орудиями и пулеметная команда с 6-ю пулеметами. Орудия были установлены на вращающихся основаниях.

Двинувшись к фронту, бронепоезд почти на всех станциях принимал добровольцев по рекомендации линейных ячеек партии. Большую группу бойцов дала станция Мелекесс. Команда бронепоезда выросла до 200 человек. Часть ее предназначалась для десантных операций. На ст. Нурлат бронепоезд соединился с ремонтным поездом. К поезду были приданы: санитарный вагон, вагон-пекарня и кухня.

Бронепоезд симбирских железнодорожников, которому они дали название «Имени Назарова», явился серьезным подспорьем для советских войск. Он прибыл на фронт 21 апреля, когда, охваченные с флангов части 27-й дивизии отходили на линии ж. д. ст. Шентала. Бронепоезд был двинут немедленно в бой и действовал успешно. В значительной мере, благодаря бронепоезду, было предотвращено окружение части советских войск в этом районе.

22 апреля колчаковская армия заняла ст. Шентала В. Б. ж. д., 25—г. Чистополь-на-Каме, 27—ж. д. ст. Челны и подтянулась к ст. Нурлат, что в 60 км от Мелекесса и в 130 км. от Симбирска. 28 апреля белогвардейцы овладели г. Сергиевском, откуда им оставалось 80 км до Волги. Враг подползал к Волге. Задача возведения укрепленного района у г. Симбирска оставалась неотложной.

Помимо специальных и других военных частей, на строительстве укреплений работало нетрудовое население, мобилизованное в тыловые части. К перевозкам были привлечены ломовые и легковые извозчики. Но работы было еще много.

Укрепленный район должен был представлять собой замкнутый круг нескольких линий окопов, огневых точек, проволочных заграждений, — в радиусе более 20 км. вокруг города, по обоим берегам Волги. Особенное внимание уделялось укреплению лесистого гребня восточнее ж. д. ст. Верхняя Часовня. В крепостной круг входило до десятка пригородных сел и деревень.

Такое огромное строительство не могло быть быстро завершено без самоотверженного участия в нем всего трудящегося Симбирска.

Приказы Военсовета Укрепленного района и Горсовета о мобилизации по воскресеньям всего мужского населения города для рытья окопов были встречены трудящимися с воодушевлением. Воскресенье 27 апреля было объявлено массовым — «окопным днем».

«Созданием укрепленного района подкрепим фронт», — говорилось на коротких митингах накануне. «Если же по ходу военных действий придется, то всем боеспособным остаться в осажденном городе». «Не владеть Колчаку волжской переправой у Симбирска».

На работы вышли десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся[2]. К 5 часам утра сборные пункты на Соборной площади и у «Дворца труда» кишели людьми, пришедшими с суточным продовольствием. Отсюда, во главе с руководителями учреждений, профсоюзов, учебных

---

[1] См. сб. «Четыре года Красной Армии». М., 1922, воспоминания С. С. Каменева «Страничка воспоминаний».

[2] «Известия Симбирского Губ.», 1919 г., № 31, 92, 107.

заведений, под руководством военных распорядителей, колонны строителей с революционными песнями расходились по всем секторам крепости. Для переброски их через Волгу было подано несколько пароходов и барж.

«Окопный день» прошел при огромном революционном подъеме трудящихся и далеко продвинул вперед создание укрепленного района. Большую помощь с этого дня стали оказывать строительству окрестные села, дававшие подводы и людей.

В последних числах апреля создание укреплений в основном было закончено, хотя трудящиеся Симбирска еще не раз повторяли свои массовые выходы «на окопы».

В апреле Симбирск жил жизнью прифронтового города. На площадях шло военное обучение. По улицам все чаще проходили группы пленных колчаковцев. Жалкий вид их, оборванное обмундирование, свидетельствовали, что враг не так уж «грозен».

Ежедневно через город следовали к ст. Симбирск II Волго-Бугульминской ж. д., маршевые роты, отправлявшиеся на фронт. Проходила артиллерия, обозы. И в Симбирском гарнизоне и под Мелекессом, как и на фронте, шла усиленная политическая работа и боевая учеба. Этому способствовало весеннее половодье, ослабившее напряжение боев.

Симбирский Горком РКП(б), в дополнение к проведенной уже мобилизации коммунистов, передал Политотделу фронта весь состав партийной школы в 30 человек.

Энергичную работу вел в Симбирском гарнизоне Политотдел Губвоенкома, возглавлявшийся московским коммунистом т. Зверевым Н. П., одним из членов Симбирского Горкома партии. Симбирский Горком РКП(б) для укрепления работы Политотдела направил членов партии: тт. Белоцерковского В. А., Олейника И. Ф., Булиш Л. И., Гладышеву А. Я. и др. Работа в гарнизоне приняла боевой характер. Ежедневно Политотдел направлял по частям десятки агитаторов, выделенных для этого Горкомом партии. В частях велась широкая культурно-просветительная работа, способствовавшая росту политической сознательности бойцов.

Крупнейшие здания города отводились под госпитали. Большую работу проводил, созданный профсоюзами «Комитет помощи раненым красноармейцам». Комитет привлекал самодеятельность трудящегося населения к материальному и культурному обслуживанию госпиталей.

Кустари, артели, пошивочные мастерские и неорганизованное население широко привлекались к выполнению заказов отдела военных заготовок, созданного при Губсовнархозе. За короткий срок было пошито и сдано Воензагом в Красную Армию: 107 тыс. шинелей, 218 тыс. рубах, 37 тыс. гимнастерок, 57 тыс. шаровар, 4 тыс. кальсон, 2 тыс. простыней, 18 тыс. носовых платков и др.[1]

Огромная всесторонняя помощь, оказанная страной восточному фронту, дала свои результаты. В армии и среди населения росло убеждение в превосходстве советских сил над противником. Политсводки доносили о боевом настроении бойцов и их готовности к контрнаступлению.

«Не взять вам, колчаковцы, Красного Поволжья»,—заявили, выступая на фронт, бойцы Симбирской позиционной батареи[2]. Батальон 3-го Симбирского полка призвал своих однополчан: «Вперед в наступление за святое дело пролетарской революции. Не выпустим оружия из рук

---

[1] «Заря», Симбирск, 1919 г., № 127.
[2] Газ. «Известия Симбирского ГИКа», 1919 г., № 92.

пока не будет раздавлен враг»[1]. Симбирская команда штрафных заявила: «Мы носим позорное клеймо «дезертиров». Но мы даем честное слово рабочим и крестьянам, что готовы умереть ради отстаивания Красной Волги от бандитов Колчака»[2].

Собрание командного состава гарнизона призвало офицеров старой армии честно бороться вместе с трудящимися за лучшее будущее своей Родины[3].

В борьбе с врагом претворялось в жизнь решение VIII съезда РКП(б) о создании регулярной рабоче-крестьянской Красной Армии, цементированной коммунистами, свободной от остатков партизанщины.

Собрание коммунистов Симбирского гарнизона в приветствии Центральному Комитету Партии писало: «В противовес бандам буржуазии и интервентов, мы выдвигаем регулярную Красную Армию, проникнутую сознанием социалистического долга и спаянную железной революционной дисциплиной... Мы разобьем Колчака... Мы, коммунисты, клянемся всюду подавать личный пример суровой революционной дисциплины и быть всегда впереди во время боев. Да здравствует наш Центральный Комитет! Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин»[4].

...Необычайно многолюдная демонстрация 1 Мая в Симбирске проходила под лозунгом разгрома Колчака. В этот день была получена первая весть о начавшемся контрнаступлении Южной группы советских войск. Это придало празднику характер всенародного ликования. 2 мая в городе происходил парад гарнизона и частей, отправляющихся на фронт. На параде участвовало до 20 тыс. солдат. Бойцы дали торжественную клятву: «Волги не отдавать. Колчака разбить»...

Хотя 1 мая колчаковская армия произвела новый нажим, сделала еще 20 км к Симбирску, — это не поколебало общей уверенности, что перелом наступил и разгром Колчака начался.

II. Участие 24-й Симбирской Железной дивизии в контрударе по Колчаку

Осуществляя намеченный Центральным Комитетом партии план контрнаступления, выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе силами доблестной Южной группы советских войск востфронта остановил и разбил Колчака на подступах к Волге. Советский Симбирск в лице целого ряда частей, сформированных в разное время в губернии, внес немаловажную долю в разгром войск Колчака.

Главный удар Колчаку должна была нанести созданная М. В. Фрунзе в районе Бузулука ударная группа в составе нескольких дивизий из Туркестанской и IV армий. Но прежде чем эта главная группа смогла нанести свой удар, важные подготовительные операции были проведены частями I армии, располагавшейся восточнее Бузулука. I армия была кровно связана с Симбирской губ., где она возникла в 1918 г. Поэтому симбиряки, узнав 1 мая 1919 г. о переломе на фронте, торжествовали вдвойне, ввиду того, что начало этому перелому было положено их земляками из I армии.

Командующим I армией в это время стал Гай Г. Д., прежде бывший начдивом Симбирской Железной дивизии.

К 20 апреля I армия, отступив из горных пределов Южного

---

1 Газ. «Известия Симбирского ГИКа», 1919 г., № 105.
2 Там же, № 85.
3 Газ. «Заря», Симбирск, 1919 г., № 3.
4 Там же, № 30.

Урала, держала фронт в юго-восточном углу треугольника городов: Сергиевск—Оренбург—Уральск. Армия упорно обороняла Оренбург и одновременно своим левым флангом прикрывала район сосредоточения Ударной группы. «Только стойкость и упорство I армии помогли тогда создать ударную группу и решительно бросить ее во фланг войскам Колчака», — так оценил М. В. Фрунзе роль I армии в подготовке контрудара[1].

Особенное значение в плане контрнаступления приобрел северный фланг I армии, занимаемый 24-й Симбирской дивизией, которой командовал т. Павловский. Это вытекало из обстановки к моменту советского контрнаступления. Колчаковское командование, уверенное в победе и впавшее в авантюризм, вело наступление веером, разбросав свои корпуса по широкой дуге от Чистополя на Каме до Оренбурга.

План контрнаступления М. В. Фрунзе заключался в нанесении глубокого рассекающего удара во фланг белогвардейской западной армии генерала Ханжина, в общем направлении от Бузулука на Уфу.

Нащупав восточнее Бугуруслана слабое место между 3 и 6 корпусами белых, М. В. Фрунзе решил воспользоваться им, сосредоточив здесь наиболее испытанные 25-ю Чапаевскую и 24-ю Симбирскую Железную дивизии.

Нацеливая главный удар «вразрез» между корпусами врага, с целью поразить сильнейшую бугурусланскую группу противника во фланг и тыл, М. В. Фрунзе активную роль возложил на 24-ю дивизию. Она должна была сковать 12-ю Уральскую дивизию врага и, изолировав ее от 3-го корпуса, обеспечить разгром бугурусланской группы белых. По идее Фрунзе 24-я Симбирская дивизия должна была явиться «активно действующим заслоном» ударной группы, то есть по существу дополнительной ударной группой[2].

22 апреля командующий Южной группой войск востфронта М. В. Фрунзе приказал: «I армии усилить всем чем можно свой левый фланг, перейти в самое решительное наступление против частей 12-й дивизии противника, дабы во что бы то ни стало приковать возможно больше силы из состава 6-го корпуса противника»[3].

С позиции западнее с. Михайловское (Шарлык) 24-я дивизия двинулась на врага, заходя левым плечом на север. В начавшихся боях 212 (б. Московский), 213 (б. Крестьянский) и 214-й (б. 1-й Симбирский) советские полки выбили 12-ю дивизию белых из сел Романовского, Воздвиженского, Залесова, Покровского, что в 80—90 км севернее станции Сорочинской. В селе Романовском советские войска, окружив противника, взяли много пленных, пулеметов и орудий противника.

Одновременно действовавшая западнее, 25-я Чапаевская дивизия одержала победу над 11-й дивизией белых на р. Боровка.

Бои обнаружили наличие высокого наступательного порыва в советских войсках и упадок дисциплины у врага.

Таким образом, I армия рука об руку с чапаевцами, еще до начала общей развязки, разбила левый фланг белогвардейской армии генерала Ханжина, сломав планы колчаковского командования. Связь между крупными группировками Колчака оказалась разорванной. Бойцы 24-й Симбирской Железной дивизии вновь оправдали свою боевую славу.

В эти же дни был нанесен удар белогвардейской группе генерала Белова на реке Салмыш. Эта группа стремилась прорвать советский

---

[1] ЦГАКА, ф. 110, оп. 4, д. 313, л. 403.
[2] ЦГАКА, ф. 106, д. 1056, л. 107.
[3] Там же, л. 54.

фронт севернее Оренбурга, чтобы выйти с востока в тыл советской ударной группы у Бузулука.

24-я Симбирская дивизия, отбросив 12-ю дивизию противника на северо-запад от реки Салмыш, обеспечила этим тыл, действовавших на реке Салмыш, 20-й Пензенской дивизии и особой группы укрепленного района г. Оренбурга, под общим командованием М. Д. Великанова, б. командира 2 Симбирского полка Железной дивизии, содействовала их победе. Белогвардейские соединения оказались разбитыми в момент их переправы через р. Салмыш. При этом полном разгроме белогвардейского корпуса генерала Бакича крупную роль сыграл, спешно переброшенный на р. Салмыш, 211-й Курский полк Симбирской дивизии.

24-я и 25-я советские дивизии, отбросив 11-ю и 12-ю уральские дивизии белых, расчистили пространство юго-восточнее Бугуруслана и создали выгодную обстановку для осуществления контрнаступления.

28 апреля началось общее наступление советских войск.

24-я дивизия, энергично продвигаясь в верховьях рек Кинель и Дема на север, к 2 мая отбросила 12-ю дивизию белых к станции Сарай-Гир и к селу Богородскому. Затем решительными атаками она сковала крупные резервы противника юго-восточнее станции Абдулино, помешав им придти на помощь своей Бугурусланской группе.

В составе 74-й бригады и 25-й Чапаевской дивизии действовал ударный Сызранский Коммунистический полк (командир Лазда, комиссаром после ранения т. Уваровского стал т. Евлампиев П. С.), получивший нумерацию «221». Действуя бок о бок со знаменитым 220-м Иваново-Вознесенским полком Чапаевской дивизии, 221-й Сызранский полк оказался достойным своего закаленного в боях соседа. В бою под ст. Заглядино сызранцы столкнулись с полком «крестоносцев» из пресловутого корпуса Каппеля и наголову разбили его.

4 мая части Ударной группы овладели Бугурусланом, принудив всю армию белогвардейского генерала Ханжина к поспешному отходу от Волги. После этого 24-я дивизия, собравшись в кулак, повела наступление правее Самаро-Златоустовской железной дороги в направлении на Уфу, отвлекая на себя резервы врага. Невзирая на половодье и вязкий грунт, дивизия быстро продвигалась по обоим берегам реки Демы, поднимая башкирских крестьян на борьбу с Колчаком. Своим постоянным выдвижением на правом фланге Ударной группы, 24-я Симбирская дивизия способствовала разгрому главных сил белых.

Еще более крупную роль 24-я Симбирская дивизия сыграла на втором этапе наступления при овладении городом Белебей, где Колчак сосредоточил Волжский корпус под командованием генерала Каппеля. В эти дни колчаковское командование, стянув резервы, пыталось вернуть себе инициативу и вновь перейти в наступление. Белогвардейцам во что бы то ни стало нужен был военный успех, чтобы укрепить пошатнувшийся престиж Колчака в глазах империалистических хозяев. Волжский корпус генерала Каппеля, вооруженный английским оружием и одетый в английское обмундирование, был цветом колчаковской армии. На него интервенты возлагали большие надежды.

10 мая генерал Каппель выдвинул на юго-восток от Белебея 3-ю Симбирскую дивизию из состава своего корпуса, расположив ее на линии станции Талды-Булак. Но в этот же день главные части каппелевцев были атакованы и отброшены подошедшими с юга тремя бригадами 24-й Симбирской дивизии.

С обеих сторон дрались дивизии, носившие название «Симбирские». В составе белогвардейской 3-й Симбирской дивизии были: 9-й Симбирский, 11-й Сенгилеевский и 10-й Бугульминский полки. Симбирский полк противника образовался в 1918 г. из белогвардейцев гор.

Симбирска. Уже тогда Симбирские рабочие полки били их под стенами родного города. Теперь они вновь сошлись с ними в смертельной схватке на полях предуралья. Развернулись напряженные встречные бои, в которых советские полки основательно растрепали врага. 2-я бригада 24-й Симбирской Железной дивизии взяла более 700 пленных, 9 пулеметов, много винтовок. На сторону Красной Армии перешла большая часть 10-го Бугульминского полка противника, состоявшего из мобилизованных крестьян.

11 мая встречные бои разгорелись с еще большей силой. Генерал Каппель, развернув весь свой корпус, приказал любой ценой отбросить советские войска. Между тем 31-я советская стрелковая дивизия, должная содействовать 24-й дивизии, запоздала и находилась 11 мая на расстоянии целого перехода за левым флангом последней. В результате 24-я дивизия, оказавшись далеко впереди своих соседей, одна выдерживала натиск намного превосходящих ее свежих сил противника. Каппелевцы крупными силами бросились на деревни Михайловку и Чегодаево, обороняемые 212-м советским полком. Одновременно кавалерия противника появилась в тылу со стороны железной дороги. Ввиду угрозы окружения 212-й полк несколько отступил, однако на помощь пришла 3 бригада Железной дивизии (комбриг П. Ф. Устинов, военком Д. Е. Черкин) в составе 214-го (I Симбирского) и 215-го (3 Симбирского) полков. Противник был отбит.

Генерал Каппель подтянул к месту боя свою 13-ю Казанскую дивизию. 12 мая каппелевцы вновь атаковали 24-ю советскую дивизию. Однако красноармейцы отбили врага. Перейдя в контратаку, они вновь захватили сотни пленных и пулеметы. Высокие боевые качества бойцов дали возможность дивизии с честью выйти из трудного положения.

Подошедшая 13 мая 31-я дивизия в свою очередь вступила в бой западнее станции Талды-Булак, отбросив белогвардейцев к селу Апполоновке. Это облегчило положение 24-й дивизии, и она атаковала противника, продвинувшись на 15—20 километров вперед. Тогда же Чапаевская 25-я дивизия стала обходить Белебей с севера. 15 мая, в 22 часа 30 минут, Фрунзе приказал 24-й дивизии «стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток»[1].

Корпус генерала Каппеля, понесший огромные потери и поставленный под угрозу окружения, начал отходить. 17 мая советские войска вступили в Белебей.

Заключительным боевым этапом Южной группы советских войск перед ее расформированием была Уфимская операция, блестяще проведенная под непосредственным руководством М. В. Фрунзе. Ценя 24-ю Симбирскую дивизию, Фрунзе включил ее в состав Туркестанской армии, на которую он возложил чрезвычайно ответственную и трудную операцию.

В приказе от 21 мая 1919 г. М. В. Фрунзе писал: «С полудня 22 мая выделить 24-ю стрелковую дивизию из I армии и включить ее в состав Туркармии, руководство которой на время предстоящей операции я принимаю на себя, оставаясь одновременно командующим Южной группой»[2].

4 июня М. В. Фрунзе приказал начать форсирование реки Белой. 24-я дивизия должна была переправляться на участке от устья реки Сим до устья реки Дема, в 25—30 километрах южнее Уфы, охватывая противника справа. Севернее наступала 2-я стрелковая дивизия. Глав-

---

[1] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941, стр. 153.

[2] ЦГАКА, ф. 106, д. 1056, л. 281.

ный удар наносила дивизия Чапаева, исходные позиции которой были у села Красный Яр, севернее Уфы. Вместе с другими здесь действовал и 22-й Сызранский полк 25-й дивизии.

8—9 июня вдоль реки Белой развернулись ожесточенные бои. Переправа под сильнейшим огнем противника была трудной. Первая попытка 24-й дивизии переправиться в районе Тюкупова не удалась. Однако своим напором дивизия приковала к этому участку корпус генерала Каппеля. Она не позволила ему перебросить ни одного батальона к Уфе. Тем временем 25-я дивизия, руководимая лично М. В. Фрунзе и В. И. Чапаевым, форсировала реку Белую и 9 июня ворвалась в Уфу.

Но этим упорная борьба на реке Белой не закончилась. Противник не был еще добит. Волжский корпус генерала Каппеля, еще не втянутый полностью в бои, сосредоточившись на правом фланге 31-й и 25-й советских дивизий, представлял серьезную угрозу. Для полного разгрома корпуса необходимо было сбить его с правого берега реки Белой. Решая эту задачу, 24-я дивизия 11—12 июня вновь переправилась через реку Белую на участке М.-Нагайдак — Новые Коишки. Завязался упорный бой. В третий раз 24-я советская Симбирская дивизия встретилась с «Симбирской» дивизией белых. Переправившиеся части 24-й дивизии стояли насмерть. В то же время шла переброска других полков дивизии.

Два дня продолжалось кровопролитное сражение. Потери с обеих сторон были велики. Лишь за первый день боев советскими войсками было взято 700 пленных и несколько орудий. К исходу 13 июня каппелевцы были разбиты наголову. Уфимская операция была завершена. Началось отступление белогвардейцев к Златоусту.

За полтора месяца ожесточенных боев Южная группа армий Восточного фронта, руководимая М. В. Фрунзе, разгромила Западную армию Колчака.

Крупную роль в разгроме Западной армии Колчака сыграла 24-я Симбирская Железная дивизия. Она заслужила от В. В. Куйбышева характеристику одной из «наиболее сильных»[1]. Дивизия не знала поражений и нанесла огромные потери врагу.

III. Наступление Мелекесской группы советских войск на Бугульму

Мужественно выполняли свой долг и те части Красной Армии, созданные в Симбирской губернии, которые оказались на других участках фронта. Советский Симбирск, являясь ближайшим тылом Пятой армии, в первую очередь помогал Бугульминскому участку фронта. За счет симбирских мобилизаций были укомплектованы 2-я и 3-я бригады 27-й стрелковой дивизии. Сюда направлялись почти все симбирские коммунисты, мобилизованные на политработу в армию. На линии Волго-Бугульминской железной дороги оперировал бронепоезд симбирских железнодорожников т. Назарова с десантным отрядом. Здесь же развернулся созданный в Мелекессе рабочий добровольческий полк. 1—2 мая все названные части приготовились для наступления в районе станции Нурлат. Сосредоточенные здесь части именовались в приказах М. В. Фрунзе Мелекесской группой[2].

29 апреля в Симбирске производилась посадка в эшелоны одной

---

[1] ЦГАКА, ф. 106, д. 1056, л. 266.

[2] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941, стр. 128.

бригады 5-й стрелковой дивизии и одной бригады 35-й стрелковой дивизии, также отправлявшихся на бугульминское направление[1].

Пятой армией с апреля стал командовать талантливый полководец М. Н. Тухачевский, сотрудничавший с симбирскими коммунистами еще в 1918 г. при создании 1-й Революционной армии.

Мелекесской группе I армии планом М. В. Фрунзе предназначалась вспомогательная, но важная роль — содействие главному удару от Бузулука. 1 мая Фрунзе и Тухачевский приказали Мелекесской группе перейти в решительное наступление. Группа должна была разобщить силы противника, прижать 8-ю Камскую дивизию врага к реке Каме. Однако в результате разгрома Бугурусланской группы противника положение на Бугульминском участке резко изменилось. Враг стал отводить часть 8-й Камской дивизии, дабы избежать окружения и сосредоточить кулак в районе Бугульмы для нового наступления.

В быстро менявшейся обстановке задача Мелекесской группы заключалась в том, чтобы опрокинуть оставшиеся перед ней заслоны, и, быстро продвигаясь вперед, не дать противнику уйти из-под удара. Нужно было спешить, чтобы содействовать Ударной группе.

3 мая советские войска двинулись вперед. Вдоль Волго-Бугульминской железной дороги наступала 3-я бригада. Севернее, вдоль реки Черемшан, наступала 2-я бригада 27-й дивизии. Южнее железной дороги наступала 2-я бригада 5-й стрелковой дивизии. Заняв станцию Нурлат, советские части 6 мая продвинулись на линию станции Челны. Однако наступление развивалось медленно. Мешало половодье. Оставив два полка Камской дивизии с тремя бронепоездами на железной дороге, противник упорно сопротивлялся. Особенно мешали продвижению советских частей бронепоезда.

В преодолении этой преграды и в развитии нужных темпов наступления большую роль сыграл советский бронепоезд «Роза Люксембург» и бронепоезд симбирских железнодорожников, командиром которого был т. Назаров. Бронепоезда были приданы 3-й бригаде 27-й дивизии. Комбриг, уже знавший боевые достоинства бронепоезда Назарова, возложил на него задачу отгонять вражеские бронепоезда и прикрывать продвижение советской пехоты.

Первой крупной наступательной операцией бронепоезда было сражение у деревни Девливеркино в 20 километрах восточнее станции Челны. Противник окопался возле этой деревни в 3 километрах от железнодорожного полотна. Из-за поворота, скрытого лесом, временами выдвигался вражеский бронепоезд и огнем прижимал наступавшую советскую пехоту к земле. Симбирский бронепоезд, прорвавшись неожиданно через расположение врага, вышел во фланг его позиций у деревни Девливеркино. Окопы противника были видны как на ладони. Бронепоезд открыл по ним уничтожающий огонь из всех орудий и пулеметов. После 20-минутного жестокого обстрела деревня и окопы опустели. Цепи красноармейцев быстро продвинулись и заняли деревню.

В этот момент из-за леса показался колчаковский бронепоезд. Открылась артиллерийская дуэль между бронепоездами. Советские артиллеристы оказались искусными стрелками. После двух попаданий по бронепоезду противника — тот стал отходить. Но в то же время справа показалась атакующая пехота колчаковцев с намерением отрезать советский бронепоезд.

Бронепоезд встретил врага шрапнелью. Из вагонов быстро выбросился десант. Рассыпавшись вдоль полотна, он открыл огонь по цепям противника. Озадаченный появлением советской пехоты, противник

---

[1] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941, стр. 128.

залег. Через несколько минут десантники бросились вперед на сближение с врагом. Последний не принял боя и отступил.

Началось преследование противника. Важную работу в ходе его проделала ремонтная летучка симбирского бронепоезда. Ремонтники под огнем неприятеля восстанавливали полотно и мосты. За время наступления от станции Нурлат до Бугульмы они исправили 16 железнодорожных мостов и десятки километров пути, обеспечивая действия бронепоездов[1]. В моменты белогвардейских атак ремонтники, отложив инструменты и взяв винтовки, вместе с командой бронепоезда шли в бой.

Белые откатывались вдвое быстрее, чем наступали месяц назад. 8 мая советские войска освободили станцию Шентала, на следующий день — станцию Шалашниково.

Бугульма охватывалась советскими войсками с трех сторон. 13 мая части 2 бригады 27-й дивизии V армии ворвались в Бугульму.

25 июня Совет Обороны, за подписью В. И. Ленина, объявил «особую благодарность красноармейцам и командному составу 5-й, 2-й Туркестанской армий»[2]. Постановление говорило о заслугах этих армий в разгроме Колчака.

Вместе с другими частями Туркестанской и V армий славу и благодарность Правительства разделяли и Симбирская 24-я дивизия, переведенная в ходе наступления из 1-й в состав Туркестанской армии, бронепоезд симбирских железнодорожников и многочисленные пополнения, данные Симбирском для V армии.

IV. Героический поход Симбирской рабочей бригады на разгром уральских белоказаков

Третьим участком, на котором сражались в 1919 году симбирцы, был фронт борьбы против уральского белоказачества, где Симбирская рабочая бригада участвовала в разгроме армии колчаковского генерала Толстова.

1-й полк из состава рабочей бригады, сформированной в Симбирске, по указанию штаба востфронта в начале мая был послан на правый фланг Чистопольской группы войск фронта, чтобы содействовать ликвидации противника, угрожавшего Казани. Весь Симбирск провожал своих бойцов. Вместе с полком уходили на фронт многие члены губернского, городского и уездного комитетов партии, губернского исполкома и правления профсоюзов. Командиром 1-го Симбирского рабочего полка был член губернского исполкома и председатель Буинского уездного комитета РКП(б) И. С. Космовский. Политкомом 1-го Симбирского полка был член губернского исполкома Киселев. На командных и политических должностях полка были работники симбирской организации РКП(б) А. Службин, Л. Травин, В. Порозов, А. Горелов, Кокрянцев, Вздорнов, С. Остроглазов и др.

В торжественной обстановке полку было вручено знамя, которое он обязался победно донести до последних рубежей Советской Родины. Секретарь горкома вручил бойцам-коммунистам партийные билеты нового образца. Красные билеты получила почти половина полка. 3-я рота полка состояла из комсомольцев. В ее составе на фронт пошли активные симбирские комсомольцы: Варейкис Вацлав, Грейсер Георгий, Владимиров Роман, Ключнев Леонид, Баскаков, Ионин и др.

Полк был переброшен на пароходе к пристани Утка-Майна в 60

---

[1] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 57, д. № 67, стр. 11.
[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 17, № 14, л. 24.

километрах от Симбирска вверх по Волге. Продвинув отсюда десант в глубь левого берега для связи с Чистопольской группой, полк не обнаружил противника, ибо последний уже отступил. Полк бесплодно потерял более недели. Ненужное бросание 1-го Симбирского рабочего полка вдоль фронта было одним из проявлений нервозности в управлении востфронтом, внесенной сменой командующего фронтом. Вместо прежнего командующего — С. С. Каменева с 8—21 мая фронтом командовал генерал Самойло А. А. Эта смена, в разгар контрнаступления Красной Армии, была произведена Троцким и преследовала цель отстранения Фрунзе, со стратегическими планами которого Троцкий был не согласен, хотя эти планы были одобрены Цека партии. В этом факте проявилась партийная недисциплинированность Троцкого и его скрытая борьба против ленинской политики в обороне Республики.

Ставленник Троцкого — генерал Самойло действовал весьма неудачно. Член РВС востфронта С. И. Гусев по этому поводу писал: «Для членов РВС Восточного фронта создалось чрезвычайно тяжелое, невыносимое положение. Мы видели, что директивы даются неправильные, ошибочные, что через голову командующих армиями, фронтовое командование нервничает, часто меняет директивы, дергает армии и дивизии... Об этом мы открыто говорили А. А. Самойло и П. П. Лебедеву, причем споры у нас происходили с ними прежестокие... И тогда мы прибегли к единственному средству, которое оставалось у нас, как у членов партии. Мы засыпали наш ЦК длиннейшими телеграммами с требованием вернуть С. С. Каменева на фронт... Они были достаточно убедительны: через месяц С. С. Каменев, по постановлению ЦК, вновь принял командование Восточным фронтом»[1].

Нераспорядительность штаба фронта в отношении 1-го Симбирского рабочего полка была опротестована командиром Симбирской рабочей бригады В. Г. Пеньевским. Рапорт Пеньевского был поддержан членом РВС фронта С. И. Гусевым, державшим тесную связь с Симбирскими партийными органами. 1-му Симбирскому рабочему полку был дан приказ — следовать в Самару в распоряжение М. В. Фрунзе.

18 мая 1-й Симбирский рабочий полк в составе 1200 штыков прибыл в Самару. С полком находился и комбриг В. Г. Пеньевский со штабом бригады, поскольку предполагалось, что следом прибудут и другие полки Симбирской бригады.

Однако военная обстановка привела к тому, что остальные полки гарнизона Симбирской крепости оказались на других фронтах. 2-й Симбирский рабочий полк был направлен в состав 10-й армии под Царицын, Комиссаром 2-го полка был тов. Арискин, политработниками—симбирские коммунисты тт. Грачев, Варейкис Анна и др.

По прибытии 1-го Симбирского рабочего полка в Самару Пеньевский и Космовский немедленно отправились в штаб Южной группы войск. В штабе их приняли члены РВС Южной группы В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий. Последние ознакомили симбирских командиров с обстановкой на фронте под Уральском и Оренбургом. В те дни, когда основные силы Южной группы войск были заняты на главном театре военных действий под Уфой, противнику удалось создать опасную обстановку на участке между Уральском и Оренбургом. Белогвардейский генерал Толстов, получив через Каспийское море оружие от английских интервентов и создав несколько новых дивизий, осадил Уральск. Белогвардейцам удалось поднять контрреволюционный мятеж богатого уральского казачества. В результате противник сосредоточился в 100

[1] С. Гусев. «Наши разногласия в военном деле», М., 1925, стр. 64.

километрах к северу от Уральска, угрожая железной дороге Самара—Оренбург и даже самой Самаре.

В. И. Ленин, внимательно следивший за борьбой под Уральском, не раз требовал от РВС Восточного фронта решительных мер к ликвидации неприятеля в этом районе. «Обратите сугубое внимание, — телеграфировал он 11 июня Реввоенсовету Восточного фронта, — на восстание в Оренбургском и Уральском районах. Не запускайте... Ликвидация необходима немедленно и полная»[1].

Однако посылка подкрепления под Уральск и Оренбург тормозилась штабом фронта. М. В. Фрунзе вынужден был бросать на помощь этим городам еще необученные местные формирования. На помощь осажденному Уральску через Бузулук, в конце мая, были направлены два полка Самарской бригады и 1-й Симбирский рабочий полк.

Симбирский полк прибыл в Бузулук 29 мая. Город был на осадном положении. Накануне Самарская бригада потерпела неудачу и отступала. 30 мая казачьи разъезды появились вблизи железной дороги.

Для укрепления положения, советское командование стягивало все, что можно, к месту прорыва. Бузулукский участок фронта был передан Первой армии, располагавшей некоторыми резервами. На помощь Самарской бригаде вместе с другими частями был брошен один батальон прибывшего Симбирского рабочего полка. Наступление врага было остановлено.

В начале июня Симбирский полк был двинут на Илецкий Городок западнее Оренбурга, где противник начал наступать. Учитывая неудачу Самарской бригады, вызванную раздроблением советских частей по широкому фронту, В. В. Куйбышев приказал войскам вести операции сосредоточенно.

11 июня Симбирский полк имел первое боевое крещение. Конная группа белоказаков напала на рассвете на село, где стоял штаб и обоз батальона. Но советское сторожевое охранение было бдительным, красноармейцы встретили врага дружным залпом. Белоказаки, после нескольких неудачных атак, рассеялись по степи, оставляя убитых.

В середине июня полк продвигался в районе Кутум—Андреевка. Справа он держал связь с Интернациональным полком, слева — вначале с Казанским татарским, а затем с 14-м Оренбургским полком красного казачества. Эти части и в последующем являлись постоянными соседями Симбирского полка.

К концу июня на уральский участок фронта была переброшена из-под Уфы 25-я дивизия В. И. Чапаева. Она должна была нанести решительный удар Уральской белогвардейской армии и освободить Уральск, выдерживавший уже полуторамесячную осаду. К этому времени Бузулукская группа Первой армии была реорганизована, влившись в состав 49-й дивизии. Командир Симбирской бригады В. Г. Пеньевский был назначен командиром 3-й бригады 49-й дивизии в составе 439-го (бывшего Симбирского рабочего) и 440-го (Интернационального) полков[2].

Наступление на уральских белоказаков началось 5 июля силами Четвертой армии и 49-й дивизии Первой армии. Главный удар наносила 25-я дивизия под командованием В. И. Чапаева. Восточнее наступала 3-я бригада 49-й дивизии I армии.

Последней М. В. Фрунзе приказал: «Одновременно с группой Чапаева перейти в энергичное наступление на фронте: Рубежный — Ир-

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 169.
[2] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. 218, л. 170.

тецкое — Илецкий Городок, направляя первоначальный удар на Соболев»[1].

Наступление шло успешно. Заняв 10 июля Царево-Никольское, 439-й полк вышел к хутору Парамоново, что у истоков речек Глубокая и Соленая, в 120 километрах от Бузулука. На этом рубеже 439-му полку суждено было выдержать сильнейшее боевое испытание за все время похода в уральские степи.

440-й полк, заняв Соболев, отстал в своем движении. Интервал между полками разросся до 30 километров, и связь была нарушена. Комбриг Пеньевский, штаб которого находился в Царево-Никольском, приказал 439-му полку задержаться, чтобы выравнять фронт. Командир полка Космовский выслал конные разъезды на северо-запад в сторону 440-го полка. Но сомкнуться со своим соседом 439-й полк не успел.

Противник узнал о разрыве между советскими частями и решил уничтожить 439-й полк. Для этого он сгруппировал три конных полка. Отрезав разъезды, высланные на северо-запад, белоказаки в ночь на 12 июля лощинами стали охватывать район расположения симбирцев.

Хутор Парамоново, где занимал позиции 439-й полк, состоял из нескольких жилых домов и амбаров. Батальоны располагались полукругом. Восточный участок в полукилометре от хутора за оврагом занимал 1-й батальон, в центре располагался 2-й батальон, а в 2-х километрах западнее хутора окопались две роты 3-го батальона. Часть 4-го батальона была в резерве штаба полка. На северо-восток от дороги в лощине стоял обоз и санитарный околодок. Хотя дозоры были высланы во все стороны, все же расположение было рассчитано на отражение нападения с юга. Однако белоказаки охватили полк с северо-запада. Ночью 12 июля полевые телефоны охранения стали доносить, что в степи слышен шум. Готовился ли очередной мелкий налет или что-либо серьезное — пока не было ясно.

Командир Космовский усилил дозоры и сообщил в штаб бригады о подозрительном движении противника. Но едва Космовский сделал это, как противник открыл огонь сразу с трех сторон. Стремясь замкнуть кольцо, противник сосредоточил особенно сильный огонь по дороге на север. Советские батальоны оказались в невыгодном положении и, чтобы отражать врага, должны были перестраивать фронт. 1-му батальону пришлось сделать полный поворот на 180°, 3-й батальон стал стягиваться к хутору, загибая правый фланг.

Перед фронтом темнели многочисленные скирды. Внезапно из-за них вырвалась с гиком казачья лава и стала рубить советское сторожевое охранение, не успевшее отойти. Белоказаки были уже близко, когда залпы красноармейцев заставили их повернуть. Но они оставались невдалеке и отчетливо слышны были их крики: «Сдавайтесь!» Противник вел усиленный обстрел. Часто слышались очереди 25-зарядных скорострельных ружей. То был подарок белогвардейцам от английских интервентов.

На рассвете отдельным группам белоказаков удалось прорваться и достигнуть околодка. Все раненые и медицинский персонал были зарублены. Героически защищаясь, погиб полковой врач Каплан. Утром противник перехватил обоз, отходивший по дороге на северо-восток.

Ввиду большого неравенства сил, полк оказался под угрозой полного окружения и уничтожения. Командир полка отдал приказ о постепенном отходе, который был начат еще в темноте. Отходили перекатами: один батальон, отходя занимал оборону и прикрывал отход других.

---

[1] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, № 213, л. 170.

Выйдя из окружения, полк закрепился на следующей гряде холмов Противник был взбешен стойкостью советских бойцов. На новых позициях полк отбил до 10 атак. Несколько раз советские батальоны переходили в контратаки. Полк нес большие потери. Был убит один из командиров — старый боевой офицер Лазарев.

В этом бою погиб смертью героя и доблестный командир полка И. С. Космовский. Он все время был в передних цепях, ободряя бойцов. Вдруг пуля попала ему в ногу. Космовский быстро слабел от кровотечения. Ординарцы предложили ему выйти из боя. — «Ребята, в случае чего, возьмите у меня полевую сумку с приказами», — сказал он и в эту минуту пуля поразила его в голову. Космовский упал с лошади. Едва ординарцы успели подхватить сумку командира, как налетели белоказаки. Космовский уже мертвый был изрублен на куски.

Это было днем 12 июля. В это время заговорили две советские 3-дюймовые пушки, подошедшие с прикрытием из резерва. Белоказаки отхлынули, но скоро вновь стали наседать. Командование Симбирским полком принял помощник Космовского Фокин Н. Т.—б. офицер старой армии. Он удачно расположил батальон на холмах. С возвышенностей советские бойцы били белоказаков прямо в лоб. Метко стреляла батарея. Завязался новый многочасовой бой. Потерпев большой урон в лобовых атаках, противник перешел к фланговым налетам. Советские бойцы по-прежнему держались стойко. Все понимали, что паника гибельна и что спасение только в решительном отпоре врагу. Отставшие или отрезанные красноармейцы бились до конца. Казаки пленных не брали, раненых добивали.

Число раненых в полку увеличивалось. Персонал же перевязочного отряда полка погиб. Поэтому, красноармейцы, отступая, должны были нести на руках своих раненых товарищей. Это уменьшало число сражавшихся бойцов и замедляло движение полка. Из этого чрезвычайного затруднения полк был выведен мужеством бригадного врача доктора З. М. Явича.

Д-р Явич, отдавший свои знания Советской власти, очень много сделал в своей области сперва на посту заведующего медицинским отделом Симбирского горсовета, а затем в составе рабочей бригады — на фронте. Созданная им санитарная часть бригады была образцовой на Уральском фронте и обслуживала многие соседние части, в том числе бойцов Чапаевской дивизии.

В день нападения белоказаков на 439-й полк д-р Явич находился с главными санитарными учреждениями в 25 км от фронта в станице Гаршино. Узнав о тяжелом положении полка, д-р Явич лично, во главе нового перевязочного отряда, поспешил на поле боя. Здесь под обстрелом он самоотверженно организовал сбор, перевязку и эвакуацию всех раненых красноармейцев. Несколько сот бойцов были спасены от белогвардейского растерзания благодаря твердости духа З. М. Явича.

Симбирцы, отходя, сменили еще несколько рубежей. Уже иссякали патроны. Полк потерял 30 процентов своего состава и до половины комсостава.

В самую критическую минуту с левого фланга по белоказакам ударил пришедший на помощь 14-й Оренбургский полк красного казачества. После страшной рубки враг был опрокинут и стал поспешно отходить в степь, преследуемый артиллерийским огнем и красными казаками. Степь была устлана телами врагов.

Симбирские рабочие бойцы с доблестью и честью выдержали исключительно упорный натиск врага. Это была огромная тактическая и

моральная победа. На другой день симбирцы вновь заняли хутор Парамоново[1].

Велика была братская могила, в которой бойцы хоронили своих друзей, павших за Советскую Родину. Она звала к мести, к сокрушительному удару по врагу. В общую могилу красноармейцы положили и останки своего любимого командира И. С. Космовского[2].

Нападение крупной группировки белоказаков на 439-й Симбирский полк было лишь частью попытки врага восстановить положение.

Разбитые В. И. Чапаевым севернее Уральска, белоказаки 11 июля сняли осаду этой советской твердыни. Собрав свои отступившие полки восточнее Уральска, генерал Толстов пытался взять реванш — прорваться к железнодорожной линии и вместе с Дутовым захватить Оренбург. Он преследовал эту цель и после сражения у хутора Парамоново, продолжая группировать большие силы в районе станиц Ташлинской, Царевич, Грязно-Иртецкой. Этим он мешал как наступлению советских войск от Уральска на юг, так и от Оренбурга на юго-восток.

Учитывая это, М. В. Фрунзе приказал 25-й и 49-й стрелковым дивизиям уничтожить зарвавшегося противника. Обе дивизии 19 июля перешли в наступление. 25-я дивизия била от Уральска вдоль реки Урал на восток во фланг врагу, 49-я дивизия, и в ее составе 439-й Симбирский полк, наступала на Илецкий Городок.

Методически продвигаясь от рубежа к рубежу, умело отбивая контратаки белоказаков, 49-я дивизия к концу августа вышла на реку Урал. Опасная вражеская группировка была отброшена к Илецкому Городку.

За стойкость и доблесть в бою под хутором Парамоново и в последующем наступлении 439-й Симбирский рабочий полк был награжден Почетным Красным Революционным Знаменем.

V. Роль симбирских соединений в уничтожении Южной армии Колчака

18 июля в Симбирск прибыл М. В. Фрунзе. Решением ЦК партии Троцкий, пытавшийся остановить советское наступление перед Уралом, что спасло бы Колчака, был отстранен от вмешательства в дела Восточного фронта. Вацетис, проводивший взгляды Троцкого, был освобожден от обязанностей Главкома и вместо него главнокомандующим вооруженными силами Республики был назначен С. С. Каменев. Командующим восточным фронтом после С. С. Каменева стал М. В. Фрунзе. 19 июля М. В. Фрунзе, облеченный высоким доверием партии и народа, вступил в командование фронтом.

Прибытие М. В. Фрунзе совпало с празднованием в Симбирске побед Красной Армии по случаю взятия Златоуста и Екатеринбурга. Фрунзе принимал парад с балкона здания штаба фронта, который находился в бывшей Троицкой гостинице. Колонны красноармейцев и трудящихся приветствовали М. В. Фрунзе, организатора замечательных побед на Восточном фронте.

---

[1] Описание боя под хутором Парамоново дано по оперативной сводке Южной группы войск № 919 от 12/VII-1919 г. (ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, № 113, л. 340), а также по воспоминаниям участников, хранящихся в партархиве Ульяновского обкома КПСС.

[2] Иван Сергеевич Космовский, рожд. 1895 г., член партии с 1917 г., происходил из бедной крестьянской семьи деревни Никишино, Шамкинской волости, Буинского уезда, Симбирской губернии. Будучи учеником симбирской учительской чувашской школы, он считался царскими властями неблагонадежным. В годы первой империалистической войны Космовский окончил школу прапорщиков. Свои военные знания он отдал делу пролетарской революции. Космовский был организатором Сов. власти в Буинском у., а в 1918 г. — командиром партиз. отряда в сурских лесах Симб. губ. В 1919 г., проводя мобилизацию коммунистов, он сам встал во главе Буинского отряда и присоединил его к первому симбирскому рабочему полку.

Из Симбирска Фрунзе блестяще руководил операциями всего фронта. Под его руководством была осуществлена историческая директива В. И. Ленина о необходимости до зимы завоевать Урал, довершить разгром Колчака — опаснейшего врага Советской власти. Под его руководством велось общее наступление войск фронта на противника, отходившего частью в Сибирь, частью на юго-восток. Отступление врага шло по двум расходящимся направлениям. Ввиду этого Восточный фронт по решению ЦК партии был разделен на Восточный и Туркестанский фронты. 18 августа М. В. Фрунзе вступил в командование Туркестанским фронтом, которое он осуществлял сперва из Симбирска, потом из Самары.

Перед Туркестанским фронтом стояла задача довершить разгром Южной армии белых, ликвидировать опорные контрреволюционные очаги в Оренбургской и Уральской областях и соединиться с Советским Туркестаном. Огромное значение всего этого для Советского государства еще более возрастало ввиду нависшей угрозы со стороны Деникина на Южном фронте. Последний, заняв Царицын и Камышин, стремился сомкнуться с заволжским казачеством и оживить восточную белогвардейщину.

М. В. Фрунзе выдвинул план похода в Туркестан, принятый Центральным Комитетом партии. К этому походу Фрунзе привлекал лучшие, испытанные части, в том числе 24-ю Симбирскую и 49-ю дивизии. В директиве Первой армии 25 июля он писал: «Поход на Туркестан решен в положительном смысле. Пойдут 3-я кавалерийская дивизия и 24-я дивизия, которая на днях будет включена в состав Первой армии»[1]. Фрунзе приказал Первой армии —в кратчайший срок очистить от противника район Илецкий Городок—Илецк—Актюбинск—Орск, развивая самые энергичные действия, главным образом, на франгах Первой армии[2]. Обстановка сложилась так, что на обоих флангах Первой армии находились симбирские части: на левом — 24-я дивизия, на правом — 439-й полк 3-й бригады 49-й дивизии. Оба эти симбирские соединения сыграли крупную роль в окружении и ликвидации Южной армии Колчака.

Общее наступление советских войск началось 13 августа. 24-я дивизия, повернув от Верхнеуральска на юг, отбросила вражескую армию генерала Белова в степи под удары 49-й Оренбургской дивизии, захлестывая врага с востока. На другом фланге I армии действовала 3-я бригада Пеньевского[3] из 49-й дивизии. На эту бригаду была возложена роль особой сковывающей группы. Она должна была отвлекать на себя силы врага и прикрывать правый фланг Оренбургской Ударной группы. Выполняя эту задачу, бригада в середине августа форсировала с боями реки Урал и Илек и захватила важные опорные пункты — Илецкий Городок и г. Илецк. В дальнейшем, встречая на своем участке особо яростное сопротивление врага, бригада продвинулась на реку Утва, а затем в октябре 1919 г. до Джамбейтинской ставки.

3-я бригада 49-й дивизии, в том числе 439-й Симбирский полк, блестяще выполнила поставленные перед ней задачи содействия общему разгрому южной армии Колчака, а затем и уральских белоказаков.

Успехи 24-й и 49-й дивизий были одним из условий окружения в

---

[1] «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941, стр. 192.

[2] ЦГАКА, ф. 106, д. 1037, л. 87.

[3] Талантливый комбриг Виктор Григорьевич Пеньевский, приехав в отпуск в Симбирск, заболел тифом и 17/I-20 г. скончался. С воинскими почестями прах славного организатора и командира Симбирской рабочей бригады был погребен в Симбирске в братской могиле на Новом Венце. (Газ. «Заря», Симбирск, 1920 г., 199 № 249).

сентябре 1919 г. в районе Орска и Актюбинска Южной армии белых, где на сторону советских войск перешло 55 тысяч оренбургских казаков, отказавшихся умирать за дело царских атаманов и генералов. 13 сентября 1919 года произошло соединение Первой советской армии с войсками Советского Туркестана.

Это событие было отмечено Советом Рабоче-Крестьянской Обороны, который, ценя заслуги Первой армии перед Советской страной, 1 октября 1919 года объявил ей благодарность. Благодарность Родины относилась и к симбирским полкам 24-й и 49-й дивизий.

Родившаяся в боях за родной город В. И. Ленина, Первая армия, ядром которой стали рабочие и крестьяне Симбирска, выполнила великую боевую работу по ликвидации восточной интервенции и контрреволюции. Ее историческую роль М. В. Фрунзе выразил словами, полными восхищения:

«Вы, доблестные войска Первой армии, — писал М. В. Фрунзе в приказе 7 октября 1919 года, — многомесячными усилиями в бездорожном районе, через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где Ваши братья вели упорную борьбу за свободу, где был приготовлен, для окруженной кольцом врагов России, столь нужный для нас хлопок. Рядом упорных славных боев Вы овладели множеством больших и малых пунктов, разбив наголову громадную армию противника, превосходящего Вас численностью в несколько раз. Свершилось! Путь на Туркестан свободен!..»[1]

Через год, во вторую годовщину существования 1-й Революционной армии, М. В. Фрунзе, в общем обзоре ее боевого пути, писал:

«Десятки тысяч пленных, горы оружия и прочие трофеи были результатом ее славных побед, но выше и ценнее те великие достижения, та сила, тот мощный порыв, которые были даны ей нашей Великой Революцией. Необъятные пространства земли, воссоединенные под Советской властью, сотни тысяч рабочих и крестьян, освобожденные от рабства и гнета прежних цепей, — вот величайшие завоевания I армии, вот ее заслуга перед революцией...

Ура доблестной I Революционной армии!

Ура славному нашему вождю тов. Ленину!

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе»[2].

* * *

С разгромом Колчака на Волге и на Урале закончился важный этап борьбы советского народа с белогвардейцами и интервентами Антанты. С передвижением фронта в Сибирь и в Туркестан Симбирская губерния становилась глубоким тылом.

За полтора года симбирские рабочие и крестьяне прошли большой путь боевых схваток с врагом и напряженного труда в тылу. Руководимые Коммунистической партией, они проявили высокое сознание своего революционного патриотического долга в защите социалистического Отечества.

После огромных усилий по обороне Поволжья трудящиеся Симбирской губернии приняли участие и в отражении новых походов Антанты.

На южном фронте сражалась 15-я Инзенская дивизия, взятая из состава I армии Востфронта еще в конце 1918 г., заслужившая в 1920 г. за бои под Перекопом гордое наименование «Советской Красно-

[1] ЦГАКА, ф. 110, оп. 4, № 31, л. 422.
[2] ЦГАКА, ф. 110, оп. 4, д. 313, д. 403.

знаменной Сивашской дивизии». В конце 1919 г. после побед на Туркестанском фронте на Южный фронт была направлена закаленная в боях 24-я Симбирская Краснознаменная Железная дивизия. Тогда же Южному фронту была передана 49-я дивизия с 439-м Симбирским рабочим полком.

К своим прежним боевым делам на Востфронте все эти славные соединения прибавили новые ратные подвиги при разгроме контрреволюции и интервенции на юге страны.

Крепя единство фронта и тыла, трудящиеся родины В. И. Ленина внесли свой вклад в ликвидацию белогвардейщины в стране, в разгром первого военного нападения международного капитала на страну социализма.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

Головчинер Я. М.

БОРЬБА С ТРУДНОСТЯМИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923 ГОДУ

С весны 1921 года трудящиеся Симбирской губернии, как и весь советский народ, развернули борьбу за восстановление народного хозяйства на основе новой экономической политики.

Симбирская губерния, как и все Поволжье, была поражена тяжелым неурожаем и голодом, создавшими необычайные трудности в борьбе за восстановление народного хозяйства. Только в результате принятых энергичных мер со стороны Коммунистической партии и Советского правительства, мобилизовавших весь советский народ на оказание эффективной помощи районам, пострадавшим от неурожая и голода, трудящиеся Симбирской губернии смогли справиться с этим огромным стихийным бедствием и включиться в общую борьбу всего советского народа по восстановлению народного хозяйства.

Неурожай и голод 1921—1922 годов несколько задержали процесс восстановления народного хозяйства в губернии. К 1923 году были в основном ликвидированы последствия голода. С 1923 года восстановление народного хозяйства в губернии вступает в полную силу и поэтому 1923 год следует считать переломным годом в восстановлении народного хозяйства губернии.

Но в 1923 году в губернии, как и во всей Советской стране, возникли иные трудности, связанные с новым натиском международного империализма на Советское государство и с кризисом сбыта внутри Советской страны.

Коммунистическая партия и Советское правительство мобилизовали советский народ на преодоление создавшихся трудностей и, осуществив ряд мер, успешно ликвидировали эти трудности и повели советский народ по пути дальнейшего восстановления народного хозяйства на рельсах НЭПа.

* * *

К началу 1923 года советский народ смог подвести двухлетние итоги восстановления народного хозяйства.

Эти итоги были подведены на X Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1922 года и на XII съезде партии, происходившем в апреле 1923 года.

X Всероссийский съезд Советов одобрил внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства[1].

---

[1] Съезды Советов в постановлениях и резолюциях, 1935, стр. 232.

XII съезд партии всецело одобрил политическую и организационную линию ЦК, обеспечившую успехи в восстановлении народного хозяйства в течение 1922 года[1].

Съезд отметил, что налицо — первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны, что начался период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при НЭПе[2].

XII съезд партии дал решительный отпор всем тем, кто понимал НЭП, как отступление от социалистических позиций, как сдачу своих позиций капитализму. Троцкисты Радек и Красин предлагали сдать иностранным капиталистам в концессию жизненно необходимые для Советского государства отрасли промышленности. Партия заклеймила их капитулянтские предложения, как предательские.

Съезд решительно отверг предложение Бухарина и Сокольникова ликвидировать монополию внешней торговли. Ленин еще до съезда заклеймил Бухарина как защитника спекулянтов, нэпманов и кулаков.

Съезд решительно подтвердил незыблемость монополии внешней торговли.

Съезд дал также отпор попытке Троцкого навязать партии гибельную политику в отношении крестьянства. Троцкий предлагал строить промышленность путем эксплуатации крестьянского хозяйства. Осуществление провокационного предложения Троцкого привело бы к разрыву союза рабочего класса и крестьянства. Троцкий также предлагал закрыть такие крупные заводы, имевшие оборонное значение, как Путиловский, Брянский и др. Съезд с негодованием отверг предложения Троцкого.

Красной нитью через все решения XII съезда партии проводится мысль о необходимости укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Съезд указал, что важнейшей политической задачей партии, определяющей весь исход революции, является: «... с величайшим вниманием и тщательностью **оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством.** Под этим углом зрения партия должна подходить к разрешению всех важнейших проблем...»[3]

В резолюции «О налоговой политике в деревне» съезд наметил ряд мероприятий, направленных на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на подъем сельского хозяйства.

Переход от продразверстки к продналогу, осуществленный X съездом партии, явился первым шагом Коммунистической партии и Советского правительства по пути облегчения положения крестьянства и улучшения всей хозяйственной жизни разоренной страны.

Теперь партия сочла возможным сделать следующий шаг в этом направлении. Съезд предложил заменить часть натурального обложения денежным. Эта мера должна была сократить издержки по взносу налога, предоставить крестьянину возможность свободно приноравливаться к рынку, избрать наиболее выгодные культуры, направить свои силы в промысловые занятия.

Все это должно было способствовать дальнейшему расширению товарного оборота, ликвидации финансовой разрухи, а следовательно, улучшению общего хозяйственного положения страны.

Съезд далее предложил объединить все государственные и местные прямые налоги в единый прямой сельскохозяйственный налог.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов.., 1953, ч. 1, стр. 681.
[2] Там же, стр. 682.
[3] Там же, стр. 682—683.

Введение единого сельскохозяйственного налога положило конец множественности обложения, которая мешала крестьянству твердо подсчитать свои расходы и доходы, приводило в соответствие тяжесть обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков, давало возможность Советской власти наилучшим образом ограждать интересы крестьянской бедноты и середняка.

При установлении размеров единого сельскохозяйственного налога, говорится в решении, Советская власть должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, установить несколько сроков для внесения налога, провести в жизнь систему поощрений крестьян за улучшенные приемы хозяйствования.

Для ликвидации низких цен на хлеб, разоряющих крестьянское хозяйство, съезд партии предложил Советскому правительству усилить вывоз крестьянского хлеба за границу, укрепив государственную монополию внешней торговли.

Съезд предложил улучшить и удешевить налоговый и заготовительный аппарат.

Вместе с тем съезд партии призвал крестьянство напрячь все силы для выполнения своего долга перед государством, для поднятия всей экономики страны.

XII съезд партии выразил уверенность в том, что осуществление всех перечисленных мер приведет к укреплению доверия крестьян к рабочим, к закреплению союза рабочих и крестьян.

X Всероссийский съезд Советов в постановлении «О мероприятиях по укреплению и развитию сельского хозяйства» поставил ряд практических задач по подъему сельского хозяйства.

Съезд Советов призвал все органы Советской власти как можно быстрее провести в жизнь Земельный кодекс; предложил пересмотреть лесной фонд Республики с тем, чтобы выделить из него леса местного значения для предоставления их в пользование крестьянства; обратил внимание на оказание помощи сельскохозяйственной кооперации, на необходимость укрепления существующих сельскохозяйственных коллективов, на развитие простейших видов сельскохозяйственной кооперации; указал на необходимость дальнейшего расширения сельскохозяйственного кредита с целью восстановления основных капиталов сельского хозяйства; поручил СНК полностью удовлетворить потребности крестьянства в яровых семенах и издать правила об улучшении и хранении семенного материала; поручил Народному Комиссариату земледелия принять меры по улучшению и массовому разведению улучшенных пород скота и увеличению количества рабочего скота; постановил обратить внимание СНК на необходимость отпуска соответствующих средств для развития советского сельскохозяйственного машиностроения; предложил укрепить совхозы, улучшить дело сельскохозяйственного образования.

Съезд поручил местным исполнительным комитетам обеспечить систематическое проведение массовых мероприятий; ликвидацию сельскохозяйственной неграмотности, пропаганду засухоустойчивых растений, травосеяния и технических культур, развитие семеноводства и борьбы с вредителями сельского хозяйства и т. д.

X Всероссийский съезд Советов решил упразднить всякие сельскохозяйственные комиссии, комитеты и советы и передать их функции земельным органам, усилив эти органы лучшими работниками.

В области дальнейшего развития промышленности XII съезд партии указал на необходимость пересмотра группировки предприятий, порядка их трестирования с целью концентрации производства на наилучше технически оборудованных и наилучше географически расположенных

предприятиях, на необходимость пересмотра строения и состава трестов, исходя из государственных интересов.

Съезд подчеркнул, что успешное развитие промышленности зависит от успехов каждого завода и фабрики, поэтому трестам было указано избегать удушающей централизации и подавления инициативы отдельных предприятий.

Съезд потребовал наладить в промышленности правильное счетоводство, калькуляцию себестоимости продуктов и контроль — создать единый реальный баланс всей государственной промышленности.

Съездом было указано на необходимость выравнивания заработной платы во всех отраслях промышленности, повышения реальной заработной платы «... с целью, с одной стороны, удовлетворения интересов рабочих в максимальной степени, какая допускается нынешним положением промышленности, а с другой стороны, устранения или временного изменения положений, явно невыполнимых в условиях нынешнего состояния хозяйства»[1].

Необходимым условием оздоровления и развития промышленности являлось упорядочение государственного бюджета, приближение его к реальным государственным ресурсам и к плановому их расходованию.

Съезд указал на необходимость укрепления единоначалия на производстве, подбора и выдвижения кадров руководителей промышленности, на необходимость поощрения тех руководящих хозяйственников, которые снижают расходы производства и повышают его доходы, снижают себестоимость продукции, повышают производительность труда и улучшают положение рабочих.

Съезд предложил привлечь на производство специалистов, создав им соответствующие условия и материальную заинтересованность.

Обсуждая доклад о состоянии промышленности, X Всероссийский съезд Советов постановил усилить работу государственной промышленности, обеспечив ее необходимыми транспортными, финансовыми и другими ресурсами. Для облегчения сырьевого кризиса в легкой промышленности, съезд предложил увеличить производство хлопка, льна, пеньки и др.

Съезд предложил энергично продолжать начатую работу по концентрации производства, увеличению нагрузки работающих предприятий, сокращению штатов и накладных расходов, удешевлению себестоимости продукции и т. д.

Съезд обратил внимание на восстановление сельскохозяйственного машиностроения и промышленности удобрительных туков.

Успешное развитие промышленности и сельского хозяйства в 1923 году по-прежнему упиралось в дело лучшей организации торговли, сбыта изготовляемой продукции. XII съезд партии поэтому указал на необходимость коренного улучшения работы низших звеньев торгового аппарата, способных обеспечить действительную связь промышленности с крестьянским рынком, на улучшение работы кооперации, которая в дальнейшем должна превратиться в основного посредника между государственной промышленностью и сельскохозяйственным производством.

Съезд подчеркнул, что необходимо удешевлять торговые расходы путем сокращения торговых аппаратов, упорядочения процесса сбыта, ликвидации лишних представительств, что торговые органы, внимательно изучая рынок, должны побуждать предприятия легкой промышленности приспособлять свое производство к потребительским нуждам покупателя.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях.., ч. 1, 1953, стр. 699.

Таким образом, XII съезд партии и X Всероссийский съезд Советов поставили ряд практических задач по развитию народного хозяйства страны на третий год восстановления народного хозяйства.

* * *

Осуществляя решения XII съезда партии и X Всероссийского съезда Советов, советский народ, руководимый Коммунистической партией, в 1923 году достиг значительных успехов в восстановлении народного хозяйства.

В сельском хозяйстве, которое оправилось от последствий голода 1921—22 гг., общая посевная площадь увеличилась с 74 млн. десятин в 1922 году до 87 млн. десятин, достигнув 82,5 процента довоенной площади. Особенно важно, что в 1923 году наблюдался интенсивный рост технических культур: посевная площадь хлопка утроилась по сравнению с 1922 годом.

Промышленность, развивавшаяся под знаком наступления на капиталистические элементы на базе НЭПа, в течение 1923 года заметно выросла. Если в 1922 году общая валовая продукция промышленности составляла 1900 тысяч золотых рублей, то в 1923 году она выросла до 2400 тысяч золотых рублей. По отдельным отраслям этот рост выразился в следующих цифрах:[1]

Годы	Добыча угля в млн. пудов	Добыча нефти в млн. пудов	Выплавка чугуна в млн. пудов	Выработка хл. бум. пряжи в тыс. пудов
1921/1922	588	280	10	2800
1922/1923	648	315	18	4515
Увеличение в процентах по отношению к предыдущему году	10,8%	13,0%	80,0%	61,0%

Значительные успехи были достигнуты в области восстановления железнодорожного транспорта. В 1923 году длина фактически работающей железнодорожной сети достигла 64 тысяч верст вместо 63 тысяч верст в 1913 году, превысив довоенный уровень на одну тысячу верст.

Успехи в области восстановления сельского хозяйства и промышленности положительно сказались на развитии внешней торговли. Экспорт СССР увеличился с 63,9 млн. рублей в 1921—22 гг. до 133,2 млн. рублей в 1922—23 гг. по довоенным ценам. Впервые после Великой Октябрьской социалистической революции был достигнут в стране активный торговый баланс, что в значительной степени облегчило осуществление финансовых мер, проведение денежной реформы.

Но наряду с этими успехами в восстановлении народного хозяйства Советское государство столкнулось осенью 1923 года с огромными внутрихозяйственными трудностями, о которых речь будет ниже и которые потребовали напряжения всех сил со стороны Коммунистической партии и органов Советской власти для их ликвидации.

* * *

Руководствуясь решениями XII съезда партии и постановлениями X Всероссийского съезда Советов, трудящиеся Симбирской губернии

[1] Съезды Советов в постановлениях и резолюциях, 1935, стр. 276.

упорно работали в 1923 году над восстановлением народного хозяйства.

Невзирая на большие трудности, в восстановлении сельского хозяйства были достигнуты определенные успехи. Эти успехи выразились в увеличении количества крестьянских хозяйств, в расширении посевных площадей и в уменьшении количества беспосевных хозяйств.

Если в 1922 году в губернии насчитывалось 239 тысяч крестьянских хозяйств, то в 1923 году их стало уже 257 тысяч[1]. Если в 1921/22 гг. общая посевная площадь в губернии составляла 489 тысяч десятин, то в 1922—23 гг. она достигла 663 тысяч десятин[2]. Если в 1911 году беспосевные крестьянские хозяйства составляли 14 процентов, то к 1923 году их осталось только 2,5 процента.

Следовательно, за один год количество крестьянских хозяйств в губернии увеличилось на 18 тысяч. С одной стороны, это свидетельствовало о дальнейшем дроблении сельского хозяйства, а с другой — о том, что после голода многие крестьяне, получив государственную помощь, вернулись в деревню и взялись за восстановление своих хозяйств.

В течение года посевная площадь губернии увеличилась на 174 тысячи десятин. Такой значительный рост посевной площади говорит о том, что Коммунистическая партия сумела мобилизовать крестьянство на подъем сельского хозяйства после голодных лет, заинтересовать крестьян в налаживании хозяйства.

Серьезное уменьшение количества беспосевных хозяйств показывает, что продолжался процесс осереднячения деревни. Беднота при поддержке Советского государства поднималась до уровня середняков.

Учитывая интересы беднейшего крестьянства, Советское правительство полностью освободило бедняков губернии от единого сельскохозяйственного налога.

Во всех деревнях были созданы Комитеты взаимопомощи, получившие материальные возможности для оказания помощи нуждающимся крестьянам. В 1923 году в губернии насчитывалось 1154 комитета взаимопомощи.

Губернский комитет взаимопомощи распределил в 1923 году 30 тысяч пудов семян среди беднейших крестьян. Губсельпром закупил 2811 лошадей, сельскохозяйственные машины и продал их в кредит крестьянству[3].

Одним из примеров государственной помощи беднейшему крестьянству является постановление ВЦИК в июле 1923 года о полном сложении с бедняцких хозяйств недоимок по временному налогу 1922 года на молочные продукты и яйца и недоимок по семенным ссудам, выданным весной 1921 года и ранее. Комитеты по ликвидации последствий голода продавали беднейшим крестьянам сельскохозяйственные машины со скидкой в 30 процентов и на условиях долгосрочного кредита.

В 1923 году деревня Симбирской губернии оправляется от разрухи. Улучшился внешний вид деревни по сравнению с 1921 годом. Брошенные избы во время голода снова заселялись. Строились новые избы. Не стало толп нищих, бродивших по деревням в 1921 году[4].

Многие деревни совершенно преобразились. Так, например, деревне Карцовке, Кадыковской волости, Симбирского уезда, президиум Губисполкома постановил подарить в собственность молотилку, как лучшей деревне губернии. Деревня состояла преимущественно из бед-

---

[1] УОГА, ф. 200, ед. хр. 1463, л. 212.
[2] Там же, л. 213.
[3] Там же, л. 217.
[4] «Пролетарский путь», 7.VII.23 г.

няков, но крестьяне, руководимые коммунистами во главе с председателем сельсовета Рогожиным, первыми в губернии сдали единый сельскохозяйственный налог, построили просторную школу для детей и приступили к постройке народного дома. Крестьяне деревни дружно восстанавливали свое хозяйство[1].

На фоне некоторых успехов в подъеме сельского хозяйства в 1923 году в губернии отмечается низкая урожайность. Средний урожай в губернии в довоенное время составлял 58 пудов с десятины, а в 1923 году — 26 пудов с десятины[2]. При этом серьезно сократился посев таких важных хлебных культур, как пшеница и овес.

Крестьянское хозяйство было вооружено рутинной техникой. При обработке земли царила соха, составлявшая 71 процент всего сельскохозяйственного инвентаря, а количество плугов уменьшилось по сравнению с 1922 годом на 1 процент.

Крайне тяжелым оставалось положение в сельском хозяйстве с рабочим скотом. Невзирая на принятые меры и государственную помощь по ликвидации последствий неурожая и голода, в губернии в 1923 году имелось 106 тысяч безлошадных хозяйств, или 41 процент всех крестьянских хозяйств. По сравнению с 1917 годом количество рабочих лошадей в губернии уменьшилось более чем наполовину[3].

За один год с 1922 г. по 1923 г. количество однолошадных хозяйств увеличилось на 6 тысяч.

При обсуждении вопроса о состоянии земледелия в губернии на XIII губернском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1923 года, отмечалось, что крестьянство стремится поднять хозяйство, заменить соху плугом, но не хватает рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, денежных средств. Большим тормозом в подъеме сельского хозяйства являлось несоответствие рыночных цен на сельскохозяйственные продукты и цен на товары фабрично-заводского производства[4].

Важное значение для дальнейшего подъема сельского хозяйства губернии и расширения товарооборота имело решение партии и правительства о замене части натурального обложения денежным.

Партийные и советские органы губернии провели большую работу в 1923 году по сбору единого сельскохозяйственного налога. Для его осуществления были созданы губернская и уездные налоговые комиссии, которые провели учет объектов обложения и реализацию налога.

На 1 декабря 1923 года единый сельскохозяйственный налог был выполнен на 57 процентов[5]. Первыми сдали полностью налог крестьяне Сызранского уезда[6].

Советское государство при осуществлении единого сельскохозяйственного налога строго учитывало интересы маломощных крестьянских хозяйств, представляя им значительные льготы.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1923 года маломощным хозяйствам были предоставлены льготы в размере 5 процентов от всей суммы начисляемого по губернии налога. Кроме того, согласно 16 статьи декрета о едином сельскохозяйственном налоге, крестьяне получили льготы в размере 1 процента от суммы исчисленного на губернию налога за ранние запашки, за разведение трудоемких культур, за рационализацию в ведении хозяйства и пр. Всего, таким образом, крестьяне губернии получили на 1 декабря 1923 года льгот и скидок

[1] «Пролетарский путь», 14.IX.23 г., № 161.
[2] УОГА, ф. 200, ед. хр. 1463, л. 213.
[3] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 24.
[4] Там же, л. 25.
[5] Там же, л. 21.
[6] УОГА, ф. 200, ед. хр. 1463, л. 223.

на сумму в 786510 пудов, при условии, когда весь сельскохозяйственный налог по губернии исчислялся в количестве 3 154 311 пудов натурой[1].

В целях более успешного восстановления сельского хозяйства губернии, XIII губернский съезд Советов наметил ряд конкретных мер. Съезд постановил: организовать льготный кооперативный и сельскохозяйственный кредит, показательные семенные хозяйства; создать премиальный фонд для поощрения крестьян за увеличение посевной площади, за улучшение агротехники; поднять уровень агротехнической и ветеринарной культуры[2].

Успехи в восстановлении сельского хозяйства страны, в укреплении союза рабочего класса и крестьянства были продемонстрированы на первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, открывшейся в августе 1923 года в Москве.

По постановлению Советского правительства на выставке было построено 196 красиво оформленных павильонов, в которых демонстрировалось 150 тысяч экспонатов.

На выставке были показаны достижения индивидуального крестьянского хозяйства, сельскохозяйственных артелей и коммун, успехи в переходе на многополье, в применении машин и в развитии советской агрономической науки.

Выставку посетило более 1200 тысяч человек. Сотни тысяч крестьян, посетивших выставку, имели возможность наглядно убедиться в преимуществах коллективного ведения сельского хозяйства.

Крестьянство Симбирской губернии приняло активное участие в первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Из 1500 представителей, отправленных на выставку от губернии, было 1050 крестьян[3].

Для подготовки к выставке был создан Губвыставком. Многие экспонаты Симбирской губернии получили первые премии. По признанию Главвыставкома, Симбирская губерния была одной из первых по подготовительной работе к Всесоюзной выставке[4].

Крестьяне Симбирской губернии, побывавшие на выставке, явились хорошими пропагандистами более рациональных методов ведения хозяйства, пропагандистами идей кооперирования крестьянства и необходимости укрепления союза рабочих и крестьян.

Первая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка показала всему миру, что трудящиеся Советского Союза способны строить новое социалистическое хозяйство, что они под руководством Коммунистической партии успешно решают задачу восстановления народного хозяйства на базе новой экономической политики.

1923 год является переломным годом в восстановлении промышленности Симбирской губернии.

К 1923 году борьба с голодом была в основном закончена, и трудящиеся губернии получили возможность всемерно развернуть восстановление промышленности.

В течение 1923 года был восстановлен ряд промышленных предприятий, увеличился объем выпуска промышленной продукции. Впервые с начала восстановительного периода основная масса промышленных предприятий губернии стала работать рентабельно и выполнять производственные планы.

Из трехсот промышленных предприятий в 1923 году действовало 164. Бездействовали, главным образом, винокуренные и крахмалопаточные заводы.

---

1 УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 21.
2 Там же, л. 25.
3 УОПА, ф. 1, св. 78, ед. хр. 1050, л. 23.
4 «Пролетарский путь», 10.XI.1923 г.

Действующие промышленные предприятия губернии дали за 1923 год 203 033 рубля золотом чистой прибыли.

В среднем промышленные предприятия выполнили производственный план 1923 года на 81 процент. По отдельным отраслям план был выполнен следующим образом: лесопильная — 96 процентов, суконная — 102 процента, кожевенная — 75 процентов, винокуренная — 95 процентов, кирпичная — 43 процента[1].

Для более полного представления о состоянии губернской промышленности в 1923 году, рассмотрим положение в отдельных ее отраслях.

Лесная промышленность, объединявшаяся трестом «Симбирсклес», насчитывала 19 лесопильных заводов. Из них половина была оснащена достаточным техническим оборудованием, что давало возможность осуществлять полный цикл работы — превращение первичного сырья — древесины в готовую продукцию — пиленый лес. Другая половина лесопильных заводов была оборудована кустарно и выполняла только отдельные производственные операции. Продукция лесозаводов хотя и была по качеству ниже довоенной, но вполне удовлетворяла потребностям рынка.

Все заводские помещения требовали ремонта.

Двигательной силой на заводах являлись, главным образом локомобили, только на четырех заводах имелись постоянные паровые машины.

Оборудование на заводах было стереотипным: основной станок — лесопильная рама, круглая торцовая пила и на отдельных заводах имелись круглые пилы, упорные и ребровые станки и редко строгальные станки. Лучшим по оборудованию был Измайловский лесопильный завод № 23, который при полной нагрузке в две смены вырабатывал ежемесячно 175 тысяч кубических футов продукции.

На 18 лесопильных заводах было занято 1001 человек, в том числе 184 служащих, что составляло 14,4 процента и 867 рабочих, из которых 630 человек было непосредственно занято в производстве, а 238 человек выполняли подсобные функции. Из 630 человек, занятых непосредственно в производстве, квалифицированные рабочие составляли 13,6 процента. В сравнении с довоенным периодом на лесопильных заводах губернии работало на 110 человек больше. Основной рабочей силой лесопильных заводов были крестьяне близлежащих деревень.

Средства, сырье и вспомогательные материалы заводы получали от треста и за счет реализации своей продукции. Следует отметить, что основная масса продукции лесопильных заводов вывозилась за пределы губернии. В 1923 году было отправлено на внегубернские рынки в шесть раз больше продукции, чем на внутригубернский рынок.

Успехи в восстановлении лесной промышленности выразились не только в увеличении выработки продукции, но и в уменьшении количества простоев лесопильных заводов. Если в 1921—22 гг. они простояли 280 недель, то в 1922—23 гг. простои уменьшились на 48 недель.

Государственная комиссия, обследовавшая в 1923 году состояние работы треста «Симбирсклес», пришла к заключению, что это объединение себя полностью оправдало. Комиссия сделала следующий вывод:

«...Симбирсклес является вполне жизнеспособным объединением, играющим весьма значительную роль в местном промышленном хозяйстве и вместе с тем имеющим и государственное зачение, как поставщик внегубернских рынков Республики, а потому какие-либо коренные изменения в его организационной структуре комиссия полагает нецелесообразными»[2].

---

[1] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 29.
[2] УОГА, ф. 200, оп. 2, ед. хр. 1584, л. 62.

В 1923 году начинается восстановление предприятий силикатной промышленности губернии. Если в сезон 1922 года работало всего два завода: кирпичный завод № 1 за р. Волгой и меломольный завод в Шиловке, то в 1923 году уже работало шесть заводов: четыре кирпичных завода, один завод огнеупорного кирпича и один меломольный завод. Следовательно, за один год было восстановлено четыре предприятия силикатной промышленности.

Вместе с тем предприятия силикатной промышленности испытывали большие трудности: изношенность оборудования составляла 10—15 процентов, почти все здания нуждались в серьезном ремонте, топливо получалось с большими перебоями, спрос на продукцию был незначителен. Поэтому предприятия не выполняли свои производственные программы. Кирпичный завод № 1 должен был выработать 800 тысяч штук строительного кирпича по себестоимости семь золотых рублей за тысячу, а в действительности выработал 500 тысяч штук по 15 рублей за тысячу. Меломольный завод должен был выработать 120 тысяч пудов молотого мела по девять золотых копеек за пуд и 50 тысяч комового мела по пять копеек за пуд, а фактически выработал 43 тысячи пудов молотого мела и 15 тысяч пудов комового мела. Это составляло всего 35 процентов производственной программы.

Представление о характере, размерах, технической оснащенности и производительности кирпичных заводов губернии того периода дает описание одного из кирпичных **заводов № 1 за р. Волгой.** Завод был основан в 1914 году. Он был оборудован кирпичеделательной машиной с глиномялкой на 20 тысяч штук кирпича суточной производительности при условии работы в две смены, гофманской печью с шестнадцатью камерами и локомобилем Ланца в 70 лошадиных сил. Износ оборудования составлял в среднем 30 процентов. На заводе работало 20 рабочих и 5 служащих.

Комиссия Губсовнархоза по пересмотру предприятий местной промышленности сделала вывод о том, что предприятия силикатной промышленности являются жизнеспособными и что им необходимо дать возможность развиваться, оказывая им большую помощь[1].

В крайне тяжелых условиях восстанавливалась винокуренная промышленность губернии.

До империалистической войны в губернии работало 76 винокуренных заводов. С 1917 года винокуренная промышленность была обречена на бездействие. В 1919—21 гг. было отремонтировано и пущено в ход 19 винокуренных заводов. Неурожай и голод помешали дальнейшему развитию этой отрасли промышленности. В 1921—22 гг. работал только один Дурасовский винзавод с крайне низкой загрузкой. В июле 1922 года был создан Симбирский спиртотрест, в состав которого было включено 39 винокуренных заводов. Но в связи с тем, что освоить все заводы не было возможности, в декабре 1922 года по просьбе треста количество заводов было сокращено до шестнадцати.

В 1923 году из шестнадцати винокуренных заводов работало только шесть.

На 1 апреля 1923 года основной фонд винокуренных заводов составлял 21.325.975 рублей, а оборотный фонд — 1.390.712 рублей в дензнаках 1923 года.

Производственное задание 1922—23 гг. не могло быть выполнено вследствие того, что винзаводы были обеспечены картофелем только на 60 процентов.

Приказом ВСНХ от 20 июля 1923 года Симбирский спиртотрест был

---

[1] УОГА, *ф. 200, оп. 2, ед. хр. 1584, л. 115.*

ликвидирован, а винокуренные заводы были переданы в ведение уполномоченного Госспирта по Симбирской губернии[1].

По линии текстильной промышленности в 1923 году работало 11 фабрик, на которых было занято 6902 рабочих. Текстильные фабрики выработали в 1923 году 2886 тысяч аршин сукна. Текстильная промышленность занимала ведущее место в губернии по сравнению с другими отраслями промышленности[2].

Успехи в восстановлении губернской промышленности в 1923 году выразились в увеличении объема продукции по сравнению с 1922 годом.

Предприятия текстильной промышленности выработали в 1923 году на 150 тысяч аршин сукна больше, лесопильные заводы распилили на 400 тысяч кубических сажен дерева больше, бумагоделательная промышленность выработала на 18 тысяч пудов больше бумаги, чем в 1922 году[3].

В 1923 году было сдано в аренду 68 промышленных предприятий, в том числе 26 лесопильных заводов, 25 крахмало-паточных и 6 кожевенных заводов. Государство еще не было в состоянии своими силами пустить в ход все предприятия, поэтому и в 1923 году оно продолжало сдавать в аренду мелкие и нерентабельные предприятия[4].

В целях лучшей организации работы промышленных предприятий, губком РКП(б) и губисполком созвали в июле 1923 года губернский съезд директоров промышленных предприятий. В работе съезда приняли участие 38 директоров и управляющих фабриками, 36 спецов, 11 работников профсоюзов. Основное внимание съезд направил на практическое осуществление постановлений XII съезда партии в области развития промышленности.

Съезд высказался за предоставление заводам большей самостоятельности и расширение их прав и полномочий, указал конкретные пути уменьшения накладных расходов и установления прочной и деловой связи промышленных предприятий с губернским торговым органом[5].

На этом съезде директора предприятий высказали ряд ценных предложений, направленных на улучшение работы губернской промышленности.

Представитель губкома РКП(б), приветствуя съезд, говорил: «Губком прислушивается к вашему голосу командиров в хозяйственной области, директоров — в решении вопросов «восстановления нашего хозяйства»[6].

Говоря о первых успехах в восстановлении губернской промышленности в 1923 году, следует иметь в виду, что по сравнению с довоенным уровнем промышленность еще сильно отставала.

В 1912 году стоимость губернской фабрично-заводской продукции составляла 22.390.700 довоенных рублей, а в 1923 году было произведено продукции на сумму в 6.745.200 рублей, т. е. было выработано только 30 процентов объема довоенной продукции[7].

Следует отметить, что государственная промышленность губернии возрождалась медленнее, чем арендная и кустарная. В 1923 году основную массу товаров для удовлетворения спроса крестьян губернии производили кустари и ремесленники. Крестьяне покупали продукцию предприятий ГСНХ только на 34 процента своего бюджета, а на 66 процентов бюджета крестьяне покупали продукцию у кустаря и ремесленника.

---

[1] УОГА, ф. 200, оп. 2, ед. хр. 1584, л. 115.
[2] УОГА, ф. 200, ед. хр. 1463, л. 215.
[3] «Пролетарский путь», 7.II.1923 г.
[4] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 29.
[5] Отчетный сборник Симбирского губкома РКП(б), Симбирск, 1924, стр. 29.
[6] «Пролетарский путь», 15.VII.1923 г.
[7] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 29.

XIII губернский съезд Советов в резолюции «О положении промышленности» указал на необходимость усиления концентрации производства на наилучше оборудованных предприятиях и обеспеченных сырьем, рабочей силой, топливом и сбытом, ликвидации лишних расходов по заготовке сырья, топлива и пр., уменьшения накладных расходов, улучшения организации труда и повышения норм выработки, направления производства в сторону доступной для покупателя продукции[1].

* * *

Успехи в восстановлении промышленности и сельского хозяйства свидетельствовали о том, что осуществляется важнейшая задача партии и Советского правительства — создание экономического союза пролетариата и крестьянства, смычки города с деревней, национализированной промышленности и крестьянского хозяйства.

«Только правильное решение вопросов, возникающих в области отношений рабочего класса и крестьянства, — говорится в решении XIII конференции РКП(б),—способно окончательно укрепить экономическую основу диктатуры пролетариата и обеспечить ее от каких-либо потрясений»[2].

Укрепление позиций государственной и кооперативной промышленности в борьбе с частнокапиталистическим сектором, увеличение производства промышленных продуктов, идущих на снабжение крестьянского хозяйства, способствовали укреплению смычки между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой, между пролетариатом и крестьянством.

Важнейшим каналом, через который осуществлялась непосредственная смычка национализированной промышленности и крестьянского рынка, была торговля.

В 1923 году, впервые с начала введения новой экономической политики, в Советской стране с особой силой и в большом масштабе развернулась борьба между социалистическими и частнокапиталистическими элементами внутри народного хозяйства.

Вопросы о смычке и торговле встали практически и потребовали немедленного их разрешения.

Разгорелась та отчаянная борьба не на жизнь, а насмерть между социализмом и капитализмом, о которой предупреждал Ленин еще на XI съезде партии.

Эта борьба разгорелась, главным образом, по двум линиям: по линии торговли между городом и деревней и по линии кредита, главным образом, в деревне[3].

К началу 1924 года оказалось, что частный капитал внедрился не в производство, а в торговлю, где он захватил в свои руки 80 процентов всей розничной торговли и около 50 процентов всей оптово-розничной торговли страны.

В деревне кредит полностью оказался в руках кулаков и ростовщиков, которые поставили в зависимость от себя маломощных крестьян. Кулак, купец и ростовщик, вклинившись между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, затрудняли установление смычки между городом и деревней, мешали упрочению союза рабочего класса и крестьянства.

В Симбирской губернии наблюдалась аналогичная картина. Кулаки пытались всяческими путями закабалить маломощных крестьян. Об

---

1 УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 43.

2 КПСС в резолюциях и решениях.., ч. 1, 1953, стр. 786.

3 И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 243.

этом свидетельствуют многочисленные жалобы бедняков в органы Советской власти.

Характерным в этом отношении является письмо бедняка села Мордово-Белого, Карлинской волости, Карсунского уезда, опубликованное в газете «Пролетарский путь» 20 июля 1923 года.

Хотя бедняк, сообщается в письме, и имеет одинаковое количество земли с кулаком, но засеять и обработать эту землю бедняку нечем, ибо на 300 дворов имеется всего 125 лошадей, которые сосредоточены, главным образом, в кулацких хозяйствах. Поэтому землей бедноты пользуются кулаки. Обладая большей экономической силой и влиянием и осуществляя различные махинации, кулак фактически платит меньше налогов, чем бедняк.

В заключение автор письма просит Советскую власть защитить бедноту от кулака, пресечь его ростовщическую и мошенническую деятельность.[1]

Анализ материалов классового расслоения деревни Сызранского уезда в 1923 году дает следующую картину: беднота составляла 35 процентов, середняки—60 процентов, кулаки—5 процентов. Но эти 5 процентов кулаков захватили в 1923 году в свои руки девять из десяти тысяч распределенных лошадей среди крестьян уезда. Усилившись экономически, кулаки пытались поставить в зависимость бедноту.

Еще более разительные факты имели место в Симбирском уезде. Нередко кулаки, имевшие несколько лошадей и до десяти десятин земли, обрабатывали исполу тридцать пять и более десятин земли бедняков. Такие сделки нигде не регистрировались, а налог за землю полностью платили бедняки. По своей несознательности многие бедняки не были в состоянии разоблачить такую скрытую форму эксплуатации кулаками маломощных крестьян. Под нажимом кулаков, крестьяне Нагаткинской и Тимерсянской волостей, во время выборов в сельсоветы, отвергли кандидатов в председатели некоторых сельсоветов — бедняков потому, что они не имели «ни кола, ни двора»[2].

Против Советской власти кулачество в этот период применяло следующие формы борьбы: аренду земли маломощных крестьян и заключение скрытых кабальных сделок, что способствовало выплате кулачеством меньшего количества продналога, кроме того, сам засев в аренду являлся одним из способов сокрытия пашни; наращивание капитала путем обхода законов о трудовом землепользовании и нарушение этих законов; попытки использовать перевыборы селькомов и волкомов для того, чтобы пролезть в органы Советской власти и тем самым создать себе благоприятные условия для саботирования законов и декретов Советской власти.

По мере некоторого усиления своих экономических позиций в первый период НЭПа, кулачество разнообразит формы классовой борьбы против Советской власти, пытается использовать все щели для того, чтобы пролезть через них и широко распахнуть дверь для развития капитализма, для тогс чтобы сорвать налаживающуюся смычку между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, чтобы помешать социалистическому строительству.

Частный капитал Симбирской губернии вторгся и в торговлю, занял там прочные позиции и развернул бой против социалистических элементов. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Во втором полугодии 1922—23 гг. частный капитал губернии держал

---

[1] «Пролетарский путь», 20.VII.1923 г.
[2] УОПА, ф. I, св. 62, ед. хр. 900, л. 10.

в своих руках 59,7 процента предприятий оптовой торговли и 73,8 процента розничной торговли[1].

Следовательно, в области оптовой торговли частный капитал в губернии владел на 10 процентов большим количеством предприятий, чем в масштабе всей страны.

Создавшееся положение в области торговли потребовало от партии и Советской власти решительных и действенных мер для пресечения роста удельного веса частного капитала в торговле и в области кредита в деревне. Такие меры были приняты XIII партийной конференцией и XIII съездом партии.

Задача вытеснения частного капитала из торговли и кредита не могла быть решена без серьезного укрепления и развития кооперации всех видов. Только путем развития кооперации можно было вытеснить частный капитал из торговли и создать прямую связь между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, укрепить экономический союз рабочего класса и крестьянства. Задача социалистического строительства не могла быть решена без борьбы за осуществление ленинского кооперативного плана.

В 1923 году партийные и советские органы стали еще более конкретно заниматься вопросами расширения и улучшения работы деревенской и городской кооперации.

Укрепление и рост кооперации в деревне преследовали две цели: во-первых, освободить бедноту и середняков от кулацкой, спекулянтской и ростовщической кабалы и, во-вторых, вовлекая крестьянские массы в кооперативную самодеятельность, научить их коллективному хозяйствованию. Задача деревенской кооперации заключалась не только в том, чтобы дать крестьянскому хозяйству дешевый товар, организовать его как потребителя, но и организовать его, как производителя. Надо было одновременно развивать и укреплять и потребительскую и производственную кооперацию.

К февралю 1923 года в губернии имелось 43 сельскохозяйственных производственных кооператива, объединявших 537 крестьянских хозяйств, 28 сельскохозяйственных коллективов, объединявших 252 хозяйства, 17 кредитных товариществ, объединявших 1203 крестьянских хозяйства и 22 универсальных товарищества, объединявших 1276 хозяйств.

Всего в системе Губсельпромсоюза в начале 1923 года имелось 429 кооперативных объединений, охватывавших 11873 сельских хозяйства[2].

Задачу укрепления и расширения кооперации нельзя было решить, не подобрав и не укрепив руководящие кооперативные кадры. Поэтому в 1923 году губернские партийные и советские органы уделили большое внимание делу подбора кадров в кооперации, подготовке и проведению губернских кооперативных съездов.

В феврале 1923 года происходил губернский съезд Интегралсоюза, переименованный в Губсельпромсоюз. На съезд прибыл представитель Всероссийского сельскохозяйственного союза некая Войнова — деятель эсеровского толка. Войнова пыталась протащить в состав правления Губсельпромсоюза эсеровски настроенных людей, но бдительность партийных организаций сорвала эту эсеровскую попытку. В составе делегатов съезда имелось сильное партийное ядро. Если на губернском съезде в 1922 году из 120 уполномоченных было 22 коммуниста, то в 1923 году из 160 уполномоченных было 42 члена партии. На съезде было

---

[1] УОПА, ф. Симб. Губкома РКП(б), св. 103, ед. хр. 1345, л. 5

[2] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 41.

избрано новое правление Губсельпромсоюза, в которое вошли работоспособные и преданные Советской власти люди[1].

На съезде было принято решение о том, чтобы Симбирский Губсельпромсоюз вступил в число членов Всероссийского сельскохозяйственного и кустарно-промыслового союзов.

В декабре 1923 года состоялся губернский съезд сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации, на котором были приняты решения, направленные на улучшение работы кооперации. В резолюции съезда было записано, что «в уничтожении разрыва между хозяйством города и деревни кооперация должна сыграть самую активную, передовую роль»[2].

В июле 1923 года был созван съезд потребительской кооперации. 7 июля в Симбирске состоялось торжественное заседание, посвященное международному дню кооперации, на котором были заслушаны доклады: «Международный день кооперации», «История городской кооперации», «Участие профсоюзов и хозорганов в кооперации».

Проведенные в 1923 году кооперативные съезды свидетельствовали, во-первых, о том, что партийные и советские органы губернии значительно лучше стали заниматься делом развития и укрепления кооперации и, во-вторых, что улучшился состав руководящих кооперативных кадров.

Работа кооперации в 1923 году усложнилась в связи с переходом на добровольное членство. Среди населения была проведена большая разъяснительная работа относительно добровольного членства в кооперации и решений 9-й сессии Совета Центросоюза. Во время проведения паевой кампании было создано три новых потребительских общества и возрождено два ЕПО. В результате паевой кампании оборотные средства по 20 ЕПО увеличились на 900 золотых рублей[3].

К концу 1923 года в губернии имелось: 60 многолавок, 24 однолавки, 117 отделений и 11 рабочих кооперативов[4].

Для удовлетворения острых нужд деревни и укрепления смычки города с деревней Губсельпромсоюз в 1923 году закупил в Сибири 2706 лошадей, в том числе и племенных производителей, создал ряд случных и прокатных пунктов, приобрел и распределил сельскохозяйственные машины и орудия среди крестьян, взял в аренду Жадовский канатнопрядильный и Ключищенский картофелепаточный заводы, одну писчебумажную фабрику и приобрел в собственность одну механическую мельницу[5].

Укреплялись производственные сельскохозяйственные кооперативные объединения.

Вместе с тем и деревенская и городская кооперация всех видов была еще очень слаба. Губернские партийные конференции, кооперативные съезды отмечали эту слабость в своих решениях и принимали меры к улучшению работы кооперации.

Важнейшее значение в решении задач по восстановлению народного хозяйства, по созданию экономического союза рабочих и крестьян, имела работа профсоюзов.

* * *

В 1923 году профсоюзы, как и прежде, основное свое внимание сосредоточивали на мобилизации рабочего класса по восстановлению хозяйства и по осуществлению мероприятий, направленных на подъем благосостояния трудящихся.

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 23.
[2] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 900, л. 40.
[3] Там же, л. 38.
[4] УОПА, ф. 1, св. 60, ед. хр. 885.
[5] «Пролетарский путь», 1.XII.1923 г.

1922 год дал значительное уменьшение численности членов профсоюзов вследствие закрытия ряда производств и сокращения штатов на оставшихся. На 1 января 1922 года в союзах числилось 80 992 человека, а на 1 января 1923 года — 39256 человек, т. е. количество членов уменьшилось более чем на 50 процентов.

В 1923 году, в связи с вводом в строй некоторых промышленных предприятий, количество членов профсоюзов увеличилось на 4336 человек и на 1 января 1924 года в губернии уже насчитывалось 43492 члена профсоюзов.

Всего в губернии имелось 22 профсоюза. Основная масса членов входила в состав профсоюзов обрабатывающей промышленности и транспорта.

О направлении работы профсоюзов можно судить по характеру вопросов, обсуждавшихся на пленумах и президиумах ГСПС. Из 55 вопросов, обсужденных на пленумах ГСПС, 20 вопросов организационных, 28 вопросов тарифно-экономических и 6 вопросов культурно-просветительных. Из 310 вопросов, обсужденных на Президиуме ГСПС, 124 вопроса тарифно-экономических, 115 вопросов организационных, 50 вопросов культурно-просветительных, 22 вопроса хозяйственных и 5 вопросов разных.

Таким образом, основное внимание было уделено разрешению тарифно-экономических вопросов и значительно больше, чем прежде, профсоюзы стали заниматься культурно-просветительными делами.

В течение 1923 года было проведено 18 губернских съездов различных профсоюзов и 2 губконференции, которые прошли под знаком углубления практической работы союзов и улучшения работы производств. Делегаты съездов и конференций принимали активнейшее участие в обсуждении поставленных вопросов.

По сравнению с 1922 годом профработа значительно оживилась, стала более целеустремленной и конкретной.

Осуществляя решения VII губернского съезда профсоюзов, состоявшегося в марте 1923 года, союзы стали переходить на персональное взимание членских профвзносов. К концу года персональным взиманием членских взносов было охвачено 86 процентов всей членской массы союзов.

Еще в 1922 году профсоюзы никакой работы среди безработных не вели. В 1923 году среди безработных работа проводилась путем втягивания их в посещение общих собраний безработных, путем их регулярной явки в союз для обязательных отметок и посредством получения ими из союза материальной помощи из фондов взаимопомощи или фондов безработных.

Слабее всего профработа была поставлена в деревне. Союз Всеработземлеса, насчитывавший 2948 членов, почти не влиял на своих членов. Это обстоятельство вынужден был признать пленум ГСПС, состоявшийся в феврале 1924 года.[1]

Таким же слабым местом была работа профсоюзов на частных предприятиях. На 1 января 1924 года в губернии числилось 29 действующих частных промышленных предприятий, на которых были заняты 531 рабочий и служащий и 670 работающих было занято в частных торговых заведениях. Кроме того, по всей губернии насчитывалось 2 тысячи батраков, работавших у кулаков.[2]

---

[1] Материалы VIII Симбирского губернского съезда профессиональных союзов 29.III.—2.IV.1923 г., Симбирск, 1924 г.

[2] Там же.

Частные предприятия были разбросаны по всей губернии. На каждом из них работало небольшое количество рабочих и поэтому профсоюзы часто не «доходили» до этих групп рабочих.

Важнейшее место в работе профсоюзов занимали вопросы тарифно-экономической политики.

За два года профсоюзы накопили достаточный практический опыт в деле заключения коллективных договоров. По сравнению с 1922 годом возросло количество договоров и число охваченных ими рабочих и служащих. Союзы усвоили методы договорных взаимоотношений с хозорганами.

Договорная работа союзов шла в двух направлениях: заключение локальных коллективных договоров и проведение их в жизнь и осуществление генеральных коллективных договоров.

По неполным данным, к концу 1923 года число охваченных договорами рабочих и служащих в губернии составляло 58 процентов. При этом лучше всего обстояло дело с заключением коллективных договоров на государственных предприятиях. В первой половине 1923 года сроки коллективных договоров обычно устанавливались на 3 месяца, к концу года типичным стал срок в 6 месяцев, а в отдельных случаях и 12 месяцев (профсоюз бумажников).

Проекты коллективных договоров обсуждались на широких рабочих собраниях при большой активности рабочих. Наиболее обстоятельно и систематически предварительное обсуждение колдоговоров было поставлено в союзах текстильщиков и металлистов.

Центральное место в коллективных договорах занимал вопрос о зарплате, установление которой требовало учета материальных возможностей хозорганов. За год договорная заработная плата значительно выросла. Если средняя зарплата по 1-му разряду составляла в апреле 1923 года 47 процентов стоимости бюджетного набора, то в январе 1924 года — 72 процента, т. е. увеличилась более чем в полтора раза.

Форма заработной платы была, в основном, денежная и только лишь Суктрест вследствие хронических финансовых затруднений выплачивал зарплату сукном.

Между заработной платой, обусловленной договорами и фактически получаемой рабочими и служащими существовала разница вследствие непостоянства курса совзнаков. Рабочие и служащие теряли на курсовой разнице от 16 до 24 процентов зарплаты.

Партия и правительство совместно с профсоюзами принимали все меры к тому, чтобы обеспечить трудящихся реальной зарплатой полностью: на хозорганы накладывался определенный процент пени, обусловленный колдоговором, в случае несвоевременной выплаты заработной платы.

Большим недостатком в области зарплаты был разнобой в результате большого количества тарифных сеток. В июле 1923 года в профсоюзах губернии применялось 15 различных тарифных сеток. Были проведены мероприятия по их сокращению. К концу 1923 года оставалось 8 тарифных сеток, а с января 1924 года применялось только три.

Единицами исчисления заработной платы по договорам были: местный товарный рубль, бюджетный набор Госплана и червонный рубль. До проведения денежной реформы преобладающей единицей был бюджетный набор (61,3 проц.), а с января 1924 года все большее распространение стало получать червонное исчисление.

Трудности 1923 года серьезно усложнили работу профсоюзов. Профсоюзы губернии провели большую работу по защите прав рабочих и служащих, по улучшению их материального положения.

Значительную роль сыграли профсоюзы в разрешении конфликтных дел между рабочими и хозорганами. Разрешением конфликтов занимались РКК и третейские суды.

За год качество работы РКК заметно выросло, но, как было отмечено на межсоюзной городской конференции рабочей части РКК, состоявшейся в марте 1924 года, в работе РКК имелись серьезные недостатки: рабочие — члены РКК слабее администраторов знали трудовое законодательство и недостаточно активно защищали интересы рабочих и служащих.

В течение 1923 года профсоюзные организации губернии разобрали 271 конфликт, главным образом, с небольшим количеством участников (2—3 человека в среднем). 86 процентов конфликтов возникло по вопросам заработной платы. Из 271 конфликта в пользу рабочих было разрешено полностью 104, частично — 57 конфликтов. Следовательно, в большинстве случаев, профсоюзы добивались разрешения спорных вопросов в пользу рабочих.

Профсоюзы вели большую разъяснительную работу в связи со вспыхивавшими на почве трудностей забастовками.

На протяжении 1923 года в губернии возникло три забастовки рабочих. В марте происходила однодневная забастовка на металлическом заводе, охватившая 1500 рабочих. Причиной её послужило недовольство введением расширенной тарифной сетки на квалифицированных рабочих без распространения ее на низшие разряды. Забастовка была прекращена после проведенной профсоюзами разъяснительной работы.

С 3 июня до 7 августа длилась забастовка рабочих и служащих ресторанов города Симбирска. Забастовка была объявлена профсоюзом Нарпитания с требованием повышения заработной платы с 50—60 процентов бюджетного набора до 80 процентов для 1-го разряда. В результате забастовки, длившейся 34 дня, была установлена зарплата в размере 70 процентов набора для 1-го разряда.

31 августа произошла однодневная забастовка грузчиков в г. Сызрани без санкции профсоюза. Было выставлено требование о повышении заработной платы и соблюдения сроков ее выплаты. Забастовка была улажена вмешательством союзных органов.[1]

Борясь за улучшение материального благосостояния рабочих, профсоюзы руководили делом социального страхования, охраной труда, улучшением питания, медицинского обслуживания и жилищных условий трудящихся, организовывали помощь безработным.

В течение года Президиум и Пленум ГСПС периодически заслушивали отчетные доклады Губсоцстраха. Кампания по перевыборам страховых касс происходила при непосредственном участии профессиональных союзов.

В области охраны труда профсоюзы работали в тесном контакте с органами государственной охраны труда. В первой половине года при ГСПС существовали Пленумы по охране труда, но постепенно они утратили свое практическое значение и были заменены союзными совещаниями с представителями от охраны труда. Положительно показал себя, созданный при союзах, институт ассистентов инспекции труда. Ассистенты осуществляли эффективный контроль за выполнением норм по охране труда на мелких предприятиях и тем самым, давали возможность инспекции труда сосредоточиться в основном на средних и крупных предприятиях.

В 1923 году профсоюзы организовали два дома отдыха для рабо-

---

[1] Материалы VIII Симбирского губернского съезда профессиональных союзов 29.III—2.IV.1924 г., Симбирск, 1924 г., л. 13—14.

чих, в которых отдыхало 300 человек. Кроме того, союз текстильщиков добился через свой хозорган аренды 20 курортных мест. При непосредственной помощи союза текстильщиков на Румянцевской фабрике были оборудованы и открыты общественная столовая и хлебопекарня, на Языковской фабрике — хлебопекарня и на Екатериновской фабрике — прачечная.

По ходатайству профсоюзных организаций Губисполком ввел для членов союза льготный тариф на электрическое освещение в количестве 100 лампочек по 25 свечей каждая и на воду в количестве 1000 талонов.[1]

К концу 1923 года в губернии имелось 9538 безработных, из них членов профсоюзов — 5566 человек, что составляло 12,8 процента ко всей численности профсоюзов. Для полной ликвидации безработицы не было никаких реальных возможностей. Предполагавшиеся крупные общественные работы не могли быть проведены по недостатку средств. Профсоюзы оказывали материальную помощь безработным за счет фондов взаимопомощи и специальных фондов безработных. Совместно с биржей труда из безработных было создано несколько рабочих коллективов: сапожные, столовые, хлебопекарни и др. В общем же помощь безработным была недостаточной.

Заметно оживилось культурное обслуживание трудящихся. В 1923 году функционировало 35 профсоюзных клубов, из них 11 в Симбирске, которые лучше стали обслуживать запросы рабочих. Серьезное внимание уделялось ликвидации неграмотности. В апреле месяце было 2827 неграмотных членов союза. Для улучшения работы по ликвидации неграмотности профсоюзы совместно с Губполитпросветом создали 52 ликпункта, начавшие функционировать с сентября месяца и охватившие всех неграмотных — членов профсоюзов.

Профсоюзы конкретнее стали заниматься профтехническим образованием: комплектованием техникумов и фабзавучей, обследованием состояния учебного процесса, быта и внешкольной работы, профпропагандой.

Профсоюзы приняли активное участие в проведении политических кампаний: Первое мая, демонстрации протеста в связи с нотой Керзона, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, комсомольское рождество и др. Во время проведения комсомольского рождества по всем клубам проводились митинги, собрания с постановкой антирелигиозных докладов, демонстрировались диапозитивы.[2]

Итак, в 1923 году губернские профсоюзы под руководством партийной организации значительно эффективней, чем в предыдущие годы, работали среди трудящихся масс по осуществлению задач, связанных с восстановлением народного хозяйства. Они сыграли большую роль в деле ликвидации хозяйственных и политических трудностей.

В 1923 году для Советского Союза создались серьезные внешнеполитические трудности.

Между империалистическими государствами обострились противоречия и, как обычно, они попытались разрешить эти противоречия за счет Советского Союза. Правящие круги капиталистических стран провели ряд провокационных мероприятий, чтобы при помощи угрозы войны заставить Советский Союз капитулировать.

В июле месяце на Лозаннской конференции была подписана конвенция о режиме проливов Босфор и Дарданеллы, установившая свободный проход торговых и военных судов в любое время. Лозаннская кон-

---

[1] Материалы VIII Симбирского губернского съезда профессиональных союзов 29.III—2.IV.1924 г., Симбирск, 1924 г., л. 13—14.

[2] Там же.

венция, которую представители Советского Союза не подписали, угрожала безопасности Черноморского побережья СССР.

8 мая 1923 года консервативное правительство Англии предъявило СССР так называемый «ультиматум Керзона». Используя вымышленные сведения и подложные документы, Керзон обвинил Советское правительство в антибританской пропаганде в Персии, Афганистане, Индии и потребовал отозвания советских дипломатических представителей из этих стран. Керзон предъявил еще ряд требований и предложил удовлетворить английские претензии в десятидневный срок, грозя в противном случае разрывом англо-советских отношений.

10 мая в Лозанне был злодейски убит выдающийся советский дипломат В. В. Воровский. У северных берегов СССР появилась английская канонерка.

Все эти антисоветские, провокационные акты, осуществленные империалистами, вызвали возмущение советского народа и трудящихся капиталистических стран.

Твердая позиция, занятая Советским правительством, возмущение трудящихся Европы провокациями империалистов, внутренняя слабость империализма и упрочение Советской власти — вот причины, объясняющие провал попыток империалистов изолировать СССР и спровоцировать на него нападение.

Наряду с внешнеполитическими, Советское государство переживало большие внутриполитические и хозяйственные трудности.

Создавшиеся трудности к осени 1923 года выразились в кризисе сбыта. Создалось расхождение между непомерно высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Промышленность не смогла в момент реализации урожая сбыть свои товары крестьянству менее платежеспособному, чем городской потребитель. Крестьянство же не нашло достаточно широкого внутреннего и внешнего рынка для выгодной продажи хлеба.

В сентябре 1923 года общий уровень розничных цен на продукты сельского хозяйства в стране составлял лишь 58 процентов довоенного уровня, в то время как цены на промышленные товары по отношению к тому же уровню достигли 187 процентов.

К зиме 1923 года только в системе Симбгубсоюза лежало на складах без движения 150 тысяч кубических футов продукции лесопильных заводов и до 400 пудов кожевенной продукции.[1]

Промышленная продукция была очень дорогой и поэтому крестьянство, получая за хлеб очень низкую плату, не имело возможности покупать промышленные товары.

Рассмотрение движения цен в Симбирской губернии дает представление о процессе расхождения цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты.

Еще в марте 1922 года цены на сельскохозяйственные продукты выросли по сравнению с январем 1922 года в 2,9 раза и повышались до июня месяца. В июне — октябре цены стабилизировались, а с ноября началось резкое повышение цен. К 1 ноября 1923 года цены на продукты сельского хозяйства увеличились по сравнению с январем 1922 года в 1543 раза.

Что же происходило с ценами на продукты промышленности?

С января по июль 1922 года цены на промышленные продукты возрастали равномерно, отставая от цен на сельскохозяйственные продукты. К августу 1922 года цены на промышленные товары обогнали цены на сельскохозяйственные продукты и с того времени стали резко повышать-

[1] УОПА, ф. 1, ед. хр. 900, св. 62, л. 39.

ся. К 1 января 1923 года цены на промышленные товары превышали январские цены 1922 года в 103,4 раза. Затем рост цен на промышленные товары замедляется до июля 1923 года, а уже к ноябрю месяцу промышленные товары оказались дороже, чем в январе 1922 года в 7939 раз.

Цены на промышленные товары росли в 1923 году значительно быстрее, чем цены на сельскохозяйственные продукты. Если цена ржаной муки выросла к 1 ноября 1923 года по сравнению с январем 1922 года в 937 раз, то цена простых сапог выросла в 8823 раза, ситца — в 7000 раз, сукна — 40000 раз.[1]

На 3 декабря 1923 года рыночные цены в Сенгилеевском и Ардатовском уездах Симбирской губернии были следующие: пуд ржаной муки стоил 875 рублей, пуд пшена — 600 рублей, один аршин ситца стоил 781 рубль, один аршин сукна — 7085 рублей.[2]

Значит, для того чтобы крестьянину купить один аршин сукна, ему надо было продать восемь пудов ржаной муки или почти двенадцать пудов пшена.

Следовательно, данные о движении цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты в Симбирской губернии с весны 1922 по конец 1923 года свидетельствуют о следующем: во-первых, с весны 1922 года начинается быстрый рост цен и на сельскохозяйственные и на промышленные товары; во-вторых, с лета 1922 года цены на промышленные товары обгоняют цены на сельскохозяйственные продукты, а с лета 1923 года цены на промышленную продукцию совершают резкий скачок вверх и оставляют далеко позади цены на продукцию сельского хозяйства.

Хозяйственные затруднения (кризис сбыта), возникшие осенью 1923 года, ничего общего не имели с экономическими кризисами, свойственными капиталистическим странам. Этот кризис сбыта нельзя также уподоблять кризисам бестоварья и бесхлебья, которые наша страна переживала в 1919—1920—1921 годах, ибо количество промышленной и сельскохозяйственной продукции, производимой в государстве в 1923 году, серьезно возросло.

Объективные причины хозяйственных затруднений 1923 года заключались в том, что в Советской стране оказалось несоответствие между темпами восстановления крестьянского хозяйства, с одной стороны, и госпромышленностью — с другой, в условиях свободного товарооборота. Крестьянское хозяйство восстанавливалось быстрее, чем государственная промышленность, для подъема которой требовались большие капиталовложения.

Хозяйственные затруднения 1923 года были результатом еще не ликвидированной разрухи. Промышленность отставала от довоенного уровня, ее рост значительно отставал от роста потребностей страны. Медленный рост промышленности не давал возможности рассосать безработицу. К концу 1923 года в стране насчитывалось свыше одного миллиона безработных.

Обострению кризиса сбыта способствовали: недостаточное развитие торговых отношений между городом и деревней, политика высоких цен синдикатов, высота накладных расходов в промышленности и особенно в области торговли, слабое развитие денежного хозяйства, а также система двух валют, при которой крестьянство наиболее страдало от обесценения совзнаков[3].

Как уже указывалось, во взаимоотношениях между государством и крестьянским хозяйством вклинились купец и ростовщик. Торговля

---

[1] «Пролетарский путь», 28.XI.1923 г.
[2] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 900, л. 2.
[3] КПСС в резолюциях..., ч. 1, 1953, стр. 787.

в 1923 году между городом и деревней оказалась неналаженной и затрудненной. Она развивалась с перебоями ввиду чрезмерных цен на городские изделия, навязанных стране нэпманами и нэпманскими элементами в наших торговых организациях.

В связи с этим советский рубль стал сильно колебаться, ценность его падала. Остановилось развитие кредитных операций. Бывали случаи, когда организации получали кредит в 100 тысяч рублей, а через месяц приходилось платить 300 тысяч рублей.

О сильных колебаниях советского рубля свидетельствуют следующие данные по Симбирской губернии: в сентябре 1922 г. рубль золотом был равен 1 р. 20 к., в октябре — 4 р., в ноябре — 8 р. 41 к., в декабре — 11 р. 30 к., в январе 1923 г. — 17 р. 40 к., в феврале — 20 р. 20 к., в марте — 28 р., в апреле — 44 р., в июне — 77 р. Таким образом, с сентября 1922 года по июль 1923 года бумажный рубль упал в 63 раза[1].

Наличие двух валют, когда в городе уже действовал червонец, а в деревне — неустойчивые денежные знаки, приводило к тому, что крестьяне на этом много теряли, возмущались и не покупали промышленных товаров.

Еще XII съезд партии в резолюции об организации промышленности указал, что темпу развития нашей государственной промышленности поставлены объективные рамки, определяемые состоянием крестьянского хозяйства и что поэтому необходимо тщательное согласование всей хозяйственной политики с уровнем развития крестьянского хозяйства, которое преобладает в стране.

«Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству, — говорится в резолюции XII съезда партии, — было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата и охрана и укрепление которых являются основным условием устойчивости Советской власти, а следовательно, и основной задачей партии»[2].

Но, как указывается в резолюции XIII партконференции, хозяйственные трудности 1923 года показали, что указания партии на роль и значение крестьянского хозяйства и на особенности, вытекающие из задачи осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением, не были в достаточной степени учтены[3].

Здесь мы подходим к выяснению субъективных причин кризиса сбыта 1923 года.

Неправильно применив директиву XII съезда партии о необходимости повышения прибыльности предприятий, многие хозорганы чрезмерно подняли цены на промышленную продукцию. Но так как платежеспособность крестьянского рынка была низкой, то товары остались непроданными, и вместо ожидаемых прибылей предприятия были поставлены перед угрозой сокращения производства и несвоевременной выплаты зарплаты рабочим и служащим.

На извращение директив XII съезда партии хозяйственников толкнул троцкист Пятаков, работавший тогда в ВСНХ и издавший в июле

---

1 «Пролетарский путь», 14.VII.1923 г.
2 КПСС в резолюциях..., ч. 1, 1953, стр. 688.
3 Там же, стр. 787.

1923 года приказ об огромном повышении цен на промышленные товары, якобы для развития индустрии.

Непомерное вздутие цен на промышленные товары объяснялось также недостатками в области организации промышленности: отсутствием экономии в накладных расходах, высокой себестоимости товаров и т. д.

Так обстоит дело с объективными и субъективными причинами хозяйственных трудностей осенью 1923 года.

Серьезные хозяйственные затруднения повлекли за собой политические трудности. Кризис сбыта ударил по материальному положению рабочих и крестьян, проявлявших недовольство этим обстоятельством.

Хозяйственные затруднения вызвали колебания в области заработной платы. Зарплата выдавалась с задержками, за это время деньги обесценивались, а цены на продукты дорожали.

Рабочие низших категорий вследствие такого положения часто даже не имели возможности выкупить выдаваемую фабриками муку.

В этих условиях различные антисоветские элементы пытались будоражить рабочих. На Румянцевской текстильной фабрике Карсунского уезда оживили свою деятельность меньшевики, которые способствовали провалу выборов фабкома.

Такая же обстановка создалась на Екатерининской текстильной фабрике Симбирского уезда. Здесь вражескую работу возглавил некий Лысенков. Эсеровские и меньшевистские элементы выживали с фабрики преданных коммунистов, создали обстановку подхалимства, обывательщины и пьянства среди руководящих работников предприятия и также во время выборов фабкома провалили кандидатуры коммунистов.[1]

Как было установлено на Пленуме Губкома партии, меньшевик Лысенков создал на фабрике враждебную Советской власти группу в составе Клемехина, бывшего полицейского, Лесина, исключенного из РКП(б), Заячникова и др. Эта группа захватила в свои руки ряд руководящих постов на фабрике и вела подрывную работу, направленную против партийной ячейки. Группа Лысенкова была связана с другой враждебной группой, действовавшей в Подкуровской волости, возглавляемой белогвардейцем Беляевым, занимавшим пост заведующего школой.

Борьба этих враждебных групп против Коммунистической партии и Советской власти была проявлением острой классовой борьбы, происходившей в условиях НЭПа.

В условиях создавшихся трудностей, часть наименее устойчивых и закаленных рабочих прибегала к забастовкам. Как уже указывалось выше, летом 1923 года произошли забастовки рабочих и служащих ресторанов города Симбирска и грузчиков Сызрани.

Больше всего недовольства проявлялось крестьянами, которые на различных собраниях и в разговорах между собой высказывали возмущение низкими ценами на сельскохозяйственные продукты и высокими ценами на городские товары.

Политические трудности были обострены выступлением против партии троцкистов, которые пытались использовать создавшиеся трудности для того, чтобы разбить партию, опрокинуть ее руководство и ликвидировать Советскую власть.

Собрав вокруг себя различные антиленинские элементы: троцкистов, децистов, остатки «левых коммунистов» и «рабочей оппозиции», Троцкий

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 25.

состряпал осенью 1923 года платформу 46, а в декабре выступил с письмом «Новый курс».

В этих фракционных документах троцкисты дали извращенную оценку экономического положения в стране и внутреннего состояния партии, предрекая глубокий экономический кризис и гибель Советской власти, внутренний кризис в партии, выдвигая против ЦК партии обвинения в неправильном руководстве. Троцкисты выступили с лозунгом ломки партийного аппарата, противопоставляя партийный молодняк основным кадрам партии и ее Центральному Комитету. Троцкисты обвинили старую ленинскую гвардию партии в перерождении и по существу требовали свободы фракций и группировок в партии.

Своим выступлением троцкисты навязали партии дискуссию. В партийных организациях развернулась ожесточенная борьба. В ходе дискуссии троцкисты были разбиты наголову.

Итоги дискуссии были подведены на XIII партийной конференции, которая в резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» указала, что «...в лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон»,[1]

Резолюция XIII партийной конференции была подтверждена XIII партийным съездом.

Исключительно остро и напряженно протекала борьба с троцкистской оппозицией в партийной организации Симбирской губернии.

Готовя новую атаку против партии, Троцкий заблаговременно готовил и расставлял свои кадры. Еще весной 1923 года на руководящую работу в Симбирскую губернию была направлена группа сторонников Троцкого: Н. Теплов, занявший пост председателя губисполкома, его жена Р. Азарх, ставшая редактором губернской газеты «Пролетарский путь», и В. Орлов, получивший пост председателя Губплана. Эта тройка получила задание сколотить и возглавить в симбирской партийной организации троцкистскую оппозицию[2].

Несколько позже в Симбирск прибыло еще два троцкиста из центра: Ксенофонтов и Гапон, которые принимали участие в дискуссии в Москве и привезли с собой троцкистские клеветнические материалы.

На первом этапе борьбы, троцкистам удалось в ряде партийных организаций губернии ввести в заблуждение многих членов партии. На отдельных партийных собраниях, в том числе в Симбирске, были приняты троцкистские резолюции.

Создавшееся напряженное положение в Симбирской партийной организации вынудило Центральный Комитет партии направить в Симбирск своего представителя для оказания помощи партийной организации в разоблачении и разгроме троцкистской оппозиции.

Решение XIII партийной конференции, осудившее троцкизм, как мелкобуржуазный уклон от марксизма, помощь Центрального Комитета партии имели решающее значение в деле изоляции и разгрома троцкистов в губернской партийной организации.

В феврале 1924 года все уездные и городские партийные организации одобрили решения XIII партийной конференции и осудили троцкистскую оппозицию.

Разгром троцкистской оппозиции внутри губернской партийной организации в ходе дискуссии был настолько сильным, что когда Троцкий, осенью 1924 года, попытался снова атаковать партию, опубликовав свою грязную и клеветническую статью «Уроки Октября», направленную

---

[1] КПСС в резолюциях., ч. 1, стр. 782, 1953.
[2] УОПА, ф. 1, св. 82, ед. хр. 1103, л. 11.

на подмену ленинизма троцкизмом, Ульяновская партийная организация единодушно заклеймила новое антипартийное выступление Троцкого.

XIV губернская партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1924 года в своем решении записала: «Собрание осуждает троцкизм, как течение ничего общего с ленинизмом не имеющее. Выступление Троцкого должно быть осуждено, как новая попытка дезорганизовать партию и нарушить монолитность».[1]

Идейный разгром троцкизма в 1923—1924 годах сыграл большую роль в ликвидации внутренних и внешних трудностей для Советского государства.

Для ликвидации создавшихся трудностей Центральным Комитетом партии и Советским правительством были намечены и осуществлены важные мероприятия. Эти меры были изложены в постановлении Центрального Комитета партии «Об очередных задачах экономической политики», принятом 24 декабря 1923 года, и в решениях XIII партийной конференции.

XIII партийная конференция в своих решениях записала:

«Необходимо в дальнейшем в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком, и тем развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка».[2]

29 февраля 1924 года Совет труда и обороны принял постановление «О снижении розничных цен». Было проведено снижение цен на предметы широкого потребления.

В Симбирской губернии снижение цен началось с 12 октября 1923 года. Уже за первые две недели после снижения цен увеличилась продажа мануфактуры в губернии более, чем в три раза. С 1 по 12 октября было продано 6168 аршин мануфактуры, а с 12 по 24 октября — 19875 аршин.[3]

Для стимулирования продажи большего количества хлеба крестьянством был установлен прием паевого хлеба от многолавок по повышенным ценам. За пуд ржи теперь платили 50 копеек с доставкой за счет Губсоюза.

Были приняты и другие меры по повышению цен на сельскохозяйственные продукты и улучшению организации кредита крестьянству. С этой целью по постановлению II Всесоюзного съезда Советов в феврале 1924 года был учрежден Центральный сельскохозяйственный банк.

Для создания устойчивой валюты была проведена денежная реформа.

Были намечены меры по упорядочению выдачи рабочим зарплаты и сокращению безработицы.

Для улучшения государственной и кооперативной торговли и вытеснения из нее частников и спекулянтов был создан Народный Комиссариат внутренней торговли Союза ССР и соответствующие наркоматы в союзных республиках.

Вследствие принятых партией и правительством мер хозяйственные трудности были в основном преодолены к середине 1924 года. Стало улучшаться положение рабочих и крестьян, укреплялся союз рабочего класса и крестьянства.

В 1923 году продолжалась работа по укреплению органов Советской власти.

Осуществляя указания Ленина и решения XII съезда, партия на-

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 81, ед. хр. 1094, л. 10.
[2] КПСС в резолюциях .., ч. 1, 1953, стр. 790.
[3] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 900, л. 39.

правляла свои усилия на укрепление госаппарата и улучшение его работы. Некоторые успехи были достигнуты в смысле увеличения количества коммунистов, работавших в руководящих советских и промышленных органах. В высших советских учреждениях страны насчитывалось 83 процента коммунистов, а в промышленных органах (трестах, синдикатах) — 47 процентов коммунистов.

В Советах была следующая картина: в сельских советах было 6 процентов коммунистов, в волисполкомах — 39 процентов, в уисполкомах — 80 процентов, в губисполкомах — 90 процентов.

Таким образом в руководящих советских и промышленных органах уже имелось большое коммунистическое ядро, которое было в состоянии обеспечивать проведение директив и указаний партии, оказывать влияние и вести за собой беспартийных работников.

Однако решения XII съезда партии, связанные с улучшением работы госаппарата выполнялись плохо. Государственный аппарат продолжал оставаться громоздким, дорогим и в значительной части бюрократичным.

В своем докладе на XIII съезде партии И. В. Сталин на ярких цифрах показал, что аппарат в 1923 году насчитывал огромное количество людей, не занятых в сфере материального производства. Только в Наркоматах насчитывалось 1500 тысяч служащих.[1]

На XIII съезде Советов Симбирской губернии приводились многочисленные примеры излишеств в различных аппаратах, наличия бюрократизма и засоренности отдельных учреждений. В своем решении съезд записал: «Продолжать работу по сокращению и укреплению советского аппарата».[2]

С целью улучшения работы местных органов Советской власти и обмена опытом работы, в губернии был проведен конкурс на лучшего председателя волостного исполнительного комитета.

В течение нескольких месяцев на страницах губернской газеты публиковались статьи о работе различных волостных исполнительных комитетов, в которых детально описывались их положительные дела. Конкурс закончился к 1 ноября 1923 года. Конкурсная комиссия присудила восьми лучшим председателям волостных исполнительных комитетов премии. Итоги конкурса также были широко освещены на страницах газет. Конкурс способствовал оживлению работы местных органов Советской власти.

Зимой 1923 года в губернии была проведена кампания по перевыборам Советов.

В выборах сельских Советов крестьянство приняло слабое участие. Из 1591000 человек сельского населения в выборах участвовали только 186061 человек, или 11 процентов. К сожалению, мы не располагаем данными о том, какое количество сельского населения имело права голоса. Из 1 миллиона 407 тысяч человек должно было примерно голосовать 900 тысяч. Таким образом, можно считать, что в выборах принимало участие приблизительно 26 процентов крестьян.

Выборы сельских Советов происходили в условиях ожесточенной классовой борьбы. На основе Конституции от выборов было отстранено 5496 человек, главным образом кулаков.

Кулачество пыталось любыми методами провалить выборы, провести в сельские Советы своих ставленников или самим пролезть в Советы.

В ряде мест кулакам удалось осуществить свои цели.

---

[1] И. Сталин. Соч., т. 6, стр. 198.
[2] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 40.

Во время выборов сельсоветов несколько активизировались женщины-крестьянки. В сельсоветы было избрано 245 крестьянок.[1]

В Алатыре во время проведения Октябрьских торжеств, женщины-делегатки преподнесли уездному комитету партии знамя. В Карсуне женщины устроили лотерею в пользу МОПРа, приняли участие в кружечном сборе в день помощи инвалидам, а также в сборе пожертвований детям борцов революции. Женщины создали губернскую лигу помощи детям рабочих Германии и т. д.

Однако это были только первые шаги вовлечения женщин в общественную жизнь. Женщины, составлявшие более половины населения губернии, еще принимали слабое участие в государственной и общественной жизни.

В декабре 1923 года состоялся XIII губернский съезд Советов. На съезде были обсуждены следующие вопросы:

1. Доклад губисполкома о его деятельности за годовой период и содоклад Губпродкома о ходе и перспективах сбора единого сельскохозяйственного налога.
2. Доклад Губзу о состоянии земледелия в Симбирской губернии.
3. Доклад о состоянии промышленности в Симбирской губернии.
4. Рассмотрение и утверждение смет местного бюджета 1923—1924 гг.
5. Доклад Губсельпромсоюза и содоклад общества сельскохозяйственного кредита.
6. Доклад Губоно о состоянии народного просвещения в губернии.
7. Доклад Сызранского УИКа о проделанной работе.
8. Выборы Губисполкома и делегатов на XI Всероссийский съезд Советов.
9. Текущие дела.

В резолюции по докладу Губисполкома съезд указал на необходимость урегулирования рыночных цен в смысле соответствия их как в отношении сельскохозяйственной, так и фабрично-заводской продукции, на необходимость продвижения сельскохозяйственных машин в деревню. Съезд предложил продолжать работу по сокращению и укреплению советского аппарата, усилить борьбу с варением самогона, укрепить комитеты взаимопомощи.[2]

Съезд Советов наметил меры по восстановлению народного хозяйства и улучшению материального положения и культурного уровня трудящихся.

* * *

Борьба с хозяйственными трудностями 1923 года за восстановление народного хозяйства возглавлялась Коммунистической партией. Партия в соответствии с новой обстановкой перестроила свои ряды, чтобы улучшить руководство делом восстановления народного хозяйства на основе НЭПа.

Исключительно важное значение в этом отношении имеют решения XII съезда партии.

Решения XII партийного съезда легли в основу работы губернской партийной организации, которая, перестроив свою работу в свете его решений, руководила восстановлением народного хозяйства губернии в 1923 году.

На месяц раньше XII съезда партии, с 21 по 23 марта 1923 года, проходила работа XII губернской партийной конференции.

---

[1] УОПА, ф. Губкома, св. 62, ед. хр. 900, л. 22.
[2] УОГА, ф. 861, ед. хр. 1252, л. 40.

На конференции присутствовало 55 делегатов с правом решающего голоса. Конференция обсудила следующие вопросы: 1. Доклад Губкома. 2. Доклад контрольной комиссии. 3. Доклад ревизионной комиссии. 4. Финансово-налоговая политика и дальнейшие перспективы местного бюджета. 5. Организационные вопросы и план работы на 2-ю четверть года. 6. Очередные задачи в области агитации и пропаганды. 7. Итоги недели печати. 8. Выборы делегатов на XII партийный съезд. 9. Разное.

В отчетном докладе Губкома партии, секретарь Губкома тов. Попов указал, что в связи с тем, что данная конференция является внеочередной и после XI губернской партийной конференции прошло всего три месяца, Губком не в состоянии отчитаться в выполнении всех решений XI губпартконференции.

Докладчик отметил, что в политическом отношении истекший период был периодом, когда в губернии был полностью изжит бандитизм. В области хозяйственной партийная организация руководила проведением продналоговой кампании, промсбора, финналога, трудгужналога, посевной кампании.

В области партийного строительства партийная организация направляла основное свое внимание на углубленное воспитание партийных масс. Был проведен ряд политических кампаний.

К марту 1923 года в губернии функционировало 4 совпартшколы, в которых обучалось 211 человек, 6 школ политграмоты, 7 кружков политграмоты, 5 марксистских кружков пониженного типа.[1]

Вместе с тем конференция отметила, что воспитательная работа среди членов партии и трудящихся губернии поставлена слабо.

На конференции были оглашены цифры роста партийной организации. На 1 ноября 1922 года в организации было 3053 члена и кандидата партии. На 1 февраля 1923 года уже насчитывалось 3263 члена и кандидата партии. Таким образом, за три месяца партийная организация выросла на 210 человек. За это же время было исключено из партии 52 человека.[2]

Цифры роста рядов губернской партийной организации являются свидетельством повышения авторитета Коммунистической партии среди трудящихся, роста их доверия к своей родной партии.

Обсуждая доклад Губернской контрольной комиссии, делегаты конференции решительно осудили тех коммунистов, которые занимались пьянством, подпадали под влияние нэпманов, совершали преступления по должности. Делегаты полностью поддержали суровые меры контрольной комиссии по отношению к таким разложившимся элементам.

Губернская партийная конференция признала политическую линию Губкома и ГКК правильной и проведенную работу удовлетворительной.

Обсудив вопросы руководства хозяйственной работой, партийная конференция записала в своем решении, что «...отмечая обострение отношений, начинающее появляться между городом и деревней, конференция поручает губкому изучить эти явления и изыскать формы и методы работы по усилению смычки между крестьянством и рабочим классом»[3].

Осуществляя решения XII съезда партии по национальному вопросу, губернская партийная организация стала более конкретно и целеустремленно проводить работу среди нерусских национальностей, проживавших на территории губернии.

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 60, ед. хр. 884, л. 6.
[2] Там же, л. 5.
[3] Там же, л. 18.

В 1923 году в губернии насчитывалось 320 тысяч чувашей, татар, мордвы и др. национальностей[1].

В июне 1923 года была проведена губернская партийная конференция коммунистов чувашей, татар и мордвы. На этой конференции были обсуждены вопросы улучшения агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы среди этих национальностей. Конференция обязала всех коммунистов нерусских национальностей самоотверженно работать в массах по разъяснению им политики партии, по отрыву их от влияния религии, по ликвидации темноты, невежества и поднятию их культурного и политического уровня.

В течение 1923 года был создан ряд новых школ для обучения детей нерусских национальностей; были организованы курсы по переподготовке учителей-чувашей и татар; открыты новые пункты по ликвидации неграмотности; приобретена литература на родном языке для библиотек; организовано чувашское отделение при губернской Совпартшколе 2-й ступени; командировано в ВУЗы: 5 татар, 7 чувашей, 11 человек мордвы.

В губернии имелось четыре самостоятельных партийных ячейки, насчитывавших 47 коммунистов нерусской национальности[2].

Губком принимал меры к увеличению количества коммунистов за счет лучших людей нерусской национальности.

Во второй половине 1923 года заметно оживилась деятельность пленума губкома партии. Пленумы стали собираться более регулярно, члены пленума стали втягиваться в более активную работу. Ряд принципиальных, больших вопросов, которые ранее решались на заседаниях бюро губкома, стал выноситься на Пленумы. Таким образом, улучшалась работа Пленума, как органа коллективного руководства.

То же самое следует сказать и о работе бюро Губкома. До решений XII съезда партии, секретарь губкома и секретари горкомов, укомов самолично решали многие вопросы, которые должны были обсуждаться на заседаниях бюро и тем самым часто подменяли бюро, как орган коллективного руководства. Со второй половины 1923 года заметно улучшилась и работа бюро. Правда, слаженной работе руководящих партийных органов губернии мешали троцкисты, но, невзирая на это, руководство партийными организациями улучшалось.

В этот период стала широко распространяться такая форма руководства партийной работой, как систематическая рассылка писем секретарем губкома секретарям уездных комитетов партии. В этих письмах давались разъяснения по тем или иным неясным вопросам и указания об осуществлении тех или иных текущих мероприятий.

С конца 1922 года губком партии начал осуществлять календарное планирование работы. До этого не составлялось календарных планов. В течение 1923 года календарный план вошел в быт и способствовал лучшей организованности в работе и улучшению постановки контроля за выполнением решений и проводимых мероприятий.

В 1923 году в симбирской партийной организации стали широко практиковаться открытые собрания партийных ячеек с участием беспартийных. В Сызранской партийной организации очень часто на открытых партийных собраниях присутствовало до 300 человек беспартийных. Это свидетельствовало о большом интересе трудящихся к обсуждаемым вопросам в партийных организациях и об укреплении связей между партией и массами[3].

[1] УОПА, ф. 1, св. 60, ед. хр. 885, л. 20.
[2] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 53.
[3] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 900, л. 10.

Агитационно-пропагандистская работа осуществлялась, главным образом, в виде массовых политических кампаний. В течение 1923 года в губернии были проведены следующие кампании: сельскохозяйственная, финансово-налоговая, сохранения и укрепления школ, неделя печати, борьба с последствиями голода, перевыборы кооперации, неделя Красного флота, 5-я годовщина Красной Армии, перевыборы уполномоченных многолавок, страхование, международный день работницы, дата свержения самодержавия, день Парижской Коммуны, 25-летний юбилей партии, помощь воздушному флоту, день 1 Мая, помощь беспризорному ребенку, пропаганда постановлений пленума Коминтерна, Всероссийская сельскохозяйственная выставка, праздник ЧОНА, праздник урожая, МОПР, перевыборы волсоветов, антирелигиозная пропаганда, против провокаций международного империализма.

Один только перечень проведенных кампаний, начиная от ультиматума Керзона и кончая перевыборами уполномоченных многолавок показывает, чем жили советские люди в то время, что их волновало и чем были заняты партийные организации.

Во время проведения сельскохозяйственной кампании, которая длилась почти весь год, в уездах были созданы краткосрочные курсы по изучению новых методов ведения сельского хозяйства, проводились лекции, доклады и беседы по разъяснению крестьянству земельного кодекса, решений съезда партии и съезда Советов, выгоды создания сельскохозяйственных кооперативов и т. д. Широко велась пропаганда на страницах еженедельной крестьянской газеты.

В период празднования 25-летнего юбилея РКП вся губернская печать широко освещала на своих страницах эту знаменательную дату в истории партии и всего советского народа. В Симбирске истпарт организовал выставку, на которой были представлены все подпольные издания с 1880 по 1917 годы и политические дела жандармского управления на подпольщиков — членов РСДРП. Выставку посещало ежедневно около 300 человек.

Истпартом был издан журнал «Красная Летопись» тиражом в одну тысячу экземпляров[1].

Зимой 1923 года серьезного размаха достигла антирелигиозная пропаганда. Успешно прошел в январе месяце в Симбирске, Сызрани и Алатыре карнавал «Комсомольские святки». В городах и селах систематически проводились лекции, доклады и беседы на темы: «Происхождение религиозных верований», «Живая и старая церковь». «Происхождение религии и вера в бога» и т. д. Ежемесячно в каждом уезде проводилось несколько десятков пропагандистских мероприятий, охватывавших тысячи людей. В январе месяце в городе Симбирске было проведено 15 докладов на антирелигиозные темы, на которых присутствовало 2377 человек, а в феврале на 3 докладах в Симбирском уезде присутствовало 481 человек[2]. Практиковались диспуты, на которых выступали представители церкви и ученые-атеисты. Население активно посещало такого рода диспуты. В феврале на фабриках Карсунского уезда было проведено 4 таких диспута.

Антирелигиозная пропаганда осуществлялась в соответствии с указаниями XII съезда партии о том, чтобы не оскорблять религиозные чувства верующих.

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 901, л. 19.
[2] УОПА, ф. 1, св. 78, ед. хр. 1050, л. 11.

Всего за второе полугодие 1923 года в губернии было проведено 972 митинга и собрания и 527 докладов и лекций[1].

Осуществляя решения XII партийного съезда о всемерном развитии массового начального политического просвещения и необходимости ликвидации политической неграмотности среди деревенских коммунистов, партийные организации создали 3 школы политграмоты и 52 кружка политграмоты, которые успешно работали в течение всего года[2].

Выполняя решения XII съезда партии об увеличении тиража газет и создании отдельных газет для крестьян, губком добился выпуска еженедельной крестьянской газеты, некоторого увеличения тиража губернской газеты «Экономический путь», улучшения качества и идейного содержания уездных газет. Однако тиражи газет были небольшими. Максимальный тираж губернской газеты составлял 3 тысячи экземпляров, а уездных газет — в пределах одной тысячи экземпляров.

В 1923 году партийной организации удалось сделать первый шаг в деле активизации женщин-работниц и крестьянок, их втягивания в общественную жизнь. Это обстоятельство было констатировано на десятом губернском совещании заведующих уездными женотделами, созванном губкомом партии в ноябре 1923 года.

Впервые после Октябрьской революции 8 женщин-работниц было избрано в фабкомы на 3 фабриках. Только в одном Симбирском уезде во время выборов фабкомов приняло участие 450 женщин[3]. На Румянцевской фабрике по инициативе женщин было решено ежемесячно отрабатывать 3 часа сверхурочно для создания фонда кассы взаимопомощи.

В губернском масштабе было проведено в течение года 8 совещаний коммунисток-женщин, на которых решались вопросы практической работы. Все чаще крестьянок стали избирать делегатками сельских и волостных Советов. В 1923 году их насчитывалось в губернии 195 человек.

Крестьянки-делегатки проводили серьезную пропагандистскую и организаторскую работу среди крестьянок. В Сызранском уезде были проведены две волостные конференции крестьянок, на которых присутствовало 250 человек, и шестнадцать сельских собраний.

В Симбирском уезде были проведены 3 беседы с делегатками по селам и два волостных делегатских собрания. В Алатырском уезде прошло четыре волостных собрания крестьянок, на которых присутствовало 180 человек. В Сенгилеевском уезде были проведены три волостные женские беспартийные конференции.

В 1923 году партийная организация продолжает работу по проведению беспартийных рабоче-крестьянских конференций с целью укрепления связей партии с массами.

В течение января—февраля в губернии было проведено 27 волостных и 260 сельских беспартийных конференций крестьян, на которых приняло участие 2923 человека. Норма представительства была от каждых 100 крестьян — 2 делегата[4].

На конференциях обсуждались следующие вопросы: международное и внутреннее положение республики, итоги X съезда Советов, очередной набор в Красную Армию, финансово-налоговая политика, земельный кодекс, вопросы просвещения, комитеты взаимопомощи и др.

Конференции прошли оживленно, при активном участии делегатов. Больше всего крестьяне интересовались вопросами международной жиз-

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 70.
[2] Там же, л. 71.
[3] УОПА, ф. 1, св. 62, ед. хр. 899, л. 5.
[4] УОПА, ф. 1, св. 78, ед. хр. 78, л. 106.

ни, финансово-налоговой и земельной политикой. Делегаты задавали много вопросов. Спрашивали: «Будет ли война?», «Будет ли Россия поддерживать Германию в войне с Францией?», «Почему при раскладке налогов не принимается в расчет качество земли, а берется только количество площади?», «Учитывается ли вообще жизненный уровень рабочего и крестьянина и платят ли налоги рабочие?» и др. На все эти вопросы крестьяне получали ответы.

На подавляющем большинстве конференций крестьяне говорили о своем доверии к Советской власти и Коммунистической партии и обещали приложить все свои силы для восстановления сельского хозяйства.

Настроения крестьян были выражены в резолюциях, принятых на беспартийных конференциях. В них указывалось на необходимость укрепления Красной Армии, осуждалась измена вождей 2-го и $2^1/_2$ интернационалов, призывались рабочие всех стран создать единый фронт и дать отпор капиталу и надвигающейся войне[1].

В отдельных случаях классовый враг пытался направить эти беспартийные конференции против партии и Советской власти.

На беспартийной конференции в селе Жегули, Сызранского уезда, выступил с эсеровской демагогией учитель-эсер, но успеха не имел.

На беспартийной конференции Ундоровской волости, Симбирского уезда, группа кулаков открыто выступила против национализации земли, против коммунистов, работающих в Советах, против налогов вообще. Пришлось крестьянам разъяснить антисоветскую направленность этих выступлений[2].

Беспартийные конференции, проводившиеся под руководством Коммунистической партии, на которых разъяснялась трудящимся внешняя и внутренняя политика Советского правительства и партии, способствовали укреплению советского строя, союза рабочих и крестьян, служили делу мобилизации трудящихся на социалистическое строительство.

Губернская партийная организация, руководствуясь решениями XII съезда партии, совершенствуя методы и формы внутрипартийной и агитационно-пропагандистской работы, руководила делом восстановления народного хозяйства губернии в 1923 году.

---

[1] УОПА, ф. 1, св. 78, ед. хр. 1050, л. 107.
[2] Там же, л. 112.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год.

А. В. Филимонова

БОРЬБА ЗА ПРЕДПОСЫЛКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УЛЬЯНОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КО ВРЕМЕНИ XV СЪЕЗДА ПАРТИИ

Массовая коллективизация крестьянского хозяйства, начавшаяся в СССР с 1929 г., была результатом руководящей деятельности Коммунистической партии и правительства не только непосредственно в эти годы. Нужны были годы и годы организаторской работы диктатуры пролетариата для того, чтобы подготовить крестьянство к массовой коллективизации.

Главной предпосылкой решения беспримерной в истории задачи социалистического преобразования крестьянского хозяйства было установление диктатуры пролетариата — органа государственной власти рабочего класса, победившего в союзе с крестьянством,—органа, являвшегося, вместе с тем, орудием экономического преобразования общества.

Аграрная революция, совершенная пролетарской диктатурой дала огромный экономический выигрыш крестьянству. В этом выигрыше крестьянства проявилась природа революции рабочего класса, которую он совершает, ликвидируя всяческие формы гнета и эксплуатации. Национализация земли и передача ее Советской властью в пользование крестьянства явились началом нового пути развития сельского хозяйства, происходящего не на основе разорения крестьянства, как при капитализме, а на основе подъема материального благосостояния трудящегося крестьянства. Это сделало крестьянство кровно заинтересованным в союзе с рабочим классом, в социалистическом строительстве.

Национализацией земли попутно со своими задачами Великая Октябрьская социалистическая революция завершила буржуазно-демократическую борьбу крестьянства за землю.

Под руководством рабочего класса завершилась эта борьба за землю и для крестьянства Симбирской губернии.

Выигрыш трудящегося крестьянства Симбирской губернии от социалистической революции состоял в том, что оно получило в свое пользование до 600 тысяч десятин конфискованных помещичьих, удельных, банковских и т. п. земель. Советская власть ликвидировала долги крестьянскому поземельному банку, которые в 1915 г. по Среднему Поволжью составили 143.866 р. и освободило крестьянство края от ежегодных арендных платежей за землю в сумме 7 млн. рублей.[1] К этому, на втором этапе социалистической революции в деревне, когда пролетариат поднял деревенскую бедноту на обуздание и частичную экспроприацию сельской буржуазии, по Симбирской губернии прибавились около 400 тыс. десятин излишков кулацкой земли, а также и часть кулацкого

[1] Куйбышевский Госархив, ф. 644, оп. 1, ед. хр. 5078, л. 1.

инвентаря. Эти средства производства перешли в пользование трудящихся крестьян, укрепляя их трудовые хозяйства, закрепляя их доверие к руководству рабочего класса.

Пример Симбирской губернии свидетельствует о том, какие глубокие социально-экономические сдвиги произошли в деревне в результате аграрной революции, осуществленной под руководством рабочего класса. Если в 1911 г. в губернии было 11 проц. беспосевных дворов, то в 1919 г. число их сократилось до 1,4· проц., т. е. в 8 раз. На другом же полюсе деревни уменьшилось число зажиточных и кулацких хозяйств (сеявших более 8 десятин). Число таких хозяйств составляло в 1911 г. — 14,5 проц., а в 1919 г. сократилось до 5,1 проц.

За счет такого изменения экономики деревни вырос слой средних крестьян. Число сеявших до 8 десятин составляло в 1911 г. 75,4 проц., а в 1919 г. оно поднялось до 93,5 проц.[1]

Национализация всей земли была важнейшим условием укрепления союза рабочих и крестьян, обеспечившего победу Советского государства в гражданской войне. Национализация земли явилась условием подъема производительных сил сельского хозяйства, преодоления в дальнейшем его товарно-капиталистической тенденции, важнейшим предварительным условием преобразования его на основе социалистических производственных отношений.

Среди предпосылок будущей массовой коллективизации сельского хозяйства, сложившихся в деревне в первые годы Советской власти, важное значение имел первый опыт строительства социалистических форм в сельском хозяйстве. Идя на уступки среднему крестьянству в вопросе о формах землепользования, Коммунистическая партия, вместе с тем, не уставала пропагандировать идею социалистического обобществления сельского хозяйства и всячески поддерживала почин деревенского полупролетариата в этом направлении.

При осуществлении советских законов о земле, кроме фондов, распределенных в пользование единоличных крестьян, был выделен земельный фонд для организации на месте бывших помещичьих имений советских государственных хозяйств (совхозов). В Симбирской губернии в 1919 г. было организовано 60 совхозов на 30 тыс. десятинах. Вместе с тем передовая беднота, убеждаясь в недостаточности уравнительного раздела земли в целях спасения от кулацкой кабалы, приступила к созданию социалистических землевладельческих хозяйств на основе производственного кооперирования хозяйств в форме товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и коммун.

В Симбирской губернии первые сельскохозяйственные коммуны, например в селе Тушна, возникали еще весной 1918 года. В апреле 1918 года Симбирский губземотдел сообщал Наркомзему: «Артели и коммуны зарождаются в довольно значительном числе».[2]

При организации первых коммун и артелей «приходилось сталкиваться с безлошадностью, отсутствием живого и мертвого инвентаря и общей бедностью», — сообщал Симбирский Губземотдел в 1918 году.[3] Сельхозколлективы поэтому чаще возникали на месте бывших помещичьих имений, а также хуторов, ранее принадлежавших кулакам, где можно было использовать экспроприированный у эксплуататоров инвентарь для обработки полей. В начале 1919 г. в Симбирской губернии существо-

---

[1] Цифры изменений социального состава крестьянства Симбирской губернии в период Великой Октябрьской социалистической революции приведены по данным: «Статистического справочника». Ульяновск, 1925 г., стр. 49 и сборника «Природа, хозяйство и культура Ульяновской губернии», Ульяновск, 1927 г., стр. 55.

[2] Госархив УО, ф. 387, оп. 6, д. 13.

[3] Госархив УО, ф. 387, оп. 8, д. 45.

вало 29 коллективных хозяйств с посевной площадью свыше 2 тыс. десятин, в июне 1919 г. — стало 52 коллективных хозяйства с 6 тыс. десятин посевной площади. В начале 1921 г. число коллективных хозяйств в губернии дошло до 261.[1]

Первые колхозы возникали при наличии неразвитой техники и при недостатке продуктов. Поэтому в них практиковались, главным образом, уравнительные формы распределения доходов. Но и в этих первых колхозах беднота получала уже реальные хозяйственные результаты, освобождаясь от кулацкой кабалы, поднимая производительность сельского хозяйства. Несмотря на известные несовершенства первых сельскохозяйственных объединений, партия нашла в их лице, рожденную живой практикой массового движения, коллективную форму ведения сельского хозяйства, которая в условиях диктатуры пролетариата и национализации земли представляла форму социалистических производственных отношений.

Но в первые годы Советской власти строительство колхозов не могло стать массовым: для этого не было еще всех объективных условий.

Поэтому Коммунистическая партия подчеркивала необходимость ряда постепенных предварительных ступеней на пути социалистического преобразования сельского хозяйства и решительно предостерегала против попыток искусственно форсировать дело коллективизации сельского хозяйства.

Хозяйственно-организационной формой, в которой частный интерес крестьянина, как мелкого хозяина, увязывался с интересами строительства социализма, явилась кооперация.

Эта новая роль кооперации в условиях диктатуры пролетариата была научно открыта В. И. Лениным в его знаменитом кооперативном плане.

Суть ленинского кооперативного плана заключается в том, что социалистическим методом обобществления крестьянских хозяйств должна быть не экспроприация мелких производителей, чего провокаторски требовали троцкисты, а кооперирование крестьянских хозяйств сперва в товарообороте, а затем и в области производства.

Ленинский кооперативный план был неразрывно связан с социалистической индустриализацией страны. Социалистическая индустрия пролетарской диктатуры, — учил В. И. Ленин,—через посредство кооперации подведет новую машинную технику под сельское хозяйство, поднимет его производительные силы так, как это необходимо для победы социалистических производственных отношений в этой отрасли экономики.

Выдвинутый Лениным и принятый партией кооперативный путь развития крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата был единственно возможным путем спасения трудящихся деревни от кулацкой эксплуатации и нищеты.

Своим гениальным кооперативным планом Ленин дал глубочайшее обоснование превосходства и прогрессивности советского пути развития деревни, сочетающего обобществление сельского хозяйства с подъемом материального уровня крестьянства, а потому выгодного для крестьянства, — в отличие от капиталистического пути развития крестьянского хозяйства через разорение и экспроприацию крестьянских хозяйств.

После смерти В. И. Ленина партия под руководством своего ленинского Центрального Комитета в борьбе с троцкистско-бухаринской агентурой классового врага отстояла кооперативный план В. И. Ленина и организовала проведение его в жизнь.

[1] Госархив УО, ф. 387, оп. 7, дело 34

* * *

Условием развития торговой кооперации в первые годы НЭПа, вовлечения в нее трудовых крестьянских хозяйств было восстановление сельского хозяйства, увеличение товарных излишков крестьянской продукции.

Однако восстановление сельского хозяйства, сильно разрушенного империалистической, а затем гражданской войной, было осложнено и замедлено губительным неурожаем 1921 года.

В зоне этого стихийного бедствия, которому не в состоянии было противостоять индивидуальное крестьянское хозяйство, оказалась и Симбирская губерния. В 1921 г. местное крестьянство не вернуло от урожая даже посевных семян. Если в 1921 г. вся площадь засева озимых и яровых губернии составляла 728,3 тыс. десятин, то в 1922 году она сократилась до 524,8 тыс. десятин,[1] составив всего 53,5 проц. довоенного уровня.[2] Количество рабочих лошадей и крупного рогатого скота сократилось в губернии на ¼.

Россия, а в особенности Поволжье, и раньше испытывали опустошительные неурожаи от засухи. В XIX столетии в царской России было 14 неурожайных годов и массовых голодовок. В условиях царской России крестьяне, ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, оказывались беззащитными против стихийных бедствий, которые вели к исчезновению огромного количества хозяйств разорившихся и вымерших крестьян.

Иначе обстояло дело в условиях Советской власти.

Советское правительство образовало в июле 1921 г. Центральную Комиссию помощи голодающим. Коммунистическая партия мобилизовала государственные, кооперативные, профсоюзные организации для оказания помощи голодающим. Миллионы пудов хлеба и других продуктов были отпущены для организации общественного питания. На засев озимого клина в 1921 г. правительством было отпущено 12 млн. пудов семенного материала. С 1921 по 1923 г. крестьянам неурожайных губерний было передано всего 160 млн. пудов хлеба. На борьбу с голодом правительство израсходовало 156 млн. рублей золотом.[3] Декретом Советского правительства от 22 февраля 1922 года для оказания помощи голодающим были изъяты церковные ценности.

Огромную помощь от государства и всего советского народа продовольствием, семенами, денежными кредитами получило и крестьянство Симбирской губернии.

В. И. Ленин, в середине июля 1921 года, на сообщение из Симбирского уезда о стихийном бедствии, ответил телеграммой в адрес происходившего в те дни в Симбирске Уездного съезда Советов. Вот текст этой телеграммы.

«Симбирск.

XII уездный съезд Советов Симбирского уезда.

Сообщаю, что Советской властью принимаются самые спешные и решительные меры к оказанию помощи пострадавшим от неурожая. Повсеместно объявлены сборы. ВЦИК обратился 12 июля с воззванием ко всему населению России об оказании всемерной помощи голодающим. Образован при ВЦИК специальный комитет помощи голодающим. Такой же комитет образован для получения помощи

---

[1] Госархив УО, ф. 101, ед. хр. 233, оп. 1, л. 23.

[2] Ульяновский областной краеведческий музей «Краеведческие записки», в. 1, 1953 г., стр. 268.

[3] М. И. Калинин. «Статьи и речи 1919—1935 гг.», 1936 г., стр. 102—103.

хлебом из-за границы. На днях к вам выедут уполномоченные ВЦИК. Делаем все возможное.

ПредСТО Ленин».[1]

Вскоре после телеграммы В. И. Ленина в Симбирск прибыла комиссия ВЦИК, которая освободила губернию от всех продовольственных государственных натуральных налогов на все виды продуктов. Губисполкому было представлено право проводить внутригубернские налоги, с оставлением всего собранного для внутренних нужд губернии.

В зиму на 1922 г. Симбирская губерния получила от Советского правительства 1.200.000 пудов озимых семян, 100.000 пудов яровых культур для посева весной 1922 г. Голодающим Симбирской губернии было доставлено из Пензы 220 вагонов, из других губерний 30 вагонов семенного и продовольственного картофеля. В Астрахани Симбирским Губпродкомом было заготовлено 50.000 пудов соленой рыбы. Совет Труда и Обороны утвердил месячный план снабжения Симбирской губернии в размере 125.000 пудов хлеба и 19.000 пудов крупы.[2]

Благодаря преимуществам советского строя, под руководством Коммунистической партии, пострадавшее от стихийного бедствия крестьянство справилось с голодом несравненно легче, чем это бывало при царизме.

Переход к новой экономической политике партия обеспечивала в беспощадной борьбе со всеми явными и тайными врагами Советской власти. И внутренняя контрреволюция, и международный империализм, и троцкистско-бухаринские элементы внутри партии пытались воспользоваться затруднениями Советской власти при переходе к НЭПу, чтобы подорвать пролетарскую диктатуру, восстановить против нее крестьянство и повернуть дело к реставрации капитализма.

В 1920—1921 гг. антипартийные группировки во главе с Троцким атаковали политику партии в связи с так называемой «профсоюзной дискуссией». Эти скрытые враги пролетарской диктатуры вели к расколу партии, к разрушению союза рабочих и крестьян. Но атака врагов единства партии была отбита, и X съезд партии в 1921 г. запретил существование фракций и группировок внутри партии.

Сторонники троцкистско-бухаринских оппозиционеров пытались, в частности, захватить руководство и разложить ряды Симбирской губернской организации Коммунистической партии. Однако на помощь местной партийной организации пришел Центральный Комитет партии. Посланная Центральным Комитетом и Центральной Контрольной Комиссией партии комиссия для обследования положения в Симбирской партийной организации помогла ей очистить свои руководящие органы от проникших в них троцкистско-бухаринских дезорганизаторов.

Состав губкома партии был обновлен и укреплен работниками, способными обеспечить проведение политики партии на важнейшем историческом этапе развития Советской страны. Это укрепление партийного и советского руководства губернии было тем более важно в условиях стихийного бедствия, постигшего в 1921 году сельское хозяйство.

В результате борьбы губернской партийной организации, проведенной под руководством Центрального Комитета партии против троцкистско-бухаринских элементов, партийная и советская работа в губернии окрепла. Чистка партии в конце 1921 г. освободила местную организацию от проникших в ее ряды карьеристов и от разложившихся элементов.

---

1 Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 267.

2 «Экономический путь», Симбирск, 3 ноября 1921 г., № 3.

Улучшение работы в Симбирской партийной организации в 1921—1922 гг. было отмечено на XI съезде партии.

Троцкисты, однако, не унимались. В 1923—1924 гг., нарушив решения X съезда о запрещении фракционной деятельности в партии, они вновь выступили против партийной политики, добиваясь замены руководства партии. Выступили сподручные Троцкого и в Симбирской губернской партийной организации. Они стремились захватить руководство в Губкоме, в Губисполкоме, в городских и уездных комитетах партии.

Но враги ленинизма получили и здесь, как и во всей партии, решительный отпор.

О партийной стойкости и преданности местных организаций ленинской линии Центрального Комитета партии свидетельствует, например, единодушный отпор, данный троцкистским дезорганизаторам в Симбирской уездной организации партии.

Симбирская уездная конференция Коммунистической партии в феврале 1924 г. в своей резолюции заявила:

«Конференция РКП(б) целиком и безоговорочно присоединяется к решениям Всесоюзной партийной конференции, осудившей мелкобуржуазный уклон в партии, и призывает всех членов к выполнению решений не формально, а по существу... Конференция выражает уверенность, что Губком и предстоящая Губконференция партии, стоя на страже единства партии и основных принципов большевизма, решительными мерами... исправят все недочеты и выведут губернскую организацию из нездорового состояния...

Подводя итоги дискуссии в уездной организации, Конференция одобряет тактику Укома в дискуссии — тактику решительной организованной и идейной защиты линии Цека... Конференция, с удовлетворением отмечая факт отсутствия оппозиционных резолюций по ячейковым собраниям фабрик и сел уезда, констатирует, что организация в целом стоит твердо на принципах ленинизма».[1]

Решающее значение для разгрома троцкистских врагов ленинизма в Симбирске имели решения XIII Всесоюзной партийной конференции (16—18 января 1924 г.), разоблачившей антипартийную сущность троцкистской оппозиции. Конференция показала, что в лице этой оппозиции партия имеет дело с мелкобуржуазным уклоном от марксизма, с попыткой подменить ленинскую монолитность партии свободой для всяческих фракционных группировок. Решения XIII конференции помогли местным проводникам линии ЦК партии с еще большей энергией повести работу по ленинскому идейному воспитанию членов партии.

Симбирская губернская организация Коммунистической партии, укрепив свои ряды и обеспечив правильный курс работы, повела крестьянство губернии по пути восстановления сельского хозяйства.

Восстановление и социалистическая перестройка сельского хозяйства в губернии начались с более низкого уровня, чем по стране в целом.

Особенно сильные остатки крепостничества определяли в дореволюционное время «земельную тесноту» и особо примитивный характер крестьянского хозяйства в губернии, массовую нищету крестьян. Законы Советской власти подняли хозяйственные возможности местного крестьянства.

Но гражданская война, частью происходившая непосредственно на территории губернии, а затем засухи и неурожаи 1921 г. и 1924 г. нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству.

---

[1] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 29 февраля 1924 г.

Восстановление сельского хозяйства в Симбирской губернии началось несколько позднее и встречало больше трудностей, чем в других районах страны.

Совнарком РСФСР в 1927 г., по ходатайству 15-го Ульяновского губернского съезда Советов, провел изучение состояния экономики губернии. В принятом в июне 1927 г. постановлении Совнаркома констатировалось отставание губернии и в уровне и в темпах восстановления как сельского хозяйства, так и промышленности. Учитывая исторические причины такого отставания губернии, Совнарком признал необходимым распространить на западную часть губернии специальные мероприятия, предпринимавшиеся в отношении Центрально-черноземной области, которая также испытывала особые трудности в деле подъема земледелия, как и Ульяновская губерния.

Отставание экономики Ульяновской губернии составило главную трудность в деятельности местной партийной организации и местных Советов, в том числе и в подготовке условий перехода к массовой коллективизации. Достаточно указать, что в первый период НЭПа местные бюджеты в Ульяновской губернии, как правило, оказывались дефицитными.

Но забота и поддержка ЦК партии и правительства помогали местным партийным и советским органам и трудящимся губернии преодолевать многие трудности. В то же время местные партийные организации все более успешно поднимали политическую и производственную активность рабочих и крестьян на дело социалистического строительства, на преодоление трудностей.

Начавшееся с 1923 г. восстановление сельского хозяйства губернии способствовало, в свою очередь, восстановлению небольшой местной промышленности, занимавшейся главным образом переработкой местного сельхозсырья, увеличивая ее сырьевую и продовольственную базу, улучшая рыночный оборот. Полная или частичная остановка предприятий, распыление местного пролетариата и уменьшение городского населения, имевшие место в годы гражданской войны, сменились возобновлением работы местных предприятий, консолидацией местного пролетариата, ростом городского населения, ростом числа трудящихся, организованных в профсоюзы.

В 1924 г. по губернии действовало 105 государственных предприятий, а в 1925 г. число этих, более или менее крупных предприятий (с числом рабочих не менее 100), выросло до 117. Среди предприятий наиболее значительными были: железнодорожные узлы, порты волжского госпароходства; городские полиграфические предприятия; 11 текстильных фабрик, 9 лесозаводов, 3 бумажные фабрики, мукомольные предприятия и др.[1] Промышленных рабочих в 1924 г. в губернии было около 10 тыс., а в 1925 г. их стало более 12 тыс. человек. Число членов профсоюзов по губернии достигло в 1926 году — 53 тыс. человек.[2]

Но восстановление цензовой государственной промышленности губернии достигло в 1925 г. всего 42 проц. довоенного уровня. Кроме того, в условиях НЭПа в губернии возникло значительное число частно-капиталистических мелких предприятий, с большим числом рабочих в каждом. В целом, в этом частно-капиталистическом секторе промышленности было занято 4,5 тыс. рабочих, т. е. почти треть всех рабочих губернии. Все эти обстоятельства обусловливали особые трудности социалистического строительства в экономически отсталой губернии.

---

[1] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. № 1, ед. хр. 1328, л. 1—30.

[2] Газета «Пролетарский путь», г. Ульяновск, 21/I-27 г., № 16 (материалы 16-й Ульяновской городской конференции ВКП(б).

Рабочие губернии с революционной энергией трудились над подъемом производства на своих предприятиях.

Наибольшие успехи в темпах восстановления производства и в росте численности рабочих дали местные государственные текстильные предприятия, объединенные в «Ульяновский суконный трест». Местные рабочие-текстильщики, проявившие высокую революционную сознательность в гражданской войне, теперь самоотверженным трудом быстро восстанавливали свои предприятия. При этом им приходилось преодолевать немало трудностей, хотя бы потому, что изношенность оборудования фабрик дошла до 40 проц. Особенно энергично восстанавливалось производство Ишеевской суконной фабрики имени М. А. Гимова. Сплоченный коммунистами коллектив фабрики, возглавляемый директором из рабочих, добился уже в 1923 году безубыточной работы предприятия.

Рабочие Ишеевской фабрики первыми в губернии горячо откликнулись на постановление Ульяновского Губкома Коммунистической партии от 6 октября 1924 г. «О борьбе за поднятие производительности труда». На фабрике стали систематически работать производственные совещания. В месячных отчетах за 1924 г., как правило, отмечалось, что «производство идет в гору».[1]

С таким же подъемом восстанавливали производство рабочие и других предприятий местной промышленности. Местная промышленность губернии внесла свой посильный вклад в дело укрепления торговой смычки советского города с деревней, в осуществление лозунга партии «лицом к деревне». Снабжая своими товарами крестьянский рынок, местная промышленность социалистического сектора способствовала восстановлению крестьянских хозяйств.

Укрепление социалистического сектора в экономически отсталой крестьянской губернии проходило в особенно трудной конкурентной борьбе с капиталистическими элементами, оживлявшимися в условиях известной свободы товарооборота. К тому же вначале государственная и кооперативная торговля еще не умела в должной мере обслуживать деревню. Поэтому в первые годы НЭПа в губернии наблюдался некоторый рост мелких посредников, стремившихся вклиниться в товарооборот между городом и деревней. Но местные промышленные и торговые предприятия социалистического сектора, накапливая опыт и силы, из года в год крепли, отражая общее укрепление социалистического уклада в стране.

Крупнейшее предприятие в г. Ульяновске — металлообрабатывающий завод, работал на специальный рынок, а не для удовлетворения потребностей населения, крестьянства. Однако происходившие на этом предприятии консолидация рабочих, рост их численности, улучшение работы партийной организации имели очень большое значение в деле укрепления в губернии руководящей роли рабочего класса и связи его с деревней. Именно рабочие-металлисты этого предприятия в 1925—26 гг., образовав первое в Ульяновской губернии «Добровольное общество культурного шефства над деревней», показали высокое понимание руководящей роли рабочего класса в отношении деревни. Именно они первыми практически реализовали лозунг партии: «лицом к деревне».

Они взяли шефство над 7 селами и деревнями Заволжья. Только за три месяца 1925 г. этим рабочим обществом сделано 44 выезда в подшефные села.[2] Посылавшиеся обществом коммунисты, комсомольцы,

---

[1] А. Наумов. Ишеевская суконная фабрика им. М. Гимова (1802—1952), Ульяновск, 1952 г., стр. 80—81.

[2] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 1528, л. 50—58.

профработники, беспартийные рабочие интересовались всеми сторонами общественной жизни подшефных сел, помогали сельсоветам в налаживании культурно-просветительной и агрономической работы, в снабжении села политической и сельскохозяйственной литературой, газетами (в большом количестве), регулярно дежурили в избах-читальнях, ведя в них читку газет и различную справочную работу.

Вслед за металлистами, шефское общество над деревней было создано коммунистами и рабочими Московско-Казанской железной дороги, а затем и другими коллективами рабочих, служащих и советской интеллигенции губернии.

В г. Ульяновске совместными усилиями Уездного и Городского комитетов партии была создана Уездно-городская комиссия по шефству, развернувшая большую работу по Ульяновскому уезду.

В 1926 г. активное участие в шефстве над деревней приняли красноармейские части. Шефская комиссия караульной роты г. Сызрани сделала 17 выездов в подшефные деревни, проводя в них большую политико-разъяснительную работу.

Плодотворно работала шефская комиссия Ульяновской курсантской школы, объединив до 90 курсантов, т. е. до 15 проц. всего состава школы. К волостному центру подшефной волости было прикреплено 10 курсантов, к другим подшефным селам по 2 человека. Шефами была налажена в селах систематическая просветительная и юридическая работа при избах-читальнях.[1]

Добровольные рабочие общества шефства над деревней много помогли губернской организации Коммунистической партии, были серьезным средством в деле политического и культурного просвещения крестьянства, ознакомления его с политикой Советской власти, с передовыми приемами агрокультуры, развития кооперативной общественности в деревне.

В 1926 г. вокруг шефских обществ и комиссий по губернии создался актив опытных культурников, т. н. «деревенщиков», числом до 2.700 человек.[2] В значительной мере именно из этого актива, выращенного шефскими обществами, парторганизации черпали силы для посылки в деревню. В 1926 году партийными организациями губернии на различную постоянную работу в деревню было направлено 138 работников.[3]

XIV съезд Коммунистической партии, следуя учению Ленина и опираясь на успехи восстановления народного хозяйства, поставил в 1925 г. задачу социалистической индустриализации страны как генеральную линию партии в социалистическом преобразовании народного хозяйства.

Успехи социалистической индустриализации страны увеличивали удельный вес и командно-ведущую роль социалистического уклада экономики, укрепляли главенствующую роль рабочего класса в социалистическом развитии.

В период после XIV съезда партии Советская страна превращается из аграрной в индустриальную.

На базе роста производительных сил страны, роста государственной промышленности, социалистический уклад одержал решающую победу и в товарообороте. Основанная на общественной собственности на средства производства плановая система хозяйства в социалистическом укладе дала производительным силам такие темпы роста, какие далеко превосходили темпы роста промышленности капиталистических стран. Именно в силу этих преимуществ социалистический уклад, за два года после

---

[1] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 1259, л. 34.
[2] Ж. «Ульяновский общественник», Ульяновск, 1926 г., стр. 25.
[3] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 1193, л. 2.

XIV съезда партии, одержал решающие успехи в борьбе с капиталистическим укладом в стране, подойдя вплотную в промышленности и в торговле к решению вопроса «кто-кого» в пользу социализма.

Расширение социалистических производственных отношений в советском народном хозяйстве вызвало сокращение капиталистических производственных отношений. Успехи социалистического уклада в промышленности и в торговле вели к повышению материального и культурного уровня трудящихся.

Наступление социализма в промышленности и в товарообороте всей страны благоприятно отражалось на положении и таких экономически отсталых районов, как Ульяновская губерния. И здесь в результате помощи правительства и самоотверженного труда рабочих укреплялись позиции социалистического уклада, росли производительные силы, улучшалось материальное положение рабочих. Государственный и кооперативный сектор промышленности в Ульяновской губернии имел в 1927 году 91,7 проц. всех предприятий с 97,6 проц. всех рабочих губернии. Частнокапиталистический имел уже только 8,3 проц. и только мелких предприятий, с 2,4 проц. всех промышленных рабочих.[1]

Социалистическая промышленность губернии стала давать в 1927 г. продукции на сумму около 22 млн. рублей, т. е. в 2,5 раза больше, чем в 1924 году. Частно-капиталистический сектор в губернии давал в 1926 году продукции всего на 1,3 млн. рублей[2].

Соответственно в губернии усилились позиции государственной и кооперативной торговли, сокращалась роль частного капитала в товарообороте. Государственная и кооперативная торговля в губернии в 1925—26 гг. составляла 59,7 проц., в 1926—27 гг. возросла до 67,2 проц. Частник вытеснялся из торговли, но все же в 1926 — 27 гг. составлял 32,8 проц.[3]

Таким образом и в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии произошло определенное укрепление экономических, а следовательно, и политических сил рабочего класса, как важнейшей предпосылки для перехода к коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Успехи наступления социализма в промышленности и товарообороте имели своим условием правильную политику партии в отношении крестьянства, проводившуюся на основе решений XIV съезда партии.

Партия осудила, как враждебное ленинизму, делу строительства социализма, требование троцкистов о проведении индустриализации страны за счет эксплуатации, экспроприации крестьянства.

Громя троцкистско-зиновьевских фракционеров, как главную опасность в восстановительный период, партия, вместе с тем, тогда уже давала отпор правореставраторским взглядам Бухарина, Рыкова и др.

Ульяновская партийная организация, успешно отразив антипартийные происки троцкистов и зиновьевцев, сумела в 1926 г., с руководящей помощью ЦК ВКП(б), удалить из губернского партийного руководства имевшихся в его составе приверженцев бухаринских взглядов, связанных к тому же организационно с правооппортунистической группой Угланова в Москве.

* * *

Наиболее общим выражением усиления после XIV съезда партии материальной помощи, оказываемой Советской властью делу подъема сельского хозяйства и вовлечения крестьянства в социалистическое стро-

---

[1] Госархив УО, ф. 101, ед. хр. 1486, л. 78.
[2] Там же.
[3] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 2294, л. 246.

ительство, являлся рост государственных бюджетных и кредитных ассигнований на эти цели.

Соответственно возрастали бюджеты и кредиты на развитие сельского хозяйства в Ульяновской губернии. Бюджетные ассигнования на эти цели равнялись в 1926 г. в губернии 930.233 руб., а в 1927 г. они выросли до 1.124.900 руб. В 1926 году сумма краткосрочного кредита на нужды сельского хозяйства по губернии равнялась 1,528 тыс. рублям. Особенно вырос в 1927 году долгосрочный кредит, имевший важное значение для бедноты. Он достиг 2.045 тыс. рублей.[1] С 1927 г. в губернии был впервые образован специальный кредит для помощи бедняцким хозяйствам в сумме 251.400 рублей.[2]

Исходя из марксистско-ленинского положения о решающей роли производительных сил в подъеме производства к высшим формам производственных отношений, Коммунистическая партия с самого начала проявила особую заботу о переводе отсталого сельского хозяйства на более высокую техническую базу.

В результате этой политики партии в стране быстро восстановилось и стало развиваться дальше сельскохозяйственное машиностроение.

Заметные сдвиги в техническом вооружении сельского хозяйства после XIV съезда партии происходили и в Ульяновской губернии. Для отсталого земледелия губернии характерно было громадное преобладание таких примитивных сельхозорудий, как деревянные сохи и бороны. За годы Советской власти в губернии, особенно с началом социалистической индустриализации страны, стало все более увеличиваться употребление плугов. Но в 1924 г. на 100 сельхозорудий вспашки здесь все еще приходилось 29 плугов и 71 соха.[3]

С 1925 года крестьяне губернии стали все больше приобретать плуги и более сложные сельскохозяйственные орудия: сеялки, веялки, молотилки, зерноочистительные и уборочные машины. В 1925—26 гг. в губернию было ввезено сельхозмашин на 209 тыс. рублей, а в 1926—27 гг. — на 1.025 тыс. рублей.[4]

В 1927 году количество плугов в крестьянском хозяйстве губернии по сравнению с 1924 г. возросло в 5 раз, борон — в 7 раз, сеялок — в 20 раз, молотилок — в 30 раз, зерноочистителей — в 11 раз, уборочных машин — в 20 раз.[5] На полях губернии появляются тракторы. Если в дореволюционное время в губернии было всего 2 трактора, то в 1927 году здесь было уже 169 тракторов.[6] Большое значение для внедрения в сельское хозяйство улучшенных сельскохозяйственных машин имели прокатные пункты, производившие работы на крестьянских полях на договорных началах. В губернии в 1926 году было около 40 таких прокатных пунктов.[7]

В борьбе за подъем сельского хозяйства Советская власть большое внимание уделяла повышению его агрокультурного уровня. В Симбирской губернии до революции было 3 опытных сельхозстанции. При Советской власти к 1927 г. в Ульяновской губернии стало 49 агрономических пунктов.[8] В губернии велись работы по переводу крестьянства от архаичной

---

[1] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 27.XI.1927 г., № 272. (Материалы 17-й Ульяновской губернской партконференции).

[2] Там же, № 269, 24.XI.1927 г.

[3] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 2.XI.1927 г., № 253.

[4] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 27.XI.1927 г., № 274 (Материалы 17-й губернской партийной конференции).

[5] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 2294, л. 246.

[6] «Пролетарский путь», Ульяновск, 23.XII.1927 г., № 294.

[7] Материалы по реорганизации сельского хозяйства губернии. Ульяновск, 1928 г., стр. 6.

[8] «Пролетарский путь», Ульяновск, 30.XI.1927 г., № 274.

малопроизводительной «трехполки» к более высоким формам полеводства. В 1924 году многополье было введено на площади 12.182 десятины, в 1926 году — на 42.187 десятин, а в 1927 году — на площади в 80 тысяч десятин. Это был большой прирост, но пока многопольем было охвачено 4,5 проц. пашни губернии. Были достигнуты первые успехи в губернии в деле посевов лучшими семенами. В 1924 году было высеяно 515 пудов чистосортных семян, в 1926 году — 14.252 пуда, в 1927 году—48.191 пуд. В 1927 году было отсортировано 242 пуда семян и протравлено формалином 300 тысяч пудов зерна.[1]

Большое место в работе партии и правительства отводилось землеустройству, которое являлось важнейшим условием перехода к более высоким формам полеводства, а также содействовало строительству социалистических форм сельского хозяйства. Однако до 1927 года Советская власть еще не в состоянии была выделять достаточных средств на эту цель.

Симбирская губерния в царской России была примером того, где в полеводстве крестьянского хозяйства пережитки крепостничества выступали особенно ярко: дальноземелья, чересполосицы, межселенное вклиниванье земель и пр., что задержало развитие сельского хозяйства. В 1927 году землеустроительные работы в губернии были усилены. В первую голову землеустраивались обобществленные хозяйства и хозяйства бедноты, землеустройство последних производилось за счет государства. Если в 1926 году безвозвратных ссуд на землеустройство бедноты было отпущено 52.753 руб., то в 1927 году — 73 тысячи, т. е. сумма таких ссуд выросла на 38 проц.[2]

К концу 1927 г. по губернии было землеустроено 827.737 гектаров, что составило одну треть всей площади подлежащей землеустройству. В ходе землеустройства там, где оно сочеталось с разъяснительной работой партийных ячеек и политпросветучреждений, было не мало сел, целиком перешедших на 4-польный севооборот и на многополье.

Разнообразными средствами Советская власть содействовала подъему трудового крестьянского хозяйства, необходимого для социалистического строительства, для социалистической индустриализации страны, сдерживая в то же время рост кулацких хозяйств.

Но пока в деревне преобладало мелкотоварное единоличное хозяйство—в стране все еще оставалась почва для роста кулачества, для капитализма. Вместе с тем мелкотоварное хозяйство не могло эффективно реализовать те средства, что все в больших и больших размерах Советским государством выделялись в помощь сельскому хозяйству. Поэтому партия и Советская власть, всячески содействуя подъему индивидуальных крестьянских хозяйств, одновременно огромное внимание уделяли реализации ленинского кооперативного плана социалистического преобразования сельского хозяйства.

После XIV съезда партия достигла крупных успехов в деле кооперирования бедняцко-середняцких масс, в деле развития кооперативной общественности в деревне, которая создавалась в упорной борьбе с кулачеством. Кулачество, скрытно противодействуя различными способами кооперированию крестьянства, стремилось проникать к руководству кооперативами, чтобы использовать их опять-таки в своих антисоветских целях.

Ульяновская губернская партийная организация, реализуя директивы XIV съезда партии, также усилила работу по кооперированию кресть-

[1] «Красная жатва», г. Ульяновск, 19.X.1927 г., № 84.
[2] Газета «Пролетарский путь», г. Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269

янского хозяйства, организуя бедняцко-середняцкие массы на отпор проискам кулачества.

Известное отставание губернии в восстановлении земледелия, экономическая и организационная слабость местных органов кооперации в первые годы НЭПа — все это замедлило темпы кооперирования деревни. Однако оно все же расширялось.

Наибольшие успехи в губернии имела потребительская кооперация. В 1926 году деревенское население губернии было охвачено членством в потребительской кооперации на 24,7 проц., а в 1927 году — уже на 25,17 проц.[1]

Доля частного капитала в товарообороте губернии была выше, чем в среднем по стране, причем наибольшее место частник занимал именно в обслуживании деревни, но все же и здесь доля частника-кулака из года в год падала.

Об укреплении позиций социализма в деревенском товарообороте губернии в ущерб кулачеству свидетельствовало постепенное укрепление хозяйственной силы потребительской кооперации. Происходил неуклонный рост паевых капиталов, сумма которых составила в 1926 году около 204 тысяч рублей, а в 1927 году выросла до 340 тыс. рублей, увеличившись на 67 проц. Расширялась сеть лавок потребительской кооперации: в 1926 году их было в губернии (без Ардатовского уезда) 440, а в 1927 году стало 548 единиц, т. е. сеть выросла на 25,4 проц.[2] Торговый оборот потребительской кооперации в 1926 году в губернии составлял 18 млн. рублей, а за 3 квартала 1927 года он поднялся до 20 млн. рублей.[3]

Таким образом, в губернии ширился охват крестьянства потребительской кооперацией, вытесняя кулацкую эксплуатацию в этой сфере экономики, что было важным условием вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, подготовкой его к производственному кооперированию своих хозяйств.

Ульяновский Губком ВКП(б) много внимания уделял улучшению деятельности сельскохозяйственной и кредитной кооперации, столь значимой для подготовки крестьян к производственному кооперированию. Кулачество же особенно упорно и хитро действовало именно в сельскохозяйственной и кредитной кооперации.

В июле 1926 года пленум Губкома партии констатировал, что работа сельскохозяйственной и кредитной кооперации слаба, не отвечает задачам социалистического строительства. Усиливая партийное и советское руководство этим видом кооперации, Губком партии предпринял в течение 1926 и 1927 гг. ряд обследований состояния сельскохозяйственной кооперации. Такие обследования были проведены Губернской контрольной комиссией — Рабоче-Крестьянской инспекцией, Губернским земельным управлением, Ульяновским укомом ВКП(б) и др.

Обследования вскрыли крупные недостатки, извращения линии партии в деятельности сельскохозяйственной кооперации, мешавшие правильному развертыванию кооперирования крестьянства.

Некоторая часть кооператоров, в том числе коммунистов, утрачивала политический классовый подход к своей работе. В работе сельскохозяйственной кооперации преобладал недопустимый коммерческий уклон в ущерб хозяйственно-организационной массовой работе. Некоторые коммунисты, возглавлявшие сельскохозяйственную кооперацию, забыли, что главная задача их заключалась не просто в продаже сельскохозяйственного инвентаря или в предоставлении кредита любой клиентуре, в

---

[1] Газета «Пролетарский путь», г. Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269.
[2] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 9.XII.1927 г., № 282.
[3] Там же.

том числе и кулакам, а в том, чтобы посредством хозяйственных операций осуществлять линию партии на подъем бедноты, на ограничение эксплуататорских стремлений кулачества. К тому же многие сельскохозяйственные кооперативы долго не могли отрешиться от распространившейся в начале НЭПа, но не свойственной им, практики снабжения крестьян потребительскими товарами.

Аполитичность, классовая близорукость некоторых кооператоров-коммунистов немедленно использовалась кулачеством в своих целях. Не удивительно поэтому, что доля кулацких элементов в составе кооперативов, особенно в кредитных товариществах, была относительно высока. Даже в Ульяновском уезде, где положение было лучше, чем в других местах губернии, в 1926 году в составе членов товариществ было только 37 проц. бедноты и 6,4 проц. кулаков.[1]

Были случаи, что даже в состав правлений сельхозкооперативов проникали кулаки, или зависимые от них лица. Так, правление универсального сельхозтоварищества с. Собакино, Тереньгульской волости, Ульяновского уезда, отказало в ссуде члену кооператива, бедняку Демьянову, под предлогом, что он, как маломощный, не сможет выплачивать ссуду. Это же правление без колебаний выдало ссуду кулаку Шубину на уборку урожая, т. е. фактически на наем батраков и в целях эксплуатации их.[2] В Березненской волости Карсунского уезда кулаки, организовав фальшивое машинное товарищество, использовали в целях своего обогащения специальный кредит для бедноты, приобрели трактор, с помощью которого стали эксплуатировать бедняков[3].

Все это было одной из форм сопротивления классового врага росту социалистических элементов в деревне.

Обследование работы сельхозкооперации, проведенное Ульяновским Укомом партии, вскрыло серьезные искривления классовой линии в деле кредитования и машиноснабжения.

За первые три месяца 1927 года по Ульяновскому уезду беднота получила кредит в сумме около 140 тыс. рублей, середняки — около 294 тыс. рублей, кулаки — около 146 тыс. рублей, т. е. больше, чем беднота, хотя в числе заемщиков кулаков было несравненно меньше.[4] Извращения классовой линии были вскрыты в уезде и в части машиноснабжения. Даже в процентном отношении, по числу единиц различного инвентаря, доля машин, попадавшая к кулакам, равна 17 проц. Если же учесть, что беднота приобретала лишь наиболее дешевый, следовательно, наименее сложный инвентарь, а кулаки наиболее ценные машины, то это искривление выступало еще более рельефно. Это отчетливо вскрывалось также и стоимостным выражением доли различных групп крестьянства в машиноснабжении. Оказалось, что небольшая часть населения — кулаки, получали сельхозмашин на такую же сумму, что и беднота, представлявшая большинство в кооперации.[5]

Наиболее опасным извращением в работе сельхозкооперации было забвение некоторыми правлениями кооперативов задачи особой помощи подъему и кооперированию бедняцких хозяйств. Не все кооперативы делали отчисления в фонды кооперирования бедноты. Отпускаемые Госсельбанком и из государственных и местных бюджетов специальные кредиты, несмотря на их незначительность, не использовались (в первое время) в полной мере.

---

1 Госархив УО, ф. 336, ед. хр. 55, л. 101.
2 «Красная жатва», Ульяновск, 1927 г., № 69.
3 Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269.
4 «Красная жатва», Ульяновск, 23.X.1927 г., № 85.
5 Там же.

В отчетном докладе Ульяновского Губкома ВКП(б) 17-й Губернской партконференции в 1927 году указывалось, что в Карсунском уезде в некоторых волостях бедняцкие кредиты использованы только на 45 проц., в Сызранском от 30 проц. до 50 проц. В Козловской волости Ардатовского уезда из 27 тыс. рублей бедняцкого кредита кооперацией использовано только 5 тысяч рублей.[1] Недостатки и извращения в работе сельхозкооперации в губернии имели место не только вследствие потери политической бдительности некоторой частью кооперативных кадров, но также и потому, что низовые организации и даже некоторые Укомы партии не сразу повернулись к конкретному руководству делом подъема и кооперирования крестьянских хозяйств.

Так, Неклюдовский волком партии и партийные ячейки сел Шугурово и Паракино той же волости сводили свою работу к общеполитическим кампаниям, принимали декларативные решения по вопросам сельского хозяйства и проходили мимо насущных вопросов хозяйственного, в том числе кооперативного строительства в своих селах. Точно так же Репьевский волком партии Карсунского уезда не ставил на своих заседаниях вопросы сельского хозяйства волости. Имевшиеся же в волости успехи сельхозкоммуны «Красное Знамя» и других колхозов достигались без участия волкома партии[2].

Все эти факты свидетельствуют о том, что деревенские коммунисты проглядели то, что классовая борьба в деревне в условиях НЭПа приняла иные, более сложные формы.

Не только в 1927 году, но и ранее Губком партии, вскрывая недостатки на отдельных участках работы сельхозкооперации, всемерно помогал органам кооперации улучшить свою работу, требовал строгого соблюдения классовой линии в кооперативной работе, указывал и подчеркивал значимость работы с беднотой, необходимость создания и правильного использования фондов кооперирования бедноты, создания и улучшения работы групп бедноты при Советах, сельхозкооперативах, при потребительских кооперативах и т. д.

Собравшаяся в ноябре 1927 года 17-я губернская партконференция отметила перелом к лучшему в деятельности сельскохозяйственной кооперации.

Этот перелом выразился в росте сети всех видов кооперации, в увеличении числа пайщиков из бедноты и середняков, в возникновении (в значительном числе) новых кооперативов, в укреплении финансового положения кооперации, в усилении мобилизации паевых капиталов, в расширении кредитных операций, в увеличении числа кооперативных предприятий по переработке сельхозпродуктов. Улучшению работы сельхозкооперации по группе уездов, объединявшихся Ульяновским райсельхредсоюзом, способствовало разделение этого союза на самостоятельные союзы сельскохозяйственно-кредитной и кустарно-промысловой кооперации. Укомы и волкомы партии стали более конкретно подходить к руководству делом кооперирования сельского хозяйства в своеобразных условиях своих районов.

Ряд сельских ячеек партии добились успехов в кооперировании бедняцко-середняцких хозяйств. В селе Енгалачево (Алатырского уезда), после проведенной коммунистами разъяснительной и организаторской работы, было создано сельскохозяйственное товарищество в составе 56 членов. В с. Чеверчине (Алатырского уезда), в результате органи-

---

[1] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269.

[2] См. Отчет Ульяновского Губкома ВКП(б) 17-й Губ. партконференции газ. «Пролетарский путь», 24.XI.1927 г., № 269.

заторской работы коммунистов, было создано товарищество по совместной обработке земли из 7 бедняцких хозяйств.[1]

Укреплялось финансовое положение сельхозкооперации, в связи с чем расширялась ее хозяйственно-организаторская деятельность. По инициативе Губкома партии Губисполкомом было выделено в 1927 году в основной капитал сельхозкооперации более 50 тыс. рублей из губернского бюджета.[2] В то же время рос паевой капитал кооперации, т. е. расширялось привлечение для кооперативного строительства средств самого крестьянства. В 1926 г. паевой капитал сельхозкооперации в губернии составлял около 78 тыс. рублей, к концу 1927 года он вырос на 16 проц. и составил более 90 тыс. рублей.[3]

Росли обороты сельхозкооперации по сбыто-снабженческим и заготовительным операциям. По Сызранскому и Ардатовскому уездам обороты в 1926 году составляли 97 тыс. рублей, а в 1927 году выросли на 18 проц. и составили 114 тыс. рублей.[4]

Важным показателем усиления роли сельхозкооперации в деле подъема производительности сельского хозяйства был рост ее операций по снабжению крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем и машинами. В 1926 году кооперативными органами всей губернии было продано сельскохозяйственного инвентаря почти на 98 тыс. рублей, а к лету 1927 г. только одним Сызранским союзом сельхозкооперации продано инвентаря и машин более чем на 100 тыс. рублей. Кроме того, через этот же Союз крестьянские хозяйства получили на 14 тыс. рублей сортовых зерновых и травяных семян.[5]

В целях подъема агротехнического уровня бедняцко-середняцких хозяйств сельхозкооперация имела в 1927 году в губернии 40 прокатных и 54 зерноочистительных пункта.[6]

Из 169 тракторов, имевшихся в губернии на 1927 г., у совхозов было 49 тракторов, у сельхозкооперативов — 55.[7]

Усилению хозяйственно-организационного воздействия сельхозкооперации на развитие крестьянских хозяйств способствовало расширение кредитной деятельности кооперации, при улучшении классовой линии в этой работе.

Долгосрочные кредиты в 1925—26 гг. составили 358.800 рублей, в 1926—27 гг. — 320.800 рублей, в 1927—28 гг. — 500.000 рублей, краткосрочные в 1925—26 гг. — 100.000 рублей, в 1926—27 гг. — 224.800 рублей, в 1927—28 гг. — 185.000 рублей. Общий размер долгосрочных кредитов, предназначенных для бедноты, в 1927—28 гг. увеличился почти в 10 раз. При этом долгосрочные бедняцкие кредиты специально на приобретение сельхозмашин выросли с 1924 г. к 1927 г. в 8 раз.

Расширению кооперирования бедняцких хозяйств способствовало установление в губернии в 1927 г. специального бедняцкого кредита в 252 тыс. рублей.[8]

Неуклонно усиливались отчисления в фонды кооперирования бедноты по низовой сети всех видов кооперации.

С большим успехом создание бедняцких фондов прошло в потребительской кооперации. В ходе отчетно-перевыборной кампании по низовой

---

[1] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269.
[2] Госархив УО, ф. 336, ед. хр. 2, л. 110.
[3] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 7.VI.1927 г., № 126.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Госархив УО, ф. 200, ед. хр. 2200, л. 10.
[7] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 2335, л. 181.
[8] Газ. «Пролетарский путь», Ульяновск, 24.XI.1927 г., № 269.

сети потребкооперации в фонд кооперирования бедноты было отчислено около 57 тыс. рублей.[1]

Улучшение хозяйственно-организационной и массовой работы кооперации и партийного руководства кооперированием крестьянства убедительно проявилось в ходе отчетно-перевыборной кампании всех видов кооперации в 1927 г. Сами перевыборы органов кооперации, как и Советов, явились большой школой политического воспитания бедноты и середняков и сплочения их для отпора кулачеству.

Примером успеха местных парторганизаций в ходе отчетно-перевыборной кампании в кооперации могут служить данные по группе 36 сельскохозяйственных товариществ. В 34 случаях при выборах победил организованный коммунистами блок бедноты и середняков. И только в двух случаях в органы этих товариществ прошло несколько представителей зажиточных. Резко улучшился социальный и партийный состав правлений низовых сельхозкооперативов. В 1926 г. в правлении 38 сельхозкооперативов было 49 бедняков, 58 середняков и 12 зажиточных. В 1927 г. в них стало: 54 бедняка (55 проц. вместо 50 проц.), 52 середняка (41,3 проц. вместо 42 проц.), 6 зажиточных (3,7 проц. вместо прежних 6,6 проц.). Если коммунистов в составе тех же правлений было в 1926 г. только 22 проц., то в 1927 г. их стало 32,6 проц.[2]

При большой активности бедняков и середняков, в том числе и не пайщиков, проходили перевыборы органов потребительской кооперации. По губернии партийными ячейками было проведено в этой связи 80 собраний бедноты и 55 заседаний правлений с кооперативным бедняцко-середняцким активом. Беднота проявила большую активность в отстаивании своих интересов при распределении прибылей, при установлении отчислений в бедняцкие и культурные фонды, при выборах в правления и получила при этом поддержку середняков.

Состав правлений потребительских кооперативов в 1927 г. также улучшился в сравнении с прежним. Число бедняков в правлениях увеличилось с 31,5 проц. до 36 проц., а число зажиточных уменьшилось с 5 проц. до 1,5 проц. Число коммунистов в правлениях с 13 проц. возросло до 17,2 проц.[3]

Таким образом, ко времени XV съезда партии Ульяновская губернская парторганизация достигла определенного улучшения работы кооперации и с точки зрения ее экономического укрепления, и с точки зрения усиления кооперирования бедноты, и с точки зрения улучшения социального и партийного состава руководящих органов кооперации.

В 1926 и в 1927 г. в Ульяновской губернии имело место ускорение роста различных сельскохозяйственных объединений, рост вовлечения крестьянских хозяйств и в простейшие и в высшие производственные кооперативные объединения.

К сожалению, степень кооперирования крестьянского хозяйства в Ульяновской губернии в 1927 г. не была достаточно точно учтена. Поэтому ни кооперативные, ни советско-земельные, ни партийные органы не знали действительного положения сельскохозяйственной кооперации в губернии.

Этим объясняется то, что в различных документах различных организаций за одни и те же годы фигурируют совершенно разноречивые данные о числе сельскохозяйственных объединений, о степени кооперирования сельского хозяйства губернии.

Ульяновский Губком партии, изучая состояние сельхозкооперации,

---

1 Ж. «Ульяновский общественник», Ульяновск, 15.1.1927 г., № 1, стр. 19.
2 Госархив УО, ф. 316, ед. хр. 104, л. 87.
3 «Ульяновский общественник», Ульяновск, 12 марта 1927 г., № 5.

обязал в 1927 г. Губернское Земельное Управление провести обследование и учет действительно существующей в губернии сети сельскохозяйственных объединений. Такое обследование было произведено, но лишь в половине числящихся в губернии сельскохозяйственных объединений. Но даже и такое половинчатое обследование подтвердило неточность учета кооперирования сельского хозяйства и в Губземуправлении и в Союзах кооперации. Оказалось, что более трети сельскохозяйственных объединений, значащихся по реестрам Губземуправления, в действительности не существовало или подлежало ликвидации, как кулацкие лжекооперативы. Подтвердилось также существование в губернии значительного числа бедняцко-середняцких «диких» товариществ, подлежащих вовлечению в систему сельхозкооперации.

Более точную картину положения сельхозкооперации в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии дало другое обследование, произведенное в 1928 г. уже в границах Ульяновского округа, образованного из территории бывшей Ульяновской губернии. Правда, размеры территории округа по сравнению с территорией губернии стали меньшими. Поэтому число обследованных сельхозобъединений было, понятно, меньше. чем в границах прежней губернии. Однако это обследование отвечает на вопрос о степени кооперирования крестьянских хозяйств в отношении довольно большой части бывшей территории губернии и правильно показывает нарастание темпов кооперирования сельского хозяйства губернии в 1926 и в 1927 гг., т. е. ко времени XV съезда партии.

По данным обследования сельхозобъединений, произведенного в 1928 г., в Ульяновской губернии (в границах округа) развитие сельхозкооперативов за 1926 и 1927 годы характеризуется так:[1]

Виды сельскохозяйственных объединений	1926 г.	1927 г.	Рост
1. Различные простейшие (подсобно-производственные, сбытовые и пр.)	68	114	167,6%
2. Сельскохозяйственные кредитные товарищества		51	74,9%
3. Производственные кооперативы (тозы, артели, коммуны)	59	65	11,1%
Всего:	127	230	131,1%

127 объединений в 1926 году и 230 объединений в 1927 г. это жизненные бедняцко-середняцкие кооперативы. Они обнаружили свою устойчивость и способность к дальнейшему развитию, в отличие от 400 «бумажных» объединений, оказавшихся несуществующими к моменту обследования и в отличие от 60 объединений оказавшихся «лжеколхозами» и ликвидированных окружной комиссией по обследованию.[2].

Жизненные сельхозкооперативы Ульяновской губернии (в границах округа) объединяли в 1927 году:

---

[1] Таблица составлена по книге «Колхозы Ульяновского округа» (по материалам сплошного обследования на 1.X.1928 г.). Ульяновск, 1929 г., стр. 7 и 12.

[2] Там же, стр. 5.

1. Простейшие сельхозобъединения — 32.300 крестьянских хозяйств.

2. Производственные кооперативы (колхозы) — 1200 крестьянских хозяйств.[1]

Следовательно, на 1927 г. степень кооперирования крестьянских хозяйств Ульяновской губернии составляла: а) по простейшим — 20,6 проц. (при 30 проц. в среднем по стране); б) по колхозам — около 0,7 проц. (при 1,0 проц. в среднем по стране).

Таким образом, уровень кооперирования крестьянских хозяйств в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии был несколько ниже, чем в целом по стране. Однако общие процессы укрепления всех видов кооперации в стране получили свое отражение и в Ульяновской губернии. Об этом убедительно говорит сравнение числа вновь возникавших и числа укрепившихся затем сельскохозяйственных объединений в губернии в период между XIV и XV съездами партии.

В 1925 г. из числа вновь возникших укрепилось в качестве жизненных 20 сельхозкооперативов. В 1926 г. таких вновь возникших объединений и укрепившихся было 21, а в 1927 г. — возникло уже 39 жизненных сельскохозяйственных объединений.

По социально-классовому составу в сельхозобъединениях Ульяновской губернии (в границах округа) было 62,11 проц. бедняков и батраков, 34,8 проц. середняков, 2,74 проц. зажиточных и 0,35 проц. кулаков. Причем наличие кулаков характерно было, главным образом, для простейших объединений: кредитных, мелиоративных, отчасти машинных товариществ.[2]

Итак, жизненные сельхозкооперативы по своему характеру в подавляющем большинстве представляли бедняцко-середняцкую хозяйственную организацию. Преодолев под руководством парторганизации серьезные извращения в своей работе, возникшие в первый период НЭПа, сельхозкооперация оправдала себя, как наиболее приемлемая для крестьянства форма перехода его к социалистическому пути развития. Успехи сельхозкооперации, в том числе колхозов в особо трудных условиях Ульяновской губернии, подтверждали, что именно она (кооперация) является главным орудием в руках Советского государства в деле борьбы за развитие социалистических форм сельского хозяйства.

Ульяновской партийной организацией, как и всей партией в целом, накоплен был определенный опыт руководства развитием сельхозкооперацией, необходимый для ее широкого развертывания и подготовления таким образом условий для массовой коллективизации сельского хозяйства.

Самый главный итог борьбы Ульяновской партийной организации за развитие сельхозкооперации заключался в том, что широкие массы бедноты и середняков все более убеждались в выгодах и преимуществах кооперирования, в том числе и по линии производства, как верного средства подъема их хозяйства и спасения от кулацкой кабалы.

Особенно заметные успехи в восстановлении сельского хозяйства Ульяновская губерния сделала в 1927 году, когда посевная площадь достигла 97,8 проц. довоенного уровня.

Восстановление сельского хозяйства протекало в борьбе социализма с капитализмом. Борьба за то, кто: социалистический или капиталистический уклад использует с большим успехом товаро-рыночные отношения для своего развития, решалась все более в пользу социализма.

Советское государство, осуществляя требования основного экономического закона, проводило систему экономически-правовых мероприятий

[1] «Колхозы Ульяновского округа», Ульяновск, 1929 г., стр. 12.
[2] Там же, стр. 16.

в направлении содействия росту трудовых крестьянских хозяйств, особенно бедноты, и ограничения роста кулачества. В результате такой экономической политики Советского государства материальный уровень трудящегося крестьянства неуклонно возрастал, как и материальный уровень рабочего класса.

Такой рост материального уровня деревни означал, что действие экономических законов социализма оказывает определяющее влияние и на развитие крестьянского сельского хозяйства, хотя товарно-капиталистические тенденции продолжали еще действовать.

В противоположность капиталистическому типу развития, который выражается в «вымывании» среднего крестьянства при росте крайних групп — бедноты и кулачества в Советской стране, наоборот, происходил процесс усиления группы середняков при некотором пока еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков и при сокращении слоя бедноты, из которого некоторая часть пролетаризовалась, а другая, более значительная часть, постепенно передвигалась в число середняков.

Эта специфическая закономерность, определявшаяся борьбой социализма и капитализма, проявлялась в общем и в развитии крестьянских хозяйств Ульяновской губернии.

Критическая переработка различных данных об имущественных группировках крестьянских хозяйств в Ульяновской губернии за восстановительный период дала возможность составить следующую таблицу по этому вопросу:[1]

Годы	Группы хозяйств по посеву					
	беспосевных	до 2-х десятин	от 2-х до 8 десятин	от 8 до 10 десятин	свыше 10 десятин	всего
1924 г.	0,6	26,1	69,4	2,5	1,4	100%
1926 л.	1,01	24,41	69,68	2,9	2,0	100%
1927 г.	3,28	22,02	69,0	3,0	2,7	100%

Из таблицы видно, что в отличие от дореволюционных условий, когда в губернии происходило широкое сокращение средних групп, при Советской власти средние группы крестьянства (от 2 до 8 десятин и от 8 до 10 десятин) обнаруживают стабильность и увеличение числа хозяйств. Здесь следует оговорить, что Ульяновское губстатбюро, а вслед за ними и другие органы губернии, неправильно выводило кулацкую группу хозяйств, относя к ней все хозяйства, имевшие свыше 8 десятин посева. Тем самым они преувеличивали долю кулацких хозяйств, преувеличивали степень классового расслоения крестьянства. На самом деле кулацкие хозяйства находились, главным образом, в группе хозяйств, имевших посевы свыше 10 десятин. Губстатбюро не учитывало особую группу от 8 до 10 десятин посева. Между тем, эта группа — зажиточных

[1] При составлении таблицы использованы: данные Губернского статистического бюро (Госархив ф. 336, оп. 53, д. 30, л. 13), данные, приведенные на ноябрьском Пленуме Губкома и 17-й губернской конференции партии в 1927 г. («Пролетарский путь», от 9.XI. и 24.XI.1927 г.).

хозяйств представляла собой как бы переходную, из которой росли кулаки. Но, вместе с тем, значительная часть этой группы принадлежала к зажиточным середнякам, тогда как Губстатбюро полностью относило их кулакам.

Внося соответствующую поправку, можно считать, что число середняцких хозяйств губернии поднялось в 1927 г. до 70 проц., составляя основную массу всего крестьянства губернии. Рост этой группы происходил за счет подъема бедняцких хозяйств, из числа которых часть неуклонно переходила в группу середняков.

В таком подъеме хозяйств бедноты, в стабильности и в росте середняцких хозяйств, проявлялась сила влияния социалистического уклада Советского государства, его планово-регулирующего воздействия на развитие крестьянских хозяйств. Это планово-регулирующее влияние Советского государства ограничивало сферу действия стихийных товарно-капиталистических тенденций, ведущих к разорению бедноты, с одной стороны, и с другой — к нарождению кулацких элементов. Поэтому, имевшее все же место, известное классовое расслоение шло иначе, чем в дореволюционных условиях. Теперь расслаивалась уже не середняцкая группа, а сокращалась группа бедняцких хозяйств. Кроме поднимавшихся к уровню средних крестьян, некоторая небольшая часть бедняцких хозяйств все же превращалась в беспосевных, становилась батраками у кулаков или сельхозрабочими в совхозах. Этим объясняется увеличение слоя беспосевных в 1927 г. до 3,28 проц. В то же время на другом полюсе деревни, в ограниченных в сравнении с дореволюционными условиями, происходило некоторое увеличение доли кулацких хозяйств. Если учесть, что некоторая часть хозяйств с посевом от 8 до 10 десятин принадлежала к кулакам, то вся доля кулацких хозяйств в 1927 г. составляла в губернии, исходя из данных по посевам, около 4,7 проц.

Соотношение имущественных групп крестьянства в Ульяновской губернии по размерам посевов подтверждается в общем и данными о лошадности хозяйств. Эти данные показывают что наиболее широкой и растущей группой крестьянства в губернии являлись хозяйства с одной лошадью—середняцкие хозяйства. К таким однолошадным хозяйствам в губернии в 1926 г. принадлежало 49 проц. всех хозяйств, а в 1927 г. — 50,79 проц. Но эта середняцкая группа должна быть пополнена за счет двухлошадных хозяйств, каких было в 1927 г. 4,05 проц., из которых часть была зажиточно-середняцкой, а часть кулацкой, использующей свой рабочий скот для закабаления бедноты. Вместе с многолошадными, которых было в 1927 г. — 1,08 проц., доля кулацких хозяйств по лошадности составляла около 4 проц.[1].

Таким образом и данные по лошадности подтверждают процесс консолидации середняцких хозяйств, при некотором росте числа кулацких хозяйств.

Способы кулацкой эксплуатации, однако, не исчерпывались наймом батраков, использованием для этого излишков живого и мертвого инвентаря. Существовало немало замаскировавшихся кулаков, имевших даже «бедняцкие» по размерам посевы и мало скота, но которые закабаляли крестьян ростовщичеством, торговой спекуляцией и т. п. Приведенные ранее данные об относительно высокой доле в Ульяновской губернии частных торговых посредников в деревенском товарообороте свидетельствуют о распространенности этих, не всегда поддававшихся учету, форм эксплуатации.

Учтя все возможные формы кулацкой эксплуатации, есть основания предполагать, что в целом число хозяйств, принадлежавших в Улья-

[1] Госархив УО, ф. 1624, ед. хр. 298, л. 2.

новской губернии к сельской буржуазии, доходило в годы НЭПа до 5 проц. общего числа крестьянских дворов.

По сравнению со средними данными структуры крестьянства по СССР к 1927 г.[1], по Ульяновской губернии следует отметить некоторые особенности. Они заключались в том, что количество бедняцких хозяйств в губернии было в 1927 г. по посевности на 3,32 проц. больше, чем в среднем по стране, что подъем бедняцких хозяйств к уровню средних хозяйств происходил здесь медленнее, чем в среднем по стране. Эта особенность выражается и в том, что число середняцких хозяйств в губернии было в 1927 году на 1,9 проц. меньше, чем в среднем по стране. Эти отличия в размерах бедняцкой (больше) и середняцкой (меньше), от структуры крестьянства в среднем по стране, являются проявлением уже указанного, относительного отставания сельского хозяйства губернии в уровне и темпах его восстановления.

Однако эти отклонения весьма незначительны. И в Ульяновской губернии в основном отчетливо проявилась общая закономерность развития сельского хозяйства при Советской власти, заключающаяся в подъеме его экономического уровня, при ограничении роста кулачества.

Итак, партия и Советское государство достигли поставленной при переходе к НЭПу задачи восстановления сельского хозяйства на основе подъема и кооперирования бедняцко-середняцких хозяйств, на основе укрепления их смычки с растущей социалистической промышленностью, на основе укрепления союза с рабочим классом, при ограничении роста кулацких хозяйств.

Достигнутые диктатурой пролетариата хозяйственные и политические итоги за восстановительный период НЭПа явились дальнейшим развитием предпосылок социалистической перестройки крестьянского хозяйства, которые возникли в первые годы Советской власти, но которые были еще тогда недостаточны для осуществления такого преобразования.

* * *

Если условия первых лет Советской власти, в том числе и первых лет НЭПа, не позволяли еще приступить к широкому строительству колхозов, то со вступлением страны в реконструктивный период, с развертыванием социалистической индустриализации страны положение глубоко изменилось. Теперь в стране уже создались условия, позволявшие диктатуре пролетариата ставить на очередь вопрос о коренном социалистическом преобразовании сельского хозяйства, без чего невозможна была победа социализма в стране, невозможно было поднимать дальше благосостояние рабочих и крестьян. Налицо были: быстро растущая социалистическая индустрия, восстановление крестьянского хозяйства и его экономическая торговая смычка с социалистической промышленностью, а также проверенный значительными массами крестьянства опыт кооперирования, особенно в товарообороте, убеждавший крестьян в выгодности совместного ведения дел.

Все это давало новые позиции и возможности для перенесения наступления социализма, развернувшегося в промышленности, и на сельское хозяйство, для организации перехода к массовому производственному кооперированию крестьянства, к усилению экономического и политического обуздания кулачества.

Форсированная индустриализация страны изменяла экономическую обстановку в стране. Но в то время как темпы роста и масштабы социа-

---

1 «Тяжесть обложения в СССР». Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения СССР. М., 1929 г., стр. 14, приводится по книге Краева М. А. «Победа колхозного строя в СССР», 1954 г., стр. 347.

листической индустрии быстро увеличивались, сельское хозяйство развивалось гораздо медленнее. При достижении почти довоенного уровня валовой продукции сельского хозяйства, товарная продукция его была чрезвычайно низкой, достигая всего 50 проц. товарности довоенного уровня. Особенно велико было отставание по зерну.

Такое чрезмерное отставание сельского хозяйства не соответствовало быстрому росту спроса на хлеб и сельскохозяйственное сырье со стороны быстро растущих промышленности, городов, рабочего класса.

Причина опасного для строительства социализма отставания сельского хозяйства от роста индустрии, от колоссального спроса на товарный хлеб заключалось в том, что производство подавляющей массы хлеба в стране принадлежало малотоварным индивидуальным крестьянским хозяйствам.

Основная масса крестьянских трудовых хозяйств поднялась при Советской власти до уровня середняцких хозяйств. Но все же это были мелкие хозяйства, в них не могли быть эффективно использованы достижения науки, машинной техники, и они оставались малопроизводительными по сравнению с крупными хозяйствами, например, колхозами, а также и кулацкими хозяйствами. Кроме того, в деревне происходило неуклонное дробление крестьянских хозяйств на более мелкие.

Чрезмерное отставание зернового хозяйства получило отчетливое выражение в Ульяновской губернии, принадлежавшей к одному из краев, производящих главную массу хлебной продукции страны.

В губернии также происходило интенсивное дробление крестьянских хозяйств, снижавшее их товарность. Если в 1913 году в губернии было 213,6 тысячи крестьянских хозяйств, то в 1927 году их стало 256,3 тыс.[1]

Состояние зернового хозяйства губернии к концу восстановительного периода НЭПа в сравнении с довоенным, характеризуется нижеследующей таблицей:[2]

Все данные в переводе на рожь	1913 г.	1926—27гг.	1927-28 гг.
Валовой сбор всех хлебов	61, мил. пуд. (100%)	54,537 мил. пуд. 90% к 1913 г.)	57,011 мил. пуд. (95% к 1913 г.)
Товарные излишки, % товарности	20,0 мил. пуд. (100% товарность —30%)	7,5 мил. пуд. (30,5% к в 1913 г. товарн. 10-3%)	10,434 мил. пуд. (50% к 1913г.) товарн. 10,7%
Товарные излишки за вычетом потребностей городского населения		4,992 мил. пуд.	7,240 мил. пуд.

По данным архивов Ульяновской области не удалось установить размеры товарного выхода хлеба по социальным секторам сельского хозяйства. Но как по стране в целом, так и по Ульяновской губернии главную массу валового и товарного хлеба, до сплошной коллективизации, давали индивидуальные трудовые хозяйства. Эта подавляющая роль мелкого, главным образом среднего крестьянского хозяйства, в произ-

[1] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, ед. хр. 1425, л. 9 и кн. «Средневолжский край» М. С. 1930 г., стр. 145.

[2] Таблица выведена из сведений о хлебном балансе Ульяновской губернии, хранящихся в архиве Ульяновского обкома КПСС, фонд 1, ед. хр., 1338 л. 346.

водстве хлеба в условиях Ульяновской губернии, была еще большей потому, что доля высокотоварных крупных хозяйств, будь то кулацкие хозяйства или колхозы и совхозы, была здесь относительно меньше, чем в среднем по стране.

Именно этой определяющей ролью мелких низкотоварных трудовых хозяйств в производстве хлеба и объясняется то, что сельское хозяйство губернии, достигнув в 1927 г. 95 проц. довоенной валовой продукции, в то же время по товарным излишкам давало едва 50 проц. довоенного товарного выхода. При этом товарность сельского хозяйства губернии, т. е. отношение товарных излишков к валовой продукции, составила в 1927 г. всего 10,7 проц., т. е. была ниже средней товарности мелких крестьянских хозяйств по стране (11,2 проц.). Кроме того, вследствие роста потребления хлеба городским, промышленным населением внутри губернии, доля товарных излишков, отдаваемых за пределы губернии, возрастала еще медленнее, чем рост товарных хлебных излишков вообще. Губерния не выполняла своей роли важного источника увеличения хлебного баланса страны, каким она могла стать, если бы земледелие основывалось не на мелком, а на рентабельном крупном хозяйстве. Даже в климатически благоприятные урожайные, какими были 1926 и 1927 годы, мелкое малотоварное земледелие губернии не дало серьезного прироста товарных излишков хлеба.

Общее для страны чрезмерное отставание зернового хозяйства выражалось в Ульяновской губернии более сильно, в силу относительно бóльшего преобладания в ней мелкокрестьянского сельского хозяйства. Это еще ярче подтверждало, что причины возникшего в стране к концу восстановительного периода отставания земледелия от темпов роста и спроса на хлеб коренились в малой товарности мелкого распыленного крестьянского хозяйства. Это мелкое хозяйство имело, конечно, некоторые возможности, чтобы еще несколько повысить свою товарность. Но поднять товарность производства зерна так, как это было необходимо для быстро индустриализирующейся страны, мелкое крестьянское хозяйство было неспособно.

Итак, наличие возросших сил Советского государства для развертывания наступления социализма на капиталистические элементы, выявившиеся вместе с тем препятствия для дела дальнейшей индустриализации страны в виде чрезмерного отставания сельского хозяйства, — эта обстановка требовала от Коммунистической партии новых решений в части конкретизации путей дальнейшего строительства социализма. Эти задачи и встали перед XV съездом Коммунистической партии, заседавшем 2—19 декабря 1927 года.

XV съезд партии, проанализировав международную и внутреннюю обстановку Советского Союза, нашел, что та и другая с объективной необходимостью требует дальнейшего всемерного укрепления позиций социализма в стране на основе дальнейшего форсирования социалистической индустриализации.

Только укрупнение сельского хозяйства могло обеспечить растущую индустрию необходимой продовольственной и сырьевой базой.

Исходя из этого, XV съезд партии указал на необходимость «поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда»[1].

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях», т. II, 7 изд. 1953 г., стр. 317.

Вслед за идущим уже наступлением социализма в городе, XV съезд поставил, таким образом, задачу «более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком».[1]

Определяя более конкретно пути к массовой коллективизации сельского хозяйства, подчеркнув значение для этого достигнутых успехов в кооперировании крестьянства в товарообороте, XV съезд партии указал, что на очередь встала задача: на основе еще большего охвата крестьянства низшими формами кооперации поднимать его к высшей ступени к производственному кооперированию.

Среди политических мер, которые XV съезд партии принял в обеспечение осуществления своих решений, в том числе по коллективизации сельского хозяйства, важнейшее место принадлежало проведенной съездом ликвидации троцкистско-зиновьевского антипартийного антисоветского блока.

Как решение задач восстановления народного хозяйства, так и переход к социалистической реконструкции его не могли быть достигнуты без разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Ульяновская губернская партийная организация пришла к XV съезду партии выросшей и окрепшей, в сравнении с первыми годами НЭПа, сплоченной вокруг генеральной линии партии. Разгромив в 1924 г. троцкистских фракционеров, пытавшихся захватить партийное и советское руководство в губернии, Ульяновский Губком партии провел в последующие годы большую работу по организационному укреплению и идеологическому воспитанию рядов организации, по укреплению ее связей с массами.

Во всей губернской партийной организации за антипартийную, антисоветскую линию троцкистко-зиновьевского блока было подано всего только 6 голосов. Это ярко говорило о беспочвенности раскольников и о сплоченности губернской партийной организации вокруг ленинского ЦК партии.

17-я Ульяновская Губернская партийная конференция, состоявшаяся перед XV съездом партии, заклеймила троцкистско-зиновьевских врагов партии, одобрила исключение из партии их вожаков. Конференция в своем приветствии заверила Центральный Комитет партии, что губернская организация «на раскольническую деятельность, на дезертирство, на измену кучки зарвавшихся авантюристов ответит еще большим усилением социалистического строительства, вовлечением широких рабоче-крестьянских масс в это строительство, еще большим вовлечением в ВКП(б) рабочих, батраков и деревенской бедноты».[2]

Такое же поражение троцкистско-зиновьевский блок потерпел и по другим организациям партии.

XV съезд партии, завершив идейный разгром троцкизма, добил его и организационно. Тем самым было расчищено серьезное политическое препятствие на пути к массовой коллективизации сельского хозяйства.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях», т. II, 7 изд. 1953 г., стр. 352.
[2] Газета «Пролетарский путь», Ульяновск, 23.XI.1927 г., № 268.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II
1958 год

И. И. Дикарев

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ УЛЬЯНОВЦЕВ В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война Советского Союза против германского фашизма (1941—1945 гг.) явилась серьезным испытанием и проверкой всех материальных и духовных сил советского народа, прочности нового социалистического общества, утвердившегося в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Это была самая тяжелая и жестокая из всех войн, имевших место в истории нашей Родины.

В минувшей войне решалась не только судьба социализма в СССР, но и вопрос о перспективах развития человечества на многие десятилетия, вопрос о судьбах международного социализма. Фашизм — ударный отряд мировой империалистической реакции — рассчитывал уничтожить социалистическую базу мирового революционного движения, силой оружия задержать движение человечества к социализму. Однако эти расчеты потерпели полный крах. Фашисты были биты прежде всего силами советского народа, который отстоял честь и независимость своей социалистической Родины, отстоял дело социализма, спас народы Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Советский народ победил потому, что его вела к победе мудрая, закаленная в боях Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила нашего общества. В годы войны партия своей огромной организаторской работой на фронте и в тылу объединила усилия советских людей и направила их к общей цели — к разгрому фашистских агрессоров. Следуя ленинским указаниям советский народ в годы довоенных пятилеток успешно осуществил выработанный партией план социалистической индустриализации, создал высокоразвитую отечественную тяжелую промышленность — основу основ народного хозяйства и обороноспособности государства. Продукция промышленности СССР к началу войны почти в двенадцать раз превосходила промышленную продукцию дореволюционной России. На основе индустриализации страны была проведена социалистическая реконструкция сельского хозяйства.

С победой социализма в СССР еще более упрочился союз рабочего класса с крестьянством, являющийся высшим принципом диктатуры пролетариата, источником силы и крепости Советского государства, развились и окрепли такие движущие силы советского общества, как морально-политическое единство, дружба народов СССР, советский патриотизм.

Таким образом, в результате претворения в жизнь внутренней и внешней политики Коммунистической партии, Советское государство перед Великой Отечественной войной имело материальные и морально-политические предпосылки, необходимые для того, чтобы в случае нападе-

ния агрессоров обеспечить нашу победу. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, как один встал на защиту своей социалистической Родины под лозунгом: «Наше дело правое — мы победим!».

I

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на нашу Родину. К этому времени гитлеровские захватчики расправились поодиночке с государствами Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, подчинили себе экономику оккупированных стран.

Фашистские захватчики, развязывая войну против Советского Союза, делали главную ставку на ее «молниеносное» завершение, рассчитывая в полтора—два месяца разгромить наши вооруженные силы, захватить важнейшие центры нашей страны, вплоть до Урала.

Серьезная опасность нависла над нашей Родиной. Фашистские изверги творили чудовищные преступления — разрушали города и села, фабрики и заводы, колхозы, МТС и совхозы, школы, больницы и памятники культуры, уничтожали советских людей. Враг ставил своей целью захватить советскую землю, восстановить власть помещиков и капиталистов, поработить советских людей. В начале войны наша страна оказалась в чрезвычайно тяжелом и опасном положении. Ведя ожесточенные оборонительные бои, Советская Армия вынуждена была временно оставлять экономически важные районы с многомиллионным населением.

Сложившаяся в начале Великой Отечественной войны международная и внутренняя политическая обстановка выдвинула перед партией и страной новые задачи: нужно было дать советскому народу ясную ориентировку и перспективу в новых исторических условиях борьбы за защиту социалистического Отечества; нужно было отрешиться от благодушия, беспечности и настроений мирного времени и перестроить свою работу на новый военный лад, мобилизовать все силы и средства на разгром немецко-фашистских захватчиков. Советскому народу, партии и правительству надо было в кратчайшие сроки решать такие сложные задачи, как перестройка всего народного хозяйства на военный лад, организация массового производства боевой техники и оружия, надо было отмобилизовать резервы, обеспечить армию продовольствием, обмундированием и снаряжением. Возникла необходимость перебазировать из районов, подвергавшихся угрозе вражеского нашествия, в восточные районы огромное количество материальных средств.

Решение этих задач должно было повести к ликвидации временных преимуществ немецко-фашистских захватчиков, к срыву замыслов «молниеносной» войны против Советского Союза и создать необходимые условия для коренного изменения обстановки на фронте в пользу СССР. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, успешно выполнил эти сложные и большие задачи в первый период войны, с июня 1941 г. до осени 1942 г.

В ходе войны на основе общих интересов народов в борьбе с фашизмом сложилась антигитлеровская коалиция во главе с СССР. В совместной борьбе против фашистской Германии установились прочные узы дружбы народов СССР, США, Англии, Франции и других стран. Но правящие круги США и Англии, выражавшие коренные интересы монополистов, перестраивали экономику своих стран на военный лад постольку, поскольку это обеспечивало увеличение максимальных прибылей монополистам. Их ставка была на ослабление Германии и Японии как конкурентов, с одной стороны, а с другой стороны — они жаждали поражения или, по крайней мере, истощения СССР в войне.

Советский народ и его армия вынесли на своих плечах главную тя-

жесть борьбы с гитлеровской коалицией. Советское государство оказалось сильнее гитлеровской Германии и ее сателлитов. Источником великих побед советского народа явились преимущества советского государственного строя, патриотизм советских людей, дружба народов СССР, могущество наших Вооруженных Сил, мудрое руководство Коммунистической партии.

Тяжелые испытания не поколебали советских людей, а, наоборот, закалили их боевой дух и готовность защищать независимость своего государства. Пламенный патриотизм советских людей проявился в ратных подвигах советских воинов, в самоотверженности тружеников советского тыла, в героизме славных советских партизан.

Трудящиеся города Ульяновска, как и весь советский народ, в выступлениях и резолюциях, принятых на митингах в первые дни войны, заверили свою партию и Советское правительство, что они готовы грудью встать на защиту социалистического Отечества.

Рабочие, инженеры, служащие, речники, железнодорожники взяли на себя конкретные обязательства и поклялись работать так, чтобы обеспечить победу над врагом. Безграничная преданность делу партии Ленина, любовь к Родине трудящихся города Ульяновска — родины Ильича — сразу же проявились в огромном трудовом подъеме на производстве, в патриотических делах.

На предприятиях города Ульяновска широкой волной развернулось социалистическое соревнование: удвоенной и утроенной работой ответили рабочие, работницы, инженеры и техники на нападение фашистской Германии.

Трудовой, патриотический подъем охватил всех трудящихся Ульяновска. Так, в паровозном депо станции Ульяновск I медник Михаил Николаевич Змазов, начиная с 22 июня 1941 года, стал выполнять свои сменные задания на 360 и больше процентов. По три с лишним нормы выполняли: медник Стариков, котельщики Костин и Калин, кузнец Петров и другие.

В первые же дни войны в паровозном депо ст. Ульяновск I особенно выделился токарь комсомолец Никифоров и его ученики Денисов и Карпов. Они стали гордостью коллектива депо, выполняя ежедневно по пять и больше норм. За 8 часов работы они трое выполняли работу не менее как 15 рабочих. Все свое мастерство, всю энергию, весь пыл молодости они вкладывали в работу. Их лозунгом было — «Ни минуты простоя!» (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 86).

Партийная организация ст. Киндяковка с первых же дней войны развернула массовую агитационную работу за перестройку всей работы на военный лад, развернула социалистическое соревнование за ежедневное перевыполнение дневных норм выработки и планов перевозки. Все рабочие вагоноремонтного пункта стали перевыполнять нормы. Кузнецы Бутров и Курылёв, слесари Морозов и Земсков и др. выполняли по три нормы. За последние 8 дней июня 1941 г. по ВРП было выполнено 50 проц. месячного производственного плана. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4104, л. 282).

В первые же месяцы войны выпуск паровозов с подъемочного ремонта увеличился до ста сорока процентов, процент больных паровозов при плане в 17,3 процента снизился до 6,77 процента. Выгрузка вагонов к октябрю 1941 года увеличилась до 250 процентов, а погрузка — до 145 процентов. Машинисты-лунинцы Немыкин, Демидов, Васильев, Деревянников, Буранов, Беляков, Михайлов, Неугасов, Костюшин, Захаров и др. в июне 1941 года провели 135 тяжеловесных поездов, а в октябре 1941 года — 270, то есть в два раза больше. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 86).

На третий день войны пришел в паровозное депо 70-летний Иван Степанович Хилков и стал работать техником. Так же поступили пенсионеры Василий Николаевич Каштанкин, Александр Филиппович Петров, Шамаев и другие.

Среди жен железнодорожников возникло движение за овладение специальностью мужа, чтобы в нужный момент заменить его на производстве. Жена машиниста Бузаева овладела специальностью машиниста, жены рабочих-слесарей: Макова Мария Мироновна, Земскова Зинаида Александровна, Богомолова Лидия Петровна и многие другие также стали овладевать профессиями своих мужей. Свыше 100 женщин в порядке общественной работы пришли на Ульяновский железнодорожный узел, чтобы помогать транспорту выполнить свой долг перед Родиной. Инициаторами этого движения были женщины: Травина, Филянкина, Климахина, Рябова, Земскова, Климова и другие. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4180, л. 4).

Старая работница Брундукова Агриппина Григорьевна, провожая на фронт двух сыновей, дала слово еще лучше работать, — и этим помогать им в разгроме врага. При норме обслуживания в 4 станка она обслуживала 6 станков и систематически перевыполняла нормы.

Работница Любовь Петрова, воспитавшая двух сыновей, — солдат Советской Армии, — обслуживала двойную норму станков, овладела несколькими профессиями. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 10).

Комсомольская бригада Романовой З. П. с первых дней войны стала выполнять нормы на 150—170 процентов. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4137, л. 2).

Начавшаяся война потребовала мобилизации части рабочих в Советскую Армию. Но их уход с предприятий не приводил к сокращению выпуска продукции. Патриотизм людей, оставшихся в тылу, вызвал к жизни ряд форм замены уходящих на фронт с тем, чтобы не допустить сокращения производства. «Заменим уходящих на фронт повышением производительности труда!» — под таким призывом проводили в армию рабочие лесопильного завода своих товарищей. 23 июня 1941 года на фронт с лесозавода ушли 16 рабочих. Но это не повлияло на выполнение плана заводом.

Патриотический подъем ульяновцев возглавили коммунисты Ульяновской городской партийной организации во главе с городским комитетом ВКП(б). Партийная организация города руководствовалась историческим указанием Центрального Комитета ВКП(б):

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага».

Исходя из этого указания, перед городской партийной организацией и трудящимися Ульяновска встали следующие конкретные задачи: как можно быстрее перестроить работу всех предприятий города на военный лад, принять и пустить в ход эвакуированные предприятия, развернув их производственные мощности в соответствии с требованиями войны; взамен ушедших на фронт рабочих, мобилизовать новые силы, главным образом молодежь и женщин, и организовать их обучение; поднять на высшую ступень производительность труда, дело рационализации и изобретательства, экономии средств и материалов; укрепить дисциплину труда и организовать такую политическую работу среди трудящихся, чтобы они всю свою энергию направили на выполнение исторического требования нашей партии. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 3—4).

Перестройка промышленности города Ульяновска на военный лад была проведена партийной организацией и трудящимися действительно в самые кратчайшие сроки. Трудящиеся города Ульяновска, не жалея

своих сил, делали все, чтобы с первых же дней войны удвоить и утроить выпуск продукции для фронта, выполнить государственные планы III и IV кварталов 1941 года.

Последние месяцы 1941 года были самыми тяжелыми и критическими в экономике, и прежде всего в промышленности СССР. В этот период эвакуированные на восток предприятия уже перестали давать продукцию в старых районах, а многие из них были на колесах. К этому периоду относятся исключительно большие потери, которые понесло народное хозяйство СССР в результате временной оккупации гитлеровской Германией ряда советских районов. Но в то время, когда в результате военных потерь, а также эвакуации сотен предприятий, валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года уменьшилась в 2,1 раза, промышленность восточных районов увеличила выпуск продукции. В частности, быстрая перестройка работы предприятий Ульяновска, как и во всех восточных областях, обеспечила удвоение выпуска продукции в самый тяжелый для нашей страны период.

Так, вся промышленность Ульяновска за 1941 год по сравнению с 1940 годом, взятым за 100, дала прирост валовой продукции на 202,1 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 5).

С первых дней войны, когда наши враги подсчитывали «последние» дни существования Советского государства, советский народ, проявляя величайшую выдержку и уверенность в победе, своим героическим трудом выполнял план обеспечения этой победы. В восточных районах нашей страны — в Поволжье, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке — строились новые предприятия, восстанавливались на новых местах эвакуированные предприятия, все отрасли народного хозяйства перестраивались на военный лад. Во всех этих районах производство промышленной продукции в период войны увеличилось в несколько раз. Так удельный вес промышленных районов Поволжья в промышленности СССР вырос за это время в 4 раза.

За период Отечественной войны промышленность города Ульяновска увеличила выпуск валовой продукции по сравнению с 1940 годом в 6,5 раза. Удельный вес промышленности города Ульяновска в промышленности районов Поволжья за этот же период увеличился в 2 раза.

Если объем выпуска продукции промышленностью города в 1940 году взять за 100, то мы имеем следующую динамику роста выпуска оборонной продукции за годы Отечественной войны: за 1941 год прирост составил 202,1 проц., за 1942 г. — 453,4 проц., за 1943 г. — 655,0 проц. и за 1944 г. — 576,9 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 5).

Этот рост происходил как за счет расширения производства старых предприятий города, так и за счет вновь построенных и эвакуированных в Ульяновск предприятий, а также за счет роста производительности труда, в результате применения новых форм социалистического соревнования и рационализаторских мероприятий. Некоторое снижение выпуска продукции в 1944 году по сравнению с 1943 годом объясняется перебазированием части оборудования с некоторых предприятий города в другие районы страны и снижением в связи с этим планов производства на отдельных предприятиях.

Рабочие эвакуированных в Ульяновск предприятий быстро размещали в отведенных для них помещениях оборудование и немедленно приступали к выпуску продукции, из месяца в месяц расширяя объем производства. Так, с одним из эвакуированных заводов (ныне «Контактор»), приехала небольшая группа квалифицированных рабочих и специалистов. В короткий срок коллектив завода вырос в 14 раз за счет ульяновцев и развернул производство. Если объем производства этого завода в 1942 г. взять за 100, то в 1943 году он увеличил производство в 4 ра-

за и в 1944 году — почти в пять раз. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 4).

До Великой Отечественной войны город Ульяновск был городом учебных заведений и в основном небольших промышленных предприятий. В связи с эвакуацией ряда предприятий из угрожаемых оккупацией районов страны с первоклассной техникой и кадрами квалифицированных рабочих, город Ульяновск за годы войны превратился в крупный промышленный центр Поволжья. Так, металлообрабатывающее оборудование увеличилось в 15 раз, швейное и трикотажное — в 5 раз. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 66).

С первых месяцев войны и до марта 1942 года промышленность города, хотя значительно увеличила объем производства продукции, но установленных планов не выполняла. Это объяснялось тем, что горком партии и многие партийные организации неглубоко вникали в работу каждого предприятия.

Так, одной из причин частых простоев на ряде предприятий и невыполнения планов в первые месяцы войны были перебои в снабжении электроэнергией. Городская электростанция Ульяновска не была рассчитана на снабжение энергией такого количества предприятий да и работала неудовлетворительно. В то же время на ряде предприятий имелись, но не были установлены дизели. Бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) указало на недостатки руководства горкома партии и причины невыполнения планов производства. Были приняты срочные меры по установке и пуску в действие дизелей. Тем самым был в значительной мере ликвидирован недостаток в снабжении электроэнергией. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 75—76).

Хорошо работала в период войны Ульяновская пристань, из года в год перевыполнявшая план перевозок. Особенно памятны лето и осень 1942 года. В дни битвы за Сталинград Волга была одной из главных артерий, по которой осуществлялось снабжение частей Красной Армии под Сталинградом. В эти дни работники Ульяновской пристани проявили исключительный патриотизм и самоотверженность в деле перевозок по Волге. И в последующие годы войны Ульяновская пристань не снижала темпов, перевыполняя планы перевозок. План перевозок в 1944 году был выполнен на 123 проц. Из всех работающих на пристани 63,3 проц. работали с значительным перевыполнением норм. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 17).

Железнодорожный транспорт — 6-е отделение Куйбышевской железной дороги, паровозное депо станции Ульяновск — также с честью справился с задачей обеспечения перевозок, выполняя и перевыполняя производственные планы.

Главным итогом в развитии советской экономики в условиях Великой Отечественной войны было создание слаженного и быстро растущего военного хозяйства, что позволило полностью снабдить нашу Советскую Армию всем необходимым и обеспечить экономическую и военную победу над врагом. Вместе с тем в ходе войны были созданы предпосылки и для быстрого послевоенного подъема хозяйства.

Еще шла война, а советский народ, по мере освобождения оккупированных немцами советских районов, немедленно приступал к восстановлению разрушенного хозяйства в этих районах. Около 35 тысяч единиц различного оборудования только в 1944 году было перемещено из восточных районов в освобожденные районы. Героическим трудом советских людей поднимались из руин разрушенные предприятия и немедленно включались в помощь фронту.

Еще не отгремели последние залпы по фашистскому логову, а наша партия и Советское правительство готовили переход советской экономики с военного производства на мирное. Этот переход совершался у нас

без кризисов и депрессий, путем планомерного решения Советским государством важнейших задач перестройки народного хозяйства и, в первую очередь, задач восстановления и развития тяжелой промышленности и транспорта, без которых было невозможно быстрое и успешное восстановление и развитие всего народного хозяйства СССР.

Во исполнение этой задачи, согласно решению Советского правительства, еще в 1942 году в Ульяновске было начато строительство нового крупнейшего автомобильного завода, включенного затем в план послевоенной пятилетки, как одна из важнейших строек.

Трудящиеся города Ульяновска—родины В. И. Ленина—с великой радостью и энтузиазмом принялись за стройку завода.

II.

За годы Великой Отечественной войны в Ульяновске была проведена большая работа по подготовке промышленных кадров рабочих, необходимых для замены уходивших на фронт и в связи с расширением производства. За четыре года, с 1941 по 1944 год включительно, было подготовлено через школы ФЗО, ремесленные училища, бригадно-индивидуальное ученичество на предприятиях, в школах передовиков, на курсах и сдачей техминимума свыше 30 тысяч рабочих. Из них свыше 9 тысяч молодых рабочих подготовили школы трудовых резервов, 5400 человек подготовлены через бригадно-индивидуальное ученичество, столько же — сдали техминимум. Школы передовиков и курсы повышения квалификации подготовили около 8 тысяч рабочих.

Руководители многих предприятий Ульяновска, несмотря на трудности и нехватку квалифицированной рабочей силы, успешно решали задачу расширения производства и, одновременно, подготовки квалифицированной рабочей силы. Важную роль в решении этой задачи сыграли партийные организации. По поручению партийных организаций коммунисты проводили среди населения беседы о том, как советские люди, оставшись в тылу, должны помогать фронту. Коммунисты мастера и квалифицированные рабочие, брали на себя обязательства по производственному обучению новых рабочих.

Основным источником пополнения рабочей силы для промышленности города в годы войны явилась мобилизация трудоспособного населения в городе и деревне (подрастающая молодежь, домохозяйки, колхозники и др.). Вследствие призыва в Советскую Армию значительной части мужского населения, серьезно увеличилась доля женского труда в производстве и труда подростков. На ряде предприятий: фабрике им. Горького, им. КИМ, швейкомбинате им. Ворошилова и др. женщины составляли абсолютное большинство рабочих, за исключением отдельных специальных работников.

Советские женщины в дни войны особенно ярко проявили свой патриотизм: матери, жены, сестры, домохозяйки шли на заводы и фабрики, в учреждения, чтобы заменить уходящих в армию мужчин.

Сотни женщин, пришедших в период войны на предприятия Ульяновска, овладели мужскими профессиями. До войны профессия паяльщика считалась мужской профессией. В дни же Отечественной войны на место мужчин встали женщины. Патриотки Асанова, Зайцева, Долганова, Коробкова, Кенгурова, Разина и другие быстро освоили эту профессию и стали перевыполнять установленные нормы.

Работница Екатерина Дмитриева решила стать слесарем-инструментальщиком. Через месяц она уже работала слесарем 5 разряда. Этот разряд был завоеван ею упорной учебой и самоотверженным трудом.

Простой работницей пришла в цех девушка Виктория Кондратенко. Скоро она становится бригадиром сборщиков. Прекрасных передовиков производства вырастила она в короткий срок — сборщиц Иванову, Охотникову, Шимкович и др., выполнявших ежедневно по две—три нормы. В этом успехе сказался не только талант сборщика, но и талант учителя, исключительная требовательность к себе и членам бригады, уменье все показать, объяснить и, когда нужно, помочь.

Десятки женщин овладели сложными специальностями железнодорожников. Работая по-военному, они успешно справлялись со своими обязанностями, продвигая грузы для фронта и промышленности. Заменяя мужчин, ушедших на фронт, только в Ульяновском депо помощниками машиниста работали 10 женщин, кочегарами — 7 и машинистами на компрессоре — 3. Среди рабочих вагонного участка 12 патриоток работали смазчиками и слесарями.

В дни войны из колхозов пришли на лесозавод комсомолки Татьяна Рудометкина, Мария Кузнецова и Екатерина Лазарева. Они первые в истории завода освоили трудную профессию кочегара, и своим самоотверженным трудом обеспечили бесперебойную работу завода. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4137, л. 10).

На фабрике им. КИМ нехватку квалифицированных рабочих ликвидировали путем организации временной специальной школы, — так называемого «ученического участка». За короткий срок привлеченных на фабрику домашних хозяек и девушек обучали новым профессиям.

Коллектив швейной фабрики № 5, почти целиком состоявший из женщин, к декабрю 1941 года своим самоотверженным трудом обеспечил выполнение 2,5 годовых производственных плана.

Все эти факты, а их можно привести сотни, говорят об исключительном патриотизме советских женщин, о их самоотверженном труде на благо Родины, о их колоссальном вкладе в дело обеспечения победы над врагом.

Поистине можно сказать словами поэта М. Исаковского:

Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Коммунисты и комсомольцы шли в авангарде борьбы за неуклонное повышение производительности труда, за перевыполнение норм выработок, за выпуск сверхплановой продукции фронту. Многие агитаторы чтение газет, сообщения Совинформбюро увязывали с выполнением производственных заданий, так называемыми «последними известиями» по бригаде, цеху. В них говорилось о положительных сторонах работы бригады, цеха и вскрывались недостатки в работе бригады в целом и отдельных ее работников. Это играло большую воспитательную роль, подтягивало отстающих, снижало брак, увеличивало число рационализаторских предложений. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4137, л. 1).

Так, на фабрике им. КИМ большинство коммунистов работало непосредственно на производстве, все выполняли нормы и большинство перевыполняли их. Например, тов. Подскачая выполняла нормы на 180 проц., Исьянова — на 150 проц., Василевская — на 148 проц. На швейкомбинате им. Ворошилова также большинство коммунистов рабо-

тали на производстве и все были передовиками: коммунисты Рубцова выполняла нормы на 280 проц., Сологубова — на 282 проц., Камилович — на 212 проц., Соколова — на 207 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4322, л. 267). На фабрике им. КИМ бригады коммунистов-бригадиров тт. Лавиной и Гутман являлись передовыми, выполняли планы до 130 проц. Большинство коммунистов не только были передовиками производства, но были хорошими агитаторами и организаторами. Коммунист тов. Лотош хорошо работала сама и как агитатор и политрук фронтовой бригады обеспечила систематическое перевыполнение планов.

На швейкомбинате им. Ворошилова кандидат в члены партии Соколова, работая мотористкой и выполняя по две нормы, вела систематическую агитационную работу, и ее участок завоевал переходящее Красное знамя комбината. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4322, л. 268).

На отдельных заводах в первые месяцы войны, в связи с приходом новых необученных рабочих, до 18 проц. рабочих не выполняли норм выработки. Партийная организация развернула разъяснительную работу, организовала обучение отстающих, коммунисты и комсомольцы возглавили соревнование за то, чтобы стать «двухсотниками». В результате почти все рабочие стали выполнять и перевыполнять нормы. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 73—74).

Большую работу по воспитанию молодежи и подготовке из нее квалифицированных рабочих провели комсомольские организации на предприятиях. Они окружали молодых рабочих заботой и вниманием, помогали им быстрее освоить станки и перевыполнять нормы выработки. Новичков прикрепляли к передовикам производства, двухсотникам, включали во фронтовые комсомольско-молодежные бригады и т. д. Все это давало хорошие результаты. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4102, л. 112).

Комсомольские организации заводов с помощью дирекции организовывали специальные комнаты для учебы молодежи, хорошо оборудовали их. (Там же, лист. 334).

Бригаде мастера-комсомольца Игоря Смирнова за досрочное выполнение задания и сдачу сверхплановой продукции в фонд Главного командования в сентябре 1943 года на сумму 8960 рублей было присвоено почетное имя Героя Советского Союза Александра Матросова. Это вызвало еще больший энтузиазм, и октябрьский план был выполнен на 250 проц. Из 14 членов бригады 11 были комсомольцы.

И. Смирнов организовал работу так. Ежедневно давал задания каждому рабочему, обеспечивал инструментом. Малоквалифицированный рабочий выполнял подготовительную работу, квалифицированный — окончательную и высококвалифицированный — доводку. Раньше все эти операции производил один и тот же рабочий и у него много времени уходило на переналадку станка. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4665, л. 3).

Несмотря на вовлечение в производство новых малоподготовленных кадров рабочих, в период войны на предприятиях Ульяновска значительно окрепла дисциплина труда и выросла его производительность.

Трудящиеся нашего города за время войны дали немало примеров подлинно большевистской организованности и дисциплинированности. Чем большие требования предъявлял фронт тылу, тем лучше и самоотверженее работали ульяновцы. Специальные задания обычно выполнялись в рекордно короткие сроки.

Так, в паровозном депо комсомолец строгальщик Виктор Карпов получил срочное задание изготовить для двух паровозов несколько деталей. В течение суток Карпов не отходил от станка и выполнил задание в срок. Немного отдохнув, он снова приступил к работе. После 14 часов работы он собрался было уходить домой, но узнал, что заболел строгаль-

щик Алексеев. Молодой патриот Карпов отработал и смену своего товарища.

Партийные организации на предприятиях проводили общественные смотры организации труда, основная цель которых была найти новые источники роста производительности труда. В результате проведенного одного такого смотра, были выявлены и изучены недостатки в расстановке оборудования и рабочей силы, в организации технологических процессов. Устранение их привело к ликвидации простоев, излишних процессов труда и перевозок, к уплотнению рабочего дня. В период смотра было собрано 2500 предложений, которые по их внедрении дали возможность высвободить 200 рабочих, 50 единиц оборудования и сэкономить 7 млн. киловатт-часов электроэнергии. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 12, 15).

Борьба за уплотненный рабочий день широко велась в паровозном депо станции Ульяновск I. Две—три нормы и больше в смену — это обычная выработка слесарей Емшанова, Железнякова, Киселева, Мартышкина, токарей Никифорова, Денисова и др., строгальщиков Карпова и Алексеева, котельщика Игнатьева, кузнеца Петрова, литейщиков братьев В. и Д. Максимовых и многих других. Особенностью работы этих передовиков военного времени являлось то, что у них на учете была каждая минута, рассчитано было каждое движение, хорошо подготовлено и организовано рабочее место.

В кузнице завода «Металлист» работало 8 человек. Когда 4 из них ушли в армию, остальные стали выполнять программу на 200—300 проц. Кузнецы-коммунисты тт. Уманец и Данилушкин, обслуживая по два горна, уплотнили свой рабочий день так, что ни одной минуты не тратилось непроизводительно. Токарь тов. Лутонин также уплотнил рабочий день, перейдя на обслуживание 2-х станков, выполняя норму на 310—320 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 87).

Слесарь-сборщик тов. Шушкета Архип Трофимович за 20 дней апреля 1942 года выполнил задание на 730 проц., а в последующие дни выполнял норму на 1115 проц. В процессе работы он не терял ни секунды, применял приспособления и инструмент собственного изготовления, хорошо подготавливал рабочее место. Процесс обработки изделий расчленял он на более мелкие переходы, подбирал инструмент по установленным переходам и располагал его во время работы в нужном порядке. Свой опыт Шушкета передавал другим рабочим. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 212).

Рабочий Стамбирский заслуженно пользовался славой «гвардейца тыла». Он заменил в работе четырех своих братьев и систематически выполнял нормы на 500—600 проц.

По его примеру рабочие Кайрулин и Соловьев стали трехсотниками, а токарь Крупенников — пятисотником. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 385).

Заслуженной славой гвардейца тыла пользовался мастер-термист, коммунист Барышев М. И. Барышев обучил своей профессии до 80 человек и в дни войны его участок, обслуживавший три цеха, ни разу не подвел их в выполнении производственных планов.

Заслуженной славой также пользовалась группа «старогвардейцев», в том числе многие из них петроградцы, хранители лучших традиций революционного пролетариата. «Старогвардейцев» оставалось немного, всего около 100 человек, среди них: М. В. Расторгуев, А. Ф. Серебряков, А. М. Воробьев, И. В. Максимов, Ф. Я. Уткин, Н. Д. Богданов, С. А. Романчук, П. С. Агафонов, А. И. Сухова, Я. И. Захаров, М. И. Иванов, М. И. Щербаков, В. А. Грознов, Д. Дубов.

Когда началась Великая Отечественная война, многие из «старогвардейцев» спрятали пенсионные книжки и явились к своему рабочему месту. По суткам и более они не уходили с работы, если требовала обстановка. Глядя на стариков, каждый работал, не считаясь со временем, выполняя по нескольку норм.

В дни Великой Отечественной войны на предприятиях города работало немало ленинградцев и москвичей. Они стали как бы учителями для ульяновцев, показывая примеры высокой пролетарской сознательности, прививая лучшие революционные традиции передовых в нашей стране рабочих. Обучая культуре высокоиндустриального производства, они тем самым помогли создать в Ульяновске многотысячный отряд рабочего класса.

Ефимов Александр Филиппович, коммунист, старый кадровый рабочий, эвакуировавшийся в Ульяновск из Ленинграда, выполнял нормы до 400 проц. Свой опыт работы передавал молодым рабочим. В 1944 году был случай, когда надо было срочно изготовить пресс-формы для одного изделия. Чтобы не задержать выпуск этого изделия, он 48 часов работал, не выходя из цеха, пока не выполнил задания. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 9).

В 1943 году рабочие коммунисты Кузин, Беленький и др. сутками не выходили из цехов. Они боролись за то, чтобы больше дать продукции фронту, Родине. Фронт узнал об их самоотверженном труде. Подшефные воинские части зачислили их в свои подразделения и присвоили им звание почетных воинов. Дружба фронтовиков и производственников дала прекрасные результаты.

XXVII годовщина Октябрьской революции ознаменовалась радостным событием. Большая группа работников промышленности Ульяновска была награждена орденами и медалями. На митинге по этому поводу отмечались трудности, перенесенные людьми в тылу. Трудящиеся шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы дать больше фронту и обеспечить победу.

У каждого перед глазами проходили одна за другой картины работы в трудных условиях войны. Вспоминались морозные ночи ноября 1941 года, когда люди, часто без рукавиц, снимали пришедшее оборудование с платформ. Инженеры, конструкторы, технологи выполняли работу грузчиков, такелажников. Вьюга не давала работать, руки примерзали к железу и стали, но к утру эшелон разгружен, оборудование транспортируется в цехи и через некоторое время на установленном оборудовании начинается выпуск ответственной продукции. (Газ. «Ульяновская правда», XI. 1944 г.).

Таким образом, благодаря героическому труду ульяновцев, высокой социалистической дисциплине труда, в трудных условиях военного времени на предприятиях нашего города была обеспечена высокопроизводительная организация труда. Благодаря организованной системы подготовки и распределения рабочей силы наши предприятия не испытывали сколько-нибудь серьезных затруднений от недостатка рабочей силы.

Некоторые за границей считают нашу победу «чудом». Но советские люди отлично помнят, что важнейшей движущей силой подъема военного хозяйства СССР явился героический труд народов Советского Союза, руководимых партией коммунистов, партией Ленина. Партия и Советское государство в дни войны мобилизовали активность народа на выполнение государственных планов, и работа каждого труженика, в конечном счете, была подчинена единой цели—обеспечить победу над врагом.

Наряду с многочисленными примерами хорошей, высокопроизводи-

тельной работы немало было фактов плохой работы, бесхозяйственности, отсутствия борьбы за режим экономии. Имели место значительные простои вагонов из-за неорганизованности погрузо-разгрузочных работ. Например, некоторые заводы города уплачивали штрафов железной дороге свыше 2 млн. рублей.

Ряд предприятий плохо занимался вопросами режима экономии: убытки от брака, например, за 1944 год составили 6,2 проц. стоимости всей валовой продукции. Причинами брака были: нарушение технологического процесса, слабый контроль за работой со стороны мастеров, технологов и контролеров, бесхозяйственность, нераспорядительность.

На заводе малолитражных двигателей брак по литью доходил до 60 проц. в ноябре 1944 года.

Плохо боролись с браком и на других предприятиях города.

В дни Отечественной войны предприятиям города Ульяновска приходилось производить продукцию в условиях недостаточного оснащения специализированным оборудованием и инструментом, что вызывало повышенную трудоемкость производства изделий.

Для ликвидации этой трудности большую роль сыграла взаимопомощь предприятий, правильное кооперирование, восстановление и реконструкция не использовавшегося оборудования. Ульяновскому горкому и обкому ВКП(б) не раз приходилось поправлять отдельных руководителей, допускавших узковедомственный подход в решении этих вопросов.

Кооперированные предприятия в широком масштабе изготовляли друг для друга различные детали на имевшихся у них станках, помогали в изготовлении инструмента. Такая взаимопомощь дала возможность наиболее полно и эффективно использовать оборудование.

Были случаи, когда имеющееся оборудование за неимением работников соответствующей квалификации не использовалось. Но находились патриоты, которые преодолевали эту трудность. Так, на заводе малолитражных двигателей не могли освоить пескоструйный аппарат. Но вот в 1943 г. вернулся с фронта, после ранения, комсомолец Виктор Ломов. Он не испугался трудностей, и, считая своим долгом помочь заводу, взялся за изучение аппарата и освоение профессии пескоструйщика. Ломов быстро освоил это дело и вскоре стал выполнять нормы до 600 проц.

На фабрике им. КИМ еще до войны были получены кетельные машины по производству чулок, марки «Конти-рекорд». Механики говорили, что регулировка таких машин дело необычайно сложное. Приглашенные для их установки четыре опытных механика смогли пустить несколько машин, но принципа регулировки найти не могли. Машины работали с большими перебоями. Это было в 1942 г., в тяжелые дни сталинградских боев. В конце этого года с фронта вернулся, после тяжелого ранения, молодой мастер чулочного дела, инвалид коммунист Александр Семенович Шильмейстер. Он с жаром взялся за установку кетельных машин «Конти». Друзья говорили, что напрасно он взялся за это дело, что ничего не выйдет, специалисты и те отказались от них. «Одним словом, машины «Конти» — их не троньте», — пошутил один из старых мастеров.

Шильмейстер ответил на это, что время теперь военное, немцы на Волге, под Сталинградом и поговорки нынче новые: «Осваивай машину «Конти» — помни о фронте! Ясно?»

День и ночь не отходил Александр Семенович от машин. Он тщательно изучил каждый винтик, каждую иголку. Настойчивость и упорство в конце концов помогли Шильмейстеру решить трудную задачу — разгадать принцип регулировки «Конти» — задачу, которая оказалась

не под силу некоторым квалифицированным и опытным специалистам. Товарищ Шильмейстер после этого установил все машины «Контирекорд» и добился полного их освоения. Он лично подготовил десятки девушек для работы на этих машинах. (Газ. «Пролетарский путь», XII.1942 года).

На прядильной фабрике, слившейся в 1942 году с фабрикой имени КИМ, был сельфактор на 800 веретен, не работавший в силу большого процента изношенности. Группа работников фабрики взялась восстановить эту машину и пустить ее в работу. Свое слово они сдержали. Восстановленная машина обеспечила увеличение выпуска пряжи.

Немало сил и труда затратили руководители предприятий, инженерно-технические работники и передовики производства по переводу производственных процессов на массовый поточный метод производства. Большая заслуга в этом принадлежит партийным организациям, возглавившим борьбу за внедрение поточного метода.

Перевод ряда предприятий на массовый поточный метод производства имел решающее значение в повышении производительности труда, в увеличении выпуска продукции. Присущие массовому поточному производству механизация транспортных процессов внутри предприятия, детальное разделение труда и специализация оборудования, автоматизация управления и контрольно-измерительных операций вели к повышению производственного ритма, сокращению цикла производства и увеличению выпуска продукции с единицы оборудования и производственной площади. Все это приводило к резкому сокращению затрат труда на единицу продукции.

Так коллективы, возглавляемые коммунистами, упорно и настойчиво готовились к переходу на поточный метод производства, преодолевая трудности, косность, рутину.

В условиях цехов поточная система работы, на основе литья в кокили (постоянные формы), коренным образом меняла положение с обеспечением механических и сборочных цехов деталями, а следовательно, в основном решала вопрос выполнения производственной программы в целом по предприятиям.

Поток при кокильном литье позволял в 3—5 раз увеличить выпуск продукции. Например, при отливке одной детали в землю было занято ежедневно трое рабочих. Отлитых ими деталей едва хватало для выполнения программы. К тому же качество литья было низкое, брак составлял от 25 до 50 проц. Применение кокильного литья на этой детали дало замечательные результаты. Производительность труда увеличилась в 5 раз, брак сократился до 1—2 проц., достигнута была большая экономия топлива и металла. Общий экономический эффект составил более 50 тысяч рублей на годовую программу.

На отливке другой детали в землю было занято ежедневно двое рабочих. То количество деталей, которое они отливали в течение месяца, при литье в кокиль один литейщик отлил за смену.

Большая работа по внедрению новых методов производства была проделана за годы войны на ряде заводов гор. Ульяновска. Перепланировка оборудования на поточный метод производства значительно сократила транспортировку деталей и продукции, уплотнила рабочий день, ликвидировала обезличку, высвободила часть рабочей силы, повысила культуру производства. Немало пришлось преодолеть трудностей пока заводы освоили новые методы поточного производства.

Успех дела был обеспечен большевистским руководством, хорошей организацией труда, сознательной дисциплиной, высокой требовательностью мастеров к себе и к своим подчиненным. Особенно хорошо работал коллектив участка под руководством мастера-орденоносца тов.

Попова В. С., фронтовые бригады Семеновой, Бородиной и Иванова. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 372).

Внедрение поточного метода производства позволило многим предприятиям города Ульяновска значительно повысить производительность труда и увеличить выпуск продукции, повысить качество и снизить ее себестоимость. Внедрение поточного метода производства сопровождалось освоением и внедрением в производство и других передовых методов: переход на центробежное литье и литье в кокили, переход на металлообработку фрезами, оснащенными твердыми сплавами с отрицательным передним углом, что в 4—10 раз увеличивает скорость фрезерования; переход на высокочастотную закалку деталей, что в десятки раз ускоряло время обработки деталей и др.

Внедрение поточного метода производства, сокращение технологического цикла, внедрение новой техники и обновление существующей техники — все это в конечном счете направлено на создание благоприятных условий для налаживания ритмичной работы, для организации работы по графику и искоренения, в связи с этим, штурмовщины. Таким образом, поточный метод производства является технической основой работы предприятия по графику.

Ритмичная работа по суточному графику является одним из важнейших методов социалистического хозяйствования. XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) в своем решении осудила штурмовщину, как несоциалистический метод хозяйствования, и указала на важность для подъема социалистического производства внедрения ритмичной работы предприятий по суточному графику, выполнения плана по каждому предприятию, в каждом цехе, участке и бригаде.

Трудности снабжения предприятий сырьем, полуфабрикатами, электроэнергией вызывали недоверие к возможности работать по графику. Но, несмотря на эти трудности в годы Великой Отечественной войны, на некоторых предприятиях нашего города стал внедряться метод организации производства по суточному графику. Этот вопрос обсуждался на совещаниях начальников цехов и секретарей цеховых парторганизаций. Для выполнения этой задачи были широко использованы все формы массово-разъяснительной работы: печать, беседы и пр. Возникли такие формы социалистического соревнования, как лицевые счета помощи фронту, вручение красных вымпелов лучшим рабочим за выполнение сменной нормы выработки (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4559, лл. 34, 40).

Борьба за суточный график начиналась с первых же дней выпуска продукции. Расстановка людей, подача материалов, организация труда, система поощрений, оперативное руководство, массово-политическая работа — все это было подчинено выполнению дневного графика выпуска готовой продукции. Малейшее отклонение от графика служило сигналом для тревоги и принятия мер. Работать только по суточному графику — таков был закон.

Динамика выполнения суточного графика колебалась за период с марта 1943 года по март 1944 года в пределах 108—130 проц. ежедневного плана выпуска готовой продукции. Производительность труда в среднем составляла 124—130 проц. от плана. И так работали изо дня в день, из декады в декаду, из месяца в месяц, без единого случая недовыполнения плана.

Оперативно-календарный месячный план производства цехов конкретизировался в месячных заданиях и в суточных графиках работы каждого участка, бригады, каждого рабочего. Рабочий получал месячное задание, расписанное по дням и числам. Ежедневно учетчик заносил в графе «фактически выполнено» выполнение задания рабочим за каждый день. Партийные организации цехов контролировали работу,

организовывали людей на выполнение сменных заданий, вели систематическую массово-политическую работу на участках и в бригадах.

Таким образом, практика работы предприятий города Ульяновска в дни Отечественной войны лишний раз подтверждает прямую зависимость производственных успехов предприятия от состояния организационно-оперативного руководства и постановки массово-политической работы, от организации и руководства социалистическим соревнованием. Ульяновские коммунисты с успехом использовали гигантскую силу критики и самокритики и социалистического соревнования, развивавших инициативу и энергию трудящихся Ульяновска на выполнение боевых заданий фронта.

III

Отечественная война потребовала от всех высоких темпов работы. Советская армия ждала от тыла во все возрастающих размерах вооружения.

Патриотизм советских людей раскрыл колоссальные внутренние резервы. В дни Отечественной войны ключом била народная инициатива на предприятиях нашей страны, в том числе и нашего города. Рационализаторскую и изобретательскую мысль передовиков производства, конструкторов и инженерно-технических работников партийные организации направляли на повышение производительности станков и оборудования с тем, чтобы выжать все из имеющейся техники.

Внедрение сотен рационализаторских мероприятий и изобретений на отдельных заводах города Ульяновска дало возможность повысить производительность труда за годы войны в 4 раза, дать стране свыше 30 млн. рублей экономии, сэкономить огромное количество рабочего времени и материалов. От рационализаторства производства ежегодно получалась экономия до 5 тысяч тонн оцинкованного железа, 400 тонн свинца, 300 тонн бензина. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 15).

Товарищи Кузмичев и Звягин А. И. разработали новую технологию производства изделий, чем сэкономили только за один год более 2-х тысяч тонн цветного металла. Главный конструктор Л. Н. Кошкин создал новые конструкции высокопроизводительных станков. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4504, л. 34).

Большие достижения имели в области рационализации инструментальщики. Группа рационализаторов: тт. Нестеров Н. В., Чернышев П. С., Панин А. Ф., Григорьев И. Д. и Карагашев И. Ф. дали сотни тысяч рублей экономии. Только в результате правильного определения норм расходования режущего и шлифовочного инструмента и организации правильного его хранения была получена огромная экономия. Старший мастер участка, коммунист тов. Карагашев И. Ф. и мастер Григорьев А. П. изготовили прибор для посадки отработанного инструмента, который раньше считался негодным и отправлялся в литейную для переработки. Инструментальщик коммунист тов. Чернышев предложил новые методы перехода с цельного на составной инструмент, давшие сотни тысяч рублей экономии.

Популярный рационализатор коммунист Федор Васильевич Нестеров экономил много тысяч советских рублей благодаря своим рационализаторским мероприятиям по обработке твердых металлов. Технолог Зернова К. И. увеличила стойкость одной из номенклатур инструмента, что дало экономии 125 тысяч рублей. Много ценных предложений, давших сотни тысяч рублей экономии, внесли Барышев В. И., Мельников И. Т., Авдеенко М. Д., Потехин И. К. и многие другие. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4865, л. 72; д. 4504, л. 21).

В дни Отечественной войны пришел в цех старый рабочий, украинец Дулин. Присматриваясь к работе станков, ремонтируя их, он делал все, чтобы увеличить производство продукции для фронта. Наблюдая за фактами брака и различных помех в работе станков, Дулин сделал ряд приспособлений: прикрепил стаканчики для масел, устроил где надо ограждения, наладил приспособление для предохранения от брака. Эти мероприятия освободили рабочее место, ускорили обороты, оградили готовую продукцию от смешения с браком. Одобренный успехами, поддержанный парторганизацией и руководством, Дулин сделал еще четыре рационализаторских предложения, из которых одно приспособление к весам для наладки станков, ускорило наладку в шесть раз против прежнего, увеличило пропускную способность станка, обеспечило экономию материала и ускорило процесс производства. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 385).

В дни войны пришел на работу досрочно выпущенный учащийся техникума Павлов Д. И. Он начал свою работу бригадиром ремонтной бригады. Проработав несколько дней, Павлов подметил быструю изнашиваемость оборудования. Предложенное им усовершенствование увеличило срок службы некоторых деталей и дало экономию материала, запасных деталей и рабочей силы. Новая конструкция питания, изобретенная Павловым, дала экономию свыше 11 тысяч рублей. Воодушевленный успехами, молодой энтузиаст взялся за автоматизацию ряда других операций. Его изобретение по автоматизации смотровых операций дало возможность заменить ручной труд работой станков, упростило производственный процесс, сэкономило площадь и рабочую силу в два раза.

Через месяц, после прихода на работу, Павлов был уже выдвинут технологом. Он возглавил движение рационализаторов. (Там же, л. 385).

На заводе «Металлист» кузнецы коммунисты тт. Уманец и Данилушкин своей инициативой и энергией сумели зажечь у товарищей трудовой энтузиазм, любовь к рационализаторству и изобретательству. За дни войны они коллективно внесли и осуществили ряд предложений.

Особенно отличился в деле изобретательства кузнец Данилушкин. Изготовление некоторых изделий он перевел с ручного труда на механический молот. Производство скоб для стендов по новому способу увеличилось в связи с этим в 10 раз и стоимость их была снижена в 4 раза. Рубка ключей была заменена выдавливанием головки ключа на механическом молоте, что в 2 раза ускорило работу. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 87).

Партийная организация фабрики имени Горького организовала месячник рационализации по экономному раскрою с тем, чтобы ни один сантиметр материала не пропал даром. Внедренные рационализаторские предложения дали экономии 190 тысяч рублей в год. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4973, л. 17).

На вагоноремонтном пункте раньше фрикционные аппараты и головки автосцепки не ремонтировались, а выписывались со склада новые. По инициативе мастера Иванова коллектив механического цеха освоил ремонт этих деталей. Ремонт фрикционного аппарата обходился в 25 рублей, а новый стоил 300 рублей. Вагонники отказались от получения со склада ударных шайб для буферных стаканов, научившись изготовлять их из отходов. Все это дало возможность сэкономить только за 8 месяцев 40 тысяч рублей.

За 1943 год по всем заводам Ульяновска было внесено рабочими и инженерно-техническими работниками 1636 рационализаторских предложений. Из них было внедрено 660, давших экономии на 15.141.810

рублей. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4865, л. 72). В течение 1944 года было внедрено 773 рационализаторских предложения, давших экономии на сумму 18.676.300 рублей. За период 1942—1944 гг. экономия от рационализаторских предложений составила свыше 37.108 тысяч рублей. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 15).

Борьба за экономию труда, денег, сырья, топлива, электроэнергии, максимальное использование отходов, восстановление изношенного инструмента, модернизация станков и оборудования, изготовление различных приспособлений для максимального повышения производительности труда, экономия на всем и везде — все это было законом творческой деятельности рабочих, инженерно-технических работников, руководителей предприятий в дни Великой Отечественной войны.

IV

Как и на всех этапах социалистического строительства, так и в дни Великой Отечественной войны решающей силой выявления внутренних резервов и их использования для перевыполнения планов являлось социалистическое соревнование широких масс трудящихся.

В дни Великой Отечественной войны социалистическое соревнование приобрело, в подлинном смысле этого слова, всеобщий, всенародный характер, охватило все предприятия, все колхозы, все районы нашей страны, всех советских людей. Это был великий героический подвиг тружеников советского тыла, который имел своим источником горячий советский патриотизм.

С первых же дней войны на всех предприятиях Ульяновска развернулось движение за удвоение и утроение производительности труда.

Через две недели после начала войны это движение стало оформляться как движение двухсотников-передовиков. Творческая инициатива трудящихся выдвигала новые формы социалистического соревнования и социалистического труда.

Движение двухсотников, развернувшееся по предприятиям страны, охватило все предприятия нашего города. В связи с уходом в армию многих рабочих, оставшиеся, чтобы не допустить сокращения производства, брали на себя обязательства давать по две и более нормы. Так было на лесозаводе, на заводе «Металлист» и на других предприятиях. Те, кто выполнял одну норму, стали выполнять по две нормы, а кто выполнял две нормы, стали выполнять по три и более нормы. Организованная техучеба помогла многим стать двухсотниками.

До войны Надя Евстигнеева выполняла нормы на 120—130 проц. Тогда это считалось хорошо. В дни войны этого уже было недостаточно. Она упорно учится, в совершенстве овладевает своей профессией. 140—155—157 и, наконец, 190—200 проц. нормы — вот последовательные ступени роста производительности труда этой инициативной девушки. Вслед за Евстигнеевой шли работницы Растегина, Андреева, Васильева, Минякова, Шимкова. Все они также стали двухсотниками.

Для многих рабочих паровозного дело станции Ульяновск систематическое выполнение двух норм с первых же дней войны было пройденным этапом. Поэтому они выступили инициаторами движения трехсотников, четырехсотников и пятисотников. Медники Змазов, Стариков, слесари Железняков, Майоров, Топорков и Зуев, котельщик Никирясов, кузнец Евграфов, систематически выполняя по две с лишним нормы, развернули соревнование за выполнение трех норм.

«Мастера на все руки» братья Дмитрий и Василий Максимовы, строгальщик Алексеев, кузнец Соломонов, токари Карпов и Денисов, маляр

Ямщиков, выполнявшие систематически по три и более нормы, развернули социалистические соревнования за выполнение 4-х и более норм.

Гордость депо — токарь Никифоров, до войны систематически выполнявший по четыре нормы, стал выполнять по 5—6 и более норм, а в отдельные дни по 7—9 норм. Его станок работал на предельной скорости и не имел ни минуты простоя.

В октябре 1941 года одиннадцать передовиков выполняли нормы на 400 проц., 7— на 500 проц. и 2 — свыше 600 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 86).

Движение за выполнение пяти и более норм особенно развернулось в предоктябрьское соревнование 1942 года.

На участке мастера Селюкова передовики Булгаков и другие выполняли по шесть норм, передовик Каминовец — до семи норм за смену. На другом участке токари Римша, Соснин и другие—по 3—5 норм.

В 1942 году вернулся с фронта старый рабочий-коммунист тов. Кривец, получивший после излечения в госпитале месячный отпуск. Товарищ Кривец решил свой отпуск посвятить работе. В первые же два дня работы он выдвинулся в число передовых. Между товарищем Кривец и группой токарей развернулось соревнование за первенство на заводе. По 5—7 норм за смену выполняли они. Победителем в конце концов вышел Кривец: в один из последних дней своего отпуска тов. Кривец, став на вахту в честь XXV годовщины комсомола, выполнил норму на 1114 проц.

Это соревнование вызвало много последователей. По 6—7 норм за смену стали выполнять шлифовщик тов. Аксенов, слесари-сборщики тт. Шабашкин и Мазура, токари Колоскова и Кулешов, слесарь Клочков, никелировщик Котель и др. Фрезеровщик Гришняков в честь победы Красной Армии под Сталинградом дал рекордные выработки — по 960 — 1116 проц. нормы. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4504, лл. 24, 34).

Дать 1000 проц. выполнения нормы — было характерным желанием для многих патриотов. Партийные организации помогали передовикам упорно искать пути и методы максимального повышения производительности труда. Сотни новаторов-передовиков Ульяновска, добиваясь осуществления этой цели, стали выполнять по 5—7—9 норм, а лучшие из них дали выработки свыше 1000 проц.: фрезеровщик Гришняков — 1116 проц., тов. Выклин — на 2160 проц.

Причину растущего в народе творческого трудового подъема хорошо выразил в одном из своих выступлений комсомолец тов. Никифоров. «До начала Отечественной войны, — говорил он, — я вырабатывал норму на 400—450 проц., а сейчас, когда все мои чувства проникнуты одним желанием — помочь Красной Армии в разгроме фашистских извергов, — я вырабатываю по 5—6 норм в день».

Движение двухсотников, трехсотников и пятисотников явилось в дни войны первой формой социалистического соревнования на предприятиях нашей страны и, в частности, на предприятиях Ульяновска. В короткий срок оно охватило тысячи трудящихся Ульяновска.

Но творческая народная инициатива не остановилась на достигнутом. Социалистическое соревнование рождало новые формы движения. С первых же дней войны возникли и широко развернулись и такие формы социалистического соревнования, как переход на многостаночное обслуживание, совмещение профессий, овладение смежными профессиями, овладение женщинами «мужскими» профессиями.

Инициаторами этого движения опять выступили рабочие паровозного депо станции Ульяновск. Братья Максимовы были жестянщиками. Они овладевают литейным и слесарным делом, работая за восьмерых.

Арматурщик Зубилин овладел смежной профессией гарнитурщика. Строгальщик комсомолец Виктор Карпов освоил профессию фрезеровщика и токаря, выполняя по 4—5 норм. Почти все машинисты овладели специальностью слесаря и перешли на лунинский метод работы.

На швейфабрике № 5 размеловщицы Аверьянова, Астафьева и Камардина освоили смежную профессию резака, считавшуюся тяжелой мужской профессией. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 88).

Так на каждом предприятии нашего города десятки и сотни рабочих становились новаторами-передовиками, упорной учебой и самоотверженным трудом увеличивали производство продукции.

Из приведенных выше примеров видно, что во главе этого движения шли коммунисты и комсомольцы.

В условиях тыла, для обеспечения снабжения фронта всем необходимым, большие требования предъявлялись к партийным и комсомольским организациям и к каждому коммунисту и комсомольцу в отдельности.

Коммунисты в тылу, как и коммунисты на фронте, с честью выполняли свою авангардную роль, показывая образцы героического труда, ведя за собой коллективы предприятий. Они выступали инициаторами на предприятиях по развитию новых форм социалистического соревнования. Они первыми показали, как нужно, не щадя своих сил, работать без устали, они цементировали и вели за собой коллективы предприятий на самоотверженный труд для обеспечения победы над врагом, они помогали своим товарищам по работе овладевать передовыми методами работы и поднимали их на новые и новые успехи в борьбе за выполнение государственных заданий.

С марта 1942 года социалистическое соревнование на предприятиях Ульяновска поднялось на новую, более высокую ступень: наряду с индивидуальными формами начали развиваться коллективные формы соревнования. Зачинателями этой новой формы соревнования опять выступили рабочие паровозного депо и ряда заводов. В цехах, по участкам и бригадам создавались военные фронтовые подразделения — предвестники фронтовых бригад, — бравшие на себя обязательства работать по-фронтовому, устанавливая внутри подразделения воинскую дисциплину, обеспечивая, тем самым, перевыполнение норм в 2—3 раза. Коммунисты и комсомольцы возглавили и эту новую форму социалистического соревнования.

В дни Всесоюзного предмайского социалистического соревнования на всех предприятиях Ульяновска организовались комсомольско-молодежные бригады, развернувшие соревнование за право называться «фронтовыми».

Лучшие фронтовые бригады комсомольцев тт. Уvариной и Саранского выполняли нормы на 300 и более процентов.

Фронтовая бригада тов. Белянкина организовала полную взаимозаменяемость членов бригады путем овладения несколькими смежными профессиями: шлифовальщика, фрезеровщика, токаря, сверловщика. Фронтовые бригады тт. Кузьмина, Мусатова, Борякова и др. выполняли по две с лишним нормы. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, лл. 406, 112).

С каждым годом росло число комсомольско-молодежных и фронтовых бригад. К 1944 году было организовано 40 комсомольско-молодежных фронтовых бригад, в 1944 году их стало уже 68, из них 20 бригад завоевали право называться «фронтовыми». (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4665, л. 27).

С ростом численности фронтовых бригад, как коллективной формы социалистического соревнования, росла их зрелость, уменье работать по-фронтовому.

Комсомольско-молодежной бригаде тов. Захарова за отличную работу во втором квартале 1944 года присуждено было третье место во Всесоюзном соревновании молодежных бригад с вручением третьей премии. В ноябре 1943 года в бригаде Захарова было 15 человек, средняя выработка была 200 проц. нормы. В августе 1944 года в бригаде стало 11 человек, а средняя выработка возросла до 316 проц. нормы. Бригада внесла 17 рационализаторских предложений, 15 из них было внедрено в производство, что дало экономию в 750 тысяч рублей.

Творческая инициатива молодежи не останавливалась на достигнутом, а все время создавала новые формы и новые методы коллективной работы для максимального повышения производительности своего труда.

В конце 1943 года по инициативе бригадира фронтовой комсомольско-молодежной бригады Московского 1-го Государственного шарикоподшипникового завода комсомолки Екатерины Барышниковой, на предприятиях нашей страны, развернулось движение под лозунгом: «Работать не числом, а уменьем!» Суть новой организации труда в бригаде заключалась в том, что путем правильной расстановки сил и распределения операций, путем взаимопомощи, строгой дисциплины и недопущения простоев бригада добилась повышения интенсивности своего труда и выполняла бригадное задание по выпуску продукции при меньшем числе членов бригады.

Первыми в Ульяновске откликнулись на призыв Барышниковой комсомольско-молодежные бригады слесарей во главе с Алексеем Пантелеевым и сверловщиков во главе с Иваном Лузиным. Сократив число членов своих бригад, они не только не сократили выпуск продукции, а наоборот, увеличили его, доведя выработку до 300—330 проц.

Смена тов. Чегодаева выполняла ежедневный график на 110 проц. Перестроив свою работу и сократив число работающих в смене на 2 человека, они в первый же день выполнили сменный план на 115 проц., во второй день — на 118 проц., в третий — на 120 проц. Бригады Алексеева и Бессонова, сократив у себя по 2 человека, выполняли план на 160—196 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4665, л. 27).

С каждым днем росло число бригад с сокращенным числом членов при неснижении выпуска продукции. Высвобождавшиеся квалифицированные рабочие становились ядром вновь организуемых бригад из молодых рабочих. В 1944 году имелось уже 579 молодежно-комсомольских бригад, высвободивших 464 квалифицированных рабочих. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 10),

Большое значение в дальнейшем подъеме производства имело внедрение на предприятиях г. Ульяновска метода организации производства, предложенного бригадиром фронтовой бригады одного из уральских заводов Егора Агаркова. Он предложил объединить бригады сварщиков и монтажников под руководством одного бригадира и слить два участка работы в один с тем, чтобы был законченный цикл производства.

Смысл метода Агаркова заключался не только в укрупнении бригад, в создании единого технологического цикла производства. Ценность этого метода прежде всего состоит в том, что управление производством становится гораздо проще, разумнее, отвечающее достигнутому уровню зрелости, опыту и квалификации рабочих и руководителей производства. Метод Агаркова дал возможность уменьшить управленческий аппарат в цехах, высвободить квалифицированных рабочих, мастеров и других производственников и направить их туда, где в них ощущалась потребность.

Одним из первых в Ульяновске развернул агарковское движение бригадир комсомольско-молодежной бригады Иван Шинов. Он предло-

жил укрупнить бригады и принял на себя руководство новой, увеличенной бригадой. Суть новой организации производства состояла в следующем: бригада Шинова в своей работе до этого зависела от бригады Жукова, изготовлявшей для бригады Шинова детали. Бригада Жукова в свою очередь получала детали от бригады Пышкова.

Узнав об опыте Агаркова, Шинов предложил администрации объединить все эти три бригады в одну с организацией единого, законченного цикла производства. Осуществление этого мероприятия дало возможность сократить численность бригады, появилась возможность маневрировать, лучше расставлять силы. Таким образом, созданы были условия для нового подъема производительности труда с сокращенным составом бригады. Все это дало возможность высвободить в цехе четырех рабочих и трех инженерно-технических работников. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4881, л. 13).

До перестройки работы, как правило, большинство цехов состояло из нескольких самостоятельных участков. В каждом из них было по два сменных мастера, по нескольку наладчиков, распределителей работ, технологов и др.

После пересмотра структуры цехов, участков и бригад было произведено укрупнение цехов, участков и бригад. Это привело к сокращению руководящего персонала на 46 работников. Кроме того, на другие работы было переведено 40 бригадиров и большое количество квалифицированных рабочих. В результате перестройки производственного процесса и управления значительно улучшилось руководство, повысилась производительность труда.

Таким образом, распространение передового опыта организации производства по методу Агаркова дало возможность вскрыть новые внутренние резервы и использовать их для общего подъема производства.

На последнем этапе Отечественной войны начала развиваться коллективная, передовая работа целых цехов. Славу передовых цехов завоевали коллективы тов. Скородумова, Сибурова, Мусатова, Праведнова, Двосина и др., систематически перевыполнявшие план выпуска продукции. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 372; д. 4559, л. 40).

В ходе социалистического соревнования многие цехи на всех предприятиях Ульяновска давали прекрасные результаты, завоевывая первенство во внутризаводском соревновании.

Так, наряду с развитием индивидуальных форм социалистического соревнования, в годы Великой Отечественной войны развились новые, более высшие формы коллективной работы передовиков: комсомольско-молодежные и фронтовые бригады, передовые смены и участки и передовые цехи.

V

Отечественная война родила тысячи героев. Многие из них прославились боевыми подвигами, многие заслужили известность благодаря самоотверженному труду в тылу.

Опираясь на учение Ленина о социалистической природе труда в нашей стране и о социалистическом соревновании, как могучем факторе пробуждения и развития творческой активности масс, Коммунистическая партия в дни войны организовала и всемерно развивала социалистическое соревнование трудящихся, направляя их растущую активность на решение важнейших задач, на обеспечение победы над врагом.

Социалистическое соревнование в годы Отечественной войны, как и в годы довоенных пятилеток, росло и крепло, вовлекало в свое русло

все новые и новые миллионы трудящихся, рождало и развивало все новые и новые формы.

С первых же дней войны партийные организации предприятий Ульяновска, разъясняя трудящимся цели фашистского нападения на нашу страну и смысл серьезной опасности, нависшей над страной социализма, воспитывали у трудящихся чувство советского патриотизма и направляли трудовой подъем на выполнение указаний Центрального Комитета партии о перестройке хозяйства на военный лад и на максимальное повышение производительности труда.

В социалистических обязательствах партийные организации оформляли патриотический порыв трудящихся, поднимали и вовлекали все новые и новые слои трудящихся в активную борьбу на трудовом фронте.

После того, как были приняты социалистические обязательства, партийные организации проводили работу внутри предприятия по обеспечению их выполнения. Наиболее распространенными формами и методами массово-политической работы для мобилизации рабочих на выполнение заданий были следующие: ежемесячные и еженедельные цеховые, участковые и бригадные производственные совещания, на которых подводились итоги выполнения взятых обязательств за прошедший месяц, давалась оценка работы каждого рабочего и ознакомление их с заданием на следующий месяц; принятие групповых и индивидуальных обязательств и еженедельная и ежедневная проверка выполнения их на бригадно-групповых совещаниях и «пятиминутках»; вывешивание на Досках показателей и Досках почета списков передовиков, результатов соревнования цехов, участков и бригад; показ работы передовиков через печать: газеты, «боевые листки», «молнии», наглядную агитацию. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4103, л. 372).

Здесь необходимо отметить большую заслугу газеты «Пролетарский путь», переименованной в связи с организацией Ульяновской области в областную газету «Ульяновская правда», много сделавшей для организации социалистического соревнования и распространения передовых методов работы на предприятиях Ульяновска.

Каждое историческое событие в стране, то или иное важное событие на фронте служило толчком новой волны творческого соревнования со взятием новых социалистических обязательств.

Так, в связи с первой крупной победой под Москвой на предприятиях Ульяновска усилилось социалистическое соревнование за увеличение выпуска продукции под лозунгом «Усилим помощь фронту!».

Трудовыми вахтами передовиков, перевыполнением норм выработки в 2—5 раз отвечали трудящиеся Ульяновска на известия о ходе битвы под Сталинградом.

«Все для фронта, все для победы!», «Все на помощь Сталинграду!» под таким лозунгом трудился советский народ в предоктябрьские дни 1942 года. В ответ на призыв рабочих Куйбышевского карбюраторного завода трудящиеся Ульяновска включились в декадник дополнительной помощи героическим защитникам Сталинграда. Ульяновцы обязались декадный план выполнить ко дню годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Бригада тов. Терентьева И. Г. брала обязательство выполнить декадный план на 190 проц., а выполнила на 270 проц., завоевав первенство среди фронтовых бригад. Десятки вагонов дополнительной продукции в эти дни ульяновцы дали фронту.

Как только радио «В последний час» передало сообщение об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда, в ночных сменах, а утром на всех предприятиях состоялись митинги.

На фабрике имени КИМ на митинге выступала орденоносец тов. Хмелева, которая заявила: «Мы с большой радостью узнаем эту весть.

Мы удвоим, утроим наши усилия, чтобы помочь нашей Красной Армии и впредь наносить сокрушительные удары немецко-фашистским извергам!»

На митинге коллектива швейфабрики № 5 сменный мастер закройного цеха тов. Лапочкина заявила: «Мы, советские люди, горячо приветствуем нашу славную Красную Армию. Наш долг — работать по-фронтовому!».

Передовики Аксенов, Шабашкин, Мазура, Колоскова, Теплякова и другие, став на вахту в честь победы под Сталинградом, выполнили по 5—7 норм, а фрезеровщик Гришняков выполнял нормы на 960—1116 процентов.

Разгром немцев на Курской дуге и освобождение городов Орла и Белгорода трудящиеся Ульяновска отметили трудовыми вахтами и значительным перевыполнением суточных заданий выпуска продукции, а многие передовики выполнением по 4—5 норм: слесарь Мурашкин — 550 проц. нормы, слесарь Литинский — 540 проц., до 4-х норм выработали тт. Чернов, Господарев, Котомов и многие другие.

Кузнец тов. Мархай освобождение родного города — Нежина ознаменовал рекордной выработкой — 775 проц. нормы.

Токари бригады тов. Грушиной на ЗМД в честь освобождения Одессы стали на трудовую вахту, взяв обязательства выполнить план на 200 проц., а фактически выполнили на 250 проц. (УОПА, ф. 13, оп. 1, д. 4504, лл. 24, 34, 35).

Каждая победа Красной Армии вызывала трудовой подъем у трудящихся, вызывала новую волну соревнования за присвоение лучшим бригадам имен дивизий победительниц, наносивших главные удары по врагу.

Так производственные победы тружсников тыла перекликались с военными победами героической Красной Армии.

В предмайские дни 1942 года усилилось соревнование между родственными предприятиями. Например, швейфабрики № 5 и им. Горького особенно хорошо организовали непрерывную информацию о ходе соревнования, обмен опытом работы.

В предоктябрьском соревновании 1942 года развернулась организаторская работа партийных организаций по соревнованию мастеров, по распространению опыта работы лучших из них.

Как боевой набат прозвучали лозунги ЦК ВКП(б) в октябрьские дни 1942 года, призывавшие советский народ отдать все свои силы на помощь фронту. В ответ на призывы ЦК ВКП(б) трудящиеся Ульяновска, возглавляемые коммунистами, взяли обязательства по досрочному выполнению производственных заданий и с честью их выполнили.

Досрочно выполнили годовые планы и дополнительные планы фабрика имени КИМ, швейфабрика № 5 и другие предприятия.

К концу 1942 года, когда движение двухсотников, трехсотников и пятисотников приняло особенно широкий размах, на предприятиях стали возникать новые формы и методы поощрения передовиков производства. Помимо уже широко применявшихся красных флажков, введено было присвоение почетного звания «фронтовика производства» с вручением специального значка. На заводах вводились «личные счета помощи фронту», которые вывешивались на рабочем месте передовиков. Передовым рабочим вручались специальные значки отличника, личные фронтовые счета. Имена лучших передовиков-новаторов заносились в «Почетную книгу» предприятия, хранившуюся у директора предприятия.

Предмайское соревнование 1943 года проходило под знаком организации коллективных форм труда.

Большую работу проделали партийные организации по развитию

агарковского движения и помощи руководителям производства в перестройке, в связи с этим, производственных циклов и управления на предприятиях, преодолевая косность, рутину и бюрократизм отдельных работников.

Велика заслуга партийных организаций в организации неоднократных месячников по сбору рационализаторских и изобретательских предложений, по внедрению их в производство. (Там же, л. 12, 14).

С первых же месяцев Отечественной войны партийные организации подхватили инициативу коллектива первого государственного шарикоподшипникового завода, развернувшего предоктябрьское социалистическое соревнование под лозунгом «Пусть не будет ни одного предприятия, которое бы не выполнило плана по всем показателям и прежде всего по заказам фронта».

Это обращение нашло живой отклик среди трудящихся всей страны, в том числе у трудящихся Ульяновска.

Размах социалистического соревнования настолько был широк, что оно превратилось во всенародное движение за новый подъем производительности труда, за обеспечение фронта всем необходимым для победы над врагом. Уже в мае 1942 года по всей стране развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, охватившее все промышленные предприятия, транспорт и сельское хозяйство. Каждая историческая дата, каждая победа Советской Армии над врагом вызывали все новую и новую волну социалистического соревнования: трудящиеся брали на себя индивидуальные и коллективные обязательства по повышению производительности своего труда, по увеличению выпуска продукции для фронта.

Все предприятия Ульяновска участвовали во Всесоюзном социалистическом соревновании, а на каждом предприятии активно участвовали в соревновании 80—90 проц. рабочих. 50—54 проц. от всех соревнующихся были передовиками.

Неоднократно в число передовых предприятий в соревновании по области и во Всесоюзном социалистическом соревновании выходили фабрики имени КИМ, имени Горького, Ульяновский винкомбинат, Ульяновское паровозное депо и другие предприятия.

В дни Великой Отечественной войны, трудящиеся Ульяновска, как и весь советский народ, перед всем миром продемонстрировали великую творческую силу социалистического труда, высокую доблесть и неиссякаемую трудовую инициативу. Самоотверженный труд, преданность Родине, преданность партии Ленина и творческая инициатива советского народа обеспечили снабжение Советской Армии всем необходимым, явились показателем высокой жизненности социалистической экономики. 130 лучших представителей трудящихся Ульяновска за свой героический труд в тылу в дни Отечественной войны были награждены орденами и медалями Советского Союза и тысячи ульяновцев награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

* * *

9 мая 1945 года пришел желанный час победы над врагом. Этот день никогда не изгладится из памяти, как величайший итог ратного и трудового подвига советского народа в борьбе за свободу и независимость своей социалистической Родины.

На митингах в честь Дня победы трудящиеся Ульяновска высказывали свою радость и величайшее удовлетворение победой, высказывали также и свои мысли о будущем, о переходе к мирному труду.

Мысли и чаяния советского народа нашли отражение в послевоен-

ном четвертом пятилетнем плане восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Советский народ возобновил прерванное Великой Отечественной войной свое движение вперед по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Лучшие люди Ульяновска, командиры производства и передовики военного времени возглавили патриотический трудовой подъем ульяновцев в борьбе за досрочное выполнение послевоенных пятилетних планов.

В достижении этой цели широко используется опыт самоотверженной, героической работы периода Великой Отечественной войны. В развернувшемся Всесоюзном социалистическом соревновании за досрочное выполнение послевоенных пятилеток раскрывались новые творческие силы советских людей, возникли новые формы социалистического труда, выдвинулись новые тысячи новаторов социалистического производства.

За десять послевоенных лет трудящиеся Ульяновска более чем в три раза увеличили размеры промышленного производства, превратив свой родной город в крупный индустриально-промышленный центр.

XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 года наметил большие и сложные задачи в области дальнейшего подъема народного хозяйства и, в связи с этим, в развитии техники производства и дальнейшего повышения производительности труда. На фоне крупных успехов технического прогресса съезд указал на серьезные недостатки: отставание отдельных отраслей и предприятий в создании и внедрении в производство новых машин, на факты плохого использования имеющейся техники, плохой организации производства, наличия штурмовщины, неэкономного расходования материалов и т. д.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза призвал трудящихся нашей страны развернуть всенародное социалистическое соревнование, направленное на преодоление имеющихся крупных недостатков в работе промышленных предприятий. Трудящиеся города Ульяновска, как и весь советский народ, под руководством Коммунистической партии все более настойчиво развертывают борьбу за технический прогресс, за лучшее использование техники, экономию сырья и материалов, за выявление резервов, таящихся в недрах социалистического производства и, тем самым, за дальнейший подъем производительности труда.

Сейчас, в послевоенный период, в дни борьбы за успешное строительство коммунистического общества, мы должны с уважением вспоминать трудовые подвиги советских людей в период Великой Отечественной войны, изучать их опыт и приемы работы с тем, чтобы использовать их в борьбе за дальнейший подъем производительности труда.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

М. А. Бутаев

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ СУКОННЫХ ФАБРИК КАРСУНСКОГО УЕЗДА, СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ, В 1906 ГОДУ

Декабрьское вооруженное восстание 1905 года явилось кульминационным пунктом первой русской революции. В течение десяти дней московский пролетариат вел героическую борьбу с царскими войсками. Однако в силу ряда причин декабрьское вооруженное восстание потерпело поражение; но это не означало прекращения революционной борьбы рабочих и крестьян. Продолжались арьергардные бои рабочего класса.

«Декабрьское восстание 1905 года, — писал В. И. Ленин, — имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года».[1] Это ленинское положение со всей убедительностью подтверждается фактами революционных выступлений рабочих и крестьян также и в Симбирской губернии в 1906—1907 гг.

В революционное движение вступают рабочие наименее промышленных, наиболее захолустных губерний.

Так, например, если в 1905 году в Симбирской губернии в революционной борьбе участвовало лишь 10 процентов фабрично-заводских рабочих, то уже в 1906 году — 33,9 процента.[2]

Революционная борьба рабочих и крестьян в губернии в 1906 году носит ярко выраженный политический характер. В активную борьбу включились рабочие суконных фабрик Карсунского и других уездов.

События большого политического значения развернулись в августе—сентябре 1906 года в текстильном Гурьевском районе, Карсунского уезда.

В Карсунском и частично в Сенгилеевском уездах была расположена группа суконных фабрик: в селе Гурьевке — фабрика Акчурина — (2192 рабочих)[3]; в селе Румянцево — фабрика Протопопова (1418 рабочих)[4]; в селе Базарная — фабрика Белоусова (412 рабочих); в селе Измайловка, Сенгилеевского уезда — суконная фабрика Шатрова (812 рабочих). На всех этих фабриках на 1 января 1906 года работало 4734 человека.[5]

Рабочие этих фабрик жили в исключительно тяжелых условиях, подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны фабрикантов. Рабо-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 7.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 365.
[3] Государственный архив Ульяновской области, ф. 195, оп. 23, д. 21, л. 39.
[4] Там же, л. 34.
[5] Там же, лл. 4, 5, 34, 39, 40, 42 и др.

чий день достигал 14—15 часов. В широких размерах применялись сверхурочные и ночные работы. Несмотря на продолжительный рабочий день, заработная плата была мизерной, причем каждый фабрикант устанавливал заработную плату по своему усмотрению. Несмотря на то, что эти суконные фабрики друг от друга находились примерно в 15—20 километрах, заработная плата колебалась от 95 руб. 45 коп. до 129 руб. 70 коп. в год.[1]

На фабриках царил произвол. Рабочие часто подвергались штрафам, их принуждали брать по дорогой цене продукты в фабричных лавках, выдача зарплаты долго задерживалась, и рабочие оставались без средств к существованию; жилища рабочих представляли из себя жалкие лачужки с нарами, вместо кроватей, мастера и сами фабриканты избивали рабочих. Все это вызывало возмущение рабочих, приводило к частым столкновениям их с фабрикантами. В течение 1905—1907 гг. рабочие неоднократно объявляли забастовки и требовали улучшения условий труда.

Октябрьские выступления московского пролетариата 1905 года встретили активную поддержку и рабочих суконных фабрик Карсунского уезда.

12 октября забастовали ткачи и другие рабочие суконной фабрики Шатрова, потребовавшие улучшения условий труда. В конце ноября 550 рабочих фабрики Акчурина через своих выборных предъявили фабриканту требование о повышении расценок пропорционально количеству выработанного сукна, выдачи продуктов не по воскресным дням, а по субботам, снабжения дровами рабочих с доставкой на дом. Фабрикант вынужден был удовлетворить эти требования рабочих.

Декабрьское вооруженное восстание 1905 года было высшей точкой первой русской революции. В эти дни симбирские большевики возглавляли активную борьбу рабочих и крестьян губернии. На митинге, состоявшемся 13 декабря на станции Базарная, кроме рабочих и служащих станции, рабочих суконной фабрики Шатрова, присутствовало также 100 крестьян из ближайших сел[2]. Здесь было принято воззвание к крестьянам с призывом к совместной борьбе против царского правительства. «Вместе с рабочими фабрик и заводов страны, — говорилось в воззвании, — рабочие и служащие нашей фабрики объявили забастовку, чтобы вместе вести борьбу с существующим строем. Верьте нам, крестьяне, мы ваши друзья, мы идем к вам первыми на помощь»[3].

Революционные выступления рабочих суконных фабрик продолжались и в 1906 году. 16 июля 1906 года забастовали рабочие суконной фабрики Акчурина и предъявили фабриканту ряд экономических требований: прибавки к заработной плате по 20 копеек за каждый кусок сотканного сукна, оплаты за дни пропуска вследствие недостатка основы, установление базарной цены на товары в фабричной лавке, отказ от сверхурочных работ.[4]

Рабочие Измайловской суконной фабрики в июле месяце собрались на митинг около кладбища. На этом митинге выступали приехавшие и местные ораторы, призывавшие к вооруженной борьбе против царского строя. Было принято решение всем вооружиться, кто чем может: ружьями, топорами и кольями.[5]

В августе—сентябре 1906 года забастовки и митинги происходили

---

[1] Расчеты по заработной плате произведены нами по отчетным данным фабричного инспектора.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 796, л. 75.

[3] ГАУО, ф. 856, оп. 1, д. 77, лл. 11, 18, 19, 20.

[4] ГАУО, ф. 76, оп. 9, д. 36, л. 73.

[5] Там же, оп. 6, д. 95, лл. 106—108.

на всех суконных фабриках. На фабрике Протопопова в августе забастовка продолжалась 7 дней, рабочие предъявили ряд экономических и политических требований, но ни одно из них удовлетворено не было.[1]

Революционной борьбой рабочих суконных фабрик Карсунского уезда руководил «Союз рабочих депутатов». В «Союз рабочих депутатов» были избраны лучшие рабочие Румянцевской, Гурьевской, Измайловской, Белоусовской суконных фабрик. Центр «Союза рабочих депутатов» находился на Гурьевской фабрике, а местные комитеты—на Румянцевской, Измайловской и Белоусовской суконных фабриках.[2]

Под руководством центрального комитета «Союза рабочих депутатов» местные комитеты проводили большую агитационную и организаторскую работу.

Излюбленным местом для проведения митингов, собраний были Измайловские леса вблизи села Хананеевки. На митингах и собраниях приезжавшие из города Симбирска и других мест агитаторы—представители «Союза рабочих депутатов» рассказывали рабочим о ходе революционной борьбы и призывали присутствующих к вооруженному восстанию и к захвату власти в свои руки. Здесь же поднимались красные флаги, пелись революционные песни, распространялись прокламации.[3] Наиболее активное участие на этих митингах принимали рабочие Гурьевской суконной фабрики (ныне им. Гладышева).

Вот что рассказывает, например, о работе одного из местных комитетов «Союза рабочих депутатов» ткач Зимин А. И.: «На фабрике Шатрова местный комитет «Союза рабочих депутатов» был избран из лучших рабочих. Комитет состоял из семи человек, он проводил большую организационную и агитационную работу среди остальных рабочих, втягивая их в активную политическую жизнь. Рабочие фабрики после работы часто собирались на митинг в лесу около села Измайловки. На митингах выступали большевики, приезжавшие из Симбирска, которые рассказывали рабочим о революционных событиях в России и призывали их к вооруженной борьбе. Здесь же читались газеты, раздавались прокламации и листовки. Была создана боевая дружина, организатором которой был ткач Аксенов. Боевая дружина готовилась к вооруженному восстанию, но в скором времени члены боевой дружины были уволены с работы».[4]

Среди рабочих суконных фабрик большой популярностью пользовался бывший член Государственной думы крестьянин села Русской Хомутери, Карсунского уезда, Матвеев Петр Федорович.[5] Он часто разъезжал по фабрикам, беседовал с рабочими и призывал их к борьбе с существующим строем. Узнав о противоправительственной деятельности Матвеева, местные губернские власти решили арестовать его.

15 августа симбирский губернатор предложил карсунскому исправнику арестовать Матвеева[6]. Услышав о предполагаемом аресте Матвеева, рабочие суконных фабрик заволновались. Рабочие стали рассылать своих представителей с одной фабрики на другую. Утром 16 августа на Гурьевскую фабрику прибыл представитель с фабрики Белоусова, который сообщил рабочим о том, что в селе Базарный Сызган предполагают арестовать бывшего члена Государственной думы Матвеева П. Ф. и просил всех рабочих Гурьевской фабрики прибыть в Базарный-Сыз-

[1] ГАУО, ф. 195, оп. 23, д. 21, л. 34.
[2] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 125.
[3] Там же. лл. 107—113, 125 и д. 193, лл. 22—23.
[4] УОПА. Воспоминания бывшего ткача суконной фабрики Шатрова Зимина Александра Ивановича.
[5] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, лл. 130—132.
[6] Там же. л. 125.

ган и не допустить ареста Матвеева. Рабочие Гурьевской фабрики со своей стороны послали к рабочим фабрики Протопопова слесаря Алексея Жукова и к рабочим фабрики Шатрова слесаря Александра Соколова. К часу дня все рабочие мужского пола Гурьевской фабрики стали собираться в Базарный Сызган. Собравшиеся рабочие постановили: на ст. Базарной завладеть железнодорожным поездом и ехать на нем со своим машинистом Семеном Шигимаровым[1].

Фабрикант Протопопов послал на имя губернатора телеграмму о том, что рабочие его фабрики забастовали, фабрика стала и ожидаются осложнения.[2] На имя губернатора поступила телеграмма и от сенгилеевского исправника. Забастовкой были охвачены все рабочие четырех суконных фабрик — более 4700 человек.

Местные губернские власти принимали все меры к тому, чтобы подавить забастовку, перераставшую в вооруженное восстание. Из Карсуна посылались телеграммы на имя губернатора, от губернатора в министерство внутренних дел. Министерство предлагало симбирскому губернатору любой ценой подавить забастовку[3]. Обстановка настолько осложнилась, что симбирский губернатор взял руководство по подавлению стачки в свои руки.

В телеграмме от 24 августа на имя карсунского исправника он писал: «Обратите на данное дело самое серьезное внимание... Если, однако, рабочие упорно будут сопротивляться аресту, то предлагаю под личную ответственность проявить всю твердость власти до употребления оружия включительно»[4].

По приказу губернатора с разных мест губернии направлялись войска в Карсунский уезд для подавления забастовки. 25 августа из Карсуна в район фабрики Протопопова прибыло полроты пехоты и из Сызрани — полторы роты. Из них в тот же день одна полурота экстренно была отправлена в Тимошкино для подавления забастовки рабочих Старо-Тимошкинской суконной фабрики[5].

Начались серьезные столкновения рабочих с войсками. 27 августа в селе Жадовке вблизи фабрики Протопопова происходил митинг рабочих фабрики. На митинге выступили агитаторы с призывом к вооруженному восстанию. На другой же день у фабричного моста снова состоялся митинг. В нем принимали участие все рабочие фабрики, среди них: механик Плаксин Матвей Павлович, присучалка Молчанова Анна Герасимовна, прядильщик Сусоров Иван Васильевич, ткач Ионин Андрей Николаевич, вальщик Кузьмин Григорий Ефимович[6], ткачиха Кочергина Василиса Егорьевна[7] и другие. Выступавшие ораторы вновь призывали рабочих к вооруженному восстанию. Но митинг был рассеян с помощью роты солдат[8]. Начались репрессии. Всем рабочим фабрики Протопопова объявили расчет, но большинство из них отказалось от получения денег.

31 августа в Гурьевском районе было особенно тревожно. В 12 часов 30 минут губернатор получил телеграмму от сенгилеевского исправника, который сообщил, что все рабочие фабрики Шатрова бросили работу и отправились в Гурьевку (фабрика Акчурина)[9], чтобы помочь в борьбе с казаками, присланными для усмирения рабочих этого района.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 4.
[2] Там же, лл. 8—9.
[3] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 99, лл. 107—113.
[4] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 11.
[5] Там же, лл. 15—18, 22, 23, 36, 37.
[6] Часть из этих рабочих сейчас пенсионеры.
[7] Кочергина Василиса Егорьевна проработала на фабрике 60 лет.
[8] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 116.
[9] Там же, л. 33.

В ответ на эту телеграмму губернатор предписал карсунскому исправнику немедленно выехать в село Жадовку и взять на себя общее руководство карательными операциями против рабочих. Одновременно была послана телеграмма в Сызрань на имя полковника Мекленбурцева следующего содержания: «Гурьевской фабрике рота стреляла залпами. Есть раненые рабочие. В виду сопротивления рабочих револьверами и бомбами, рота отступила в Жадовку. Необходимо сломить сопротивление рабочих, которых с ближайших фабрик может собраться несколько тысяч. Прошу завтра выслать подкрепление станцию Барыш еще роту из Сызрани. Из Симбирска отправляют эскадрон. Благоволите из Сызрани назначить офицера для общего командования соединенным отрядом пехоты, драгун и стражников. Роте из Сызрани следует подходить к станции Барыш с предосторожностями в виду возможного покушения рабочих»[1].

Обстановка с каждым днем осложнялась. Восставшие рабочие упорно сопротивлялись. Это вызвало тревогу у местных властей.

«Тайная боевая организация в Гурьевке продолжается. Есть слухи рассылки бомб. Главари нашей фабрики находятся там. До прибытия войск необходим обыск. Аресты невозможны», — сообщал фабрикант Протопопов в телеграмме губернатору от 1 сентября[2]. Второго сентября из Гурьевки ему сообщили о том, что «рабочая боевая дружина готовится отомстить войскам»[3].

Губернатор спешно стягивал войска из разных мест губернии в район Гурьевской фабрики. Второго сентября из Симбирска в Барыш отправили эскадрон кавалерии[4]. К третьему сентября в район забастовки прибыли три роты 7-го Ревельского пехотного полка и четвертый эскадрон 53-го Новоархангельского драгунского полка. В качестве командира объединенных вооруженных сил был выделен полковник.

Войска расположились на фабрике Протопопова и начали проводить операции по подавлению стачки по всем правилам военного искусства. В течение 2 и 3 сентября была организована разведка, изучалась обстановка на фабриках и в ближайших районах. Был составлен план наступления: 1. Внезапное появление объединенных вооруженных сил сначала у фабрики Акчурина (Гурьевка), где, по их мнению, находился центр руководства революционной борьбой рабочих. 2. Разобщение рабочих Акчуринской фабрики с рабочими Шатрова и окружающими населенными пунктами, а внутри фабрики — рабочих от их жилищ и местного населения. 3. Быстрое передвижение к фабрике Шатрова и развертывание соответствующих операций по ликвидации революционного очага[5].

В ночь с 3 на 4 сентября войска выступили с фабрики Протопопова, и 4 сентября в 6 часов утра заняли ранее намеченные по плану места вокруг фабрики Акчурина (Гурьевка). Разобщив ее со всеми окружающими районами, в 6 часов 15 минут карсунский исправник занял фабрику своими стражниками и урядниками, а в это время все войска стояли в полной боевой готовности в указанных местах. Фабрика была закрыта[6].

В течение двух дней шли обыски в квартирах рабочих и производились аресты. При обысках были найдены оружие и бездымный порох. От рабочих Гурьевской фабрики потребовали, чтобы они выдали

---

[1] ГАУО ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 37.
[2] Там же, л. 55.
[3] Там же, лл. 48, 53.
[4] Там же, л. 109.
[5] Там же.
[6] Там же, лл. 84, 109—110.

членов главного комитета «Союза рабочих депутатов», а также сдали оружие. Рабочие отказались выдать членов комитета и были все уволены.

5 сентября войска были отправлены на фабрику Шатрова, произвели там обыски и аресты, а в 16 часов вернулись обратно на фабрику Протопопова.

В 10 часов 30 мин. вечера 5 сентября 3-я рота Ревельского пехотного полка была командирована в село Жадовку и, произведя там обыски и аресты, вернулась обратно 6 сентября в 5 часов вечера. Таким образом, революционное выступление в Карсунском уезде было подавлено 6 сентября к вечеру. Арестовано и предано суду 21 человек руководителей вооруженной борьбы. Среди них были: Бортнев, Василий Суслов, Яков Расторгуев, Тимофей Сыромятников, Александр Понин, Павел Мироненков, Иван Драгункин, Василий Горшенин, Николай Лебедев, Федор Агафонов, Степан Панюшкин и другие[1].

В подавлении революционных выступлений рабочих суконных фабрик Карсунского уезда приняла участие тысяча солдат и офицеров.

После подавления революционного выступления рабочих в Карсунском уезде для поддержания порядка была оставлена рота солдат.

Так закончилась героическая борьба рабочих суконных фабрик Карсунского уезда против фабрикантов и царской власти. Кратковременная, но яркая деятельность «Союза рабочих депутатов» в Карсунском уезде явилась наглядной иллюстрацией роли Советов, как органов общереволюционной борьбы с правительством. Ленин в статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата» писал о Советах: «Они возникали, как органы борьбы **стачечной.** Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами **общереволюционной** борьбы с правительством. Они превратились **неудержимо,** в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию, — **в органы восстания»**[2].

Вооруженная борьба текстильщиков Гурьевского фабричного района Карсунского уезда в августе—сентябре 1906 года представляла собой одну из ярких страниц первой русской революции в Симбирской губернии.

Переход текстильщиков Симбирской губернии к вооруженной борьбе и создание ими «Союза рабочих депутатов» вдохновлялись героическим примером пролетариата Петербурга, Москвы и других промышленных центров страны.

Вооруженная борьба рабочих суконных фабрик Карсунского уезда имела большое значение. Она обогатила рабочих суконных фабрик, а также рабочих других фабрик и заводов Симбирской губернии, опытом революционной борьбы и явилась для них огромной школой политического воспитания. Пережив тяжелые годы реакции, рабочие суконных фабрик Карсунского уезда приняли активное участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции в Симбирской губернии.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 93, л. 87; д. 193, лл. 22—23 и ф. 76, оп. 9, д. 92, лл. 86—87.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 103.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

И. С. Ромашин

ПЕРВАЯ СТАЧКА ВОЛЬНОНАЕМНЫХ РАБОЧИХ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1856 г.)

Выступления рабочих в крепостной России, происходившие в условиях разложения феодализма, возникновения и развития капитализма, когда пролетариат еще только зарождался, представляют несомненный интерес для истории рабочего класса нашей страны. Однако только часть этих выступлений выявлена и в той или иной степени изучена. Архивы страны и в особенности местные, как справедливо отмечала акад. А. М. Панкратова[1], хранят еще значительное число материалов об этих выступлениях и волнениях, свидетельствовавших о нарастании социального протеста рабочих против крепостничества и эксплуатации хозяев. Среди известных волнений рабочих этого периода особенно мало выявлено выступлений рабочих вотчинных предприятий. Эти предприятия пользовались своеобразной «автономией» в России. Правительственные власти почти не вмешивались во взаимоотношения вотчинников и их рабочих, заглядывая туда лишь в исключительных случаях. Автор настоящей статьи ставит перед собой цель описать, на основании неопубликованных архивных данных, один из эпизодов борьбы рабочих накануне реформы 1861 года.

Последнее предреформенное десятилетие известно резким обострением классовых противоречий в стране. Недовольство существовавшим порядком охватило все слои русского общества. Конфликт между развитием производительных сил и господствовавшими феодальными отношениями вступил в решающую фазу. Совокупность этих противоречий, по словам В. И. Ленина, и создала ту революционную ситуацию, когда низы (народ) не хотели жить по-старому, а верхи (дворянство и правительство) не могли уже управлять по-старому.[2] Крымская война показала всему русскому обществу всю гнилость феодально-крепостнического строя. Она явилась фактором, ускорившим назревание революционной ситуации 1859—1861 годов. Известно также, что революционная ситуация не переросла в революцию, для этого тогда не было соответствующих условий.

Рост противоречий и обострение классовой борьбы нашли свое отражение и в положении рабочих суконной промышленности губернии.

Крымская война для суконной промышленности России и, в частности, для Симбирской губернии имела особое значение. Накануне и в

---

[1] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. I, 1951 г., стр. 10.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

годы войны (1847—1855 гг.) в Симбирской губернии, кроме имевшихся уже 18 суконных мануфактур, открылось вновь еще 15. В годы войны значительно расширились прежние суконные мануфактуры, например, Тереньгульская, Самайкинская, Игнатовская, Шигонская; вдвое увеличилось число ткацких станов на Ишеевской, Полдомасовской, Линевской, Воскресенской; вчетверо—впятеро на Старо-Тимошкинской и Румянцевской мануфактурах.

Рост русской армии был постоянным фактором, оказывавшим свое влияние на суконную промышленность России. Армия, все время увеличиваясь, к началу Крымской войны насчитывала 1352 тысячи солдат и офицеров, а за годы войны увеличилась почти вдвое, достигнув 2154 тысячи солдат и офицеров. Поэтому военное ведомство предъявило русской суконной промышленности в 1856 году невиданный спрос на солдатские сукна — в количестве 13 миллионов аршин. Только по Симбирской Комиссариатской комиссии поставка сукон с 1.380 тыс. в 1854 году выросла до 2.394 тыс. аршин в 1856 г.[1]

Война, как известно, является испытанием всех сторон жизни народа и государства. Крымская война обнаружила несостоятельность, отсталость России.

Хотя в целом промышленность России не смогла по-настоящему справиться с задачами военного времени, однако отдельные отрасли промышленности в основном справились с заказами военного ведомства.

Золотой дождь, посыпавшийся из казны на суконные мануфактуры, был хорошим стимулом, дрожжами, на которых поднялись многие суконные предприятия России и, в частности, в Симбирской губернии.

Правительство, резко повысив требование на солдатские сукна, установило выгодные для фабрикантов цены на них и проявляло большую снисходительность при приеме сукон в казну. Вновь оживилась вся система покровительства суконной промышленности со стороны правительства. «Мы тогда озолотились», — говорили всюду фабриканты и купцы об этом времени, — фабрики не успевали изготовлять товары, которые быстро расхватывались, строились новые фабрики и расширялись старые, удваивалось число рабочих часов, работали ночью.[2] В этой обстановке и появились новые вотчинные предприятия.

Важным фактором, способствовавшим открытию новых суконных мануфактур в этот период, был продолжавшийся рост товарно-денежных отношений, увеличение емкости внутреннего рынка. В частности, вольный рынок из года в год повышал спрос на продукцию суконных мануфактур губернии. Так, в 1850 году было реализовано на вольном рынке сукна в аршинах в 9 раз, а в 1861 году — в 34 раза больше, чем в 1828 году. Причем рост выражался не только в абсолютных цифрах, но и относительно росла доля вольной продажи в сравнении с поставками в казну. Требование на сукно предъявляло не только увеличивающееся городское население, рабочие фабрик и заводов России, но и крестьянское население. При всей своей бедности и ограниченности средств, оно считало более выгодным покупать дешевые сорта сукон на кафтаны, поддевки и чапаны, чем изготовлять их самим.

В результате всего этого, число мануфактур в губернии к 1856 году достигло 33, а продукция и число рабочих рук возросли почти втрое. В

---

[1] В сводку вошли поставки и фабрикантов соседних губерний, сдававших сукна в Симбирскую комиссариатскую комиссию. Симбирские фабриканты из этого количества поставили: в 1852 г. — 764 тыс., а в 1856 г. — 1.472 тыс. аршин сукна. А. Липинский. Материалы для истории и статистики России. Симбирская губерния, ч. II, СПБ, 1868, стр. 34, 527.

[2] А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М., 1955, стр. 65.

производство были вовлечены новые слои крепостного крестьянства, которых помещики «освобождали» от земли и переводили в дворовые или на положение дворовых. Именно в эти годы оформляется категория фабричных рабочих из крепостных, большей частью вовсе лишенных земли, орудий и средств производства. Например, на Игнатовской мануфактуре из крепостных владельца 213 рабочих постоянно работали на мануфактуре, не пользовались землей, работали всю неделю (а не три дня барщины) на своем содержании за положенное жалованье.

Однако рост суконного производства был таким бурным, что своих крепостных рабочих вотчинникам не хватало и на предприятиях появились рабочие из вольнонаемных — мещане, удельные и государственные крестьяне и крепостные других помещиков.

Примерно половина суконных вотчинных мануфактур, в том числе все крупнейшие, имели вольнонаемных рабочих. Так, на Измайловской мануфактуре помещика Прибыловского в 1855 году из 380 рабочих 130, или 35 проц. были вольнонаемные.[1] На Игнатовской мануфактуре князя Долгорукова в 1854 году они составляли 25 проц. В частности, здесь в 1856 году работала в качестве вольнонаемных группа крепостных Прибыловского, приглашенных в качестве мастеров руководить крепостными рабочими Долгорукова.[2]

На Румянцевской мануфактуре в годы Крымской войны работало до 1500 рабочих, большинство их — вольнонаемные.

Изученные нами данные по 11-ти вотчинным мануфактурам дают возможность предполагать, что количество вольнонаемных в эти годы на вотчинных мануфактурах Симбирской губернии составляло около 40 проц. от числа всех работавших, или около 4000 человек.

Одновременно формируются кадры рабочих первых купеческих мануфактур.

В этот период значительно повысилась роль денег в оплате рабочих суконных предприятий. Огромные масштабы суконного производства и большие прибыли, получаемые владельцами, позволили им несколько увеличить размеры денежной доплаты своим крепостным и заработную плату вольнонаемным. Проводилось это в целях повышения интереса к работе у своих крепостных и вольнонаемных. Одновременно владельцы сокращали натуральные виды оплаты: уменьшали земельные наделы (полевые, луга, огороды) там, где их имели рабочие мануфактур, сокращали сеть застольных; вместо пайка натурой стали выдавать кормовые деньги и т. п.

Все это, разумеется, делалось исключительно к выгоде владельцев. С окончанием войны и резким уменьшением поставок в казну, производство на большинстве вотчинных мануфактур сократилось. Там же, где оно не подверглось большому сокращению, началось интенсивное приспособление его к новым условиям, к работе на вольнонаемный рынок. Организуя производство, предприниматели провели ряд мероприятий, ухудшивших положение рабочих. Например, при освоении новых, более трудоемких сортов гражданских сукон, расценки оставались прежними. В других случаях повышались «уроки», размеры половинок[3] или просто снижались расценки. Увеличивали браковку изделий, повышали штрафы за невыполнение норм, за неявку на работу и т. п. В итоге всего этого заработная плата рабочих уменьшилась и, следовательно, материальное положение их ухудшилось.

Большое озлобление рабочих вызывали введенные в эти годы ноч-

---

[1] ГАУО, ф. 686, оп. 1, д. 20, лл. 19—20.
[2] Там же, д. 10, лл. 76—77, 1853—54 гг.
[3] Половинка — кусок, штука сукна от 32 до 38 аршин.

ные караулы на мануфактурах. В целях усиления охраны зданий от поджогов, устанавливалась круговая порука рабочих перед администрацией. Мужчины — рабочие мануфактур — группами по очереди назначались в эти караулы и вместе с ночными сторожами несли охрану зданий. Иногда их даже запирали в корпусах на замок и в таких случаях при пожаре им грозила смертельная опасность. В случае поджога здания и нерозыска виновных они подвергались жестоким телесным наказаниям.[1]

Рост недовольства на мануфактурах, вызванный всеми этими обстоятельствами, проходил в атмосфере напряженного ожидания крепостными крестьянами «воли». Поэтому вполне закономерно, что в этот период усиливаются проявления классового антагонизма. Формы проявления социального протеста оставались в основном прежними, но характерно, что все чаще применяются более сильные методы расправы рабочих со своими притеснителями, например, поджоги мануфактур, складов с шерстью и сукнами, с фабричными машинами и т. п. Владельцы усиливают охрану своих предприятий, вводят суровые меры наказания, усиливается преследование рабочих со стороны административных и судебных властей, но все эти меры не дают владельцам нужных результатов. Растут среди рабочих и элементы сознательной борьбы за свои права сообща. Не случайно в этот период произошла первая в губернии стачка вольнонаемных рабочих на помещичьей мануфактуре Колюбакиной Т. С. в с. Коромысловке, Сенгилеевского уезда.

Суконная мануфактура в с. Коромысловке, Сенгилеевского уезда, возникла в 1855 году в небольшом имении Колюбакиных в обстановке предпринимательского ажиотажа, вызванного Крымской войной. Строил ее дворянин Каблуков, ловкий делец, мздоимством, обманом и поборами наживший себе состояние, будучи управляющим Сызранской удельной конторой. По выстройке он немедленно сдал мануфактуру в аренду сенгилеевскому 2-й гильдии купцу Акчурину Махмуту, но наем рабочих оставил за собой. Через два с небольшим месяца между Каблуковым и арендатором возник конфликт, и мануфактура остановилась. Обманув своего арендатора, Каблуков не заплатил ни копейки и рабочим за их работу: так возникла тяжба между рабочими и Каблуковым. Начавшееся следствие мешало Каблукову заключить выгодный контракт на поставку сукон. Тогда он продал мануфактуру дворянке Колюбакиной Т. С. Продажа была фиктивной, и на мануфактуре по-прежнему хозяйничал Каблуков, в частности, ведая наймом рабочих. Колюбакина немедленно сдала мануфактуру новому арендатору-купцу Мангушеву: тот должен был поставлять шерсть и получать сукна по условленным ценам, а Колюбакина своими и вольнонаемными людьми — вырабатывать из шерсти сукна и передавать их Мангушеву.

Дворянка и купец заключили союз для совместной эксплуатации крепостных и вольнонаемных людей и получения выгоды от казны. Этот союз с окончанием войны грозил распасться: ухудшилась перспектива сдачи сукон в казну. В этих условиях Каблуков предпринимает новую аферу, стремясь вызвать конфликт с арендатором и переложить предстоящие финансовые трудности с сокращением производства на плечи арендатора, еще раз обмануть рабочих, не уплатив им за работу, либо, в крайнем случае, возложить платеж или ответственность за неплатеж заработной платы на того же арендатора. Колюбакина, им инспирированная, задолжав Мангушеву до 6 тыс. руб. за поставленную шерсть,

---

[1] Например, все рабочие, бывшие в ночном карауле в ночь пожара на 17 мая 1844 г. на Шигонской мануфактуре и не выследившие поджигателя, Сенгилеевским уездным судом были наказаны плетьми: двое по 15, а шестеро по 20 ударов каждый. ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 476, 1845 г.

требовала от него дальнейших поставок, задерживая в то же время сдачу сукон в погашение своего долга. Мангушев, опасаясь за свой капитал, не намерен был увеличивать кредит новыми поставками шерсти и прекратил их, требуя за долг готовые сукна. Но от Колюбакиной был получен отказ. Так назревал в вотчине конфликт, перешедший в тяжбу. В этих условиях и произошла первая в Симбирской губернии стачка вольнонаемных рабочих на помещичьей мануфактуре.[1]

Коромысловская мануфактура была в то время крупным предприятием: она имела 72 ткацких стана с минимумом производства 72 тыс. аршин сукна в год. Своих крепостных людей у Колюбакиных и Каблукова было очень мало,[2] и мануфактура широко использовала вольнонаемных. Состав рабочих Коромысловской суконной мануфактуры виден из нижеследующей таблицы.[3]

Сословия	Рабочие		Всего	% %
	взрослые	малолетние		
1. Помещичьи крестьяне	**109**	**12**	**121**	**52,6**
В том числе:				
а) самой Колюбакиной	52	—	52	22,6
б) других помещиков	57	12	69	30,0
2. Удельные и	**20**	**34**		
названные крестьяне	**9**	—	**63**	**27,4**
3. Прочие	**36**	**10**	**46**	**20,0**
В том числе:				
а) однодворцы	7	4	11	4,8
б) вольноотпущенники	4	1	5	2,0
в) мещане	4	—	4	1,7
г) солдатки	20	5	25	11,5
д) отставные солдаты	1	—		
Итого:	**174**	**56**[4]	**230**	**100%**

Отсюда следует, что за пять лет до отмены крепостного права на этой помещичьей мануфактуре работало помещичьих крестьян и их детей всего лишь немногим больше половины всех рабочих. Удельные и казенные крестьяне, а также и их дети — 27,4 проц., что составляет немного больше половины помещичьих. Остальную часть рабочих — 20 проц. составляли однодворцы, вольноотпущенники, мещане, солдатки и их дети. Работавшие на мануфактуре делились на две группы: крепостные крестьяне и дворовые самой Колюбакиной — 52 чел. = 22 проц. и вольнонаемные — 178 чел., или 78 проц. разных прослоек (помещичьи, удельные и казенные крестьяне и прочие — мещане, однодворцы, солдатки). Однако сами вольнонаемные в тот период по степени заинтересованности и связи с производством не составляли единой группы. Главное ядро состояло из вольнонаемных основных профессий: ткачи, чеса-

[1] Дела «о беспорядках» рабочих Коромысловской фабрики находятся в Государственном архиве Ульяновской области. Основное — ф. 124, оп. 4, д. 789, заключающее в себе 1795 листов, и два дополнительные — ф. 124, оп. 4, дд. 845 и 923.

[2] В 1861 г. Колюбакина имела в этом имении 31 душу, а Каблуков и того меньше. ГАУО, ф. 85, оп. 26, д. 9, л. 62.

[3] Таблица составлена на основании двух списков рабочих этой мануфактуры. ГАУО, ф. 124, оп. 4, дд. 789 и 845. В списки вошли 230 чел., в том числе все взрослые рабочие из 250—260 работавших в июне 1856 года на мануфактуре.

[4] Малолетних на мануфактуре было фактически несколько больше. Кроме указанных, еще работало 20—30 шпульников-мальчиков. Сословие их не известно, и поэтому они не вошли в таблицу.

ри, пряхи и т. п., для которых работа на мануфактуре была основным средством к существованию. Это были будущие кадровые рабочие промышленности после 1861 года. Многие из них сюда пришли из других губерний. Другая группа вольнонаемных работала главным образом на вспомогательных работах, заработок их был невелик, они еще не так тесно связаны с мануфактурой, это жители ближайшей местности. Эти три разных группы рабочих проявили и различное отношение к происходившим событиям на мануфактуре.

В период Крымской войны, как выше уже указывалось, значительно повысилась роль денег в оплате рабочих вотчинных предприятий. Владельцы, получая огромные барыши, в целях повышения интереса своих рабочих к работе, несколько увеличили доплату и заработную плату на мануфактурах. Вместе с тем помещики сокращали натуральные виды оплаты, в частности выдачу продовольствия, сокращались застольные, вместо пайка выдавали кормовые деньги. Эти обстоятельства делали рабочего более зависимым от заработной платы и более чувствительным к ее задержке. В условиях продолжавшейся инфляции, вызванной Крымской войной, реальная заработная плата рабочих уменьшилась, а следовательно, положение рабочих ухудшилось. С окончанием войны сократилось суконное производство и назревала реальная угроза дальнейшего ухудшения положения рабочих.

Так на мануфактуре создавалась среди рабочих атмосфера недовольства, беспокойства и неуверенности за завтрашний день. Когда на мануфактуре не выдали заработную плату за апрель месяц, это поставило рабочих в крайне трудное положение. Оно усугублялось еще тем, что большинство рабочих было уже раз обмануто Каблуковым в бытность его хозяином мануфактуры. Даже в апреле 1856 года не была еще выдана заработная плата за два с лишним месяца, заработанная рабочими в конце 1855 года. В течение мая и в начале июня рабочие неоднократно обращались с просьбой о выдаче заработной платы, указывая на свое тяжелое положение. Каблуков под разными предлогами уклонялся от выдачи. Рабочие, напряженно работая для выполнения контрактов владельца и арендатора, не получая заработной платы, стали испытывать острую нужду. Острая нужда усугублялась сознанием еще одной большой тревоги: приближались первые сроки уплаты податей и оброков, а денег не было. Так подготовлялись условия для возникновения стачки: росло недовольство рабочих и появлялась решимость их добиваться получения заработной платы. И когда слухи о конфликте между хозяйкой и арендатором и возможной остановке мануфактуры в будущем дошли до рабочих, то терпение их истощилось, и 11 июня 1856 года рабочие прекратили работу, выставив единственное требование: выплатить заработанную ими плату.

Прекращение работы на мануфактуре, когда еще имелись достаточные запасы шерсти, а сукна нужны были для сдачи в казну по заключенным контрактам, вызвало различную реакцию хозяйки, арендатора, губернской власти и отдельных групп работавших. Колюбакина, обладая чужими сукнами, делает попытку уплатить заработную плату рабочим... чужими деньгами, за счет арендатора Мангушева. С этой целью она партию сукна, из принадлежащих ему, отправляет в Симбирск для продажи на вольном рынке. Мангушев не допустил этого и добился наложения ареста на это сукно, а также и на сукна и шерсть, находившиеся на самой мануфактуре. Возникла многолетняя тяжба.[1]

[1] Два раза дело об их взаимных претензиях рассматривалось в Сенгилеевском уездном суде в 1857 и 1859 гг.; два раза в Симбирской палате гражданского суда, потом перешло в сенат. Ю. Мангушев умер, так и не дождавшись удовлетворения своего иска. Дело окончилось мировой сделкой Колюбакиной с наследниками Мангушева в 1860 году. ГАУО, ф. 124, оп. 4, дд. 845 и 923.

Стачка выявила и определила различное отношение отдельных групп рабочих к этой форме борьбы и к последующим событиям. Участие в стачке крепостных людей Колюбакиной (52 чел.) было вынужденным. Они прекратили работу вследствие остановки мануфактуры другими. На другой день они по приказанию своей помещицы возобновили работу, но стачка остальных рабочих делала невозможной их работу. 16 июня и они прекратили работу на мануфактуре. Вольнонаемные же, бросив работу, не приступали к ней, требуя и ожидая расчета. Однако вольнонаемные в тот период не представляли монолитной группы, живущей одними интересами, и это не могло не сказаться на их поведении. Те вольнонаемные, которые были связаны слабо с мануфактурой, для которых работа там была временной, эпизодом, естественно, вели себя пассивно, не проявляя необходимой настойчивости. Бросив работать, они ожидали две—три недели расчета. Но приближались летние работы в поле, от которых и зависело главным образом их существование. Поэтому, не дождавшись расчета, они разбрелись по домам, тем более, что все они были из ближайших к мануфактуре окрестностей. На этом кончилось их участие в стачке. Другая группа вольнонаемных, численно меньшая, из квалифицированных рабочих — ткачи, чесари, красильщики, пряхи и др., наоборот, проявила большую настойчивость. Рабочие этой группы играли в стачке ведущую роль. Прекратив работу, они долгое время не уходили из Коромысловки, настойчиво добиваясь расчета от Колюбакиной. Приехавший из Симбирска на мануфактуру в середине августа чиновник особых поручений Хворов застал эту группу полностью, тогда как все остальные покинули мануфактуру. Эта группа, будучи неоднородной юридически — там были оброчные помещичьи крестьяне, удельные и казенные крестьяне, мещане и солдатки — в социальном отношении была единой. Всех их связывала работа на мануфактуре, ставшая профессией. Это были предшественники того рабочего класса, который стал формироваться в России после 1861 года. Из этой группы рабочих выделилось ядро в числе 12—15 человек, которые проявили особую настойчивость, с июня до октября не уходили из Коромысловки, а с октября 1856 года до 1 апреля 1857 года жили в Сенгилее, домогаясь решения Сенгилеевского уездного суда по своему делу. Эта небольшая группа рабочих и вынесла на своих плечах длительную и изнурительную, полную лишений борьбу за свои и общие интересы рабочих своей мануфактуры.

Потерпев неудачу с продажей чужих сукон, Колюбакина решила в своих махинациях использовать рабочих, объективно заинтересованных в скорейшей продаже сукон. Так появились первые два прошения рабочих от 7 и 14 июня 1856 года временно исполняющему обязанности Симбирского губернатора Бобылеву.[1] Они явно инспирированы Колюбакиной. В прошении — все добро от Колюбакиной, все беды хозяйки и рабочих — от Мангушева. Тем не менее в прошениях отразилось и трудное положение рабочих. Они писали, что более месяца находятся без работы, дошли до нищеты, некоторые из них заложили свою одежду. Рабочие просили губернатора разрешить Колюбакиной продать сукна Мангушева для уплаты заработной платы рабочим. Губернатор, получив известие о стачке, расценил это как явный беспорядок. Не торопясь принять меры к немедленной выдаче заработной платы рабочим, он немедленно приказал сенгилеевскому исправнику выехать на мануфактуру и принять надлежащие меры к рабочим. Не дождавшись результатов, рабочие послали в начале августа своих уполномоченных в Симбирск, которые, лично рассказав губернатору о своем тяжелом положе-

[1] ГАУО, ф. 124, д. 789, лл. 35—36, 54—55.

нии, выдвинули требование оплаты не только за проработанное время, но и за дни стачки по день расчета.

Губернатор приказал всем рабочим быть на месте и ожидать выдачи заработной платы, обязав Колюбакину кормить рабочих и направил в Коромысловку чиновника особых поручений Хворова. Приезд Хворова и начало следствия послужило поводом к еще двум прошениям рабочих, в которых рабочие уточняют размер причитающейся им платы за время ожидания расчета и просят взыскать заработную плату уже не с Мангушева, а с Колюбакиной.

Хворов, установив сумму заработной платы, причитающейся к выдаче рабочим, и ее бесспорность не принял мер к ее немедленной выдаче. Отказался он что-либо сделать к выплате среднего заработка с 12 июня по день расчета тем рабочим, которые еще жили при мануфактуре и ожидали расчета. Этим заканчивался первый этап борьбы рабочих за выдачу заработной платы, когда все вольнонаемные в массе (сначала обе группы, а потом одна) добивались ее выдачи. После окончания следствия губернатор и губернское правление передали дело Сенгилеевскому уездному суду, где выдачи зарплаты всем рабочим и за вынужденный прогул добивалась уже небольшая группа рабочих (12—15 чел.) вплоть до 1 апреля 1857 года. Руководителями этой группы были: ткач Никонор Николаев, оброчный крестьянин Пензенской губернии, грамотный, 29 лет; ткач Спиридон Анфимов, оброчный крестьянин Пензенской губернии, грамотный, 27 лет; слесарь Николай Щукин, вольноотпущенник Пензенской губ., грамотный, 20 лет и конторщик Константин Попов — мещанин г. Симбирска.

За это время рабочие неоднократно обращались к сенгилеевским властям и суду, написали еще три прошения губернатору. Рабочие полностью уяснили обман их со стороны Колюбакиной, осознали, что они невольно оказались ее пособниками. Нелегко было рабочим сознаться, что они подло обмануты; горечью и обидой звучат строки их заявления. Рабочие вновь просили губернатора войти в их трудное положение. Они наивно полагали, что теперь, когда полностью раскрыт обман со стороны Колюбакиной в отношении рабочих, губернатор поймет их положение, и просьба их будет убедительней. «Взойдите в наше бедственное положение, ваше превосходительство, чем мы виноваты, за что терпим такую нужду и за что должны лишаться за четыре месяца следующего нам жалованья и как должны явиться в свои места пропустивши самое удобное время к работе, а некоторые к своим помещикам без копейки».[1]

Это третье прошение, так же как через месяц посланное четвертое, не имело никаких результатов. В пятом заявлении от 30 ноября 1856 года рабочие, наряду с требованием о выдаче заработной платы, жаловались на Сенгилеевскую администрацию и суд. Указывали, что Сенгилеевский земский суд[2] и Сенгилеевский уездный суд проявляют медлительность и бездействие, что неоднократные предписания Симбирского губернского правления по делу рабочих, этими органами не выполнены. Они вновь и вновь указывали на тяжелое свое положение. Девять раз ходили они пешком в Симбирск (расстояние 90 верст) много платья было изношено, много задолжали, а теперь, живя свыше полутора месяцев в Сенгилее, они и здесь задолжали хозяину квартиры более 30 рублей. «Сверх того, — заключают рабочие, — наступило уже время к отсылке в свои места государственных податей, а некоторым оброков к

---

1 ГАУО, ф. 124, оп. 4, д. 789, л. 321.

2 Уездный земский суд, возглавляемый уездным исправником до 1861 г. был уездным административным учреждением, а не судебным органом. Он же выполнял полицейские функции в уезде.

своим владельцам, за неплатеж которых невинно мы должны быть подвергнуты гневу и наказанию от своего начальства или отдаче в рекруты, так как теперь некоторые из нас около восьми месяцев проживают в ожидании расчета с просроченными письменными видами».[1] Рабочие просили губернатора предписать Сенгилеевскому земскому суду, чтобы он через уездного исправника немедленно распорядился о продаже имущества Колюбакиной и Каблукова — для уплаты рабочим задельной платы — независимо от конфликта, происшедшего между Колюбакиной и Мангушевым.

Потеряв всякое терпение от безрезультатности своих прошений губернатору, от бездеятельности Сенгилеевской администрации и суда, рабочие решают обратиться с жалобой к блюстителю законности — губернскому прокурору. Не получив и здесь ответа, рабочие решились на крайне редкий шаг в дореформенной России — 1 апреля 1857 года они подали прошение в г. Петербург министру внутренних дел.[2]

С точки зрения крепостных рабочих, это было последнее средство добиться законным путем своих требований. Прошел ровно год, как рабочие не получали никакой заработной платы. За это время рабочие неоднократно обращались с прошениями к сенгилеевским властям и уездному суду, семь раз ходоки от рабочих были в Симбирске, пять прошений подано губернатору, обращались к губернскому прокурору, и нигде рабочие не встретили понимания их справедливых требований. За этот год томительного ожидания, много нужды и горя пришлось изведать рабочим и их семьям, многие из них дошли до грани нищенства. Они были подло и вероломно обмануты своей владелицей мануфактуры, над ними глумился управляющий и бывший владелец мануфактуры дворянин Каблуков П. П., издевательством над человеческим достоинством было отношение к ним всех властей, причастных к их делу. В этом самом большом из всех поданных прошений рабочие как бы подводили черту своим злоключениям и требованиям. Рабочие просили министра приказать выдать им зарплату с 1 апреля 1856 г. по 1 апреля 1857 г., ввиду задержки их увольнения и расчета со стороны Колюбакиной.

Тяжесть, невыносимость и безвыходность их положения усугублялись страхом за будущее. Страшась своей судьбы, они писали... «мы сами себе не можем определить, с чем мы должны явиться в свои места, не заплатя ни оброков, ни государственной подати за три трети года, и чем должны кормить свои семейства»[3].

Рабочие, написав это последнее прошение, решили, что больше писать некуда, а ждать нет сил и возможностей. Поэтому в тот же день они обратились в Сенгилеевский суд за выдачей им паспортов, ввиду просроченности, вызванной задержкой их Колюбакиной. 2 апреля 1857 г. рабочие, получив виды на жительство, покинули г. Сенгилей, где они, прожив шесть месяцев, так ничего и не добились. Этим заканчивался второй этап конфликта между рабочими и Колюбакиной.

Окончательное решение по этому делу наступило гораздо позже, Прошение министру возымело некоторое действие. На основе предписания министра губернское правление предложило сенгилеевским властям принять незамедлительные меры. Для выдачи заработной платы была продана партия сукна, но вырученной суммы рабочим не хватило, и за каждый рубль суд выплачивал рабочим по 85 коп. Зарплата предназначалась только рабочим второго списка, т. е. вольнонаемным, которые были на мануфактуре до середины августа месяца. Остальные, ушедшие с мануфактуры в июне—июле 1856 года, зарплаты на сей раз не

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 4, д. 789, л. 369.
[2] Там же, л. 321.
[3] Там же, л. 559.

получили. С 25 августа 1857 года по 19 мая 1858 года урезанная заработная плата была выдана 45 рабочим из 62. Зарплата остальных долго потом еще находилась в суде, наконец она была послана рабочим через полицию по месту жительства. Многие рабочие все же так ее и не получили. Одних так и не розыскали, их не оказалось дома, были где-то на заработках, некоторые умерли, ткач Андрей Максимов оказался в тюрьме, а один из 12 рабочих — ткач Спиридон Анфимов получил зарплату уже после «воли» 17 мая 1861 года.

5 января 1859 года, через два с половиной года после забастовки, состоялось общее решение Сенгилеевского уездного суда по делу Колюбакиной и Мангушева, где в частности решался вопрос об иске 12 рабочих к Колюбакиной. Суд отказал рабочим.

Трудно и ожидать было другого решения от классового, дворянского суда царской России, тем более, что самих рабочих на суде не было, дело рассматривалось заочно, и аппелировать на неправильное решение было некому. Суд и тогда не рискнул побеспокоить Колюбакину в выплате зарплаты 117 рабочим ее мануфактуры по первому списку.

Только спустя еще год с небольшим, 16 апреля 1860 года, когда Колюбакина и наследники Мангушева помирились, при совершении мировой сделки в том же суде с Колюбакиной были взысканы деньги на уплату 117 рабочим по первому списку, а 19 апреля деньги были переданы сенгилеевской полиции для выдачи рабочим по месту жительства. Есть все основания полагать, что деньги, посланные рабочим через четыре года после происшедших событий, так же неполностью дошли до них, как и в первом случае.

В заключение необходимо сделать некоторые выводы об этой стачке. Стачка рабочих Коромысловской мануфактуры произошла стихийно, вследствие невыдачи рабочим заработной платы в течение двух с половиной месяцев, а некоторым рабочим в течение четырех месяцев, что значительно ухудшило положение вольнонаемных рабочих, особенно пришедших сюда из дальних мест.

Стачка обнаружила три группы работавших на мануфактуре, которые различно действовали после начала стачки. Одна — крепостные крестьяне Колюбакиной — продолжала работать на мануфактуре и только через несколько дней вынуждена была прекратить ее ввиду невозможности своими силами обслужить мануфактуру. Вторая — вольнонаемные из с. Коромысловки и ближайших сел, — примкнув к забастовке, через несколько дней покинула мануфактуру, ушла домой, не дожидаясь выплаты заработной платы. Рабочие этой группы работали, главным образом, на вспомогательных работах и заработок их был невелик. Третья группа состояла из вольнонаемных основных профессий — ткачей, прях и т. д. Работа на мануфактуре для них была основным средством к существованию. Забастовка произошла по их инициативе, уполномоченные этой группы неоднократно писали прошения местным властям, они долгое время находились на мануфактуре, ожидая и добиваясь заработной платы.

Из этой группы рабочих и мастеровых в количестве 62 вскоре выделилась группа рабочих в 12—15 человек, которая проявила особую настойчивость в достижении своих целей. Она продолжала писать еще ряд прошений (губернатору, прокурору, министру внутренних дел), тщетно ожидая решения уездного суда по своему делу. Эта группа требовала уплаты ей не только заработной платы по день забастовки, но и за время забастовки, вплоть до дня расчета. Доведенная властями и судебной волокитой до грани нищеты, эта группа покинула г. Сенгилей 1 апреля 1857 года, т. е. через девять с половиной месяцев после начала стачки.

Забастовка и последовавшие за ней события характеризуют еще низкий уровень сознания рабочих, неспособность разобраться в обстановке, сложившейся на мануфактуре, доверчивость к владельцу, а когда она была изжита, то осталось доверие к царским чиновникам, о чем свидетельствовали многочисленные прошения чиновнику особых поручений, губернатору, прокурору, Сенгилеевскому суду и министру внутренних дел. Только в ходе всех событий рабочие убеждались в классовой политике губернской администрации и суда.

Несомненно, что забастовка оставила в известной мере след в сознании рабочих. Особенно глубокий след она оставила в сознании тех рабочих, которые в течение почти года настойчиво добивались от царских властей и суда удовлетворения своих справедливых требований.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

А. П. Смирнов

К ВОПРОСУ О БУРТАСАХ

Одним из неразрешенных вопросов средневековой истории Поволжья является вопрос о буртасах. Известные нам по русским летописным данным, по документам XVI—XVII вв., по сведениям восточных, еврейских и западноевропейских писателей, они всегда интересовали историков. Были высказаны различные мнения об их локализации и племенной принадлежности. Сопоставляли их и с мордвой в целом, и с мордвой мокшей в частности, с чувашами, с тюрками, с мещерой. Наконец, были высказаны соображения о северо-кавказском происхождении буртасов, сопоставляемых с черкасами. Как показывают статьи М. Г. Сафаргалиева[1], А. Е. Алиховой[2]. А. П. Смирнова[3] и Е. И. Горюновой[4], этот вопрос интересует историков и в наши дни.

Не останавливаясь на разборе всех точек зрения, высказанных М. Г. Сафаргалиевым, замечу, что автор склонен отнести буртасов к числу тюрских народов. Он приводит мнение Абульфиды о тюрском языке буртасов и полагает, что в результате монгольского нашествия буртасы, как кочевой народ, растворились среди татар-кочевников, часть их осталась в пределах Мордовии и Чувашии, часть появилась на Северном Кавказе, где они перемешались с чеченцами[5].

За последнее время Н. Ф. Калинин, обобщая археологические работы, проведенные на территории Татарской АССР и сопоставляя археологические памятники с топонимикой, пришел к выводу, что буртасы занимали искони огромную территорию, начиная от северных частей Саратовской области до Свияжска в пределах Татарии. С буртасами он связывает археологические памятники Среднего Поволжья, в первую очередь мордвы и их соседей[6].

Для Н. Ф. Калинина буртасы это конгломерат племен—предшественников булгар. Историческая концепция этого автора такова: «Буртасы, видимо, родственнные мордве племена, продвинулись на Волгу, где восприняли некоторые черты Ананьино-Пьяноборской культуры. Обосновавшись на Волге, буртасы стали много сильней, смогли выставлять в поле 10.000 всадников, воевали с болгарами и печенегами». Под именем буртасов, — пишет Н. Ф. Калинин, — надо разуметь не один народ, а союз племен, в который, кроме буртасов, входила и мордва. Этим объясняется, что некоторые древние авторы доводят размеры буртасской территории до 1,5 мес. пути, от 1000—2000 км. «Историческая судь-

[1] М. Г. Сафаргалиев. Заметка о буртасах. Записки Научно-исследовательского ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, т. 13, Саранск, 1951, стр. 88.

[2] А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах. «Советская Этнография», I, 1949, стр. 48.

[3] А. П. Смирнов. К вопросу о буртасах. Кр. Сообщ. ИИМК АН СССР, 40, М., 1951, стр. 45.

[4] Е. И. Горюнова. Селище Полянки. Кр. Сообщ. ИИМК АН СССР, вып. 15, 1947, стр. 110.

[5] М. Г. Сафаргалиев. Указ. работа, стр. 96.

[6] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 62.

ба их такова: они были покорены булгарами, слились с ними, оказав своей культурой воздействие на пришельцев». Потомков их мы видим среди кряшен[1].

Таковы точки зрения на этническую принадлежность буртасов и их локализацию. По-видимому, такая редкая несогласованность мнений объясняется тем, что исследователи пользовались различными источниками, без учета их датировки. Одни опирались на данные топонимики и слова о «Погибели земли русской», другие пользовались сведениями арабских источников и, наконец, была сделана попытка связать с буртасами некоторые археологические материалы.

Этот шаг был сделан еще тогда, когда степень изученности археологического материала была не высока и пробелы в этой области знания не давали возможности перейти к обобщениям.

Н. Ф. Калинин в ряде работ, последовательно проводя свою точку зрения, положил в основу своей концепции все источники, считая их одновременными и поэтому неизбежно пришел к выводу об огромной территории, занимаемой буртасами. Для него буртасы это этнический слой, на который наслоился последующий булгарский.

В настоящее время наши знания археологических памятников разных эпох таковы, что имеется возможность выделить небольшие, в культурном отношении своеобразные, территории, которые можно связать с отдельными племенами.

В качестве примера по исследованию ранних периодов, можно привести работы А. Я. Брюсова[2], М. Е. Фосс[3], А. П. Окладникова[4], которым удалось разделить северный неолит на ряд небольших своеобразных культур, по-видимому, связанных с отдельными племенами.

До этого такая попытка была проведена в отношении восточно-славянских племен А. А. Спицыным[5] и финнов Приуралья и Поволжья — А. П. Смирновым[6].

Основные положения указанных авторов признаны большинством исследователей.

В отношении раннего железного века Среднего Поволжья подобная работа была проведена Н. В. Трубниковой, которая разделила Городецкую культуру на ряд вариантов. Эта культура первоначально была выделена В. А. Городцовым[7]. Указанное положение долгое время не принималось археологами. Большинство склонно было все памятники городецкого типа относить к группе городищ дъяковской культуры. Только тогда, когда была поставлена на повестку дня проблема этногенеза славян и когда понадобилось более дробное деление культур, П. Н. Третьяков, следуя за В. А. Городцовым, первый выделил Поволжье в особую территорию городецкой культуры[8].

Н. В. Трубникова разделила всю огромную территорию Среднего Поволжья от северной части Саратовской области до Чувашского тече-

---

1 Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг., Казань, 1954, стр. 62.

2 А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

3 М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, М., 1952.

4 А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 19, М., 1950.

5 А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Жур. Мин. просв. 1899 г., август.

6 А. П. Смирнов. Прикамье в первом тысячелетии н. э. Труды ГИМ, в. VIII, М., 1938, стр. 129.

Он же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, М., 1952.

7 В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1914, стр. 371.

8 П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1948, стр. 47.

ния Волги и от Цны на Западе до Волги на востоке—на ряд районов. Ею выделены Муромское течение Оки, Рязанское течение Оки, бассейн Цны, район Самарской Луки и район правобережья Саратов—Хвалынск[1]. Более поздние исследования позволили связать отдельные группы с исторически известными племенами. Так, муромская группа хорошо увязывается, с одной стороны, с Муромой русских летописей[2], а с другой, — с Волосовской культурой, выделенной для той же территории эпохи неолита и бронзы А. Я. Брюсовым[3]. Вторая Рязанская группа, условно связываемая с мещерой[4], точно так же выделяется с эпохи неолита[5]. Группу по бассейну Цны вероятнее всего связать с мокшей. Наименее изученной остается территория эрзи и Чувашии, где отдельные городища и селища с рогожной керамикой должны быть включены в состав этой культуры.

Наиболее интересной остается для нас IV группа по Н. В. Трубниковой—группа памятников, расположенных по Саратовско-Хвалынскому течению Волги.

Эта группа включает ряд городищ у города Хвалынска, городище Лысая Гора у с. Алексеевки, городища у Вольска, у Березняков, у Чардым, Танавское, Алексеевское, городище близ Саратова, у Ахмат, Пименова гора и Второе Чардымское.

Все племена этой культуры в пределах до IV—V вв. н. э. жили на правом берегу Волги, на территории, отмеченной выше. Последние исследования, проведенные в сороковых и пятидесятых годах нашего столетия, по правому и левому берегам Средней Волги, привели к открытию памятников V—VI—VII вв., принадлежащих тем же племенам, но расположенным не только на правом, но и на левом берегу Волги.

Освоение левого берега было вызвано переходом к плужному земледелию, который заставил население искать свободные плодородные земли по левому берегу. Памятники этих племен открыты на значительном пространстве от Ветлуги на севере[6] по Казанскому течению Волги[7], в Закамье[8], в районе Майны[9] и в пределах Саратовской области по течению реки Иргиз.

Последние исследования Куйбышевской экспедиции Академии Наук СССР дали новые материалы, свидетельствующие о захвате значительной полосы побережья племенами Городецкой культуры. По левому берегу расселялись не одно племя, а различные племена, составлявшие одну родственную группу.

Саратовско-хвалынская группа памятников по занимаемой территории должна быть связана с буртасами X века. Как отмечает ибн-Русте, «Земля буртасов лежит между хазарской и болгарской землями на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой... страна их в ширину, так и в длину простирается на семнадцать дней пути... от земли буртасов до земли этих болгар три дня пути[10]. Рядом жили печенеги». Этот текст является основным документом для локализации буртасов в IX—X вв. н. эры.

[1] Н. В. Трубникова. Племена Городецкой культуры. Труды ГИМ, вып. XXII, М., 1953, стр. 65.

[2] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, М., 1952, стр. 144.

[3] А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 42.

[4] А. П. Смирнов. Очерки и т. д., стр. 134.

[5] А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 72.

[6] А. П. Смирнов. Очерки, стр. 64.

[7] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 г., стр. 44.

[8] Там же, стр. 45.

[9] А. Смирнов и В. Тихомирова. Археологические памятники левобережья Волги. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 187.

[10] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах, и русах Ибн-Даста. Спб. 1769.

Многие исследователи путем расчетов определяли территорию, занимаемую этими племенами. Из работ нашего времени напомню исследования Б. А. Рыбакова, А. П. Смирнова, и Н. Ф. Калинина.

Первый из исследователей касался этого вопроса при определении территории Хазарского каганата. В своей статье «Русь и Хазария», анализируя письмо хазарского царя Иосифа, он определяет пределы каганата, а за его границами помещает землю буртасов[1]. Позднее он снова вернулся к этому вопросу при определении роли Хазарского каганата в истории Руси[2]. Он намечает южную границу буртасских земель близ Сталинграда.

Разбирая карту Идриси и восстанавливая по ней русские земли, он наносит и земли буртасов, которые располагаются приблизительно от Сталинграда до Саратова[3]. В этой статье он дает расчет, исходя из текста Идриси.

По данным этого географа, от Атиля до буртасов 20 дней пути, протяжение буртасовой территории 15 дней пути, от Итиля до Болгара 30 дней пути. Если взять за дневной переход при длительном путешествии 30—35 км в сутки, и ни в коем случае не больше, так как обычный конный или пеший переход и в средневековье и в наше время будет один и тот же, то нужно признать расчеты Б. А. Рыбакова правильными. Думаю, что 40 км при таких огромных расстояниях, как путешествие от Итиля до Болгар, будет чрезмерной нормой.

При обычной норме, считая по 30 км в день, за 15 дней пути можно пройти от Астрахани до Луговой Пролейки или Дубовки. Протяжение буртасских земель 17 дней пути — займет протяжение Волги почти до Сызрани. Где-то здесь и проходила граница Болгарского государства, как можно судить по археологическим данным. Здесь, у Сызрани, в тридцатых годах нашего столетия была найдена болгарская надгробная плита домонгольского времени, поступившая в Куйбышевский областной музей.

Совершенно другие расчеты дает Н. Ф. Калинин. Он привлекает те же источники, что и Б. А. Рыбаков и подсчет протяжений между географическими пунктами у него тот же самый. Однако локализация земель буртасов у него совершенно произвольная, не основанная на сведениях восточных источников.

Отметив незначительную ошибку Б. А. Рыбакова, поместившего буртасов только в пределах степной полосы, вне лесной или лесостепной зоны, что противоречит данным ибн-Русте, он дает свои расчеты: «Начало буртасской земли представляется в восьми вариантах, — пишет он[4], — 15 или 20 дней пути от Атиля, причем путь за день равен 25,35, 40 или 50 км. Это составляет последовательно расстояние от Атиля 375, 500, 525, 600, 700, 800 или 1000 км. Таким образом, конец Хазарии и начало земель буртасов у него ложится от Каменного Яра (118 км ниже Сталинграда) до Воскресенского (42 км ниже Вольска). Протяжение территории буртасов и конечный пункт буртасских земель у него имеет 64 варианта и по последнему варианту северная граница проходит у Свияжска. Следующая фраза объясняет причины такого странного расчета: «Последний вариант совпадает с областью распространения рассматриваемых нами буртасских памятников и представляется нам наиболее правильным»[5]:

---

[1] Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. Сборник статей, посвященный академику Б. Д. Грекову. М., 1952, стр. 76.

[2] Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. «С. А.», вып. XVIII, М., 1953, стр. 142, 145, 147.

[3] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси. Кр. Сообщ. ИИМК АН СССР, вып. 43, М., 1952, стр. 28.

[4] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—52 гг. Казань, 1954, стр. 57.

[5] Там же.

Эти расчеты покрыли и области с буртасской топонимикой, и самые различные археологические памятники и чуваш, и различных мордовских племен. Нельзя не заметить, что исследователь даже не пытался определить культурные и этнические особенности буртасов.

Им включены в эту группу и памятники, этническая принадлежность которых еще не может быть с достоверностью выявлена, такие, как городища между Майной и Ульяновском, городища по Суре, по нижней Оке, где была область летописной муромы, по Пьяне, по Мокше, по Цне, где располагались типичные мордовские памятники и, наконец, в пределах Чувашии[1], где располагались памятники кошибеевского типа. Таким образом, для него, как он сам пишет, буртасы—конгломерат племен. А между тем, все данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что по представлению всех древних источников, буртасы были особым племенем, с особыми культурными чертами.

Буртасы во всех документах, начиная со времени появления этого этнонима, всегда признавались как особое племя. Так, в письме хазарского царя Иосифа это имя отмечено в числе других — буртас, болгар, сувар, арису, церемис и т. д.[2]. Также особым народом считал их и русский летописец, когда писал о Донском побоище, перечисляя состав войска Мамая: бессермены, армены, фрязи, черкасы и буртасы[3]. То же впечатление оставляет и «Слово о погибели русской земли», где в числе других племен, наряду с черемисами и мордвой, отмечены буртасы[4].

То же самое дают нам писцовые книги и жалованные грамоты XVI—XVII века, упоминающие буртасов наряду с мордвой. Об особой племенной принадлежности буртасов можно судить также по особому языку, о котором говорят восточные источники. Следует напомнить и другое, на что обратил внимание еще А. Ф. Риттих[5]. Буртасов восточные авторы никогда не смешивали ни с мордвой, ни с хазарами. Так, ибн-Русте отмечает одно расстояние до буртас, другое до земли мордвы, до которых десять дней пути[6].

По-видимому, многие из нас делали ошибку, сопоставляя мордву мокшу[7] с буртасами. Живя смешанно, чему, конечно, содействовала и политическая обстановка, буртасы и мокша получали нередко одну и ту же характеристику. Однако в ряде документов буртасы упоминаются наряду с мокшей, что не позволяет их смешивать. В сборнике летописей Рашид-аддина при описании завоевания Восточной Европы сказано: «И он (Менгхан) пробыл там все лето, а после того... сын Угетай каана-Кадан, внук Чагадая-Бури и сын Чингис-хана — Кульжан занялись войной с мокшей, буртасами, арджанами (эрзей) и в короткое время завладели ими»[8].

Археологический материал, привлеченный Н. Ф. Калининым, не дает оснований считать указанные им памятники буртасскими. Во всяком случае, они резко отличаются от южных, саратовских, которые по общему признанию, в том числе и самого Н. Ф. Калинина, принадлежат буртасам.

---

[1] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—52 гг., Казань, 1954, стр. 59, 60.

[2] П. К. Коковцев. Европейско-хазарская переписка в I веке, изд. АН СССР, Л., 1932, стр. XV—XVI.

[3] ПСРЛ, т. 25, М.-Л., 1949, стр. 201.

[4] Памятники древней письменности, 84. Слово о погибели Русской земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. 1892, стр. 19.

[5] А. Ф. Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губерния, XIV, часть I. Казань, 1870, стр, 52.

[6] А. Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 57.

[7] А. П. Смирнов. К вопросу о буртасах. КС ИИМК АН СССР, вып. 40, М., 1951, стр. 45.

[8] В. Р. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.-Л., 1941, стр. 36.

Буртасская топонимика
Территория буртас по Ибн-Русте
60
56
52
48
БОЛГАРЫ
БУРТАСЫ
Саркел
ХАЗАРЫ
56
75 0 75 150 225 300
40
44
48
52

Разбирая памятники буртас Средней Волги, он приводит материал Елховского городища, расположенного недалеко от Сюкеевского могильника близ Тетюш.

Всю керамику, найденную там, он делит на три неодинаковые по количеству группы. Первую составляют обломки посуды, покрытой рогожным орнаментом, точнее, с отпечатками плетеной рогожи. Такой керамики, напоминающей аналогичные находки с саратовских и ульяновских городищ, найдено 12 фрагментов, что составляет, по подсчету автора, 11,6 процента всех находок. Вторую группу составляет керамика, имеющая явные признаки пьяноборской. Эта керамика, как отмечает исследователь, преобладает в нижних слоях. Характерными ее чертами являются уплощенная круглодонность и веревочный орнамент. Встречены также обломки керамики, украшенные резным и зубчатым узором. Третью группу исследователь называет «буртасская». В нижнем горизонте этой керамики 15 процентов, а в верхнем — 42 процента.

Рядом с городищем было открыто селище с культурным слоем, достигающим 30 см мощности. При раскопках там было найдено псевдорогожной керамики 8 процентов, пьяноборской 46 процентов и буртасской 46 процентов. Памятник датирован II—VI вв. н. э., причем, как отмечает Н. Ф. Калинин, «поздняя дата подтверждается керамикой соседнего Сюкеевского могильника»[1].

Прежде всего следует отметить, что наблюдения исследователя подтверждают положения, установленные раньше. Небольшое число рогожной керамики увеличение числа гладкой в верхних слоях—все это явления, характерные для городищ дьякова типа и городецких. Вместе с тем нельзя согласиться с сопоставлениями, приведенными в работе, его сравнением с материалом саратовских городищ.

Городища городецкой культуры, как это установлено на огромной территории, имеют в разных районах свои особые локальные черты. И характеристика, данная Елховскому городищу, не позволяет сравнивать его с саратовскими. Прежде всего для саратовских городищ не типична находка ананьино-пьяноборской керамики. Там встречаются определенного типа сетка и рогожка. В этой керамике сильно чувствуется срубная культура.

Как выше отмечено, особые черты характерны для Рязанской группы городецкой культуры, свои особенности установлены для Муромской группы и, наконец, для городищ нижнего течения реки Оки. Здесь характерными чертами являются крайне незначительное число рогожной керамики, наличие ананьино-пьяноборской, а в зависимости от времени, меньшее или большее число сетчатой посуды при незначительном числе гладкой, или же отсутствием сетки для поздних городищ при большом числе гладкой, точнее, посуды с неровной, грубой поверхностью[2]. Эта черта — наличие пьяноборской посуды — сближает Елховское селище с муромской группой, что и было отмечено в печати[3], в отношении чувашской группы городищ.

Указанное обстоятельство, если только исходить из сопоставления буртасов с саратовской группой, исключает возможность считать группу городищ типа Елховского буртасскими.

Пьяноборский элемент сохранился в культуре памятников Прикамья и Казанского Поволжья до позднего времени. В их числе материал городищ, могильников и селищ VIII—IX вв. Культура этих памятников Среднего Поволжья носит смешанный характер. Здесь, с одной стороны, ясно чувствуется традиция пьяноборской культуры, что свидетель-

[1] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. стр. 43—44.

[2] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 47.

[3] Там же, стр. 138.

ствует о том, что прежние племена ананьино-пьяноборской культуры продолжали обитать на этой территории, а с другой, — мы видим здесь пришельцев—племена, жившие по правому берегу, которые незадолго перед тем появились на левом берегу, продвинувшись сравнительно далеко на восток. Это племена городецкой культуры, по всей вероятности, близкие буртасам, но не буртасы. Это ясно видно по своеобразию керамического материала. Как отмечает Н. Ф. Калинин, для всех памятников Казанского Поволжья и Прикамья характерно однообразие вещественных находок[1]. Это прежде всего отмечено им в отношении керамического материала. На всех селищах и городищах этого времени встречено два типа керамики, которые в различных пропорциях находятся в горизонтах культурного слоя.

Первую группу составляют сосуды лепной техники, плоскодонные, имеющие в глине примесь шамота или дресвы, благодаря чему поверхность их неровная. Характерной чертой керамики этой группы являются закраины у днищ сосудов. Наиболее распространенной формой являются горшки с невысокими шейками, со срезанными закругленным или косым срезом краями. Орнаментация сосудов этого типа ограничена ямочками и резкими полосами на шейке[2]. Эта керамика аналогична керамике того же времени Правобережья Волги, ее прототип — посуда городецкой культуры. Исследователь назвал ее типом А.

Вторая группа, названная Н. Ф. Калининым «Б», включает разнообразные по форме сосуды, сделанные из хорошо промешанной глины, без примеси шамота и дресвы. Поверхность их сглажена и благодаря невысокому и неравномерному обжигу, черная или желтоватая[3]. Форма сосудов или шаровидная с прямой шейкой, или же типа банок и чашек, Эта группа восходит к прототипам пьяноборской посуды.

Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков на основе раскопок большого числа памятников достаточно твердо установили превалирование керамики типа «А», число которой достигает 50—79 процентов, а на некоторых памятниках составляет 80 процентов или 100 процентов[4]. «Тонкостенная гладкая посуда типа «Б», — отмечают они, — по-видимому, относится к более древнему времени, так как встречается чаще в нижних горизонтах культурного слоя. Таким образом фактура керамики, — пишут они, — является хронологическим показателем[5]. На этих же поселениях встречаются и гончарная лощеная посуда желтого, коричневого, серого цвета. По облику она относится к домонгольскому периоду.

Н. Ф. Калинин, касаясь условий ее залегания в культурном слое, пишет: «Важно отметить, что она находится в верхних горизонтах культурного слоя, содержащего в нижних горизонтах керамику типа А и Б.

Необходимо подчеркнуть, что смена одной группы керамики другой наблюдается в одном культурном слое, не разделенном на отдельные прослойки. Процесс вытеснения лепной керамики (буртасского типа), гончарной, ремесленной домонгольско-булгарской шел непрерывно и длительное время. Это указывает, что буртасское население — более древнее. Оно постепенно подвергалось воздействию булгарских племен, пришедших в Среднее Поволжье в VII в. н. э. Эти последние, — как отмечает Н. Ф. Калинин, — сожительствовали с ними, оказывая на них культурное влияние и подвергаясь в свою очередь влиянию аборигенов»[6]. Далее исследователь останавливается на характеристике других категорий

---

[1] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—52 гг., стр. 49.

[2] Там же, стр. 51.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 52.

находок. Он описывает железные шлаки, оружие, остатки медно-литейного производства, земледельческие орудия и зернотерки, свидетельствующие о развитии пашенного земледелия у буртасов»[1]. К сожалению, автор нигде не отметил в этом материале характерные этнические признаки буртасов, ни в виде украшений, ни в форме жилищ, ни в обряде погребения.

В вопросе о приходе болгар и о смешанном этническом составе края автор пришел к выводам, имеющим уже признание в науке[2]. Что касается жилищ, открытых на селищах и городищах, то данные, которыми располагают исследователи, не позволяют дать им хотя бы самую общую характеристику. На ряде городищ ими были открыты только незначительные части землянок и очагов[3].

Нельзя также подметить никаких особых черт в обряде погребения, которые бы давали право установить присутствие буртасов.

Экспедиция Казанского филиала Академии Наук СССР изучила многие могильники: Куйбышевский, Измерский, два Рождественских, Тетюшский. Все они расположены на краях береговых уступов, что, по мнению Н. Ф. Калинина, является типичным для буртасских могильников.

Обряд погребения для Куйбышевского, Измерского и Рождественского установлен достаточно точно. Умерших хоронили на спине в вытянутом положении, головой на запад, ногами к реке[4]. В четырех могилах Рождественского могильника обнаружены следы трупосожжений, о чем свидетельствуют кучки пережженных костей и некоторые металлические вещи.

Вот и все, что мы знаем о погребальном обряде. Нельзя не заметить, что приведенных данных совершенно не достаточно для отнесения исследованных могильников к буртасам. Можно напомнить, что погребения умерших в вытянутом положении на спине, головой на запад, характерны для могильников X—XV, а может быть, и XV в. для всей территории Волжской Болгарии. Этот обряд погребения был установлен и в Суваре и в Болгарах[5]. Причем в последнем городе по такому обряду хоронили и сами болгары и пришлые армяне[6].

Местонахождение кладбищ на высоких берегах рек — явление широко распространенное, в частности, здесь, в Поволжье, где оно известно с весьма раннего времени. Точно так же погребения ногами к реке существуют здесь с ананьинской эпохи[7]. Таким образом все данные, которыми мы располагаем, не дают никаких оснований приписывать открытые могильники буртасам.

Нет оснований и согласиться с предложенной датой этих памятников —VII—VIII вв. н. э.[8]. Авторы книги не привели никаких подтверждений в пользу своей точки зрения. Между тем, нахождение в засыпи могил керамики типа А и Б не дает оснований для указанной выше датировки. Такая засыпь могла быть в погребении любого времени, совершенном на древнем поселении. Засыпка могил обычно ведется грунтом, выброшенным при рытье могилы. Грунт обычно бывает смешанный и возраст его должен определяться наиболее поздними вещами. Такой датирующей вещью является железная стрелка пирамидальная, черешковая[9]. Такие

[1] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945— 52 гг., стр. 53.

[2] А. П. Смирнов, Новые данные археологические о сложении культуры волжских болгар. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, № 40, М., 1951, стр. 16.

[3] Н. Ф. Калинин. Отчет..., стр. 53.

[4] Там же.

[5] А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 256.

[6] Там же, стр. 183.

[7] А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. М., 1952, стр. 111 и сл.

[8] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 54.

[9] Там же, стр. 47, рис. 16—20, и стр. 54.

стрелы характерны для времени X—XI вв. Следовательно, могила может датироваться не раньше X века. Судить о возрасте трупосожжений нельзя, так как при публикации, по-видимому, произошла ошибка в нумерации[1] иллюстраций и трудно разобраться в материале.

Все приведенные материалы не дают оснований согласиться с выводом Н. Ф. Калинина о широком распространении буртасов в Среднем Поволжье.

Вместе с тем нельзя забывать и сложной политической обстановки, которая сложилась в Среднем Поволжье в конце X века и могла привести часть буртасов на север, в область Прикамья. Таким крупным политическим событием был поход Святослава на хазар в 965 году. Об этом говорит русская летопись[2] и современник Святослава арабский географ Ибн-Хаукаль. «В настоящее время не осталось и следа ни из Болгара, ни из Буртаса, ни из Хазара, ибо Русы напали на всех, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, развеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи, своих стран и надеясь заключить с ними (русами) мир и подчиниться им»[3].

Указанное событие могло привести к появлению буртасов и в Казанском Поволжье. Это можно предполагать, основываясь на наличии трупосожжений Рождественского могильника. Но это могли быть отдельные небольшие группы, которые, конечно, не являлись этническим слоем, предшествующим приходу болгар. Весьма возможно, что ряд мест, связанных с буртасской топонимикой, заселен буртасами в это время.

Арабские источники дают довольно подробную характеристику экономики и общественных отношений у буртасов. Нет необходимости приводить выдержки из работ Ибн-Русте, так как они известны достаточно широко. Касаясь хозяйства буртасов, этот источник говорит, что они скотоводы, имеют верблюдов, рогатый скот и много меду. Главное их богатство состоит в куньих мехах. Занимаются они и хлебопашеством[4]. Эль Балхи говорит, что буртасы живут рассеянно, по берегам реки Итиль[5]. Этой характеристике отвечают в полной мере городища и селища, расположенные по Саратовско-Хвалынскому течению Волги. Занимая левобережную—степную и нагорную лесную часть Поволжья, они могли вести, с одной стороны, скотоводческое, а с другой, — лесное хозяйство, Разбросанные в разных местах селища точно так же отвечают характеристике, данной эль-Балхи. Вопрос о земледелии обитателей городищ и селищ послегородецкой культуры в настоящее время археологами разрешен положительно. Таким образом археологические и исторические данные в данном случае совпадают полностью.

Являясь соседями печенегов, буртасы естественно в тех исторических условиях должны были находиться с ними во враждебных отношениях. Об этом свидетельствуют материалы Ибн-Русте: «Земля их просторна и изобилует лесными местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят набеги». В другом месте он сообщает, что буртасы были подвластны хазарскому кагану и выставляли в поле до 10.000 всадников[6]. Эти последние свидетельства исключают всякую возможность предполагать наличие примитивных общественных отношений у буртасов. Перед нами общество, стоявшее на более высокой степени общественного развития, чем классический родовой строй. И хотя восточные источники говорят об отсутствии единой власти и упоминают вождей, стоявших во главе отдельных поселений, тем не менее наличие крупных

---

1 Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—52 гг., стр. 54.

2 Повесть временных лет. Л., 1926, стр. 63.

3 Очерки истории СССР, т. 1, М., 1953, стр. 87.

4 А. Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 19.

5 Там же, стр. 20.

6 Там же, стр. 19, 46.

вооруженных отрядов, позволяющих вести военные действия против печенегов, не считая 10.000 всадников, собираемых для хазарского кагана, уже говорят о том, что перед нами союз племен, политическая организация, возникающая, как правило, накануне сложения классового общества. Археологический материал всех памятников конца первого тысячелетия в Среднем Поволжье достаточно ясно свидетельствует о распаде рода, о формировании родовой знати.

Нужно думать, что не одни буртасы входили в этот племенной союз. Целый ряд данных позволяет думать, что входили в него и родственные буртасам мордовские племена. Может быть, этим объясняется и та путаница, которая существовала в понимании буртас и мордвы.

Это смещение коснулось главным образом буртас и мокши. На территории мокши встречается и буртасская топонимика. Так, речка Буртас впадает в Вышу, затем Цну и Мокшу—типичный мокшанский район. В Пензенской области название буртас известно в пределах быв. Керенского и Краснослободского уездов[1]. Интересна в этом отношении легенда, записанная Е. И. Горюновой, об одном городище около Наровчат. «Среди современного мокшанского населения, — пишет она, — существует легенда о царице по имени Буртас, которая жила в замке на берегу Мокши, близ Наровчата, боролась с татарами, и, потерпев поражение, бросилась с башни в Мокшу». «Фантастичность этого сюжета не лишает его, однако, реального исторического смысла в общей совокупности обломков буртасского прошлого этого края»[2], — отмечает исследовательница.

Не следует забывать уровня общественного строя всех племен, населявших Среднее Поволжье. Все они стояли на стадии распада родового строя, и, как следствие этого, у них к IX—X веку сложилась территориальная община, охватывавшая не только членов своей родовой организации, но и чужеземцев. Этим в значительной мере объясняется проникновение буртасов в среду других, родственных им мордовских племен.

Судя по свидетельству Рашид-ад-дина, буртасы в период монгольского нашествия еще оставались в Поволжье в виде довольно сплоченной массы[3]. Текст сообщения дает право утверждать, что это не была территория Казанского Поволжья, области булгар, а соседняя область — мордовских племен, к покорению которых монголы приступили после завоевания Болгарского государства.

Таким образом, из приведенного отрывка видно, что мокша и буртасы различные племена и что основная территория буртасов лежала вне пределов Волжской Болгарии вместе с мордовскими племенами. Весьма вероятно, что поход князя Святослава на хазар привел к уходу буртасов с левого берега, где они до этого жили. Мнение Вестберга, отрицательно отнесшегося к свидетельству Масуди об обитании буртасов на левом берегу Волги, надо считать ошибочным[4].

Если признать буртасов племенем, родственным мордве, то нельзя будет согласиться с мнением некоторых исследователей, помещавших буртас на Северном Кавказе[5].

---

[1] С. К. Кузнецов. Русская историческая география, 1912, стр. 27.

[2] Е. И. Горюнова. Селище Полянки. КС ИИМК АН СССР, вып. XV, 1947, стр. 110.

[3] В. Р. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 36.

[4] Ф. Вестберг. К анализу восточных источников Восточной Европы. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, февраль, стр. 385.

[5] А. П. Смирнов. К вопросу о буртасах, стр. 45—47. Нельзя признать правильными и доводы М. Г. Сафаргалиева (см. его «Заметку о буртасах», опубликованную в Записках № 13 Научно-исследов. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, стр. 93. Автор ссылается на свидетельство Абуль-Феда, давая вольный перевод текста, о пребывании буртасов на Северном Кавказе. Автор ссылается и на свидетельство об участии буртасов в походе Мамая, хотя нигде не говорится о движении с Северного Кавказа. Мне трудно судить о закономерности сравнения буртас с буркета-Бурсу или с Бурос-Кета.

Для такой локализации нет никаких оснований. М. Г. Сафаргалиев на основе предположений реконструирует столкновение буртасов с печенегами и уход первых на Северный Кавказ. Основанием для его выводов послужили туманные и неточные данные анонимного автора конца X века, оставившего сочинение Худул-ал-Алем[1]. М. Г. Сафаргалиев взял[2] одну фразу, вырвав ее из контекста, из которой можно заключить, что буртасы являлись южными соседями печенегов. Эта выдержка приведена из предисловия В. В. Бартольда. Как явствует из текста, «К северу от хазаров жили берадасы, к западу от Волги, и венендеры, к западу от бердасов. К востоку от Волги жили буртасы, к северу от буртасов и берадасов — печенеги турецкие, к северу от венендеров — мадьяры... Соседями буртасов на юго-востоке были среднеазиатские гузы. О болгарах только сказано, что они жили на Итиле, но кто были их соседями — не говорится.

О печенегах и других народах, считавшихся турками, в том числе и мадьярах, говорится, как мы видели, в другом месте. Северная окраина населенного мира начинается на востоке с области киргизов, соседями киргизов на западе были кимаки, соседями кимаков — кипчаки хотя тут же говорится, что область кипчаков со всех сторон, кроме южной, где она примыкала к области печенегов, граничит с безлюдной пустыней севера. О печенегах говорится, что их соседи на востоке гузы, на юге буртасы и берадасы, на западе — мадьяры и русы, на севере границу их составляет Дунай»[3]. В. В. Бартольд дальше отмечает: «Из этого видно, что кроме ошибочного помещения печенегов далеко на север, на среднее течение Волги, где их никогда не было, соединяются в одно целое известия о старой и новой родине печенегов»[4]. Неточность сведений, даваемых в рукописи, заставила В. В. Бартольда дать перевод отдельных мест. Место, относящееся к буртасам, так характеризует этот народ: «Слово об области буртасов. Люди там мусульмане; у них особый язык; царя называют М-с. Они владеют шатрами и палатками. Их три группы: бахдула, ишкиль и булгар; все находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями»[5]. Эти данные не дают оснований помещать буртасов на Северном Кавказе. Нельзя забывать, что географические данные этого источника настолько путанны, что не могут служить основанием для исторических построений.

Нет оснований помещать буртасов на Северном Кавказе, на основании арабских географов XIII в. — ибн-Саида и XIV в. — Абульфеда. Последний источник[6] сообщает следующее: «Биртасы (буртасы) занимают широкую территорию на Волге, которая течет на юго-восток, на востоке от буртас находится огромное озеро, образуемое Каспийским морем». М. Г. Сафаргалиев приводит выдержку и из сочинения ибн-Саида, где сказано, что Дербент есть укрепленный пункт страны буртасов[7], Относясь с большим, совершенно не заслуженным доверием к географическим сведениям арабов, М. Г. Сафаргалиев оспаривает сведения о хозяйстве буртасов, которые находятся в полном соответствии с археологическими данными, если это племя помещать по данным Ибн-Русте. Сведения последнего общи, но совпадают с данными археологическими. Построения М. Г. Сафаргалиева находятся в противоречии с археологическим материалом.

Вызывает недоумение и замечание М. Г. Сафаргалиева о погребальных обрядах буртасов, которые, по данным Ибн-Русте, одних хо-

1 Худул-ал-Алем, рукопись Туманского, Л., 1930.
2 М. Г. Сафаргалиев. Указ. соч., стр. 92.
3 Худул-ал-Алем, стр. 30.
4 Там же, стр. 30.
5 Там же, стр. 32.
6 Цитирую по статье М. Г. Сафаргалиева, стр. 93.
7 Там же, стр. 93.

ронят в землю, других сжигают. «О трупосожжении у мордвы мы не имеем данных, — пишет М. Г. Сафаргалиев. — В то же время у кочевых народов — печенегов и половцев трупосожжение было обычным явлением»[1]. Как известно археологам, трупосожжение было неоднократно установлено не только в мордовских могильниках, но и у других народов Поволжья[2]. С другой стороны, трупосожжение у кочевников не известно[3]. Все это заставляет сближать погребальные памятники мордвы с буртасами. Существует мнение, что трупосожжения в мордовских могильниках принадлежат древним славянам[4], расселившимся среди мордовских племен. Весьма вероятно, что арабы могли наблюдать захоронения славян, проживавших на мордовской территории. Это опять заставляет локализовать буртасов в Поволжье.

В настоящее время мы не знаем еще археологических памятников, которые с достаточной степенью точности можно связать с буртасами. Только основываясь на локализации буртасов, по данным ибн-Русте, можно отнести к ним Муранский могильник, что уже было сделано исследователем этого памятника В. Н Поливановым[5]. Этот памятник дал два обряда погребения: трупоположение и крайне редкое—единичное, трупосожжение[6]. Общепринятая датировка этого могильника XIV в. н. э. устанавливалась на основе находок на его территории большого числа золотоордынских монет. Эту дату приняла и последняя исследовательница этого памятника А. Е. Алихова[7].

Следует заметить, что эту дату уже давно поколебала находка медальона, который на основе целого ряда сопоставлений датируется VI—VII вв. н. э.

В целом материал, найденный В. Н Поливановым, содержит не только вещи XIV в., *но и более ранние—X—XII* вв.[8]. В *частности, к этому времени* относится и небольшая икона, датированная в свое время Н. В. Покровским XI—XII вв. К ранним следует отнести также ряд погребений, исследованных А. Е. Алиховой, в которых встречены ранние вещи, характерные для IX—X, самое позднее, XI века. В числе этих вещей бусы желтые лимонного тона и глазчатые, вне пределов VII—XI вв. не встречаемые. Эти бусы найдены в погребениях без монет. К числу таких могил относятся №№ 10, 11, 12, 21 (раскоп № 1) и ряд других[9], Муранский могильник имеет в основном южную ориентировку, характерную для мокши, и наряду с этим ряд отклонений. Однако в наборе характерных вещей не имеется височной привески в виде спирали с грузилом, характерной для южной мордвы. Такие спиральные височные привески известны с первых веков н. эры, о чем мы знаем по Старшему Армиевскому могильнику, и продолжают бытовать до XII, может быть, XIII вв. В качестве примера этому можно привести Пановский могильник, исследованный покойным директором Мокшанского музея[10] П. П. Ивановым и Ефаевский могильник[11], раскопанный И. Е. Горюновой, позднее этот тип украшений не встречается.

[1] М. Г. Сафаргалиев. Указ. соч., стр. 95.
[2] А. П. Смирнов. Очерки стр. 141, 147, 154.
[3] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 424, и сл.
[4] А. П. Смирнов. Очерки, стр. 154.
[5] В. Н. Поливанов. Муранский могильник, М., 1896, стр. 41.
[6] Там же, стр. 10. А. Е. Алихова. Муранский могильник и селища. Материалы и исслед. по археологии СССР, № 42, 1954, стр. 264.
[7] А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 264.
[8] А. П. Смирнов. Очерки, стр. 130—131.
[9] А. Е. Алихова. Муранский могильник и селища, стр. 274, рис. 16, 8, стр. 296, 297.
[10] Собрание мокшанского краеведческого музея и архив.
[11] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник, Археологический сборник № 1, Саратов, 1948, стр. 172, табл. XXVIII.

Муранский могильник, при общем сходстве с мокшанскими могильниками, не дает височных колец. Это обстоятельство заставляет выделить этот памятник в особую группу и согласиться с мнением, высказанным В. Н. Поливановым, о принадлежности его буртасам. Отсутствие ясных и бесспорных трупосожжений не должно нас смущать. Сведения о трупосожжениях относятся ко времени X века, представленному в могильнике небольшим числом захоронений.

Большую ценность для понимания буртасского вопроса представляет Барбашинский могильник, расположенный на берегу Волги, в 12 км от Куйбышева областного. Этот могильник был известен еще в 90-х годах прошлого столетия и датировался XIV веком. В 1935 году он был исследован Б. А. Латыниным, который вскрыл там 62 погребения. Погребения по ориентировке делятся на две группы: положенные головой на север и на юг. Мужские костяки лежали вытянуто на спине, женщины на правом боку, в полусогнутом положении. Инвентарь весьма богат, хотя встречаются и бедные и богатые захоронения, свидетельствующие об экономическом неравенстве[1].

Интересно погребение с конем. Костяк мужчины с богатым инвентарем лежал в обычной позе поверх скелета коня, лежащего в глубокой и большой яме. Конь лежал без узды и седла[2].

Этот могильник интересен смешанием разных племенных групп, о чем свидетельствует различная ориентировка погребенных—головой на юг и на север. Смешанность населения не представляет ничего необычного для этого времени.

Погребение с конем—факт, отмеченный и в Муранском могильнике. Погребение подчеркивает скотоводческий характер населения, оставившего этот могильник.

Муранский могильник дает богатейший материал, позволяющий восстановить хозяйство населения. Основным занятием было плужное земледелие, о чем можно судить по находкам весьма совершенных по тому времени плужных резаков и серпов болгарского типа[3]. Большую роль в экономике края имело скотоводство. На первом месте стояла корова, затем мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Ряд совершенных ремесленных орудий свидетельствует о высоком уровне ремесленного производства. Большое число привозных вещей или вещей, сделанных по привозным образцам, свидетельствует о связях с городами Волжской Болгарии, Золотой Орды и югом. Керамический материал, представленный различной формы лепными горшками, достаточно точно говорит о больших местных традициях, восходящих к эпохе бронзы, что подчеркивает автохтонный путь развития этих племен. Таким образом, население Муранского могильника входит в ту группу городецких племен, которые искони заселяли Поволжье.

Золотоордынская эпоха знает другую этническую карту, не похожую на карту, нарисованную ибн-Русте для X века. Эти две эпохи разделяют поход Святослава на хазар, в результате которого племена перемешались и монгольский погром, уничтоживший все крупные городские центры и заставивший большую массу населения отхлынуть к северу.

Летопись Татищева сообщает о появлении[4] волжских болгар на территории Владимиро-Суздальского княжества: «того же году от пленения татарского многие болгары избегши, пришли в Русь, и просили, чтобы дать им место. Князь великий Юрий вельми рад сему был, и повелел их

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.-Л., 1941, стр. 149, и сл.

[2] Там же, стр. 151.

[3] А. Е. Алихова. Муранский могильник..., стр. 265.

[4] М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 161.

развести по городам около Волги и в другие». Археологически это событие хорошо документируется наличием болгарской керамики и болгарских гончарных мастерских, открытых за последние годы во Владимире Н. Н. Ворониным. По-видимому, в этой цепи доказательств должен занять свое место и Третий Карташихинский могильник, открытый 5-м отрядом Куйбышевской экспедиции Академии Наук СССР, под руководством Н. Ф. Калинина, в небольшом лесу, именуемом «Борок». Два раскопанных там погребения не оставляют никаких сомнений в принадлежности их или мокше, или, что, верней, буртасам[1].

В собрании Гос. Музея ТАССР[2] хранится материал и дневниковые данные, позволяющие судить об обряде погребения. Умерших хоронили в неглубоких ямах, вытянуто на спине, головой к юго-западу. Следов гробов не прослежено. При первом покойнике найдены перстень, сюльгамы и браслеты. Сюльгамы литые, с тонким прочерченным орнаментом на широких лопастях. Орнамент на одной рельефный литой. Браслеты пластинчатые, покрыты орнаментом в виде косых крестов. Перстень пластинчатый с овалом, покрытый небрежным орнаментом. Могильник по сюльгамам с широкими лопастями может датироваться XIII—XIV вв. н. э. Южная ориентировка и обилие сюльгам заставляют предполагать приход их с юга, из области буртасов, определенной еще арабскими географами X века. Эти пришлые племена и могли оставить буртасскую топонимику.

Недостаток материала не дает оснований считать проблему буртасов решенной. Однако ряд положений можно считать доказанным. Можно считать буртасов особым племенем, близким и родственным мордве, первоначально обитавшим к югу от мокши, и к X веку населявшим оба берега саратовско-хвалынского течения Волги. Имя буртасов нельзя считать наименованием всего доболгарского населения среднего Поволжья. В пределах казанского и чувашского течения Волги они появились в результате монгольского погрома, о чем можно предполагать на основе таких могильников, как Третий Карташихинский. Не исключается возможность, что буртасы появились и несколько раньше, после похода Святослава 965 г. Часть буртасской топонимики в районе реки Мокши может относиться и к раннему времени. Памятники послегородецкой культуры VI—IX вв. н. э в районе рек Ахтая и Бездны, а также по правому берегу Камы и на территории Болгарского городища не принадлежит буртасам.

---

[1] Н. Ф. Калинин, считает их буртасскими. См. Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, Итоги археологических работ..., стр. 62.

[2] Собрание Гос. Музея ТАССР.

РАЗДЕЛ II

ПРИРОДА, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

А. Р. Заболотская

К ВОПРОСУ БОРЬБЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА ПОДЪЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ЖИВОТНОВОДСТВА КОЛХОЗОВ В ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ (1951 — 1955 гг.)

Коммунистическая партия, руководствуясь марксистско-ленинским учением построения социализма и коммунизма, опираясь на великую жизненную силу союза рабочего класса и крестьянства, последовательно создавала условия для победы социалистического способа производства в сельском хозяйстве. Осуществление кооперативного плана позволило на месте 25 миллионов раздробленных крестьянских хозяйств, находившихся в вековой нужде и разорении, создать самое крупное, высокомеханизированное социалистическое сельское хозяйство, доказавшее свое превосходство и прогрессивность не только перед мелкотоварным крестьянским хозяйством, но и перед крупным капиталистическим земледелием.

Колхозный строй, открыв широкую дорогу к зажиточной и культурной жизни всем труженикам деревни, явился одним из решающих факторов, обеспечивших победу нашей Родины в Великой Отечественной войне.

Преимущества социалистического строя дали возможность советскому народу за короткий исторический срок восстановить довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Партией в послевоенное время осуществлялись мероприятия по дальнейшему развитию колхозного строя. Проведенное укрупнение сельхозартелей в 1950—1951 гг. явилось важным шагом в их развитии. Колхозы эффективнее стали использовать машины, ресурсы рабочей силы, подняли культуру земледелия и животноводства.

В результате укрупнения колхозов парторганизации в них выросли численно, укрепились организационно, стали более полнокровными и деятельными, что имело положительное значение в жизни деревни. Однако в период, предшествовавший пятому пятилетнему плану развития СССР и в самом начале его выполнения, все более ярко обнаруживалось, что уровень производства сельскохозяйственных продуктов не удовлетворял быстро растущих потребностей населения, не соответствовал технической оснащенности сельского хозяйства и возможностям, заложенным в колхозном строе. Партия не могла мириться с таким положением. Она должна была со всей остротой вскрыть и ликвидировать причины серьезного отставания сельского хозяйства и, в частности, наиболее запущенной и отсталой его отрасли — животноводства.

В годы пятой пятилетки Коммунистическая партия подняла наш народ на борьбу за крутой подъем сельского хозяйства, в том числе и общественного продуктивного животноводства колхозов.

В решениях Пленумов ЦК КПСС, состоявшихся в 1953—1955 гг., в материалах XX съезда и в последующих постановлениях партии, а также в докладах Н. С. Хрущева марксистско-ленинская аграрная теория поднята на новую ступень. В этих решениях определены и теоретически разработаны пути дальнейшего развития колхозного строя.

Значительное усиление материально-технической базы сельского хозяйства, освоение целинных и залежных земель, укрепление сельского хозяйства опытными руководящими кадрами, повышение материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов, установление нового порядка планирования в колхозах и совхозах, предоставление права колхозам вносить изменения в Устав сельскохозяйственной артели, меры по дальнейшему укреплению колхозного строя и реорганизации МТС, развитию инициативы колхозников в организации общественного хозяйства и другие мероприятия партии и правительства наряду с ростом тяжелой промышленности дают замечательные результаты. Они обеспечивают всемерное развитие производительных сил страны, неуклонный рост благосостояния советского народа, ускорение темпов экономического развития, позволяющее в кратчайшее время решить основную экономическую задачу.

Изучение и обобщение опыта борьбы партийных организаций за быстрое развитие в колхозах общественного животноводства и устранение всего того, что тормозило его рост, имеет бльшое практическое и теоретическое значение.

Развернувшаяся борьба за претворение в жизнь программы крутого подъема сельского хозяйства в Ульяновской области обеспечила значительное увеличение производства сельскохозяйственных продуктов и создала перелом в развитии общественного колхозного животноводства.

До сентябрьского Пленума ЦК КПСС, несмотря на рост поголовья скота, возможности развития животноводства в колхозах области использовались далеко не полностью. Об этом свидетельствует незначительная плотность поголовья скота на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий. Так, например, коров приходилось 1,76 головы, свиней всех возрастов -- 6,1 головы, кур-несушек — 10,5 головы[1].

Система планирования не мобилизовывала массы колхозников на борьбу за увеличение производства максимума продукции на сто гектаров земельных угодий и повышение продуктивности животных.

Об уровне продуктивности животных в колхозах области до сентябрьского Пленума дает представление следующая таблица:[2]

	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Средний годовой удой молока на одну среднегодовую фуражную корову (литров)	949	973	978
Среднегодовой настриг шерсти на одну наличную овцу на начало года (по всем овцам) (кг)	2,1	1,9	1,946
Средняя яйценоскость кур в расчете на одну среднегодовую курицу-несушку (штук)	25	26	22,4

Низкая продуктивность животных и недостаточная плотность поголовья скота в колхозах предопределили низкие показатели производства животноводческой продукции в колхозах области на сто гектаров земли[3]:

	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Молока (в литрах)	1061,9	1406,8	1640
Шерсти овечьей (кг)	18,1	18,8	26,4
Яиц (штук)	149,8	192,4	235,8

---

1 Подсчет произведен на основании сводных годовых отчетов по всем колхозам Ульяновской области за 1952 г.

2 Таблица составлена на основании сводных годовых отчетов по всем колхозам Ульяновской области за 1950, 1951, 1952 гг.

3 Таблица составлена на основании сводных годовых отчетов за 1950, 1951, 1952 гг.

Благодаря успешному развитию тяжелой индустрии, сельское хозяйство страны за пятое пятилетие и главным образом после сентябрьского Пленума получило 761 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении). Парк зерновых комбайнов увеличился с 211 тыс. в 1951 году до 338 тысяч в 1955 году[1]. Рост технического оснащения сельского хозяйства расширил возможности сельскохозяйственного производства, особенно за последние годы пятой пятилетки. МТС стали получать в массовом количестве сложные машины для механизации трудоемких процессов в животноводстве.

К началу шестой пятилетки в Ульяновской области было 10.722 трактора, 3710 комбайнов, свыше 3500 грузовых автомашин и много другой сельскохозяйственной техники[2]. Во многих колхозах были механизированы некоторые процессы труда в животноводстве. Механизация и электрификация сельскохозяйственного производства позволили значительно повысить производительность труда.

Сентябрьский Пленум установил, что к числу причин отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства относится прежде всего нарушение принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии артельного производства — одного из коренных принципов социалистического хозяйствования. Социалистический метод хозяйствования предусматривает не только моральное, но и материальное поощрение работников за их самоотверженный труд, за перевыполнение государственных заданий. В. И. Ленин указывал, что в период перехода к коммунизму хозяйство нужно строить на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Чтобы двигаться вперед, чтобы создать изобилие продуктов, необходимо поощрять всех, кто своим трудом содействует увеличению производства материальных ценностей в нашем социалистическом государстве. Отсутствие же материальной заинтересованности отрицательно сказывалось на положении дел в колхозах.

Коммунистическая партия и Советское правительство требуют строгого соблюдения принципа материальной заинтересованности. Как в решениях Пленумов ЦК КПСС, так и в последующих постановлениях партии и правительства разработана целая система мер материального стимулирования колхозов и членов сельхозартелей.

Огромное значение для повышения материальной заинтересованности колхозов и колхозникса в увеличении производства продуктов полеводства и животноводства имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» от 9 марта 1955 года. Оно ликвидировало излишнюю централизацию в планировании сельского хозяйства и дало возможность самим колхозам планировать свое хозяйство с учетом местных условий, исходя из задач и заданий партии и правительства по производству товарной продукции. Новый порядок планирования способствует поднятию инициативы колхозников в деле дальнейшего развития сельского хозяйства, получению максимального количества продукции каждым колхозом с закрепленных за ним площадей сельскохозяйственных угодий, усилению ответственности колхозов за производство товарной части сельскохозяйственных продуктов в необходимых количествах для государства, а значит для всего советского народа. Жизнь подтвердила преимущества этой системы, способствующей материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии колхозного производства, поднимающей их ответственность за положение дел в хозяйстве.

---

[1] Народное хозяйство СССР. Статсборник. Госстатиздат, 1956, стр. 146.

[2] Народное хозяйство Ульяновской области. Статсборник. Изд. «Ульяновская правда», 1957.

В сельхозартели «Красный Октябрь», Карсунского района, правление, используя право определять площади по культурам и поголовье скота по его видам, сосредоточило основное внимание на производстве тех культур и развитии тех отраслей, для подъема которых имеются наиболее благоприятные условия и которые являются наиболее выгодными и для государства и для колхоза. Борясь за выполнение плана, колхозники сельхозартели, несмотря на неблагоприятные условия погоды в 1955—1956 годах, успешно закончили уборку урожая и досрочно рассчитались с государством по всем видам сельскохозяйственной продукции. Валовой сбор зерна возрос на несколько тысяч центнеров. Средний урожай составил более 11 центнеров с гектара, а озимая пшеница дала 14 с половиной центнеров, просо — 19 с половиной центнеров. Больших успехов добились колхозные животноводы. В среднем от каждой коровы колхоз получил свыше 2000 литров молока, а валовой надой за год возрос на 65 тысяч литров. Значительно больше, чем в прошлые годы, получено мяса, особенно свиного. Колхоз впервые серьезно занялся откормом и нагулом скота, добился улучшения племенных качеств животных.[1]

Совет Министров Союза ССР и ЦК КПСС потребовали также от местных партийных и советских организаций не допускать извращений погектарного принципа исчисления обязательных поставок продуктов животноводства и полеводства.

В соответствии с решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС Совет Министров СССР и Центральный Комитет КПСС в целях ликвидации отставания в развитии животноводства и увеличения производства мяса, молока, масла, шерсти, яиц и других животноводческих продуктов приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижению норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих». Было решено, не повышая розничных цен, значительно повысить заготовительные и закупочные цены на животноводческие продукты. Заготовительные цены на крупный рогатый скот и овец, сдаваемых в счет обязательных поставок, были увеличены почти в 6 раз, свиней и птицы более чем в 4 раза.

Сентябрьский Пленум ЦК рекомендовал колхозам по мере реализации продуктов животноводства ежеквартально выдавать колхозникам денежные авансы. Но материальное поощрение не ограничивается авансированием из сумм, вырученных от реализации продуктов. Огромное значение в повышении материальной заинтересованности членов сельхозартелей имеет правильное начисление трудодней в соответствии с количеством и качеством труда, в соответствии с количеством и качеством произведенной продукции, своевременная выдача дополнительной натуральной оплаты за перевыполнение планов урожайности и продуктивности животноводства.

Колхозы Ульяновской области в 1955 году сделали первые шаги по повышению материальной заинтересованности работников животноводства путем лучшей организации и оплаты их труда. Привлекла внимание колхозов области система поощрения работников животноводческих ферм, разработанная в сельхозартели «Путь к коммунизму», Астрадамовского района. Главные положения этой системы в основном сводятся к тому, что дополнительную оплату необходимо выдавать ежемесячно, что в фонд дополнительной оплаты выделяется определенный

[1] Материалы совещания работников МТФ. См. газету «Ульяновская правда», от 11 октября 1956 г.

процент от валового надоя молока — зимой 15, а летом 10 процентов, что материально поощряемыми должны быть не только доярки, скотники-пастухи, но и зоотехники, руководители колхоза. Выдача молока дояркам и всем остальным работникам производится при получении удоев в среднем от каждой коровы (по закрепленной группе коров) не менее 80 кг в месяц зимой и не менее 200 кг в пастбищный период, а председателю, его заместителю по животноводству и зоотехнику выдавать молоко в том случае, если колхоз выполнил обязательство по сдаче и продаже молока государству, а также по расчетам с МТС за произведенные работы. Кроме натуральной доплаты, устанавливаются также денежные премии дояркам, председателю колхоза, его заместителю, зоотехнику и заведующему фермой, а скотникам-пастухам и агроному колхоза — только за удои в летнее время. О многом говорят цифры, характеризующие подъем животноводства за 1955—1956 хозяйственный год в упомянутом колхозе. Если в 1955 году на 1 октября здесь было надоено на одну фуражную корову 1702 литра молока, то на 1 октября 1956 года — 2688 литров. Доходы от животноводства во II квартале 1955 года составляли 180 тыс. рублей, а через год, тоже во II квартале, они возросли до 320 тысяч рублей. Росту продуктивности молочного скота в колхозе и его доходности способствовала материальная заинтересованность. В колхозе каждая доярка знала, что при хорошем уходе за скотом, при добросовестном отношении к делу ей будут выданы натуральное поощрение и денежная премия за высокие надои молока от закрепленных за ней коров.

Среди колхозов, выдававших дополнительную оплату в 1955 году за перевыполнение заданий, находился колхоз «Красный Октябрь», Карсунского района. Материальная заинтересованность стимулировала всех животноводов лучше ухаживать за скотом, добиваться повышения его продуктивности. Колхоз планировал получить в 1955—1956 хозяйственном году от каждой коровы 1800 литров молока, а получил 2016. Валовой сбор молока вырос на 65 тонн.[1]

Постоянная забота о работниках животноводства, четкое проведение принципа материальной заинтересованности дали свои результаты в колхозе «Память Ильича», Чердаклинского района. Если в 1955 году в этом колхозе на 100 га земельных угодий было получено всего 29,8 ц молока, то в 1956 году — 64 ц.

Заседание бюро Астрадамовского райкома КПСС, на котором обсуждался вопрос о соблюдении принципа материальной заинтересованности колхозников в колхозе «Путь Ленина», отмечало, что правление и парторганизация проделали некоторую работу по дальнейшему повышению материальной заинтересованности колхозников в укреплении и развитии общественного хозяйства. Введена дополнительная натуральная оплата работников молочнотоварной фермы, что позволило повысить заинтересованность работников в повышении продуктивности скота, укрепить трудовую дисциплину на ферме, значительно увеличить валовой выход продукции. Правильно соблюдался принцип материального поощрения работников животноводства за сохранение и выращивание молодняка. В 1955 году дополнительная оплата выдана 12 работникам. В колхозе создан фонд для ежемесячного денежного авансирования колхозников из расчета 2 руб. на трудодень.[2]

Опыт передовых колхозов подтвердил правильность решений Пленумов ЦК КПСС о том, что обязательным условием организационно-

[1] Материалы совещания работников МТФ, См. газету «Ульяновская правда», от 11 октября 1956 г.

[2] Текущий архив сектора информации Ульяновского обкома партии, протокол № 6, от 29 февраля 1956 г.

хозяйственного укрепления артелей является материальная заинтересованность колхозников. Оправдавшие себя оплата труда в зависимости от количества и качества полученной продукции, ежемесячное авансирование на трудодни и т. д. должны стать достоянием каждого колхоза.

На основе осуществления мероприятий по материальной заинтересованности колхозов и колхозников систематически росла производительность труда в сельском хозяйстве. Так, против 1950 года труд колхозников Ульяновской области в 1957 году стал производительнее в 2,2 раза.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС партийным организациям нужно было использовать материальную заинтересованность, как мощный рычаг развития производства.

Правления колхозов благодаря тому, что парторганизации недостаточно использовали свое право контроля их деятельности, с трудом, робко вводили авансирование, поощрение, дополнительную оплату, высокую оплату трудодня, нарушали ленинские принципы материальной заинтересованности. Районные комитеты партии слабо добивались последовательного осуществления этого принципа во всех колхозах. Обком партии, заслушав доклад секретаря Вешкаймского райкома КПСС, в своем решении от 16 сентября 1954 года отметил, что райком не обеспечивал должного контроля за осуществлением постановлений партии и правительства о мерах материального поощрения колхозников[1]. Позднее (в начале 1956 г.) бюро Вешкаймского райкома КПСС отметило, что в колхозах Чуфаровской МТС еще не во всех колхозах решен вопрос о введении поощрительной системы работникам животноводства, а в тех колхозах, где введена дополнительная оплата, председатели колхозов к этому делу относились формально, с работниками животноводства расчет ежемесячно не проводили[2].

Одной из основных причин, тормозивших рост поголовья общественного скота и увеличения его продуктивности в колхозах области в годы пятой пятилетки, явилось совершенно неудовлетворительное кормление животных.

Решающим условием создания прочной кормовой базы, обеспечивающей обильное кормление скота и достижение высокой продуктивности, должно быть производство зернофуража и сочных кормов. Важную роль здесь призвана сыграть кукуруза — культура по количеству получаемых с гектара кормовых единиц и по отдаче на вложенный труд, не имеющая себе равных. Центральный Комитет КПСС и его первый секретарь Н. С. Хрущев поставили задачу, чтобы эта культура стала основой кормовой базы.

Призыв партии нашел горячее одобрение тружеников сельского хозяйства. После Пленумов ЦК КПСС 1953—1955 гг. все колхозы области стали сеять кукурузу. К концу пятой пятилетки площади под кукурузой возросли до 124 тыс. гектаров, а в 1956 году до 163 тысяч гектаров, т. е. за один год площадь увеличилась на 32 процента.

Колхоз «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, получил в 1954 году урожай силосной массы кукурузы по 330 центнеров с гектара и на части площади — по 23,5 центнера с гектара вполне созревшего зерна. В 1955 году посевы кукурузы в колхозе возросли. В 1957 году урожай кукурузы здесь составил 400 центнеров зеленой массы с каждого гектара. Колхоз «Путь Ленина», Чердаклинского района, получил урожай силосной массы кукурузы по 450 центнеров с гектара на площади 35 гектаров. Колхоз «Память Ильича», этого же района, со ста гек-

[1] Ульяновский облпартархив, ф. 8, оп. 20, ед. хр. 292, л. 25—26.

[2] Текущий архив сектора информации Ульяновского обкома партии, протокол заседания бюро № 7, от 29 февраля 1956 г.

таров посева кукурузы собрал по 75 центнеров початков молочно-восковой спелости и с 400 гектаров — по 250 центнеров зеленой массы.

Практика массового посева кукурузы в 1954 году показала, что при должной обработке эта культура повсеместно дает высокие урожаи и позволяет при меньших по сравнению с другими культурами затратах труда на центнер продукции обеспечить животноводство высококачественными концентратами и силосом. В 1955 году многие колхозы решили кормовую проблему именно благодаря кукурузе. Достаточно сказать, что колхозы Ульяновской области только за счет кукурузы заложили около 3260 тысяч тонн силоса. Опыт показал, что это наиболее урожайная и наименее трудоемкая культура из всех зернофуражных культур.

Улучшение кормовой базы за счет кукурузы помогло колхозу «Белые горы», Карсунского района, значительно увеличить поголовье общественного животноводства и повысить его продуктивность. С 1951 года по 1956 год поголовье свиней увеличилось почти в пять раз — с 128 до 587 голов. В 1956 году по сравнению с 1951 годом производство свинины увеличилось почти в 17 раз. В 1956 хозяйственном году произведено по 27,1 ц свинины на 100 га пашни. Удельный вес свинины в общем мясном балансе колхоза составил 55 процентов. За достижения высоких показателей в развитии свиноводства и организации откорма свиней колхоз в течение последних четырех лет является участником ВСХВ. В результате успешного развития свиноводства и организации откорма свиней доходы колхоза с каждым годом увеличиваются. За шесть лет, с 1951 г. по 1956 г., доход от свиноводства увеличился более чем в 33 раза — с 10,8 тыс. руб. до 353,3 тыс. рублей. В 1951 году доход на одну основную свиноматку составил 490 рублей, а в 1956 г.—4715 рублей. За это время доходность на одну свиноматку увеличилась почти в 10 раз. Колхоз с каждым годом уменьшает затраты труда на производство продуктов свиноводства и снижает себестоимость свинины.

Очень важно создание кормовых запасов на осенне-зимний стойловый период в расчете на полное покрытие потребностей животноводства в кормах. Зимнее содержание скота является самым ответственным и самым трудным периодом в работе животноводов. От проведения зимовки зависит успех дальнейшего увеличения поголовья общественного скота и повышение его продуктивности. Зимовка скота в значительной мере предопределяет осуществление планов развития животноводства, намеченных на предстоящий год. Поэтому неизмеримо поднимается ответственность партийных организаций за зимнее содержание скота. Между тем некоторые райкомы относились к этому делу формально. Например, Старо-Майнский райком партии в 1955 году принял несколько решений о зимовке скота, но они не были своевременно подкреплены кропотливой организаторской работой и не достигли цели. В районе немало грубых кормов осталось под снегом. До декабря 1955 года не была собрана солома с площади в шесть тысяч гектаров. В ряде колхозов района зима для скота была крайне тяжелой. Животные были доведены до сильного истощения.[1]

Ряд партийных организаций колхозов области в период пятой пятилетки уделял большое внимание организации заготовки кормов. Большую заботу о кормах проявили парторганизации 9 колхозов зоны Ореховской МТС, Радищевского района. Там, где ощущался недостаток естественных сенокосных угодий, было организовано расширение посевов трав и кормовых корнеплодов, проведены работы по улучшению выпасов и пастбищ. В артели им. Коминтерна совершенно отсутствуют естест-

---

[1] «Ульяновская правда», 23 марта 1956 г.

венные сенокосные угодия, а небольшое количество выпасов мало продуктивно. Правление артели разработало мероприятия по улучшению этих выпасов. Осенью 1951 г. здесь было вспахано 30 гектаров малопродуктивной площади, а весной 1952 года ее засеяли овсом с подсевом люцерны и костра. В результате колхоз получил много добротного сена. Осенью 1952 года было распахано еще 34 гектара, а весной 1953 года эта площадь засеяна смесью костра с люцерной. В 1953 году колхозники распахали 90 га, 30 из них засеяли овсом, а 60 — озимой рожью. Таким образом, колхоз добивался более продуктивного использования земли. Такую же работу проделали партийные организации колхозов им. Ворошилова, им. Орджоникидзе и др., где имеются сотни гектаров малопродуктивных пастбищ. В 1954 году в колхозах зоны МТС значительно увеличены посевные площади кормовых культур. Некоторые колхозы впервые посеяли на корм суданскую траву и кукурузу на силос. Был перевыполнен план посева кормовых корнеплодов и кормовых бахчевых культур. В 1954 году более организованно, чем в 1953 году, прошла заготовка сена для общественного скота. Партийные организации колхозов этой зоны провели конкретные мероприятия, обеспечившие быстрейшее проведение сеноуборки. На сенокос было мобилизовано все трудоспособное население. В колхозах эту работу возглавили коммунисты. В результате успешно был проведен второй укос, своевременно проведен сбор соломы и силосование кормов. Колхозные парторганизации приняли меры для достаточного запаса кормов. В отдельных колхозах по зоне Ореховской МТС доходы от животноводства возросли в 2—3 раза и более. Большинство доярок, телятниц, скотников и пастухов за хорошую работу получили дополнительную оплату. Колхозники сельхозартели им. Коминтерна в первую половину 1954 года от реализации продуктов животноводства получили 86 тысяч рублей дохода, что намного больше доходов предыдущих лет, 25 процентов этой суммы выдано на трудодни. В период с 1 октября 1953 года по 1 августа 1954 года доярки этого колхоза надоили от каждой фуражной коровы в среднем по 1192 кг молока, на 174 кг больше, чем за соответствующий период прошлого года.

Усилия партийных, советских и сельскохозяйственных организаций Ульяновской области были направлены на то, чтобы улучшить кормовую базу, и в этом направлении было сделано немало. С каждым годом росли запасы кормов, что видно из следующей таблицы:

	1950г.	1955 г.	1955 г. в % к 1950 г.
Грубые корма всего (в тыс. тонн)	391,1	670,6	171
в том числе сена	74,6	145,6	195
Сочные корма всего	126,1	304,7	241
в том числе силоса	112,6	262,3	233
Концентрированные корма	16,6	68,4	412
Приходится силоса на 1 условную голову крупного рогатого скота тонн	1,7	2,3	

Одним из важных резервов повышения продуктивности животноводства является правильная организация летнего кормления скота. К системе летнего кормления относятся зеленый конвейер, загонная пастьба и стойлово-лагерное содержание животных.

Важным мероприятием, направленным на улучшение кормления коров летом и на значительное повышение их продуктивности, является организация зеленого конвейера. Без зеленого конвейера немыслимо осуществить обильное и равномерное кормление высокопродуктивных коров в летний период, а следовательно, и получение высоких удоев.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС обязал партийные, советские и

сельскохозяйственные органы, всех работников сельского хозяйства в широких размерах внедрять летнее стойлово-лагерное содержание скота в колхозах и совхозах, с применением загонной системы использования пастбищ. При лагерном содержании скот весной переводят из зимних помещений на все лето в специально оборудованные лагеря, вблизи расположения естественных пастбищ, кормового севооборота и водопоев.

Стойловая система содержания скота в летний период требует серьезного внимания к себе со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов и особенно специалистов сельского хозяйства. Эта система содержания животных с каждым годом должна развиваться. Она явится мощным фактором повышения продуктивности общественного животноводства и послужит делу увеличения продуктов питания для населения нашей страны.

Колхоз «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, в 1953 году перевел группу коров на летне-стойловое содержание. Содержание коров в основном производилось на посевах зеленого конвейера. Результаты оказались неплохими. Без применения летне-стойлового содержания годовой надой на одну фуражную корову составлял 1420 литров, а с применением — 2000 литров. Разница в надое — 580 литров. В дальнейшем весь молочный скот колхоза переводился на летне-стойловое содержание.

Колхозы Ульяновской области располагают большими резервами для резкого увеличения продуктивности общественного скота путем нагула. Там, где партийные организации добивались правильной организации нагула — этого наиболее дешевого вида откорма скота на зеленых кормах и значительного резерва увеличения производства говядины, — колхозы получили хорошие результаты. Примером могут служить колхозы «Память Ильича», Радищевского района, и «Гигант», Павловского района. Применив загонную и ночную пастьбу, организовав подкормку скота свеженакошенной травой, они в 1956 году добились среднесуточных привесов на одну голову за летний период: колхоз «Память Ильича» — по 724 грамма, а «Гигант» — по 720 граммов.[1]

Развитие свиноводства немыслимо без создания собственной прочной кормовой базы в каждом колхозе. Многие сельхозартели убедились в том, что картофель очень ценный, высокопитательный корм для крупного рогатого скота и свиней. В пользу картофеля говорит и то, что урожай этой культуры во многих колхозах довольно высокий. Возделывание картофеля требует меньших затрат труда, чем, например, корнеплодов, а его урожай в переводе на кормовые единицы значительно выше, чем кормовой свеклы. Картофель можно употреблять круглый год, удобно его и хранить.

Очень важно, чтобы сочные корма, прежде всего картофель, выращивались на приферменных участках как на корм, так и для выпасов свиней на посевах.

Плановое производство кормов и правильное расходование их — залог успешного развития общественного животноводства и повышения его продуктивности. В колхозах, где партийные организации на экономное расходование кормов обращали серьезное внимание, правления сельхозартелей с осени составляли кормовые балансы и кормовые рационы для каждой группы сельскохозяйственных животных с расчетом соблюдения разнообразия; отпуск кормов производили со строгим учетом, вели решительную борьбу против расхищения и разбазаривания кормов.

---

[1] Текущий архив отдела животноводства управления сельского хозяйства.

Немалые резервы увеличения мясных ресурсов заложены в развитии птицеводства, являющегося высокодоходной отраслью. Но оно явно недооценивалось: в колхозах мало птицы, продуктивность ее крайне низкая.

Передовые колхозы выращивают большое количество кур, разводят водоплавающую птицу.

В колхозе «Победа», Чердаклинского района, птицеводство стало доходной отраслью. В 1955 году по обязательным поставкам колхоз досрочно сдал государству 64556 шт. яиц. Кроме того, в госзакуп было продано 30 тыс. штук. В 1954 году доход от птицефермы составлял 100400 рублей. Птицеферма стала в колхозе доходной благодаря добросовестному труду колхозных птичниц. Хороший уход, содержание и кормление кур обеспечили хорошую яйценоскость. При ферме есть свой участок, где засевается просо, картофель и тыква. Ферма вместе со своими птичницами была участницей ВСХВ 1955 года.[1]

На птицеводческой ферме колхоза «Путь к коммунизму», Сурского района, в 1952 г. от 426 несушек было получено по 28 яиц на одну несушку. Общий доход от птицефермы составил всего 2242 рубля. А в 1956 году от 590 несушек было получено по 112 яиц на несушку. Доход составил 38326 рублей. На птицеферме стали работать инициативные, трудолюбивые люди.

В связи с ростом производства животноводческой продукции и повышением ее товарности, а также в результате принятых мер по повышению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии животноводства и приведения в действие внутренних резервов и возможностей доходы от этой отрасли сельскохозяйственного производства увеличились, что является важным условием для дальнейшего подъема общественного животноводства.

В результате роста всех отраслей сельского хозяйства в сельхозартели им. Калинина, Радищевского района, ежегодно увеличивались денежные доходы. Так, в 1950 г. доходы составили 371617 рублей, в 1956 году — 1 миллион 470285. На долю животноводства приходилось 815 тысяч рублей.

Денежные доходы всех колхозов области от животноводства с 42,5 млн. рублей в 1952 году возросли до 102,3 млн. рублей в 1955 году, т. е. увеличились почти на 60 миллионов рублей, или в два с половиной раза.[2]

Весьма важно для роста доходов колхозов и колхозников не только увеличивать производство сельхозпродуктов, но производить их с наименьшими затратами труда и средств. Борьба за снижение себестоимости животноводческих продуктов имеет первостепенное значение. До Пленумов ЦК КПСС 1953—1955 гг. работу колхозов оценивали по количеству голов скота, значительно реже — по количеству произведенной продукции. Крайне необходимо эту работу оценивать и по себестоимости продукции.

В целом по области в 1956 г. затраты на производство одного центнера зерна по колхозам области составляли 61 рубль, на центнер молока — 169 руб., на центнер говядины — 656 руб., на центнер свинины —1674 руб. Себестоимость производимой сельскохозяйственной продукции в колхозах области значительно выше себестоимости производимой продукции в совхозах.

К чему приводит отсутствие борьбы за снижение себестоимости, можно видеть на примере колхоза «Большевик», Астрадамовского рай-

[1] Материалы ВСХВ и областной выставки 1955 г.

[2] Подсчеты произведены на основании сводных годовых отчетов по всем колхозам области за 1952 и 1955 гг.

она. Правление и парторганизация колхоза слабо занимались анализом экономических показателей работы колхоза. Затраты труда на производство продукции сельского хозяйства, особенно в животноводстве, были очень высоки. Это привело к тому, что себестоимость животноводческой продукции была высокой, и от реализации ее колхоз получал средств меньше, чем затрачивал на ее производство. Убытки от производства молока составляли в 1955 г. свыше 120000 рублей, от производства мяса — свыше 50000 рублей, от производства яиц — свыше 3000 рублей, от производства шерсти — около 10000 рублей. На повышение себестоимости продукции и рост непроизводительных затрат повлияло также и то, что в 1955 году в колхозе был допущен большой падеж скота: крупного рогатого скота 40 голов, свиней 157 голов, овец 128 голов. Кроме того, серьезным препятствием в деле снижения себестоимости продукции явилось и то, что высокие затраты на производство этой продукции не оправдывались, так как продуктивность скота в колхозе была низкой. В 1955 году было получено молока на каждую фуражную корову 896 литров, шерсти от одной овцы 1,7 кг, яиц на курицу-несушку — 28 штук. Колхоз плохо занимался производством мяса, особенно свинины. Высокие затраты труда в животноводстве объяснялись тем, что в колхозе почти совершенно отсутствовала механизация трудоемких работ, раздуты штаты обслуживающего персонала. Это привело к тому, что, например, на МТФ на административный и обслуживающий персонал затрачено трудодней больше, чем на доение коров. Каждый трудодень, затраченный в животноводстве, дал дохода всего только 6 рублей. Отсутствие надлежащей борьбы за снижение себестоимости продукции, за снижение затрат труда на производство единицы продукции привело к тому, что выход продукции на 100 га земли был низок. За 1955 год на 100 га получено мяса 6 центнеров, молока 34 центнера, свинины 4,3 центнера.[1]

Бюро Чердаклинского райксма КПСС по докладам председателей колхозов «Победа» и «Путь к коммунизму» о затратах труда и средств на единицу продукции отметило, что затраты труда и средств на единицу продукции в этих колхозах, особенно в животноводстве, были чрезвычайно большими. Экономический анализ показал, что в колхозе «Победа» на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в 1955 году было получено 17,5 центнера мяса, в том числе 7 центнеров свинины, а в колхозе «Путь к коммунизму» — только 2,9 центнера. При таком низком уровне развития животноводства затраты на 1 центнер мяса составили: в колхозе «Победа» — 64,5 трудодня и 178 рублей денежных средств, в колхозе «Путь к коммунизму» — 139 трудодней и 485 рублей.

Особенно велики были затраты на производство молока и шерсти по колхозу «Путь к коммунизму». Все фермы этого колхоза дали убыток в сумме 73426 рублей. Причинами низкой продуктивности животноводства являлось плохое содержание, уход и кормление скота, вследствие чего допущен падеж животных. На фермах не был организован нагул и откорм скота. Скот в большом количестве сдавался на заготпункты плохой упитанности. Одной из причин низкой продуктивности животноводства и полеводства являлась неправильная организация и оплата труда. Оплата труда здесь не была поставлена в зависимость от его результатов. В колхозах имели место непроизводительные затраты трудодней по ряду работ, нормы выработки были занижены, а расценки в трудоднях завышены. Большая доля затрат труда и средств падала на

[1] Текущий архив сектора информации Ульяновского обкома партии, протокол № 8, от 29 марта 1956 г.

непомерно раздутый штат административно-управленческих работников. Так, по колхозу «Путь к коммунизму» на 25 колхозников, занятых в животноводстве, приходилось 11 начальников. Правления и парторганизации этих колхозов не вели необходимой борьбы за уменьшение затрат труда и средств на производство единицы продукции, не боролись за рентабельное ведение хозяйства.

В деле крутого подъема животноводства в колхозах значительная роль принадлежала МТС. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС в МТС были созданы условия, позволявшие более производительно использовать богатую технику, направляемую в деревню и обеспечить всестороннее развитие общественного хозяйства колхозов.

Многие директора и партийные организации при МТС правильно поняли свою роль и не на словах, а на деле боролись за выполнение решений Пленумов ЦК КПСС. С помощью своих специалистов и рабочих, находившихся непосредственно в колхозах, МТС старались активно влиять на ход производственных процессов, настойчиво боролись за выполнение планов производства и заготовок продуктов животноводства. Так, коллектив работников МТС им. Володарского, Чердаклинского района, в тесном содружестве с колхозниками в 1955 году добился немалых успехов в увеличении производства молока. В зоне деятельности МТС к началу 1956 года не стало колхозов, резко отстающих по надоям молока, как это было два года назад. В 1956 году два колхоза — «Память Ильича» и «Победа» — были участниками ВСХВ. За хорошие показатели по надою молока МТС присуждено переходящее Красное знамя обкома КПСС и облисполкома. Колхозы и МТС совместно проводили большую работу по улучшению кормовой базы. Такая совместная работа дала возможность колхозам зоны своевременно выполнять планы заготовок и закупок молока.

Успех работы МТС определялся правильным партийным руководством. Там, где райкомы партии обеспечивали руководство и контроль за работой МТС, повседневно проводили массово-политическую работу среди работников МТС и колхозников, МТС справлялись с возложенными на них задачами, выполняли указания партии в борьбе за быстрейший подъем колхозного продуктивного животноводства.

Задачу создания прочной кормовой базы нельзя успешно решить, если колхозы не будут иметь необходимых сооружений для хранения и приготовления кормов. Строительство скотопомещений, отвечающих зооветеринарным требованиям и условиям культурного ведения хозяйства, также имеет исключительно важное значение. При содержании животных в хороших помещениях расходуется меньше кормов. И, наоборот, в хозяйствах, где скот содержится в холодных и сырых помещениях, там допускается большой падеж, продуктивность невысокая, расход кормов увеличивается. Учитывая это, партия обязала местные партийные и советские органы расширить и улучшить строительство в колхозах производственных, особенно животноводческих помещений.

За последние годы пятой пятилетки в этом направлении проделана большая работа. Материальная база животноводства стала укрепляться. Большое внимание стало уделяться строительству. Об обеспеченности скота животноводческими постройками дает представление следующая таблица.

На сто голов скота приходилось скотомест в животноводческих постройках колхозов области[1] (по состоянию на 1 октября).

[1] Народное хозяйство Ульяновской области, Статсборник, изд. «Ульяновская правда», 1957, стр. 133.

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Крупный рогатый скот				
Всего скотомест	80	80	89	96
в т. ч. в типовых постройках	28	39	52	59
Свиньи				
Всего скотомест	57	58	68	58
в том числе в типовых свинарниках	19	31	42	37
Овцы и козы				
Всего скотомест	83	89	98	90
в том числе в типовых овчарнях	19	29	39	41
Птица				
Всего птицемест	85	113	141	152
в том числе в типовых птичниках	25	55	75	82

Таблица показывает, что, несмотря на значительный рост поголовья скота, обеспеченность скота животноводческими помещениями улучшилась, а число скотомест в типовых помещениях на сто голов скота в 1956 году по сравнению с 1953 годом возросло в два и более раза. После сентябрьского Пленума в колхозах развернулось особенно большое строительство животноводческих помещений. За годы с 1954 по 1956 число скотомест только в типовых помещениях увеличилось: в скотных дворах и телятниках на 44,9 тыс. мест, в свинарниках на 34,5 тыс. мест, в овчарнях на 90,2 тыс. в птичниках на 182,1 тыс. птицемест.[1] С 1952 г. по 1955 год вместимость силосных башен и полубашен увеличилась с 12034 до 22917 тонн, т. е. на 10883 тонны, а вместимость облицованных силосных ям и траншей увеличилась с 49,5 тыс. тонн до 215,6 тыс. тонн, т. е. на 166,1 тыс. тонн.[2] Однако недостаток животноводческих помещений еще остро давал себя чувствовать. Во многих колхозах скот содержался скученно, в плохо приспособленных помещениях, отсутствовала элементарная механизация по кормоприготовлению и водопою.

В решениях Пленума ЦК КПСС 1953—1955 гг. было отмечено, что одной из важнейших причин отставания ряда отраслей сельского хозяйства является неудовлетворительное руководство колхозами, МТС и совхозами со стороны партийных, сельскохозяйственных и советских органов. Выполнение новых больших и сложных задач в области сельского хозяйства потребовало решительного улучшения руководства ими. Партия напомнила об указании В. И. Ленина на недопустимость шаблона, формализма и обезлички в руководстве хозяйственным строительством, на необходимость приблизить руководство непосредственно к производству, где создаются материальные блага общества.

Борьба за успешное осуществление программы крутого подъема сельского хозяйства потребовала в корне пересмотреть стиль и методы руководящей деятельности партийных органов области. Ульяновская партийная организация, выполняя указания ЦК партии, старалась сосредоточить внимание райкомов партии и первичных партийных организаций на вопросах конкретного руководства хозяйством, глубокого изучения экономики колхозов. Ею были приняты меры к тому, чтобы наиболее рационально использовать местные особенности и накопленный передовой опыт.

Большая работа, развернувшаяся в колхозах по проведению в жизнь решений Пленумов, повысила роль сельских районных партийных коми-

---

[1] Народное хозяйство Ульяновской области, Стат. сборник, изд. «Ульяновская правда», 1957, стр. 133.

[2] Сводные годовые отчеты колхозов Ульяновской области за 1952 и 1955 гг.

тетов и наложила как на них, так и на первичные парторганизации огромную ответственность за работу в колхозах.

Партия всегда придавала большое значение районному звену партийного руководства, укреплению его. Районное руководство ближе всех находится к колхозу. От его работы во многом зависело выполнение постановлений, принятых партией и правительством и направленных на крутой подъем всех отраслей сельского хозяйства. Исходя из этого, партия укрепляла и совершенствовала районный аппарат, последовательно повышая ответственность, расширяя права местных органов управления, добиваясь налаживания оперативного, конкретного руководства сельскохозяйственным производством. В результате перестройки руководители района стали больше бывать в колхозах, на фермах, больше заниматься инструктированием, организацией исполнения принятых решений, учились с карандашом в руках, укрепляя связи с передовиками колхозного производства и специалистами, выявлять резервы повышения урожайности и продуктивности животноводства в колхозах. На заседаниях бюро и Пленумах райкомов, а также на собраниях партийного актива чаще стали обсуждаться вопросы, подсказанные жизнью района. Перед сельскими райкомами в новом свете предстало все, что касалось их огромной работы в деревне. Яснее обнаружились причины отставания важнейших отраслей колхозного производства. Сельские партийные работники во всей наглядности ярко увидели, что корни недостатков в сельском хозяйстве тянутся к тем колхозам, во главе которых стоят слабые руководители. А их было немало. Зачастую председатели колхозов были люди, имевшие лишь начальное образование, с малым хозяйственным опытом и слабыми навыками организаторской деятельности. В райкомы партии от колхозников часто поступали сигналы о недостойных поступках и об ошибках отдельных председателей колхозов.

Перестройка работы партийного аппарата сделала партийное руководство более действенным. Освободившись от хозяйственных мелочей, райкомы, опираясь на опытные кадры председателей колхозов, специалистов МТС, стали глубже вникать в колхозное производство, направлять внимание на развитие многоотраслевого общественного хозяйства, решать перспективные задачи. После постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС нужно было сосредоточиться на главном, предусмотреть трудности, использовать еще не тронутые резервы. Нужно было знать особенности каждого колхоза, помогая ему правильно решать хозяйственные вопросы, учитывая его конкретные условия, дойти до каждой фермы, знать действительное положение дел в отдельных колхозных хозяйствах.

С реорганизацией МТС роль райкомов партии в руководстве колхозами еще больше возрастает. Нужна настойчивая работа по оказанию помощи отстающим, экономически слабым колхозам, чтобы быстрее поднять их общественное богатство, обеспечить им возможность приобретения техники и рационального ее использования.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС признал необходимым, проводя перестройку аппарата сельских райкомов партии, создать группы партийных работников по зонам МТС во главе с секретарями райкомов. Главная цель этой перестройки заключалась в том, чтобы покончить с обезличкой в руководстве колхозами и МТС, приблизить партийное руководство к сельскохозяйственному производству. На эту работу рекомендовались опытные, проверенные кадры, имеющие большой стаж организаторской работы. Создание в райкомах инструкторских групп по зонам МТС создало условия для улучшения партийной работы в пер-

вичных организациях и положительно сказалось на ходе дел в колхозах и МТС.

Однако были райкомы партии, которые в ходе выполнения решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС свою работу перестраивали медленно, слабо вникали в жизнь колхозов, недостаточно занимались вопросами быстрейшего развития общественного животноводства. Областному комитету КПСС нужно было преодолеть косность, консерватизм у отдельных работников партийных организаций, стремившихся работать по-старому. Так, неблагополучно обстояло дело с руководством со стороны райкома животноводством в Сенгилеевском районе, где после 1 октября 1953 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 436 голов, свиней — больше чем на две тысячи голов, птицы — почти на 16 тысяч голов. Зимой 1954 года в ряде колхозов создалось крайне напряженное положение с кормами. В ряде колхозов из-за бескормицы и отсутствия надлежащего контроля за работой животноводческих ферм был допущен падеж скота. Работники райкома партии в колхозах бывали очень редко. Бюро райкома принимало в 1954 году много решений по вопросам животноводства, а положение с содержанием скота не улучшилось. На одно из заседаний бюро райкома в 1954 г. были вызваны сразу 12 председателей колхозов и столько же секретарей колхозных парторганизаций. Заслушать же бюро успело лишь двух председателей. С заседания бюро руководители колхозов, секретари первичных партийных организаций уезжали неудовлетворенными, не имея четкого и ясного представления, что им делать. Коренные проблемы развития экономики района топились в бюрократическом потоке различных директив, резолюций, решений, циркуляров, в общих разговорах на заседаниях и совещаниях. Живая работа по выполнению решений Пленумов подменялась канцелярщиной. Бюро обкома партии вынесло специальное решение по Сенгилеевской партийной организации.

В успешном осуществлении задач, поставленных партией перед сельским хозяйством, важную роль призваны были сыграть первичные партийные организации колхозов. Они должны были возглавить широкие массы колхозников и повести их на борьбу за мощный подъем сельского хозяйства.

В колхозах все важнейшие вопросы решались при активном участии партийных организаций. На всех участках колхозного производства чувствовалась их направляющая и организующая деятельность. Повышение роли колхозных парторганизаций способствовало улучшению руководства сельским хозяйством. Жизнь самой парторганизации может быть полнокровной лишь в том случае, если коммунисты, всесторонне изучив артельное хозяйство, его нужды, сильные и слабые стороны, будут знать, на что следует в первую очередь обратить главное внимание, если они, собравшись коллективно, обсуждают и решают вопросы партийной работы, намечают пути проведения того или иного мероприятия, действуют единым сплоченным коллективом, направляют свои усилия к достижению намеченной цели.

Партийная организация колхоза имени Карла Маркса, Павловского района, выполняя решения сентябрьского Пленума ЦК партии, заметно улучшила свою работу, глубоко вникая во все отрасли сельскохозяйственного производства. Все члены партии добросовестно выполняли обязанности, возложенные на них парторганизацией и правлением колхоза, помогали правлению в решении практических вопросов колхозного производства. Коммунисты своим личным примером вели за собой всех колхозников и добивались успехов в работе. Вопросы подъема общественного животноводства обсуждались на партийных собраниях, где

принимались конкретные решения о подготовке к зимовке скота, об обеспечении кормами, о готовности животноводческих помещений и пр.[1]

Выполняя решения Пленумов ЦК КПСС по вопросам крутого подъема сельского хозяйства, партийная организация колхоза имени Жданова, Карсунского района, пересмотрела свою работу в сторону приближения своего руководства хозяйством к работе животноводческих ферм, стала глубже вникать в экономику артельного хозяйства. На решающие участки колхозного производства были поставлены наиболее инициативные коммунисты. Лучшая доярка, член партии Школьникова, была выдвинута заведующей животноводческой фермой. Другую ферму возглавил коммунист Лукъянчиков. Работать доярками на ферму были посланы любящие животноводство члены артели Губина и Кислякова. Чувствуя ответственность за порученное дело, коммунисты по-настоящему взялись за ликвидацию недостатков, навели порядок на фермах, улучшили организацию труда, организовали правильное кормление скота. На фермах дело стало улучшаться[2].

Уровень работы первичных колхозных парторганизаций во многом зависит от их секретарей, от того, насколько они хорошо знают сельское хозяйство и проявляют инициативу в работе. Поэтому райкомы партии стали рекомендовать, а сами парторганизации колхозов избирать секретарями первичных парторганизаций коммунистов, непосредственно связанных с производством. Это дало положительные результаты.

Большую роль в активизации деятельности первичных организаций играют партийные группы в колхозах. Они способствуют развитию активности и самодеятельности коммунистов. На собраниях партийных групп, где они были созданы, обсуждались вопросы работы животноводческих ферм. Партгруппа, непосредственно связанная с фермой, сразу замечает «узкие места», она помогает всей парторганизации и правлению колхоза быстро устранять недостатки в руководстве общественным животноводством. Чем ответственнее задачи в животноводстве, тем выше должна быть организующая роль партийной группы. Так, колхоз «Первое августа», Майнского района, из года в год не выполнял план развития поголовья скота, низка была его продуктивность. Чтобы поправить положение на фермах, была создана партийная группа из четырех коммунистов. Партгруппа стала вникать во все дела на фермах, интересовалась работой каждого животновода. Коммунисты быстро реагировали на каждый случай снижения продуктивности, намечали практические меры по улучшению работы на фермах. На производственных совещаниях они договаривались, что нужно сделать для повышения продуктивности животных, высказывали свои претензии и требования к правлению колхоза. Проводя в жизнь намеченные мероприятия, партгруппа добилась того, что кормление и уход за животными значительно улучшились, стали соблюдаться распорядок дня и выполняться зоотехнические требования.

Немало труда вложила партгруппа, чтобы правильно организовать летнее содержание скота. Совместно с правлением были подобраны хорошие пастухи, обеспечившие круглосуточную загонную пастьбу коров. По инициативе партгруппы был разработан и внедрен зеленый конвейер. В своей повседневной работе с людьми партгруппа старалась доходить до каждого работника фермы, выращивая активистов из числа лучших доярок, свинарок, телятниц и других работников ферм и за счет этого актива пополняла свои ряды.[3]

[1] «Ульяновская правда», 24 сентября 1954 г.
[2] «Ульяновская правда», 31 марта 1956 г.
[3] «Ульяновская правда», 9 октября 1956 г.

Партийные группы доказали свою жизненность. В тех колхозах, где первичные партийные организации повседневно руководили работой партгрупоргов, учили их искусству ведения организаторской и политической работы в массах, там партийные группы на животноводческих фермах становились подлинной опорой первичных партийных организаций в решении задач дальнейшего подъема общественного животноводства.

Во многих колхозах партийные организации настойчиво повышали авангардную роль коммунистов в борьбе за дальнейшее укрепление и расширение общественного хозяйства колхоза, что благотворно сказывалось на решении хозяйственных задач. Забстясь в том, чтобы коммунисты были руководителями масс и занимали среди колхозников ведущую роль, партбюро совместно с правлением колхоза им. Чкалова, Карсунского района, расставило партийные силы так, что большинство коммунистов работало на решающих участках.

В тех же случаях, когда первичные партийные организации не организовывали колхозников на борьбу за подъем колхозного животноводства, задачи, поставленные Пленумами ЦК КПСС, решались плохо. Например, в Старо-Кулаткинском районе причиной невыполнения плана развития поголовья крупного рогатого скота и овец в 1955 году явилось то, что парторганизации района не вели борьбу за сохранение поголовья. Наоборот, ряд сельхозартелей встал на путь разбазаривания животных. Колхоз им. Жданова продал на сторону около 500 овец и много коров и нетелей. Почти триста голов овец и большое количество крупного рогатого скота продано колхозам им. Ленина. Подобные факты в районе были не единичны. В колхозах плохо была организована племенная работа. Из-за неудовлетворительного ухода и содержания маточного поголовья яловость приняла очень большие размеры. В некоторых сельхозартелях две трети коров были яловые, в колхозе «Память Чапаева» — половина.[1]

Среди мероприятий, принятых партией и правительством в целях достижения крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства, решающее значение имело укрепление руководящих колхозных кадров. Теперь, когда созданы все необходимые материальные и организационные предпосылки для быстрого развития сельского хозяйства, дело целиком зависит от уровня руководства, от умения наших кадров быстро устранить недостатки, правильно, по-хозяйски относиться к использованию средств, поднимать массы на самоотверженный труд, на борьбу за осуществление поставленной цели. Неудовлетворительное положение дел в отстающих колхозах объясняется главным образом слабостью руководства.

КПСС имеет многолетний опыт, который показывает, что наиболее быстро развивают общественное хозяйство те колхозы, во главе которых стоят способные, политически подготовленные, преданные делу кадры, умеющие сплотить людей и успешно руководить многоотраслевым хозяйством.

Придавая большое значение руководству колхозами, партия уделяла много внимания укреплению руководящих колхозных кадров. На должности председателей подбирались лучшие коммунисты, имеющие высшее и среднее образование, хорошо знающие сельское хозяйство. Десятки тысяч коммунистов добровольно выехали на работу в МТС и колхозы и своей организаторской деятельностью сыграли исключительно важную роль в подъеме сельского хозяйства, начавшегося после сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

[1] «Ульяновская правда» 11 апреля и 5 ноября 1955 г.

С 1950 года бывший фронтовик, агроном по специальности, в прошлом секретарь райкома, Семенов В. П. руководит колхозом «Память Ильича», Чердаклинского района. Руководимый им колхоз из года в год поднимает и укрепляет свое хозяйство, является неоднократным участником ВСХВ. Товарищ Семенов — делегат XX съезда партии, депутат Верховного Совета СССР.

Среди колхозных кадров председатель колхоза был и остается центральной фигурой. Подбор председателей колхозов — один из коренных вопросов руководства сельским хозяйством. Поэтому выдвижение на пост председателей колхозов наиболее талантливых организаторов остается важной задачей местных партийных органов в организационном укреплении колхозов.

Успех дела во всем народном хозяйстве, в том числе и в развитии животноводства, решают люди, их инициатива, творческое отношение к делу. Имея в виду это, партийные организации в борьбе за претворение в жизнь решений Пленумов ЦК сосредоточили свое главное внимание на подборе животноводческих кадров, привлекая для работы на фермах лучших колхозников, любящих это дело. Нужно было также закрепить эти кадры за фермами. В животноводстве текучесть кадров и обезличка наносят непоправимый вред, ибо «ни в одной отрасли труда, исключая только уход за человеком, — говорил М. И. Калинин, — не требуется столько внимания и любви к делу, как в животноводстве».[1] Требовалось также сосредоточить внимание на том, чтобы укрепить колхозы квалифицированными, способными кадрами специалистов, особенно зоотехников. Неустанная забота об укреплении колхозов кадрами была важнейшей задачей партийных организаций на местах. Колхозные парторганизации, чтобы грамотно, со знанием дела руководить сельским хозяйством, должны были опираться на специалистов, внимательно прислушиваться к их рекомендациям, советоваться с ними, помочь им найти свое место в борьбе за подъем общественного колхозного животноводства. Те специалисты, которые были повседневно связаны с парторганизациями и правлениями колхозов, с работниками ферм, активно влияли на ход производства и заготовок продуктов сельского хозяйства.

В период пятой пятилетки партией и правительством была оказана большая помощь сельскому хозяйству квалифицированными кадрами. Если к моменту сентябрьского Пленума ЦК КПСС в колхозах и МТС страны работало 83 тысячи специалистов с высшим и средним образованием, то на 1 декабря 1957 года таких специалистов было уже 277 тысяч.

20 августа 1955 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров о переходе агрономов и зоотехников из штатов МТС в колхозы. Это постановление было своевременным, ибо одной из причин плохой работы значительной части зоотехников МТС, обслуживающих колхозы, являлось то, что существовавшая система оплаты материально не заинтересовывала их в развитии колхозного производства, в увеличении денежных и натуральных доходов сельскохозяйственных артелей.

Этим же постановлением партийные органы на местах были обязаны решительно улучшить руководство специалистами сельского хозяйства, работающими в колхозах, обеспечить правильное их использование с тем, чтобы агрономы и зоотехники были настоящими организаторами, руководителями колхозного производства, усилить работу по идейно-политическому воспитанию специалистов сельского хозяйства, широко

---

[1] М. И. Калинин. Статьи и речи, «От VII к VIII съезду Советов СССР», Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 162.

вовлекать их в общественную жизнь, привлекать к обсуждению вопросов развития сельского хозяйства в районе, области и т. д.

Выполняя это постановление, многие зоотехники проявили себя замечательными организаторами, мастерами социалистического животноводства. Зоотехник колхоза им. Калинина, Радищевского района, А. А. Романовская, организовав правильное кормление и содержание дойного стада, помогла колхозу получить в 1957 году молока по 176 центнеров на сто гектаров сельскохозяйственных угодий. От каждой коровы было надоено за год по 3765 кг молока.

Не менее важно было подобрать работников колхозных ферм, которые любили бы работу в животноводстве.

Доброй была слава о рядовой колхознице сельхозартели имени Калинина, Радищевского района, доярке М. П. Криворот. Любовь и уважение односельчан, авторитет среди колхозных животноводов она завоевала честной и добросовестной работой, неутомимой борьбой за высокую продуктивность молочного скота. Работать на ферму она пришла в 1951 г. Много трудностей встретилось на пути молодой доярки. Но они не испугали ее. Она быстро овладела мастерством раздоя коров и уже через два года завоевала почетное право быть участницей ВСХВ. В 1954—1955 году М. П. Криворот получила от каждой закрепленной за ней коровы почти по три тысячи килограммов молока. Ей присвоено звание «Лучшая доярка области». В своей работе М. П. Криворот применяла все новое, передовое, чему она научилась на трехлетних агрозоотехнических курсах, что узнала от лучших животноводов страны и области, с которыми встречалась на Всесоюзной и областной сельскохозяйственных выставках.

С чувством глубокого сожаления М. П. Криворот говорила на областном совещании работников МТФ колхозов и совхозов Ульяновской области в январе 1956 года, что ей не удалось сдержать своего слова — надоить от каждой коровы не менее 4 тысяч кг молока в соревновании с рязанской дояркой А. Д. Киселевой, по той причине, что кормовой рацион у них в колхозе «бедноват». Подкармливая отдельно корову по кличке «Волга», немного лучше других коров из своей группы, она получила от нее за 1955 год пять с половиной тысяч литров молока.

Первенство в соревновании колхозов Ульяновской области за высокие надои молока завоевали колхозники сельхозартели имени Калинина. За год от каждой коровы они надоили по 3450 кг при годовом плане 3150 кг. Это на 624 литра больше, чем в предшествующем году. М. П. Криворот в 1955—1956 хозяйственном году получила 3539 литров молока.

В 1955 году колхоз «Красный Октябрь», Карсунского района, торжественно отметил 25-летний юбилей трудовой деятельности М. Н. Дружковой. Сотни телят вырастила она за эти годы, надоила от своей группы коров сотни тысяч литров молока. В 1955—1956 хозяйственном году она от каждой коровы надоила более двух тысяч литров молока.

Доярка Е. А. Лазарева всю свою трудовую жизнь провела на ферме. И какое бы дело ей ни поручили, она всегда добивалась успеха. Была она на свиноферме — вывела ее на первое место, взялась доить коров — вышла в первые ряды, стала участницей ВСХВ. В 1955/56 хозяйственном году она получила от каждой коровы своей группы более трех (3057) тысяч литров молока, на тысячу с лишним больше, чем получено в среднем по колхозу. Особенно показательным для всех колхозников явился ее опыт раздоя коров.

В январе 1955 года в колхозе была создана раздойная группа. В ее состав вошли коровы-бестужевки, которые давали в среднем полторы тысячи литров молока в год. В первый же год Лазарева получила от

раздойной группы по 2740 литров молока. По ее примеру начали раздаивать коров и другие доярки, каждая из них с честью выполнила свои обязательства. Опыт раздойных групп показывает неисчерпаемые возможности увеличения надоев молока.

Успех доярок области — результат большого труда партийных организаций, которые всячески поддерживали начатую знатными доярками борьбу за увеличение молочной продуктивности.

Правление колхоза «Белые горы», Карсунского района, с помощью парторганизации подобрало на свиноводческую ферму добросовестных, старательных колхозниц, что в значительной степени обеспечило успех в свиноводстве. Свинарка А. Я. Лесникова выращивала каждый год по 16—18 поросят от каждой свиноматки. В 1956 году она откормила 47 голов с живым весом в 43 центнера, при среднемесячном привесе по 17 килограммов на голову. В 1956 году она выработала 1038 трудодней, получила 20,7 ц хлеба, 6228 руб. деньгами, 10,3 ц кормов и 300 килограммов овощей. В высокопроизводительной работе свинарок огромную роль сыграла материальная заинтересованность.

Пастьба скота — трудное и серьезное дело, требующее умения, многолетнего практического опыта. Во многих колхозах области выросли опытные пастухи. Любят и уважают в колхозе «Красный Октябрь», Карсунского района, пастуха Л. И. Глухова, 25 лет посвятившего непрерывной работе в животноводстве. По его предложению в колхозе была введена загонная система пастьбы скота. Благодаря его настояниям животные все лето получали обильную зеленую подкормку и намного увеличили надои молока.

Партийные организации, претворяя в жизнь решения Пленумов ЦК КПСС 1953—1955 годов, борясь за быстрейший подъем общественного животноводства колхозов в период пятой пятилетки, проделали значительную работу.

За годы пятой пятилетки в колхозах Ульяновской области возросло поголовье скота, что видно из следующей таблицы.

Рост численности поголовья продуктивного скота в колхозах Ульяновской области[1]

Виды скота	На 1.I-1951 г.	На 1.I-1952 г.	На 1.I-1953 г.	На 1.I-1955 г.	На 1.I-1956 г.	Поголовье на 1.I-56 г. в % к 1.I-51 г.
Крупный рогатый скот	96329	126703	131979	112595	114795	119,2
в т. ч. коров	27609	31720	35892	43273	46821	169,6
Свиней	60987	102300	123669	60262	73792	121,0
Овец	205661	277200	306138	291687	287974	140,0

Но план роста численности поголовья животных оказался не выполненным. В области продолжает иметь место низкая насыщенность скотом, о чем свидетельствует расчет поголовья на 100 га земли.

Поголовье скота и птицы в колхозах области на 100 гектаров земли сельскохозяйственного пользования было:

---

[1] Таблица составлена по сводным годовым отчетам колхозов области. Текущий архив управления сельского хозяйства.

	1950 г.	1955 г.
Крупный рогатый скот	4,8	7,3
в. т. ч. коров	1,4	2,6
Свиньи (на 100 га пашни)	3,8	9,1
в т. ч. свиноматки	0,9	1,8
Овцы	10,4	17,9
Птица (на 100 га посева зерновых и бобовых культур)	24,9	33,0

Ориентация партии на необходимость борьбы за такой рост численности поголовья скота, при котором растет продуктивность животноводства, предопределила большие темпы роста валовой продукции по сравнению с ростом численности скота, что видно из следующих данных (1955 год в процентах к 1950 году).

Мяса и сала	165
в т. ч. свинины	187
Молока	262
Шерсти	167
Яиц	184

Рост валовой продукции в колхозах всегда предопределяет более быстрое возрастание товарности колхозного производства. Это можно наблюдать, в частности, в колхозах Ульяновской области.

Рост государственных заготовок и закупок продуктов животноводства:

(1955 год в процентах к 1950 году).

Мясо и сало	—280
Молоко	—314
Шерсть	—164
Яйцо	—507

Несмотря на рост валовой продукции животноводства, за годы пятой пятилетки производство этой продукции в пересчете на 100 га земли оставалось еще на низком уровне.

Продукция животноводства на 100 гектаров земли сельскохозяйственного пользования:

	1950 г.	1955 г.
Мясо и сало в убойном весе цент.	2,7	4,5
в т. ч. свинины на 100 га пашни	0,9	1,7
Молоко (центнеров)	10,9	29,2
Шерсть (кг)	18,1	31,0
Яйцо (шт. на 100 га посева зерновых и бобовых культур)	294	563

Небольшой объем производимой продукции на 100 га земли в колхозах Ульяновской области в сравнении с показателями передовых колхозов и со средними показателями передовых областей страны объясняется как недостаточной плотностью скота, так и низкой его продуктивностью.

В колхозах Ульяновской области средние надои молока на одну фуражную корову в 1955 году увеличились в сравнении с 1950 годом на 31,5 проц.

Хуже обстояло дело с яйценоскостью кур. Она не только очень низка, но и снизилась в 1955 году по сравнению с 1950 годом.

1950 год	1953 год	1954 год	1955 год
25 шт.	23 шт.	22 шт.	24 шт.

Такое снижение свидетельствует об отсутствии необходимого внимания и заботы о развитии птицеводства.

Рост товарной продукции в колхозах, а также повышение заготовительных и закупочных цен предопределили быстрый рост денежных доходов в колхозах области.

Денежные доходы колхозов области в 1955 году по сравнению с 1950 годом по растениеводству возросли в 5,1 раза, а по животноводству — в 5,6 раза.

Изменился удельный вес доходов по отраслям в общем доходе (в процентах):

	1950 год	1955 год
Растениеводство	50	57
Животноводство	28	36

Возросший удельный вес растениеводства и животноводства — этих основных отраслей колхозного производства — явление положительного характера.

Сельское хозяйство Ульяновской области обладает огромными внутренними резервами. Умелое их использование позволит успешно решить задачу быстрейшего подъема общественного животноводства. Достаточно сказать, что только за 1956 год колхозы и совхозы области увеличили по сравнению с 1955 годом производство молока в 1,5 раза и мяса в 1,7 раза. А отдельные районы, колхозы добились значительно лучших результатов. Колхозы Сурского района произвели в 1956 году на 100 гектаров сельхозугодий по 72,6 центнера молока, Ульяновского и Астрадамовского районов — по 60 центнеров. Колхоз «Родина Ильича», Ульяновского района, в 1955—1956 году получил 181 центнер, «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, — 113, им. Калинина, Радищевского района, — 156, им. Сталина, Вешкаймского района, — 107 и т. д.[1].

Результаты 1957 года продемонстрировали дальнейшее быстрое развитие животноводства в колхозах области. Увеличилось производство продуктов животноводства на 100 гектаров земли:

	1953 год	1957 год
Мяса (центнеров)	5,7	10,5
Молока (центнеров)	22	51
Средний удой на одну корову (кг)	919	1828

С 1950 года по 1957 год средняя денежная оплата трудодня в колхозах области возросла почти в семь раз.

Количество животноводческой продукции на 100 гектаров земли, произведенной с наименьшими затратами средств и труда, — важнейшие показатели развития животноводства, свидетельствующие о большой работе партийных организаций по укреплению кормовой базы, по улучшению организации труда на фермах крупного рогатого скота. Но эти же показатели говорят и о том, что по сравнению с передовыми хозяйствами нашей страны в Ульяновской области еще слабо была развернута работа по использованию имеющихся резервов. Опыт передовиков показывает, что все колхозы области располагают большими возможностями для дальнейшего повышения продуктивности молочного скота. Необ-

[1] Народное хозяйство Ульяновской области. Статсборник, Изд. «Ульяновская правда», 1957, стр. 121.

ходимо только умело использовать эти возможности, продолжать и впредь энергично бороться за повышение продуктивности и бо́льшее поголовье скота на сто гектаров сельскохозяйственных угодий.

Итоги пятой пятилетки в развитии колхозного животноводства показывают, во-первых, что партийные организации области далеко не все резервы привели в действие; во-вторых, что были созданы необходимые производственные предпосылки для осуществления резкого увеличения продукции животноводства в годы шестой пятилетки; в-третьих, что в годы пятой пятилетки было положено только начало той большой работы, которую предстоит провести партии для решения задачи дальнейшего развития общественного животноводства.

* * *

XX съезд партии (февраль 1956) одобрил проведенные ЦК КПСС в период после сентябрьского Пленума 1953 г. правильные и своевременные меры в области промышленности и сельского хозяйства, обеспечивающие дальнейший рост могущества нашей Родины, новый мощный подъем социалистической экономики и значительное повышение благосостояния советского народа. Съезд поручил Центральному Комитету с неослабляющей энергией продолжать работу по подъему сельского хозяйства, мобилизуя партию и весь советский народ на борьбу за создание обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности.

Хотя задания пятой пятилетки в области сельского хозяйства страны и недовыполнены, но в результате последовательного проведения ленинской политики и претворения в жизнь решений Пленумов ЦК КПСС 1953—1955 годов наша страна достигла крупных успехов в подъеме сельскохозяйственного производства.

В целом по стране животноводство находится на крутом подъеме. За период с 1953 по 1957 год стадо крупного рогатого скота увеличилось на 10,9 миллиона голов, свиней — на 11 миллионов, овец — более чем на 20 миллионов; производство мяса с учетом прироста стада увеличилось на 38 процентов, в том числе в колхозах и совхозах почти на 80 процентов, производство молока — на 50 процентов, а по колхозам и совхозам — более чем в два раза. Поставленная январским Пленумом ЦК КПСС 1955 года задача по повышению удойности коров в колхозах и по увеличению заготовок молока в течение шести лет выполнена досрочно, за три года.

Крупные мероприятия по дальнейшему развитию и совершенствованию колхозного строя, проведенные со времени сентябрьского Пленума партией, правительством и самим колхозным крестьянством под руководством КПСС, осуществлялись в полном соответствии с программными положениями марксизма-ленинизма, с требованиями объективных законов развития социалистического общества, развития производительных сил в стране. Эти мероприятия нужно рассматривать не только как организационные меры, имевшие лишь практическое народнохозяйственное значение, а как имеющие огромное политическое и теоретическое значение: они вносили новые качественные изменения в методы разрешения насущных проблем сельского хозяйства, в частности, общественного животноводства. Проведенные мероприятия имеют программное значение, так как в них конкретизируется и развивается марксистско-ленинское учение о путях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Главной чертой проведенных партией и правительством экономических мероприятий является то, что они были подсказаны жизнью, опирались на опыт, на творческую инициативу масс, осуществлялись на бла-

го народа. Партия руководствовалась при этом указанием В. И. Ленина о том, что «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».[1]

Опыт, накопленный в процессе борьбы за осуществление мероприятий партии по крутому подъему сельского хозяйства в последние годы пятой пятилетки и первые успехи в развитии общественного животноводства, воодушевили колхозное крестьянство. В 1957 году в колхозной массе родилась инициатива в ближайшие годы победить в экономическом соревновании США на таком важном участке, каким является производство животноводческой продукции. Инициатива передовых колхозов была поддержана Центральным Комитетом КПСС как патриотическое движение и вылилось действительно во всенародное, охватившее миллионы людей соревнование. Советскому народу присущи дерзание и смелость, основанные на уверенности в своих силах, на величайших преимуществах социалистической системы хозяйства. Успехи в сельском хозяйстве позволяют ему ставить и решать большие задачи, чтобы в мирном соревновании добиться победы социалистической экономики над капиталистической экономикой.

Чтобы догнать США по производству мяса и молока на душу населения, наша страна должна иметь на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий 42 центнера мяса в убойном весе или 67 центнеров в живом весе и 141 центнер молока.[2]

В 1957 году валовое производство молока в СССР достигло 54,7 миллиона тонн против 57,5 млн. тонн в США.[3]

Многие колхозы страны уже в 1957 году стали получать со ста гектаров сельскохозяйственных угодий по 100 и более центнеров мяса и молока по 400—500 центнеров. Уже в 1957 году производство молока составляло около 95 процентов от производства в США, а производство животного масла в нашей стране стало несколько выше, чем в США. Это свидетельствует о реальности поставленной задачи, о больших возможностях и резервах, имеющихся в нашем сельском хозяйстве. Долг колхозного крестьянства—полнее использовать эти резервы, обеспечить дальнейшее развитие сельского хозяйства с тем, чтобы в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Постановления Пленумов ЦК КПСС 1953—1955 гг. и борьба советского народа за их претворение в жизнь в последние годы пятой пятилетки войдут в историю КПСС как положившие начало новому этапу расцвета и совершенствования колхозного строя.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 431.
[2] Данные взяты из журнала «Экономика сельского хозяйства», № 4, 1957, стр. 5.
[3] «Правда», 12 марта 1958 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

А. С. Наумов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ВСХВ

Ульяновская область выделилась в самостоятельную административную единицу сравнительно недавно — в 1943 году. По своей территории и населению она превосходит ряд зарубежных государств и союзных республик Советского Союза. По территории Ульяновская область больше таких зарубежных государств, как Албания, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Сан-Марино, Монако, Израиль и другие, больше, чем Армянская и Молдавская союзные республики. По количеству населения Ульяновская область превосходит Исландию, Люксембург, Монгольскую народную республику, Ливию, Коста-Рику, Панаму и другие государства.

Значительное место занимает область по объему ряда отраслей промышленной продукции и по производству продуктов сельского хозяйства. За 1956 год здесь выпущено значительное количество легковых автомобилей, выпускаемых в СССР, 4,61 проц. шерстяных тканей, 1,52 проц. чулочно-носочных изделий, около 2 проц. бельевого и верхнего трикотажа и много другой промышленной продукции, в том числе освоено производство тяжелых уникальных станков, новых типов малолитражных двигателей, электрооборудования.

Валовая продукция тяжелой промышленности в 1957 году по сравнению с 1913 годом увеличилась в 18,1 раза, а машиностроение и металлообработка в 383 раза.

В общегосударственный фонд область последние годы сдает по 22—24 миллиона пудов зерна. По сравнению с 1916 годом поголовье крупного рогатого скота в 1957 году увеличилось с 283 до 340,8 тысячи голов, свиней — с 76 до 219,4 тысячи голов, овец и коз — с 712 до 769,2 тысячи голов.

Особенно быстрыми темпами сельское хозяйство развивается за последние 5 лет. В колхозах и совхозах области общая численность поголовья крупного рогатого скота увеличилась на 52,8 тысячи голов, в том числе коров на 27 тысяч голов, или на 60 проц.

Производство молока на 100 га земли поднялось с 19,6 центнера до 56 центнеров, т. е. возросло почти в 3 раза.

Доходы колхозов в 1958 году составят 600—650 миллионов рублей против 193 миллионов в 1953 году.

На 83 процента возрастут неделимые фонды и основные средства колхозов, больше чем в 3 раза возрастут расходы на капитальное строительство.

На основе роста промышленного и сельскохозяйственного производства повысился уровень материального благосостояния и культуры трудящихся области.

В настоящее время в области насчитывается 4 высших учебных заведения. В 1223 школах области в 1957/58 учебном году обучалось 172418 учащихся, впервые открыто 8 школ-интернатов.

В 1957 году в области насчитывалось 788 массовых библиотек с фондом 4267,5 тысячи экземпляров книг, работало 847 клубов, из них 584 на селе.

Все эти и другие успехи стали возможными благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и героическому труду рабочего класса, крестьянства и интеллигенции нашей страны под руководством Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

Развитие, рост и успехи сельского хозяйства области можно проследить на примере участия трудящихся на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках 1923, 1939—1941 и 1954—1958 годов.

* * *

Первая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, точнее первая сельскохозяйственная и кустарно-промысловая выставка Союза ССР, была проведена в 1923 году по решению IX Всероссийского съезда Советов. Выставка демонстрировала первые итоги восстановления сельского хозяйства после иностранной интервенции и гражданской войны, содействовала обмену опытом между крестьянскими хозяйствами и служила наглядной агитацией за ленинский кооперативный план. В. И. Ленин в своем приветствии сельскохозяйственной выставке писал: «Придаю очень *большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха*». (В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 395, изд. 4-е).

В период подготовки к выставке по всей стране были созданы губернские и уездные выставочные комитеты. Центральную сельскохозяйственную комиссию при ВЦИК возглавлял М. И. Калинин. В это время была проделана громадная работа по подъему сельского хозяйства.

Если в 1922 году после тяжелого неурожайного года посевы зерновых составляли только 54 проц. от довоенных посевов, то в 1923 году посевная площадь значительно расширилась. В Сенгилеевском уезде, например, отмечала газета «Пролетарский путь», 7 июля 1923 года, количество засеянного озимого и ярового клина увеличилось на 13 000 десятин. Подъему этому способствовала, указывала газета, главным образом замена продразверстки продналогом, новый земельный кодекс и помощь населению семенной ссудой[1].

Наряду с расширением посевных площадей осуществлялся переход от трехпольного к четырехпольному севообороту и ранний взмет пара.

Под влиянием засухи в губернии значительно увеличились и без того большие посевы проса.

Поэтому и на выставке были представлены главным образом засухоустойчивые культуры — просо и подсолнух. Надо отметить, что и сейчас просо и подсолнечник занимают значительное место в посевах области. В 1955 году посевы проса составляли 11,5 проц. всех посевных площадей, а подсолнечника — 6,6 проц.[2] По отношению к общесоюзным посевам проса посевы в нашей области составляли 2,6 проц. и к посевам подсолнечника свыше 2 проц.

Наиболее полно было представлено животноводство. Были посланы 4 лошади из Карсунского уезда, в т. ч. жеребцы Альвин-крепыш и Барон и две кобылы породы брабансон Краля и Ира. Коровы были представлены Ленкой бестужевской породы, Турчанкой — метисом бестужевка-швиц и Любимкой симментальской породы. Экспонировался также бык Лорд бестужевской породы.

---

[1] «Пролетарский путь», 12 октября 1923 г. Орган Симбирского Губкома, Губисполкома и Губпрофсовета.

[2] Областная СХВ, стенд «Растениеводство».

Были отправлены три овцы, один баран и один ягненок, из которых две овцы местной породы, а остальные метисы каракулевые и местные.

Из Алатыря отправлен один вагон с кустарными экспонатами, главным образом, сбруя, кадки, веревки.

Представлен был также вагон с фруктами и овощами, из которых выделялись несколько сортов огурцов известного врача-окулиста Сурова, в том числе огурцы «турецкие» более ½ аршина длиной.

Во время выставки, с 19 августа по 24 октября 1923 года, экспонаты Симбирской губернии, выставленные почти во всех 32 отделах выставки, привлекали к себе большое внимание посетителей. Выставку тогда посещало по 6 000 человек в день.

В отделе животноводства симбирские экспонаты оказались одними из лучших и получили почти все премии. Лошадям были присуждены 1-я, 2-я и 3-я премии, также 1-й, 2-й и 3-й премией отмечены коровы. Первая премия присуждена корове Любимке крестьянки Тарасовой. Ежедневный удой Любимки составлял 27 фунтов, или 10,8 килограмма[1].

Первую Всесоюзную выставку посмотрели сотни крестьян Симбирской губернии. В числе прочих экспонатов они осматривали материалы о первых успехах колхозов, совхозов, коммун, кооперации всех видов, свидетельствовавших о более высокой производительности труда в колхозах и совхозах в сравнении с единоличными крестьянскими хозяйствами.

Весьма важными для крестьян Симбирской губернии оказались проводимые на выставке с экскурсантами совещания по сухому земледелию, по замене трехполья многопольем с введением в севооборот кормовых растений и по новым методам агрономической помощи крестьянам.

Выставка показала кооперативный путь крестьянам, способствовала укреплению союза рабочих и крестьян и дружбы народов СССР.

Настоящим торжеством были открытие выставки и праздник народов СССР, устроенный на выставке 30 сентября 1923 года. На открытии выставки выступил представитель великого китайского народа. Приветствуя советский народ, он от имени своего народа преподнес в подарок расшитое Красное знамя. На празднике народов Клара Цеткин отметила, что выставка является показателем того, на что способны рабочие и крестьяне, взявшие власть в свои руки. «Если, несмотря на голод, — говорила она, — рабочим и крестьянам России удалось так быстро начать восстановление народного хозяйства, это говорит о том, что если месяц и год будет еще в распоряжении рабочих и крестьян, то Россия будет одной из могущественных, одной из сильнейших, одной из богатейших стран мира. Но почему Россия может при таких невероятно тяжелых условиях побеждать голод, разруху и устанавливать новую, светлую жизнь? Потому, что она имеет исключительный, героический пролетариат, героическое крестьянство, потому, что во главе этого пролетариата и этого крестьянства стоит великая партия — Российская коммунистическая партия»[2].

* * *

Если выставка 1923 года проходила в период, когда в нашей стране господствовало единоличное мелкое крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы были еще совсем слабы и занимали малозаметное место, то выставка 1939—1941 годов была прежде всего выставкой колхозов, выставкой колхозных побед. В них сказалась всепобеждающая сила рабочих и крестьян, выступающих под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии.

---

[1] «Пролетарский путь», 5 октября 1923 г.

[2] Красный архив, т. III (100) 1940 стр. 106.

К 1939 году в стране насчитывалось 240 тысяч колхозов, 6,5 тысячи МТС, почти 4 тысячи совхозов.

В сельском хозяйстве работало более полмиллиона тракторов, 165 тысяч комбайнов. Значительность этих цифр выступит особенно ярко, если вспомним, что в 1910 году в царской России было 7800 тысяч сох и косуль[1], 2200 тысяч деревянных плугов, 17 700 тысяч деревянных борон, 4200 тысяч железных конных плугов.

Об успехах колхозного строя свидетельствовал и такой факт, что посевная площадь всех культур превысила в 1938 г. дореволюционную на 30 проц.

Ульяновской области тогда не было, и ульяновцы были представлены в павильоне «Поволжье» в составе Куйбышевской области.

Стенд Куйбышевской области украшался барельефом ордена Ленина, врученного области за выдающиеся успехи в течение ряда лет в развитии сельского хозяйства и промышленности.

Область занимала видное место на выставке. Из 200 тысяч экспонентов выставки от Куйбышевской области было представлено 154 колхоза, 6 совхозов, 2 МТС, 389 колхозных животноводческих ферм и 1702 лучших передовика сельского хозяйства.

На одном из стендов были показаны успехи передовой Якушкинской МТС, Ново-Малыклинского района. Эта МТС за 2 года (1937—1938) выполнила план тракторных работ на 112 проц. и довела среднюю выработку на трактор «ЧТЗ» до 2422 гектаров и «СТЗ» до 842 гектаров. Средний урожай в обслуживаемых станцией колхозах достиг в эти годы 9,3 центнера с 1 гектара. Тракторная бригада орденоносца Ярука Зайнетдинова за эти годы в среднем выработала на каждый гусеничный трактор 3108 гектаров и сэкономила 4047 килограммов горючего[2].

На выставке в широких размерах было представлено животноводство. Среди участников выставки — молочнотоварная ферма колхоза имени Карла Маркса, Ново-Спасского района. Она имела 117 голов скота бестужевской породы со средним удоем за 2 года 2481 литр на фуражную корову. Лучшая доярка колхоза Е. Н. Кирюхина от каждой из 9 закрепленных за ней коров получила в среднем по 3136 литров молока. Знатная телятница колхоза И. П. Лобанова за два года вырастила 104 теленка со средним привесом 804 грамма в сутки без единого случая падежа.

На ВСХВ демонстрировались животные-рекордистки, например, корова Малютка бестужевской породы из колхоза «Завет Ильича», Ново-Спасского района. Ее живой вес 538 килограммов, удой молока за 300 дней — 8159 литров.

Демонстрировалась овца метис Ромни-Марш черкасской породы, колхоза имени Войкова, Кузоватовского района, весом 106 килограммов с настригом шерсти 5,5 килограмма[3].

Среди передовиков сельского хозяйства — участников выставки — конюх колхоза «Путь социализма», Богдашкинского района, А. В. Старостин и из Ульяновского района овчар колхоза имени Ульянова Ф. А. Клюев чабан колхоза «Родина Ильича» Абрамов П. А., доярки колхоза имени Ульянова Е. Ф. Дылдина, М. Ф. Голованова, зав. МТФ колхоза «20 лет Октября» Е. В. Михайлова и многие другие.

Свой вклад в советскую науку демонстрировала Ново-Уренская опыт-

---

[1] Косуля — северо-восточная соха, тяжелая соха или легкий плуг, с одним лемехом, с обрезом и отвалом. (В. Даль, толковый словарь, т. II, 1955, стр. 174).

[2] Всесоюзная сельхозвыставка, стр. 140.

[3] «Пролетарский путь», 30 июля 1939 г Орган Ульяновского горкома ВКП(б) и горсовета.

ная станция, представившая на выставку новый сорт проса «Бланжевое 0241», урожай которого на 17,2 проц. выше стандартных сортов.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 — 1941 годов явилась народной школой передового опыта. Она показала, что в условиях социалистического строя опыт новаторов является общенациональным достоянием, богатством всего народа.

Только за 85 дней работы выставки в 1939 году ее посетило свыше 3,5 миллиона человек[1].

Выставка явилась школой социалистического соревнования работников сельского хозяйства и, несомненно, оказала положительное влияние на дальнейшее развитие социалистического земледелия и животноводства.

Война с фашистской Германией временно прервала плодотворную работу выставки.

* * *

Выставка 1954—1958 годов демонстрировала успехи социалистического хозяйства в послевоенных условиях, в условиях, когда под руководством Коммунистической партии Советского Союза начался крутой подъем сельского хозяйства.

На этот раз на выставке представлена Ульяновская область, превратившаяся из отсталой аграрной Симбирской губернии в область с развитой промышленностью и социалистическим сельским хозяйством, основанным на машинной технике и передовой науке.

По переписи 1897 года, в Симбирской губернии насчитывалось 1 440 286 наличных душ крестьянского населения, или 93 проц. всего населения губернии, которые имели 1 696 000 десятин надельной земли, или по 1,15 десятины на душу населения. В то же время у помещиков и кулаков, составлявших 0,22 проц. населения губернии, находилось во владении 43,9 проц. земли, что составляло более 300 десятин на душу, или в 261 раз больше, чем у крестьян[2].

Землю крестьяне получили в результате Октябрьской революции, а в результате коллективизации в деревне были созданы крупные социалистические хозяйства.

Вместо 301 532 крестьянских частновладельческих хозяйств Симбирской губернии в 1916 году[3], в 1957 году в Ульяновской области стало 568 колхозов, 77 МТС и 38 совхозов.

В Ульяновской области до реорганизации в МТС и совхозах насчитывалось 10 132 трактора в переводе на 15-сильные, 3026 пятнадцатифутовых комбайнов в МТС и 411 физических комбайнов в совхозах. Оснащение могучей техникой, создание после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) постоянных кадров рабочих МТС позволили провести механизацию основных полевых работ в колхозах области. Так, в 1955 году механизация полевых работ в колхозах области составила:

зяблевая вспашка — 100 проц.;
пахота паров — 100 проц.;
сев яровых — 97 проц.;
сев озимых — 100 проц.;
уборка зерновых комбайнами — 97 проц.;
силосование — 97 проц.[4]

---

[1] Ак. Н. В. Цицин. Всенародный смотр достижений социал. сельск. хоз. изд. «Знание», М., 1954, стр. 5.

[2] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, XXXVIII, Симбирская губерния, С.-Петербург, 1903, стр. 474.

[3] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, вып. I, Европейская Россия, Петроград, 1916, стр. 3.

[4] Ульяновская областная СХВ, 1956 года, Главный павильон.

В этих цифрах ясно видна роль МТС в колхозном производстве. Работа передовых МТС широко была представлена на ВСХВ. На выставке 1954 года демонстрировала свои успехи Ульяновская МТС, внедрявшая передовую агротехнику в колхозах своей зоны.

На выставке 1956 года широким показом представлена Нагаткинская МТС, Богдашкинского района. В 1955 году в колхозах зоны этой МТС получен урожай озимой ржи по 19,1 центнера с гектара на площади 3795 гектаров, овса — по 16 центнеров с гектара на площади 1407 гектаров[1].

Уже с 1954 года Нагаткинская МТС пользовалась заслуженным уважением со стороны колхозов за хорошее качество работ в установленные договором сроки. Решения задач по крутому подъему хозяйства колхозов зоны МТС добивалась, наряду с повышением культуры земледелия, также путем внедрения передовых методов организации труда и, в частности, введением с 1955 года элементов хозяйственного расчета. Раньше в заданиях тракторным бригадам указывались лишь объем работы и в ряде случаев сроки их выполнения, в результате выпадали из внимания качество работ, урожайность, нормы выработки и лимит расхода горючего и смазочных материалов. Это, в свою очередь, вело к простой погоне за гектарами мягкой пахоты без учета качества работ и затрат. Страдал урожай, нерационально расходовались государственные средства. МТС же все равно финансировалась, руководители МТС проявляли иждивенческое спокойствие.

С 1955 года тракторным бригадам, как основной производственной единице, давались производственно-финансовые задания, в которых определяются: личный состав бригады, закрепленные за ней тракторы, комбайны и другие машины и орудия, годовой план тракторных работ с распределением по периодам года, агротехнические мероприятия и урожайность, план сдачи натуроплаты, а также лимиты на расходование нефтепродуктов, запасных частей, материалов и денежных средств.

Проведенные мероприятия повысили материальную заинтересованность работников МТС, позволили улучшить учет и контроль за работой и расходованием средств и материалов и в целом привели к улучшению работ тракторных бригад и МТС. В 1955 году МТС получила прибыль 74,9 тысячи рублей и сэкономила 6317 килограммов горючего. В 1956 году прибыль увеличилась, а экономия горючего составила свыше 11 тонн. В более сжатые сроки были проведены весенний сев, уборка хлебов, скирдование соломы, подъем зяби. Себестоимость гектара мягкой пахоты в 1955 году доведена до 29 руб. 99 коп. против плановой 32 руб. 40 коп., а за 1956 год снижена до 26 руб. 54 коп. Себестоимость центнера натуральной оплаты снижена против плановой почти на 20 рублей.

Введение элементов хозрасчета и круглогодового графика ремонта тракторного парка позволили МТС завершить в 1956 году ремонт тракторов и сельскохозяйственного инвентаря к 5 декабря[2]. Одной из важнейших причин успеха Нагаткинской МТС является забота об улучшении состава и повышении квалификации механизаторских кадров. МТС была укомплектована постоянными квалифицированными кадрами механизаторов. Из 90 трактористов 72 работали на тракторах свыше 5 лет, и что особенно важно, 49 человек из них владели 2—3 профессиями.

---

[1] ВСХВ, Павильон «Поволжье», «Путеводитель». 1956, стр. 14

[2] Использована статья директора Нагаткинской МТС М. Кузьмина. Хозяйственный расчет в МТС. «Ульяновская правда», 12 декабря, 1956 г.

Все 32 комбайнера овладели несколькими специальностями. Это позволяло лучше использовать кадры на протяжении всего года[1].

Лучшему использованию людей и техники содействовали также круглогодовой график ремонта, по которому как текущие, так и капитальные ремонты производятся в зависимости от действительной выработки трактора.

На выставке отражены успехи по растениеводству. Если в 1954 году на выставке были представлены только две сельхозартели: «Красный пахарь», Тагайского ныне Майнского района, и имени Сталина, Вешкаймского района (в последней в 1953 году собрано по 25,6 центнера озимой пшеницы), то в 1955 году участником выставки был целый район. В 1954 году колхозы Богдашкинского района с помощью МТС вырастили по 16,1 центнера проса с гектара на площади 4126 гектаров, а колхоз «Воля» с площади 209 гектаров получил по 21,5 центнера с гектара. По всей области урожай проса в 1954 году превысил средний урожай других зерновых культур на 2,5 центнера. Учитывая тот факт, что доля посевов проса в Ульяновской области составляет более 2 проц. общесоюзных посевов и его высокую урожайность, остановимся на агротехнике возделывания проса. Колхозы Богдашкинского района обеспечивают устойчивую высокую урожайность проса благодаря следующей агротехнике. «Вслед за уборкой озимой ржи, которая является основным предшественником для проса в этом районе, проводилось лущение стерни дисковыми лущильниками. По мере прорастания сорняков, но не позже первой декады сентября, проводилась глубокая вспашка зяби. Весной по мере поспевания почвы зябь пробороновали. До посева проводилась 3-кратная культивация — первая на глубину 9—10 сантиметров, вторая — на 6—7 и третья перед посевом на глубину заделки семян 3—4 см. Сеяли колхозы хорошими протравленными семенами сорта «долинское 86» и «ново-уренское 241» узкорядным, перекрестным, сплошным или широкорядным способами с нормой высева: при узкорядном или перекрестном посеве — 26—28 кг на гектар, сплошном — 20 кг и широкорядном — 16 кг на гектар, сроки сева 25—30 мая. Посевы проса прикатывались; широкорядным посевам был обеспечен механизированный уход с одновременной ручной полкой в рядах. За сплошными посевами уход проводился как за зерновыми культурами»[2].

В повышении урожайности проса в последние годы немалую роль играет химическая прополка, так называемая обработка гербисидами. В то же время этот метод значительно снижает затраты труда. В колхозе «Большевик», Богдашкинского района, без опрыскивания гербисидами и прополки на площади 25 га в 1956 году получен урожай 12,3 центнера с гектара, а при опрыскивании с самолета препаратом 2/4 ДУ в дозе 1,4 кг на гектар без прополки на площади 36 га получен урожай по 14,7 центнера с затратами на возделывание одного центнера проса всего 0,29 трудодня. Если учесть, что в 1955 году на производство одного центнера зерна по области было затрачено 2,77 трудодня[3], то просо и здесь открывает резервы экономии затрат труда.

В 1954 году по области химическим путем был обработан 121 гектар, в 1955 — 600 га, а в 1956 — уже 2681 гектар[4].

В числе прогрессивных методов, позволяющих собрать более высокий урожай зерновых, а особенно проса, является раздельная уборка. Толь-

---

[1] М. Я. Кузьмин. Опыт работы Нагаткинской машинно-тракторной станции, изд-во «Ульяновская правда», 1955, стр. 7.

[2] «Блокнот агитатора», изд. «Ульяновская правда», 1954, № 22, (138), стр. 7—8.

[3] «Ульяновская правда», 4 декабря 1956.

[4] Областная СХВ 1956, Главный павильон.

ко благодаря раздельной уборке многие колхозы сохраняли от потерь 2—3 центнера на гектар.

На выставке 1955 года были представлены не только высокие показатели в зерновом хозяйстве на больших площадях, но и в развитии овощеводства. Благодаря применению передовых методов работы в овощеводстве колхозники колхоза имени Ульянова, Ишеевского района (ныне Ульяновского), собрали с каждого гектара посева по 130 центнеров лука-севка и 6 центнеров лука-чернушки, по 400 центнеров моркови и 4 центнера семян огурцов[1]. Председатель колхоза имени Ульянова 25-тысячник периода коллективизации Г. Прунов на примере своего колхоза доказывает, что овощеводство — доходная отрасль колхозного производства. С 1949 года в этом колхозе стали всерьез заниматься овощеводством. Подобрали под огород плодородный участок целины в пойме реки Бирюч, создали специальную огородную бригаду, во главе которой встал глубоко знающий и любящий свое дело прекрасный организатор колхозник Н. С. Савельев. В 1949 году посеяли овощи на 18 гектарах, из них на 10 гектарах посеяли огурцы на семена. Из бригады создали 3 звена по 10 человек и внутри звеньев ввели индивидуальную сдельщину.

В этот же год от реализации овощей получили доход в сумме 136140 рублей, от продажи огурцов выручили по 10847 рублей с каждого гектара.

В 1955 году площадь огорода увеличилась до 77 гектаров, сбор овощей с гектара составил 350 центнеров, а семян 625 килограммов. Доход от овощеводства достиг 489 тысяч рублей.

Хорошо оплачивается колхозный трудодень. Только за сверхплановую урожайность овощей в 1955 году выдано 648 центнеров овощей и за перевыполнение урожайности овощных семян 43824 рубля деньгами.

В колхозе все время совершенствуются организация труда и агротехника возделывания овощей.

В 1956 году на площади 188 гектаров ввели семипольный овощной травопольный севооборот с участками под каждую культуру по 10 и более гектар, что позволило широко применить машинную технику.

Обработка семенников огурцов проводится на огуречной машине «СОМ-2», лук-чернушка обмолачивается на самоходном комбайне «С-4».

В овощном севообороте колхоза одно поле занято посевом трав, а три — овощными культурами.

Для посева используются только чистосортные и элитные семена.

Все это обеспечивает успехи колхозных овощеводов, высокую доходность их хозяйства.

В 1958 году колхоз участвовал на смотре натуральных экспонатов растениеводства на ВСХВ.

На выставке 1956 года был представлен также колхоз «Родина Ильича», Ульяновского района. В этом колхозе построена теплица на промышленном обогреве. В 1955 году получено помидоров в теплице по 10,2 килограмма с одного квадратного метра на площади 330 квадратных метров.

Издавна славились ульяновские яблоки. Мороз 1941 года погубил многие сады. Последние годы ведется большая работа по восстановлению садоводства в области. Одним из показателей этой работы являются успехи садоводов совхоза «Сельдинский», Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР. Дважды, в 1955 и 1956 году, совхоз был участником ВСХВ. В 1955 году совхоз добился урожая яблок по 77 центнеров с гектара на площади 23 гектара (возраст сада 12 лет),

---

[1] Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1955, «Путеводитель», стр. 125.

урожая вишни — по 46,6 центнера с гектара на площади 10 гектаров. Сохранность молодых неплодоносящих садов на площади 87 гектаров составила 97 проц. В 1955 году себестоимость центнера ягод снижена на 110 рублей против 1954 года[1].

Как известно, земля является главным средством производства в сельском хозяйстве, главным богатством наших колхозов и совхозов. От правильного использования земли во многом зависят успехи работников сельского хозяйства. Одним из моментов правильного использования земли является культивирование наиболее высокоурожайных и высокодоходных культур. Структура посевных площадей с 1950 по 1955 год в колхозах области изменилась следующим образом (в процентах ко всей посевной площади)[2].

	1950 г.	1955 г.
Зерновые и зернобобовые культуры	84,8	75,1
в т. ч. пшеница	26,4	31,3
в т. ч. просо	7,7	11,5
в т. ч. кукуруза	—	7,8
Технические культуры	6,5	7,6
Овощебахчевые и картофель	1,8	2,8
Кормовые культуры	6,9	6,9

Анализ данных показывает, что главное увеличение посевов идет за счет увеличения посевов пшеницы, проса и кукурузы.

Площадь посева кукурузы в 1955 году составила 125 тысяч гектаров. Лучших успехов в выращивании этой ценной культуры добился колхоз «Память Ильича» Чердаклинского района, что дало ему право участия на ВСХВ 1956 года. В 1955 году в колхозе получено початков молочно-восковой спелости по 72 центнера и стеблей по 250 центнеров с гектара на площади 400 гектаров[3]. Поскольку эта культура для области новая, еще не имеется достаточного опыта в агротехнике ее возделывания, при недостатке районированных гибридных семян опыт колхоза «Память Ильича» и «Путь Ленина», Чердаклинского района, представляет особенный интерес. В колхозе «Путь Ленина», получившем в 1954 году по 450 центнеров зеленой массы с каждого из 35 гектаров, высокий урожай кукурузы получен главным образом благодаря соблюдению правил агротехники. Сеяли кукурузу в колхозе по зяби, вспаханной в августе на глубину 20—22 см с полным оборотом пласта и его крошением. В качестве предшественника выбрали однолетние травы. Весной провели раннее боронование зяби и две предпосевных культивации с одновременным боронованием.

Посев проведен квадратно-гнездовым способом с 15 по 25 мая с заделкой семян на глубину 8—10 см, по 3—5 семян в каждое гнездо. При появлении всходов проводилась механизированная обработка — продольная и поперечная культивация с целью борьбы с сорняками и рыхления междурядий.

Используя передовой опыт, колхозы области в 1956 году на площади более 150 тысяч гектаров получили в среднем урожай зеленой массы 67,3 центнера с гектара, а в ряде МТС (Чердаклинской, Моисеевской, имени Володарского) свыше 150 центнеров. Однако урожай был бы значительно лучше, затраты на обработку меньше, если бы все колхозы хорошо соблюдали агротехнику возделывания этой культуры, сеяли бы приспособленными к местным условиям и калиброванными семенами. Из

[1] ВСХВ 1956 г. Павильон Поволжье. «Путеводитель», стр. 15.
[2] Областная СХВ 1956 года. Главный павильон, стенд «Растениеводство».
[3] ВСХВ. Павильон Поволжье, «Путеводитель», 1956, стр. 14.

опыта 1954—56 годов выяснилось, что наиболее ценными в условиях Ульяновской области можно считать сорта «воронежская 76», «стерлинг» и гибрид «буковинский 2». Немаловажное значение имеет механизация и четкая организация уборки урожая кукурузы.

Два года из трех большие массивы кукурузы попадали под мороз и, в значительной мере, потеряли свои питательные качества. Однако неоспоримо, что кукуруза прочно вышла на поля Ульяновской области как важнейшая кормовая культура и уже сыграла значительную роль в деле подъема общественного животноводства. Именно в этих целях, а не на зерно, и следует ее сеять в области, и в соответствии с этой задачей проводить агротехнику возделывания и планировать площади посева.

Богатый опыт получения высоких урожаев зерновых культур имеет участник ВСХВ 1956 года—колхоз имени Ленина, Сурского района. В 1956 году в этом колхозе получен урожай яровой пшеницы по 15,4 центнера с гектара на площади 487 гектаров, гороха — по 23,3 центнера с гектара на площади 65 гектаров, подсолнечника — по 12,2 центнера на площади 75 гектаров. Вместе с тем в 1955 году затраты труда на один центнер зерна здесь снижены в два раза. Сокращение затрат труда достигнуто, главным образом, за счет внедрения комплексной механизации и повышения урожайности.

Колхоз «Красный Октябрь», Карсунского района, на ВСХВ 1958 года показывал опыт возделывания озимой пшеницы сорта «Ульяновка». Эта пшеница не полегает и не осыпается. В исключительно засушливом 1957 году на площади 108 гектаров колхоз собрал по 15,3 центнера озимой пшеницы, вдвое больше, чем озимой ржи. Это обеспечено тем, что колхозники создали все необходимые условия для нормального развития озимой пшеницы: сеяли с 25 августа по 1 сентября узкорядным способом, протравленными сортовыми семенами с нормой высева по полтора центнера на гектар, в зимнее время проводили снегозадержание, а 15—20 апреля делали подкормку: вносили с заделкой под борону 3—4 центнера на гектар золы и по центнеру суперфосфата. Пшеница сорта «ульяновка» высевается сейчас в 25 областях и автономных республиках Советского Союза.

Благодаря принятым мерам и усилиям колхозников в последние годы значительное развитие получило животноводство, выросло поголовье и продуктивность скота. О росте поголовья в колхозах свидетельствуют показатели количества скота на сто га земли сельскохозяйственного пользования по состоянию на 1950 и 1957 годы[1].

	1950 г.	1957 г.
Крупный рогатый скот	4,8	7
в том числе коровы	1,4	3
Свиньи (на 100 га пашни)	3,8	7
Овцы	10,4	14

Одновременно значительно выросли государственные заготовки и закупки продуктов животноводства в колхозах.

В числе важнейших мероприятий по подъему животноводства следует отметить создание прочной кормовой базы, большое строительство животноводческих помещений, улучшение породного состава продуктивного скота, механизацию трудоемных работ на фермах, повышение материальной заинтересованности работников животноводства в результа-

[1] Народное хозяйство Ульяновской области, краткий статистический сборник, Ульяновск, 1958, стр. 71.

(1957 год в % к 1950 году[1])

Наименование продуктов	Госзаготовки и закупки продуктов животноводства
скот	345
молоко	494
шерсть	197
яйца	246

тах своего труда и направление на работу в животноводство коммунистов и комсомольцев.

О роли свиноводства в получении большого количества мяса на 100 га пашни ярко говорит опыт ряда колхозов. Колхоз «Красная Сура», Сурского района, многие годы сильно отставал по производству мяса и особенно свинины. Стоило в 1955 году приняться за свиноводство по-настоящему и только за один год без покупки свиней производство свинины возросло в 3 с лишним раза и составило 23,2 центнера на 100 гектаров пашни, себестоимость свинины снизилась на 407 рублей, или почти вдвое .

Механизация трудоемких работ на фермах — одно из слабых мест в колхозном производстве Ульяновской области, однако и здесь предприняты некоторые меры, содействующие подъему животноводства.

За последние годы все шире используется электроэнергия, применяется автопоение, механическая переработка и подача кормов, вывозка навоза, которые не только значительно облегчают и сокращают труд колхозников, но и уменьшают затраты на производство единицы продукции, а следовательно, и себестоимость продукции. Так, себестоимость одного центнера мяса в живом весе в 1955 году по сравнению с 1954 годом сокращена с 1008 руб. 26 коп. до 904 рубля 39 копеек.

Рост механизации и энергетических мощностей можно видеть из того факта, что в 1956 году в области удельный вес всех механических двигателей составил 95,7 проц., а на долю рабочего скота приходится лишь 4,3 проц. работ в то время как в 1916 г. в России 99,2 проц. работ падало на живое тягло.

Благодаря повышению государственных заготовительных и закупочных цен на продукты животноводства и повышению производительности труда усилилась материальная заинтересованность работников животноводческих ферм.

Среди форм, увеличивших материальную заинтересованность, получили распространение ежемесячное авансирование и организация дополнительной оплаты за высокопроизводительный труд. В 1955 году по инициативе колхоза «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, участника ВСХВ, была установлена дополнительная оплата работникам молочнотоварных ферм. В качестве дополнительной оплаты дояркам и другим работникам ферм зимой выплачивалось 15 и летом 10 проц. стоимости валового надоя молока. За год доярка Потапова получила в порядке дополнительной оплаты 4000 рублей, а доярка Жукова — 4500 рублей. В связи с возрастанием удоев в 1955 году колхозники понизили процент выплаты соответственно до 10 и 7,5 проц. от стоимости валового надоя молока.

Благодаря дополнительной оплате колхозникам и выращиванию

[1] Народное хозяйство Ульяновской области, краткий статистический сборник, Ульяновск, 1958, стр. 123.

высоких урожаев кукурузы колхоз «Путь к коммунизму» увеличил производство молока с 50 центнеров на 100 гектаров в 1953 году до 125 центнеров в 1957 г.

В ряде других колхозов выплачивается по 5 коп. за каждый надоенный по плану литр молока, а за каждый сверхплановый литр — по 10 копеек.

Дополнительная оплата стала важным стимулом повышения продуктивности общественного скота.

В нашей стране стало обычным, что на самых важных и трудных участках в самый ответственный момент встают коммунисты, молодежь. Одной из важнейших мер, решивших подъем в животноводстве области, явилось направление на работу в животноводство коммунистов, комсомольцев и молодежи, укрепление колхозов кадрами специалистов, по животноводству, вступление специалистов в колхозы.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС в области закреплено за МТС для обслуживания колхозов 77 главных зоотехников и 77 старших ветврачей, а также 77 механиков по трудоемким работам в животноводстве. Из 435 зоотехников на 1 января 1956 года 366 являются членами колхозов[1].

За последние два года для работы на фермах были направлены сотни коммунистов, комсомольцев, депутатов местных Советов, членов правлений. Много животноводов за это время вступили в комсомол и в члены КПСС.

Коммунисты выступают не только как организаторы производства, но и как лучшие производственники и организаторы социалистического соревнования. Среди коммунистов-животноводов такие люди, как свинарка колхоза имени Буденного, Карсунского района, Анна Яковлевна Лесникова. Шесть лет она работает на ферме. За 10 месяцев 1956 года А. Я. Лесникова получила 125 деловых поросят от 9 закрепленных за ней свиноматок. 34 закрепленных за ней животных дали по 24 килограмма ежемесячного привеса.

За свой труд знатная свинарка получает хорошее вознаграждение. Уже в 1954 году она выработала 1389 трудодней и получила 173 пуда хлеба и 6945 рублей деньгами. Кроме того, по дополнительной оплате — 232 килограмма свинины.

С 1954 года она — ежегодный участник ВСХВ, награждена одной серебряной и двумя бронзовыми медалями и ценными подарками.

Колхозники избрали ее членом правления артели, а коммунисты послали делегатом на исторический XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Ярким примером подъема животноводства служат передовые колхозы. Колхоз имени Калинина, Радищевского района, начиная с 1954 года — ежегодный участник ВСХВ. В 1954 году колхоз был представлен на выставке за получение 2733 килограммов молока от каждой коровы[2].

В 1955 году удой вырос до 2797 кг молока на каждую из 83 коров.

На 100 гектаров сельскохозяйственных угодий получено 20,5 центнера мяса, 0,6 центнера шерсти, на 100 гектаров пашни по 10,3 центнера свинины[3].

Еще больших успехов добился колхоз в 1955—56 хозяйственном го-

---

[1] ОСХВ, 1956 г., Главный павильон.

[2] ВСХВ, 1954 г. «Путеводитель», стр. 89.

[3] ВСХВ, 1956 г. Павильон «Поволжье». «Путеводитель», стр. 14.

ду: надой молока на одну фуражную корову составил уже 3340 литров, т. е. на 625 литров больше, чем в предшествующем году[1].

По надою молока колхоз занимает первое место в области. Среди передовых доярок колхозов области первые пять мест в социалистическом соревновании занимали доярки из колхоза имени Калинина: Белая М. В. надоила 3600 литров от коровы, Криворот М. П. —3539 литров, Тарасова М. А.—3490 литров, Костромина Е. М.—3485 литров и Владимирова А. М. — 3345 литров[2].

Многолетние успехи калининских животноводов — результат самоотверженного умелого труда колхозников и руководителя колхоза тов. Синяка И. Т.

Этот вывод становится еще более ясным, когда учитываешь ничем не выделяющиеся, даже не совсем благоприятные природные условия колхоза.

Из 2003 гектаров земли, закрепленных за колхозом, 1053 гектара пашни, 632 гектара пастбищ, 63 гектара леса и... полное отсутствие естественных сенокосов. Однако в колхозе и в этих условиях корма заготовляются по потребности. Достигается это главным образом за счет сеяных трав и кукурузы. За последние годы накоплен опыт по выращиванию люцерны на сено и семена.

Кормовой свеклы сорта «энкендорфдская» колхоз собирает по 200 — 220 центнеров с гектара.

В результате забот колхозников о кормовой базе ежегодно общественное животноводство на фермах и скот колхозников, находящийся в личной собственности, вполне обеспечиваются необходимыми кормами. Одно из важных условий этого — сохранение травопольных севооборотов в колхозе.

Все животноводческие фермы колхоза стали племенными. Ферма крупного рогатого скота бестужевской породы — лучшая в области. На ферме ведется плановая работа по совершенствованию продуктивных качеств бестужевской породы. Ежегодно проводится бонитировка скота научными работниками. Бык Богатырь рождения 1947 года класса элита записан в государственную племенную книгу. Племенная работа не только обеспечивает высокую продуктивность скота своего колхоза, но и позволяет продавать ежегодно через государственную племзаготживконтору 30—40 штук молодняка класса элита и первого класса колхозам области.

Скоту в колхозе обеспечена не только сытная, но и теплая зимовка. Молочный скот помещается в светлом просторном добротном коровнике.

В повышении продуктивности молочного скота, создании коров высокой племенной ценности решающая роль принадлежит колхозным дояркам. Именно они обеспечивают правильное кормление, умелое содержание и раздой коров. Много внимания уделяют доярки уходу за стельными коровами и их кормлению. После отела концентрированные и сочные корма задаются в зависимости от размеров суточного удоя, а раздойные коровы находятся на индивидуальном кормлении. Раздой коров начат в колхозе с 1947 года.

Самоотверженный труд животноводов колхоза им. Калинина неоднократно отмечался наградами и премиями ВСХВ, а в октябре 1956 года председатель колхоза И. Т. Синяк и доярки А. М. Владимирова, Е. М. Костромитина и М. П. Криворот награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1956 году колхоз добился еще более высоких показателей и вновь был участником ВСХВ 1957

---

[1] Показатели социалистического соревнования колхозов и совхозов Ульяновской области по повышению продуктивности скота на 1 октября 1956 г., стр. 13,

[2] Показатели социалистического соревнования, стр. 16.

года за надой молока от 83 коров по 3340 литров, за настриг шерсти на 100 га пашни, лугов и пастбищ по 67 кг и настриг шерсти на одну голову 630 полугрубошерстных овец по 3,8 килограмма, а также за снятие с откорма на 100 га пашни 22 центнера свиней в живом весе.

За успехи в животноводстве на ВСХВ 1955 года был представлен колхоз им. Буденного, Карсунского района, свиноводы которого в 1954 году получили по 19,4 центнера свинины на 100 гектаров пашни. В последующие годы животноводы колхоза трудились лучше и добились более высоких показателей. В 1955—56 хозяйственном году снято с откорма по 27,1 центнера свиней в живом весе на 100 га пашни, откормлено и сдано государству 626 голов свиней общим весом 500 центнеров. Доход от каждой свиноматки составил 6250 рублей. А ведь только в 1951 году в колхозе было откормлено всего 30 голов свиней, или 1,8 центнера свинины на каждые 100 гектаров пахотной земли, а доход от свиноводства чуть превысил 10000 рублей. Выходит, что за пять лет колхоз увеличил производство свинины в 15 раз, а доходы от свиноводства в 50 раз.

Вместе с тем в колхозе достигнуты большие успехи по надою молока (от каждой из 135 коров надоено по 2205 литров) и по настригу шерсти. Пример колхоза им. Буденного показывает, что развитие свиноводства в условиях нашей области — лучший способ быстрого повышения производства мяса.

Очень коротко опыт работы колхоза заключается в следующем[1]. Партийная организация и правление колхоза укрепили свиноводческую ферму постоянными квалифицированными работниками.

Такие свинарки, как Яшина Х. С., Гаранина Н. Н., Лесникова А. Я., Гришина Н. В., Храмова П. П., Савинова К. И., Никитина М. И., Шилдаева Л. М. и другие добились почетного звания «мастеров сельского хозяйства» и неоднократно были участниками Всесоюзной, областной и районной сельскохозяйственных выставок. За свой труд они получают в год по 15—17 тысяч рублей каждая.

В колхозе нет достаточного количества концентратов, эта трудность преодолевается путем замены их корнеклубнеплодами, силосом, люцерновым сеном, вико-овсяной смесью, мякиной, бахчевыми отходами и т. п. Установлено, что посев корнеклубнеплодов более выгоден для откорма свиней. Один гектар моркови позволяет откормить 6 свиней по 200 кг, а один гектар зерновых — лишь две свиньи.

Свиноферма укомплектована свиноматками крупной белой породы, которые скрещиваются с хряками ливенской породы.

Молодняк в раннем возрасте, с 10—12 дней, приучают к разнообразным кормам.

В колхозе производится круглогодовой откорм свиней. Как показал опыт, наиболее выгодным оказался мясной и жирный откорм.

На мясной откорм в колхозе ставится молодняк 4 месяцев с живым весом 35—40 кг, а на жирный — в возрасте 5—6 месяцев с живым весом 60—70 кг. Откорм длится по три месяца, из которых в первые полтора месяца животные получают преимущественно сочные объемистые корма, а в остальное время увеличивается выдача концентратов.

В летнее время наряду с подкормкой широко используются зеленые корма и практикуется пастьба животных. Кормят животных по расписанию, по строго установленному рациону. При таком откорме привес свиней составляет 700—900 граммов в день, и к концу откорма живой вес каждой свиньи при мясном откорме составляет 80—90 кг, а при жирном — 120—130 килограммов.

---

[1] Использованы статьи и выступления председателя артели Н. Ф. Гаранина.

Какие резервы открывает опыт колхоза им. Буденного показала экономическая конференция Карсунского района. Подсчитано, что если бы в 1954—55 хозяйственном году район достиг по развитию свиноводства уровня колхоза им. Буденного, то получил бы дополнительно 11786 центнеров свинины.

В последнее время опыт колхоза им. Буденного все более успешно внедряется в практику колхозов области и в первую очередь в колхозах Карсунского района. Если по области затраты на производство одного центнера свинины составляли в среднем 106,5 трудодня, то в колхозах зоны Карсунской МТС лишь 59 трудодней.

В 1955—56 хозяйственном году по зоне МТС снято с откорма свиней в живом весе по 9,3 центнера на каждые 100 га пашни, а в колхозе им. Чкалова снято с откорма 564 головы свиней общим живым весом 506 центнеров, или 14,2 гектара на каждые 100 гектаров пашни[1].

Больших успехов в развитии свиноводства достиг участник ВСХВ 1958 г. колхоз «Красная Сура», Сурского района.

В распространении передового опыта все большее и большее значение приобретает практика совхозов — последовательно социалистических хозяйств, с лучшей организацией труда с более высокой товарностью и рентабельностью.

Примером может служить неоднократный участник ВСХВ — совхоз «Чердаклинский». За последние пять лет с площади 425 гектаров совхоз собрал в среднем по 193 центнера картофеля с каждого гектара.

Только за три года поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 470 до 635 голов, а свиней с 464 до 1295 голов. Надои молока составляют здесь около 3000 килограммов в среднем на каждую корову.

Если высшие показатели колхозных доярок В. М. Белой и М. П. Криворот в 1956 году составляли 3600 и 3539 литров на корову, то высшие показатели совхозных доярок А. К. Павлушкиной и Е. Г. Захаровой — 5013 и 4975 килограммов от каждой коровы.

Такое большое превышение удоев должно привлечь к себе внимание колхозов и колхозных животноводов к опыту совхозов и совхозных животноводов — участников ВСХВ.

На стенде в павильоне ВСХВ «Колхозный Дом культуры» рассказывается, как колхозники колхоза «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, по постановлению общего собрания построили Дом сельскохозяйственной культуры и организовали в нем плодотворную работу.

Дом сельскохозяйственной культуры оборудован мебелью, в нем организована лаборатория, имеется много наглядных и учебных пособий, а также экспонатов с колхозных полей.

В Доме сельскохозяйственной культуры ведется разносторонняя работа. Наибольший эффект дало обучение колхозников прогрессивным методам ведения хозяйства на 3-летних агротехнических курсах, которыми руководит заведующая Домом сельскохозяйственной культуры зоотехник колхоза А. С. Воронкова.

Агротехническая и зоотехническая учеба тесно связана с практикой колхозного хозяйства. В 1954 году слушатели курсов вывезли на поля 600 тонн навоза, 66 центнеров золы и 1408 центнеров различных минеральных удобрений. На опытном участке озимой ржи в 11 гектаров слушатели курсов получили урожай по 26,38 центнера с каждого гектара.

В 1954 году слушатели курсов провели 393 лабораторных анализа по растениеводству и животноводству. Теперь колхозники самостоятельно

---

[1] Участнику областного совещания работников свиноводческих колхозов и совхозов, Ульяновской области, 1956, стр. 3.

проводят в бригадах анализ семян и почвы, ведут наблюдения за сохранением озимых посевов в зимнее время, самостоятельно пользуются микроскопом и рядом других приборов. К 1955 году в Доме сельскохозяйственной культуры подготовлено 38 мастеров сельского хозяйства первого разряда.

«Мастера сельского хозяйства, — пишет председатель артели Д. Инкин, — в 1954 году внедрили на колхозных полях глубокую вспашку на площади 780 гектаров, узкорядный сев озимой пшеницы, овса, проса и канатника на площади 1087 гектаров посева и посадку квадратно-гнездовым способом — кукурузы и подсолнечника на площади 142 гектара и картофеля — 73 гектара»[1].

Освоен опыт выращивания кукурузы. В 1956 году на площади 170 гектаров получен урожай силосной массы по 350 центнеров с гектара.

Дом сельскохозяйственной культуры проводит опыты по выращиванию кормовых культур, в колхозе добились выращивания суданской травы по 250, а сорго по 350 центнеров зеленой массы с гектара. Слушатели курсов при Доме сельскохозяйственной культуры многое сделали по подъему общественного животноводства. Уже в 1953—54 хозяйственном году они добились надоя в среднем по 2045 килограммов от каждой из 155 коров, а в 1955—56 году по 2936 литров от каждой из 209 коров, или 110 центнеров молока на каждые 100 га пашни, лугов и пастбищ, добились настрига шерсти со 100 га лугов и пастбищ по 60 килограммов. За высокие показатели в повышении продуктивности колхозного животноводства зоотехник колхоза «Путь к коммунизму» Воронкова А. С., доярки Боброва А. Г., Жукова А. Г. и Потапова А. П. награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР.

Передовой опыт доярок колхоза «Путь к коммунизму» широко используется в Астрадамовском районе, где с 1 октября 1955 г. по 1 октября 1956 г. надоено по 1897 кг от каждой коровы.

В колхозе прекрасная племенная конеферма, которой более четверти века бессменно руководит колхозник Галков А. И. — участник ВСХВ 1954 и 1955 годов.

Многоотраслевое доходное хозяйство артели позволяет вести большое культурное строительство. В колхозе 2 клуба, Дом сельскохозяйственной культуры, библиотека, 5 детских яслей и другие культурно-бытовые учреждения.

На опыте колхозников колхоза «Путь к коммунизму», Астрадамовского района, мы убеждаемся в глубокой правоте слов И. В. Мичурина: «В лице колхозника история земледелия всех времен и народов имеет совершенно новую фигуру земледельца, вступившего в борьбу со стихиями с чудесным техническим вооружением, воздействующего на природу со взглядами преобразователя»[2].

На всесоюзных сельскохозяйственных выставках широко представлены достижения Ново-Уренской научно-опытной станции.

Уже на выставке 1939 года отмечалась работа станции по выведению высокоурожайного сорта проса. На выставке 1955 года отражены достижения селекционной станции по выведению новых сортов и внедрению достижений науки в производство.

Среди вновь выведенных сортов выделяются озимая пшеница «ульяновка», просо «н.-уренское», подсолнечник «ново-уренский 22» и кукурузный гибрид «ново-уренский I»[3].

---

[1] «Блокнот агитатора», изд. «Ульяновская правда», 1955, № 9, стр. 4.

[2] Мичурин. Сочинения, т. I, стр. 477.

[3] Все данные по Н.-Уренской станции взяты на ОСХВ 1956 года. Главный павильон, стенд «Н.-Уренская опытная станция».

Озимая пшеница «ульяновка» за 7 лет дала на станции средний урожай 24 центнера, районируется в Ульяновской, Горьковской и Арзамасской областях, в Татарской и Башкирской автономных республиках. В 1954 году только в Ульяновской области этих сортов было засеяно 51 тысяча гектаров. Выведена «ульяновка» селекционером Киселевым Д. А. методом индивидуального отбора из местных белоколосых сортов озимой пшеницы с последующим межсортовым скрещиванием и индивидуальным отбором при выращивании на высоком агротехническом фоне.

Просо «ново-уренское 241» со средним урожаем на станции за 4 года (1951—1954 гг.) — 30,6 центнера, хотя и районировано в Ульяновской области, но вытесняется сортами «долинское 86» и «долинское 86 и 83».

Подсолнечник «ново-уренский 22» отличается большим содержанием жира. В абсолютно сухих семенах содержится 30,6 проц. жира, сбор масла с 1 гектара составляет 5,2 центнера.

В связи с ростом посевов кукурузы большое значение приобретает выведенный в 1951 году гибрид кукурузы («безенчукская-41», «чахинская жемчужина-гибрид н.-уренский 1»). Урожайность гибрида до 40 центнеров зерна с гектара при небольшой зеленой массе.

Сейчас ведется работа по гибридизации сорта «ново-уренский 1» с сортом «горец ранний», имеющим больше зеленой массы, но длительный вегетационный период. Без выведения и внедрения гибридных семян кукурузы посев кукурузы на зерно в пределах области, как показал 3-летний опыт колхозов и совхозов, не имеет смысла.

Внедрение достижений науки в производство ведется главным образом по следующим проблемам: химическая обработка проса, применение опыта Мальцева в условиях Ульяновской области, применение органо-минеральных смесей и другие.

Опыт Мальцева в условиях Ульяновской области получил довольно широкое применение: в 1954 году по методу Мальцева было вспахано 5 тысяч гектаров, в 1955 году—34,2 тысячи, а в 1956 году—уже 94,4 тысячи гектаров, т. е. в 19 раз больше, чем в 1954 году. Творческое применение этого метода дает хорошие результаты. Например, в колхозе им. Ульянова, Ульяновского района, в 1956 году на 60 гектарах безотвальной вспашки пара получен урожай пшеницы 19 центнеров, а при обычной вспашке на 60 гектарах примерно одинаковой земли — только 13 центнеров[1].

В условиях Ульяновской области специалисты Ново-Уренской опытной станции рекомендуют проводить вспашку по методу Мальцева не в июне, а осенью или весной, что способствует лучшему сохранению влаги и питательных веществ, а также лучшему уничтожению сорняков.

Сотрудники Анненковской опытной станции животноводства считают, что безотвальная глубокая вспашка возможна только при паровой обработке, а глубокая вспашка под зябь, получившая кое-где распространение, является извращением метода Мальцева и ведет к колоссальному росту засоренности и снижению урожайности всех сельскохозяйственных культур.

Опытная работа Ново-Уренской опытной станции и Ульяновского сельхозинститута в сочетании с колхозно-совхозной практикой с каждым годом оказывают все большее и большее влияние на развитие и подъем сельского хозяйства области.

Опыт передовиков Ульяновской области — участников ВСХВ 1954 —1958 годов говорит о серьезных успехах тружеников сельского хозяй-

---

[1] ВСХВ 1956 года. Главный павильон, стенд «Ново-Уренская опытная станция».

ства в развитии и подъеме земледелия, животноводства и сельскохозяйственной науки.

ВСХВ является государственным центром обобщения и обмена опытом.

Условия для участия на выставке служат показателями, вокруг которых широко развертывается социалистическое соревнование за право участия на выставке, за выполнение планов, намеченных партией и правительством.

Воодушевленные решениями XX съезда КПСС, раскрывшими перед тружениками села перспективы дальнейшего развития сельского хозяйства, работники МТС, колхозов и совхозов Ульяновской области по примеру воронежцев развернули социалистическое соревнование и добились немалых успехов, особенно в развитии животноводства. По сравнению с дореволюционной товарность зерна по области увеличилась более, чем в 2,5 раза. Колхозы и МТС области увеличили производство молока за год на 25,5 тысячи тонн и получили на 100 гектаров пашни, лугов и пастбищ по 41,2 центнера — в полтора раза больше, чем в 1954—55 году. За последние пять лет с 1953 г. количество коров в колхозах и совхозах увеличилось на 60 проц. Производство молока в колхозах возросло в 2,9 раза, мяса — в 1,5 раза. За 10 месяцев 1958 года по сравнению с тем же периодом 1957 года удой от одной фуражной коровы вырос на 650 килограммов.

В 1957 году произведено молока в нашей области на душу населения 342 кг, а в США — 343.

Объективные условия для развития творческой инициативы широких масс колхозников, работников совхозов, механизаторов, специалистов сельского хозяйства и крутого подъема сельскохозяйственного производства созданы историческими решениями XX съезда КПСС и постановлениями партии и правительства по сельскому хозяйству. Такими условиями явились: новый порядок планирования в колхозах, повышение заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, изменения в Уставе сельскохозяйственной артели в соответствии с изменениями практики ведения колхозного хозяйства, повышение материальной заинтересованности колхозов и колхозников, повышение ответственности колхозников и работников сельского хозяйства за судьбу общественного хозяйства, комплексная механизация основных отраслей сельскохозяйственного производства и другие. Исключительно важное значение для развития колхозного строя и сельскохозяйственного производства имеют реорганизация машинно-тракторных станций и введение нового порядка заготовок сельскохозяйственных продуктов. Использование всех этих объективных условий зависит от уровня партийного руководства, общих усилий партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, сельскохозяйственных органов и всех трудящихся.

После решений XX съезда КПСС, как никогда ранее, развернулось социалистическое соревнование, приобретая все новые и новые формы, играя все более мобилизующую роль.

Партийные организации, советские и сельскохозяйственные органы возглавили соревнование тружеников сельского хозяйства области и направляют их усилия на досрочное выполнение задач, поставленных XX съездом КПСС по подъему сельского хозяйства. Опыт передовиков сельского хозяйства — участников ВСХВ служит для всех работников сельского хозяйства области поучительным и вдохновляющим примером.

Освоение опыта работы передовиков сельского хозяйства — одно из условий выполнения задачи догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

Б. Д. Никольский

ДОЯРКА А. К. ПАВЛУШКИНА

Четверть века тому назад, в годы социалистического преобразования сельского хозяйства (в августе месяце 1931 года), Анна Константиновна Павлушкина пришла на молочную ферму Мулловского совхоза, Мелекесского района, и стала работать дояркой.

Это были годы организации крупных животноводческих совхозов и колхозно-товарных ферм, призванных стать основной базой развития общественного животноводства.

А. К. Павлушкина много и плодотворно потрудилась, добиваясь ежегодного повышения продуктивности коров. В 1938 г. А. К. Павлушкина получила от каждой коровы по 2619 кг молока и завоевала право быть участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. В следующем году доярка надоила по 3200 кг молока от каждой коровы. Ее утвердили участницей выставки 1940 г. В 1939 г. А. К. Павлушкина была занесена в Книгу почета ВСХВ, в 1940 г. — награждена Малой Серебряной медалью.

В послевоенные годы А. К. Павлушкина добивается еще большей продуктивности коров. На каждую из десяти закрепленных за ней коров она получила молока: в 1950 г. — 3612 кг; в 1951 г. — 3839 кг; в 1952 г. — 4294 кг; в 1953 г.—4739 кг. В социалистическом соревновании доярок колхозов и совхозов Ульяновской области за 1953 год А. К. Павлушкина заняла первое место.

За самоотверженную работу по систематическому повышению продуктивности животноводства и высокие надои молока в 1952—1953 гг. доярка А. К. Павлушкина была утверждена участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1954 г. и удостоена высшей награды ВСХВ— Большой Золотой медали.

Известно, что перед тружениками сельского хозяйства Советской страны поставлена исключительно важная задача—на основе достижений науки и передового опыта получить от животноводства такое количество продукции, которое могло бы полностью удовлетворить население нашей страны продовольствием, а промышленность сырьем. Вместе с тем получаемая продукция животноводства должна быть высокого качества и дешевой по себестоимости производства; она должна из года в год возрастать в соответствии с бурным развитием всех остальных отраслей народного хозяйства.

Такие задачи могут быть выполнены лишь при условии обладания самыми высокопродуктивными животными. Необходимо, чтобы как племенные, так и пользовательные стада непрерывно совершенствовались по продуктивности.

Советские ученые и передовики сельского хозяйства совместной работой добились за последнее время выдающихся результатов в совершенствовании продуктивных качеств молочного скота.

В этом отношении показательны результаты работы доярки Анны

Константиновны Павлушкиной. Достижения А. К. Павлушкиной — результат многолетнего упорного труда.

Так, с 1946 года доярка А. К. Павлушкина берет на раздой нетелей и ведет работу по выращиванию из них высокопродуктивных коров. Как известно, с коровами первого отела работать намного труднее, к тому же еще и не известно, сколько молока может дать каждая из молодых коров-первотелок при раздое.

Такой путь был избран А. К. Павлушкиной по собственной инициативе.

Коровы — воспитанницы А. К. Павлушкиной оправдали прилежный труд доярки. Например, корова Колыбель дала 5342 кг молока после пятого отела, а корова Касатка — 5522 кг после второго отела.

Проделанная дояркой А. К. Павлушкиной работа по воспитанию из нетелей высокоудойных коров имела большое практическое значение для совхозного стада. Эта работа показала, какими возможностями по увеличению годовых надоев молока располагает совхозная ферма молочного скота.

Рост надоев молока по совхозу и по группе коров, закрепленных за дояркой А. К. Павлушкиной, виден из таблицы 1.

Таблица 1

Годы	Надой молока на одну фуражную корову совхоза	Надой молока на одну корову, закрепленную за дояркой А. К. Павлушкиной
1940	2188	3000
1941	2613	3573
1950	2750	3612
1951	3128	3839
1952	3495	4294
1953	3535	4739
1954	3467	4209
1955	3000	4263
1956	3000	5013

В 1954 году лето в левобережных районах Поволжья было засушливым. Недобор кормов в совхозе значительно ухудшил условия кормления продуктивного стада. Однако и в этих условиях А. К. Павлушкина надоила свыше 4200 кг молока в среднем от каждой коровы.

Борьбу за повышение продуктивности молочного скота ведут все работники Мулловского совхоза. В хозяйстве за последние десять лет проводится ряд важнейших мероприятий для выполнения поставленных задач по развитию животноводства.

Первостепенное значение занимают: создание прочной кормовой базы, обеспечение строительства животноводческих помещений, увеличение поголовья племенного скота и улучшение его породных качеств.

В совхозе своевременно ремонтируют к зиме все животноводческие помещения. Заготовку кормов проводят в лучшие сроки. С некоторых участков скашивают по два укоса сена. Все кормовые запасы своевременно берутся на учет и распределяются по фермам. Большую часть грубых кормов до начала зимовки подвозят к фермам. Составляется помесячный план расходования кормов. Молочному скоту в зимний период содержания скармливают следующие корма: сено из однолетних и многолетних сеяных трав, солому яровую, овсяную муку, частично жмыхи и другие виды концентратов, силос, корнеплоды, картофель; большое место в кормлении коров занимает барда.

Средний рацион для коров на зимовку 1955—1956 гг. был установлен следующий:

сено многолетних трав	4 кг
солома яровая	4 кг
мука фуражная	2,5 кг
силос кукурузный, подсолнечный	20 кг
барда	80 кг
соль	0,1 кг
мел	0,2

В летний период содержания молочный скот пасется на посевах различных кормовых растений. Из них организован зеленый конвейер, который дает возможность бесперебойно получать в течение пастбищного периода зеленый корм. Культуры зеленого конвейера используются в следующей очередности: озимая рожь—с 6 по 25 мая, многолетние травы прошлых лет—с 25 мая по 5 июня, вико-овсяная смесь первого срока посева — с 5 по 20 июня, вико-овсяная смесь второго срока посева — с 20 июня по 10 июля, суданка первого срока посева — с 11 июля по 1 августа, суданка второго срока посева — с 2 по 22 августа, отава суданки — с 23 августа по 1 октября, корнеплоды — с 1 по 25 октября и озимая рожь — с 25 октября по 15 ноября.

Летом в 1955 году на выпас использовалась кукуруза, которая дала возможность увеличить надои молока в сравнении с прошлым годом.

Таблица 2

Месяцы	1954 г.	1955 г.
	в среднем на фуражн. корову в кг	
Июль	324	330
Август	221	301
Сентябрь	199	325

Скармливание зеленой массы кукурузы производилось при пастьбе «из-под ноги» и в подкошенном виде из кормушек.

Главное в работе А. К. Павлушкиной—внимательное отношение к животным, хороший уход за ними.

Она следила за тем, чтобы коровы были сыты и вовремя напоены. Большое внимание доярка уделяла скармливанию суточной дачи кормов без потерь. При скармливании кормов А. К. Павлушкина учитывала возраст, живой вес и продуктивность каждого животного.

На ферме установлен строгий распорядок дня, который доярка точно соблюдала.

В условиях зимнего содержания утренняя дойка начинается с 4 час. утра и продолжается 2 часа. К 6 часам утра коровам задают грубые корма: сено или солому, затем коров выпускают в загон около скотного двора на прогулку. В 12 часов дня производится вторая дойка, после которой в кормушки коровам наливают барду. Кроме этого, коров поят бардой во время прогулки непосредственно у сливных бардяных ям. Водопоение вволю. Перед третьей дойкой, которая производится в 7 часов вечера, коровам задают грубые корма и концентраты, на ночь — сено и силос.

В пастбищный период устанавливается особый распорядок дня (таблица 3) с введением ночной пастьбы.

Таблица 3.

	Начало работы (часы)	Конец работы (часы)	Продолжит. работы в час.
Пастьба коров по загонной системе	4	9	5
Дойка	9	11	2
Водопой и пойка бардой	11	12	1
Перерыв	12	15	3
Дойка	15	17	2
Водопой и пойка бардой	17	18	1
Пастьба коров по загонной системе	18	23	5
Дойка	23	1	2
Отдых	1	4	3

Практика работы доярки А. К. Павлушкиной показывает, что коров следует раздаивать на протяжении всей лактации, стремясь получить наибольшее количество молока за каждый дойный день.

Подготовку к раздою доярка начинала с запуска коров. При этом она уделяла большое внимание каждому животному. Из-за неумелого запуска и невнимательного ухода за коровой в сухостойный период рождается слабый теленок и резко снижается молочная продуктивность коровы в последующей лактации.

Запуск стельных коров А. К. Павлушкина производила за 1,5—2 месяца до отела. Подготовка к запуску продолжается от двух до трех недель. На запуск уходит 7—10 дней в зависимости от суточного удоя коровы. Решая вопрос о продолжительности запуска, доярка учитывала индивидуальные особенности каждой коровы. При таком подходе доярка предупреждала возникновение различных заболеваний, в том числе маститов вымени. Это имеет большое значение, так как только корова со здоровым, нормальным выменем способна дать хорошие удои молока.

Зимой при переводе коров на сухостой доярка исключала из рациона молочные корма (концентраты, сочные, особенно барду), ограничивала дачу коровам воды; в пастбищный период она давала коровам меньше зеленого корма, концентратов, воды, исключала из рациона барду, а отдельных коров переводила на сенной рацион. При прекращении выделения молока доярка постепенно увеличивала суточную дачу кормов, ежедневно проверяла состояние вымени.

Правильным уходом за коровами, содержанием и кормлением их при подготовке к отелу А. К. Павлушкина добивалась, чтобы каждая корова имела хорошую упитанность. От хорошо подготовленной к отелу коровы родится крепкий, здоровый теленок, после отела такая корова легко раздаивается и дает высокие удои молока.

Отдельную работу при подготовке к отелу доярка вела с нетелями. С момента установления стельности нетелей А. К. Павлушкина делала массаж вымени и приучала их к приемам дойки. К началу лактации первотелки имеют хорошо развитое вымя и с первого дня после отела спокойно ведут себя при дойке.

За 7—10 дней до отела А. К. Павлушкина переводила коров в родильное отделение, снижала количество кормов в рационе. Хорошо упитанным коровам она прекращала дачу концентратов и сочных кормов. Если вымя наполнялось молоком, сдаивала его во избежание мастита.

Через 2 часа после отела доярка давала корове воду и хорошее сено, после чего производила первую дойку. В первые дни после отела доярка понемногу добавляла к сену концентраты, ежедневно увеличивала

количество корма и через 10—15 дней, в зависимости от состояния коровы, переводила ее на полный рацион.

Дойку коров А. К. Павлушкина производила своевременно и в определенном порядке.

Перед дойкой она чистила коров,а затем мыла и тщательно вытирала вымя. Перед выдаиванием делала легкий массаж всех долей вымени, сначала выдаивала молоко из задних долей, а затем — из передних. После этого доярка производила вторичный глубокий массаж и начисто выдаивала молоко из каждой доли вымени. Тщательное додаивание — одно из важных средств повышения жирности молока. Дойку коров А. К. Павлушкина производила кулаком, свободно, не утомляя ни себя, ни корову.

Мулловский совхоз—один из лучших в области по надою молока.

За последние годы в совхозе создается племенное стадо крупного рогатого скота бестужевской породы.

Племенная работа со стадом направлена на повышение молочной продуктивности (удоев и жирности молока), увеличение живого веса и на улучшение экстерьера животных.

На совхозной племенной ферме за десятилетний период работы создано племенное ядро из 100 коров, что составляет наиболее ценный фонд стада (таблица 4).

Таблица 4.

Кличка коровы	Ушной №	Наивысшая продуктивность				Класс по бонитировке
		год	лактация по счету	удой за 300 дней	% жира	
Журия	769	1953	7	4920	3,8	Элита
Греза	827	1953	6	5031	3,8	Элита
Звонкая	818	1954	5	4083	3,8	Элита
Картина	1007	1953	6	4792	3,7	Элита
Лента	1110	1952	3	5335	3,87	Элита-рекорд
Балерина	530	1954	4	5210	3,8	Элита-рекорд
Былина	588	1952	2	4085	3,8	Элита
Боярка	0103	1954	2	4770	3,8	Элита
Дубрава	234	1953	2	4421	3,8	Элита
Ботва	1013	1953	4	4592	3,9	Элита
Акула	928	1953	4	4423	3,8	Элита
Бочка	865	1953	5	4080	3,8	Элита
Колыбель	620	1953	7	4378	3,8	Элита
Касатка	075	1953	2	5183	3,8	Элита-рекорд

В дело выявления продуктивности лучших коров много труда вложила доярка А. К. Павлушкина; из числа названных в таблице № 4 коровы Журия, Балерина, Былина, Колыбель, Касатка являются воспитанницами А. К. Павлушкиной.

Показатели продуктивности лучших коров определяют возможности совхоза на пути увеличения годовых надоев молока.

В комплексе мероприятий по созданию и совершенствованию высокопродуктивного стада с надоями молока ориентировочно до 4500—5000 кг молока на корову, огромное значение имеет правильное выращивание молодняка.

Выполняя правила кормления, содержания коров и ухода за ними,

совхозные животноводы хорошо справляются с задачами воспроизводства молочного стада.

Молодняк хорошо воспитывается. В молочный период телятам выпаивается 350 литров цельного молока и 900 литров обезжиренного молока. Среднесуточные привесы телят в лучших группах достигают 900 граммов.

В совхозе строятся новые помещения для животных и принимаются меры к механизации трудоемких работ на фермах.

Ведется работа по созданию еще более прочной кормовой базы. С расширением посевов кукурузы молочный скот будет вдоволь обеспечен сочными кормами и концентратами в виде засилосованных початков. Это позволит еще больше увеличить продуктивность коров.

Вместе с дояркой А. К. Павлушкиной самоотверженно трудились и другие доярки Мулловского совхоза.

В результате социалистического соревнования за высокий годовой надой молока на каждую фуражную корову, высоких показателей добились доярки: Алешина К. К., Гиматова Р. Н., Глебова Е. А., Данилова А. Л., Долгова М. Н., Долгова Т. П., Клюшкина А. И., Сарв Е. А., Сарв М. А., Половинкина К. И., Серова К. Н., Тихонова П. А. Они являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Доярка А. К. Павлушкина активно участвовала в общественной и партийной работе, избиралась в состав Ульяновского обкома КПСС.

Опыт работы доярки А. К. Павлушкиной широко пропагандировался в областной печати и на сельскохозяйственных выставках в районе и области.

В социалистическом соревновании за получение высоких надоев молока доярка А. К. Павлушкина завоевала областное первенство, надоив по 5013 килограммов молока на корову за 1955—1956 хозяйственный год.

С осени 1956 года доярка А. К. Павлушкина стала пенсионеркой. На ее рабочее место встала ученица—молодая доярка Нина Павловна Покатаева.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

К. А. Кабанов

ОБ ИНТЕРЕСНЫХ ОБЪЕКТАХ ПАЛЕОНТОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ископаемые организмы, изучением, которых занимается палеонтология, являются теми «документами», по которым мы познаем развитие органического мира с древнейших времен, знакомимся с палеогеографией, климатом и другими физико-географическими условиями, существовавшими в различные этапы геологического времени. Изучая развитие организмов в прошлом, мы можем более правильно познать законы эволюции в современном органическом мире.

Постоянная сменяемость организмов и неповторяемость их обуславливает содержание определенного комплекса фауны и флоры в каждом отдельном слое. Таким образом, по содержащимся в тех или иных пластах органическим остаткам можно точно определить геологический возраст вмещающих их пород. Благодаря этому, палеонтология приобретает весьма важное практическое значение при изучении строения осадочных пород. Все отрасли геологии пользуются ее услугами. Отсюда видно, какое важное значение имеет палеонтология для развития народного хозяйства.

В земных пластах, относящихся к началу современного нам геологического периода — четвертичного, кости ископаемых позвоночных животных обычно находятся в совместном захоронении с костными остатками первобытного человека и его орудиями производства. Таким образом, здесь палеонтология переплетается с археологией и способствует изучению первых этапов жизни человека, помогая восстановить природные условия времен глубокой древности.

Важное значение палеонтологии заключается также и в том, что данные о непрерывном изменении органического мира, происходившем в течение длительного периода времени, с очевидностью опровергают религиозные представления о неизменности живых организмов, первоначально созданных высшим божественным началом. Палеонтология помогает понять совершавшиеся и совершающиеся в развитии органического мира процессы с реальной, материалистической точки зрения.

Объекты палеонтологии заключены преимущественно в уплотненных осадках, образовавшихся на дне морских и озерных водоемов. На территории Ульяновской области осадочные породы, содержащие окаменелости, составляют толщу мощностью около 1500 метров. В основании ее залегают пласты девонского периода палеозойской эры. Наиболее удобные для исследования ископаемой фауны и флоры пласты, которые выходят на поверхность в том или ином пункте области, относятся к мезозойской и койнозойской эрам геологической истории нашей планеты. У нас имеются отложения верхнего отдела юрского периода, всего мелово-

го периода, отдельных отрезков (начала и конца) третичного периода и, наконец, — продолжающегося в настоящее время четвертичного периода.

Осадочные породы в Ульяновской области содержат разнообразные остатки беспозвоночных и позвоночных животных, а также окаменелые куски ископаемой древесины. Сохранность окаменелостей — высокая, особенно в отложениях мелового периода, где фауна обычно заключена в плотных горных породах, надежно защищающих захороненные внутри окаменелости от выветривания.

В Ульяновской области встречены окаменелые остатки, относящиеся почти ко всем группам животного мира. Наиболее полно представлены головоногие моллюски—аммониты и белемниты, затем пластинчатожаберные. Значительно реже встречаются брюхоногие моллюски, плеченогие, иглокожие, кораллы, губки, черви и др. Из простейших сравнительно хорошо представлены фораминиферы. Из мира позвоночных более часто встречаются кости древних морских рептилий и четвертичных млекопитающих.

Изучением ископаемой фауны на территории нашей области занимались с начала прошлого столетия видные специалисты, из которых следует особо отметить П. М. Языкова (1843 г.), А. П. Павлова и М. В. Павлову (1889—1901 гг.), а в советский период—Е. В. Милановского. Нужно, однако, указать, что исчерпывающего изучения и описания ископаемой фауны и флоры Ульяновского Поволжья пока еще нет. О некоторых группах органического мира имеются только поверхностные представления, да и более изученные группы животных пополнились за последнее время новыми, неизвестными до сих пор образцами, подлежащими исследованию. Дальнейшее детальное изучение окаменелостей, обнаруженных на территории нашей области, поможет еще более уточнить наши представления об осадочной толще Ульяновского Поволжья и внесет новые подробности в науку о развитии древнего органического мира. Успеху научной обработки наших окаменелостей в большой мере способствует высокая степень их сохранности.

Не описывая в целом органические остатки, содержащиеся в осадочных породах на территории нашей области, мы кратко коснемся некоторых отдельных моментов, имеющих особый научный интерес, а также представляющих богатый материал для новых исследований.

Из отложений, наиболее доступных для наблюдений и изучения, следует отметить отложения верхней юры по правому берегу Волги около селений Ундоры и Городищи, Богдашкинского района. Согласно литературным данным, эти места считаются классическими. Здесь, в юрских пластах содержится очень большое количество разнообразных окаменелостей, относящихся, главным образом, к головоногим и пластинчатожаберным моллюскам. Из группы аммонитов преобладают роды Virgatites Perisphinctes и Craspedites; последние особенно разнообразны. Есть основания думать, что часть их, кроме ранее изученных, относится к новым, еще никем не описанным видам.

Недавно около поселка Поливна найден редчайший образец аммонита из рода краспедитов. Особый интерес заключается в том, что этот экземпляр носит на себе явные признаки атавистической регенерации. На последнем обороте его раковины заметны следы ранения. После того, как рана была залечена и восстановился дальнейший рост животного, на поверхности оборота образовались резкие изогнутые ребра, не существующие у нормальных образцов краспедитов. Вместе с тем увеличилась ширина оборота, а внешний овал стал более круглым. Эти изменения следует отнести за счет возврата к более ранним формам. Подобные образцы имеют важное значение в том отношении, что по ним легче

установить генетическую связь между сменяющими во времени друг друга отдельными ветвями какой-либо одной группы организмов.

Отложения следующего за юрским — мелового периода имеют большое распространение в нашей области и содержат особенно много ценного научного материала.

Нижний отдел мелового периода (сокращенно — «нижний мел») Ульяновского Поволжья можно считать наиболее полным и типичным для Русской платформы. В одном из составляющих его ярусов — готеривском А. П. Павловым, М. В. Павловой и другими палеонтологами была детально изучена группа аммонитов из рода Simbirskites. Эти аммониты впервые наиболее полно были изучены по образцам, собранным на территории б. Симбирской губернии, от которой и заимствовали свое наименование. В настоящее время этот род расчленен на три рода, и название Simbirskites оставлено только за одним из них. До недавнего времени род симбирскитов включал (в первоначальном объеме) на территории нашей области около 20 видов. Несколько лет тому назад Е. С. Черновой был описан еще ряд новых видов этой группы. После этого вновь были встречены образцы, которые тоже следует считать новыми видами симбирскитов. На Русской платформе нет другого места, где бы эта группа аммонитов была представлена так полно. В соседней с нами Саратовской области в тождественных отложениях симбирскиты представлены очень бедно.

Некоторые ульяновские образцы симбирскитов нередко сохраняют отливающий радугой перламутровый покров. Иногда отдельные раковины их достигают 1 метра в диаметре, однако такие экземпляры обычно бывают деформированы.

Обилие видов данной группы аммонитов дает возможность проследить ее последовательное развитие. Представители симбирскитов относятся к руководящим формам: они служат важными показателями при разбивке глинистых пластов нижнего мела на отдельные стратиграфические элементы.

Особенного внимания заслуживают аммониты из лежащего выше аптского яруса нижнего мела. Содержащиеся здесь аммониты родов Deshayesites и Aconeceras являются примером исключительно хорошей сохранности раковины и представляют собой достопримечательность Ульяновской области. Перламутр на отдельных экземплярах сохранил изумительную яркость радужных переливов. На одном экземпляре аммонита аконецерас сохранились особые светлые концентрические линии, являющиеся, по-видимому, остатками прижизненной окраски раковины. Это явление — большая редкость.

На образцах аптских аммонитов из Ульяновской области можно наблюдать одну важную особенность. Раковина всякого аммонита имеет следующее строение: последний (конечный) оборот завитка раковины на известном расстоянии представляет собой полую камеру, в которой помещалось тело животного, она называется поэтому жилой камерой. Расположенная перед ней остальная часть раковины равномерно разделена перегородками на ряд небольших отдельных камер, содержавших при жизни животного газ и называемых воздушными камерами. Край перегородок на месте соприкосновения их с наружной раковиной представляет собой очень рассеченную линию, которая носит название лопастной или сутурной линии. По существовавшему до недавнего времени мнению, начертание лопастной линии у каждого экземпляра одного и того же вида аммонита совершенно одинаково. Считалось, что при отсутствии других признаков (на поломанных образцах) по лопастной линии можно точно определить вид аммонита. Изучение великолепно выраженных лопастных линий на аптских аммонитах Aconeceras опро-

вергает данное положение; оно не применимо к мезозойским аммонитам. На аконецерасах рисунок лопастной линии сильно разнится не только у отдельных экземпляров данного вида, но нередко он различен на разных сторонах одного и того же экземпляра. Это обстоятельство можно было установить по образцам Ульяновских аптских аммонитов, благодаря их идеальной сохранности.

Среди аптских аммонитов рода Deshayesites недалеко от Ульяновска был встречен уникальный образец, имеющий признаки атавистической регенерации, подобно вышеописанному краспедиту. На жилой камере данного экземпляра имеется углубление от укуса, произведенного каким-то хищником. После заживления раны, при дальнейшем росте раковины появилась скульптура ребер и очертание сечения оборота, присущие не данному виду, а его предкам перисфинктам. Таким образом, этот экземпляр наглядно подтверждает, что хоплитиды, к которым относятся дехеезиты, произошли от перисфинктид.

В верхних слоях Ульяновского апта содержатся довольно разнообразные представители сравнительно редкой группы развернутых форм аммонитов, имеющих большой научный интерес и недостаточно изученных. Сохранность их также часто бывает хорошей, допускающей всестороннее изучение.

Особый научный интерес представляют обнаруженные в апте на территории Ульяновской области образцы эмбриональной стадии развития аммонитов. До 1948 года образцы, отражающие эту стадию развития аммонитов, были неизвестны науке. По данному вопросу существовали только теоретические выводы. Ульяновские образцы явились первым фактическим материалом. По исследованию профессоров В. Н. Шиманского и В. Е. Руженцева, зародыши имели всего лишь одну первую камеру. После тщательных поисков такие же образцы были затем найдены и среди палеозойских (пермских) аммонитов из Приуралья. Позже в жилых камерах двух аптских аммонитов рода Aconeceras были обнаружены отдельные клетки — икринки, которые, возможно, окажутся еще более ранней зародышевой стадией. Эти образцы еще не изучены и требуют детального исследования. Не исключена возможность, что данная находка наметит путь к изучению половых признаков в строении раковины аммонитов.

Другая группа головоногих моллюсков — белемниты — представлена на территории Ульяновской области в различных по возрасту отложениях. У нас насчитывается свыше ста видов белемнитов. Из отложений верхнего мела, находящихся в окрестностях с. Шиловки, Сенгилеевского района, описано два новых вида белемнитов, известных пока только в Ульяновской области. По внешнему виду ульяновские белемниты из юрских и меловых пластов очень разнообразны. По ним можно проследить изменение формы раковины и ее отдельных элементов, происшедшие в процессе эволюционного развития этой группы морских хищников. Многие виды относятся к руководящим формам окаменелостей. Кроме нормальных образцов, встречаются также больные и раненые экземпляры, количество которых особенно возросло в верхнемеловое время. По патологическим и деформированным экземплярам иногда можно учесть те подробности о природе белемнитов, которые не отражены на нормальных образцах.

Около с. Бектяшки, Сенгилеевского района, в аптских отложениях были найдены представители еще одного подотряда головоногих — сепии. Образцы их имели внутри такие же чернильные мешки, какие имеются у ныне живущих их потомков. Ископаемые сепии встречаются редко и еще мало изучены.

Новые, неописанные виды имеются и среди пластинчатожаберных и

брюхоногих моллюсков. Они также ожидают научной обработки. Большой интерес представляет содержащийся в готериве комплекс раковин пластинчатожаберных и брюхоногих моллюсков, обитавших в воде пониженной солености. Это обстоятельство свидетельствует о неустойчивости физико-химических условий водного бассейна в готеривское время. Подробное изучение этого вопроса прольет свет на особенности процесса осадкообразования в данный отрезок времени и поможет отчасти произвести более правильную возрастную разбивку пластов нижнего мела.

Остатки позвоночных животных менее многочисленны. Они большей частью встречаются в виде отдельных разрозненных костей. От более ранних крупных морских пресмыкающихся чаще находят отдельные позвонки. Однако и среди остатков древних позвоночных животных имеется ценный научный материал. Большой интерес представляют найденная вблизи с. Шиловки, Сенгилеевского района, часть ласта ихтиозавра, относящегося к аптскому времени, и челюсть готеривского ихтиозавра, захороненная в глинах на берегу Волги около северной окраины Ульяновска. Оба образца отправлены в Палеонтологический институт Академии наук СССР.

На волжских песчаных островах в северной части области имеется несколько пунктов со скоплением костей ископаемых четвертичных животных, которые служили предметом охоты первобытного человека. Вблизи от села Ундоры, Богдашкинского района, А. П. Павловым, а также геологом Ососковым были найдены кости ископаемого человека времен верхнего палеолита. Оттуда же в 1949 году учениками 1-й средней школы г. Ульяновска В. Аксеновым, В. Баскиным и Ю. Варвариным была привезена бедренная кость человека, хранящаяся в настоящее время в Ульяновском краеведческом музее. Согласно определению проф. Гремяцкого эта кость отчасти носит признаки человека неандертальской стадии. По-видимому, кость является частью скелета ископаемого человека, стоявшего на грани неандертальца и Homo sapiens.

Есть в нашей области объекты большого научного значения и из ископаемого растительного мира. В двадцатых годах нынешнего столетия палеоботаником проф. М. Д. Залесским был описан ствол дерева верхнеюрского времени, найденный в пластах сланца при его разработке на Ундоровском руднике.

Недалеко от с. Баевки, Кузоватовского района, в лесу лежит ствол окаменевшего хвойного дерева. Он разбит на отдельные куски длиной около двух метров каждый. Диаметр ствола равен 1,3 метра. Отдельные куски дерева расположены не по прямой линии, а некоторые из них сдвинуты в сторону, что создает впечатление, что первоначально было два ствола, лежавших параллельно. Ствол был, по-видимому, раньше засыпан песком, а затем был раскопан, т. к. параллельно ему по обе стороны имеются отвалы из песка, содержащие мелкие куски окаменелой древесины. По геологическому возрасту этот интересный объект относится к началу палеогена (точнее, к саратовскому ярусу палеоцена) и насчитывает несколько десятков миллионов лет своего существования. В настоящее время у этого окаменелого дерева органические вещества полностью замещены кремнеземом, внешнее же строение древесины и ее окраска сохранились почти без изменения. Необходимо возможно скорее данный пункт объявить заповедным, учредить охрану ствола и включить это место в список экскурсионных точек нашей области.

Третичные отложения содержат и другие образцы ископаемого растительного мира. На песчаниках из Ульяновских карьеров иногда бывают очень четкие отпечатки листьев растений. В Ульяновском краеведческом музее есть найденные в нашей области куски песчаника с отпечатками на одном — листа тропического растения, а на другом—листа де-

рева, близкого к современной осине. Эти образцы ясно указывают, что в третичное время на территории нашей области к тропической растительности стала примешиваться теплоумеренная, очень близкая к современной, что в свою очередь свидетельствует о начавшемся изменении климата.

В данной заметке схематически перечислены лишь отдельные, наиболее интересные палеонтологические объекты, встреченные на территории нашей области. Каждая находка может служить материалом для глубокого изучения и темой для пространного описания. Следует указать, что палеонтологический материал из Ульяновской области расходится по всему Советскому Союзу. Наши образцы имеются во всех крупных музеях и в учебных коллекциях школ и вузов. После Великой Октябрьской революции наша область дала не одну сотню тысяч образцов для научных и учебных учреждений. Широкое распространение ульяновских окаменелостей объясняется их отличной сохранностью, большой научной ценностью и широким разнообразием. Для новых, интересных в научном отношении палеонтологических открытий на территории нашей области есть широкие возможности. Давно необходимо взяться за более глубокое ознакомление нашей учащейся молодежи с памятниками древнего органического мира, тогда и современная природа будет познаваться легче и сознательнее. Перед советской геологией поставлены большие и важные исследовательские задачи, и Ульяновская область вносит в общее дело ценный научный вклад.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Проф. М. В. Павлова. Палеозоология. Ч. 1, Гос. изд., 1927.

2. Н. Т. Зонов. Юрские и меловые отложения. Сборник «Геология Татарской АССР», изд. ОНТИ, 1939.

3. К. А. Кабанов. Волжские аммониты, Журнал «Природа», изд. АН СССР, ноябрь, 1952.

4. В. Е. Руженцев и В. Н. Шиманский. Нижнепермские свернутые и согнутые наутилоидеи южного Урала. Том L, изд. ПИНа Ак. наук СССР, 1954.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

Ю. М. Абсалямов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОДЗЕМНЫХ ВОД ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНИЯ В РАЙОНАХ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ульяновская область находится в достаточно благоприятных условиях для выбора источников водоснабжения.

Вся территория ее изрезана густой сетью малых и больших рек. Волга — основная водная артерия области, делит территорию на две неравные части: на большую правобережную и на меньшую левобережную части. На территории правобережья, относительно высокой, с юга на север текут Сура, Барыш, Свияга с многочисленными мелкими притоками; с севера на юг и на запад несут свои воды речки Тукшум, Тереньгулька, Тамышевка, Сызрань, Терешка и их притоки. На левобережной части, относительно низкой, имеются речки Майна, Калмаюр, Большой Черемшан и их притоки.

Эти поверхностные воды широко используются в населенных пунктах нашей области для хозяйственных и противопожарных целей, а местами, при отсутствии подземных вод, служат главным источником водоснабжения (побережье Волги).

Кроме того, текучие воды во многих районах служат источниками энергии (районные гидростанции, мельницы), чему способствует изменчивый рельеф, главным образом в правобережной части области.

Однако известная загрязненность поверхностных вод, в особенности в весенний период и после сильных дождей, а также спуск в них отработанных вод предприятий, заставляет население воздерживаться от потребления их для питьевых целей. Поэтому питьевое водоснабжение в населенных пунктах нашей области основано, главным образом, на использовании подземных вод с устройством каптажа родников и шахтных колодцёв, иногда буровых скважин.

Это объясняется тем, что почти вся территория Ульяновской области богата подземными водами, вполне пригодными как в качественном, так и в количественном отношении для районного водоснабжения. В особенности это можно сказать относительно правобережной части области, территория которой лучше изучена в гидрогеологическом отношении.

В пределах правобережья развит целый ряд водоносных горизонтов, залегающих в несколько ярусов, разделенных водоупорными толщами, начиная от юрских водоносных горизонтов, до водоносных горизонтов современных аллювиальных отложений.

Благоприятным фактором для образования многочисленных водоносных горизонтов на указанной территории является сложное литологическое строение, обуславливающее переслаивание разнообразных пород различного петрографического состава и различной степени водопроницаемости.

Основными водоносными горизонтами, установленными, главным образом, по выходам родников на территории правобережной части Ульяновской области, являются следующие:

1. Юрские водоносные горизонты

Выходы юрских отложений на поверхность занимают на данной территории незначительное пространство. Они протягиваются узкой полосой вдоль правого берега Волги в северо-восточной части территории, в районе села Ундоры, в некоторых пунктах Богдашкинского и Астрадамовского районов, а также поблизости села Репьевки, Ново-Спасского района, вдоль линии Жигулевской дислокации.

Упоминаемые юрские отложения содержат несколько водоносных горизонтов. В верхнем отделе юры водоносными являются отложения келловейского яруса, подстилаемые и покрываемые глинами, а также некоторые горизонты нижневолжского яруса.

Наибольшее значение имеет нижневолжский водоносный горизонт, который приурочен к нижней части сланцевой толщи. Он питает небольшие родники, вытекающие в районе сс. Ундоры и Городищ.

Состав воды этого горизонта характеризуется данными анализа Н. В. Глазова (1931 год).

Родники в дер. Малые Ундоры. Вода без запаха, без цвета, прозрачная. Плотный остаток 516 мг/л.

CO_2 свободная	67,15 мг/л
HCO_3	511,35 мг/л
CL	4,30 мг/л
SO_4	36,00 мг/л
Ca	125,00 мг/л
Mq	25,20 мг/л
Fe	следы
NO_2	нет
Na+K	0,77 мг/эвк.

Родники, ввиду незначительности дебита, большого практического значения не имеют.

Как распространение, так и мощность вод этого горизонта вообще пока мало изучена. Необходимы более детальные исследования, которые должны уточнить данные об этом горизонте, в частности установить его практическое значение для водоснабжения северных районов нашей области.

2. Водоносные горизонты нижнемеловых отложений

В толщах нижнемеловых отложений имеется несколько водоносных горизонтов, более мощных и постоянных по сравнению с юрскими водами:

а) Барремский водоносный горизонт, который развит в северной части территории и приурочен к песчаным, песчаноглинистым прослоям барремской толщи («белемнитовой»). Этот горизонт относится к слабым: в скважине № 49 в г. Ульяновске в 1928 году откачка дала 5,5 л/час. Кроме того, воды барремского горизонта имеют спорадический характер в связи с непостоянством петрографического состава толщ в горизонтальном направлении и отсутствием повсеместно выдержанных песчаных прослоев;

б) Аптский водоносный горизонт, который залегает в толще слюдисто-песчаных сланцевых глин и в трещиноватой плите сланцевого известковистого песчаника. Аптские воды выходят в виде многочисленных родников, а также выклиниваются в виде слабых по водоносности пластовых выходов вдоль побережья Волги от Ульяновска до Сенгилея и Мордово. Водами этого горизонта питается ряд колодцев в районе Ульяновска. Откачки из этого горизонта, производившиеся при бурении в 1928 г., дали от 23 л/час (скважина № 77) до 280 л/час (скважина № 67).

Родники этого горизонта встречаются и на севере территории: в окрестностях с. Архангельское на р. Якле, а также у устья р. Барыша. В этих пунктах водами апта питаются колодцы некоторых сел. Качество аптских вод разнообразное.

В некоторых пунктах они слабо минерализованы, имеют температуру, близкую к среднегодовой температуре на данной территории, не обладают неприятным запахом и вкусом, поэтому вполне пригодны для питья. Местами эти воды имеют неприятный, кисловатый, металлический привкус, зависящий от растворенных веществ, что делает их непригодными для питьевых целей.

Слабые выходы этого горизонта наблюдаются и по балкам правобережья р. Сызрани на юге области.

Однако аптские воды по территории нашей области изучены слабо, в особенности их минералогический состав. Данные о них касаются главным образом района правобережья Волги.

Необходимо дополнить эти данные и выяснить возможности более широкого их использования для водоснабжения в северной части территории;

в) Альбский водоносный горизонт.

В толще альбских отложений имеется водоносный горизонт, который приурочен к глауконитовым пескам с фосфоритами, относящимся к среднему альбу.

Водоупорным основанием этого горизонта являются аптские глины или глины альба.

Альбский горизонт имеет довольно широкое распространение на правобережной территории нашей области. Главнейшие пункты выхода вод этого горизонта следующие:

1. Приволжская полоса от района Ульяновска до села Бектяшки и южнее. Его водами питаются многочисленные родники и колодцы в Ульяновске вдоль волжского косогора, в Сенгилее, Сенгилеевском цемзаводе, в Елауре, в Русской и Мордовской Бектяшке. Дебит многих источников довольно значительный, качество воды для питья вполне удовлетворительное.

В Ульяновске, по данным откачки из шурфа № 2, заложенного в 1929 году, дебит достигал 715 л/час. В балке трепельного завода, по данным Милановского и Воронкова (1928), дебит трех главных родников достигал 8487 л/час. Химический анализ воды из родника № 3 этой балки, произведенный в центральной аналитической лаборатории института прикладной минералогии, дал следующие результаты:

Вода прозрачная;

На дне незначительный хлопьевидный осадок;

Реакция нейтральная.

Содержит в 1 л (в мг):

Сухого остатка	468,0
Потери при прокаливании	106,1
Окиси кальция CaO	141,7
Окиси магния MgO	21,1
Полуторных окислов $(Fe_2O_3 + Al_2O_3)$	5,0
Серной кислоты SO_4	100,4
Хлора Cl	7,1
Кремнекислоты SiO_2	незначит. колич.
Азотной кислоты NO_3	следы
Аммиак NH_3	необнаружено;
Общая жесткость	17,1°

2. По Свияге исследован родник в с. Ишеевке. Дебит родника, по нашим данным (июль 1957), равен 0,4 л/с. Состав воды по анализу, произведенному нами в апреле 1957 г., следующий:

Вода без цвета и запаха, прозрачная;
Вкус слабосоленый;
Осадок илистый;
pH — 6,8
Fe(общ.) — 0,4 мг/л
NO_2' — 0,02 мг/л
NH_4 — 3 мг/л
Ca'' — 60 мг/л
SO_4'' — 75 мг/л
CO_2 (своб.) — 26 мг/л
HCO_3' — 390 мг/л
Cl' — 15 мг/л
Родник используется для водоснабжения.

3. По низовьям Барыша и по правобережью Суры, где воды этого горизонта питают колодцы и родники в селах Кезьмино, Выползово, Усть-Урень и Горенки. В этом районе качество воды несколько хуже, вода имеет горьковатый привкус из-за большого содержания гипса. Иногда эти воды мутны и летом тепловаты, так как выходят не из коренных пород, а из толщ наносов и оползневых масс.

Этот горизонт выклинивается частично и в западной части территории, и на севере, и в бассейне Свияги. Воды этого горизонта должны иметь выходы на юге территории в Ново-Спасском и Радищевском районах. Но там они очень слабо исследованы.

3. Водоносные горизонты верхнемеловых отложений

Верхнемеловые отложения на правобережной территории Ульяновской области содержат три важных водоносных горизонта: туронский, сантонский маастрихтский.

а) Туронский водносный горизонт.

Воды этого горизонта циркулируют в толще трещиноватых рыхлых мергелей, которые в некоторых районах принадлежат туронскому и частично коньякскому ярусам; в тех местах, где последние срезаны, водосодержащими являются мергеля сантонского яруса.

Данный горизонт на всей площади распространения является водообильным и питает огромное количество родников и источников многочисленных ручьев и речек к западу от побережья Волги.

Вдоль самого побережья Волги этот горизонт беден водой, что объясняется сильным дренированием, обусловленным глубоким и интенсивным размывом.

Обычно выходы вод этого горизонта наблюдаются у подошвы обнаженных крутых склонов, сложенных коренными породами или в вершинах оврагов, реже — у пологих склонов, покрытых делювиальными отложениями.

Дебит родников иногда доходит до значительной величины и обеспечивает водоснабжение многих селений.

Воды этого горизонта слабо минерализованы и имеют хорошие питьевые качества: они прозрачны, бесцветны, не имеют неприятного запаха и привкуса, в условиях коренного выхода имеют температуру 7—8°, жесткость колеблется в пределах 8—10°, химические анализы показывают обычно полное отсутствие аммиака и азотной кислоты, иногда ничтожные следы серной кислоты и небольшое количество хлора.

В бассейне Суры, Барыша водами этого горизонта пользуются сле-

дующие селения: Еделево, Кезьмино, Чилим, Белый Ключ, Лава, Кадышево, Котяково, Горенки, Никитино, Кондарать, Потьма, Карсун, Краснополка, Таволжанка, Белозерье, Базарный Урень, Теньковка, Языково и др.

В бассейне Свияги родниками и колодцами из этого горизонта питаются села: Белый Ключ, Большие Ключищи, Елшанка, Ивановка и др. На Свияге этот горизонт развит слабее; чем в бассейне Барыша.

По правобережью Волги этот горизонт питает родники: в вершине Соловьева оврага на западной окраине Ульяновска, в с. Тушне, Алешкине.

На юге родники этого горизонта выклиниваются южнее Сызрани, в Радищевском районе (Ореховка, Мордовская Карагужа), в Старо-Кулаткинском районе (в верховьях Терешки), в Николаевском районе (южнее от Канадея).

Для туронского водоносного горизонта имеет большое регулирующее значение речной дренаж.

В северных районах территории, где основание верхнего мела лежит высоко над уровнем рек, родники выходят на самом контакте плотных верхнеальбских глин и покрывающих их трещиноватых мергелей в вершинах оврагов, в глубоких узких промоинах, на склонах балок, речек и впадин.

Южнее водоупорные глины верхнего альба спускаются ниже уровня рек, и родники бьют из толщи мергелей непосредственно над самым уровнем воды рек. В тех местах, где водоносные мергели прикрыты водонепроницаемым делювием, создается местный подпор водоносного горизонта, и родники бьют несколько выше уровня рек и ручьев.

Спускаясь все ниже и скрываясь с дневной поверхности, водоносная толща уводит свои воды в глубь земли и местами превращается в напорный (артезианский) горизонт. Это происходит, видимо, в тех местах, где в толще турона и нижнего сантона имеются глинистые прослои. Но ввиду того, что эти глинистые прослои выклиниваются по простиранию, в туронской и нижнесантонской толще самостоятельного, выдержанного напорного (артезианского) горизонта может не быть. Поэтому воды туронского горизонта во многих местах должны сливаться с водами верхнего сантона. Окончательное решение вопроса должно основываться на данных буровых скважин.

б) Верхнесантонский водоносный горизонт — приурочен к трещиноватым кремнистым мергелям верхнего сантона. Он имеет переливной характер вследствие отсутствия общего водоупорного ложа.

Эти воды поддерживаются отдельными глинистыми прослойками в толще мергелей, имеющих в большей части небольшую мощность.

Ввиду того, что воды этого горизонта циркулируют в трещиноватых породах, они легко дренируются. Поэтому родники отсутствуют в тех местах, где верхнесантонские породы приподняты над уровнем прилегающих долин и балок.

В тех местах, где верхнесантонские породы обнажаются недалеко от поверхности, или прикрыты водоупорными делювиальными отложениями на склонах, они являются достаточно обильными и выклиниваются в виде значительных родников.

В южной части территории верхнесантонская толща состоит из более однообразных, чистых, мелоподобных мергелей. Никакого изолирующего водоупорного пласта между нижнесантонской и верхнесантонской толщами здесь не имеется. Поэтому два водных горизонта в этих районах сливаются в единый горизонт.

В бассейне Суры, в пределах Ульяновской области, родники этого горизонта имеются в следующих селениях: с. Сурское, с. Большое Шуватово и др.

В бассейне Свияги этот горизонт приобретает большое значение. Родниками из этого горизонта пользуются: с. Солдатская Ташла, Лукино, Репьевка, Ртищево-Каменка и др.

В бассейне Усы этот горизонт обладает еще большей мощностью. Здесь он питает колодцы в селе Тереньге, Языкове, Большая и Малая Борла и др.

В береговой полосе Волги он сильно дренирован, но дает ряд обильных водой родников в глубине балок и речных долин на некотором расстоянии от Волги.

Мощные родники имеются в пос. Сенгилей, в с. Алешкине и др. Воды по своему качеству вполне удовлетворительны.

Анализ воды родника с. Алешкино, по материалам Е. В. Милановского за 1928 год, дает следующие результаты:

Сухой остаток — 192 мг/л
Ca — 18,6 мг/л
Mg — 8,7 мг/л
Общая жесткость — 5,4°
Устранимая — 2,5°
Постоянная — 2,9°
CO_2 — 5,5 мг/л
SO_4 — 22,2 мг/л
Fe — нет
Окисляемость—6,7 мг/л.

Область питания верхнесантонского горизонта совпадает приблизительно с областью питания туронского горизонта, но меньше по площади; это — северная часть описываемой территории, где на водораздельных участках верхнесантонские пласты выходят на дневную поверхность или прикрыты водопроницаемыми отложениями (кампанским мелом, послетретичными суглинками и песками).

На юге описываемой территории данный горизонт имеет небольшой район питания на водоразделе рр. Терешки и Сызрани.

в) Маастрихтский водоносный горизонт.

Маастрихтский мел на территории правобережной части Ульяновской области имеет важное значение в гидрогеологическом отношении, так как заключает в себе обильные воды, отличающиеся большим постоянством и хорошим качеством для питья.

Водоупором этого горизонта является толща серых и темно-зеленоватых глин.

Вода, заключающаяся в меловой толще, частью пропитывает массу самого мела, частью циркулирует в системе мелких и крупных трещин.

В северных районах территории контакт трещиноватого мела и подстилающих его серых глин лежит высоко над речными поймами и руслами балок. Над линией контакта на верхней или средней части крупных склонов, выходят многочисленные обильные родники, часто с большим дебитом.

Прослеживая выходы этих родников с севера на юг (в бассейнах Барыша и Свияги), можно заметить, что там, где толща глин уходит ниже дневной поверхности, родники вытекают из толщи мела почти на уровне поверхностных вод. При этом уровень воды в толще мела поднимается все выше и достигает ее кровли.

В центральной и южной частях территории, отдаленных от Волги, севернее линии жигулевской дислокации, этот горизонт превращается в напорный и используется артезианскими скважинами.

Маастрихтский водоносный горизонт питает истоки значительных рек территории: в бассейне Суры—Аргаш, Сухой Аргаш и Тала; в бас-

сейне Барыша—Урень, Майна, Карсунка, Вешкайма и др.; в бассейне Свияги — Гуща, Ташелка, Ерыкла и др.; родники близ Тушны достигают большой силы и дают начало многоводным ручьям.

Маастрихтский водоносный горизонт играет большую роль в водоснабжении значительной части описываемой территории.

По правобережью Суры воды этого горизонта используются в селениях: Ново-Сурский, Городище, Палатово, Валгуссы, Проломиха и др.

В бассейне Барыша водами этого горизонта пользуются в селениях: Прислониха, Сосновка, Сухой Карсун, Ермоловка, Анненково, Вешкайма, Канабеевка и др.

В бассейне Свияги родниками и колодцами из этого горизонта пользуются в населенных пунктах: Уваровка, Собакино, Зеленец, Ясашная Ташла, Солдатская Ташла, Бестужевка, Смышляевка, Чириково, Чертановка, Поповка, Измайловка и др.

В бассейне Усы — населенные пункты Безводовка, Михайловка. В некоторых пунктах описываемой территории, главным образом, в центральной ее части, воды этого горизонта используются артезианскими скважинами (в селах Старая Зиновьевка, Старо-Тимошкино, Гурьевка).

Вода имеет прекрасные питьевые качества. Химический анализ воды из родника в 0,5 км к югу от усадьбы Сенгилеевского дома инвалидов, произведенный Сенгилеевской санэпидстанцией 18 августа 1955 года, дал следующие результаты:

Дебит родника — 1,2 л/сек
Температура воды — 9°
Плотный остаток при 110° — 320 мг/л
Общая жесткость — 12,88°
Хлориды — 7,1 мг/л
Сульфаты — 5 мг/л
Окисляемость — 4 мг/л
Щелочность в см³ 0,1 № раствора HCl — 4,6 мг/л
Железо — 0,1 мг/л
Азотная кислота — нет
Аммиак — 0,8 мг/л

Анализ воды родника Новодевиченского мелового завода, произведенный лабораторией бывшего Гидротехгеоинститута в 1931 году, дает следующий состав воды:

Вода прозрачная;
Холодная;
CO_2 (свободн.) — 8,30 мг/л
NO_2 (продукты гниения растений) — 1,0 мг/л
HCO_3 — 281,7 мг/л
SO_4 — 29,8 мг/л
Cl — 6,46 мг/л
Ca — 82,22 мг/л
Mg — 9,60 мг/л
Fe — нет.

Областью питания маастрихтского горизонта являются водоразделы в северной половине описываемой территории, в местах выходов его на поверхность, а также в некоторых участках, прикрытых палеоценовыми проницаемыми слоями.

На юге территории выходы меловых отложений являются площадью питания для родников, лежащих вне южных границ Ульяновской области.

4. Водоносные горизонты третичных отложений

В третичных отложениях правобережной территории Ульяновской области можно выделить четыре основных водонасосных горизонта: нижнесызранский, верхнесызранский, нижнесаратовский и верхнесаратовский.

В зависимости от геологических условий в некоторых районах территории имеется большое количество самостоятельных водоносных горизонтов, местами указанные горизонты сливаются в один водоносный горизонт, а иногда и совсем отсутствуют.

Водоносность третичных отложений по указанной территории изменяется с севера на юг. В северной части ее третичные отложения почти совершенно безводны. В центральной и южной частях территории, вплоть до линии жигулевской дислокации третичные отложения заключают несколько водообильных горизонтов, имеющих большое значение в водном хозяйстве территории.

Водами этих горизонтов питаются источники рек Инзы, Барыша, Свияги, Гущи, Сызрани, Канадея, Томышевки.

Многие населенные пункты пользуются родниками и колодцами из этих третичных горизонтов.

а) Нижнесызранский водоносный горизонт — приурочен к толще нижнесызранских опок, песков и трепелов.

Основной водоупорной толщей является прослой жирной глины, залегающей на контакте нижнесызранских опок и подстилающего мела. Иногда слой мела тоже является водоупором в тех местах, где он имеет мергелистую плотную структуру без трещин.

В некоторых районах, по-видимому, не существует отчетливо выраженной водонепроницаемости прослойки, разделяющей нижнесызранские и маастрихтские слои. Содержащиеся воды не образуют отдельных изолированных горизонтов.

Нижнесызранский водоносный горизонт имеет некоторые особенности, а именно:

1. Неравномерное распределение воды в толще нижнесызранских отложений. Толща нижнесызранских опок обладает неравномерной трещиноватостью. Более трещиноватые кремнистые слои чередуются с глинистыми прослоями, вызывающими появление местных независимых или переливных горизонтов, что приводит, в конечном счете, к неравномерному распределению воды в толще указанных отложений.

В некоторых районах эти опоки почти безводны. Вода не была встречена целым рядом глубоких скважин на водоразделе между Свиягой и Волгой к югу от Ульяновска; вода также не была встречена в скважине близ села Аксаково.

Безводность нижнесызранских опок объясняется, главным образом, тем, что они сильно дренируются благодаря значительной трещиноватости и легкости циркуляции в них воды.

Такими дренирующими безводными или маловодными являются следующие участки: в северной части территории, на водоразделе между Сурой и нижним течением Барыша; на Свияжско-Барышском водоразделе севернее железнодорожной линии Ульяновск—Инза, рассеченном глубоко врезанными притоками этих рек; на свияжско-волжском водоразделе южнее Ульяновска; на участке водораздельного плато между Волгой и бассейном Усы.

Южнее, вплоть до линии жигулевской дислокации, наблюдается некоторое увеличение мощности этого горизонта. Однако характерным для центральных и южных участков территории является тоже неравномерное распределение родников, питающихся из этого горизонта. Родники

местами сосредоточены на малых участках, с большим дебитом, иногда с некоторым напором, а местами родники совершенно отсутствуют.

К безводным или маловодным районам должны быть отнесены районы, которые сложены трепелами.

Трепела в силу высокой капиллярности жадно впитывают воду, насыщаются ею, но, обладая малой водоотдачей, дают слабые родники, незначительные пластовые выходы и мочежины.

Трепела иногда сильно дренируются, поэтому сухи. Только в тех случаях, когда трепела глинисты, они служат водоупором для вышележащих крупнозернистых и трещиноватых пород.

2. Резкие колебания дебита родников из нижнесызранских отложений в зависимости от времени года.

Эта особенность, очевидно, связана с трещиноватостью опок, быстротой фильтрации и относительной легкостью дренирования вод этого горизонта.

Качество вод описываемого горизонта близко к качеству нижележащих горизонтов, отличаясь от последних большей мягкостью.

Воды нижнесызранского горизонта играют значительную роль в водоснабжении описываемой территории. Они обеспечивают водой большое количество селений на следующих участках: в бассейне реки Инзы—село Базарный Сызган, и др.; в бассейне Барыша — Мордовская Кондарать и др.; в бассейне Свияги (по левобережью) — ст. Майна, с. Безводовка, Скорлятка, Загоскино, Белолебяжье озеро, Смышляевка, Чертановка и др.; в приволжской полосе выходы этого горизонта почти отсутствуют.

б) Верхнесызранский водоносный горизонт.

Верхнесызранские отложения на описываемой территории представлены кремнисто-глинистыми глауконитовыми песчаниками. Они сильно трещиноваты и содержат воду. Водоупором в этой толще служат сплошные плиты твердых песчаников, а также прослои песчанистых глин, залегающих на разных уровнях в этой толще. В зависимости от этого водоносный горизонт, имеющий переливной характер, залегает на разных уровнях.

Песчаники верхнесызранского яруса в местах выхода на дневную поверхность более трещиноваты, чем в глубине. Поэтому родники выбивают иногда на более пониженном уровне, по сравнению с уровнем залегания водоносного горизонта в коренном массиве.

Вода этого горизонта слабо минерализована и обладает хорошими питьевыми качествами.

Данный горизонт отличается обилием воды. Родники, подобно нижнесызранским, выходят целыми группами.

Мощные родники верхнесызранского горизонта служат источником водоснабжения для следующих населенных мест:

в бассейне Барыша — пос. Гурьевка;

в бассейне Свияги (верховье) сс. Бештановка, Старо-Тимошкино, Смольково, Баевка, Корамысловка;

в бассейне р. Сызрани (в пределах Ульяновской области) — сс. Васильевка, Киселевка, Кочкарлей, Поспеловка и др. В восточной части территории некоторые родники, вытекающие из верхних горизонтов сызранских опок, условно могут быть отнесены к этому горизонту.

Окончательное отнесение к определенному горизонту должно быть сделано на основе дополнительных изысканий.

в) Нижнесаратовский водоносный горизонт.

В тех районах, где верхнесызранские слои покрыты нижнесаратовскими, родники вытекают из серии переслаивающихся песков и песчаников нижнесаратовского яруса.

Родники выклиниваются в виде сплошных пластовых выходов или

группы небольших ключей у подножия склонов, вызывая заболачивания балочных русел.

В толще нижнесаратовских отложений имеется целый ряд переливных горизонтов, то соединенных друг с другом, то более или менее изолированных водоупорными прослойками.

Нижнесаратовский водоносный горизонт теснейшим образом связан с верхнесызранским.

Во многих случаях условия циркуляции вод в верхнесызранских и нижнесаратовских породах настолько близки, что можно их рассматривать как воды одного и того же переливного горизонта. Но во многих районах нижнесаратовские воды существуют самостоятельно, независимо от верхнесызранских, циркулируя, главным образом, в песках.

При прорезании песчаной толщи глубокой балкой, родники прослеживаются почти до верхней трети всей толщи, что свидетельствует о достаточной мощности этого водоносного горизонта.

Мощная толща песков поглощает значительную долю атмосферных осадков, а также воду, стекающую из области развития верхнесаратовских слоев. Это видно из того, что некоторые ручьи, питающиеся верхнесаратовскими родниками, достигая области развития нижнесаратовских песков, поглощаются ими полностью.

Циркуляция воды в толщах нижнесаратовских песков, благодаря их крупнозернистости, совершается весьма интенсивно. Поэтому в сильно изрезанных дренированных районах происходит истощение этого горизонта.

Воды этого горизонта принимают большое участие в питании истоков рр. Инзы, Барыша, Свияги, Сызрани.

Родники из нижнесаратовского горизонта обеспечивают хорошей водой значительное количество населенных мест: в бассейне Барыша — сс. Воецкое, Румянцево, Жадовка, Ляховка и др.;

в бассейне Свияги — сс. Акшуат, Кузоватово и др.

г) Верхнесаратовский водоносный горизонт.

Толща верхнесаратовских пород заключает в себе один, местами два водоносных горизонта.

Воды нижнего горизонта приурочены к толще глауконитовых песчаников и опок, сильно трещиноватых, имеющих в своем основании сплошную, твердую водоупорную плиту, лежащую на контакте с нижнесаратовскими песками.

Нижний горизонт является более водообильным и основным горизонтом в верхнесаратовской толще. Он дает начало родникам, являющимся истоками главнейших водных артерий описываемой территории.

Водами из этого горизонта питается большое количество населенных мест, расположенных на водоразделах, в верховьях речек и балок «Сурской шишки» и свияжского плато, откуда в различных направлениях расходятся Сура, Барыш, Свияга, Сызрань.

Воды верхнего горизонта залегают в верхах описываемой толщи, состоящей из переслоев кварцево-глауконитовых песков и кремнисто-глауконитовых песчаников. Этот горизонт имеет небольшое распространение и, следовательно, небольшой бассейн питания на участках водораздельного плато в районе верховьев главнейших рек района.

Близкое нахождение от поверхности земли позволяет удобно использовать воду этого горизонта для питьевых целей в некоторых селениях (ст. Поливаново, сс. Русское Тимошкино, Красная Поляна в бассейне р. Барыш). Питьевые качества воды вполне удовлетворительны.

5. Водоносные горизонты четвертичных отложений

Четвертичные отложения на правобережной части территории Ульяновской области образуют крайне пестрый покров.

В гидрогеологическом отношении они также представляют большое *разнообразие в зависимости от местных условий.*

а) В делювиальных отложениях, представленных преимущественно суглинками, самостоятельных водоносных горизонтов не имеется. Наличие воды в них обусловлено инфильтрацией как поверхностных вод, так и вод перекрываемых ими коренных пород.

Слагая пологие склоны долин, эти суглинки, благодаря своей меньшей водопроницаемости, чем пласты большинства коренных пород, играют роль водоупорного чехла, сохраняющего водные запасы коренных пород.

Нижние части суглиников, состоящие из более грубозернистых материалов и поэтому более водопроницаемых, насыщаются водой, уровень которой связан с зеркалом воды в аллювиальных отложениях.

Населенные пункты, расположенные в нижней части пологих долин, пользуются водами из делювиальных суглинков для хозяйственных надобностей. В питьевом отношении эти воды неудовлетворительны: сильно минерализованы, содержат большое количество хлора, органических веществ, жестки.

б) Аллювиальные воды насыщают песчаные и глинисто-песчаные аллювиальные отложения пойм и древне-аллювиальных террас. Уровень этих вод лежит обычно близко от поверхности земли.

В местных понижениях эти воды иногда выклиниваются, образуя лужи и мелкие озера.

Уровень залегания аллювиальных вод подвержен сильным сезонным колебаниям.

Аллювиальные воды имеют большое хозяйственное значение. Огромное количество населенных мест, расположенных на поймах рек и крупных балках пользуются этими водами через мелкие колодцы.

Водоносность четвертичных отложений мало изучена. Необходимо детальное изучение их режима и качества для хозяйственного использования.

6. Некоторые общие гидрогеологические закономерности на правобережной территории Ульяновской области

Как видно из вышеизложенного, на территории правобережья развит целый ряд водоносных горизонтов, залегающих несколькими ярусами, разделенными водоупорными толщами, начиная от юрских водоносных горизонтов до водоносных горизонтов современных аллювиальных отложений.

Благоприятным фактором для образования этих многочисленных водоносных горизонтов на описываемой территории является сложное строение всей толщи, обусловливающее переслаивание разнообразных пород различного петрографического состава и различной степени водопроницаемости.

При ближайшем рассмотрении колонки напластований изучаемой территории, в ней можно найти целый ряд водопроницаемых горизонтов, подстилаемых водоупорными породами, которые при благоприятных условиях питания способствуют образованию межпластовых водоносных горизонтов.

Однако не все водопроницаемые пласты содержат водоносные горизонты, имеющие значение для водоснабжения.

Если рассматривать толщу напластовании снизу вверх, в ней можно наметить следующую смену водоносных горизонтов:

1. Верхнеюрские водоносные горизонты.
2. Водоносные горизонты нижнемеловых отложений:
   а) барремский («белемнитовый»);
   б) аптский;
   в) альбский;
3. Водоносные горизонты верхнемеловых отложений;
   а) туронский (надальбский);
   б) верхнесантонский;
   в) маастрихтский;
4. Водоносные горизонты третичных отложений;
   а) нижнесызранский;
   б) верхнесызранский;
   в) нижнесаратовский;
   г) верхнесаратовский;
5. Водоносные горизонты четвертичных отложений;
   а) делювиальные;
   б) аллювиальные.

Распределение коренных водоносных горизонтов на описываемой территории объясняется, главным образом, особенностью строения осадочной толщи, выражающейся в пологом падении коренных пластов с севера на юг. Кроме того, оказывают влияние рельеф, характер размыва и строение четвертичных отложений.

В северной части территории вплоть до линии жигулевской дислокации, происходит постепенная последовательная смена более ранних по возрасту водоносных горизонтов, более поздними, по направлению с севера на юг.

Эта смена, обусловленная указанным падением пластов к югу, сопровождается последовательным уходом нижних водоносных горизонтов под уровень речных потоков.

В северных районах территории первенствующее значение имеют верхнеюрские и нижнемеловые водоносные горизонты, несколько южнее — верхнемеловые, которые, являясь верхними в этих районах, легко доступны использованию посредством простейших водоприемных сооружений (каптажи, шахтные колодцы). Кроме того, выклиниваясь выше уровня рек, участвуют в их питании.

Далее на юг, эти водоносные горизонты уходят под уровень рек, делаются доступными только для буровых скважин и сменяются более высоколежащими третичными водоносными горизонтами. Последние приобретают в центральных и южных районах преимущественное значение в районном водоснабжении.

На большей части территории над уровнем рек имеется не один, а два и более водоносных горизонта.

Ниже уровня рек имеется целый ряд межпластовых горизонтов, иногда напорных.

Последовательная смена с севера на юг вышеописанных водоносных горизонтов нарушается лишь жигулевской дислокацией.

На юге, за линией дислокации, вновь повторяется смена тех же горизонтов по направлению с севера-востока на юго-запад.

7. Хозяйственное использование и условия эксплуатации подземных вод на описанной территории

Приведенные данные по распределению водоносных горизонтов, а также некоторые другие сведения о качестве воды в них, подтверждают

первоначально высказанную мысль о том, что правобережная часть территории Ульяновской области богата подземными водами, вполне пригодными для хозяйственно-питьевого водоснабжения.

Однако водообеспеченность в районах описанной территории далеко не одинакова. Исходя из потребностей колхозов, РТС и совхозов, для которых требуются наиболее простые и экономичные сооружения по водоснабжению на данной территории можно выделить несколько районов с различной степенью водообеспеченности.

1. Районы, обеспеченные водою. Это район развития долин и крупных балок, в которых имеются выходы обильных родников с доброкачественной водой, а также подземные воды в коренных породах или аллювиальных и делювиальных отложениях, легко добываемые при помощи обыкновенных шахтных колодцев или неглубоких буровых скважин.

Территориально эти водообеспеченные районы в основных чертах совпадают, прежде всего, с районами распространения верхнемеловых отложений как севернее, так и южнее линии жигулевской дислокации.

К этим же районам нужно отнести и юго-западную часть описанной территории, где развиты, главным образом, на водоразделах, мощные третичные отложения с обильными водоносными горизонтами.

2. Районы, слабо обеспеченные подземными водами. Это — водораздельные участки к востоку от Свияги и севернее широты Инзы, а также водоразделы южнее линии жигулевской дислокации. Границы этого слабо обеспеченного района как на севере, так и на юге в общем определяются районами распространения нижнемеловых отложений, где подземные воды лежат на глубине, трудно доступной для простых водоприемников, или явно недостаточны в количественном отношении.

Отдельные участки, находящиеся в пределах выделенных выше районов, на ограниченной площади и по местным условиям могут оказаться безводными.

Данная характеристика описываемой территории с точки зрения возможностей сельскохозяйственного водоснабжения дает общую картину водообеспеченности и должна быть дополнена детальными исследованиями местных условий. Прежде всего должны быть уточнены границы этих районов.

С развитием экономики колхозов, РТС и совхозов, с усовершенствованием техники добывания подземных вод эти границы будут изменяться. Все большее число районов окажется вполне обеспеченными доброкачественной подземной водой.

Наличие в недрах земли водообильных водных горизонтов, а также их естественных выходов в виде родников с доброкачественной водой, определило основное направление развития водного хозяйства описываемой территории в области питьевого водоснабжения.

Почти вся площадь правобережной части территории Ульяновской области может быть охарактеризована как территория с преимущественным развитием родниково-колодцевого водоснабжения.

Большая часть населенных пунктов расположена, главным образом, вблизи выходов родников, которые, как описано выше, иногда встречаются целыми группами, и, имея значительный дебит, обеспечивают потребности в питьевой воде малых и крупных селений.

Хозяйственно-производственные потребности, а также противопожарные нужды покрываются поверхностными водами или грунтовыми водами из шахтных колодцев.

Родники в населенных пунктах заключены в каптажные сооружения, заложенные в месте выхода воды у подошвы склона или в дне балки.

Каптажи устраиваются в виде деревянных срубов или каменных и бетонных сооружений, открытые или закрытые, имеют соответствующее оборудование. Размеры их определяются в зависимости от дебита и назначения.

В некоторых местах мощные родники выклиниваются на значительной высоте по склону над уровнем расположения населенного пункта. На описываемой территории имеются населенные пункты, где эти естественные условия умело использованы населением для устройства самотечного водопровода. История этих водопроводов, созданных трудящимися еще в трудных условиях дореволюционной России, очень поучительна. Об этом говорят архивные данные. Остановимся на некоторых из них:

1. Самотечный водопровод в с. Новодевичьем, использующий родники маастрихтского водоносного горизонта, выклинивающиеся в балке правого берега Волги.

Хотя с. Новодевичье в настоящее время и не входит в состав Ульяновской области, необходимо привести некоторые данные о водопроводе этого села в виду общности гидрогеологических условий со смежными районами Ульяновской области (Сенгилей, Тереньга).

Высокое расположение мощных родников по отношению к населенному пункту, хорошее качество воды, относительная близость родника к селу (около 1280 м), позволили жителям села построить самотечный водопровод в июле 1878 года. Водопровод имел: каптажное сооружение, водопровод из деревянных труб длиною около 2 км, проходящий по главной улице, где были установлены водоразборные (они же запасные) резервуары-чаны — три чана вместимостью до 36 кбм каждый.

Водопровод давал до 7,2 кбм воды в час, или до 168 кбм в сутки. При наличии к тому времени в селе 4000 жителей, суточная норма на одного жителя равнялась приблизительно 42 литрам в сутки, что вполне удовлетворяло нужды населения как в отношении хозяйственно-питьевого потребления, так и в противопожарном отношении.

Простота устройства, удобство эксплуатации, обилие воды хорошего качества, отсутствие сложного оборудования (насосов, фильтров) побудили население соседних населенных мест также начать строительство самотечных водопроводов (Климовка, Сенгилей и др.).

2. Самотечный водопровод в рабочем поселке Сенгилей, использующий родники сантонского водоносного горизонта. На расстоянии около 3,5 км от Сенгилея, на живописном склоне реки Тушонки, из толщи трещиноватых сантонских мергелей выбивают родники «Белый гремячий ключ» и «Коротенький» на довольно близком расстоянии друг от друга. Они отличаются водообилием и хорошим качеством воды.

Родники выклиниваются на отметке, лежащей выше уровня Сенгилея примерно на 35 метров.

Значительный дебит родников, высокое расположение их по отношению к населенному пункту, хорошее качество воды в них, дали возможность населению устроить самотечный водопровод.

Работы по устройству водопровода были начаты по решению жителей Сенгилея в июле 1879 года и закончены в сентябре того же года.

Водопровод состоял из каптажного колодца на роднике «Белый Гремячий ключ» и из деревянных труб длиною около 3 км, проложенных на глубине 1,8 м.

В черте Сенгилея было установлено пять резервуаров-чанов, вместимостью до 72 кбм каждый, что вполне удовлетворяло потребности населения как для питья, так и для хозяйственных и противопожарных надобностей.

Самотечный водопровод, первоначально устроенный в 1879 г. и перестроенный впоследствии, существует и поныне, снабжая рабочий поселок Сенгилей (он же районный центр) доброкачественной водой. Ввиду простоты устройства и удобства эксплуатации, он полностью себя оправдал, вызвав хорошие отзывы населения о качестве воды при полной обеспеченности ею.

В связи со строительством Куйбышевской гидроэлектростанции произведена перепланировка Сенгилея. Многие строения из прилегающих к Волге улиц перенесены на другие места. В связи с этим перестраивается и внешняя сеть водопровода в черте поселка.

В настоящее время дебит «Белый Гремячий ключ» вполне достаточен для покрытия потребления населения и местной промышленности.

В перспективном развитии Сенгилея предполагается резкое увеличение потребления воды. И в этом случае самотечный водопровод сможет полностью покрыть расход поселка, если включить в систему водоприемных сооружений каптажи других родников.

Первая техническая схема о комплексном использовании родников Сенгилея была дана в 1937 году Куйбышевской проектной конторой (автор Ануфриев).

Кроме родника «Коротенького», выбивающегося из сантонской толщи, имеется еще более мощный резерв — ключ «Гран-Гремячий», находящийся вблизи родников «Белый ключ» и «Коротенький».

Толща белого мела почти отвесной стеной возвышается над местом выхода струй воды, образуя почти полукруглое углубление.

Высокие деревья окружают родник, придавая живописность всей окружающей местности. Далее воды родника текут по заросшей балке и впадают в р. Тушонку.

Качество воды родника превосходное.

Схема кампановки каптажей, а равно конструкция их, являются довольно типичными и могут быть рекомендованы для строительства при аналогичных условиях в некоторых районах Ульяновской области.

Однако режим указанных родников требует дальнейшего изучения. Необходимо изучить изменение дебита и химического состава воды родника в течение года.

Кроме указанных выше, самотечные водопроводы имеются в следующих населенных пунктах:

а) водопровод на Сенгилеевском цементном заводе из родника средне-альбского водоносного горизонта;

б) водопровод в селе Кременки из родника туронского водоносного горизонта;

в) водопровод в селе Большие Ключищи из родника сантонского горизонта и другие.

Но эти самотечные водопроводы в большинстве случаев носят довольно примитивный характер, не благоустроены и нуждаются в коренном улучшении.

Следует подчеркнуть, что на территории правобережья Ульяновской области многие селения находятся в таких естественных условиях, которые вполне допускают строительство самотечных водопроводов для питьевых целей. Но эти условия достаточно не изучены и, следовательно, еще не использованы.

Дальнейшее развитие водоснабжения в районах описываемой территории в большинстве случаев может вполне базироваться на использовании подземных вод и, в первую очередь, в пунктах их естественных выходов в виде родника. При устройстве центрального водопровода в районных центрах использование родников как источников водоснабжения является самым экономичным решением, так как отпадает необхо-

димость устройства дорогостоящих отстойников, фильтров и хлораторов. Наличие соответствующего насосного оборудования малой производительности позволит проектировать и осуществлять напорные районные водопроводы с забором родниковой воды.

Об этом свидетельствуют проекты водопроводов районных центров Тереньги и Ишеевки, составленные Ульяновским облпроектом в 1955 году. Приведем краткие данные об этих проектах:

а) Проект водопровода районного центра Тереньга. Райцентр Тереньга расположен в месте слияния речек Тереньгульки и Барашайки — правых притоков Тукшума (бассейн Усы). На северной окраине села, в овраге, выбивает мощный родник из верхнесантонского водоносного горизонта в виде нескольких струй с общим дебитом около 10 л/сек. со сбросом воды в речку Тереньгульку. Качество воды хорошее. Анализ, произведенный Ульяновской областной санэпидстанцией 17 марта 1955 года, дает следующее:

Вода бесцветна, без постороннего запаха
Прозрачность — более 30 см;
Осадки — нет;
Щелочность — 5,0
PH — 7;
Реакция на лакмус — нейтральная;
Аммиак — не обнаружен;
Азотная кислота — не обнаружена;
Хлориды — 3,84;
Окисляемость — 2,38 мг.
Жесткость общая — 12,32°;
Постоянная — 1,12°
Устранимая — 11,20°
Сухой остаток — 332,0 мг
Серная кислота (SO_4) — 30,85;

Руководствуясь разницей отметок выхода родника и наиболее высоких отметок населенного пункта (разность около 10 метров), запроектирован водопровод из труб диаметром 100 мм с установкой уличных колонок.

Водозаборным сооружением служит круглый бетонный каптажный колодец диаметром 3 м, глубиною 3,5 м; полезной емкостью 30 кмб.

Вода из каптажа подается насосом в напорный бак и далее в разводящую сеть.

б) Проект водопровода районного центра Ишеевка. Райцентр Ишеевка расположен на правом берегу Свияги в 18 км на северо-запад от Ульяновска. На южной окраине поселка имеются выходы родников из альбской водоносной толщи с общим дебитом (июнь 1954 года) до 0,4 л/сек., со сбросом воды в р. Свиягу (облпроект).

Качество воды вполне удовлетворительное.

Исходя из высоты отметки выходов родника и наиболее высоких отметок населенного пункта (разность отметок около 42 м), запроектирован напорный водопровод с трубами диаметром 100—150 мм с установкой уличных колонок и с контррезервуаром.

Водозаборным сооружением будут служить два бетонных круглых каптажных колодца, расположенных на расстоянии около 18 м друг от друга и работающих совместно посредством камеры переключения в одну трубу с помощью центробежного насоса.

Конструкция каптажей аналогична с предыдущей схемой.

В случае недостаточности дебита родников для запроектированных каптажей или расширения водопровода, имеются возможности увеличения воды в водоприемнике: а) закладка дренажных труб с подачей воды в каптажные колодцы; б) использование подрусловых вод поймы Свияги, расположенной в непосредственной близости от выхода родников; в) забор воды из Свияги.

В свете исторических решений XXI съезда КПСС организация производственного и хозяйственно-питьевого водоснабжения колхозов, РТС и совхозов является одним из важнейших мероприятий в области развития сельского хозяйства в нашей стране.

По выполнению этих исторических решений в Ульяновской области проведена некоторая работа.

Но эта работа далеко недостаточна для решения актуальных задач, касающихся сельскохозяйственного водоснабжения. Развитие водоснабжения все еще отстает от роста населенных пунктов, промышленных предприятий, от возросших потребностей сельского хозяйства.

Дальнейшее развитие водного хозяйства Ульяновской области должно идти по линии быстрейшего преодолевания этого отставания, посредством полного использования всех возможностей на местах в деле коренного улучшения водоснабжения.

В связи с этим могут быть намечены следующие задачи:

1. Несмотря на наличие значительных сведений о подземных водах, можно сказать, что они на описываемой территории изучены недостаточно, поэтому не использованы в полном объеме. Нет обобщенных данных о формировании и составе подземных вод на территории области. Буровые скважины иногда закладываются без учета предварительных гидрогеологических данных; некоторые проекты водоснабжения составляются без производства необходимых разведочных работ. Поэтому необходимо усилить работу по изучению формирования и состава подземных вод. Организовать в области пункт гидрогеологической службы, где должен быть сосредоточен сбор данных по бурению и по изучению режима родников и учредить надзор за использованием подземных вод. Составить сводную гидрогеологическую карту описываемой территории области в масштабе 1:500.000, на которой необходимо показать основные данные по грунтовым и напорным (артезианским) водам с классификацией воды по качественным показателям. Карту дополнить чертежами типовых конструкций водоприемников для разных районов применительно к местным условиям.

2. В районах описываемой территории еще не использованы простейшие средства улучшения водоснабжения населенных мест; не изучены полностью условия возможного устройства самотечных водопроводов на родниках, выходящих на достаточной высоте над населенными пунктами; нет достаточного технического надзора за каптажными устройствами; шахтными колодцами и их санитарным состоянием; ремонт их своевременно не проводится.

Необходимо провести большую работу по расчистке, ремонту и благоустройству, а также расширению существующих каптажей и шахтных колодцев; деревянные конструкции заменить бетонными, там, где возможно,—сборными и за счет этих мероприятий увеличить дебит воды; использовать их в качестве водоисточников для центрального водопровода, прежде всего самотечного; благоустроить полевые родники.

3. Основным источником питьевого водоснабжения на описываемой территории и далее остаются подземные воды и, прежде всего, естественные их выходы — родники и водные запасы неглубоко лежащих коренных водоносных горизонтов. Это значит, что районное водоснабжение

на описываемой территории продолжает оставаться родниково-колодцевым, так как оно дает наиболее экономичное решение. В связи с этим необходимо основное внимание направить на проектирование этих сооружений, на разработку усовершенствованных конструкций их, на применение рациональных вариантов насосно-силового оборудования.

При этом необходимо учитывать особенности существующих конструкций и отбирать наиболее приемлемые для местных условий. При недостаточности дебита подземных вод для водоснабжения всего хозяйства колхоза, совхоза, РТС использовать их для питьевых целей, а местный сток — для хозяйственных нужд.

Обеспечить систематическое наблюдение за дебитом и качеством подрусловых и инфильтрационных вод в поймах рек, разработать рациональные конструкции шахтных колодцев и мелких буровых скважин для их использования.

Широко применять бесфильтровые скважины, комбинированные шахтно-трубчатые колодцы, цементно-гравийные фильтры, бетонные сборные шахтные и буровые колодцы.

Выполнение указанных задач даст возможность широко использовать подземные воды в районном водоснабжении, поможет быстрее решить задачу крутого подъема сельского хозяйства в нашей области.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Е. В. Милановский. Геологическое строение, подземные воды и полезные ископаемые Ульяновской губернии в «Геологическом сборнике», вып. 2. Общество изучения Ульяновского края, г. Ульяновска, 1927 год.
2. Оползни Среднего и Нижнего Поволжья и меры борьбы с ними. Водгево, 1935 год. Коллектив авторов и под редакцией проф. Е. В. Милановского, инж. М. П. Семенова.
3. Архивные материалы о Сенгилеевском и Новодевиченском водопроводах. Ульяновский Госархив.
4. Проекты водопровода в селениях Ишеевка, Тереньга и Сенгилей.
5. А. А. Кирпичников. Вопросы сельского водоснабжения. Журнал «Водоснабжение и сантехника» № 3, 1955 год.
6. Материалы Всесоюзной научной конференции по вопросам гигиены воды и воздуха и санитарной бактериологии (16—20 мая 1955 г.).
7. Материалы совещания при Государственном научно-исследовательском институте им. Ф. Ф. Эрсмана по вопросам сельхозснабжения (10—12 марта 1955 г.).

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

О. К. Надольский

ДИАТОМИТЫ, ТРЕПЕЛЫ И ОПОКИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди полезных ископаемых Ульяновской области большого внимания заслуживают диатомиты, трепелы и опоки. Они относятся к горным породам осадочного происхождения, сложенным опаловым кремнеземом.

Диатомитом называется рыхлая или уплотнившаяся землистая кремнистая порода, нежная на ощупь, тонкопористая, чрезвычайно легкая. В сухом состоянии диатомит имеет светло-серый, слегка желтоватый или почти белый цвет. Во влажном состоянии он обычно имеет зеленовато-серый цвет. Состоит диатомит главным образом из мельчайших кремневых панцырей диатомовых водорослей и небольшого количества кремневых скелетных частей радиолярий и губок, а также очень мелких округлых зерен аморфного кремнезема. В качестве примесей содержится небольшое количество глинистого материала, мелких зерен кварца и глауконита.

Панцыри диатомовых водорослей, представляющие собой полые внутри, микроскопические (размером 0,002—0,15 мм) опаловые тельца, придают диатомиту характерные физические свойства (легкость, пористость и др.), которые способствуют разнообразному его использованию.

Количество цельных панцырей диатомовых водорослей колеблется в различных сортах диатомита в широких пределах от 1,7 до 30 млн. в 1 см^3.

В некоторых случаях при применении диатомита количество, размеры и форма панцырей имеют существенное значение.

Удельный вес наиболее чистых диатомитов близок к опалу — 2,03 и возрастает до 2,20 с увеличением содержания глинистых и других примесей.

Объемный вес диатомитов в куске колеблется от 0,426 (для наиболее чистых диатомитов) до 0,960 (для содержащих большое количество глины).

Пористость диатомитов очень велика; для хороших сортов она достигает 90—92 проц.

Объемный вес в порошке изменяется в широких пределах — 0,179—0,613 также в зависимости от содержания глины и других примесей.

Адсорбирующая способность диатомита невысокая, но по отношению к некоторым веществам она является весьма значительной. Например, порошкообразный диатомит при фильтровании сахара-сырца удерживает значительное количество коллоидальных веществ и способствует очистке сахара. Диатомиты успешно применяются также для очистки различных масел и отбеливания нефтепродуктов.

Вследствие высокого содержания активного кремнезема диатомиты хорошо адсорбируют щелочи и отличаются высокой кислотоупорностью.

Они также отличаются весьма высокой поглотительной способностью по отношению к жидкостям.

Теплоемкость диатомитов на единицу веса почти равна теплоемкости обычных огнеупорных материалов.

Теплопроводность диатомитов очень невелика и составляет при средней температуре испытаний 50°С для породы в порошке 0,06—0,07 ккал/м°С, а для изделий объемного веса 0,250—0,500 в пределах 0,08—0,12 ккал/м°С час.

Химический состав диатомитов в основном представлен кремнеземом. В небольшом количестве присутствуют и другие компоненты.

Ниже приводится таблица химического состава светлого, пятнистого и серого диатомитов из наиболее известных месторождений Ульяновской области (по данным ВИМС).

Компоненты	Барышское месторождение	Сенгилеевское месторождение	Инзенское месторождение		
			светлый	пятнистый	серый
SiO_2	75,6—84,21	75,94—86,89	74,77—88,15	78,61—82,80	72,33—82,65
TiO_2	0,09—1,02	—	0,24—0,49	0,31—0,36	0,24—0,35
Al_2O_3	4,05—7,22	4,22—8,73	3,10—9,25	5,41—6,01	4,79—6,27
Fe_2O_3		1,12—5,13	2,37—5,16	1,38—2,94	2,23—3,44
CaO	0,50—0,73	0,15—1,01	0,47—0,85	0,42—1,12	0,40—6,46
MgO	0,96—2,21	0,37—1,52	0,61—1,71	0,81—1,43	0,38—1,24
SO_3	—	0,14—0,91	—	—	—
P_2O_5	—	—	—	—	—
K_2O, Na_2O		1,08—1,62	—	—	—
H_2O гигроскоп	4,18—11,32	—	—	—	—
Потери при прокаливан.	3,32—5,16	4,15—7,18	2,73—5,88	4,95—10,13	5,70—10,05

По своему химическому составу и физическим свойствам диатомиты Ульяновской области мало чем отличаются от диатомитов аналогичного происхождения из других известных месторождений.

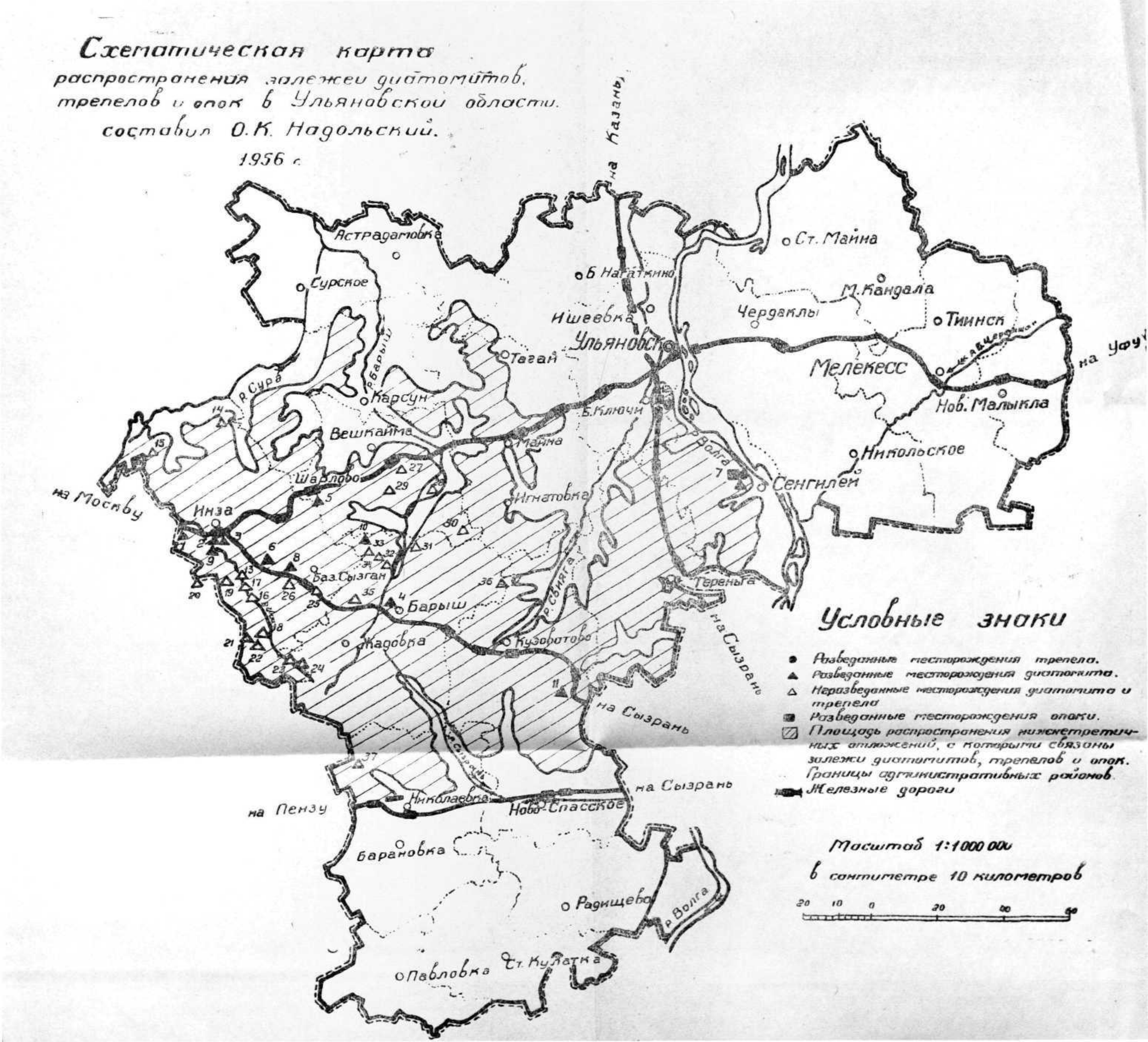
Трепелом называется весьма тонкозернистая пористая рыхлая порода, состоящая в основном из мельчайших округлых зерен аморфного кремнезема. В небольших количествах встречаются кремнистые остатки диатомовой флоры.

По внешнему виду, физическим свойствам и химическому составу трепел почти не отличим от диатомита и различить эти породы в большинстве случаев можно только под микроскопом.

Опока представляет собой довольно крепкую породу весьма тонкопористую с плоскораковистым или неровным изломом, палевых до темно-серых, почти черных тонов. В основном опоки сложены опаловым кремнеземом. Количество опалового кремнезема нередко уменьшается за счет увеличения содержания глинистого вещества, вследствие чего порода приобретает иные свойства (например, способность к размоканию в воде, уменьшению пористости и т. д.). Такие породы образуют постепенный переход от опок к глинам.

Для того, чтобы лучше понять природу диатомитов, трепелов и опок, мы познакомимся ниже с классификацией осадочных пород, сложенных опаловым кремнеземом (классификация предложена ВИМСом).

По химическому составу и физическим свойствам диатомит инзенского месторождения довольно однообразен и обладает высокими качествами.

Схематическая карта
распространения залежей диатомитов,
трепелов и опок в Ульяновской области.
составил О.К. Надольский.
1956 г.
на Казань
Астрадамовка
Сурское
Б. Нагаткино
Ишеевка
Ульяновск
Ст. Майна
М. Кандала
Чердаклы
Тиинск
Мелекесс
на Уфу
Нов. Малыкла
Никольское
Сенгилей
Тагай
Карсун
р. Барыш
р. Сура
Вешкайма
Б. Ключи
Майна
Шарлово
на Москву
Инза
Игнатовка
Баз. Сызган
Барыш
р. Свияга
Тереньга
Волга
на Сызрань
Жадовка
Кузоватово
на Сызрань
на Сызрань
р. Сызран
на Пензу
Николаевка
Ново-Спасское
Барановка
Радищево
р. Волга
Павловка
Ст. Кузатка
Условные знаки
Разведанные месторождения трепела.
Разведанные месторождения диатомита.
Неразведанные месторождения диатомита и трепела
Разведанные месторождения опоки.
Площадь распространения нижнетретичных отложений, с которыми связаны залежи диатомитов, трепелов и опок.
Границы административных районов
Железные дороги
Масштаб 1:1000 000
в сантиметре 10 километров
20 10 0 20 40 60

Породы, в основном состоящие из остатков организмов

Континентальные отложения		Морские отложения		
Диатомиты, образовавшиеся в озерах постгляциального ландшафта	*Диатомиты, образовавшиеся в озерах вулканического ландшафта*	*Диатомиты, образовавшиеся в эпиконтинентальных бассейнах*	Диатомиты, образовавшиеся в морских бассейнах в районе проявления вулканической деятельности	Спонголиты

Продолжение.

Породы, в которых остатки организмов играют подчиненную роль или совершенно отсутствуют

Морские отложения	Морские отложения		Континентальные отложения
	Трепелы		
Опоки с остатками радиолярий, спикул губок и панцырей диатомовых водорослей	тонкозернистые	глобулярные	опаловые кремни из озер вулканического происхождения

В геологическом отношении месторождения диатомитов, трепелов и опок в Ульяновской области связаны, главным образом, с отложениями нижнесызранского яруса палеоцена и, следовательно, они по своему происхождению представляют осадок эпиконтинентального морского бассейна начала третичного периода.

Вмещающими породами для диатомитов и трепелов являются опоки. Общая мощность толщи опок, диатомитов и трепелов нижнесызранской свиты в Ульяновской области достигает 70—100 метров.

Залежи диатомита имеют линзообразный характер. При этом размеры линз (по простиранию и мощности) огромны. Например, мощность (толщина) залежей диатомита на Инзенском и Барышском месторождениях достигает 50—60 м, на Шарловском месторождении — 30 м, а в районе г. Сенгилея—до 30—70 м.

Наиболее крупные залежи диатомитов в Ульяновской области в настоящее время известны в Барышском, Инзенском, Вешкаймском и Сенгилеевском районах. Известны также месторождения диатомита в Кузоватовском и некоторых других Правобережных районах.

В настоящее время в Ульяновской области имеется 11 месторождений диатомита, в той или иной степени изученных и освещенных геологоразведочными работами. Кроме того, залежи диатомита, выходящие на дневную поверхность или неглубоко залегающие от нее, обнаружены при геолого-съемочных и поисковых работах еще более, чем в 30 пунктах, (см. прилагаемую карту).

Наиболее крупными из разведанных месторождений являются:

Инзенское месторождение (см. карту № 2), находящееся близ ст. Инза жел. дор. им. В. В. Куйбышева. Диатомит залегает близко от дневной поверхности или прикрыт сильно трещиноватой легко-разборной опокой мощностью до 4—6 м. Залежь полностью не оконтурена. Максимальная мощность полезной толщи до 52—60 м. Промышленные запасы диатомита около 6 млн. $м^3$, перспективные же запасы свыше 12 млн. $м^3$.

По химическому составу и физическим свойствам диатомит инзенского месторождения довольно однообразен и обладает высокими качествами.

Верхняя часть полезной толщи сложена светлым зеленовато-желтым диатомитом, который при высыхании становится почти белым со слабо-желтоватым оттенком. В нижней части толщи в диатомите появляются темные пятна (пятнистый диатомит), количество которых книзу постепенно возрастет, и диатомит становится однородным темно-серым, в сухом состоянии и почти черным во влажном. Темно-серая окраска диатомита, по-видимому, обусловлена присутствием органического вещества.

Разработка месторождения начата еще до 1915 года. Систематическая его эксплуатация производится с 1937 г.

В настоящее время месторождение эксплуатируется Инзенским диатомовым комбинатом. Разработка ведется открытым механизированным способом. Разрабатывается лишь верхняя часть полезной толщи, мощностью до 20—30 м.

За период 1937—43 гг. добыто не более 400 тыс. м^3. Огромные запасы и высокое качество диатомита, а также весьма благоприятные горнотехнические условия залегания, позволяют значительно расширить эксплуатацию этого месторождения.

Аналогичное месторождение (№ 3) диатомита расположено в 3 км к югу от Инзы. Оно с 1942 г. эксплуатируется «Термозаводом». Разработка ведется открытым способом на глубину до 20—25 м. Мощность полезной толщи достигает 30—40 м. Промышленные запасы диатомита около 1 млн. м^3. Месторождение недостаточно оконтурено и перспективные его запасы очень велики.

По геологическим и горнотехническим условиям, а также по качеству сырья это месторождение мало чем отличается от вышеописанного соседнего месторождения диатомового комбината.

Шарловское месторождение (№ 5) расположено в 0,5 км к юго-западу от ст. Шарлово Уфимской жел. дор. в Вешкаймском районе. Диатомит залегает близко от дневной поверхности. Мощность полезной толщи доходит до 30 м. Разведанные запасы диатомита достигают 15 млн. м^3. В настоящее время месторождение эксплуатируется Шарловским комбинатом Министерства транспортного строительства, вырабатывающим преимущественно диатомитовый кирпич, термоизоляционные плиты и термоизоляционную диатомитовую крошку.

Огромнейшие разведанные запасы сырья обеспечивают работу Шарловского комбината более чем на 100 лет. Близость этого месторождения к железной дороге, хорошие горнотехнические условия, огромные запасы и высокое качество диатомита позволяют во много раз расширить использование этого месторождения.

Забалуйское месторождение (№ 1) диатомита находится близ с. Забалуйки в Инзенском районе, в 2 км к юго-западу от разъезда Совет. Диатомит залегает под покровом пластов разборной опоки на глубине 1—3 м. Мощность полезной толщи не более 20 м. Месторождение полностью не оконтурено.

Впервые оно было освещено геологоразведочными работами в 1932 году. Дополнительная детальная разведка была проведена в 1954—1955 году на площади 8,9 га. Промышленные запасы диатомита достигают 702 тыс. м^3, а перспективные запасы свыше 1020 тыс. м^3.

В настоящее время Забалуйское месторождение эксплуатируется кирпичным заводом управления стройматериалов. Разработка ведется открытым способом на глубину 5—7 м. Имеются огромные возможности для расширения разработки диатомита на этом месторождении.

Барышское месторождение (№ 4) диатомита расположено на северной окраине Барыша близ жел. дор. станции, на правобережном склоне долины речки Мокрый Барыш. Диатомит этого месторождения по своему происхождению и условиям залегания мало чем отличается от

инзенского и других соседних месторождений. Однако он имеет серый цвет, повышенное содержание примесей (кварцевого песка, глины и зерен глауконита) и меньшую пористость. Объемный вес барышского диатомита в порошке в 1,5—2 раза больше чем для инзенского диатомита.

В настоящее время эксплуатация месторождения производится Барышским кирпичным заводом «Красная горка». Разработка производится открытым способом при незначительной механизации. Несмотря на огромную мощность полезного ископаемого (до 50—60 м), разработка ведется лишь на глубину не более 20—25 м.

Предварительная разведка месторождения производилась в 1930—1932 гг. Она выявила перспективные запасы свыше 300 тыс. м³, но залежь полностью не была оконтурена, а качество диатомита оставалось недостаточно изученным. Лишь в 1955 г. были проведены детальные геологоразведочные работы, с помощью которых выявлены промышленные запасы диатомита в 1025 тыс. м³.

Сенгилеевское месторождение (№ 7), в урочище «Гранное ухо» расположено на правом берегу Волги в 7 км к северу от г. Сенгилея.

Дополнительными геологоразведочными работами на этом месторождении была выявлена мощность диатомита в 31 м, и установлено его высокое качество. Промышленные запасы диатомита более 390 тыс. м³, а перспективные запасы свыше 1,8 млн. м³.

Особо следует отметить, что сопутствующими полезными ископаемыми в этом месторождении являются: трепел, опока и белый чистый писчий мел, мощностью около 18—20 м.

В 1930—33 гг. из диатомита сенгилеевского месторождения, посредством небольшой добавки глины, изготовлялся строительный кирпич.

В 1936 —37 гг. диатомит разрабатывался Сенгилеевским цементным заводом и употреблялся в качестве гидравлической добавки при изготовлении цемента. Впоследствии для этой цели завод стал употреблять местные опоки.

Детальные геологоразведочные работы в 1955 г. выявили на сенгилеевском месторождении («Гранное ухо» и гора «Лысуха») запасы диатомита — в 4079 тыс. м³ при соотношении мощности вскрыши и полезной толщи 1:5.

Близость сенгилеевского месторождения к р. Волге, значительные запасы диатомита, а также наличие на этом же участке залежей трепела, мела, мергеля и опоки создают благоприятные условия для организации на базе месторождения крупного производства термоизоляционных материалов и изделий из них.

Кроме упомянутых выше эксплуатируемых в настоящее время месторождений диатомита, следует также отметить ряд перспективных крупных месторождений диатомита, которые в той или иной степени освещены геологическим обследованием, или геологоразведочными работами. Некоторые из них в прошлом в незначительной степени разрабатывались.

Месторождение (№ 6), расположенное в 2 км к северу от разъезда Вырыпаевка, близ д. Озимки в Инзенском районе, было разведано в 1932 г. Мощность диатомита свыше 25 м, средняя мощность вскрыши 1,25 м, запасы свыше 6 млн. м³. По качеству диатомит пригоден для производства строительных и термоизоляционных материалов.

Вязовское месторождение (№ 8) находится в 4 км от разъезда Должниково, в 2,5 км к юго-востоку от с. Вязовки, Инзенского района. Мощность диатомитовой залежи 14 м. Нижняя часть залежи обводнена.

В кровле диатомита залегают пески и щебенка глауконитового песчаника, средней мощности 2,2 м.

Запасы диатомита исчисляются в 4,3 мл. $м^3$. По своему качеству диатомит пригоден для производства легковесного кирпича и для термоизоляционных целей.

Панцыревско-Оськинское месторождение (№ 9) находится в 5—6 км к юго-западу от г. Инзы. В прошлом оно разрабатывалось Московским теплотехническим институтом.

Старо-Зиновьевское месторождение (№ 10) находится на левом берегу р. Мокрый Чилим близ с. Ст.-Зиновьевка в Барышском районе. Видимая мощность диатомита — 12 м, вероятная — до 30 м, а мощность вскрыши — 6 м. Ориентировочные запасы диатомита исчисляются в 63,5 млн. $м^3$. По своим запасам месторождение заслуживает особого внимания и требует дополнительных геологоразведочных работ и изучения качества диатомита.

Безводовское (Кивач) месторождение диатомита (№ 11) расположено в Кузоватовском районе, в 0,5 км к западу от разъезда Кивач и в 4 км от ст. Безводовка (жел. дор. им. В. В. Куйбышева). Оно было детально разведано в 1932 г. При этом были выявлены промышленные запасы диатомита в 5 млн. $м^3$.

Крупные залежи трепела в Ульяновской области встречаются значительно реже, чем залежи диатомита. По отношению к последним трепел обычно является сопутствующим ископаемым. В настоящее время разведанные залежи трепела известны только на сенгилеевском месторождении «Гранное ухо», где мощность трепельной линзы достигает 13,5 м.

Трестом «Мосгеолнеруд» в 1952—53 гг. было найдено и разведано новое месторождение (№ 12) трепелов и опок в 1,5 км к юго-востоку от с. Бол. Ключищи в Ульяновском районе, на Свияго-Волжском водоразделе, в лесу. Трепела и опоки этого месторождения залегают под суглинками на глубине до 1,5 м.

Опоки, трепела и глины переслаиваются между собой. В нижних частях разреза содержатся прослои опоковидного песчаника. Мощность опоково-трепельной толщи достигает 25 м.

Подстилающей породой является мел. Залежи опок и трепелов описываемого месторождения занимает площадь около 3 $км^2$.

Наилучший участок месторождения расположен западнее линии железной дороги Ульяновск—Сызрань. В восточном направлении опоки и трепела постепенно обогащаются песчаным материалом и частично замещаются в разрезе песчаниками.

На детально разведанном участке площадью около 1 $км^2$ выявлены запасы трепелов и опок в 15 млн. тонн.

Опоки и трепела бол. ключищенского месторождения испытывались в качестве гидравлических добавок в цементном производстве и оказались вполне пригодными для этих целей.

Ниже кратко остановимся на описании выявленных, но пока еще мало изученных залежах диатомитов и трепелов в различных районах Ульяновской области.

В Инзенском районе к северо-западу от сс. Репьевка и Голодяевка (№ 13) наблюдаются естественные обнажения диатомита мощностью до 20 м.

К северу от с. Труслейки диатомит залегает в береговых обрывах больших оврагов, прорезающих склоны речки Тала (правый приток р. Суры) близ сел Проломихи и Чамзинки (№ 14). По речке Аргаш (правый приток р. Суры), диатомит обнажается в обрывах правого берега у с. Городище (№ 15).

На левом берегу р. Инзы к юго-востоку от с. Ст. Домосердки (№ 16) диатомит хорошо заметен по склонам Молебного оврага.

У с. Нов. Домосердка обнажения диатомита (№ 17) наблюдаются по берегам р. Инзы на 10—15 м выше ее уровня.

У деревни Мал. Борисовка выходы диатомита мощностью до 16 м имеются в Малом овраге (№ 18).

Близ деревни Андриановки (№ 19) выходы диатомита, переслоенного с опокой, прослеживаются под покровом суглинка по берегам речки Калдаш (левый приток р. Инзы). В верховьях названной речки у с. Коржевка выходы диатомита (№ 20) имеют мощность до 10 м.

У с. Ахматовка (№ 21) и д. Потаповка (№ 22) в берегах оврагов, открывающихся к речке Кеныша (левый приток р. Инзы) обнажается желтовато-серый мягкий очень нежный на ощупь диатомит, мощностью до 15—20 м.

Аналогичные выходы диатомита отмечаются по берегам речки Ломовки у сел. Саимановки (№ 23) и Александровки (№ 24).

В районе станции Базарная (№ 25) железнодорожная линия проходит по большому оврагу, в отвершках которого обнажаются сверху вниз:

1) Песчаники зеленовато-серые и светло-серые 3—4 м.
2) Диатомит 4—5 м.
3) Опока плотная темно-серая 2 м.

В 1—2 км к юго-востоку от разъезда Должниково под покровом глин и песков, на глубине 1,3 м диатомит залегает (№ 26) мощностью свыше 10 м. Грунтовые воды в этом месте встречены на глубине 8—9 м.

В Вешкаймском районе опоки и диатомиты обнажаются в 1,5—2,0 км от станции Вешкайма (№ 27). В 12 км на юго-восток от ст. Вешкайма на глубине 1,5—12 м встречены залежи диатомита (№ 28), мощностью до 8 м.

У д. Озерки (№ 29) в 12 км юго-западнее ст. Вешкайма в берегах оврагов обнажаются пласты опоки —4—5 м и диатомита — 17—18 м.

По берегам речки Стемас часто наблюдаются обнажения диатомита и опоки у д. Араповки (№ 30), мощностью до 17—18 м.

В Барышском районе многочисленные залежи диатомита обнаружены в бассейне р. Барыш и его притоков — речек Решетки, Сырого Барыша, Мокрого Чилима, Муры и др. Например, у д. Беликово (№ 31) под песками с прослойками песчаника встречены залежи диатомита мощностью до 37 м, ниже залегает опока с прослойками диатомита.

Залежи диатомита известны также около сс. Савадеркино (№ 32), Мал. Хомутерь (№ 33), Девяткино (№ 34).

Близ разъезда Чувашская решетка по берегам речки Решетки, в верхней части склона между селами Заводская Решетка и Чув. Решетка обнажается (№ 35) под покровом суглинка:

1) Опока — 4— 6 м.
2) Диатомит —15—20 м.

В верховьях реки Свияги, к северу от станции Поливаново, близ с. Бештановка (№ 36) на водораздельном плато при буровых работах обнаружен диатомит.

В Николаевском районе, у с. Рызлей (№ 37) известны залежи диатомита, которые, по-видимому, приурочены к верхнесаратовским слоям.

Из приведенного выше весьма краткого описания залежей диатомитов, трепелов и опок видно, что запасы этих полезных ископаемых в Ульяновской области практически неисчерпаемы. По самым скромным подсчетам, только на выявленных месторождениях промышленные запасы диатомитов и трепелов превышают 29 млн. м^3, а перспективные запасы превышают 170 млн. м^3.

Упоминавшиеся выше особые свойства диатомита и прежде всего его легкость, тонкая пористость, плохая теплопроводимость, кислотоупорность, адсорбционные свойства (способность поглощать некоторые вещества), а также химические качества делают его ценным сырьем.

Диатомиты широко применяются в различных отраслях промышленности и прежде всего в промышленности строительных материалов, в термоизоляционной, пищевой, нефтяной, абразивной и химической.

В промышленности строительных материалов диатомиты и трепелы в настоящее время используются, главным образом, для выработки облегченного кирпича без применения выгорающих добавок.

По сравнению с обычным строительным кирпичом преимуществами этого кирпича являются малый объемный вес и довольно хорошие термоизоляционные свойства; к недостаткам относится повышенное водопоглощение, пониженная механическая прочность и небольшая морозоустойчивость.

Диатомит и трепел применяются в качестве гидравлической добавки при выработке специальных марок цемента, затвердевающих не только на воздухе, но и под водой. Трепел и диатомит используются для увеличения химической стойкости вяжущих материалов.

В виде кусков различной по крупности величины диатомит и трепел применяются как заполнитель строительного бетона. Добавка диатомита в бетон усиливает связанность составных частей бетона, улучшает текучесть его, что увеличивает удобство обработки бетона во время укладки. Кроме того, добавка диатомита увеличивает сопротивление бетона на сжатие.

Диатомит применяется как твердый эмульгатор для изготовления битумных и битумно-смоляных паст для дорожного строительства.

В термоизоляционной промышленности диатомит и трепел широко используются в качестве основного сырья.

Применяются следующие виды термоизоляционных диатомитовых материалов и изделий:

а) молотый порошок для засыпной изоляции;

б) асбодиатомовые и асботрепельные массы двухкомпонентные и многокомпонентные;

в) обжиговые изделия —кирпич, скорлупы и сегменты (для изоляции трубопроводов);

г) силикатно-асбестовые (запарные) изделия из диатомита, извести и асбеста;

д) составы с органическими добавками (бумажной пылью, опилками, очесами и т. д.);

е) диатомо-битумные водоупорные материалы.

Ценным свойством диатомита и трепела является температуроустойчивость. Нагрев до 800—900°С увеличивает прочность диатомита, не изменяя объема, что позволяет применять диатомит и трепел как термоизоляционный материал при температуре до 1000°С.

В нефтяной и пищевой промышленности диатомит, а отчасти трепел и опока применяются как фильтровальные, отбеливающие (адсорбционные) и влагопоглощающие материалы для очистки нефтепродуктов, различных масел, глицерина, сала, сахарных сиропов и фруктовых соков.

Обогащение фильтровального диатомита может производиться путем отмучивания (удаления глинистых частиц) и обжигом до 1000°С.

В абразивной промышленности используется тонкомолотый диатомит и трепел в качестве добавки в полировальные составы для окончательной отделки металла, мрамора.

Большей частью диатомовый порошок применяется для изготовления полировальных паст, составляемых на мыльной воде или масле. В

мыловаренной промышленности диатомит служит в качестве добавки как мягкий абразив.

В химической промышленности диатомит применяется для получения многокремнистого устойчивого противощелочного ультрамарина, для обезвоживания сухих кислот, изготовления взрывчатых веществ и т. д.

В качестве наполнителя диатомит используется в небольших количествах различными отраслями промышленности. Например, в резиновой промышленности (для придания резине повышенных электроизоляционных и кислотоупорных свойств, а также увеличения ее жесткости), в изготовлении пластмасс.

Практическое применение трепела в общем совпадает с практическим применением диатомита. Однако в большинстве случаев диатомит оказывается более ценным сырьем, особенно в качестве теплоизоляционного, адсорбирующего и фильтровального материала.

Практическое использование опок в Ульяновской области в настоящее время ограничивается лишь применением их в качестве гидравлической добавки в цементном производстве, а также для дорожного строительства (грунтощебневое покрытие).

Следует отметить, что опоки в Ульяновской области, в зависимости от наличия глинистых примесей, включений глауконитовых зерен, вторичного окремнения, отличаются большим разнообразием, но изучены они в качественном отношении очень мало.

Несмотря на широкое распространение разнообразных по происхождению и качествам диатомитов, трепелов и опок в различных районах СССР, залежи этих полезных ископаемых и прежде всего диатомитов в Ульяновской области заслуживают большого внимания.

До Отечественной войны в СССР добыча диатомита и трепела не превышала 400—500 тыс. тонн в год. Она велась всего лишь на 10 предприятиях, из которых инзенское было одним из крупных. В настоящее время добыча этого сырья в нашей стране значительно возросла. Около 70 проц. добываемого сырья потребляется промышленностью, изготовляющей стройматериалы, 27 проц. идет на изготовление термоизоляционных материалов и изделий, и только 3 проц. приходится на долю всех прочих надобностей.

По запасам диатомитов Ульяновская область занимает одно из первых мест в РСФСР.

Группа месторождений диатомита в Инзенском, Барышском, Вешкаймском и Кузоватовском районах характеризуется очень высокими качествами сырья, огромными—практически неисчерпаемыми—его запасами, а также весьма благоприятными геологическими и горнотехническими условиями залегания. Большинство крупных месторождений расположено близко к железнодорожным станциям и удобно для разработки открытым способом.

Действующие в настоящее время промышленные предприятия в Барыше, Инзе и Шарлове по переработке диатомитов выпускают главным образом термоизоляционные и адсорбционные материалы, а также легковесный строительный кирпич. Из разведанных запасов введено в эксплуатацию не более 20 проц.

Огромные ресурсы диатомитов в нашей области позволяют значительно расширить их разработку и промышленное использование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рожкова Е. В. и Горецкий Ю. К. — «Диатомиты и трепелы», т. 1. Происхождение и классификация кремневых опаловых пород. Труды ВНИИМС, вып. 177, изд. 1945 г.
2. Воронков Б. С. и Тукальская Э. М. — «Диатомит, трепел и опока», требования промышленности к качеству минерального сырья. (Справочник для геологов). Вып. 21, изд. 1947 г.
3. Рожкова В. Е. и Воронков Б. С. — «Очерк месторождений трепела и диатомита СССР», ОНТИ, 1934 г.
4. Самойлов Я. В. и Рожкова Е. В. — «Отложения кремнезема органогенного происхождения», Труды ИПМ, № 18, 1925 г.
5. Рожкова Е. В. — «К методике исследования свойств диатомовых земель, трепелов и опок». Труды института прикладной минералогии, вып. 42, 1929 г.
6. Милановский Е. В. — «Геологический очерк бассейнов рр. Барыша и Суры в Ульяновской губ.», мемуары геологического отделения общества любителей естествознания антропологии и этнографии ОНТИ, 1934 г.
7. Милановский Е. В. — «Геологический очерк Среднего и Нижнего Поволжья», ГОНТИ, 1940 г.
8. Милановский Е. В. — «Геологический очерк месторождения трепелов в Карсунском уезде Симбирской губ.» Вестн. **Моск. Горн. Акад. т. 1, в 2, 1922 г.**
9. Милановский Е. В. — «Геологическое обследование некоторых месторождений полезных ископаемых в Ульяновской губернии», 1928 г.
10. Павлов А. П. — «Краткий очерк геологического строения местности между Сурой и верховьями Барыша и Сызрани», Изв. Геокома, т. XI, 1892 г.
11. Рогозин Г. С. — «Материалы к изучению кремнистой глины и инфузорной земли в Карсунском уезде Симбирской губ.», изд. 1913 г.
12. Руднева М. Т. — «Геолого-экономический обзор минеральных строительных материалов Ульяновской области», Геолстромтрест, 1945 г. (рукопись).
13. В. Коцоурек и П. Обуховский. — «Естественные строительные материалы Средневолжского края», Средневолжское краевое Госиздательство, 1933 год. Москва—Самара.
14. Розенталь А. А. — «Трепельные строительные материалы». Госстройиздат, 1932 г. Москва—Ленинград.
15. Красильников Н. А. — «Отчет о детальных геологоразведочных работах на Сенгилеевском месторождении диатомитов», Мосголнеруд (рукопись), 1955 г.
16. Джиошвили Л. А. — «Отчет о детальной разведке диатомитов на Барышском месторождении». Геолстромтрест (рукопись), 1955 г.
17. Батурина. — «Отчет о детальной разведке диатомитов на Забалуйском месторождении». Геолстромтрест (рукопись), 1955 г.
18. Бабич В. Я. — «Отчет о разведочных работах на трепел близ разъезда Кивач, Московско-Казанской жел. дороги», Средне-Волжское отделение института прикладной минералогии (рукопись). 1930 г.
19. Бабич В. Я. — «Диатомит — трепел», 1930 г.
20. Вечканов. — «Отчет о детальном геологоразведочном обследовании Шарловского месторождения трепела» (рукопись), 1940 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

Н. Н. Благовещенская

К ВОПРОСУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕННОМ ОПЫЛЕНИИ ЛЮЦЕРНЫ

Закрытый цветок люцерны и факторы, обуславливающие его вскрытие и опыление, привлекали и привлекают внимание исследователей. На основании работ целого ряда авторов (Богоявленский С. Г. — 1953, Журавлев А. А. — 1951, 1952, Завгородняя В. К. — 1952, Костылев А. Д. и Виноградов С. И. — 1934, Попов В. В. — 1951, Пономарев А. Н.—1950, Синадский Е. К. и Каргаполов Е. А—1935, Филатов Ф. И.—1951, Щибря А. А—1947), а также на основании исследований автора настоящей статьи установлено, что опылителями люцерны являются только дикие одиночные пчелы и основными из них, в частности в Ульяновской области, являются Melitturga clavícornis Latr, Rophites çanus Eueram. Melitta leporina Pz. Медоносные пчелы в опылении люцерны не играют никакой роли, так как собирают с ее цветков только нектар, оставляя цветки люцерны закрытыми, т. е. неопыленными.

Еще в 1934 г. Костылев А. Д. и Виноградов С. И. установили, что цветок люцерны могут вскрывать только дикие пчелы, но вместе с тем они указывают и на возможность искусственного открывания цветков люцерны. Ими был поставлен вопрос о механизации этого процесса в условиях недостатка одиночных пчел опылителей, в частности, было предложено сдавливание цветков.

В 1947 г. Мусийко А. С. вновь был поднят вопрос об искусственном опылении люцерны. Мусийко А. С. говорит, что «основная цель проведения добавочного опыления люцерны — добиться наибольшего раскрытия цветков на посеве и освободить их для перекрестного наиболее полного опыления» (стр. 33). При этом предполагается, что на рыльца искусственно открытых цветков пыльцу могут нанести насекомые или ветер. Для раскрытия цветков люцерны Мусийко А. С. рекомендует встряхивание растений при помощи обыкновенных веревок и веников или веревок с навязанными на них веничками из сорго или каких-либо других растений. Соловьевым Г. М. (1947) рекомендуется другой способ проведения дополнительного искусственного опыления люцерны, а именно: производить удары щеткой из свиной щетины под углом к стеблям с последующим горизонтальным движением ее по люцерне. Копержинским В. В. и Щибря А. А. (1950) как более эффективное средство раскрывания цветков рекомендуется волокуша, состоящая из 8—10 легких планок. При протягивании волокуши по травостою каждое растение получает 8—10 следующих друг за другом ударов. В 1952 г. в печати выступил Хоменко И. И. и предложил машину для вскрывания цветков люцерны. В 1953 г. появилась статья Федосеева В. В., Филиппова А. И. и Артамоновой Е. Г. еще об одной

машине, производящей дополнительное искусственное опыление люцерны.

Но наряду с перечисленными статьями выходят в свет и работы противоположного характера. Таковы работы Пономарева А. Н. (1950) и Филатова Ф. И. (1951), в которых эти авторы указывают, что при искусственном механическом вскрывании цветков возможно только самоопыление, а не перекрестное опыление. Пономарев А. Н. мотивирует такое свое мнение особенностями строения цветка люцерны. Филатовым Ф. И. и его сотрудниками были поставлены опыты по механическому раскрыванию цветков люцерны. На основании этих опытов и установлено что при искусственном вскрытии цветков люцерны происходит их самоопыление. Таким образом, по вопросу об эффективности дополнительного искусственного опыления существуют два противоположных мнения.

Автором настоящей статьи были проведены опыты по выяснению влияния предложенного Мусийко А. С. дополнительного искусственного опыления на урожай семян люцерны. На полях колхоза «Ленинец», Ульяновского района, Ульяновской области, были выделены участки семенной люцерны, на которых и был заложен опыт в трех вариантах и шести повторностях, хотя повторности и не были вполне выдержаны. Варианты были следующие: А — контроль, Б — люцерна, обрабатываемая веревкой с навязанными веничками, В — люцерна, обрабатываемая веревкой. Каждый вариант представлял собой полосу десятиметровой ширины и протяженностью на одном участке 620 метров и на другом 490 метров. При проведении доопыления проводился подсчет вскрытых цветков на площадках (25 см×25 см) до и после обработки во всех вариантах опыта. Из полученных данных видно, что в результате воздействия указанных механических приемов вскрывалось не более 5 процентов цветков. По окончании цветения люцерны на всех участках, на каждом варианте всех повторностей было взято по 15 проб для определения числа головок, образовавших бобы на площадке 50×50 см. Собранные данные позволили составить схему распределения урожая на всех участках.

На основании анализа полученных данных об урожайности семян люцерны при различных вариантах опыта по выяснению эффективности предложенного Мусийко А. С. дополнительного опыления, можно сказать следующее: дополнительное опыление не повлияло на урожай семян люцерны ни в положительную, ни в отрицательную сторону.

При проведении дополнительного искусственного опыления возник вопрос, как же происходит опыление искусственно вскрытого цветка и, в связи с этим, каково строение цветка люцерны.

О строении цветка люцерны имеются тщательные исследования ряда авторов (Кнут — 1898, Романов И. Д. — 1937, Мокеева Е. А. — 1940 г., Копержинский В .В.—1950, Пономарев А. Н.—1950). Проведенные автором этих строк исследования строения цветка люцерны и механизма его вскрытия позволили критически отнестись к имеющимся литературным данным. Относительно механизма вскрытия цветка люцерны мы полностью соглашаемся с Пономаревым А. Н. (1950), но считаем необходимым внести некоторые уточнения в описанное Пономаревым А. Н. строение цветка люцерны. Эти уточнения касаются того, что рыльце закрытого цветка люцерны выпуклое, а при вскрытии цветка рыльце, в результате удара о парус или о тело пчелы, деформируется и становится блюдцевидновогнутым.

Наиболее широко известна схема строения цветка люцерны, данная Копержинским В. В. (1950). Но схема эта является неверной. Тычинки

на схеме расположены ниже рыльца пестика, и рыльце пестика совершенно открыто для переноса на него пыльцы насекомыми или ветром. Причем следует отметить, что совершенно не соблюдены пропорции тычинок и пестика по отношению друг к другу. Фактически дело обстоит так. Если взять колонку закрытого цветка, находящуюся в горизонтальном положении, то вокруг ориентированного вверх рыльца с верхней стороны колонки располагаются короткие тычинки, а с нижней стороны—длинные тычинки, которые огибают рыльце пестика. Рыльце цветка выпуклое и выдается вперед. Если рассмотреть цветок люцерны в открытом состоянии, то положение тычинок и пестика будет совершенно иное, чем на схеме Копержинского В. В. Рыльце, ударившись о парус, из выпуклого станет вогнутым и всей своей поверхностью плотно прижмется к парусу, а тычинки сверху и снизу закроют рыльце. Рыльце вскрытого цветика в таком положении становится недоступным для попадания пыльцы ни с помощью насекомых, ни с помощью ветра.

Схема строения цветка люцерны, данная Копержинским В. В., явилась теоретическим обоснованием того мнения, что для полного перекрестного опыления необходимо подвергнуть цветки люцерны механическому вскрытию. Но, как уже указывалось, эта схема не соответствует действительности. Фактически опыление цветка люцерны происходит в момент его вскрытия. Если цветок вскрывается дикой пчелой, то происходит перекрестное опыление. Осуществляется оно таким образом. Пчела сжимает лодочку между грудкой и брюшком, и колонка выскакивает. Так как рыльце выступает из колонки вперед, то оно первое соприкасается с грудкой пчелы, на которой уже имеется пыльца, приставшая к ней при посещении предыдущих цветков. Эта пыльца, попавшая с тела пчелы, и пристает к рыльцу. Предохранительная слизь рыльца разрушается при соприкосновении с телом пчелы, и задержанная пыльца получает возможность прорастать. Потом колонка освобождается из-под тела пчелы, и рыльце ударяется о парус, плотно прижимаясь к нему. Но учитывая то, что на рыльце вскрытого цветка люцерны могла еще раньше попасть собственная пыльца, следует указать следующее. Собственная пыльца менее жизнеспособна, чем пыльца, попавшая с другого растения, и поэтому собственная пыльца прорастает гораздо медленнее, и яйцеклетка оплодотворяется чужой пыльцой. Это приспособление для перекрестного опыления свойственно почти всем растениям, и оно является вполне закономерным. А если цветок вскрывается без участия диких пчел—каким-либо механическим приемом, то происходит оплодотворение яйцеклетки через собственную пыльцу, т. е. происходит самоопыление, в результате которого развиваются щуплые семена или семена вообще не развиваются, так как до 90 процентов искусственно вскрытых цветков осыпается.

Таким образом, исходя из результатов опытов по искусственному механическому опылению и на основании исследования строения цветка люцерны и процесса его опыления, мы приходим к выводу, что дополнительное искусственное опыление цветков люцерны ведет не к перекрестному оплодотворению, а к самооплодотворению. В последнее время продолжают появляться в печати статьи, пропагандирующие метод искусственного опыления люцерны. В 1954 г. вновь переиздана брошюра Мусийко А. С. с эмблемой ВСХВ, где вновь повторяются рекомендации для проведения дополнительного искусственного опыления люцерны, хотя этот агроприем по отношению к люцерне потерял под собой всякую почву. Дополнительное искусственное опыление люцерны очень трудоемкий процесс, к тому же, кроме вреда, семеноводству люцерны ничего не приносящий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленский С. Г. Пчелы и люцерна. Пчеловодство, № 6, 1953.

2. Журавлева А. А.. Краткий отчет о научно-исследовательской работе института земледелия юго-востока СССР за 1951 г., Саратов, 1952.

3. Завгородняя В. К. Пчелиные и их роль в опылении люцерны в условиях травопольной системы земледелия. Автореферат. Воронеж, 1952.

4. Костылев А. Д. и Виноградов С. И. Роль пчел в повышении семенной продукции люцерны. Ростов-на-Дону, 1934.

5. Копержинский В. В. и Щибря А. А. Строение цветка и его опыление. Сб. «Люцерна», 1950.

6. Мокеева. Е. А. Биолого-анатомическое исследование люцерны, Ташкент, 1940.

7. Мусийко А. С. Раскрытие цветков люцерны. Агробиология № 4, 1947.

8. Мусийко. А. С. Добавочное опыление сельскохозяйственных культур. М., 1954.

9. Попов В. В. О значении пчелиных в опылении люцерны. Труд. Всесоюзн. энтомол. общ., т. 43, 1951.

10. Пономарев А. Н. К биологии цветения люцерны в южной лесостепи Зауралья. Изв. ест. научн. инст. при Пермск. гос. унив., том XII, вып. X, 1950.

11. Романов И. Д. К вопросу биологии цветения люцерны. Сб. «Вопросы люцерны», 1937.

12. Синадский Е. К. и Каргаполов Е. А. Результаты опытов по опылению люцерны в Южном Казахстане. № 3—4, Алма-Ата.

13. Соловьев Г. М. Открытое цветение и урожай семян люцерны. Агробиология, № 5, 1947.

14. Федосеев В. В., Филиппов А. И., Артамонова Е. Г. Машина для добавочного искусственного опыления. Кормовая база, № 4, 1953.

15. Филатов Ф. И. Агробиологические основы возделывания многолетних трав. Саратов, 1951.

16. Хоменко И. И. Машина для дополнительного опыления люцерны. Сов. агрономия, № 1, 1952.

17. Щибря А. А. Роль медоносной пчелы и диких насекомых в опылении люцерны. Селекция и семеноводство, № 8, 1947.

18. Knuth P. «Handbuch der Blutenbiologie». II Band, I Teil und II Teil, Leipzig, 1898—1899.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год.

И. А. Гуляев

БЕЛКА В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕЕ ЗАПАСОВ

Распространение белки охватывает все лесные и лесостепные области Советского Союза. Лесные насаждения, в которых она обитает, очень разнообразны: встречается она и в глухой Сибирской тайге, в сосновом бору, в дубравах лесостепи и в смешанном елово-лиственном или сосново-лиственном лесу.

В Ульяновской области белка обитает во всех районах, за исключением Богдашкинского, не имеющего леса. Почти нет белки в малолесных районах: Чердаклинском, Майнском и Радищевском. Численность белки зависит от размеров лесной площади и урожая основных кормов. В поисках пищи белка совершает перекочевки из одного лесного угодья в другое.

Белка — животное с древесным образом жизни. Она хорошо лазает по стволам и сучьям деревьев, делая большие прыжки с ветки на ветку и легко перескакивая с дерева на дерево («идет грядой»). Часто белка спускается на землю в поисках опавших шишек, орехов и желудей, а также разыскивает там грибы. По земле передвигается прыжками, причем след белки на снегу по расположению лапок похож на заячий, но в несколько раз меньше последнего.

Белка кормится днем, а ночь проводит в дупле или гайне (гнезде). В этом же убежище она пережидает плохую погоду (сильные морозы и дожди), не выходя наружу по два—три дня.

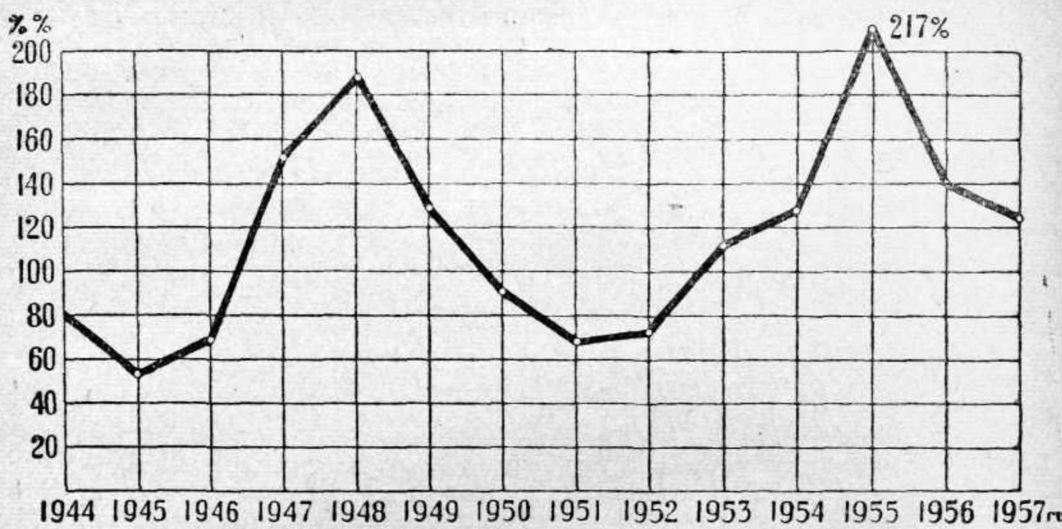
В нашей области основная пища белки — семена сосны, желуди дуба и орехи лещины. Используются белкой и плоды дикорастущих плодовых деревьев и кустарников. Белка поедает также всевозможные грибы, предпочитая маслята и паргу (олений трюфель)—подземный шарообразный гриб коричневого цвета, который она выкапывает из земли, пользуясь своим острым чутьем.

Неурожай основных кормов белки заставляет ее питаться неполноценными кормами. К таким кормам относятся побеги и почки различных деревьев, березовые грибы-тутовики, лишайники и т. п.

Численность белки меняется в зависимости от урожая основных ее кормов.

На территории нашей области цикличность колебания численности белки измеряется 4—5 годами. В северных областях она достигает 4—7 лет.

В благоприятные годы при обильном урожае кормов, белка интенсивно размножается. В результате численность ее увеличивается в 4—5 раз, или на пару взрослых приходится 8—10 молодых. В случае неурожая основного корма белки, уже к осени ощущается его недостаток.

Колебание численности белки в Ульяновской области в % к средней численности за приведенные годы.

У белок, перенесших голодную зиму, прирост стада сокращается до 80 процентов, т. е. на одну пару взрослых приходится 1,5 молодых.

В некоторые годы примерно с сентября месяца до наступления морозов белки совершают далекие перекочевки, причем они забегают в деревни и даже города, переплывают реки. Эти перекочевки в основном объясняются неурожаем основных кормов в местах обитания белок.

При неурожае беличьих кормов и высокой численности белки, количество ее особенно быстро падает с наступлением морозов, и к середине зимы оно снижается в 2—3 раза. В этих условиях выживают лишь белки, наиболее приспособленные к питанию более грубыми кормами. В такой год следует организовать максимальный отстрел белки с первых дней открытия охоты на нее, пока численность ее еще не успела упасть от естественных причин. Открывать охоту на белку нужно возможно раньше, как только ее мех поспеет на 3-й, 2-й сорт.

Размножается белка обычно два раза в году — весной и летом, а в годы, бедные кормами, только один раз — поздней весной.

Первая течка у белок нашей области наблюдается в феврале—марте.

В сухую теплую весну, после зимы с обильными кормами, течка протекает быстро в течение 15—20 дней, а после голодной зимы и в холодную дождливую весну течка сильно растягивается. Беременность белки длится около 35 дней. В апреле — мае она приносит первый помет. К середине лета молодняк начинает вести самостоятельную жизнь.

В июне—июле обычно происходит вторая течка, а в августе, начале сентября появляется второй помет. В годы с обильными кормами число детенышей в помете бывает 5—6 и даже 8. В годы бескормицы (особенно предшествующей зимой), редкий помет содержит 6—7 детенышей, а чаще состоит из 3—5.

Врагами белки являются ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, куница и частично горностай и лесной хорь.

Линяет белка два раза в год — весной и осенью. В нашей области белка оканчивает осеннюю линьку около 1 ноября. Ход и окончание осенней линьки белки зависит от экологических условий данного года.

В годы с обильным урожаем основных кормов белки удлиняется период размножения, а поэтому последний помет и самки, участвующие в размножении, заканчивают линьку только к 15 ноября и даже позднее. Наоборот, в годы неурожая основных кормов, белка дает один весенний помет, причем молодые и старые белки оканчивают осенюю линьку около 20 октября.

На ход весенней и осенней линьки в значительной степени влияют матеорологические условия данного периода.

Задача, поставленная Коммунистической партией об увеличении производства продуктов животноводства, также относится и к охотничьему хозяйству, так как путем внедрения наиболее эффективных способов охоты и более полного освоения запасов массовых видов пушных зверей (белки и др.) можно увеличить производство добычи и заготовок продуктов охотничьего хозяйства (пушнины, мяса дичи и копытных зверей).

Запасы белки нашей области используются лишь частично, так как охотничьи и пушно-заготовительные организации не внедряли среди охотников области эффективный способ добычи белки при помощи охотничьей собаки-лайки.

Белка добывалась лишь путем случайных встреч во время охоты на зайца и других зверей.

Путем такой случайной охоты обычно охотник добывает за сезон только 5—10 белок. Но даже при случайной добыче белки, ее ежегодно заготовляется в области несколько больше по количеству и на большую сумму, чем заготовляется зайца-беляка. Это означает, что при внедрении эффективного способа охоты белку можно добывать и заготовлять для государства в несколько раз больше.

В 1954 году перед сезоном охоты на пушных зверей облотделом охотничьего хозяйства был организован завоз в нашу область 15 голов опытных собак-лаек для охоты на белку, куницу, норку и других зверей и птиц.

Опыт завоза лаек и применения их для охоты на белку и других зверей в условиях нашей области дал очень хорошие результаты. Например: Андрей Павлович Гурьянов (с. Т. Сунгур, Ново-Спасского района—участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за высокие показатели добычи пушнины) при помощи лайки добыл 316 белок, выполнив две сезонные нормы добычи и сдачи пушнины государству одними белками за ноябрь месяц, до наступления основного сезона охоты на лисиц. Кроме 316 белок, А. П. Гурьянов за сезон из-под лайки отстрелял 4-х куниц, 4-х лисиц, 10 зайцев и 12 тетеревов. Сезонное задание по добыче и сдаче пушнины государству выполнил на 342 процента.

Иван Федорович Вязов (Инзенский район) и Василий Иванович Спиридонов (Базарно-Сызганский район), охотясь на белку при помощи лаек, за один ноябрь месяц перевыполнили сезонные нормы добычи пушнины. Степан Максимович Самойлов — участник Всесоюзной сельхозвыставки (Тиинский район) за осенний сезон отстрелял 157 белок, 10 куниц, 8 зайцев, 11 тетеревов, выполнив три сезонные нормы добычи и сдачи пушнины государству. Передовые охотники А. П. Гурьянов и И. Ф. Вязов осенью 1954 г. при помощи лаек добывали до 15—20 белок в день. В тех же местах другие охотники при охоте без лайки добывали лишь 1—2 за неделю.

Высокая дневная и сезонная добыча белки при охоте с лайкой ярко доказывает, что запасы белки в лесах нашей области большие. Если пушнозаготовительные и охотничьи учреждения организуют завоз хороших лаек и снабдят ими всех основных охотников, то можно будет уве-

личить добычу и государственные заготовки белки в 15—20 раз, что даст государству дополнительно 150—200 тысяч рублей ежегодно.

Эффективный способ охоты с лайкой может использоваться и при охоте на куницу, норку, хоря, утку, тетерева и других зверей и птиц.

Охота на белку является наиболее доступной для большинства охотников не только сельской местности, но и для охотников городов и рабочих поселков. Многие любители охоты таких крупных городов, как Москва, Ленинград, имеющие лаек, успешно охотятся на белку.

Охота на белку имеет большой спортивный интерес, она не менее спортивна, чем охота на бекаса, считающаяся высокоспортивной.

При охоте на белку с хорошей лайкой, при средней численности белки, всегда будет обеспечено 20—30 выстрелов в день, а в годы высокой численности белки — до 50 и более выстрелов в день. Следовательно, всякий любитель спорта может вдоволь настреляться, получить большую тренировку в стрельбе и добыть большое количество ценных пушных шкурок для государства. На белок чаще охотятся вдвоем. Один из охотников подходит к тому дереву, на котором лайка облаивает затаившуюся белку, берет ружье на изготовку и как на стенде командует: «дай!», второй охотник ударяет обухом топора по стволу и белка стремительным прыжком перелетает на соседнее дерево. Меткий выстрел останавливает ее полет, и она падает на землю, лайка подпрыгивает к упавшей белке и если она еще жива, давит ее за голову, затем подает хозяину, последний в качестве поощрения отрезает лайке передние лапки белки.

Если белка найдена на крупном ветвистом дереве и не выскакивает от удара топора по дереву, то делают «колот», т. е. срубают жердь длиной 4—5 метров, ставят ее возле ствола кверху комлем, комель жерди отводят и ударяют им по стволу, дерево содрогается, и белка выпрыгивает и иногда идет грядой по кронам деревьев метров 50—100. Удобно выпугивать белку, щелкая хлыстом-кнутом с короткой рукояткой, в 1,5 метра длиной. Для усиления звука в конец кнута прикрепляют тонкую веревочку 20—30 см длины, свитую из конских волос или вместо ее прикрепляют мягкий ремешок из сыромяти. Такой кнут успешно применялся автором и многими охотниками Урала. Некоторые применяют детский пугач и рогатки. Часто бывает достаточным взять 3—4 небольших сучка и поцарапать по коре дерева, на котором затаилась белка, и она перепрыгивает на другое дерево.

Наиболее удобно охотиться на белок в смешанных лесах и в сосновых лесах: в них легче высмотреть и застрелить белку. Все добытые шкурки белок охотники сдают государству. Меховые фабрики из беличьих шкурок изготовляют дамские манто, шапки, воротники, муфты и детскую зимнюю одежду. Одежда, сшитая из беличьих шкурок, — легкая, теплая, прочная и красивая. Шкурки белок в несколько раз прочнее шкурок зайца.

Охота на белок, кроме богатой добычи ценных пушных шкурок и большого спортивного интереса, дает охотнику значительное количество вкусного и нежного мяса. Исследования мяса белки профессором Московского университета А. Н. Формозовым показали, что оно является прекрасным продуктом для пищи. Из мяса белки можно приготовить вкусное трофейное блюдо, для чего нужно хорошо промыть тушки белок, заправить их небольшим количеством жира и тушить или жарить.

Лучшее время охоты на белку — первые 2—3 недели со дня открытия охоты, т. е. до наступления холодов и выпадания глубокого снега, после чего добыча белки сокращается в несколько раз.

В феврале месяце при хорошей, нехолодной погоде белка ведет

себя активно, в это время охота на нее возобновляется. Успех охоты на белку главным образом зависит от качества лайки. Известный знаток охоты с лайкой Г. И. Демидов путем специальных исследований установил, что средняя добыча охотника изменяется в зависимости от качества лайки в следующих размерах, если принять добычу с лайкой высшего качества за 100 процентов:

При охоте с лайкой			При охоте без лайки
качества высшего	качества хорошего	качества среднего	
100 %	42,1 %	19,5 %	0,28 %

Из вышеприведенных цифр видно, что способ охоты на белку без лайки недобычлив и мало доступен для широких масс охотников, т. к. требует большого опыта по выслеживанию белок, нахождению их гнезд-гайн и т. п.

Приучить молодую лайку к работе по белке нетрудно со старой опытной собакой. Но можно приучить и без опытной собаки, и последний способ даже полезнее, т. к. молодая лайка лучше развивает самостоятельность в работе. Лучшее время для обучения молодой лайки по белке сентябрь и октябрь. В это время с молодой лайкой надо выходить в лес рано утром или под вечер, когда белки часто спускаются на землю и много бегают по земле. Молодая лайка находит на земле белку, последняя, издавая звуки «цоканья», поднимается на дерево, и лайка начинает лаять на то дерево, на которое согнала белку. Охотник не должен спешить к месту облаивания с тем, чтобы лайка привыкла лаять подолгу, дожидая хозяина. Подойдя к месту облаивания белки, следует погонять ее по кронам деревьев, а затем уже стрелять ее. Упавшую белку дать потрепать молодой лайке, но не позволять рвать или жевать. При дальнейшей охоте надо приучить лайку по команде «нельзя» не брать белку, убитую намертво, и лишь подранков позволять душить, но не мять излишне, чтобы не портить шкурку. После удачного взятия с молодой лайкой первой белки, развитие ее рабочих качеств будут зивисеть от практики.

Наиболее подходящей дробью для стрельбы белки является дробь №№ 4 и 5. Стрелять белку необходимо наверняка. Раненая она крепко затаивается и не выпугивается из ветвей. Стрелять белку очень часто приходится на расстоянии 15—20 метров, поэтому уменьшенные снаряды дроби на этой охоте могут найти особо широкое применение.

Вообще стрелять белку нужно с учетом кучности и резкости боя ружья с таким расчетом, чтобы не снижать качество беличьей шкурки, т. е. чтобы в белку попадало не более 3-х дробин. Кроме того, стрелять ее нужно с брюшной стороны, т. к. прострелы с брюшка не снижают качество шкурки.

Хорошие результаты дает стрельба белки пулей из мелкокалиберных винтовок, выцеливая по голове.

РАЗДЕЛ III

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год.

Г. Н. Перфильев

ВРАЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ З. П. СОЛОВЬЕВА В СИМБИРСКЕ в 1905 г.[1]

Советская общественность 10 ноября 1956 года отмечала 80 годовщину со дня рождения замечательного врача нашего времени, неутомимого борца за коммунизм, организатора и теоретика советского здравоохранения Зиновия Петровича Соловьева.

Вся его жизнь «...организаторский талант и боевой темперамент»[2] отданы великому делу Коммунистической партии, служению народу.

З. П. Соловьев родился в 1876 году в г. Гродно в семье землемера. После переезда семьи в г. Симбирск, мальчик в 1887 году поступает в симбирскую гимназию, которую в этом году окончил В. И. Ленин.

В гимназии З. П. познакомился с марксистской литературой, читал нелегальные книги. С этого времени он твердо встал на позиции марксизма и неустанно вел пропаганду революционных идей. В симбирской гимназии царил произвол учителей, полицейские порядки. Один из учащихся этой гимназии, в последующем поэт А. А. Коринфский, писал о гимназии:

«В угрюмом застенке «классической» школы
Я помню вас всех, как сейчас,
Бездушных, как все вы, — наук протоколы
Насильно внедрявшие в нас...
От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы...
О, как глубоко ненавидели все мы,
О, как презирали вас мы»[3]

После окончания гимназии в 1898 году З. П. поступает на медицинский факультет Казанского университета. В этом же году он вступает в ряды социал-демократической партии. За пропаганду революционных идей среди рабочих его арестовывают и высылают из Казани. В связи с этим университет З. П. удается окончить только в 1904 году, после чего он с отрядом Красного Креста отправляется на русско-японскую войну. Пробыв недолго на войне, З. П. приехал в 1905 году в г. Симбирск, где сначала работал санитарным врачом Симбирского уезда, затем временно заведовал бюро губернской санитарной организации. Об этом периоде в биографии З. П. Соловьева обычно только упоминается, но не дается характеристика работы в Симбирске. Поэтому мы в нашей статье

---

[1] Работа написана на материале Государственного архива Ульяновской области и Дворца книги им. В. И. Ленина под руководством профессора А. М. Аминева.

[2] Н. А. Семашко, З. П. Соловьев — борец на фронте здравоохранения, Военно-санитарное дело, 1941 г. № 3, стр. 10—13.

[3] Е. В. Ложкина. Серия «Люди нашего края», вып. 3, изд. Ульяновского Дворца книги им. В. И. Ленина. 1951, стр. 9.

впервые несколько подробнее осветим симбирский период жизни и деятельности З. П. Соловьева.

Симбирск в то время был купеческим городом со слабо развитой промышленностью. Как известно, в 1905 году в связи с продолжавшейся русско-японской войной, царское правительство объявило поголовную мобилизацию. Доктор Е. Касторский, стоявший во главе симбирской санитарной организации, был призван на действительную службу.[1] Таким образом, симбирская санитарная организация оказалась без руководителя. Обстановка в Симбирске усугублялась исключительными условиями, вызванными войною и обострялась надвигавшейся эпидемией холеры. Как известно, в дореволюционной России холерные эпидемии наблюдались нередко и давали высокую смертность. В Россию холера проникала по международным путям сообщения. Особенно большие жертвы от холеры были в 1848 году. По свидетельству М. Г. Данилевича[2], только в этом году заболело 1.742.000 человек, из них 690.000 умерло.

В 1902 году эпидемия холеры появилась на Дальнем Востоке, а в 1904 — на границе с Персией. Эпидемия быстро распространилась по Каспийскому побережью и Нижне-Поволжским районам. Волга стала главной магистралью, по которой в глубь страны распространялась эпидемия холеры.

В Симбирской губернии в 1892 году эпидемия холеры достигла значительного развития и продолжалась в некоторых уездах до 1904 года. Распространению инфекции способствовало антисанитарное состояние жилищ, почвы, а также отсутствие каких-либо профилактических мероприятий. Особенно опасны в эпидемическом отношении были места скопления рабочих (отхожие промыслы, пристани, станции железных дорог), где совсем отсутствовала профилактическая работа. Нужно было поставить на место руководителя санитарного бюро врача, «основательно знакомого с местными условиями»[3], способного продолжить работу и двинуть дело дальше. Удовлетворяющей этим требованиям оказалась кандидатура врача З. П. Соловьева, «который и вступил в отправление обязанностей с первых чисел апреля»[4] (1905 г.).

Необходимость приглашения З. П. Соловьева на должность заведующего бюро диктовалась создавшейся обстановкой, а также его колоссальными организаторскими способностями, которые сказались с первых дней работы в бюро. З. П. в то время было всего 29 лет. Несмотря на это, он занимал ответственный пост и отличался чрезвычайным трудолюбием. Д. И. Ульянов, работавший в то время совместно с З. П., вспоминает, что З. П. был исключительно целеустремленным в работе — «он не спал до 4 часов утра, но работу всегда заканчивал»[5].

Приступив к исполнению обязанностей заведующего бюро губернской санитарной организации г. Симбирска, З. П. прежде всего занялся изучением заболеваемости среди населения. В частности, им была закончена разработка материала о заболеваемости за 1901 год и начато изучение заболеваемости за 1902 год.

З. П. организовал бесперебойное снабжение медикаментами уездных земств. Особенно большое значение он придавал санитарно-просветительной работе. Войдя в состав комиссии по распространению гигиенических знаний в народе, З. П. начал борьбу с «народной темнотой»,

---

[1] Журнал Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года, стр. 21, Сим. губ. тип. 1906.

[2] М. Г. Данилевич, Учебник инфекционных болезней, стр. 121, № 1940.

[3] Журнал Симбирского губернского земского собрания очередной сессии, стр. 21.

[4] Там же, стр. 21, 1905. Симб. губ. тип. 1906.

[5] Памяти друга пионеров З. П. Соловьева, Сборник, М.—Л., 1930, стр. 17.

борьбу против суеверия в деревне, знахарства, шаманства. Понятно, что в условиях царизма эта борьба не могла быть успешно осуществлена.

В состав комиссии по распространению гигиенических знаний в народе, кроме З. П., вошли врачи: А. П. Воскресенский, П. И. Бабушкин, А. В. Воробьев.

По инициативе З. П. Соловьева «при санитарном бюро организуется центральный склад и музей брошюр, теневых картин, стенных таблиц и т. п. наглядных пособий»[1]. Любой земский врач мог пользоваться этими пособиями с целью чтения лекций среди народа. Комиссия выработала специальные «правила для пользования наглядными пособиями». Они включали заявку врача в санитарное бюро с обозначением темы и какие наглядные пособия требуются. В санитарное бюро после каждого чтения отправлялись вопросные листки, содержавшие вопросы слушавших лекции. Для изучения условий популяризации гигиенических знаний З. П. была выработана особая карточка, в которую заносились сведения о каждом чтении. Эта карточка также отсылалась в санитарное бюро. Комиссия имела в своем распоряжении серии анатомических таблиц и рисунки, наглядно показывающие приемы оказания экстренной мидицинской помощи в отсутствии врача. Однако в то время на санитарное просвещение отпускались минимальные средства. З. П. бичевал косность и близорукость губернских чиновников. Он просит губернское собрание «внести в смету 1906 года сумму 200 руб. в распоряжение комиссии по распространению гигиенических знаний в народе»[2].

З. П. учил земских врачей работать в глубине народных масс. Он верил в неиссякаемую силу русского народа, в тот родник народного творчества, в котором в трудные годы народных бедствий черпали силы передовые люди того времени.

З. П. Соловьев возлагал на комиссию по распространению гигиенических знаний в народе большие надежды и призывал ее к широкой деятельности. В докладе Симбирскому губернскому земскому собранию о деятельности санитарного бюро за 1905 год он писал: «имея в виду улучшение условий народных чтений, освобождение их от полицейской опеки, можно думать, что деятельность комиссии получит широкое развитие».[3] Однако в условиях царизма гибло всякое проявление свободной мысли.

Темнота народных масс, одурманенных церковью, не знала предела. Так, в 1892 году была попытка объяснить населению Сызранского уезда путем бесед и чтений, что такое холера. Однако крестьяне враждебно отнеслись к этой попытке. Низкий культурный уровень населения был в то время и в других уездах.

Во «Врачебно-санитарном листке»,[4] который редактировал З. П. Зиновьев, в статье «Местная хроника» он сообщил о следующем заявлении д-ра Бабушкина уездному врачебному совету. В село Мокрую Бугурну был послан студент Малиновский для оказания медицинской помощи. Студент поселился у одного крестьянина и от последнего узнал, что крестьяне М. Бугурны через старосту вызвали хозяина его квартиры на сход и требовали объяснения, как он решился без их согласия поселить у себя в их селе студента. В церкви крестьянам проповедовали, что все студенты бунтовщики и «вообще лица вредные...». «Жили мы без них, проживем и теперь!» В других деревнях также с

---

[1] Журн. Симбирского губернского земского собрания очередной сессии, стр. 22, 1905, Симб. губ. тип. 1906.

[2] Там же, стр. 24.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Врачебно-санитарный листок № 9—10, 1—15 мая 1905 г., г. Симбирск.

опасением относились к студентам. Часто крестьяне не обращались за медицинской помощью, опасаясь инцидентов со стороны односельчан.

З. П. был большим поборником санитарного порядка и чистоты. В докладе земскому собранию («О губернской санитарной организации») он писал: «Наши усилия должны быть направлены прежде всего на распространение в народе гигиенических знаний. Большое значение в смысле воспитания в населении привычки к чистоте и опрятности имеет безупречное в санитарном отношении содержание учреждений для общественного пользования—фабрик, заводов, водоемов, училищ, базаров и т. п. Такое направление санитарной организации может дать более осязательные результаты, чем узкий, медико-полицейский надзор».[1]

Особенно большую работу провел З. П. в Симбирской губернии по предупреждению надвигавшейся эпидемии холеры. Он был командирован на Пироговский съезд по вопросам борьбы с холерой для ознакомления с новейшими методами терапии ее и дезинфекции. З. П. участвовал в подготовке материалов к санитарному совету, «созванному для организации борьбы с холерной эпидемией». В уездах под руководством З. П. Соловьева были созданы врачебно-продовольственные и врачебно-наблюдательные пункты, предназначенные для борьбы с холерой. Врачебно-продовольственные пункты предназначались для оказания медицинской помощи, здесь же «должны быть помещения для ночлега» и горячая пища. Врачебно-наблюдательные пункты, кроме амбулатории, имели особое помещение для подозрительных на холеру. З. П. лично участвовал в выписке для этих пунктов медикаментов, дезинфекционных аппаратов, выезжал несколько раз в уезды губернии для непосредственного руководства деятельностью этих пунктов. Таким образом, были созданы искусственные барьеры, преграждавшие путь холере. На этих пунктах предполагалось бесплатное оказание медицинской помощи, тогда как в стационарах почти не было бесплатного питания. Приведем некоторые данные, характеризующие деятельность лечебно-продовольственных пунктов в 1905 г.

Название пунктов	Число зарегистрированных рабочих	Число пользованных больных		Отпущено порций					
				щей		хлеба		чая	
		первичн.	вторичн.	за плату	бесплатн.	за плату	бесплатн.	за плату	бесплатн.
1. Симбирский	5472	1162	403	2373	128	3677	178	13265	252
2. Сызранский	3421	512	126	1310	55	2814	84	33706	243
3. Сенгилеевский	1643	20	—	—	—	—	—	705	495
4. Шиловский	59	1639	2220	123	—	—	—	2297	17
Итого:	10595	3333	2749	3806	183	6491	262	49973	1007

Цифры[2] свидетельствуют, что медицинская помощь оказана всего 6082 больным. Остальные 4513 зарегистрированных рабочих остались без медицинского надзора. Из общего числа зарегистрированных рабочих (10595) получили бесплатно: щи — 183 человека, что составляет 1,07 проц., хлеб — 262 — 2,4 проц., чай — 1007 — 9,5 проц.

Большое внимание З. П. уделял организации медицинской помощи на фабриках. Здесь, в Симбирске, он наметил пути выделения из земской медицины фабричной, которой по существу тогда не было.

---

[1] Журнал Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1906, стр. 2. Симб. губ. тип., 1906.

[2] Журнал Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 г. Отдел 5, стр. 18, Симб. губ. тип., 1901.

На фабриках Симбирской губернии отсутствовала постоянная врачебная помощь. Государство в то время не занималось вопросами здравоохранения. Процветали частные виды медицинской помощи. Оказание медицинской помощи было возложено на земство. Количество врачей исчислялось единицами. Во всей Симбирской гибернии было 119 врачей, что составляло — один врач на 17 тысяч населения[1]. Рабочим, занятым на промышленных предприятиях, была необходима систематическая, а иногда и экстренная врачебная помощь. Никакой охраны труда не было, а поэтому на фабриках Симбирска «...число одних травматических повреждений достигает почти 100 процентов»[2].

Наряду с этим, фабрики являлись очагами острозаразных заболеваний рабочих и их семей. Очень мало промышленных предприятий имело специальную медицинскую помощь. Из 55 промышленных заведений Симбирска лишь в 7-и был свой медицинский персонал. Поэтому часто приходилось приглашать плохо обеспеченных врачей из земства. Тяжелое положение на фабриках и материальная необеспеченность заставляли врачей еженедельно выезжать на предприятия. Но и на фабриках за врачебную помощь платили гроши. По этому поводу на IX Пироговском съезде председатель медицинского совета профессор Бертенсон заявил: «У меня есть масса заявлений от заводов о том, что нужен врач, но нет врачей, которые согласились бы служить при предлагаемых условиях»[3].

З. П. еще тогда мечтал о широкой сети врачебных участков. Понятно, что эти мечты не могли осуществиться в условиях царизма.

Ярко выступает деятельность З. П. в деле организации работы в больнице г. Симбирска. И здесь сказался темперамент и организаторский талант врача-большевика.

Больница, по заключению ревизионной комиссии 1904 года, имела ряд дефектов. К числу их относилось отсутствие арестантского и гинекологического отделений. Кроме того, больница имела устарелый инструментарий. Размеры оперативной помощи за год (1889—1890) были: 100 хирургических, 30 глазных и 2—3 гинекологических операций и 80 родов[4].

Еще в худшем состоянии было заразное отделение, где в общем помещении лежали больные дифтеритом, скарлатиной, корью, оспой, рожей и т. д. В сифилитическом отделении лечили твердый и мягкий шанкр. Здесь же были проститутки рядом с детьми и подростками.

З. П. боролся за освобождение хирургического отделения от венерических больных. О здании больницы он писал: «Существующие теперь квартиры по своей антигигиеничности и скученности (0,37 содержание воздуха на человека) делают необходимым решить в ближайшем же будущем вопрос о постройке казарм для служащих с общей прачечной, кухней и с остальными приспособлениями кооперативных жилищ[5].

Больница имела несовершенную вентиляцию: «в палатах спертый воздух, сырость и обратная тяга из клозетов». З. П. требовал «немедленно улучшить очистку воздуха устройством электрического вентилятора, так как при водяном отоплении отсутствует вытяжение через печи и существующие вентиляционные трубы не могут успеть обменять

[1] Обзор Симбирской губернии за 1913 год, стр. 11, 21; изд. Сим. губ. статистического комитета, Симбирск, 1914.

[2] Врачебно-санитарный листок, № 15—16, стр. 262—263. Симбирск, 1904.

[3] Там же, стр. 266.

[4] Народное здравие, стр. 137, Симбирск, 1914.

[5] Журнал симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года, стр. 37 отчета. Симб. губ. тип., 1906.

воздух без искусственной тяги»[1]. Помещение церкви З. П. настоятельно рекомендовал использовать под столовую: «здесь же больные сумеют принимать посетителей»[2].

В Симбирске З. П. много времени уделял редактированию журнала «Врачебно-санитарный листок», выходившего 2 раза в месяц. На страницах этого журнала часто решались спорные в то время вопросы. Например, нужна ли амбулаторная карточка или она слишком обременительна? З. П. доказывает целесообразность регистрации амбулаторных больных для изучения заболеваемости.

На страницах «Врачебно-санитарного листка» (№ 13—14, Симбирск, 1905 г.) З. П. повествовал о своих впечатлениях о русско-японской войне, участником которой он был. Он вспоминает, как бывший командующий русской армией Куропаткин выразил желание наградить врачей — участников войны—орденами. Среди врачей это желание не встретило сочувствия и награждение медицинских работников не состоялось. Однако новый командующий Линевич снова возбудил ходатайство перед царем, но врачи снова отказались от награды. Они заявили, «что, работая на войне, они исполняют только свой долг и никаких наград не заслуживают». Среди врачей консервативного Красного Креста были только единичные случаи отказа от наград.

З. П. Соловьев был свидетелем «как перспектива подобной награды, создавала среди братьев милосердия (сплошь и рядом вербовавшихся из среды учащейся молодежи) своего рода авантюризм, едва ли уместный при выполнении тяжелой, ответственной работы на передовых перевязочных пунктах»[3].

В статье «Как не следует бороться с холерой»[4] З. П. Соловьев подводит итог десятилетия после эпидемии холеры в России. Он гневно бичевал русское общество, которое не сумело перековать «тяжелое, заржавленное, зазубренное оружие» — бюрократизм и администрирование. Ведь дело доходило до того, что к некоторым врачам приставляли местную администрацию, к другим — полицию для контроля над их деятельностью. Кроме того, уездная полиция постоянно объезжала села с целью контроля над местными медицинскими работниками. Сызранский исправник доносил, что холерные больные пользуются «свободой», что у их бараков отсутствует караул. Виновными во всем этом исправник считал двух фельдшеров, которых управа оштрафовала — одного на 10, другого на 20 рублей. Один пристав, побеседовав с больным, нашел, что у больного симптомов эпидемической холеры нет, а «расстройство желудка и тошнота, с черным классом народа явление нередкое». Кроме того, это «компетентное» лицо обнаружило у больного «критически мыслящий ум».

Холерных больных приходилось в лечебные учреждения брать силой. Крестьяне часто скрывали больных. Среди народа ходили слухи, что «доктора морят», умышленно умерщвляют население. З. П. приводит заявление врача Д., который после отказа больного от лечения писал: «Мой долг бороться с холерой, но чем я гарантирован, что встречу вторично подобный прием, крайне оскорбительный для врача».

З. П. энергично восстает против попирания элементарных прав человека. В его словах звучит гнев революционера, отстаивающего перед царскими чинушами человеческое достоинство медицинских работников. Он говорил, что врачи никогда не будут лечить народные бедствия

[1] Журн. Симб. губ. зем. собрания очередной сессии 1905 г., стр. 38 отчета Симб. губ. тип., 1906.
[2] Там же.
[3] Врачебно-санитарный листок, № 13—14, стр. 421.
[4] Там же, стр. 387.

по «бюрократическому рецепту». Он страстно защищал личность врача, подвергнутого поруганию в капиталистической России и клеймил бюрократизм следующими полными горечи словами: «Холера не за горами, она, может, стучится уже в двери, а перед нами по-прежнему стоит стена, сложенная из бюрократических циркуляров, из целых ворохов бумаги, стена, под тенью которой также привольно может разрастись, дать цветы и плоды тот чертополох, в котором запутались мы в прошлую эпидемию, чертополох, выйти из которого не заставили потоки крови, море невыплаканных слез над жертвами врачебного долга и жестокой системы обуздания народных масс!»

Интересно отметить, что во время своей работы в Симбирске З. П. Соловьев по политическим взглядам и по работе сблизился с Д. И. Ульяновым, который был санитарным врачом Симбирского уезда. Летом 1905 года З. П. с Д. И. ездили на прогулку в лодке по Волге и Свияге и много беседовали о линии партии, о революционной тактике.

В октябре 1905 года во время всеобщей забастовки З. П. работал в подпольной Симбирской организации большевиков. Он полностью отдался революционной работе, забросив в это время службу. Создавал много кружков, особенно вовлекая в них молодежь. В то время один местный обыватель-мещанин, обращаясь к Д. И. Ульянову, сказал: «Знаете, Зиновия Петровича и вас черносотенцы собираются убить из-за угла или во всяком случае хорошенько побить, так как вы развращаете наших детей».[1]

З. П. и Д. И. Ульянов разъясняли молодежи, кто такие эсеры, меньшевики, большевики.

В начале 1906 года, случайно избежав ареста, З. П. перешел работать в Саратовское земство. Так закончился симбирский период деятельности. З. П. Соловьева. Это был пламенный патриот своей родины. Он любил свой народ и твердо верил в его великое будущее. Высоко культурный, марксистски грамотный, энергичный и принципиальный, он с юных лет отдался делу революции, делу победы рабочего класса. После победы Советской власти с особой силой проявились его необыкновенные способности врача-организатора здравоохранения, научного работника, революционера. В 1923 году он становится профессором Московского государственного университета, первой кафедры социальной гигиены в СССР.

Перу З. П. Соловьева принадлежит более 250 научных работ, выполненных с мастерством художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журналы Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года, отдел V. Медико-санитарный. Симб. губ. тип., 1906.

2. Я. Щостак. «Связь экономического благосостояния с народным здравием», Симбирск, 1922 г.

3. Сборник «К десятилетию советской медицины», Ульяновск, 1928.

4. Врачебно-санитарный листок, № 9—19, Симбирск, 1905 г.

5. Материалы ГАУО, указанные в тексте.

6. Сборник «З. П. Соловьев», под редакцией Б. Д. Петрова, М., 1952.

7. Б. Д. Петров. «З. П. Соловьев о профилактике». Газ. «Медицинский работник», № 94 от 24 ноября 1955.

8. Сборник «Памяти друга пионеров З. П. Соловьева», М. — Л., 1930.

9. Е. В. Ложкина. Серия «Люди нашего края», вып. 3, изд. Ульяновского Дворца книги им. В. И. Ленина, 1951.

10. «Обзор Симбирской губернии за 1913 год», изд. Симб. губ. статистического комитета, Симбирск, 1914.

---

[1] Памяти друга пионеров З. П. Соловьева, Сборник, стр. 18, М.—Л., 1930.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

З. А. Абрамова

РАЗВЕДКИ ПАЛЕОЛИТА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ В 1954 г.

В составе II отряда Куйбышевской археологической экспедиции в 1954 г. работала палеолитическая группа, которая имела своей задачей продолжить начатые в 1951 г. М. З. Паничкиной исследования по выявлению и обследованию палеолитических памятников на территории Ульяновской и Куйбышевской областей.[1] Для ознакомления с рельефом местности и условиями нахождения остатков палеолита группа посетила открытые и исследованные М. З. Паничкиной местонахождения Красная Глинка, на Ундорских островах, в Бектяжке и на полуострове Тунгуз. Сплошным маршрутом группа обследовала правый берег Волги от северной границы Ульяновской области до г. Ульяновска; в Куйбышевской области были осмотрены окрестности г. Ставрополя, нижнее течение р. Усы, окрестности дер. Переволоки и г. Куйбышева.

Следует заметить, что исследованные М. З. Паничкиной местонахождения на отмелях за истекшее время значительно изменили свой облик. Известно, что Волга очень непостоянна в своем течении, меняются русла реки и многочисленных воложек, меняются очертания островов, положение и размеры отмелей· Это особенно проявляется в последние годы, в результате гигантского размаха работ, связанных со строительством. На островах вырубаются густые заросли, и передвижение песка получают большую свободу. Так, на Ундорском острове против Бессонковской пристани песчано-галечная коса в русле Воложки, где в 1951 г. были сделаны находки, уже полностью размыта и на чистом песке лишь изредка встречаются мелкие окатанные обломки костей животных. В нижнем конце острова на обширной песчаной отмели, омываемой Волгой, на большом протяжении рассеяны кости животных, значительно минерализованные. Галька не тянется здесь сплошной полосой, т. е. галечных отмелей в буквальном смысле слова нет. На перемытых песках встречаются отдельные галечные полоски, часто вытянутые дугообразно по направлению течения реки, они продолжаются и в воде. У воды или даже в воде находились и отдельные кости. По определению Н. К. Верещагина, здесь находятся кости зубра, мамонта, носорога, ископаемой лошади. Здесь же было собрано несколько кремневых изделий, чрезвычайно окатанных и покрытых блестящей темно-коричневой паутиной. Прежде всего, это крупный кремневый отщеп неправильных очертаний. Ширина его больше длины (дл. 5 см, шир. 6 см). Толщина местами достигает 1 см. На внешней поверхности отщеп сохраняет галечную корку и следы предварительных сколов. Внутренняя поверхность дает очень характерную плоскость откола с массивным ударным бугорком и широкой выщербинкой от удара. Кое-

[1] М. З. Паничкина. Разведки палеолита на Средней Волге. СА, XVIII, 1953.

где на краях отщепа прослеживаются следы вторичной ретуши (табл. I, 1).

Второе изделие можно отнести к типу рубящих. Вогнутая внутренняя сторона представляет собой один скол, имеющий по краям ретушь. На выпуклой внешней поверхности на одном конце сохраняются остатки галечной корки, второй конец рядом сколов превращен в трехгранное острие. Размеры: 7,3Х4,5Х2 см. (табл. 1, 2).

Трехгранное орудие со следами ретуши на ребрах. Особенно заметна ретушь на одном из вогнутых краев, возможно это изделие использовалось в качестве скребла. Размеры: 6,7Х4,5Х1,8 см (табл.1, 3).

Ряд изделий имеет маловыразительный облик.

На противоположном левом берегу Волги была осмотрена песчаная коса близ устья р. Княгиньки, впадающей в Волгу. Берега Княгиньки низкие и задернованные. Далее по левому берегу Волги, вверх по течению, напротив Яблоновой протоки, разделяющей Ундорский остров, осмотрена обширная песчаная коса. Изредка на песках встречались отдельные минерализованные осколки костей животных.

При посещении местонахождения Красная Глинка, находящегося на противоположном правом коренном берегу Волги, были сделаны, как нам кажется, дополнительные геологические наблюдения. Открывшая это местонахождение М. З. Паничкина считает, что оно залегает в отложениях коренного берега, выступающего к реке в виде мыса, но при осмотре у нас сложилось впечатление, что этот мыс является остатком древней террасы, прислоненной к коренному берегу, полукругом отступающему здесь от реки. Это единственное на большом протяжении место выхода древних галечников на поверхность не на размытых отмелях, а в стратиграфической свите слоев. Коренной берег, сложенный юрскими породами, имеет совсем иное строение. Характер всего этого отрезка русла Волги, с открытыми еще в дореволюционное время местонахождениями костей животных на галечниковых отмелях у Собачьей Прорвы — Яблоновой протоки, на Мулинском острове, теперь полностью размытых, с находками М. З. Паничкиной против Бессонковской пристани и нашими в нижнем конце острова, уходящими под воду, показывает здесь интенсивное размывание галечниковых отложений, счастливо уцелевших под защитой правого коренного берега в Красной Глинке.

Точно такая же картина наблюдалась, на наш взгляд, Н. А. Головкинским у Красновидова, где имелись находки костей животных как на отмели, прислоненной к отложениям правого берега Волги, так и в этих отложениях, представляющих размываемый рекою «бурый, песчано-глинистый обрыв».[1]

В галечной осыпи было собрано несколько костей зубра и ряд изделий из серого кремня с железистыми натеками и другого менее выразительного материала типа кремнистого известняка.

Как уже отмечалось М. З. Паничкиной, изделия несут различную степень окатанности. Так, из трех отщепов, изготовленных из совершенно однородного материала один имеет совершенно острые края. Кстати, этот отщеп чрезвычайно характерен по форме, он имеет широкую треугольную ударную площадку, расположенную под тупым углом в плоскости раскола, широкий, но маловыпуклый ударный бугорок с крупной выщербинкой на его середине. Размеры отщепа: 7,6Х5,6Х2 см. (табл. II, I).

Два другие отщепа, также крупные, значительно более окатаны.

[1] Н. А. Головинский, О послетретичных образованиях по р. Волге в ее среднем течении. Уч. зап. и изв. Казанского ун-та за 1865, стр. 509—517.

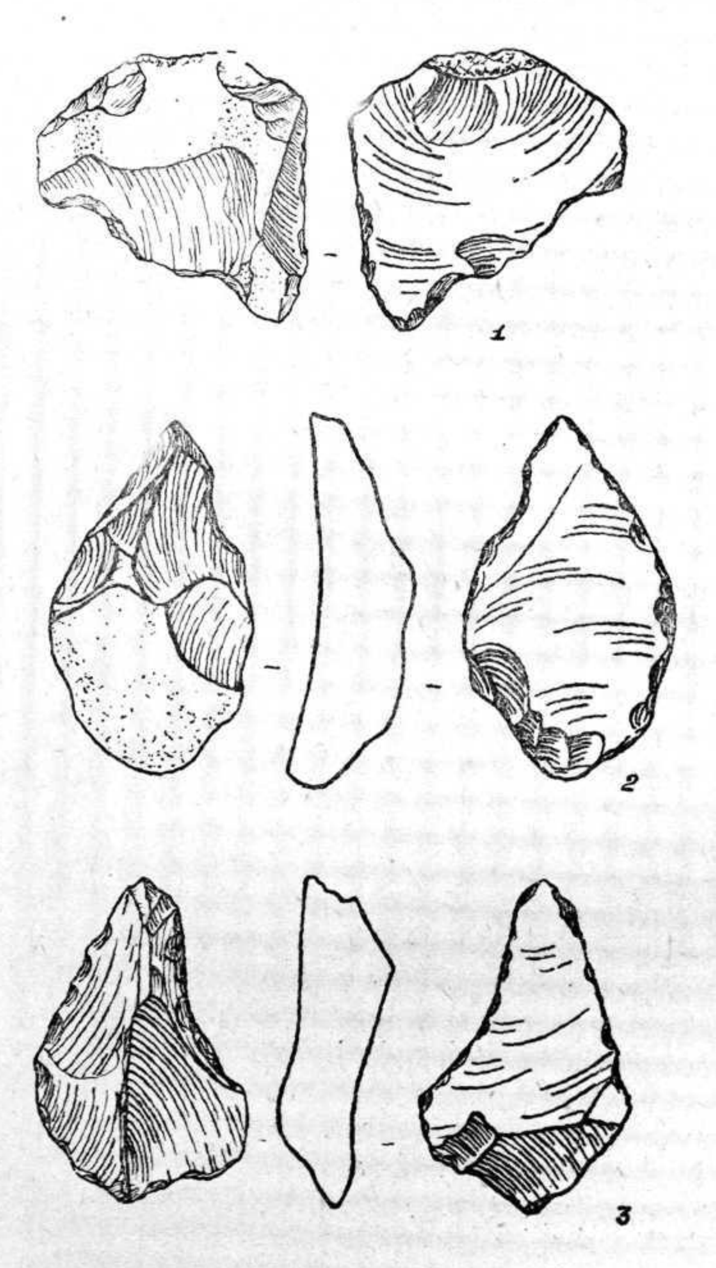
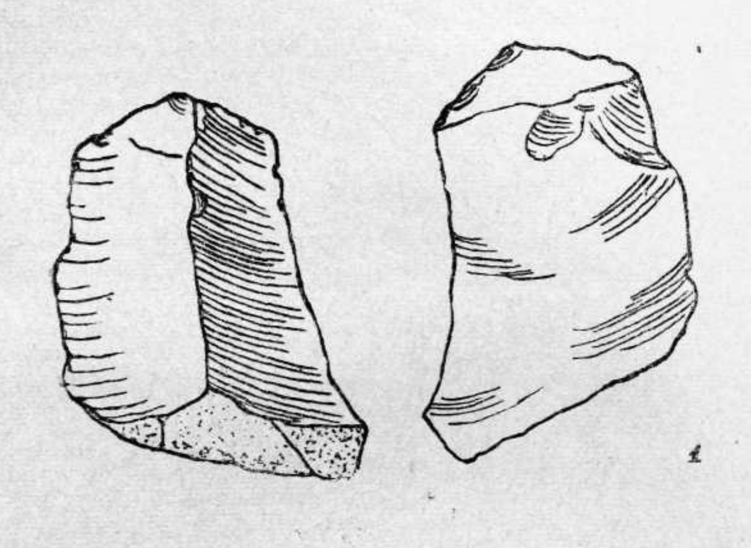

Таблица I. Кремневые изделия из местонахождения Ундоры — [redacted]

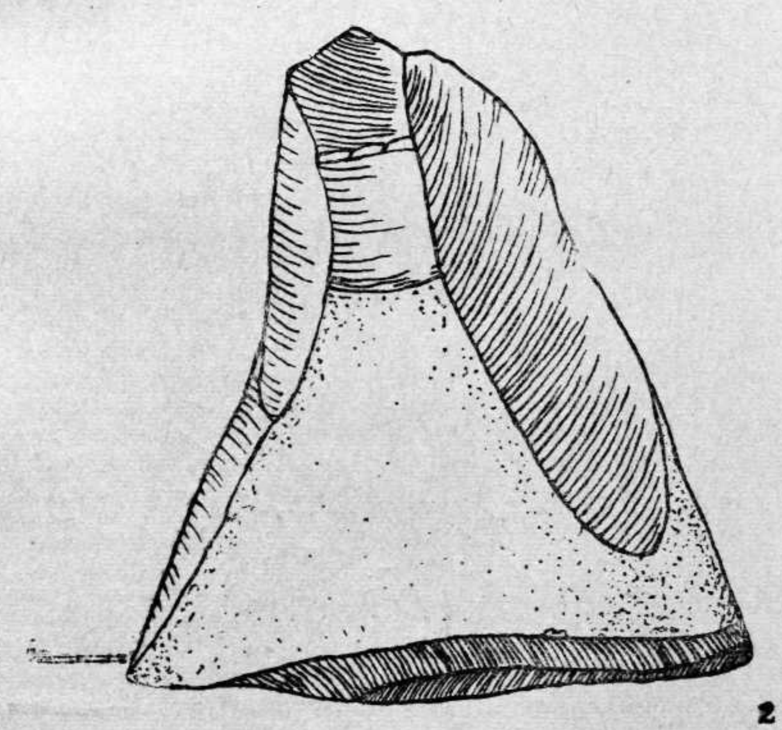
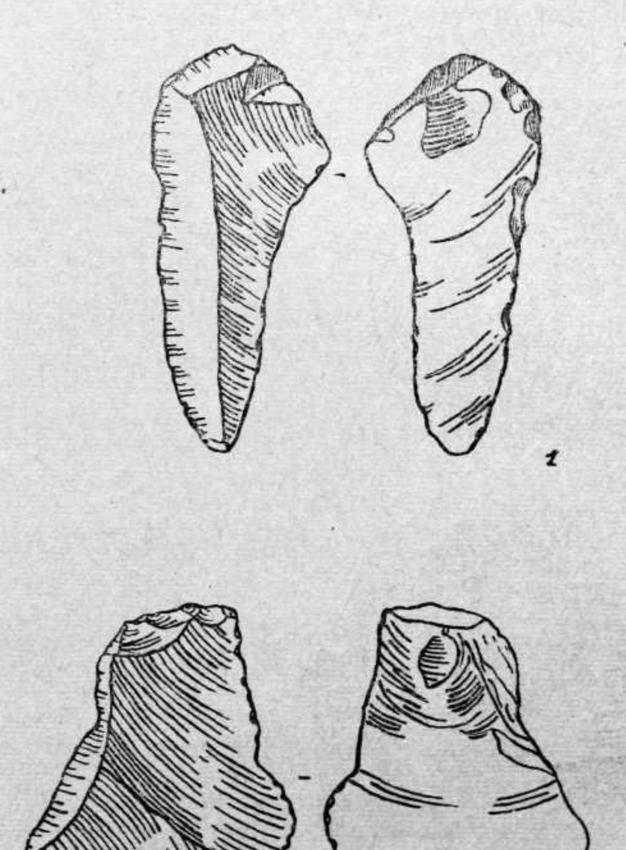

Таблица II. Кремневые изделия из местонахождения Красная Глинка—[redacted]

2

Таблица III. Кремневые изделия из местонахождения Тунгуз — [redacted]

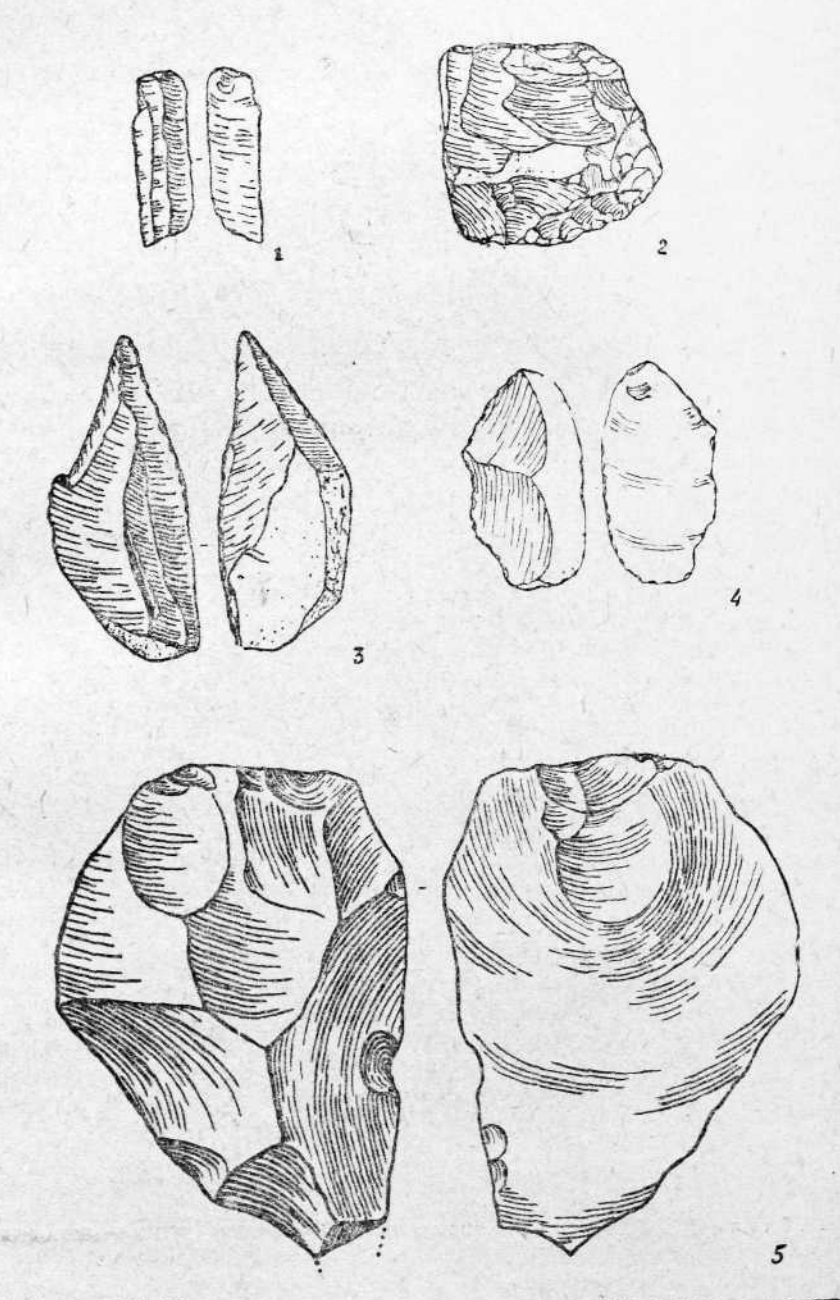

Таблица IV. Кремневые изделия из местонахождения Переволоки — [redacted]

Из того же серого кремня с железистыми натеками изготовлен массивный грубый нуклеус, имеющий вид крупного желвака со следами сколов в различных направлениях. Некоторая часть этого нуклеуса сохраняет следы желвачной корки. Нуклеусу не была придана определенная форма, а нужные, преимущественно крупные и широкие отщепы отделялись от него без систематического порядка. Размеры нуклеуса: 13,5Х12,5 в нижнем конце и 3,5 в верхнем конце Х6 см (табл. II, 2).

Второй нуклеус из темно-серого слоистого кремня имеет кубовидные очертания. Поверхность его окатана средне, но в большей степени, чем у предыдущего экземплятора. Одна из широких граней сохраняет следы желвачной корки, 5 остальных граней большей или меньшей ширины сохраняют следы сколов, которые шли в различных направлениях. Размеры в среднем: 8Х7Х4,5 см.

Из других находок заслуживает внимание нахождение в слое галечника чрезвычайно минерализованного обломка трубчатой кости животного.

Другой район, где находки залегают в русле реки, это песчаные отмели в окрестностях Бектяжки-Мордово и на противоположном берегу — Тунгуз.

Песчано-галечная коса на северном мысу Бектяжского острова, известная по находкам М. З. Паничкиной, также значительно перемыта. Галечные отложения перекрыты песком и лишь в отдельных пятнах встречаются изредка мелкие обломки костей. Помимо видов, собранных М. З. Паничкиной, там находятся еще кости мамонта и медведя.

Был осмотрен правый коренной берег Волги между селами Мордово-Бектяжка. У береговой линии — осыпь галечника, плохо окатанного мергелистого щебня. Немного ниже пристани, в галечнике найден зуб ископаемой лошади и несколько обломков костей животных с характерным темным загаром, а также крупный кремневый осколок со следами намеренных односторонних сколов.

На противоположном, левом берегу Волги обширная галечная отмель — Тунгуз, далеко вдающаяся в Воложку, известная своими интересными находками, во время нашего посещения имела вид карьера по выработке гравия. Костей животных по-прежнему много, но они значительно измельчены и очень окатаны. Находки их приурочены не только к береговой линии, а рассеяны теперь почти по всей поверхности галечника. Сборы М. З. Паничкиной пополняются еще новыми видами фауны: найдены кости благородного оленя, птиц и, возможно, песца. Здесь же было найдено два обломка человеческого черепа, менее минерализованные, чем кости животных, а также два обломка рога, как будто бы имеющие следы обработки, но утверждать это определенно мешает их сильная окатанность. В отличие от других отмелей здесь очень много осколков цветного кремня, правда, значительно окатанных и маловыразительных. Бесспорно обработаны рукою человека лишь очень немногие предметы. К их числу относится широкий тонкий отщеп коричневого полупрозрачного кремня. Прямая ударная площадка расположена под тупым углом к плоскости раскола, ударный бугорок занимает большое пространство, на нем заметна широкая, но неглубокая выщербинка от удара. Тонкие края отщепа имеют неровные очертания, они как бы зазубрены, вероятно, в результате окатывания. Длина отщепа 5,8 см, ширина 5 см внизу и 2,7 см вверху у ударной площадки (таблица III, 1).

Второй отщеп — узкий, изогнутой формы, из белого кремня сплошь патинизированный. Ударная площадка скошена, на широком

ударном бугорке хорошо заметна крупная плоская выщербинка от удара. Длина — 7,5 см, ширина — 2,5 см (табл. III, 2).

Среди других находок на Тунгузке выделяется сечение крупной трехгранной пластины, темно-коричневого камня со следами ретуши по краям.

Дюны в районе г. Ставрополя дали находки позднего времени, среди них рассеянные на ограниченном пространстве мелкие отщепы и осколки кремня, а также тщательно обработанный кремневый скребок. Судя по технике обработки, это изделие конца неолита — начала эпохи бронзы.

Берега р. Усы в ее нижнем течении мало перспективны для поисков палеолита. Правый берег представлен высокими и скалистыми отрогами Жигулей, левый имеет широкую задернованную пойму.

Близ пос. Шигоны на левом берегу р. Усы найдено поселение бронзового века.

Затем, р. Уса была осмотрена в двух направлениях от дер. Переволоки: вниз на 2—3 км и вверх на 8—10 км. Берега значительно облесены, обнажений нет.

Местонахождение костей животных с отдельными изделиями из кремня было открыто на отмелях безымянного острова у дер. Переволоки. Остров тянется узкой полосой вдоль правого берега Волги. С севера и запада располагаются открытые песчаные отмели, центральная и южная части острова заросли мелким кустарником, что указывает на недавнее образование острова. Вдоль береговой линии тянутся с северо-запада большие залежи гравия. Здесь остров размывался земснарядом, из чего можно было заключить, что значительная часть его уже уничтожена. На поверхности гравия собраны многочисленные кости животных характерного черного цвета. По определению Н. К. Верещагина, здесь встречаются кости зубра (15 остатков), ископаемой лошади (7 ост.), мамонта (2), носорога (1), гигантского оленя (3), благородного оленя (1), осла (2), сайги (3), рыбы осетровой и костистой, а также кости современной лошади и мелкого рогатого скота, значительно различающиеся по цветности от комплекса обычного для отмелей Средней Волги. Эпифиз одной из костей, по предварительному определению Н. К. Верещагина, — локтевой кости лося, той же степени минерализации, как и основные находки, имел поперечный круговой срез, оставленный, по заключению С. А. Семенова, не резцом, а тонким кремневым ножом, что является характерным для послепалеолитического времени. Все изделие в целом имеет вид обычной для неолита обоймы. Кремневые изделия, встреченные на той же отмели, имеют напротив верхнепалеолитический облик. Эти изделия изготовлены главным образом из цветного кремня и значительно окатаны. Следует отметить, прежде всего, небольшую призматическую пластинку серого кремня с тремя параллельными гранями на спинке и хорошо выраженным ударным бугорком на внутренней поверхности. Один из длинных краев имеет мелкую ретушь с обеих сторон. Размеры: 3,6×1,2 см (табл. IV, I).

Довольно оригинальное изделие, служившее, по-видимому, скребком изготовлено из серого довольно мягкого кремнистого сланца, сильно патинизированного. Он имеет полукруглый рабочий край, обработанный рядом сколов. С противоположной стороны ряд сколов идет в другом направлении и таким образом вся внешняя поверхность орудия обработана сплошь. Размеры: 4Х4,6Х0,7 см (табл. IV, 2).

Орудие из желтого кремня имеет вид сверла. Оно имеет трехгранное острие, обработанное по краям ретушью. Противоположный острию конец удобен для захватывания рукой. Размеры: 6,8Х3Х1 см (таб. IV. 3).

Небольшой плоский отщеп темно-серого кремня, сохраняет на некоторой части внешней поверхности следы галечной корки. Внутренняя поверхность имеет небольшой ударный бугорок и сильную волнистость от удара. По краям заметна эпизодическая ретушь, возможно, результат воздействия во время окатывания. Длина — 4,5 см, шир. — 2,4 см (табл. IV, 4).

Остальные изделия сильно окатаны и мало выразительны.

На возвышенном коренном берегу Волги, сложенном из серых слоистых известняков, прикрытых слоем супеси незначительной мощности (50—70 см), немного выше дер. Переволоки, на поверхности распаханного поля, вблизи берегового обрыва, найден крупный кварцитовый отщеп, имеющий на спинке следы широких предварительных сколов. Ударная площадка скошена, почти всю поверхность ударного бугорка занимает широкая выщербинка от удара. Размеры: 10,4X7,5X1,5 см (табл. IV, 5).

Эта находка на поверхности коренного берега так же, как и прежние находки в окрестностях г. Куйбышева, позволяют надеяться, что дальнейшие поиски палеолита на Волге могут дать результаты лишь при тщательном осмотре береговых четвертичных отложений.

В связи с этим следует упомянуть еще находку небольшого осколка такого же серого кварцита с частичной обработкой края на коренном берегу Волги в дер. Кайбелы Ульяновской области.

Эти каменные изделия, найденные в различных пунктах Среднего Поволжья, пока еще разрозненные и малочисленные, с убедительностью доказывают, что берега Волги были заселены в глубокой древности. К сожалению, места поселений палеолитического времени в Среднем Поволжье размыты Волгой и переотложены, часто на большие расстояния, если судить по степени окатанности каменных изделий. На местах выходов галечников обычно встречаются предметы самого различного возраста: наряду с костями ископаемых животных и палеолитическими каменными изделиями встречаются кости домашних животных, керамика и изделия более поздних эпох. Только очень немногие кости животных четвертичного возраста имеют следы обработки и раскалывания. В силу этих причин нам представляется неверным допущенное некоторыми исследователями предположение, что скопления крупных ископаемых животных связаны с деятельностью человека. Скорее можно было бы утверждать, что человек палеолитического времени приходил на места массовой гибели животных, происходившей в результате стихийных бедствий, и здесь терял или бросал за ненадобностью свои каменные орудия. Но поскольку отложения галечников не одновременные, нет никаких оснований безоговорочно связывать каменные изделия с фауной. Первоочередной задачей исследователей являются поиски палеолитических стоянок в непотревоженном слое на коренных берегах Волги и ее притоков. Только тогда мы сможем судить о жизни первобытного человека на Средней Волге в связи с окружающими его природными условиями.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

К. А. Селиванов

КРАЕВЕДНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ «ПО РОДНОМУ СЕЛУ» И «БОЛЬШАЯ ДОРОГА»

(Из школьной практики)

Одной из самых распространенных форм краеведческой работы в школе является экскурсия. С ней не может равняться никакой другой способ познания своего края: ни живостью и увлекательностью работы, ни охватом людей, ни разнообразием приемов и привлекаемых объектов, ни обилием впечатлений. Экскурсия ставит школьника в непосредственное соприкосновение с богатством вещей, явлений и вызывает чувство радостного удивления перед открывающимся миром пленительных знаний.

Краеведческие экскурсии очень разнообразны. Есть краеведно-исторические экскурсии, имеющие своей целью познание прошлого родных мест. Многие учителя говорят, что трудно, почти невозможно проводить эти экскурсии в селах, так как в них нет никаких исторических памятников, «не пахнет никакой историей».

Однако практика убеждает в обратном. Дело в том, что некоторые преподаватели, учащиеся склонны видеть историю обязательно в чем-то монументальном, ярком, связанном с известными лицами и событиями, что невнимание к привычному, окружающему мешает видеть и чувствовать в нем историю.

А ведь она буквально вокруг нас, стучится в наши двери, заглядывает в окна. Надо только открыть глаза на эти сокровища, уметь их взять.

В связи с этим я хочу рассказать о двух экскурсиях: «Родное село» и «Большая дорога», которые не раз проводились мною и моими товарищами в Карлинской средней школе.

Когда ученики узнали, что состоится экскурсия «По родному селу», то они разочарованно сказали:

— Да наше село и без экскурсии нам хорошо известно. Ничего интересного.

— Увидим.., — ответил руководитель. — Только не забудьте захватить карандаши и бумагу.

В ответ недоумение и улыбки на лицах. Иронические реплики.

— Без записи все знаем.

— А еще ничего не захватить?

— Словно в настоящую экскурсию.

Пришлось дать слово, что если кому-нибудь экскурсия покажется неинтересной, то он сможет тотчас же уйти. Но таких не оказалось. Понадобились и писчебумажные принадлежности.

Экскурсия преследовала следующие цели: познакомить с историей села со дня его основания, показать, что и рядом, вокруг нас много ценного и интересного, что надо знать, ибо это делает нашу любовь более

осознанной и одухотворенной; на примере родного села, через контрастное сопоставление его прошлого с настоящим, раскрыть, как под руководством Коммунистической партии преобразуется крестьянская жизнь и какое у нее светлое и большое будущее.

Родное село. Такое привычное, знакомое и, кажется, ничем непримечательное. А между тем... Последуем за экскурсантами.

— Знаете ли вы, — начинает руководитель, — когда и как возникло наше село? Не знаете. Заполним этот пробел. Конечно, о возникновении села можно было бы рассказать вам и в классе, но вы сейчас сами поймете, почему это удобнее сделать на воле, в присутствии окружающих нас немых свидетелей: полей, речки, холмов, улиц, площадей. У них ведь тоже своя история, а она становится ярче, когда видишь все эти предметы.

Рассказав о том, что представляла собой окружающая местность 300 лет назад, руководитель говорит:

— Мы стоим с вами на месте, где поселились основатели нашего села. Посмотрите: ровная возвышенность. На севере и востоке она переходит в горы, на которых рос дремучий лес, с юга и запада ее омывают две реки. Чтобы подойти к нашей возвышенности, нужно преодолеть естественные преграды: лес, реки, горы.

Подойдем к краям возвышенности. Вы видите неровности, — у них есть свой порядок. Это остатки когда-то глубоких рвов и насыпей, где не раз находили старое оружие. В то время на такой возвышенности удобно было защищаться или переходить в наступление. Вот почему в начале 40-х г. XVII ст. здесь и были поселены казаки, которым царь Алексей Михайлович и отдал всю окружающую землю с ее угодьями. Казаков переселили из Казанского воеводства с Карлинской укрепленной черты, — отсюда и название Карлинское.

Развертывается географическая карта, пользуясь которой, экскурсовод рассказывает про Карлинскую укрепленную черту (по р. Карле), строительство Симбирско-Карсунской укрепленной черты, возникновение г. Симбирска (Ульяновска).

— Таким образом, наше село возникло как передовой опорный пункт, охранявший подступы к Симбирско-Карсунской укрепленной черте, т. е. к юго-восточной границе Московского государства. И называлось селение Карлинское казачьей станицей или слободкой. Слово слобода показывает, что обитатели ее были служилые люди. Вокруг казаков стал понемногу селиться разный пришлый народ.

— Поднимемся теперь на самую вершину горы, обследуем ее и подумаем, какая роль отводилась ей в то далекое тревожное время.

Вершина горы господствует над окрестностью, которая просматривается на десятки километров. С помощью биноклей ученики находят на юге, в степи, три сторожевых кургана, различают очертания селений, расположенных около Ульяновска. Учитель говорит о наблюдательном посте на вышке, о тогдашних приемах световой сигнализации в случае появления врага, о роли выдвинутых в степь сторожевых курганов, не забывая и о невысоком дубовом столбике с цифровой пометкой, — который в качестве знака земельных владений колхоза стоит сейчас на вышке.

В начале XVIII в. Петр I перевел казаков под Азов, а Карлинскую слободу и все окружающие земли пожаловал князю Черкасскому. От него, как приданное за дочерью, эти угодья перешли к графу Мусину-Пушкину, потом к князю Щербатову, и, наконец, к графу Зубову, последнему помещику, удержавшему здешние владения вплоть до Октябрьской революции.

С вышки горы хорошо видны сельские улицы. И как грустна же их история! Вот Нагорная, первые жители которой были выменены графом Мусиным-Пушкиным на барскую псарню... Арать — сюда пригнаны из Нижегородской губернии. Северная часть заселена крестьянами, выигранными в карты у тульского помещика.

Вокруг шумели непроходимые леса, — их выкорчевывали, поднимали земли, сеяли, убирали, — и все на барина, под господским страхом — быть запоротым, проданным, промененным, проигранным.

За барином холопами мы жили,
Кровавые слезы лили, лили.
Пороли чуть не каждый час,
Скотину почитали лучше нас.
Не хлеб мы ели, а мякину,
А день-деньской все гнули спину.
И ежели пора та горькая приснится,
Уж лучше в гроб ложиться.

Так характеризуется тяжелая крепостная жизнь в народной песне, записанной в с. Карлинском от Сергея Тарасовича Тарасова. Экскурсанты сосредоточенно записывают в свои тетради. Их юношеские лица хмуры, серьезны. Ни обычных шуток, ни смеха. Когда прерывается рассказ руководителя, слышно, как в голубом весеннем небе заливаются жаворонки, победно рокочут в полях тракторы, на недалекой дороге гудят автомашины.

По дороге на другое место юноши и девушки узнают о том, как прошло в Карлинском освобождение крестьян. В. И. Ленин писал, что «освобождение» крестьян явилось «бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними».[1] Так было и в Карлинском.

В момент реформы 1861 г. граф Зубов владел в Карлинском 3000 душ крестьян и 15000 десятин земли. По реформе карлинцы получили по очень высокой цене самую худшую землю и только на мужские души, — всего 1769 десятин. Остальная земля, лес, луга, родники остались у помещика. Пришлось снова идти в кабалу к барину, арендуя по дорогой цене земли, платя за воду и выпасы. Крестьяне открыто выразили недовольство, требуя земли на все души и бесплатно. Возникло волнение.

Преподаватель подробно рассказывает о волнении, его вожаках и о кровавом усмирении, для чего был прислан из Симбирска батальон солдат.

— Гора, на которой мы с вами сейчас стоим, называется Трошиной горой. Прямо перед нами площадь, куда и согнали всех мужиков. Из волостного правления (в этом здании теперь правление колхоза) вышел исправник и спросил: «Кто отказывается от требования земли?» Несколько человек, понурив головы, вышли, их отвели в сторону. Остальные тесно сбившись в кучу, стояли на своем требовании. Тогда раздалась команда, солдаты двойным кольцом окружили крестьян, и под барабанный бой началась порка. Секли розгами, т. е. свежими прутьями, привезенными утром из лугов. А здесь на горе стояли нарочно согнанные старики, женщины, подростки, — их заставили смотреть, как истязали дорогих людей за то, что они осмелились требовать свою землю.

Выпороли 60 человек. Каждому дали по 100 ударов, а вожакам и еще некоторым по 200. Секли беспощадно. Большинство наказанных

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

отнесли на носилках. Миронов и двое братьев Кузнецовы вскоре померли, трое крестьян после наказания — Исавнин, Балынин и Махонкин были отправлены в ссылку, где и погибли.

Это происходило в июле 1862 года. Но и землю бесплатно, в вечное пользование — карлинские крестьяне получили лишь в октябре 1917 г., когда под руководством Коммунистической партии свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Скорбны и гневны глаза учащихся. В их рядах находился и один из потомков Исавнина.

По предложению руководителя экскурсанты чтут память своих односельчан—крестьян, погибших в борьбе за землю: мальчики обнажают головы, а девушки поднимают правую руку.

Трошина гора вдается прямо в середину села, рассекая его на две части. С горы хорошо видно каждое здание, каждый переулок. Школьники полукругом располагаются по склону горы и слушают, как жилось крестьянам села перед Октябрьской революцией: разорение, отходничество и батрачество, долговая кабала не только у помещика, но и кулака, купца, темнота и бескультурье, издевательство над населением земского начальника Манштета.

— Взгляните на северную половину села, которая заканчивается лугами. Теперь здесь бахчевое хозяйство нашего колхоза. А в 1913 г. лугами владел Манштет, здесь была у него мельница, а напротив усадьба с садом и двухэтажным домом. Как-то летом в воскресенье молодежь села пошла лугами к барскому пруду, чтобы искупаться. С терассы дома барин увидел молодежь, и под предлогом, что, якобы, измяли его луга, приказал стражникам загнать юношей и девушек к себе в усадьбу. Несколько часов издевались над молодежью в усадьбе: грозили, кричали, ругали. Из села пришли отцы и дали слово, что помогут «его высокородию» убрать луга. Тогда молодежь отпустили.

Так было.

— Другой. — радостной и созидательной жизнью живет сейчас Карлинское. В зданиях помещика, духовенства, кулаков культурно-просветительные учреждения. В селе средняя школа, детский дом, медицинская и ветеринарная амбулатории, родильный дом, аптечный пункт, почта, клуб.

Если в старом Карлинском интеллигенция состояла из духовенства, урядника, волостного писаря и двух—трех учителей, то теперь в селе интеллигенции около 50 человек: учителя, агрономы, врачи, зоотехники, партийные и советские работники. Из них до 20 человек с высшим образованием.

До Октября в Карлинском было 87 процентов неграмотных, только два крестьянских сына получили среднее образование. В 1913 году лишь один крестьянин выписывал газету. Зато «работали» две церкви и 15 колдунов, знахарей и знахарок, а от оспы, дифтерита, скарлатины и горячки (тифа) ежегодно умирали десятки людей. Было, как говорили крестьяне, «одна хворь, худоба да маята».

Сейчас названия перечисленных болезней знают медработники да старики, исчезли церкви, колдуны и знахари, каждый дом в среднем получает газету, ликвидирована в основном неграмотность взрослого населения, все дети охвачены семилетним обучением; свыше 200 юношей и девушек закончили среднюю школу, техникумы, институты или учатся в различных вузах страны.

— Вот семья колхозника Ивана Михайловича Еремина. У него три дочери: Мария окончила учительский институт, Клавдия — педагогический и преподает литературу в своей карлинской школе, Антонина заканчивает десятый класс. У колхозника Павла Михайловича Елисова

сын полковник окончил военную академию, а дочь получила среднее образование. Три дочери колхозницы Кашкиной Пелагеи Ивановны, сторожихи МТФ, окончили среднюю школу, два сына учатся — один в 5 классе, а другой в 10-м классе. И так в каждой крестьянской семье: одни дети учатся, другие, получив образование, работают специалистами в самых различных отраслях хозяйства и культуры.

— А живут как? Войдем в избу бывшего батрака кулаков Чеплыгова Петра Никифоровича: тюлевые занавесочки на окнах, никелированная кровать с горою подушек, стулья, радиоприемник, книги. У него корова, теленок, четыре овцы, свинья.

Петр Никифорович — один из уважаемых людей в колхозе, член правления.

— В учреждениях с. Карлинского выпускается 11 стенгазет и один рукописный журнал, за полгода прочитано 65 лекций и докладов, проведены сотни бесед и читок, два—три раза в неделю демонстрируется кино, устраиваются вечера художественной самодеятельности. Кроме общесельского клуба, есть клуб в школе и детдоме. В быт колхозников вошли книги, патефоны, велосипеды, радио, электросвет.

Экскурсанты спускаются под гору, где бьют кристальные струи родников. Недалеко от них — животноводческая ферма колхоза, напротив, за речкою, птицеферма. В чисто выметенных, в выбеленных типовых коровниках автопоилки, подвесная дорога, применяется электродоение, механизированный кормозапарник. В светлом вместительном доме животноводов электромотор приводит в действие сепаратор, доярки в белых халатах.

На фермах колхоза 256 голов крупного рогатого скота, 968 овец, 175 свиней, 152 лошади. В новеньком гараже пять грузовых и одна легковая автомашина «Победа», кузнечно-столярная мастерская. На реке Гуще двухэтажная мельница, электростанция, пилорама, две шерсточесалки, крупорушка, обойка, три механизированных тока. Телефоны в бригадах и электростанции. Пасека на 100 ульев, сад в 2 гектара.

— А поля, — необъятные колхозные поля? Их хорошо смотреть с Трошиной горы, — эти черноземные бывшие графские земли, земли колхоза «Путь к коммунизму»; 5617 гектаров пахотной земли, 176 гектаров заливных лугов по двум рекам, 143 гектара леса. В 1955 г. колхоз собрал зерна в два с лишним раза больше, чем в 1954 г. С 1226 гектаров ржи взято по 15,6 цен. с гектара. Такой мастер высоких урожаев, как бригадир Никифор Васильевич Курков, с 115 гектаров озимой ржи получил по 18 центнеров с гектара. Колхоз, многие колхозники стали участниками областной сельскохозяйственной выставки.

Юноши и девушки стоят вокруг руководителя, стоят на своей земле, радостно смотрят в залитые солнцем открытые дали, на родные поля, где работают день и ночь управляемые их близкими умные, сильные советские машины.

— Веками мечтали люди о земле, — говорит в заключение руководитель, — о свободном, радостном, творческом труде. Земля, как и человеческий труд, была закабалена, закована в цепи границ и меж. И вот земля в руках настоящих ее хозяев, людей, вооруженных и воодушевленных ленинским учением, руководимых родной Коммунистической партией. И как же неузнаваемо изменился, как прекрасен стал облик этой земли, и ее труженика, как светла и широка сделалась мирная жизнь на этой земле!

Здесь на Трошиной горе, слышавшей плач и стоны замученных крестьян, молодежь ощутимее чувствует и нагляднее видит, что было раньше и что стало теперь. И взгляды, которыми юноши и девушки окидывают

прошлое и настоящее своего села, — это взгляды законных наследников и строителей коммунизма.

Экскурсия «По родному селу» требует хорошей осведомленности в общем и местном материале, тщательной подготовки руководителя, написанного и выученного наизусть текста, в котором приводятся не только факты и цифры, но и легенды, песни, частушки, рассказы стариков. Маршрут должен быть тщательно продуман. Рассказ тепел и задушевен. Ведь дело не только в том, чтобы передать историю, но и заставить эмоционально пережить ее, пробудить действенную любовь к своему селу. А если учащиеся прочувствуют и переживут прошлое, то перед ними в наглядных, запечатлевающих образах встанет вся разница между ушедшей в прошлое и настоящей яркой жизнью, они осязаемо на прошлом родного села получат реальное представление о колоссальных достижениях нашей страны.

Экскурсия вызвала много вопросов и разговоров среди учащихся и их семей, показала, как близко к сердцу принимают школьники историю своего села, облегчила им усвоение таких разделов систематического курса истории, как «Поволжье в XVII в.», «Буржуазные реформы 60-х годов», «Культурная революция в СССР и расцвет социалистической культуры». Приведу несколько отзывов учащихся об экскурсии.

«Родное село казалось таким привычным, маленьким и неинтересным. И вот экскурсия. По-другому мы взглянули на свои места, по-новому их увидели. Село вдруг выросло во что-то большое и важное, полное жгучего интереса».

«До сих пор я был к своему селу не то, чтобы безразличен, а как-то обидно спокоен, невнимателен. Сейчас у меня другое отношение. Мне хочется собирать о селе сведения, самому рассказывать, хочется что-то для него сделать».

«На примере своего села я особенно почувствовала и поняла, в какой кабале находился народ, как ему плохо жилось. Какая длинная ночь висела над страной и какой яркий день встречает нас».

«Эту экскурсию я не забуду. Она не похожа ни на какие другие, в которых я участвовала».

Материалы экскурсии были использованы на уроках истории, Конституции СССР и литературы. Участники экскурсии написали сочинения: «Наше село», «По родному селу», «За что я люблю свое село», «Что видела Трошина гора», «Культура села Карлинского». В школьном журнале появились заметки об экскурсии и стихотворения: «Трошиной горе» «Родному колхозу». Все письменные работы согреты горячей любовью к родному селу, колхозу.

Люблю я ширь полей колхозных,
Веселый труд людей, машин,
Полна и радости и счастья
Вся жизнь моих родных равнин!

Пишет ученик 9 А класса М. Лосев в стихотворении «Родному колхозу».

Не меньшее разочарование вызвало у учащихся и сообщение об экскурсии на «Большую дорогу».

— Сколько раз мы по ней ходили и ездили, а ничего интересного не испытывали, — говорили ребята. — Только вот не знаем, почему ее «большой» прозвали.

Экскурсия имела целью рассказать о том, что видела «большая дорога» на своем долгом веку и сравнить с тем, что она «видит» сейчас. Восстановить картину прошлого всегда легче в тех местах, где проходили события, и одновременно лучше вдуматься в современную жизнь, здесь

же развернувшуюся. Конечно, наш ученик теоретически хорошо знает, какие коренные сдвиги произошли в истории, в жизни советских людей, но в его личном опыте нет ничего, чтобы подкрепило это знание соответствующими переживаниями. Их нужно вызвать. И «большая дорога» заговорила.

Передаю вкратце содержание экскурсии.

Остановились на пригорке, у полуразрушенной белой каменной часовенки. Отсюда далеко видна в обе стороны извилистая лента дороги, с прямым рядом телеграфных столбов, параллельно, несколько ниже, развернулась зеленая кайма реки Гущи, по ее берегам весело раскинулись села; на горизонте кое-где синели леса, волнистой грядой бежала цепь меловых холмов.

— Теперь справимся: что же это за большая дорога?

Развертываю карту. Ее высоко держат двое учеников.

— Обратите внимание на заголовок «Геометрическая карта Симбирской губернии, состоящей из 10 уездов, сочинена в 1805 году».

Поясняю:

— Карта сделана от руки. Чисто. Искусно. Кстати, ее мне принесли в 1919 г. ученики. Вот Симбирск. От него расходятся дороги. Это вот большой Московский тракт, а это — большая дорога на Пензу, или как тогда называли «коммерческий пензенский тракт». Как раз на этом тракте мы с вами стоим. «Идите» глазами по нему и читайте названия сел...».

— Значит, тогда эти села уже были?

Приглашаю ребят сесть. Напоминаю, что сейчас мы живем в эпоху железных дорог, автомобилей, самолетов. В этих условиях самая дальняя поездка не трудна. Совсем другое дело было в старину, лет 100 или 150 тому назад, когда все путешествия совершались на лошадях. Большие дороги играли огромную роль в жизни страны и отдельных людей. Путешествие, особенно на значительное расстояние, было большим событием.

Рассказываю, как в старые годы ездили на почтовых, на долгих, на обывательских. Описываю различные экипажи, станционный быт, полосатые верстовые столбы, ямщицкую удаль и ямщицкое горе. Привожу примеры из художественной литературы, показываю иллюстрации, репродукции с картин.

— Вот и эта дорога, на которой мы с вами сейчас находимся, — рассказываю я, — большая дорога из Пензы в Симбирск (теперешний Ульяновск) была наполнена в старые годы своеобразной жизнью. Длинной скрипучей вереницей тянулись обозы с товарами купцов... Летом мелькали помещичьи брички, тарантасы, рыдваны, стучали крестьянские телеги; зимой летела «кибитка удалая», ползли возки, дровни. Звеня бубенцами, заливаясь валдайским колокольчиком, скакали помещичьи тройки и пары, брели богомольцы, нищие; шли, озираясь, беглые, пробирались они куда-нибудь на Урал или в заволжские степи, в вольные места; иногда тут прогоняли солдат; звенели на ногах кандальные цепи каторжников...

Да, многое видела и слышала эта большая дорога на своем долгом веку.

— В 1837 году по этой дороге ехали из Сибири на «далекий погибельный Кавказ» рядовыми солдатами декабристы. Стояли дни «бабьего лета». Князя Одоевского, поэта, автора ответа Пушкину на «Послание в Сибирь» («Струн вещих пламенные звуки...») провожал старик-отец. Здесь они обнялись в последний раз. Поэт Одоевский вскоре умер на Кавказе.

По ней в 1840—50-х годах жандармы мчали в ссылку Сатина, друга Герцена, везли арестованного поэта-революционера Огарева.

В годы Крымской войны по большой дороге пешком из Сибири, Урала, из-за Заволжья шли эшелоны солдат. Вот что об этом рассказал самый старый человек района (107 лет) Андрей Наумович Нестеров (приводится рассказ). И другие эшелоны проходили тут.

Есть у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» строчки:

Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь[1].

Такая команда — батальон — прошла по нашей дороге в один из майских дней 1862 г. Шла она из Симбирска в с. Карлинское, где «в избытке благодарности» за надел землей по реформе 1861 г. вздумали бунтовать местные крестьяне» (следует подробный рассказ об этом событии).

— В 70—80-е годы по этой дороге не раз колесил друг и руководитель народных учителей, отец Владимира Ильича Ленина, Илья Николаевич Ульянов; колесил, не считаясь ни с временем, ни с погодой.

«Ульянов, — писал о нем сотрудник некрасовского «Современника» Назарьев, — скакал, голодал, угорал, замерзал, рисковал жизнью и здоровьем»[2].

— В дни 1905—1906 гг., когда горели подожженные крестьянами помещичьи усадьбы, по большой дороге скакали отряды стражников, чтобы пороть нагайками крестьян.

1918 год. Наше Поволжье в огне гражданской войны. Пали Самара, Симбирск, Сызрань, Сенгилей. Разрозненные красноармейские отряды в окружении. Но решительным броском глухими проселочными дорогами они прорывают кольцо окружения и, отступая, выходят на нашу большую дорогу, чтобы соединиться с главными силами. Было это в июне. А в начале сентября по этой же дороге шли отряды Красной Армии брать родной город Ильича. За Елшанкой и Ключами, по обеим сторонам дороги, разыгрались жаркие бои. Большая дорога, политая кровью рабочих и крестьян, привела наши войска в Симбирск, который стал снова и окончательно советским.

— А теперь посмотрите, что видит большая дорога в наше время...

По возможности красочно рассказываю о нашей технике, преобразовании окружающей природы, об электрификации расположенных по дороге сел, о людях советской деревни, об их счастливом настоящем и прекрасном будущем.

«Большая дорога» — историко-литературная экскурсия, в ней широко использованы не только исторические факты, воспоминания, но и литература школьного курса, проза и стихи Пушкина, Лермонтова и других поэтов. Экскурсия потребовала длительной и напряженной подготовки руководителя, но она оправдала себя. Учащимся стали понятнее и ближе многие страницы русской классической поэзии, ямщицкие песни, еще милее и дороже сделалась наша жизнь, широкой и подлинно большой дорогой идущая к коммунизму.

Экскурсия натолкнула учащихся на мысль, — провести вечер на тему «Дорога в русской поэзии и музыке XIX века». Под руководством словесников был написан литературно-художественный монтаж с включением музыки, пения, декламации и чтения о дороге. Монтаж был поставлен в школьном клубе и имел большой успех.

Опыт с экскурсиями «По родному селу» и «Большая дорога» показывает, что возможности для краеведческих экскурсий в селе гораздо шире, чем принято думать.

---

[1] Н. А. Некрасов. Стихотворения, М., 1938, стр. 266.
[2] «Вестник Европы», 1876, V («Современная глушь»).

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год

С. С. Гайниев

БУТУРЛИНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ УЛЬЯНОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Ульяновского краеведческого музея имеется большая коллекция птиц, собранных нашим земляком, известным орнитологом и путешественником С. А. Бутурлиным.

С. А. Бутурлин родился в 1872 году, детство провел в селе Лава, ныне Сурского района, Ульяновской области. Начальное и среднее образование получил в первой мужской гимназии Симбирска. После окончания гимназии учился в Петербургской юридической школе. В течение многих лет С. А. Бутурлин работал судебным следователем. Служебную деятельность сочетал с изучением природы родного края, особенно фауны птиц, их систематики, экологии и зоогеографии.

С. А. Бутурлин был большим знатоком природы Поволжья, в то же время он много путешествовал по северной окраине нашей страны. Он является одним из основателей советской школы охотоведения, сделавшим очень многое для разработки научно-биологических основ охотничьего хозяйства. Им опубликовано около 2000 работ, преимущественно по орнитологии. После смерти оставил большую коллекцию птиц, значительная часть которых хранится в настоящее время в зоологическом музее Московского университета. Часть коллекций птиц хранится в Ульяновском краеведческом музее. Кроме того, в фондах музея хранятся письма Бутурлина, рукописи и другие документы.

Даже поверхностное знакомство с материалами Бутурлина убеждает нас в том, что он был передовым человеком. Мировоззрение его формировалось в то время, когда в России происходили большие социально-экономические преобразования. Особенно большое влияние на формирование мировоззрения С. А. Бутурлина оказали передовые идеи революционных демократов Чернышевского, Писарева, Белинского. В рукописных материалах Бутурлина имеются многочисленные ссылки на Чернышевского. В частности в реферате, состоящем из 5 рукописных тетрадей, под названием «Критический обзор книги Головина «Социализм как положительное учение» имеется целый ряд высказываний из работ Чернышевского.

Большое влияние на формирование мировоззрения Бутурлина оказала прогрессивная русская наука, выдвинувшая таких гениев, как Менделеев Д. И., Павлов И. П., Тимирязев К. А., Чебышев и др. Известно, что под влиянием общественного движения второй половины XIX века определили свои призвания многие виднейшие деятели русской культуры и науки. Говоря о развитии естествознания в России, К. А. Тимирязев писал: «...не пробудись наше общество к новой кипучей деятельности, может быть, Менделеев и Ценковский скоротали бы свой век учителями в Симферополе и Ярославле, правовед Ковалевский был бы прокурором, юнкер Бекетов — эскадронным командиром, а сапер Сеченов рыл бы

траншеи по всем правилам своего искусства». То же можно сказать и о Бутурлине, он так и остался бы судебным следователем. Именно пробудившееся общественное движение юриста Бутурлина сделало крупным естествоиспытателем, человеком, влюбленным в свой родной край и исследователем его природных богатств.

Бутурлин, как все передовые люди того времени, живо интересовался социальным движением, изучая его происхождение, и стремился понять суть его.

В 80—90-х годах прошлого столетия в общественное движение вовлекается новый класс — заводской пролетариат. В связи с появлением рабочего класса, социальное движение приобретает более широкий размах и новое качество. Бутурлин С. А., как многие передовые люди того времени, не оставался безучастным к этому общественному движению. Он основательно изучал рабочее движение, теорию социализма. Об этом свидетельствуют его рукописные материалы. В папке за № 10924 имеется рукопись текста доклада Бутурлина под названием «Историко-философская школа политической экономии». В этом докладе, написанном в феврале—апреле 1892 года, автор подробно анализирует крестьянские войны в России и в Германии, выясняет причины их возникновения. Большое место в докладе уделяется характеристике рабочего движения. В частности, он пишет: «Фанатическая самоотверженность и стойкость их (с о ц и а л-д е м о к р а т о в—разрядка моя) в этой многолетней борьбе, конечно, может быть объяснена только тем, что целью их служит не удовлетворение своей мести или иного требования, их цель шире интересов отдельной нации или отдельного сословия». Далее, в этом же докладе мы читаем: «Таким образом принципиальной основой, душой рабочего движения является, в частности, учение К. Маркса». Из этих высказываний совершенно очевидно, что Бутурлин был человеком прогрессивных взглядов, живо интересовавшимся рабочим движением, хотя он сам принадлежал к дворянскому сословию.

Бутурлин был человеком прогрессивных взглядов в своей научной области. Он, как и все передовые биологи того времени, признавал единство среды и организма. В одной из своих первых работ «Материалы для орнитофауны Симбирской губернии» он писал: «Разнообразие жизненных условий в только что описанных частях Симбирской губернии ведет к крайнему разнообразию здешней фауны. Из млекопитающих рядом с типичными для тайги видами держатся земляные зайцы и суслики».

С. А. Бутурлин считал, что наукой должны овладеть широкие массы трудящихся. И только тогда наука может принести действительную пользу народу. Он писал: « Конечно, многое о птицах, как и вообще о живой природе, мы знаем, однако, неизмеримо больше нам остается узнать того, что мы пока не знаем, или знаем приблизительно. Это с одной стороны. А с другой стороны, из того, что мы знаем, наибольшая часть известна только специалистам. Между тем, чтобы принести исчерпывающую пользу человечеству, знание должно проникать повсюду в самые широкие слои трудящихся масс, должно быть освоено ими». Сам Бутурлин сделал многое, чтобы наукой обладали широкие массы. Он написал большое количество научно-популярных, методических книг. Многие его книги до сих пор являются настольными всякого начинающего исследователя птиц, каждого юного натуралиста. Его книга «Что и как наблюдать в жизни птиц» выдержала несколько изданий и теперь является незаменимым руководством каждого учителя-биолога. Такова краткая характеристика жизни и деятельности нашего земляка, исследователя Симбирского края, оставившего нам в наследство великолепную коллекцию птиц.

В коллекции птиц Бутурлина, имеющейся в фондах Ульяновского краеведческого музея, насчитывается в настоящее время всего 421 академическая тушка.

В географическом отношении коллекция представлена из следующих стран: из Ульяновской области имеется 88 тушек птиц, птиц Сибири — 74, Дальнего Востока — 23, Крайнего Севера — 50, Кавказа — 22, Средней Азии, — 9, Тянь-Шаня — 13, Нарыма — 29, высокогорных стран — 29, Средиземноморья, главным образом из Италии, южной Франции и острова Сардиния — 31, Японии — 16, Прибалтики — 6, разных стран — 23.

Данные о видовом составе птиц, имеющихся в коллекции, приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Видовой состав птиц в Бутурлинской коллекции Ульяновского краеведческого музея

№№ п-п	Отряды	Количество видов	Колич. видов, встреч. в СССР
1	Куриные	2	2
2	Голубиные	6	4
3	Кулики	24	24
4	Чайки	7	6
5	Поганки	3	3
6	Гусиные	7	7
7	Голенастые	3	3
8	Хищные	4	4
9	Совы	2	2
10	Кукушки	2	2
11	Сизоворонковые	5	5
12	Длиннокрылые	3	3
13	Дятлы	13	13
14	Воробьиные	204	167
	Всего	285	245

Из таблицы 1 видно, что в составе коллекции имеется всего 285 видов птиц. Больше всего представлены воробьиные, состоящие из 204 видов, дятловые — 19 видов и т. д.

Из 680 видов птиц, встречающихся в СССР, в коллекции представлены 245 видов. Среди них такие редкие виды, как розовая чайка (Rhodosiethia rosca). Причем последний вид состоит из двух тушек самцов и двух самок.

Для нас, краеведов, особенно большой интерес представляет коллекция птиц Ульяновской области. Как указывалось выше, в составе коллекции имеется 88 тушек, добытых Бутурлиным в пределах Ульяновской области. Кроме того, из 35 видов тушек птиц, относящихся к Крайнему Северу, в пролетное время у нас встречаются 24 вида. Сюда относятся такие виды, как вилохвостая чайка, кулик-краснозобик, кулик-плавунчик, кулик-воробей. Таким образом, в составе коллекции имеется 112 видов птиц, встречающихся в пределах нашей области, что составляет 43 проц. всего видового состава нашего края.

Особенно многочисленны в коллекции мелкие воробьиные птицы, состоящие из 54 видов, или более 54 проц. всех воробьиных, встречающихся в нашем крае. Большую ценность, с нашей точки зрения, представляет коллекция синиц: хохлатая синица, гренадерка, бурого-

вая гаичка, обыкновенная лазаревка, черная синичка-московка, северная гаичка, пухляк, большая синичка.

В коллекции есть почти все виды славок, встречающихся в нашей области. Имеется несколько тушек славки-черноголовки, обычного обитателя наших широколиственных лесов и кустарников, садовой славки— обитательницы открытых, изреженных кустарников и одиноко стоящих деревьев, пеночки-веснички, маленькой и изящной птички, излюбленными местами обитания которой являются светлые опушки, молодые рощи с полянами, тальниками. К числу типичных лесных видов относится пеночка-желтобровка, гнездящаяся в глубине высокоствольных смешанных лесов и сосновых боров с редким подлеском. В составе коллекции имеются многие другие виды воробьиных птиц, имеющих большое хозяйственное значение как истребители вредных насекомых.

Второе место по числу видов составляют кулики, представленные в коллекции 20 видами. Известно, что кулики весьма многочисленны в природе. В пределах нашей области встречается 38 видов, из которых 19 видов только во время перелетов весной и осенью, 15 видов являются гнездящимися, а 4 вида являются редко залетными.

Бутурлин С. А. считался одним из лучших знатоков куликов. Им написана большая монография «Кулики Российской империи», выдержавшая два издания. Следует отметить, что первый вариант этой книги хранится в фондах Ульяновского краеведческого музея. Из куликов большой интерес представляет кулик-краснозобик, гнездящийся на Таймырском побережье. У нас он встречается только во время перелетов, но крайне редко. В коллекции имеется 7 видов дятлов, из 8 встречающихся в нашей области.

Из обширного отряда гусиных имеется 5 видов. Но тем не менее они представляют большую научную ценность. К ним относятся морянка, клоктун, большой белобок, синьга, турпан.

Научное значение Бутурлинской коллекции заключается не только в том, что в ней содержатся редкие виды, а главное значение в том, что она позволяет нам лучше познать современную фауну. Видовой и количественный состав птиц, как и других животных, не остается постоянным, а изменяется в зависимости от изменений условий жизни. В те времена, когда С. А. Бутурлин проводил свои наблюдения, в низовьях реки Барыша и в среднем течении Суры в большом количестве гнездились серые гуси, а в настоящее время они там уже не гнездятся.

Особенно большое изменение в составе орнитофауны произошло в связи с сооружением Куйбышевского водохранилища. Образование Куйбышевского водохранилища создает исключительно благоприятные условия питания водоплавающих птиц и куликов, но резко сокращает гнездопригодные участки.

Для того, чтобы правильно определить динамику численности орнитофауны, надо знать прошлое. Только на основе имеющихся фактических данных о прошлом составе птиц, можно сделать правильные прогнозы в будущем. Эти данные мы можем черпать в печатных, рукописных материалах С. А. Бутурлина, особенно в его замечательной коллекции птиц.

Самое главное достоинство Бутурлинской коллекции заключается в том, что она является незаменимым наглядным пособием для изучения местных и пролетных птиц. Известно, что никакое описание, никакой рисунок или красочная таблица не могут точно, понятно, наглядно ознакомить с общим видом и строением птицы, с приспособлением ее строения к условиям жизни. Никакое описание, даже красочный рисунок не запомнится так твердо и надолго, как натуральные препараты-чучела.

Особенно велико значение Бутурлинской коллекции для учителей-

биологов и студентов. Учитель, проводящий экскурсию, обязательно должен быть хорошо знаком и с местностью, где предполагается проводить экскурсию, знать также растения и животных. На экскурсии в первую очередь встретятся птицы. А птицы в природе играют крупную роль. Они в отличие от других животных большей частью ведут открытый образ жизни. Поэтому надо их знать в первую очередь. В этом деле большую помощь может оказать коллекция С. А. Бутурлина, хранящаяся в Ульяновском краеведческом музее.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Житков и Бутурлин С. А., Материалы для орнитофауны. Симбирской губернии.

2. Бутурлин С. А., Что и как наблюдать в жизни птиц. Московское о-во исп. природы, 1948 г.

3. Тимирязев К. А. Развитие естествознания в 60-е годы. Сочинения, том VIII, 1939 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск II 1958 год.

П. С. Бейсов

ВОСПОМИНАНИЯ Н. КОНШИНА О БОРАТЫНСКОМ

Рукописные фонды Ульяновского областного Краеведческого музея имени И. А. Гончарова[1]. Литературные материалы

Изучение родного края, собирание древних рукописей, исторических и литературных материалов начинается в нашем крае с 1837 года. В этом году братья Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев начали выявление и собирание рукописей по истории края. В 1845 году в Москве ими был издан «Синбирский сборник», в который вошли исторические и юридические материалы по истории края. Из предисловия к этому сборнику видно, что издатели сборника наметили обширную программу изучения Симбирского края, включив в эту программу собирание и изучение литературных материалов.

Благодаря их деятельности были выявлены и сосредоточены в их руках архивные материалы, поступившие от Языковых, П. И. Ивашева, М. А. Дмитриева, Д. Т. Ознобишина, А. И. Ермолова, Л. В. Киндякова, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, А. И. Тургенева и др. Предполагалось издание книги под названием «Бумаги Тургеневские».

Так было положено начало собиранию и изучению исторических и литературных материалов, относящихся к истории нашего края. Особенно значительна деятельность Петра Михайловича Языкова, одного из инициаторов этой группы краеведов. Он был не только первым составителем почвенной карты губернии, коллекции минералов, ископаемых и окаменелостей Симбирской губернии, но он был также первым собирателем рукописей и древних книг. Его многосторонняя собирательская деятельность, собранные им материалы — это основа для будущего краеведческого музея.

В связи с основанием Карамзинской библиотеки в 1846 году краеведческая деятельность получила организационное оформление. Являясь инициатором создания этой библиотеки, П. М. Языков внес в ее деятельность краеведческую направленность. Одной из основных задач Карамзинской библиотеки было собирание и сохранение рукописей и документов, относящихся к истории края.

Карамзинская библиотека составилась из личных библиотек Н. М. Языкова, П. И. Ивашева, Н. М. Карамзина, Д. В. Давыдова, С. Т. и К. С. Аксаковых, И. И. и М. А. Дмитриевых и других известных уроженцев края. Вместе с книгами поступали в библиотеку и рукописные материалы. К великому сожалению, почти все богатство Карамзинской библиотеки погибло в огне пожара 1864 года, уничтожившего весь Симбирск. После восстановления библиотеки в 1865 году собирательская деятельность продолжается с новой силой. В Карамзинской библиотеке сосредоточи-

[1] Продолжение. Начало см. «Краеведческие записки», вып. I, стр. 314.

ваются значительные литературные материалы, рукописи, письма — Карамзина, Дмитриева, Гончарова и др. Так возник один из значительных центров собирания литературных материалов нашего края.

В конце XIX века в г. Симбирске возник второй значительный центр собирательской деятельности; в 1895 году начала свою плодотворную деятельность Симбирская Архивная комиссия, объединившая таких видных деятелей, как Мартынов, Суперанский, Сапожников, Красовский, Яковлев, Александров, Зерцалов и других.

За 25 лет своего существования Архивная комиссия издала свыше 40 трудов по истории и археологии края. Наряду с археологической работой, выявлением и изучением архивов, Архивная комиссия собирала памятники быта, искусства, рукописи, автографы, разнообразные литературные материалы. Для их хранения в 1895 году был создан исторический музей и исторический архив при нем.

Проф. М. В. Довнар-Запольский заявил на XI Археологическом съезде: «Симбирская губернская ученая Архивная комиссия по справедливости может гордиться богатым развитием местного музея». Архивная комиссия значительное внимание уделяла собиранию и хранению литературных материалов. В ее истории нужно выделить две знаменательные даты: 250-летие со дня основания Симбирска (1898 г.) и столетие со дня рождения И. А. Гончарова (1912 г.).

Готовясь к этим юбилейным торжествам, Карамзинская библиотека и Архивная комиссия собрали для юбилейных выставок не только иконографические материалы о симбирских писателях, но также их рукописи, письма. Были собраны литературные материалы Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, И. А. Гончарова, Н. М. Языкова и др.

Симбирская Архивная комиссия и в повседневной работе уделяла значительное внимание собиранию, хранению и описанию литературных материалов. Ею были обнаружены и сохранены материалы А. С. Пушкина, Н. Языкова, декабриста Тургенева, Кюхельбекера, В. Ф. Раевского, Д. Минаева и др. Собранные литературные материалы хранились в музее Архивной комиссии. В 1918 году эти материалы поступили в единый народный музей, созданный решением Симбирского комиссариата по народному просвещению. Экспозиции народного музея и собрания рукописей были размещены в Доме-памятнике И. А. Гончарову. Сюда же поступили и литературные материалы, собранные краеведами прошлого века.

В 1922 году возникло «Общество по изучению Ульяновского края», которое рассматривало краеведческую деятельность как одну из гражданских обязанностей в деле всемерной помощи в развитии народного хозяйства, в целях построения социализма. Научная краеведческая работа велась в области истории, народного образования, искусства и литературы. Члены этого общества М. Державин и Н. Столов многое сделали для выявления, собирания, научной публикации литературных материалов. М. Державин выявил материалы Д. Н. Садовникова, Минаева, а Н. Столов — письма Пушкина, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева. Часть выявленных литературных материалов (архив Д. Н. Садовникова и др.) поступила в Краеведческий музей.

Следовательно, в Ульяновском областном Краеведческом музее сосредоточены литературные материалы, собранные несколькими поколениями краеведов. Эти материалы хранятся в рукописном отделе музея. Особенно выразительно представлен XIX век. В рукописном отделе музея имеются автографы и материалы, связанные с жизнью и деятельностью И. А. Гончарова, Д. Н. Садовникова, Д. Д. Минаева, Аксаковых, В. Кюхельбекера, В. Ф. Раевского, Н. Тургенева, Боратынского. Литературные материалы, которыми располагает Ульяновский краеведческий

музей, имеют немаловажное историко-литературное значение. Они дают возможность внести новое в характеристику творческой деятельности названных писателей.

Для подтверждения этого сошлюсь на опубликованные мною материалы о Гончарове, В. Кюхельбекере и В. Ф. Раевском.*

Значительный историко-литературный интерес представляют «Воспоминания» Н. Коншина о Боратынском, тесно связанные с «Парижской лекцией» В. Кюхельбекера.

Е. А. Боратынский был крупным поэтом, современником и другом Пушкина. Белинский сказал о нем: «Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит Боратынскому[1].

Боратынский по именному указу царя был отдан в солдаты, а затем переведен в унтер-офицеры и направлен в Нейшлотский полк, находящийся в Финляндии. Здесь он пробыл с января 1820 года до октября 1825 года. Его ротным командиром и другом был Н. Коншин, оставивший об этих годах жизни «поэта-изгнанника» воспоминания «Для немногих» и статью «Воспоминания о Боратынском».

Николай Михайлович Коншин (1793—1859) скромный поэт пушкинской поры. Он был другом Боратынского, близким приятелем Дельвига, товарищем Рылеева и хорошим знакомым Пушкина и Н. Языкова. Боратынский оказал несомненное влияние на формирование Коншина как поэта. Его первое произведение «Боратынскому», напечатанное в 1820 году в «Благонамеренном», написано под влиянием послания Боратынского «Дельвигу». Во время пребывания в Петербурге «певец Финляндии» ввел своего ротного командира и друга-поэта в «Союз поэтов», куда входили Дельвиг, Кюхельбекер, Илличевский, Эртель и др. К ним был близок и Плетнев. В этой среде Коншин пишет «К нашим», «Пирующие студенты» и некоторые другие стихотворения[2]. Сближение с пушкинской группой способствовало приобщению Коншина к прогрессивным литературным организациям того времени, к Вольному обществу любителей Российской словесности. Возможно, что в этом сближении известную роль сыграл и Рылеев. 13 мая 1821 года Коншин избирается сотрудником общества, 24 октября 1821 года он читает на заседании общества свое произведение «Умирающий», а 19 декабря 1821 года Коншин был принят в действительные члены общества. Популярности Коншина способствовал Боратынский, который неоднократно обращался к нему с посланиями («Поверь, мой милый друг», 1820; «Живи, смелей, товарищ мой», 1821; «Пора, покинуть, милый друг», 1821), которые печатались в «Соревнователе». Так создавался образ заботливого, верного друга, которому поверялась «печаль души» поэта изгнанника. После ухода Н. Коншина в отставку (в январе 1824 года), причиной чего были сатирические стихи, затрагивающие власти, между поэтами сохраняются дружеские отношения. Н. Коншин не оставляет поэтической деятельности. Его произведения печатаются в «Соревнователе», «Новостях литературы», «Северных цветах», «Литературной газете», в «Невском журнале», «Невском альманахе» и др. Его «Песня» (Век прелестный), положенная на музыку А. Л. Гурилевым, пользовалась известностью. Исследователи рассматривают творчество Коншина как эпизод в истории русского романтизма, связывая его творчество с прогрессивным романтизмом[3]. Н. Коншин был не только поэтом, но и издателем. Совместно с Розеном он издал альманах «Царское село», в котором напечатаны произведения Пуш-

* Гончаров и родной край, Ульяновск, 1951 г.; Поэт-декабрист В. Ф. Раевский, «Литературный Ульяновск», 1947 г., № 1, стр. 125—131; Парижская лекция В. Кюхельбекера. Вступительная статья, публикация. «Литературное наследство», 1954, т. 59, ч. 1, стр. 345; Из истории Вольного общества любителей Российской словесности. «Литературный Ульяновск», 1955 г.

кина, Дельвига, Боратынского, Ф. Глинки, две статьи О. Сомова и др. Литературная критика того времени назвала этот альманах «прекрасным подарком любителям русской литературы». Боратынский считался со своим другом-издателем. В ответ на его просьбу прислать стихи для альманаха он писал: «Братски поделюсь с тобой и Дельвигом».

Таким образом, Н. М. Коншин относится к той прогрессивной группе поэтов, которая связана с Пушкиным, его близким окружением, с Вольным обществом.

Естественно, что его воспоминания о Боратынском привлекают внимание исследователей, изучающих поэзию пушкинской поры, изучающих Боратынского, а особенно тот период в его деятельности, когда за ним было признано имя «певца Финляндии».

Рукопись Н. Коншина «Для немногих» была использована И. Медведевой в исследовании «Ранний Боратынский» (1936), но «Воспоминания» были ей недоступны, как недоступны они были и для предшествующих исследователей. А между тем о существовании этой статьи они знали, разыскивали ее, но безрезультатно.

Первое упоминание об интересующей нас статье мы находим в исследовании В. Гаевского «Дельвиг», печатавшемся в 1853 г. в «Современнике». Автор этого исследования указывает на то, что он пользуется неизданной рукописью Н. М. Коншина «Воспоминания о Боратынском», представленной ему П. А. Плетневым. В. Гаевский заимствовал из этой рукописи некоторые биографические факты о жизни Боратынского в Финляндии[4].

Вслед за Гаевским об этой рукописи говорит исследователь творчества Н. Коншина А. Кирпичников, сожалеющий о том, что «Воспоминания о Боратынском» находятся до сих пор в частном владении в бумагах покойного Плетнева» и поэтому были недоступны ему, Кирпичникову.

«Воспоминания о Боратынском» привлекли внимание Н. Лернера, который в 1909 году опубликовал переписку Коншина с Плетневым, под названием «О смерти Боратынского»[5]. Из этой переписки мы узнаем историю написания и цензурного запрета этой статьи. В письме Коншина впервые приводится и полное название рукописи «Воспоминания о Боратынском или 4 года моей финляндской службы». Сами же воспоминания остались неизвестными Н. Лернеру. Он вынужден был с сожалением написать: «Статья Коншина о Боратынском так и осталась ненапечатанной... В бумагах П. А. Плетнева ее не оказалось, и наша попытка разыскать ее осталась безуспешной. Где она теперь, неизвестно»[6].

После статьи Н. Лернера воспоминания Коншина входят в научный обиход, их называют в исследованиях, посвященных Боратынскому. Так, М. Л. Гофман, под редакцией которого вышло в свет Полное собрание стихотворений Е. А. Боратынского в 1914 г., называет эти воспоминания при характеристике взаимоотношений Коншина и Боратынского[7]. Они называются также в работах советских исследователей. И. Медведева в своей работе «Ранний Боратынский» (1936), использовавшая рукопись Н. Коншина «Для немногих», обращается также и к интересующему нас материалу. И. Медведева пишет: «Характерно, что одной из основных причин запрещения воспоминаний — некролога, написанного Коншиным в 1844 году, оказалась чрезмерная связь Боратынского с Вольным обществом любителей Российской словесности, и его руководителями 1820-х гг. Плетнев пишет, что «это обстоятельство еще более остановило их (цензоров), так как здесь замешана известная судьба нескольких членов общества»[8]. Но М. Л. Гофман и И. Медведева только называют воспоминания Н. Коншина, а самый текст им был неизвестен. Оставались в силе слова Н. Лернера о том, что рукопись затеряна. К счастью, это утверждение не оправдалось. Рукопись обнаружена мною в рукописном отделе

Ульяновского краеведческого музея, в материалах Симбирской ученой архивной комиссии[9]. Из области догадок и предположений можно перейти к изучению этого документа.

На первом листе рукописи заглавие «Воспоминание о Боратынском». Рукою Коншина сделана следующая надпись: «Посвящаю этот рассказ Николаю Михайловичу Языкову, любившему Боратынского. 11 января 1845 г. Н. Коншин». Полное название дано на втором листе: «Воспоминания о Боратынском или четыре года моей Финляндской службы с 1819 по 1823». Рукопись на 28 листах большого формата, написана писарским почерком. В тексте имеются небольшие поправки, сделанные Н. Коншиным. В конце рукописи дата: «10 октября 1844, Тверь»[10]. Статья Н. Коншина является откликом на смерть Боратынского, известие о которой было получено им в Твери.

Н. Коншин был назначен директором училищ Ярославской губернии в 1837 году. После неудачи с историческим романом «Граф Обоянский» (1834), беспощадно раскритикованном Белинским, Н. Коншин оставил литературу и занялся археологическими и историческими исследованиями. Известие о смерти друга и первые отклики на нее заставили Коншина взяться за перо в защиту поэтической памяти друга[11]. Смерть Боратынского вызвала немного откликов[12]. Одним из первых было небрежное извещение «Северной пчелы» о смерти Боратынского, данное в отделе «Смесь. Журнальная всякая всячина». В следующем номере была напечатана статья В. С. Межевича, в которой говорилось о «не вполне заслуженном первом успехе» поэта и о том, что публика все же «оценила Боратынского по достоинству» и охладела к нему[13]. Эти выступления «Северной пчелы» и послужили поводом для написания Н. Коншиным статьи о Боратынском, предназначенной для печати. С этой целью он обратился к издателю «Современника». 28 сентября 1844 года он писал ему из Твери: «Смерть Боратынского напомнила его друзьям, что круг их редеет, что угрожает их минута, когда и вспомнить о былом не с кем будет! Смерть его пробудила во мне, ярко и свежо, все воспоминания нашей общей с ним финляндской службы и жизни; напомнила и Общество Соревнователей, и Субботы, в которые мы собирались к Вам, на чисто поэтическую человеческую беседу. Жизнь и опыт многое изменили в нас, и изменили разно, зависимо от воздуха, какой кому по жребию достался подышать; но в памяти живо прошлое, святое и блестящее, к которому равнодушен стал разве тот, кто имел несчастье попасть в воздух, окаменяющий душу»[14]. В этих словах выражено то настроение, с каким Коншин писал свое воспоминание, названное в этом письме статьей «Воспоминания о Боратынском, или 4 года моей финляндской службы». Эта-то статья и предлагалась Плетневу для напечатания в «Современнике». В ответном письме 3 октября 1844 года издатель «Современника» радостно приветствует выступление Коншина и сообщает ему о том, что он уже напечатал свою статью в «Современнике»[15], в защиту Боратынского против «злобных завистников поэта». Он просит Коншина внимательно сверить свои отзывы и рассказы о Боратынском с его статьей, чтобы «таким образом нам образовать нечто ровное и однозвучное: это может противостать клеветам недоброжелателей наших»[16].

Выступление Плетнева в защиту Боратынского понятно. Они были связаны узами старинной поэтической дружбы. В 1817—18 гг. Плетнев сошелся с кружком лицейских друзей Пушкина, стал действительным членом Вольного общества любителей словесности, в жизни которого принимал довольно деятельное участие. Он был «цензором поэзии», неоднократно выступал с чтением своих произведений на заседаниях общества. В 1822 году Плетнев написал послание «К Боратынскому»,

напечатанное в «Трудах Вольного общества». В своих критических статьях («Письма к графине С. И. С. о русских поэтах» (1824), «Финляндия в русской поэзии» (1840), в статье о сборнике Б. «Сумерки» (1842 и др.) Плетнев отдавал должное Боратынскому, называя его «первоклассным поэтом», указывая на то, что он идет собственной дорогой как элегический поэт.

Известие о смерти поэта вызвало такие слова у Плетнева: «Какая для меня незаменимая потеря. Это последний из тех литераторов, с которыми я вырос и связан был совершенным сочувствием и единодушием... Боратынский ужасно страдал всю жизнь от судьбы и от людей».[17] Его статья «Евгений Абрамович Боратынский», напечатанная в сентябрьском номере «Современника», является данью поэтической дружбе и защитой памяти поэта от «тонкого яда беспристрастия» и прямого пренебрежения. В этом же томе были напечатаны стихотворения Боратынского «Пироскаф» и «Дядьке итальянцу», присланные поэтом для «Современника» из-за границы незадолго до смерти. В октябрьском номере журнала были напечатаны стихи Боратынского: «Когда дитя», «Молитва», «Люблю я вас, богиня пенья». В декабрьский номер «Современника» была запланирована статья, предложенная Н. Коншиным. Таким образом, «Воспоминания о Боратынском» как по замыслу автора, так и редактора-издателя, должны были ответить на «злость литературных партий», замалчивающих смерть Боратынского. Для Н. Коншина, как это видно из его статьи, это ответ в первую очередь «Северной пчеле». Со второй половины 30-х годов эта газета стала вышучивать Боратынского («Наложницу», лирические стихи), а в начале 40-х годов проявила явно недружелюбное отношение к поэту. В 1840 году «Северная пчела», упрекая «Сына отечества», писала: «Покайся, старый товарищ! Кого ты произвел в спутники Пушкина? Языков и Боратынский бесспорно выказали прекрасное дарование, но первый замолк, а новые произведения второго так же далеки от его Пиров и Финляндии, как сам он далек от Пушкина»[18]. В 1842 году, возражая Плетневу, который в статье «Финляндия в русской поэзии» (1840) сказал, что Боратынский вместе с Пушкиным и Дельвигом разделяет «славу первоклассного поэта», «Северная пчела» писала: «Не постигаем, как можно кого-либо из новых поэтов ставить подле Пушкина. Боратынский написал несколько неважных стихотворений, легкими, приятными, чистыми стихами»[19]. Сообщение о смерти Боратынского в отделе «Смесь», во «Всякой всячине», таким образом не было случайностью. Оно завершило недоброжелательное отношение «грачей-разбойников» к Боратынскому.

* * *

Статья Н. Коншина, направленная против «Северной пчелы», имела своей целью показать содружество Пушкина, Дельвига и Боратынского. Посвящение ее Н. Языкову преследовало ту же цель. И Боратынский, и Дельвиг, и Языков «ставились подле Пушкина». Автор статьи напоминал читателю о первых поэтических шагах поэта, давших ему славу «Певца Финляндии». Он раскрывает обстановку формирования его как поэта, связывая его поэтические становления с Пушкиным и Вольным обществом.

Судьба статьи Н. Коншина о Боратынском показывает, что автор коснулся запретной темы, что он верно сумел ответить на нападки «Северной пчелы». Получив в октябре 1844 года статью Н. Коншина, Плетнев представил ее цензорам «Современника», которые решительно высказались против ее печатания. Они при этом указывали на то, что невозможно пропустить материалы о молодости таких лиц, которые живы и занимают значительные посты. Было и другое, более веское обстоятельство: «Это известная судьба нескольких членов общества». «По поня-

тию цензоров, — пишет Плетнев, — говорить об этом Обществе есть что-то не похожее на деликатность и цензорскую осторожность»[20]. В статье Конщина названы Сенковский, Плетнев, Крылов, Панаев, Дельвиг. Из декабристов же назван только Ф. Глинка, а дальше следует глухое высказывание: «Здесь блистали и офицеры Главного штаба, и офицеры гвардии, и юноши первого лицейского выпуска». Это осторожное высказывание дополнялось восторженной характеристикой Вольного общества и Пушкина периода южной ссылки.

Осведомленный читатель, сопоставляя эти характеристики с именем финляндского изгнанника, вызывал в своей памяти и те имена, которые не были названы автором статьи, но которые были памятны передовым людям страны.

Офицеры гвардии и офицеры главного штаба — это П. А. Катенин, уволенный в отставку в 1820 году «по высочайшему повелению», Александр Бестужев, Никита Муравьев и др.; юноши первого лицейского выпуска — кроме Пушкина, это Дельвиг, а самое главное В. Кюхельбекер. Имя последнего не названо. Но у кого из читателей того времени при словах «юноши первого лицейского выпуска» не возникали в памяти стихи Пушкина, опоэтизировавшего лицей, лицейские годовщины и своих лицейских друзей? А среди них «19 октября» (1825 г.) с проникновенными словами, адресованными В. Кюхельбекеру:

Мой брат родной по музе, по судьбам.

Весьма показательна переписка Плетнева с Гротом. В 40-х годах Я. Грот занимал кафедру русской истории и литературы в Гельсингфорском университете. Переписываясь с П. А. Плетневым, он иногда обращался к нему с вопросами о Пушкине. Вот некоторые, интересующие нас объяснения Плетнева: «Пушкин в 1825 г. назвал Вильгельма «братом по судьбам» от того, что жил тогда в Михайловском, не имея прав возвратиться в Петербург или в Москву; Вильгельм же, по возвращении из Парижа (куда ездил в качестве секретаря с Александром Львовичем Нарышкиным), где в Атенее прочел он несколько либеральных лекций о русской литературе, принужден был убраться куда-нибудь подальше от центра администрации; А. Тургенев и Жуковский передали его Ермолову. Вот отчего и сказал Пушкин:

Поговорим о бурных днях Кавказа.

Но Вильгельм рассорился с Ермоловым, и осенью 1825 г. возвратился на беду свою в Петербург.[20а]

Мы видим, что намек Н. Конщина свободно расшифровывался читателями того времени. «Известная судьба» В. Кюхельбекера вызывала в памяти имена и других членов общества, в частности имя К. Рылеева, возглавившего поэзию «Соревнователей», как цензор поэзии общества и как поэт. С 1821 года на заседаниях Вольного общества читались его думы: «Смерть Ермака», «Боян», «Богдан Хмельницкий», «Святослав», «Мстислав», «Дмитрий Донской», «Державин», «Смерть Войнаровского» и др. Думы Рылеева были средством декабристской пропаганды, средством патриотического воспитания. Они были памятны людям пушкинской поры.

Следовательно, даже глухое высказывание Н. Конщина о составе Вольного общества вызывало в памяти такие воспоминания, которые были связаны с деятельностью *декабристов.*

Опасения цензуры объяснялись еще одним обстоятельством. В начале 40-х годов внимание общества было привлечено «к известной судьбе некоторых членов Общества». В 1843 году в Париже вышла книга маркиза де-Кюстина «La Russie en 1839». Автор книги, аристократ и консерватор, был в течение нескольких месяцев в России для того, чтобы собрать материалы в защиту монархии. С этой целью он беседовал с

Николаем I. Побывав в России, маркиз вернулся во Францию сторонником конституции. Свои впечатления он изложил в названной книге. Ему принадлежат слова: «Русский образ правления есть абсолютная монархия, умеряемая убийством». В своей книге Кюстин приводит факты о ссылке крестьян целыми деревнями в Сибирь. Говорится в книге и о декабристах. Автора потрясло бесчеловечное, мстительное отношение Николая I к детям декабристов. Именно последнее и заставило его сказать о царе, как о «тюремщике трети земного шара». Прочитав книгу, Николай I бросил ее на пол и сказал: «Моя вина, зачем я говорил с этим негодяем». По заданию правительства возражения на книгу Кюстина писал Яков Толстой. Его возражения издавались в Париже, Берлине и Лондоне на языке соответствующей страны. В эту историю впутался Греч, живший в это время за границей. Герцен в таких словах говорит о ней: «Тягостно влияние этой книги на русского, голова склоняется на грудь, и руки опускаются; и тягостно от того, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного места, и миришься с ним за многое, и более всего за любовь к народу».

Кюстин в своей книге коснулся и «известной судьбы» декабристов, сказав о судьбе их детей. А. И. Тургенев утверждал, что книга «La Russie en 1839» читается всей Европой[21]. Знали о ней, конечно, и передовые представители русского общества. Вполне понятно, что цензура в этих условиях не могла дать согласие на публикацию статьи Н. Коншина о Боратынском. Правда, в этой статье в очень осторожной форме говорилось о декабристах, членах этого общества. Но само описание Вольного общества, с которым была связана деятельность крупнейших представителей декабризма накануне 1825 года, напоминало о них. Была и еще одна причина для запрещения статьи Н. Коншина о Боратынском. Цензоры, по словам Плетнева, так определили ее: «Самое лицо, Боратынский, теперь менее всего должно быть трактуемо с этой высоты и пристрастия, когда в недавнем времени, один из русских в Париже в «Journal des Débats» напечатал о нем... жалкие россказни, что здесь залепили самый article газеты»[22]. Следовательно, само имя Боратынского в 1845 году должно было называться с оглядкой на его прошлое. Этому способствовало поведение поэта в Париже, где он был с конца ноября 1843 года до апреля 1844 года. Здесь, в Париже, Боратынский встретился с А. И. Тургеневым и С. А. Соболевским, которых он знал давно, и познакомился с друзьями Герцена — Н. Сатиным, Н. Огаревым, И. Сазоновым. В этой же среде вращался И. Головин. В Париже Боратынский дал обед в честь друзей Сатина. На этом обеде, по свидетельству сына поэта, разговоры шли об уничтожении крепостного права. Присутствовавший на обеде И. Головин произнес на эту тему «чрезвычайно эффектную и красноречивую речь». Сатин, откликнувшийся на смерть поэта стихотворением «Памяти Боратынского», писал вскоре после его смерти: «В Париже мы сблизились с ним и полюбили его всей душой; он имел много планов и умер, завещая нам привести их в исполнение».[23] Выражая настроение этого круга, И. Головин выступил в 1844 г. в «Journal des Dèbast» с откликом на смерть Боратынского. Говоря о Боратынском, Головин доказывал, что «страдание —участь способных людей в России». Поэт рассматривался как жертва тирании. Этот номер со статьей Головина, как это видно из письма Плетнева, был запрещен в России цензурой. И. Головин на этом не успокоился. В 1845 году в Париже вышла его книга. « La Russie sous Nikolas», в которой Боратынский характеризуется в том же духе.[24]

Таким образом, в первой половине сороковых годов имя Боратынского привлекло внимание передовой русской общественности, которая видела в нем человека близкого к декабристам, жертву тирании. В таких

условиях цензура не могла, конечно, разрешить печатание статьи Н. Коншина о Боратынском, которая способствовала бы усилению этих представлений, поскольку говорили о нем как о поэте-солдате, о поэте-изгнаннике. Статья была запрещена, но Плетневу удалось добиться того, что цензоры согласились возвратить эту рукопись, «не препроводив ее в мрачный архив запрещенных книг и не огласив о том циркуляром все прочие в России цензурные комитеты (как обыкновенно они делают с другими не пропущенными статьями)»[25].

О решении цензуры Плетнев сообщил Н. Коншину письмом, а *статью оставил у себя.*

Мы уже знаем о том, что этой рукописью, работая над статьей о Дельвиге, пользовался с разрешения Плетнева Гаевский. Наличие рукописи в Ульяновском краеведческом музее означает, что, кроме экземпляра, посланного Плетневу, у Н. Коншина был еще один экземпляр этой статьи. Статья послана в «Современник» в октябре 1844 г. и была запланирована в декабрьском номере журнала. Цензурные затруднения заставили Плетнева снять статью с плана. Автор узнал об этом с опозданием. Редактор «Современника» в таких словах объясняет это Н. Коншину в письме (без даты): «Все это я тотчас собрался передать вам, но тут на беду прекратилось через Неву сообщение Васильевского острова с почтамтом, и я довел дело до теперешнего времени, не объявив вам этой процедуры»[26]. «Теперешнее время» — это зимний месяц, т. е. декабрь или январь. Н. Коншин получил письмо от Плетнева, по-видимому, в начале января. Узнав о том, что его статья не идет в «Современнике», он 11 января 1845 года на оставшемся у него экземпляре написал посвящение Николаю Языкову и переслал ему.

Обращение Н. Коншина к Н. Языкову естественно. Н. Языков и Боратынский познакомились в 1820 году и с этого года между ними установилась дружеская связь. Первое стихотворение Языкова было напечатано в «Соревнователе» в 1819 году. В декабре 1824 года Языков по рекомендации Рылеева был принят в Вольное общество любителей Российской словесности. «Певец Финляндии» восхищался «певцом буйства молодого». Сближению двух поэтов содействовала дружба Боратынского с И. В. Киреевским. В доме Елагиных Языков был своим человеком. В начале 30-х годов общность интересов Боратынского, Языкова и И. Киреевского была такова, что Погодин собирался передать им свой журнал «Московский вестник». Языков и Боратынский поддерживают Киреевского в издании «Европейца». Поэты обмениваются посланиями и письмами. Послания Языкова «расшевелили» Боратынского. Его восхищает «бессмертная свежесть поэзии» Языкова, ее «грациозное добродушие» и «свежая чувствительность». В свою очередь и Боратынский не остается в долгу; в ноябре 1831 года в руках Языкова было первое послание Боратынского, предназначенное для напечатания в «Европейце», а за ним и второе, а в 1832 г. — новое послание. Н. Языков ответил стихотворением «Е. А. Боратынскому», напечатанном в «Московском наблюдателе» (1836). Оба поэта встречались не только в доме Елагиных. В 1831 г. в Москве, после смерти Дельвига, Пушкин, Вяземский, Боратынский и Н. Языков «совершили тризну по Дельвиге»[27]. Таким образом, между двумя поэтами пушкинской плеяды действительно была живая связь и взаимное понимание творчества. Нападки «Северной пчелы» в начале 40-х годов на Боратынского и Языкова, как на «спутников» Пушкина, и невозможность напечатания статьи в «Современнике» заставили Н. Коншина, участника дружбы двух поэтов, посвятить свою статью Николаю Михайловичу, любившему Боратынского и переслать ему эту рукопись. «Воспоминание о Боратынском» с посвящением Языкову является заключительным эпизодом дружбы двух больших поэтов пушкинской поры,

двух спутников Пушкина[28]. Надпись Н. Коншина объясняет, почему эти записки попали в фамильный архив Языковых, в котором они долгое время хранились. Только в 1901 году Ю. Н. Языков передал Симбирской архивной комиссии фамильный архив А. П. Языкова, сына Петра Михайловича и племянника Николая Михайловича Языковых. Вслед за этим от него же поступила «Рукопись сочинения Н. Коншина «Воспоминания о Боратынском»[29], хранящаяся в настоящее время в рукописном отделе Краеведческого музея. Такова история публикуемого документа.

Историко-литературное значение статьи Н. Коншина о Боратынском отчасти определено выше. Это один из эпизодов в истории той борьбы, которая развернулась в печати в связи с смертью Боратынского.

Верная и глубокая оценка поэтического творчества Боратынского дана Белинским в обзоре «Русская литература в 1844 году». Но выступление «Отечественных записок» о Боратынском, в частности статья Галахова («Сто один»), повторившего основные положения статьи Белинского 1842 года о «Сумерках», раздражали Плетнева. В начале 1845 года в письме к Н. Коншину он злобно поносит «Отечественные записки», Краевского, а особенно Белинского. «Эти-то люди,—заключает он,—усиливаются затмить славу не только Боратынского, Языкова, но самого Жуковского и даже Пушкина. Они преклоняют колена перед Лермонтовым.., хвалят Гоголя».[30] Статьи Белинского о Пушкине и Боратынском опровергают злобные нападки Плетнева. В 1842 году в «Отечественных записках» была напечатана статья Белинского «Стихотворения Боратынского». Ее-то и имеет в виду Плетнев в письме к Н. Коншину. Но эта статья была единственной крупной статьей о поэте, в которой определяется его место в истории русской литературы. В этой статье он ставится на «первое место среди поэтов, вошедших в литературу вместе с Пушкиным». Вместе с тем указывается ограниченность его творчества. Плетнев же рассматривал эту статью Белинского, как и другие статьи в «Отечественных записках» о Боратынском, как попытку чуть ли не вычеркнуть его имя из истории русской литературы. Такое понимание Плетневым Белинского естественно: они стояли на разных социально-политических позициях. Для объяснения отношения Плетнева к Боратынскому уместно, пожалуй, привести такие слова из статьи Белинского «Стихотворения Боратынского»: «Есть люди, которые не иначе могут восхищаться Жуковским, как отрицая всякое поэтическое достоинство в Пушкине. Но сколько теперь таких, которые, юношами встретив первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкине, не в силах ни на шаг двинуться вперед.

...По большей части людям трудно отрываться от того, что раз наполнило их, раз овладело ими, и они враждебно, как на ересь, смотрят на то, что наполняет и владеет уже чуждыми им поколениями»[31].

Эти слова можно полностью отнести к Плетневу, да, пожалуй, и к Коншину. Для них Белинский был представителем чуждого поколения. Но это не значит, что взгляды Плетнева и Коншина на Боратынского одинаковы. Единства здесь не было. Плетнев в своей статье —отклике на смерть Боратынского заявил о том, что его поэзия представляет «чистую идею классического искусства», а он сам был «поэтом для немногих», поэзию которого могли понять только такие избранные ценители красоты, как Жуковский, Пушкин, Дельвиг. Следовательно, поэзия Боратынского недоступна широкому читателю. Статья Плетнева выдержана в духе эстетической критики и уже поэтому она противостоит статье Белинского, ожесточенным врагом которого был Плетнев. Получив письмо от Н. Коншина, редактор «Современника» недвусмысленно указал ему на необходимость «внимательно сверить отзывы и рассказы о Боратынском..., чтобы, таким образом, нам образовать нечто ровное и однозвучное». Но

однозвучности не получилось. Н. Коншин связал формирование Боратынского как поэта с обществом «Соревнователей», показал его в кругу лицейских друзей Пушкина, показал его как поэта-изгнанника, «певца Финляндии», слова которого, прочитанные в снежной Финляндии —

И я певец утех, пою утрату их,
И вкруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы! —

«громко отразились эхом в Петербурге и нашли сочувствие во всем, что чувствовало».

И хотя в статье Н. Коншина сглажены многие острые углы, но по своему пониманию Боратынского он стоит ближе не к эстетствующему Плетневу, а к тем молодым парижским эмигрантам, которые видели в Боратынском «жертву деспотизма Александра I».

Выступая против недоброжелателей умершего друга-поэта, он говорит не об «Отечественных записках», не о Белинском, которого не любил за его резкий отзыв о «Графе Обоянском» («В нем ни слога, ни мыслей» и т. д.), но говорит о «Северной пчеле», Следовательно, и в этом он не был однозвучен Плетневу.

Значение статьи Н. Коншина не исчерпывается тем, что она является интересным эпизодом в истории журналистики 40-х годов. Она имеет непосредственное значение при изучении жизни и творчества Боратынского в изгнании, в период солдатчины. В воспоминаниях привлекает внимание то место, где говорится о почтительном радушии «усатых служивых», солдат, к поэту. Это единственное свидетельство об отношении солдат к поэту-изгнаннику. Особого внимания заслуживает та часть статьи, в которой рассказывается о круге финляндских друзей Боратынского, об их интересах.

И. Медведева в исследовании «Ранний Боратынский» (1936), характеризуя четырехлетнее пребывание Боратынского в Финляндии, говорит о том, что Боратынский в Нейшлотском полку «попал в дружескую и семейственную обстановку». Ссылаясь на записки Н. Коншина «Для немногих», она указывает на то, что автор записок перечислил старших офицеров своего полка: подполковника Хлуднева, Комнено, барона Клернера и полковника Лутковского. «Из записок Коншина, — пишет исследователь, — видно, как весело и непринужденно жили в Кюмени и Роченсальме. Устраивали пикники, выезжали на ближайшие острова побережья... Время разнообразилось приездами друзей — родных». Вместе с тем И. Медведева отмечает и то, что «среди полковых друзей Коншина и Боратынского, как и во всей офицерской среде, было недовольство Александром, Аракчеевым, порядками в армии. Пропаганда тайных обществ проникала все глубже и глубже. Особенно возросла оппозиция в армии осенью 1820 г., после возмущения Семеновского полка и суровой расправы с его участниками». В роли вольнодумца И. Медведева называет Коншина, близкого по службе с Рылеевым, его старого товарища по службе.[32]

Статья Н. Коншина «Воспоминания о Боратынском» дает возможность значительно дополнить и углубить характеристику той «дружественной и семейственной» обстановки, которая окружала Боратынского в Нейшлотском полку. Можно начать с того, что Коншин не просто «перечисляет старших офицеров своего полка», а говорит о «круге друзей, в далекой на Севере деревянной казарме, полузанесенной снегами финскими». Состав этого «круга просвещенного», как именует его автор статьи, весьма любопытен. Здесь Георгий Алексеевич Лутковский, участник войн с Наполеоном, член масонской ложи, тип великана, богатыря, подполковник Хлуднев — русский, благородный человек, Комнено — умный и об-

разованный, блестящий русский потомок греческих императоров. Здесь бывал В. И. Штейнгель — генерал-губернатор Финляндии, участник войны в 1808 г. против шведов. Вступив в 1810 году на место Барклая-де-Толи, он настаивал на том, чтобы «знатное количество хлеба», закупленного на 400.000 рублей «для вспоможения бедным» финам, но задержанное по распоряжению Аракчеева, было бы продано, «хотя бы в убыток», населению финских губерний, истощенных военными действиями и беспрерывными переходами войск. Штейнгель проводил в Финляндии либеральную политику Александра I, изложенную в речи последнего 16 марта 1809 г. на сейме в Борго, где Финляндии были обещаны коренные законы.[33] К этому кругу с гордостью принадлежали «огненный швед» Эссен, один из товарищей Боратынского, и финляндцы, носившие нейшлотские мундиры. Среди многих имен, названных Коншиным, привлекают внимание имена Эссена и Рамсая. Оба принадлежали к той группе финской интеллигенции, которая в конце XVIII и в начале XIX века добивалась отделения Финляндии от Швеции на началах политической автономии.

Во главе этой части финской интеллигенции стоял Спренгтпортен, создавший в 80-х годах XVIII в. конфедерацию, разрабатывающую проект образования Финляндской республики, независимой от Швеции, во главе с национальным сеймом. Этот проект был передан через русского посланника в Гааге русскому правительству. Сейм независимости конфедератов находился в имении фон-Эссена близ города Гейнола. В январе 1789 года конфедерация была разгромлена, ее члены арестованы. Корнет Эссен и некоторые другие бежали в Россию. Верховный суд Швеции обвинил их в измене Швеции и приговорил к смертной казни.[34] Интересен и Рамсай. Он был членом сейма в Борго в 1809 г., на котором рассматривался вопрос о «коренных законах» Финляндии, т. е. о конституции. Имя этого Рамсая, поручика в то время, значится в списке финских имен, находящемся в бумагах Сперанского. Таким образом, в кругу друзей Боратынского были представители прогрессивной финской интеллигенции, финские патриоты, боровшиеся за финляндскую республику, независимую от Швеции, боровшиеся за ее «коренные законы», т. е. за конституцию.

Нам осталось назвать еще самого автора статьи о Боратынском, Николая Михайловича Коншина. Его политическое лицо определяется в какой-то мере тем, что он был старым товарищем Рылеева по службе. Повидимому, он же познакомил Боратынского с Рылеевым, во время пребывания в Петербурге. Таков «круг друзей» Боратынского. Образование этого «круга друзей» Н. Коншин относит к приезду поэта. «Мы имели множество прекрасных товарищей, детей финляндского дворянства, — пишет он, — жили дружно, скучали дружно, а по зимам танцевали и играли в бостон, и вдруг в этом кругу явился Боратынский, предшествовавший прекрасною молвою, сопровождаемый гармоническою музою»... Приезд поэта-изгнанника послужил причиной для образования «круга друзей», которых уже не удовлетворяли танцы, игра в бостон, появились более возвышенные интересы. В Финляндии в Ликоловских казармах зимой 1819 года возник «уголок, блиставший раем, уголок Европейской образованности и поэзии». Н. Коншин подчеркивает то, что состав и интересы этого круга друзей были разнообразны. Именно здесь, в Ликоловских казармах, в кругу друзей, прозвучали первые стихи поэта, создавшие ему славу «Певца Финляндии» — его гимн Финляндии, послание к Дельвигу и др. Прочитанные в Ликоловских казармах, одобренные кругом друзей поэта, эти стихи вызвали сочувствие и уважение в Петербурге. Вольное общество любителей Российской словесности прислало поэту диплом на звание члена общества. Таким сопоставлением автор подчеркивает общность литературных интересов круга друзей, собиравшихся в Ликоловских казармах, с интересами Вольного общества. Об интересах этого

«круга друзей» можно судить и по первому разговору двух поэтов: «Мы разговорились сначала про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и, наконец, про литературу». Петербург для Боратынского — это «Союз поэтов», объединившихся вокруг лицейского центра Пушкина—Дельвига, это Дельвиг и лицейские сборища, это литературные «субботы» Плетнева, Вольное общество, В. Кюхельбекер, Гнедич, А. Бестужев... Словом, все те, кто протянул ему руку дружбы, кто помог в борьбе с «судьбой ожесточенной». Такую же руку дружбы, Боратынский почувствовал и в угрюмой Финляндии. И это сблизило и определило интересы «Круга друзей». Об устойчивых литературных интересах финляндского «Круга друзей» можно судить и по приезду в Роченсальм летом 1822 года Дельвига, Эртеля, Павлищева. «Несколько дней прожито было, — пишет Коншин, — поэтически в кругу полкового общества». В один из таких дней была написана Дельвигом и Боратынским застольная песня (Ничто не бессмертно, не прочно), посвященная Боратынскому и Коншину.

Песня заканчивается словами:

О, дружба! да вечно пылаем
Огнем мы бессмертным твоим!

Произведение это было напечатано в альманахе «Царское село», изданном Н. Коншиным и Розеном, с отметкой: «Роченсальм в Финляндии, 1822», за подписью Б(оратынского) Д(ельвига).[35]

Таким образом, литературные интересы «Круга друзей» Боратынского, как видим, близки к интересам «Союза поэтов», а первые шаги Боратынского как «певца Финляндии» связаны с кругом друзей в Ликоловской казарме. Круг интересов этого «уголка европейской образованности и поэзии» не исчерпывался только литературными интересами. Здесь раздавались слова об «Одене и богатырях» его, т. е. о финском эпосе. Дороги русскому сердцу были и исторические предания о Северной войне против шведов при Петре I.

Все, что было связано с Родиной, было мило и дорого сердцу не только «певца Финляндии», но и его друзей. Программным в этом отношении является его элегия «Родина», написанная во время осенних дождей и дорожных сборов.

Поэт с любовью восклицает:

О дом отеческий! О край всегда любимый!
Родные небеса! Незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой!

Эта привязанность к «родным небесам» была почти болезненной у Боратынского.

Н. Коншин в рукописи «Для немногих» сообщает о том, что вместе с Боратынским они сочиняли сатирические куплеты, затрагивающие власти и местное общество. Эти куплеты были «сообщены публике здешней, с колкими насчет ее прибавлениями, и нас с Боратынским избегали все».[36]

Для характеристики интересов финляндского «Круга друзей» можно, наконец, привести и стихи Н. Коншина, которые приобретают более глубокое звучание в свете сказанного выше:

Уже окончен срок трудов,
Завейте на зиму знамена,
Идет прекрасная Помона,
Богиня долгих вечеров.
Закроем ставни от народа,
Плотней усядемся в кружок:
Закон наш — дружба и свобода,
И ни словечка за порог.[37]

Эти красноречивые слова поэтически характеризуют ту поэзию дружбы, которая объединяла «Круг друзей».

Таковы факты, которые дают нам возможность говорить о существовании в 1819—1820 гг. «Круга друзей» в Ликоловских казармах, с деятельностью которого связаны первые шаги поэта, как «певца Финляндии». Это содружество — одно из проявлений того духа «вольномыслия и либерализма», развивающегося в армии, который так беспокоил Александра I.

Поэты Боратынский и Коншин, связанные с «союзом поэтов», с Вольным обществом любителей Российской словесности, были проводниками прогрессивных литературных и общественных взглядов «Ученой республики» в этом кружке, собиравшемся «в деревянной казарме, полузанесенной снегами финскими». Характеристика деятельности «Круга друзей» из Ликоловской казармы показывает, что в Кюмени и Роченсальме жили не только «весело и непринужденно», но жили содержательно, жили «с веком наравне».

Значительное место в «Воспоминаниях» Коншина уделяется творческой истории таких произведений Боратынского, как «Финляндия», «Водопад», «Буря», «Отъезд», «Эда» и др. Природа Финляндии, ее «каменная торжественность», поразила поэта «своим диким великолепием», что нашло свое совершенное выражение в «Финляндии» и «Водопаде».

Во время одной из совместных поездок было написано стихотворение «Буря». Н. Коншин рассказывает историю его написания.

Это произведение, написанное осенью 1824 года, было напечатано впервые в 1825 году в альманахе В. Кюхельбекера «Мнемозина». В книге стихотворений Боратынского в 1835 году заглавие этого произведения было снято, а часть строк по требованию цензуры была заменена точками. Эти-то запрещенные строки и приведены Н. Коншиным в воспоминаниях. Следовательно, автор воспоминаний, надо думать, понимал, что это произведение, «полное думы и чувства», выражало не только настроение поэта, вызванное созерцанием гневных черных валов и клокочущей и ревущей хляби морской, но оно выражало и его свободолюбивое настроение.

В отрывке, приведенном в «Воспоминаниях», мы находим строку, выпавшую в печатном издании, но она-то и раскрывает стремление поэта этих лет:

Когда придет желанное мгновенье,
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?

О каком «желанном мгновеньи» мечтал «певец Финляндии», наблюдая «необъятную бездну»?

Н. Коншин говорит о «буре в груди поэта», который «грозный, дикий рев» яростного океана воспринимал «как зов к давно желанной брани». Ко времени написания «Бури», к 1824 году, относится деятельное участие поэта в декабристском альманахе, в «Полярной звезде», подготовка Рылеевым и Бестужевым собрания сочинений Боратынского. Обращаясь к ним, — к своим «милым собратьям», «любезным братьям», он пишет: «О други и братья! Постарайтесь в чистеньком наряде — представить деток моих свету, — книги, как и людей, часто принимают по платью». В этом же году Боратынский собирается переводить по просьбе Рылеева «Маккавеи», — трагедию французского драматурга Гиро. Среди декабристов, во время сходок, исполняются песни, экспромты Боратынского. Наконец, в это же время им создана стихотворная надпись к портрету Аракчеева — «Отчизны враг, слуга царя». Все сказанное раскрывает свободолюбивые, бунтарские думы и чувства автора «Бури». Н. Коншин, к сожалению, не говорит о них. Он ограничивается лишь указанием на тягостные

переживания поэта, вызванные отказом в производстве в офицеры.

Н. Коншин показывает, как судьба поэта-изгнанника способствовала тому, что в его творчестве развивались элегические и протестантские мотивы («Буря», «Водопад», «Уныние»).

Усиливающаяся связь с Вольным обществом любителей Российской словесности, с декабристами, Пушкиным и Кюхельбекером способствовала развитию свободолюбивых настроений «певца Финляндии», развитию его идейной близости к декабристам. Он шел к созданию бунтарской «Бури» и надписи к портрету Аракчеева. Значительное место в формировании оппозиционного настроения сыграли его пребывания в Петербурге, во время которых укреплялись и углублялись связи поэта с прогрессивными деятелями русской литературы и общественной мысли того времени. Незабываемый след оставила первая поездка Боратынского в Петербург в 1821 году. Она совпала с ожесточением и ропотом поэта в связи с отказом в производстве.

Возвращаясь в Петербург, Боратынский возвращался в «Союз поэтов», входил в круг лицейских товарищей и друзей Пушкина. Здесь он опять встречался с «товарищем радостей минувших», с «товарищем ясных дней» — Дельвигом, введшим поэта «в семейство добрых муз», с «милым Вильгельмом», возвратившимся из Европы. В Петербурге он непосредственно связывался с Вольным обществом любителей Российской словесности, с будущими декабристами. Особенно важным было свидание двух гонимых поэтов — Кюхельбекера и Боратынского.

С восторгом Н. Коншин говорит о Пушкине, о его влиянии на поэзию, на литературно-общественную жизнь того времени. В словах о Пушкине выражено не только мнение автора «Воспоминаний», но настроение и мнение «Ученой Республики», — Вольного общества любителей Российской словесности.

В литературе не сохранилось сведений о том, чем жил «Союз поэтов» в это время. «Парижская лекция» и «Воспоминания» Коншина восполняют этот пробел.

Эти «Воспоминания» дают также более полное представление о творческой деятельности Боратынского в Финляндии в пору его непосредственной связи с Вольным обществом Российской словесности.

Таким образом, «Воспоминания о Боратынском» Н. Коншина являются интересным эпизодом из истории русской журналистики сороковых годов, связанным с литературно-политической борьбой не только вокруг Боратынского, но и вокруг Вольного общества любителей Российской словесности и декабристов. Вместе с тем «Воспоминания» дают характеристику литературной жизни начала двадцатых годов, характеристику жизни и деятельности «Соревнователей» этих лет, их отношения к Пушкину. А самое главное — мы можем говорить о русско-финском литературном содружестве, во главе которого стояли Боратынский и Коншин. Это интересный и важный эпизод из истории «Ученой республики» и истории русско-финляндских культурных отношений первой четверти XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ

1 Собрание сочинений в трех томах, т. II. М., Гослитиздат, 1948, стр. 436.

2 Стихотворение «Боратынскому» см. в сборнике «Поэты Пушкинской поры». Ред. и вступ. статья Ю. Н. Верховского, М., 1919, 261—263. «К нашим» — приведено в статье Гаевского «Дельвиг», «Современник», 1853, май, стр. 48.

3 А. Кирпичников, Н. М. Коншин. 1793—1859, «Русская мысль», 1897, № 5.

4 «Современник», 1853, май, т. XXXIX, стр. 35, 40, 49, 52.

5 Н. Лернер, О смерти Боратынского (из переписки Н. М. Коншина с П. А. Плетневым). «Р. старина», 1909, январь, стр. 177.

6 Там же, стр. 183.

[7] ПСС Боратынского, т. 1, СПБ, 1914, стр. 222.

[8] Боратынский, ПСС, т. 1, под ред. Е. Купреяновой и И. Медведевой, «Советский писатель», 1936, стр. I, XXVI.

[9] Рукопись была обнаружена мною еще в 1940 году. Первое мое сообщение о ней было сделано на научной конференции Ульяновского педагогического института 20 мая 1941 года (см. Тихон Заволжский. Серьезное начинание, газ. «Пролетарский путь», 1941, 4 июня, № 128). В начале марта 1954 года сообщение об этой рукописи мною было сделано на заседании Ученого Совета Ульяновского краеведческого музея, а в конце марта — на научно-теоретической конференции Ульяновского педагогического института — «Записки Н. Коншина о Боратынском».

[10] Рукописный отдел Ульяновского краеведческого музея, «Воспоминания о Боратынском», № 223.

[11] «Русская старина», 1909, январь, с 177.

[12] См. обзор «Отзывы о Боратынском», ПСС Е. А. Боратынского, т. II, под ред. М. Л. Гофмана, ноябрь, 1915, стр. 336—339.

[13] «Северная пчела», 1844, № 184.

[14] «Русская старина», 1909, январь, стр. 177.

[15] «Современник», 1844, № 9, Евгений Абрамович Боратынский, Статья написана 23 августа 1844.

[16] «Русская старина», там же, стр. 179.

[17] См. К. Я. Грот, Е. А. Боратынский и П. А. Плетнев (несколько писем Боратынского) «Русская старина», 1906, июнь, стр. 517.

[18] «Северная пчела», 1840, № 14, 18 января.

[19] Там же, 1842, № 24, 30 января.

[20] «Русская старина», 1909, январь, стр. 181.

[20a] Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПБ, 1899, стр. 161—162.

[21] *М. Лемке, Николаевские жандармы и литература, 1826—1855 гг., изд. 2-е,* Спб., 1909, стр. 141—144.

[22] «Русская старина», 1909, январь, стр. 181—182.

[23] Купреянова, *Боратынский тридцатых* годов, ПСС, т. I. Советский писатель, 1936, стр. CXII-CXIV.

[24] М. Лемке, стр. 553—562.

[25] «Русская старина», там же, стр. 182.

[26] Там же.

[27] «Исторический вестник», 1883, XII, стр. 531.

[28] Подробнее об их взаимоотношениях см. А. Поляков, Н. М. Языков и Е. А. Боратынский, «Литературно-библиографический сборник», под ред. Л. К. Ильинского, Петроград, 1918, стр. 60—71.

[29] Отчет Симбирской архивной комиссии за 1901 год, Симбирск, 1902, стр. 16.

[30] «Русская старина», 1909, январь, стр. 185.

[31] В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. II, М., 1948, стр. 419—420.

[32] Ирина Медведева, Ранний Боратынский, ПСС, Боратынского, т. 1, 1936, стр. I, III.

[33] К. Ф. Ордин, Собрание сочинений по финляндскому вопросу, т. 1, Спб, 1909, стр. 385, т. II, стр. 211.

[34] Там же, т. 1, гл. III, Шведская война при Екатерине Великой, § 1, Поводы к войне, стр. 102—108, 226—228.

К. Ф. Ордин называет еще одного Эссена, полковника шведской службы, участника войны 1808 года. Этот Эссен принял парламентеров, предложивших шведским офицерам от имени главнокомандующего русской армией не оказывать сопротивления русским войскам (т. II, стр. 90). Но этого полковника Н. Коншин не мог назвать «огненным шведом». Скорее всего этот эпитет относится к шведскому эмигранту Эссену, боровшемуся за независимость Финляндии от Швеции.

[35] В. Гаевский, Дельвиг, «Современник», 1853, май, стр. 50.

[36] Боратынский. Полное собрание стихотворений, т. I, 1936, стр. L, III.

[37] Там же, стр. L, II.

Воспоминания о Боратынском

Посвящаю этот рассказ Николаю Михайловичу Языкову, любившему Боратынского.

Н. Коншин.

11 января 1845 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О БОРАТЫНСКОМ ИЛИ ЧЕТЫРЕ ГОДА МОЕЙ ФИНЛЯНДСКОЙ СЛУЖБЫ с 1819 по 1823.

Пробьют урочные часы
И низойдет к брегам Аида
Певец веселья и красы.
Элег. посл. Боратынский.[1]

Мир тебе поэт! Урочные часы твои пробили, но не в лета легкомысленной юности оставил ты нас, когда резвая Муза напевала нам эту веселую — предсмертную песню твою, а в лета мужественного разума, созревший для неба, которым билось твое благородное сердце.

Все мы умрем, но когда открывается могила, для одного из нас, то сердце благоговейно смущается, как бы приветствуя торжественную минуту отходящего брата.

Так, пробираясь впотьмах через опасное место, когда слышим звук падения одного из товарищей, останавливаемся, и открываем глаза во весь объем.

Мир тебе, душа чистая, любящая, страдавшая! Жаль нам довременного отхода твоего! Я, связанный с тобою моими лучшими воспоминаниями, сопутник твоей блестящей юности, четырех тяжелых, но славных лет жизни твоей, все это время топтавший вместе с тобой камни и снега Финляндии, откуда пропел ты своей России свои сладкие песни, я хочу побеседовать о тебе с самим собою, и с немногими из друзей наших еще уцелевшими; я хочу говорить вслух; сограждане знают песни твои, но тебя, как человека едва ли кто знал ближе, чем я.

Я пишу не литературную статью, не критику стихотворений великого таланта; не берусь не за свое; на это есть люди призванные. Уже я прочитал в Северной пчеле, № 183 в статье под названием **«Журнальная всякая всячина»**, известие о смерти Боратынского; и в № 184, **уже без** всякой всячины, опять повторение того же: дело пойдет на лад![2]

Я пишу просто запросто, мои воспоминания об нем, как о друге и сослуживце.

Хочу начать с того, что объясню, какой судьбой мы столкнулись с Боратынским в Финляндии.

Начну с собственного моего формуляра.

В 1811 году я служил прапорщиком в конной артиллерии. Пока продолжалась последняя великая лихорадка Европы с XII до XV года включительно, естественно, продолжались и блистательные надежды всех прапорщиков. Однако же мир Европы застал меня в этом же чине, но

уже больным и сердитым. В 1818 году я вышел в отставку поручиком, и целый год придумывал, что делать с своей персоной. Жар головы простыл, я решился вступить в гражданскую службу; но как неучам чин коллежского асессора не давался, то предварительно решился, поправ всякую гордыню, идти в армейскую пехоту, стоящую в Финляндии (где от скуки множество шло в отставку и потому производство было скорое) и дослужиться во фронте до этого заповедного чина. Поэтому-то плану, сделав в 1819 году первый шаг, я сошелся с Боратынским в **Нейшлотском пехотинском полку**, куда он поступил унтер-офицером из гвардии, вслед за мной[3].

Скучный формуляр мой больше не потревожит читателя. Осенью командир нашего полка, полковник **Лутковский**, получил извещение от родных об определении к нам Боратынского.

Я узнал, что он сын известного благородной добросовестностью генерала Абрама Андреевича Боратынского, человека взысканного особенною милостию императора Павла, что он был сначала в Пажеском корпусе, но отсюда, в числе других напроказивших детей, исключен; кончил образование дома, и принят был рядовым в лейб-егерьский полк.[4]

Я услышал, что в Петербурге первыми литературными трудами он обратил на себя внимание просвещенного круга; что он интересный юноша; имеет воспитание называемое в свете блестящим, милую наружность и доброе сердце.

Я с нетерпением ждал его.

Мы стояли в **Фридрихсгаме.**

Однажды, пришед к полковнику, нахожу у него за обедом новое лицо, брюнета, в черном фраке, бледного, почти бронзового, молчаливого и очень серьезного.

В Финляндии, краю военных, странно встретить русского во фраке, и поэтому я при первой возможности спросил: **что это за чиновник?** Это был Боратынский.**

Легко представить себе положение молодого человека принадлежащего по рождению и связям к так называемой везде высшей аристократии, человека, *получившего личную известность*, и вдруг из круга блестящей столичной молодежи, брошенного в пехотный армейский полк, как на дикий остров. В первом столкновении с отысканными на этом острове людьми, едва ли не был бы кто столь же молчалив и серьезен как Боратынский.

Лутковский нас свел; мы разговорились сначала про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и наконец про литературу. Лицо Боратынского оживлялось поминутно, он обрадовался, что и здесь можно разделить себя, помечтать и поболтать. Часа через два, переговоря и то и другое, мы дружно обнялись. Боратынский преобразился: он сделался мил, блестящ, прекрасен, а я из армейского франтика стал, по словам его, кладом, который [он] для себя нашел.

Верстах в 15 от Фридрихсгама в пустынной каменистой дичи раскинуты казармы Ликоловские, где стояла рота мне данная. Боратынский стал часто навещать меня, и наконец разделял часто пополам свое время между трудами литературными и поездками сюда. Скоро образовались между нами литературная дружба; его муза говорила со мной; он привез мне свой **Добрый совет**, эпикурейскую шутку, оконченную так:

---

* На днях меня посетил один старичок полковник из так называемых Гатчинских, к слову о генерале Боратынском — «говорят, что у него сердце было доброе», — сказал я. — «Не доброе, сударь, — отвечал мне браво ветеран, — а ангельское!».

** Я пишу Боратынский, а не Баратынский; поэт всегда употреблял **о** и горячо всегда отстаивал честь этого **о**.

Будь дружен с Музою моею,
Оставим мудрость мудрецам;
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею.[6]

Связь наша скреплялась с каждым новым свиданием. Скоро Фридрихсгам ему наскучил; я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе и с этих пор в продолжение четырех лет, то есть всей нашей финляндской службы, почти не расставались. Время текло. Милого поэта скоро все узнали и оценили. Вне родины, в безлюдной стороне, общество полков сплочено теснее. Мы имели множество прекрасных товарищей, детей финляндского дворянства, жили дружно, скучали дружно, а по зимам танцевали и играли в бостон: и вдруг в этом кругу явился Боратынский, предшествоваемый прекрасною молвою, сопровождаемый гармоническою Музою, юноша с обольстительной грациозностью, которой неизменял никогда, с незлобием ребенка, с душой благовоспитанной, девственной, и, по положению своему, с правом на участие и покровительство. Наши старшины полюбили его как сына, круг просвещенный, и потому господствовавший, назвал его братом, а толпа, в должном расстоянии, окружила его уважением. Чувство к нему походило на любовь, со всей ее заботливостью, приязнь к поэту перешла даже в ряды полка: усатые служивые с почтительным радушием ему кланялись, не зная ни рода его, ни чина, зная лишь одно, что он нечто, принадлежащее к полковому штабу, и что он **Евгений Абрамович.**

Не умолчу и о себе; мне было в это время лет 25, Боратынскому, как думаю, 21 год. С его приездом в нашу пустыню мне показалось, что ангел слетел с неба, усладить для меня скуку и освежить меня. Сближение с поэтом и его ко мне привязанность украсили для меня Финляндию чем-то поэтическим, казалось, что мертвое это тело получило душу. К счастью, служба от этого пострадать не могла: есть теперь один благородный финляндец, генерал, командующий которой-то из гвардейских бригад; он был в это время моим поручиком, и потому рота наша была одна из первых, несмотря на то, что я глядел на нее сквозь какую-то волшебную призму. Как свежо в сердечной памяти это время. В Финляндии, в этой пустыне, где есть небо, но нет земли, а вместо ее какие-то развалины, утесы и водопады, был уголок, блиставший раем, уголок Европейской образованности и поэзии!

Представьте себе зимнюю ночь 1819 года: вы едете из Фридрихсгама в глубь Финляндии, на дороге горы, пропасть и какие-то странные каменные громады, мимо которых ночью проезжаешь как через деревни, когда-то оставленные и окаменелые. Дорога пустая, ни встречи, ни жизни по сторонам, и вдруг вы усматриваете направо и налево одноэтажные длинные, длинные постройки: это **Ликоловские казармы.**

Одна из них ярко освещена: милости просим остановиться, войти и полюбоваться тому как у нас весело... Вот командир нашего полка **Лутковский,** впоследствии один из храбрых генералов, отличавшихся на штурме Варшавы, в ней и умерший: тип великана, богатыря, готового на приступ как на бал; беззаботного ребенка душой. Между тысячами странностей, он бреет густоволосую голову, и носит турецкую феску, послушайте похождения его молодецкой жизни, романтических рассказов о Молдавии, о Польше, о немцах...[7] Вот полковник **Хлуденев,** бывший позднее командиром Белозерского полка, взлетевший на воздух с одного из редутов Варшавских. Это отпечаток старого русского характера: барин, хлебосол, правдолюб и товарищ; обстрелянный в битвах, строгий по службе, но привлекательный в обращении с молодежью...[8]

Вот блестящий, остроумный **Комнено,** русский потомок греческих императоров, умерший лейб-гренадерским капитаном,[9] моривший со смеху

даже нашего ветерана, графа Штейнгейля, начальника Финляндии...[10] Вот барон **Клеркер**, аристократ края, в то время благовоспитанное дитя, внук шведского генерала Аншеера, отстаивавшего от русских Финляндию...[11]

Здесь огненный швед **Эссен**, служивший потом в Л. Г. Финляндском полку, постоянно рассеянный и углубленный в науку военного искусства,[12] — это три пажа, старые товарищи Боратынского. К этому кругу с гордостью принадлежали все финляндцы, носившие нейшлотские мундиры, **Аммонт**, теперь бригадный генерал, **Рамсай**,[13] нынешний губернатор в Финляндии, **Левстрем**, потом полковник, подле которого убит Хлуденев, **Брун** и многие другие. Кроме их, вы иногда могли встретить здесь и нашего храброго бригадного начальника генерала **Радингера**, старинного гвардейца, память которого будет нам до смерти любезною. Среди всего этого видите ли юношу, грациозного как камергер, высокого, стройного, с открытым большим лбом, через который небрежно перекинуты длинные черные волосы; он один только во фраке посреди мундиров, право на этот запрещенный фрак дало ему несчастье: это Боратынский. Заезжий путешественник удивился бы разнообразию и жизни этого круга друзей, в далекой на севере деревянной казарме, полузанесенной снегами финскими. В этом-то кругу Боратынский читал свою первую финляндскую поэзию.

Я помню один зимний вечер, на дворе **была буря; внимающее** молчание окружало нашего Скальда, когда он, восторженный, читал нам на торжественный распев, по манере изученной у Гнедича, взятой от греков, принятой и Пушкиным и всеми знаменитостями того времени, — когда он пропел нам свой **гимн к Финляндии**:

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его! Поклон
Громадам миру современным!
Подобно им да будет он
Во все годины неизменным и пр.[14]

Этот час памятен. Один из нас тогда заметил, что тени Одена и богатырей его слетели слушать эту песнь и стучали к нам в окна метелью, приветствуя поэта. Скоро за этим мы услышали здесь же послание к Дельвигу, любимцу души его, привязанность к которому питал, как страсть. Прочитанные в уголку снежной Финляндии, громко отразились эхом в П. Бурге четыре последние стиха этого послания, и нашли сочувствие к милому юноше во всем, что чувствовало:

И я, певец утех, пою утрату их,
И вкруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы!

Петербург ему откликнулся и участием и уважением: в ответ на эти первые произведения **С. П. Бургское Вольное Общество Любителей Российской Словесности** прислало поэту диплом на звание **члена** своего[15].

Настала весна. Засыпанный снегами скелет Финляндии встал в каменной торжественности и поразил поэта своим диким великолепием. Снега, обратясь в воду, сбежали быстро в трещины скал; в месяц все было уже сухо, и смолистый лес благоухал на ярком солнце. Мы выступили в лагерь в Вильманстранд, город полный воспоминаний: тут дрались русские при Петре;[16], недалеко от гласиса стоит верста истрелян-

ная пулями старого времени, и как драгоценность охраняемая; самое имя города звучит от какой-то давней были: Will-man Strand, значит дикого человека берег. Боратынскому понравились и оставленные валы крепости, и ее воспоминания, и новизна походной жизни, и картина лагеря — **полотняного города,** выросшего на пустынных берегах Сайма. Он сознавался, что в жизни еще не имел такого поэтического лета, что чувствует себя как бы перенесенным в мир баснословной старины с его колоссальными размерами и силы и страсти.

В Финляндии есть чудо: это водопад **Иматра,** река Вокса, суженная гранитными берегами, с оторванным дном, летит в бездну. После лагеря мы поехали посмотреть этого водопада. Долго стоял поэт над оглушающей пропастью, скрестя руки на груди. Кто не прочитал с наслаждением стихов, выразивших чувство, владевшее им на скалах Иматры:

...Зачем с безумным ожиданьем,
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?..
Как — скованный стою
Над дымной бездною твоею
И мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою![17]

Боратынскому оставалось увидеть открытое море, и потому осенью поехали мы в **Роченсальм.** Погода была ветреная, и когда мы взобрались на прибрежные скалы, море играло во всей красоте своей. **Прекрасно,** воскликнул поэт и умолк. Я оставил его, удалясь в сторону. Он сел при подошве огромной башни маяка и долго любовался на торжественное явление.

Если вы будете в пустынном Роченсальме, подойдите к маяку, поклонитесь месту, где творческая природа, играя необъятной бездной, создавала бурю в груди поэта, стихотворение полное думы и чувства:

...Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геены властелин,
Что по вселенной разлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы данные творенью!
...«Когда придет желанное мгновенье,
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай красой далеких стран
Не очаровано мое воображенье;
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести![18].

Так прошел год со времени приезда к нам поэта. Осеннее ненастье опять усадило нас к домашнему камельку в казармах. Боратынский с нетерпением ожидал зимы, и по первому снегу поехал в отпуск. Я не знавал человека более привязанного к месту своего рождения; он как швейцарец, просто одержим был этой, почти неизвестной у нас болезнью, которую французы называют mal du paus. Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас же оставить службу и поселиться дома.

Стихотворение, написанное им во время осенних дождей и дорожных сборов, посвящено Родине, оно дышит стремлением к жизни уединенной, дельной, человеческой.

«В кругу семьи своей, — говорит он, — я буду издали глядеть на бури света».

Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положите на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

Надобно сказать, что и Боратынский и все мы надеялись, что он не прослужит до офицерства долее года. Участие, какое в нем приняли все власти, с нижних до высших, его благородная чистая жизнь и высокое личное достоинство поддерживали нас в этой вере. Почти убежденный в том, что не воротится в Финляндию, он обратил к ней прощальную песнь свою, грустную, как осеннее небо, над ним тяготевшее:

Прощай отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где мрачен вид нагой природы
Безжизненна весна...
...Где отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой... и пр.[19].

Простясь с Финляндией, окончив песнь к Родине, поэт дождался снега и помчался к своим **домашним иконам**, с тем, чтобы не воротиться. Но судьба решила иначе, отвергнув и упования, и вероятия. Роковой год минул, но Боратынский воротился опять в Финляндию. Отказ о производстве ожесточил его, сколько добрая, младенческая душа его умела роптать, он роптал и досадовал; в стихотворениях того времени отразилось это чувство; так, например:

С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно championванье
В больной душе моей бужу;
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне,
Все мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне![20].

Иль это:

...*Вино и Вакха мы хвалили*;
Но я безрадостно с друзьями радость пил;
Восторги их мне чужды были!
Того не приобресть, что сердцем не дано,
Всесильным собственною силой;
Одну печаль свою, уныние одно,
Способен чувствовать унылой![21]

Наступил 1821 год. По-прежнему провели мы зиму и весело и грустно, но не скажу бесполезно. Уединенье, столь глубокое, как в Финляндии, испытывали мы, отчужденные и по языку и по характеру от жителей страны, оно поучительно; жизнь в самом себе есть жизнь умная.

Между тем и не мечтали, что судьба готовила нам праздник. С одной почтой, ничего не обещавшей, неожиданно получает наша бригада повеленье: выступить в С. П. Бург для занятия караулов.[22] Боратынский об-

радовался этой новости, как дитя, обнимал всех нас с восторгом: нельзя 16-летней провинциалке живей обрадоваться неожиданному приглашению на бал. Память петербургской жизни не переставала волновать его огненную голову: он там оставил первую поэзию своей души, первых друзей, первую литературную известность, общество, кипящее деятельностью на стези ученого труда, все, что греет и движет.

Действительно, годы, мной описываемые, были, можно сказать, первыми годами порыва общего к поэзии. Петербург кипел. Это был прекрасный период умственного пробуждения, предшествованный великими драмами 1812—1814 годов. — *Говорят, что народ, как дитя, прежде* поет и играет, потом учится и, наконец, мыслит мыслью, проистекшей из опыта: пусть он теперь мыслит, да поможет ему бог, тогда он дурачился, пел и играл, как милый ребенок.

Император Александр создал лицей. Лицей развил Пушкина; Пушкин новою звездой вспыхнул на горизонте русском. — Исполин, он прорубил классический лес по всем направлениям, своенравно, через болота и пажити, через палаты и хижины, проложил смелые просеки и открыл прелести и богатства, с классической дороги невиданные.

В 1818 году Боратынский, приехав в П-бург, за год до финляндской службы, случайно поступил в круг лицейских товарищей и друзей Пушкина. Барон Дельвиг, ближайший к Пушкину, судьбой сведен был с будущим певцом Финляндии и первый оценил прекрасную душу и поэтический талант его. Вот что говорил Боратынский о начальном знакомстве с своим Дельвигом:

...Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал: ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой;
Ты ввел меня в семейство добрых Муз!..[23]

Когда мы вступили в П. Бург, Пушкина уже не было здесь: но здесь курился, так сказать, новый фимиам его благоуханной поэзии, **Богатыри, Девы, Вещий Фин,** окруженные обаятельным светом, чаровали воображение. Поэт поднял волшебный светоч и озарил колыбель старины, терема Владимира, неодолимую и любовь и доблесть наших забытых предков. — Сердце еще дрожало наслаждением, и вдруг на горизонте нашем поднялись стремнины **Кавказа,** закурились аулы, на скалах явилась **Дева гор,** тип нетронутой природы, идеал любви Востока, подле нее загнатый судьбой **Пленник** Европеец, плод источенный червем... Виды сменялись, прекрасны и разнообразны; сердце разрывалось и плакало. П. Бургский мир был в каком-то духовном брожении. Все, что ни было блистательного, образованного, мыслящего, сходилось в круги; составлялись **Общества Любителей Словесности,** они поступили под августейший покров монарха, которого вся прекрасная жизнь была народной поэзией. Литературное и аристократическое братство это, окружившее колыбель родного языка, так прекрасно заговорившего, приняло с любовью к себе на грудь юного певца Финляндии. — Лучшее из обществ того времени, по благодетельной цели своей, было общество издателей журнала «Соревнователь просвещения и благотворения». Сюда сносилось на алтырь языка все изящное, рождавшееся из-под пера Русского. Здесь трудолюбивый **Гнедич** читал песни Иллиады; творчественный **Крылов** присылал сюда своих прекрасных дочерей, благородный юноша **Панаев** сладко говорил про золотой век любви и добродетели в своих идилиях. Председателем этого

общества постоянно избираем был **Ф. Н. Глинка**, идеал поэта-христианина, здесь видели ученого **Сенковского**, лишь только возвратившегося с Востока, и тогда много обещавшего, здесь заседал **Плетнев**, которого пламенная душа любила родное слово, как любят отечество, **Никитин**, первый из движетелей на дороге ученого труда и работы; здесь блистали и офицеры Главного штаба, и офицеры гвардии, и юноши первого Лицейского выпуска: вдохновенный младенец душой, поэтический **Дельвиг**, и другие аристократические знаменитости.

В это общество Боратынский поступил заочно членом корреспондентом: 1820, января 26, а в 1821, марта 28, избран общим голосом в **Действительные члены.**

Перемена обстановки, расширенный круг действия, внимание просвещенного класса столицы, заинтересованного судьбой финляндского изгнанника, наконец, юность, легко заносящая, легко обольщаемая, все это смягчило болезнь душевных ран поэта: ропот его умолк, он предался увлечению, и его П-бургские Элегии и Антологические стихотворения суть цветы, которые, кружась по паркету, сеял он по следам своим. Это повесть сердечных похождений юноши, размолвок и любезностей, выходки, мщения, шалости, шутки и пр. — Тон этих пьес Боратынского был благородный, легкий, доступный к сердцу: этим направлением особенно отличаются все стихотворения П-бургского периода. Боратынский первый у нас, и именно первый, заговорил по-русски с каждой благовоспитанной дамой, и обо всякой любезной мелочи паркетного круга. Небрежно, как бы резвясь, он вязал свои букеты, но эта небрежность была дитя художества, **обдуманная необдуманность** кокетки, всегда торжествующая. Под строгим к себе и отчетливым пером его улегались мягко, блистали и нежили слух русские звуки, и аристократически завладели первенством в гостиных и будуарах: бледная французская поэзия скромно пряталась в этих **альбомах** in quavto **наших блистательных дам**, про которые восклицал Пушкин:

...Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Боратынского пером!.. и пр.

Припомним некоторые из его стихотворений этого времени.

Вот, например, что создала в душе его Воейкова, женщина прекрасная и замечательная:

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам,
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной»[24].

Вот шутка, посвященная одной милой беззаботной девочке того времени, теперь уже она почтенная мать семейства:

«Перелетай к веселью от веселья,
Как от цветка бежит к цветку дитя,
Не успевай, за суетой безделья,
Задуматься, подумать и шутя;
Пускай тебя к Кориннам не причислят—

Играй, мой друг, играй и верь мне в том,
Что многие о милой Лизе мыслят,
Когда она не мыслит ни о чем[25].

Вот нечто давно пережившее прекрасное, несчастное существо, имевшее на это право:

Как много ты в немного дней,
Прожить, прочувствовать умела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты,
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как покаянье плачешь ты,
И как безумье ты хохочешь![26]

Вот шутка, поднесенная поэтом одному женскому литературному кружку:

Не трогайте Парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам немного в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли им оставить в забытьи
Для жалких рифм?.. Над рифмами смеются,
Уносят их Летийския струи:
На пальчиках чернила остаются[27].

Вот его ссора:

...Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит,
Душою праздный с давних пор,
Еще твержу любезный вздор,
Еще беру прельщенья меры, —
Как по привычке старых дней,
Он ароматы сжет без веры
Богам, чужим душе своей[28].

Кто не помнит этих прекрасных стихов, посвященных им товарищу, в виде совета:

...Себе звезду избрал ли ты,
В безмолвии ночном?
Их много блещет и горит
На небе голубом...
Не первой вставшей сердце вверь
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови:
Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит
И взору шлет ответный взор
И нежностью горит[29].

* * *

Наконец волшебный пир П. Бургской стоянки кончился. Случайные гости, мы должны были убираться восвояси, пропировав здесь около полутора года. С сердцем разбитым и тоской и чувствами, но не пресыщен-

ным и свежим помаршировал поэт обратно, под знаменами Нейшлотского полка — в глубь Финляндии. Новые квартиры назначены были нам в Роченсальме. В гористых улицах этого города поселились мы на зиму.

Сначала скука его была нестерпима; за ней последовало усилие рассеять себя чем бы то ни было, то есть посещением того и другого, и друга и недруга, пока неотвязная спутница наконец отстанет, после всего уже этого настала жизнь дельная.

Из круга литераторов, из области науки, Боратынский вынес мысль, что надобно посвятить себя **труду художественному**. Доселе мелкие стихотворения были нечто другое, как вздохи сердца, вспышки ума или мысли, словом — излиянием внутренней жизни поэта: даже поэма **Пиры** была слепком с виденного; — отныне он предпринял быть художником, и наступившую зиму посвятил **Эде**[30].

Он не искал предмета для своей поэмы в гостиных большого света, или под пышным небом востока, где все поэзия, все любовь; он сказал пословицу: On broute là où l'on est attaché и списал с натуры то, что под рукой, что не к чести наших нравов существует все чаще, исчезает всего незамеченнее, и что никем не было представлено до него в таком ужасающем свете.

Кого не тронула эта Эда.
«Отца простого дочь простая»,

Когда она говорит постояльцу гусару, избравшему ее в жертвы:

Всей душой тоскуя,
Какое слово дать могу я?
... Сжалься надо мной!
Владею ль я сама собой?
И что я знаю?..

Краски этой поэмы: природа Финляндии, евагелически развиваемый характер ее простых дев, доверчивых как невинность и тип Гусара. Прежде чем приступить к созданию **Эды**, Боратынский, по убеждению Гнедича, решился, напитав перо желчью, писать **сатиры** и написал несколько, наполняя их мелкими литературными личностями того времени. За это он и сам на себя негодовал после. Любящая Муза его не создана была для ссор и укоров, и скорее хотела бы обнять каждого, как брата, нежели свистать, по желчному совету Гнедича[31].

Между тем, со времени возвращения из П. Бурга, Боратынский сделался более нетерпеливым, и наконец, снова начал невыносимо скучать своим положением. Ни участие властей, начиная от Главнокомандовавшего краем до последнего прапорщика в полку, ни литературная известность, дотоле ласкавшая его сердцу, ни дружество всего имеющего душу, ни даже уважение всех просвещенных финляндцев, — ничто не могло возвратить его к прежней беспечности и веселью. Однако же, нестолько желание свободы, как стремление к жизни тихой, семейной отражается в последних финляндских его произведениях. Кто не знает этих стихов Пушкина:

...Как мой задумчивый проказник,
Как Боратынский я твержу:
Нельзя ль найти любви надежной,
Нельзя ль найти подруги нежной?
И ничего не нахожу![32].

Эти два стиха, шутя приведенные Пушкиным, выдернуты им из послания Боратынского ко мне, которое выпишу далее:

....Нельзя ль найти подруги нежной
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чье неизменное участье
Беспечно веровал бы я,
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытия!
Где ж обреченная судьбою?...[33] и пр.

Как это стихотворение, так равно и другие того времени, обличают разочарование в суете, глубоко проникнувшее в душу поэта. Этому разочарованию остался он верен по смерть.

Однообразная жизнь финляндская не представляет богатства картин к описанию. Роченсальмскую зиму провели мы в особом домике, упертом окнами в каменную гору, но все же имели несколько домов, где не скучали. Летом вовсе неожиданно Боратынский обрадован был приездом сюда доброго Дельвига с Павлищевым и ученым Эртелем; несколько дней прожито было поэтически в кругу полкового общества, постоянно неравнодушного к удовольствию своего поэта.

Старые моряки, доживавшие в Роченсальме земной срок, разнообразили также много скучную стоянку в этой крепости; их живые рассказы о морских событиях, чрезвычайно были занимательны. Кроме этого, флотская молодежь, случайно посещавшая здешние воды, возила нас по кораблям и давала в честь поэта пиры, и на якоре и под парусами. Двойное поклонение воздавалось Боратынскому на флоте: старики адмиралы ласкали его, как сына, быв или друзьями или сослуживцами его отцу и дядям; те же из офицеров, кои принадлежали более по образу мыслей и по просвещению к поколению новому, чтили в нем отечественного поэта, имя которого было уже одной из знаменитостей того времени. Воспоминание об этих братских пирушках навело мне на память следующую быль: Однажды Боратынский, быв в гостях, подошел к игорному столу и соблазнился от скуки поставить карту, увлекшись неудачей, ставил он карту за картой, и наконец, проиграл сот восемь рублей. Когда об этом дошло до сведения полковых его товарищей, то это их так взволновало, что едва не побранились на другой день с хозяевами этого вечера.

· Как можно играть с нашим Евгением в серьезную игру, говорили добродушные нейшлотцы, когда он прост в жизни своей, как младенец! Борытанского очень тронуло это участие, он от души смеялся, объяснял, что тут не было никакого обмана, что играл по собственной воле, но, при все этом, не иначе, однако, же успокоил своих ратных друзей, как дав им слово не браться вперед за карты. Я не умолчал об этом потому, что здесь ярко просвечивает и благородство полкового общества, и характер того чувства, которое питали к Боратынскому его сослуживцы.

Вот еще картинка из того времени.

Раз на утреннем ученье, один из молодых капитанов, соперник Боратынского в паркетных финляндских победах, в слепом порыве ревности, принес мне на него жалобу за бальную перед собой неучтивость. Как я ни удивился этой новизне, но не возразил ни слова, и обещал дать удовлетворение. Дитя моего сердца не думал, ни гадал услышать подобную странность. Он весело встретил меня с чаем, и начал было рассказывать свои любезности на вчерашнем бале. — Как громом пораженный остановился он от моих слов! «Вот ты говоришь не роптать!.. Вот мое положе-

ние!.. Что я ему сделал!» — говорил он с жаром. Успокоив его, показав вещь просто и прямо, я сказал: если он поступил с тобой как капитан с унтер-офицером, то и ты поступи с ним как унтер-офицер с капитаном: надень солдатскую шинель и поди просить прощения. Он одобрил мой план и развеселился. Ангелом кротости, покорным к своему положению, он, наш любимец, окруженный и славой и любовью, и дружеством, окруженный участием целого края, побрел в солдатской шинели к Нейшлотскому г. капитану просить прощения. Долго я смотрел на него из окон нашей хижины, и помирал со смеху, как неуклюже перебирался он через каменья в своем странном наряде, которым взбудоражил целую казарму! Я предвидел сцену, какая произойдет из этого: обиженный так растерялся, что не находил долго слов, он сам стал просить прощения у Евгения Абрамовича со слезами на глазах; но за всем этим, будучи благородным в душе человеком, долго совестился своей выходки и бегал от нас.

Таким образом, тихо и бурно, скучно и радостно провели мы, вместе с Боратынским свои четыре армейских года. В конце 1823 года я дослужился до коллежского асессора, а вслед за мной произведен был и Боратынский в прапорщики по представительству графа А. А. Закревского, нового главнокомандующего краем[34]. Получив через это свободу располагать собой, он тотчас же испросил увольнения вовсе от службы, и оставил Финляндию, где и поныне живет об нем воспоминание истинно поэтическое, где его любят, и наверное с горестью соболезнуют теперь утрате общей. Оставляя навсегда Финляндию, с гордостью шел он написать на последнем ее камне, эти прекрасные стихи одной оды своей:

Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком:
Нашел отраду в песнях Муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел,
Облагородить я умел!»[35].

* * *

Вот мои финляндские воспоминания, они оканчиваются нашей разлукой, бывшей 20 лет тому назад, но я прибавлю к ним несколько позднейших.

В 1826 году Боратынский уведомил меня о своей женитьбе: вот несколько слов из его письма, — оно лежит передо мной:

...Ты знаешь, что сердце мое, всегда рвалось к тихой и нравственной жизни. Прежнее мое существование, беспорядочное и своенравное, всегда противоречило и свойствам моим, и мнениям. Наконец я дышу воздухом, мне потребным!..

Эти строки, адресованные к сердцу товарища, я могу уже теперь прочитать каждому, они принадлежат России, как неопровержимое доказательство о высоком духовном благородстве ее поэта.

Кто смеет сказать своему бивачному сослуживцу приведенные выше слова, тому смело можем мы, по достоинству, воздать поклонение. Первое свидание мое с Боратынским после 14-летней разлуки было в Москве, 1837 года[36], а последнее в декабре 1839-го. Я нашел его уже отцом семейства, нашел, что он страшно поседел, но душа его сохранила прежнее созвучье ко всему прекрасному.

В разговоре коснулась как-то речь до чинов.

«Ты знаешь ли, что я теперь? — спросил меня поэт, своим милым голосом, полным по-прежнему незлобия и шутки: **мы с моим чином, составляем славный Александрийский стих:**

«Губернский секретарь Евгений Боратынский».

После военной отставки его урезонили служить, и дали ему чин, но когда пошел присягать, и первый раз увидел своих сослуживцев лицом к лицу, то ему стало, говорит, перед ними совестно, и вышел опять в отставку.

В декабре 1839 я приезжал в Москву, по службе, дни на три[37]. Увидясь со мной, он пригласил меня обедать.—Нельзя,—отвечал я,—дал слово обедать в Английском клубе.—«Ах, так и я обедаю с тобой,—сказал поэт,—ведь я член Английского клуба; это общество, сделало некогда честь Пушкину и мне, избрав нас вместе в свои члены, **в один день».**

Приехав в клуб поранее, мы убрались в уединенную комнатку, и прожили до самого обеда прекраснейших два часа. Вслед за этим я провел у него вечер. Это был вечер, на котором мы простились до свидания там, где позволено надеяться свидания христианину. Мы сидели в кругу его милого семейства, все около стола и вдруг, совсем неожиданно, лампа, перед нами стоявшая, погасла, и оставила нас в темной комнате.

Люди суеверные не разделят ли со мной чувства, что эта догоревшая неожиданно лампа, была для меня голосом неба.

10 октября 1844.
Тверь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Строки для эпиграфа взяты Н. Коншиным из элегии «Элизийские поля», впервые напечатанной в «Полярной звезде» на 1825 год. Его выражение: «Муза напевала нам эту веселую предсмертную песню свою» отвечает общему настроению этой элегии Боратынского, в которой поэт обещает встретить своих друзей, сынов забавы и веселья, радостной чашей даже у врат Айдеса. См. полное собрание стихотворений Е. А. Боратынского, т. 1, под ред. М. Л. Гофмана, СПБ, 1914, стр. 7.

[2] Возмущение автора «Воспоминаний» объясняется, конечно, еще и тем, что в «Северной пчеле», вслед за сообщением о смерти Боратынского в отделе «Журнальная всякая всячина», в № 185 от 12 августа 1844 г., была напечатана статья В. С. Межевича.

[3] Боратынский был произведен в унтер-офицеры 4 января 1820 года и назначен в пехотный Нейшлотский полк, расквартированный в Финляндии, где и пробыл до октября 1825 года, до производства в офицеры. Н. Коншин вынужден был уехать из Финляндии в январе 1824 года, в связи с неприятностями, вызванными сатирическими куплетами, затрагивающими власти.

[4] ... «взысканного особенною милостью императора Павла»... — Абрам Андреевич Боратынский, отец поэта, был сенатором и генерал-адъютантом, близким к Павлу I человеком. Царь пожаловал А. А. Боратынскому 1.000 душ в Тамбовской губернии. Если быстрым было продвижение А. А. Боратынского, то не менее быстро настигла его и опала: 6 сентября 1798 года он был уволен от службы и поселился в своем Тамбовском поместье Мара, где вскоре родился будущий поэт.

[5] Первыми литературными трудами Боратынского были «К Креницыну», «К Дельвигу», «Элегия» и др. В Петербурге он примкнул к «Союзу поэтов», группировавшемуся вокруг Пушкина — Дельвига.

[6] Впервые напечатано в «Соревнователе»., 1821 г., XV, стр. 237, под названием «(Н. М. К.)»

[7] Род Лутковских был связан с Финляндией. Лутковский Илья в 1716 году был пожалован 20 дворами в Суоярви, в Выборгской губернии. В своих записках «Для не-

многих» Н. Коншин называет его «наш добрый полковник Лутковский». Л. был старым знакомым и соседом по имению дяди поэта, адмирала Б. А. Боратынского.

В 1823 году Б. написал послание «Лутковскому». (Влюбился я, полковник мой, в твои военные рассказы!), впервые напечатано в «Полярной звезде» на 1824 г. В. Эртель в «Выписке из бумаг дяди Александра» говорит: «Достойный полковник Л(утковский) старался усладить его разлуку с родными, взял его к себе в дом и служил ему вторым отцом».

В 1824 г. Б., по приезде в Кюмень, жил в доме Лутковского. Матери он писал: «добрый Лутковский и его жена приняли меня со старинной дружбой». Сам Б. писал о Л. и его семье: «Я с ними провел 5 лет, и они всегда относились ко мне ласково, всегда считали в числе лучших друзей. Именно они облегчили мне тягость изгнание».

8 В записках «Для немногих» о нем сказано: «Подполковник Хлуднев, русский благородный человек».

9 Блестящий Комнено... В записках «Для немногих» о нем сказано: «Умный, образованный и шалун Комнено». Комни(е)ны—знатная византийская фамилия, из которой происходили византийские императоры, правявшие в XI — XII вв. Давид К. был казнен турками, после захвата ими Трапезунда. Один из Комненов считался за предка Бонапарта. В России были такие фамилии, выводящие себя от К.

10 Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862) — генерал-губернатор Финляндии, участник войны в 1808 году, против шведов. В 1810 году он заступил на место Барклая-де-Толи. Ш. был губернатором до назначения в 1823 году на эту должность Закревского. См. К. Ф. Ордин. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. т. I. СПБ, 1909, стр. 385, т. II, стр. 211 и др.

11 О нем в записках «Для немногих» сказано: «Чувствительный и благородный барон Клеркер». Н. Коншин называет его внуком шведского генерала, отстаивавшего от русских Финляндию. К. Ф. Ордин в названной выше книге, в главе «Шведская кампания 1808 года», называет Клеркера, командовавшего шведскими войсками в Финляндии и обратившегося к русскому командованию с предложением о перемирии, (т. 1, стр. 332—333, 356).

12 К. Ф. Ордин называет еще одного Эссена, полковника шведской службы, участника войны 1808 года, принявшего парламентеров, предложивших шведским офицерам от имени Главнокомандующего русской армией не оказывать сопротивление (т. II, стр. 90). Но этого полковника Н. Коншин не мог назвать «Огненным шведом». Этот эпитет относится к «шведскому эмигранту» Эссену, боровшемуся за независимость Финляндии от Швеции.

13 Рамзай, майор, близок к Спренгтпортену, принимал участие в событиях, предшествовавших присоединению Финляндии к России (там же, т. 1, стр. 108). Впрочем, здесь же назван и Рамзай, Фридрих-Адольф, поручик (т. II, стр. 66). Последний был членом сейма в Борго в 1809 г., на котором рассматривался вопрос о «коренных» законах Финляндии, т. е. о конституции.

14 Из стихотворения «Финляндия». 10 марта 1820 года оно было прочитано на заседании «Вольного Общества любителей Российской Словесности», напечатано в «Соревнователе» 1820 г., ч. X, а в «Сыне Отечества» — в 1821 г., XXII. После этого произведения за Б. укрепилась слава «Певца Финляндии».

15 Боратынский был принят корреспондентом Вольного общества 26 января 1820 года, а в действительные члены — 28 марта 1821 года.

16 Тут дрались русские при Петре... Взятие города Вильманстранда (Лаппенранта) относится к 1717 г., когда действия русских войск в Северной войне против шведов были перенесены на территорию Финляндии, и русские войска стремились к Гельсингфорсу, изгоняя шведов из Финляндии.

17 Приведенные строки взяты из «Водопада», напечатанного в «Соревнователе», 1821 г., ч. XV. Стихотворение вошло в издание 1827 года, с изменением 2 и 3 строф. Коншин приводит 3-ю, измененную строфу и 4-ю. В последней имеется небольшое разночтение. Во всех изданиях редакция стиха такова: Как **очарованный** стою, у Коншина: Как скованный...

В полном собрании сочинений Боратынского (1936 г.) высказана мысль (т. II,

стр. 227) о том, что «Водопад» написан «под живым впечатлением Финляндской природы, по-видимому, речь идет о «Водопаде» Хэгфорс, от которого крепость Кюмень, где служил Боратынский, была в двух километрах». Дальше приводится описание этого «Водопада». Воспоминания Коншина дают иное освещение истории написания этого произведения. Оно возникло под живым впечатлением от поездки на реку Воксу, к водопаду Иматра.

[18] Отрывок из «Бури» дается Н. Коншиным по изданию 1827 года. В изданиях 1915 и 1936 гг. почему-то отсутствует строка: «Когда придет желанное мгновенье». А между тем она придает более глубокое звучание всей строфе. По словам Н. В. Путяты, стихотворение написано в Гельсингфорсе осенью 1824 года. Комментатором высказано предположение, что «В стихотворении отразилось впечатление от морских бурь во время знаменитого ноябрьского наводнения 1824 г., которое Боратынский видел в Финском заливе» (т. II, стр. 229). Н. Коншин рассказывает о создании «Бури» несколько иное. Если не создание, то замысел этого произведения нужно отнести к осени 1820 года.

[19] Элегия «Отъезд» — впервые в «Соревнователе»..., 1821, ч. XV. Получив отпуск с 11 октября 1820 г. по 1 марта 1821 года, Б. был уверен в том, что не вернется в «Печальную страну» изгнания. Эта уверенность и нашла свое выражение в «Отъезде», принятом П. А. Плетневым в силу этого за «Эпилог» финляндской жизни поэта. (П. А. Плетнев, Соч. и переписка, т. 1, стр. 453).

[20] Из стихотворения «Ропот», являющегося переработкой элегии 1819 г. «Ужели близок час свидания?» Впервые в «Невском зрителе», 1820 г., ч. I. Совпадает с текстом издания 1827 года.

[21] Из элегии «Уныние», впервые напечатанной в «Сыне Отечества», 1821, ч. 67, № III; совпадает с текстом издания 1827 года.

[22] Нейшлотский полк пробыл в Петербурге, неся караульную службу, лето 1821 года, февраль и март 1822 года.

[23] «Дельвигу», впервые в «Полярной звезде» на 1823 г., совпадает с текстом издания 1827 года.

[24] «А. А. Воейковой» написано, по свидетельству Боратынского, не позднее 1825 года.

[25] «В Альбом», 1826 г., напечатано в издании 1827 года.

[26] «К...», написано летом 1825 года, когда поэт был увлечен графиней А. Ф. Закревской, напечатано в издании 1827 г., по нему и приводится. Слова Н. Коншина о Закревской — дополнение к словам Боратынского, Пушкина, характеризующих «Клеопатру Невы».

[27] «Эпиграмма», написана в январе 1826 года, в Москве, где Б. жил, ожидая отставки. В письме к Путяте, в котором было приведено это произведение, Б. писал: «Вот тебе покудова эпиграмма на поэтов прекрасного пола», Коншин уточняет: «Женскому литературному кружку».

[28] «К.—», впервые в «Новостях литературы», 1824 г., кн. IX, с изменениями в издании 1827 г., по тексту последнего и приводится. По-видимому, графине Закревской.

[29] Стихи из произведения «Звездочка», написанного 24 сентября 1824 года.

[30] Это свидетельство Н. Коншина дает возможность отнести начало работы Б. над «Эдой» к зиме 1822 года. Поэма была закончена осенью 1824 года. Следовательно, Б. работал над «Эдой» почти два года.

[31] С Гнедичем Б. познакомился еще в 1820 году. 28 февраля 1821 года Гнедич читал на заседании «Вольного общества любителей Российской Словесности» поэму Боратынского «Пиры». Свое отношение к нему Б. выразил в послании «Н. И. Гнедичу» (1822) и в сатире «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (1823).

В воспоминаниях Н. Коншина важно то, что он подтверждает написание Б. сатир 1821—1823 гг. «по убеждению Гнедича». Общее направление воспоминаний Н. Коншина отвечает направлению последнего послания Боратынского, вызвавшего неодобрительный отзыв Пушкина и Белинского. По-видимому, Н. Коншин имеет здесь в виду

и те сатирические куплеты, затрагивавшие власти и местное общество, которые были написаны вместе с Боратынским и привели к отставке Н. Коншина.

[32] Из послания «Алексееву».

[33] «Н. М. Коншину», 1821 г.

[34] Приказ о производстве Боратынского в прапорщики был подписан 21 апреля 1825 года. В октябре 1825 года поэт приехал в Москву, побывав предварительно в Гельсингфорсе, а 31 января 1826 года вышел в отставку.

[35] Эта строфа взята из «Стансов», напечатанных впервые в «Полярной звезде», на 1825 год. Представляет интерес, что Коншин называет произведение, из которого приводит стихи, одой, что подтверждает предположения П. Филипповича о первоначальном замысле поэта (т. II, 1936, стр. 246). Коншина не было при отъезде Б. из Финляндии, он вынужден был уйти в отставку и уехать из Финляндии в январе 1824 года. Следовательно, в последнем его сообщении о поэте, написавшем на последнем камне Финляндии свои стихи, нужно видеть отзвук поэтической легенды об «изгнаннике молодом», романтически оставляющем «отчизну непогоды», край изгнания.

[36] Н. Коншин был в Москве в январе 1837 года. 27 января в 10 часов утра он был у Пушкина для того, чтобы просить последнего о ходатайстве перед министром просвещения Уваровым о предоставлении ему места директора училищ Тверской губернии, В передней Коншин увидел ящик с пистолетами. Пушкин был взволнован, пытался написать записку, но не мог, обещал это сделать позже. Прощаясь с Коншиным, Пушкин поцеловал его. Это свидание, как узнал позднее Коншин, было незадолго до дуэли. Л. Н. Трефолев. Крылов, Пушкин, Коншин «Русская старина», 1887, VIII, стр. 463.

[37] *Коншин был директором училищ Тверской губернии.* В Тверь он приехал 12 мая 1837 г. В 40-е годы, после неудачи с романом «Граф Обоянский, Смоленск в 1812 г.», жестоко раскритикованным Белинским, Коншин занялся изучением старины. Он подготовил к изданию «Сильвестров Домострой», исследование «О барине и воеводе Михаиле Борисовиче Шеине».

В 1849 г. К. перебрался в Москву, где в 1856 г. уходит в отставку. 8 мая 1859 г. К. получает назначение на место инспектора училищ Западной Сибири, прибывает в Омск, где и умер 31 октября 1859 г.

ХРОНИКА

«ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ КРАЯ»

(Новый отдел в экспозиции музея)

В июле 1958 года в музее был открыт новый отдел — «Дореволюционное прошлое края». Открытие его является важным событием в культурной жизни области. Материалы отдела освещают в тесной связи с историческими событиями в стране историю Ульяновского края с древнейших времен до Февральской революции 1917 г.

Первый раздел новой экспозиции, построенный на материалах археологических экспедиций, отражает жизнь племен, населявших наш край в бронзовом веке. Здесь представлены бронзовые и каменные орудия труда, оружие, глиняная посуда и украшения людей, живших родами на территории края во II тысячелетии до нашей эры. Далее показаны материалы, характеризующие жизнь народов края в составе Волжской Болгарии — феодального государства, возникшего в Среднем Поволжье в X веке.

Изделия из железа, предметы быта, сохранившиеся с того времени зерна сельскохозяйственных культур (пшеница, овес, ячмень, полба) свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства и сельского хозяйства, основывавшегося на плужном земледелии.

В 1236 году Волжская Болгария подверглась татаро-монгольскому нашествию. Наступили тяжкие годы татаро-монгольского ига, иссушавшего, по выражению Маркса, самую душу народа. Об этих событиях напоминают экспонируемые в разделе монгольские серебряные монеты из Сенгилеевского клада. В XV веке на развалинах Болгарского государства возникло Казанское татарское ханство. Народы Среднего Поволжья испытывали жестокий гнет казанских ханов.

В XVI веке в результате побед русского оружия Поволжье вошло в состав Московского государства. Экспонируемая в разделе электрифицированная карта показывает движение русских войск на Казань в 1552 г. через Симбирское Поволжье. Русский народ принес сюда высокую культуру, что способствовало подъему экономики и культурному развитию народов Поволжья.

Одно из центральных мест экспозиции отведено событиям, связанным с основанием в 1648 году Симбирска, постепенным заселением края русскими служилыми людьми. Здесь же экспонируются подлинные грамоты царя Алексея Михайловича на жалованные за государеву службу земли и угодья в Симбирском крае.

Ряд материалов рассказывает о крестьянских войнах под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Экспонируются большое полотно художника Парамонова «Степан Разин под Симбирском», картина художника Макридина «Пугачев в Симбирске», акварели художника Козьмина «Симбирск XVII века» и «Сиротская слобода». Выставлены подлинные гравюры — изображение Симбирска начала XVIII столетия и карта Симбирского наместничества (XVIII в.), оружие и снаряжение воинов того времени —

кремневые ружья и пистолеты, бердыши, кольчуга, а также крепостные, горные и бортовые пушки.

Интересны материалы о жизни края в период Отечественной войны 1812 года: о создании в июле 1812 года в Симбирске ополчения для борьбы с французскими захватчиками, о прославленном герое войны, поэте Денисе Давыдове, поселившемся в селе Верхняя Маза (Радищевский район) с 1829 года; о Петре Никифоровиче Ивашеве — уроженце Симбирска, участнике суворовских походов и Отечественной войны; реликвии тех лет и в том числе шпага, на правой стороне клинка которой написано: «За Бородино, 26 августа 1812 года». Шпага была вручена за храбрость одному из симбирян — участнику Бородинского сражения — П. И. Юрлову.

Отечественная война вызвала движение дворянских революционеров-декабристов, среди которых видную роль играли симбиряне. Сын П. Н. Ивашева Василий Петрович Ивашев родился в 1797 году в с. Ундоры.

Член Южного общества декабристов, он примкнул к его наиболее революционному крылу и был сослан на каторгу в Сибирь на 20 лет. В экспозиции имеются рисунки и фотографии усадьбы Ивашевых в селе Ундоры, зарисовки сибирских видов, сделанных В. П. Ивашевым, фотография Камиллы Петровны Ледантю, которая будучи невестой В. П. Ивашева, последовала за ним из Ундор в далекую Сибирь, где стала его женой. На ее приезд в Сибирь поэт-декабрист Одоевский, бывший на каторге вместе с Ивашевым, откликнулся стихотворением «Далекий путь» («По дороге столбовой колокольчик заливался»).

В этом же разделе экспонированы материалы о Николае Ивановиче. Тургеневе, родившемся в Симбирске в 1789 г. Н. И. Тургенев — член Северного общества декабристов, видный русский экономист. В 1819 году в селе Тургеневе он уничтожил барщину, передал крестьянам землю и выделил деньги для открытия кассы помощи бедствующим крестьянам. В 1824 году он уехал во Францию, где выпустил на французском языке книгу «Россия и русские». За участие в заговоре декабристов Тургенев был заочно приговорен к смертной казни. В экспозиции представлен портрет Тургенева, подлинное предписание селу Тургенево (1819 г.) об открытии кассы помощи крестьянам, высказывания Н. И. Тургенева о жестокостях крепостного права и другие материалы.

Большое внимание в новой экспозиции уделено характеристике экономики края XVIII—XIX веков: усилению эксплуатации крепостных крестьян, развитию промышленности и торговли, возникновению и развитию парового судоходства на Волге. До конца XIX века перемещение грузов по Волге производилось главным образом самосплавом, парусом, веслами, якорем, шестами, с помощью бурлаков, которых насчитывалось в среднем 400 тыс. человек. Значительную роль в перевозке грузов сыграла коноводная «машина» и так называемый кабестанный пароход, модель которого выставлена в отделе. Развитие капитализма требовало улучшения путей сообщения и перехода к более совершенной технике — паровой. Из материалов отдела можно узнать, что первые два парохода на Волге появились в 1816 г.

Большой раздел экспозиции посвящен жизни края в период отмены крепостного права и пореформенного развития. Здесь экспонированы портреты Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, материалы о революционных выступлениях крестьян, о произволе помещиков. Ряд документов этого раздела свидетельствует о глубоком недовольстве крестьян реформой, о волнениях, неповиновении властям, репрессиях самодержавия.

Привлекает внимание подлинная фотография момента закладки в Симбирске 4 июня 1897 года железнодорожного вокзала, а также план г. Симбирска середины XIX века.

В новом отделе широко показаны писатели-симбиряне. Экспонируется портрет Николая Михайловича Языкова — талантливого поэта пушкинской поры, автора прекрасных стихотворений: «Из страны, страны далекой», «Пловец» и др. В экспозиции представлена редкая акварель, изображающая дом Языковых в селе Языкове, куда приезжал в 1833 г. А. С. Пушкин. Отдельный уголок в экспозиции отведен Николаю Михайловичу Карамзину — выдающемуся русскому писателю и историку, уроженцу села Знаменское (ныне с. Карамзинка, Майнского района). Экспонируются также материалы о С. Т. Аксакове, И. И. Дмитриеве, П. В. Анненкове, Д. Д. Минаеве, Д. Н. Садовникове, И. И. Гольц-Миллире, Д. В. Григоровиче, Ю. Д. Беляеве и многих других талантливых поэтах и писателях, связанных с литературной жизнью нашего края.

В экспозиции представлены иллюстративные и документальные материалы об ученых-симбирянах: И. М. Сеченове, Н. А. Умове, С. А. Бутурлине, М. Н. Богданове, П. М. Языкове.

Видное место отведено теме «Народное образование в Симбирской губернии». Здесь подробно освещена деятельность Ильи Николаевича Ульянова — русского педагога-демократа, последователя идей Чернышевского и Добролюбова. Среди экспонатов выделяются подлинная печать инспектора народных училищ Симбирской губернии и книга стихов А. С. Пушкина с автографом И. Н. Ульянова. Фотографиями и документами в экспозиции отражена деятельность учеников и соратников И. Н. Ульянова — В. В. Кашкадамовой, И. Я. Яковлева, И. М. Петяева и других.

Для нового отдела музея институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прислал ценные материалы о жизни в Симбирске семьи Ульяновых, в которой был воспитан величайший вождь трудящихся всего мира, создатель Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин.

Большой раздел экспозиции посвящается жизни края в период 1905—1907 гг. На электрифицированной карте показан огромный размах революционного движения в эти годы. Привлекают внимание посетителей выставленные здесь волнующие экспонаты: ленинская «Искра», отпечатанный на гектографе Устав Симбирской организации РСДРП, большевистская газета «Вперед», произведения В. И. Ленина, изданные в 1905—1906 гг., листовки симбирских большевиков, фотографии членов Симбирской организации РСДРП и другие.

Экспозиция отдела завершается событиями Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. — свержением царизма.

Материалы нового отдела музея свидетельствуют о замечательной истории Ульяновского края — родины В. И. Ленина. Они будут способствовать распространению среди трудящихся области научных знаний о прошлом родного края, сыграют важную роль в воспитании молодого поколения в духе преданности своему народу, любви к социалистической Отчизне.

М. В.

ДОКУМЕНТЫ О СИМБИРСКОМ СОВНАРХОЗЕ

В Государственном архиве Ульяновской области хранятся интересные документальные и уникальные печатные материалы, относящиеся к организации и деятельности Симбирского—Ульяновского губернского Совета народного хозяйства (Губсовнархоза) 1918—1928 гг.,[1] уездных советов народного хозяйства 1918—1922 гг.[2], Ульяновского окружного отдела местного хозяйства 1928—1930 гг.,[3] учреждений народнохозяйственного планирования и учета, в деятельности которых впервые были практически воплощены ленинские принципы управления местным народным хозяйством.

В архивных фондах учреждений, организаций, предприятий, системы Симбирского —Ульяновского Совета народного хозяйства и фондах учреждений народнохозяйственного планирования и учета Симбирской — Ульяновской губернии и округа за 1918—1930 гг. имеются более 16 тысяч дел, из которых непосредственно к деятельности Симбирского губсовнархоза относятся 1556 дел, уездных советов народного хозяйства губернии — 910 дел, Ульяновского окружного отдела местного хозяйства — 276 дел и т. д.

В документах хорошо отражены декреты, постановления, распоряжения СНК РСФСР и СССР, постановления, циркуляры, инструкции, распоряжения, протоколы и журналы заседаний ВСНХ, Народного комиссариата финансов, Поволжского областного совета народного хозяйства, Ульяновского губисполкома Советов, Губсовнархоза и коллегий его отделов, Губернской плановой комиссии, Губернского экономического совещания, Коллегии губернского комиссариата земледелия по организационным, финансовым, производственным, учетно-контрольным вопросам; материалы 1 и 2 губернских съездов директоров промышленных предприятий губернии, а также дела, сведения, доклады, переписка по вопросам организации, восстановления и развития промышленности (в том числе и кустарной) в губернии, о дорожном строительстве, о регистрации уставов трудовых обществ, артелей, союзов потребитель-

---

[1] Симбирский Губсовнархоз образован в конце мая 1918 г. для руководства и управления промышленностью губернии. Губсовнархоз ведал охраной заводов и фабрик, снабжением их сырьем и топливом, изысканием средств для оплаты труда рабочих и другими вопросами работы местных промышленных и торговых предприятий. На первом этапе Симбирский совнархоз руководил осуществлением рабочего контроля над частнокапиталистическими предприятиями, организовывал борьбу с саботажем капиталистов. Налаживал учет и контроль над производством и распределением продуктов.

С изданием в июне 1918 года декрета Совнаркома о национализации крупной промышленности на Совнархозы на местах, в том числе и Симбирский, легла вся работа по национализации и непосредственному управлению национализированными предприятиями. В 1924 г. Губсовнархоз был преобразован в Губернский отдел местного хозяйства, а в 1926 г. снова в Губернский совет народного хозяйства. Ликвидирован в августе 1928 г. в связи с упразднением Ульяновской губернии.

[2] Уездные Советы народного хозяйства организовались в губернии в июле 1918 г., являясь подведомственными органами Губсовнархоза на местах и были в то же время подконтрольными уездным исполнительным комитетам Советов. В 1922 г. Усовнархозы были реорганизованы и вместо них на местах были утверждены особые уполномоченные Губсовнархоза.

[3] Ульяновский окружной отдел местного хозяйства образован в июле 1928 г. для руководства, контроля и управления промышленностью и подведомственными ему торговыми предприятиями. Окрместхоз ликвидирован в августе 1930 г. в связи с упразднением Ульяновского округа.

ских обществ, о военных заказах, о реквизиции и конфискации товаров, строительных и других материалов у торговцев и т. д.

В научно-справочной библиотеке Госархива имеются: Первый декрет о Высшем Совете народного хозяйства, Положение о районных (областных) и местных советах народного хозяйства, Положение об управлении национализированными предприятиями, Положение о Высшем Совете Народного хозяйства Союза ССР, принятые в 1923 и 1929 годах, материалы об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности от 5 января 1932 года и другие. В местных периодических изданиях отражена деятельность Симбирского—Ульяновского совнархоза.

Документы свидетельствуют о том огромном внимании, которое уделяли В. И. Ленин, партия и правительство вопросам хозяйственного строительства с первых дней социалистической революции.

В деятельности нынешнего Ульяновского совнархоза должен быть использован ценный опыт первого Симбирского совнархоза.

Ф. УРАЗМАНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Раздел I. Из истории края

Раздел II. Природа, сельское хозяйство

Раздел III. Краеведческие заметки

Хроника

Техн. редактор Я. М. Хахам.
Корректор З. В. Никитина.

*

3М01527 Заказ 16а
Тираж 2000 экз.
Формат бум. 70×108 1/16.
Объем 25,75 п. л. + 1 вклейка =
35,3 усл. печ. л., 36,2 уч. изд. л.
Сдано в набор 14/VI-1958 г.
Подписано к печати 11/V-1959 г.
Цена 20 руб.

*

Издание Ульяновского областного
Краеведческого музея
Типография облуправления культуры,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

~~кр 2000~~
ир
50-00

К-292

Кр

9 00

50=